Юлиусъ Фрейманъ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

въ

РОССІИ.

ГЕ51
0/0627

Популярный, историческій и теоретическій обзоръ судоустройства и судопроизводства—уголовнаго, гражданскаго, военнаго, морского, коммерческаго и межевого; съ критическимъ анализомъ, по этимъ предметамъ, свода законовъ, судебныхъ уставовъ, новѣйшихъ узаконеній и рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

Умѣть выслушивать рѣзкія истины, высказанныя безъ всякихъ прикрасъ, есть признакъ великаго народа.

Edg. Quinet.

М. А. Филиппова.

Томъ I.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1871

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

84 ГЕ51 Р
ф627

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

250
127751

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

ВЪ

РОССІИ.

ТОМЪ I.

Судоустройство.

Часть первая.

СОДЕРЖАНІЕ и ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ I ТОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ. Недостатки русскаго судоустройства и судопроизводства по своду законовъ. Необходимость судебной реформы. Законодательные труды по этому предмету и пути, избранныя — графомъ Сперанскимъ, редакціонною коммисіею и государственнымъ совѣтомъ. Реформы вызываютъ потребность историческаго, теоретическаго и практическаго обзора русскаго судоустройства и судопроизводства. Система этого обзора и методъ изложенія (стр. 1—24).

ВВЕДЕНІЕ. Законъ общежитія и его прогрессивныя явленія. Государственный союзъ и возникновеніе власти судебной. (стр. 25—38).

ГЛАВА I. Существо власти судебной. Необходимость праваго суда и его условія, какъ предметы теоріи судоустройства и судопроизводства. Возможность послѣдней, какъ науки самостоятельной, въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Практическія и теоретическія причины послѣднихъ. Система судоустройства, какъ науки, и соотношенія ея къ другимъ наукамъ. (стр. 39—47).

ГЛАВА II. Соотношеніе власти судебной къ законодательной и исполнительной, и отдѣленіе ея отъ послѣднихъ. Мнѣнія и постановленія по этому предмету государственнаго совѣта. (стр. 48—57).

ГЛАВА III. Самостоятельность суда и ея условія. Теоретическія соображенія о независимости и несмѣняемости судей. Мнѣнія и законоположенія по этому предмету государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи основныхъ положеній судебной реформы въ Россіи. Замѣчанія, присланныя юристами по предмету самостоятельности суда въ редакціонную коммисію; мнѣнія послѣдней о томъ же предметѣ и ея проэктъ. Мнѣнія объ этомъ проэктѣ государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи уставовъ 20 ноября 1864 года и законоположенія послѣднихъ. Критическій обзоръ судебнаго устава по этому предмету. Критическій взглядъ на разногласіе редакціонной коммисіи о судебныхъ слѣдователяхъ. Мнѣніе и законоположенія государственнаго совѣта о томъ же. (стр. 58—91).

ГЛАВА IV. Теорія выборнаго начала въ отношеніи суда. Періодичность и пожизненность избранія. Историческій очеркъ выборнаго начала въ Россіи и элементовъ, препятствовавшихъ его развитію. Критическая оцѣнка судебной ре-

формы Екатерины II, развитой окончательно въ послѣдующія царствованія и вошедшей въ сводъ законовъ 1832, 1842 и 1857 годовъ. Государственный совѣтъ отвергаетъ принципъ сословности судовъ. Выборное начало по отношенію сельскихъ и волостныхъ судовъ; предметъ вѣдомства, пространство власти и дѣлопроизводство этихъ судовъ; критическая ихъ оцѣнка; мнѣнія о томъ же предметѣ мировыхъ посредниковъ московскаго судебнаго округа. Мировые посредники и предметъ ихъ вѣдомства; мнѣнія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и министерства внутреннихъ дѣлъ по вопросу о передачѣ крестьянскихъ дѣлъ мировымъ судьямъ. О необходимости устранить сословность изъ выборнаго начала; постановленіе по этому предмету основныхъ положеній судебной реформы въ Россіи; присланныя по этому предмету заявленія въ редакціонную коммисію. Критическій обзоръ разногласія редакціонной коммисіи по вопросамъ: 1) о срокѣ, на который должны быть избраны мировые судьи; 2) объ избирательныхъ собраніяхъ для выбора этихъ судей; 3) объ избраніи участковыхъ мировыхъ судей отдѣльно отъ почетныхъ. Мнѣніе государственнаго совѣта по всѣмъ этимъ вопросамъ. Повѣрка губернаторами списковъ мировыхъ судей; критическая оцѣнка замѣчаній, присланныхъ по этому предмету въ редакціонную коммисію. Порядокъ составленія списковъ мировымъ судьямъ; порядокъ ихъ выбора и другія условія, требуемыя для поступленія въ мировые судьи, по положенію 20 ноября 1864 года. Участіе администраціи въ назначеніи судей; теоретическія соображенія по этому предмету; замѣчанія, присланныя по тому же предмету въ редакціонную коммисію; критическій обзоръ разногласія, воспослѣдовавшаго въ редакціонной коммисіи въ отношеніи порядка избранія кандидатовъ: 1) вообще по судебнымъ мѣстамъ; 2) судебныхъ слѣдователей; 3) сенаторовъ и первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ сената; 4) и по вопросу о формѣ самого представленія послѣднихъ на Высочайшее утвержденіе. Мнѣнія по тому же предмету государственнаго совѣта и законоположенія 20 ноября 1864 года. (стр. 92—209).

ГЛАВА V (*). Существенныя условія, требуемыя теоретиками для должности судьи: 1) теоретическое и практическое образованіе судей; 2) приготовленіе судей въ канцеляріяхъ судовъ и на адвокатскомъ поприщѣ. Мнѣнія о послѣднемъ Бентама и мысли его о правѣ судей передавать обязанности свои другому лицу; 3) Можно ли судьѣ, занимать другую общественную должность, быть избирателемъ, представителемъ народа, вести торговлю, занимать профессорскую кафедру. 4) Условія, требуемыя законодательствомъ отъ судей: имѣть извѣстный возрастъ; принадлежать къ тому сословію или обществу, которое его избираетъ и необходимость имѣть недвижимую собственность; не состоять подъ судомъ и слѣдствіемъ, не быть опороченнымъ общественными и судебными приговорами. Заявленія, присланныя нашими юристами въ редакціонную коммисію объ условіяхъ,

---

(*) Эта глава показана въ сочиненіи ошибочно VI-ою; поэтому и дальнѣйшая нумерація невѣрна и каждая дальнѣйшая глава должна считаться однимъ числомъ меньше.

необходимыхъ для занятія судебныхъ должностей. Критическій обзоръ мнѣнія по этому предмету редакціонной коммисіи. Критическій обзоръ разногласія коммисіи по вопросамъ: 1) какія лица могутъ быть назначаемы членами окружного суда; 2) объ опредѣленіи присяжныхъ повѣренныхъ членами окружного суда и кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству; 3) о допущеніи присяжныхъ повѣренныхъ въ члены судебныхъ палатъ; 4) могутъ ли члены судебнаго вѣдомства заниматься торговлею. Критическая оцѣнка мнѣнія коммисіи о недопущеніи въ судейскія должности лицъ, состоящихъ—подъ опекою, подъ слѣдствіемъ или подъ судомъ. О цензѣ, для занятія должности мирового судьи; разногласіе по этому предмету коммисіи; постановленіе государственнаго совѣта и критическая оцѣнка послѣдняго. О соединеніи званія мировыхъ судей съ другими должностями. О предоставленіи, по закону, званія почетныхъ мировыхъ судей нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ. Мнѣнія государственнаго совѣта по предмету условій, требуемыхъ для должности судьи — какъ въ общіе суда, такъ и по мировымъ учрежденіямъ, и постановленія по тому же предмету уставовъ 20 ноября 1864 г., разъясненныхъ другими законоположеніями и рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ сената, съ замѣтками автора. (стр. 210—294).

ГЛАВА VI. Теоретическое основаніе содержанія судовъ. Различныя системы содержанія судей. Историческое развитіе этого вопроса въ нашемъ отечествѣ и система, принятая нашимъ законодательствомъ. Размѣръ вознагражденія судей за ихъ труды. (стр. 205—320).

ГЛАВА VII. Теоретическія основанія судебной каррьеры. Опроверженіе по этой теоріи положеній Бентама. Заявленія нашихъ юристовъ, присланныя въ редакціонную коммисію по этому предмету. Критическій обзоръ разногласія коммисіи по вопросу о награжденіи судей чинами и орденами. Мнѣнія государственнаго совѣта по этимъ предметамъ; законоположенія по нимъ уставовъ 20 ноября 1864 года и критическая ихъ оцѣнка. Крайняя необходимость вообще уничтожить чины по всѣмъ вѣдомствамъ. (стр. 321—349).

ГЛАВА VIII. Объ отвѣтственности судей. Теоретическое основаніе этого предмета. Историческое развитіе этого вопроса въ нашемъ отечествѣ. Теоретическое понятіе о надзорѣ за судебными мѣстами: а) о надзорѣ высшихъ судовъ за низшими; б) о внутреннемъ надзорѣ въ каждомъ мѣстѣ; в) надзоръ прокуратуры и министерства юстиціи. О дисциплинарной отвѣтственности судей и дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Критическій обзоръ разногласія коммисіи по вопросу о распространеніи дисциплинарной отвѣтственности *за всякіе* предосудительные поступки должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства; б) о порядкѣ дисциплинарнаго производства: 1) особенности дисциплинарнаго производства и порядокъ вчинанія этихъ дѣлъ; 2) предварительное обсужденіе дисциплинарныхъ дѣлъ; 3) порядокъ окончательнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дисциплиплинарныхъ дѣлъ; 4) объявленіе рѣшеній, постановленныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ; 5) о жалобахъ на рѣшенія суда, постановленныя въ дисциплинарномъ порядкѣ; 6) о послѣдствіяхъ взысканій и наказаній, понесенныхъ должностными лицами судебнаго вѣдомства. Мнѣніе государственнаго совѣта по предмету надзора и отвѣтственности судей; постановленія о томъ же судебныхъ уставовъ и критическій ихъ обзоръ. (стр. 350—423).

ГЛАВА IX. Единство судебной власти. Теоретическое развитіе этого вопроса. I Теоретическое значеніе военныхъ и морскихъ судовъ; историческое ихъ происхожденіе и развитіе этихъ учрежденій въ Россіи. Критическій обзоръ: а) проекта редакціонной коммисіи морского и военнаго вѣдомствъ объ основныхъ положеніяхъ военно-морскаго судебнаго устава; б) заключенія по тому же предмету соединеннаго присутствія морскаго и военнаго генералъ-аудиторіатовъ; в) всеподданнѣйшаго доклада о томъ же министерства; г) всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденнаго комитета для составленія военно-морскаго устава. Окончательное заключеніе о военно-морскомъ судѣ. II. Гражданскіе и уголовные суды. Теоретическое ихъ значеніе. Историческій очеркъ судебной власти и судебныхъ учрежденій въ Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до судебной реформы 20 ноября 1864 года, съ критическимъ анализомъ всѣхъ проэктовъ, имѣвшихся въ виду правительствомъ въ предшествовавшія два царствованія. (стр. 424—622).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

НАРОДНЫЙ НАШЪ УЧИТЕЛЬ КРЫЛОВЪ, ВЪ БАСНѢ СВОЕЙ: «ВОЛЧІЙ СУДЪ», РѢШЕНІЕ ВОЛКА ОБЛЕКАЕТЪ ВЪ СЛѢДУЮЩУЮ ФОРМУЛУ:

Понеже куръ овца сильнѣй
И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла;
А посему, судя по совѣсти моей,
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла.
Вслѣдствіе сего: казнить овцу,
Мясо въ судъ отдать,
А шкуру дать истцу...

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся народная критика нашего отжитаго судоустройства и судопроизводства. Это не каррикатура, не жолчная сатира, а горькая дѣйствительность, которая бичевала наше общество почти съ того времени, какъ пало удѣльно-вѣчевое начало. Неправосудіе—хроническая болѣзнь наша издавна: изъ юридическихъ актовъ и лѣтописей, дошедшихъ къ намъ, видно, что постоянныя жалобы народа были на неправосудіе и на неправый судъ. Въ басни своей Крыловъ изобразилъ не только составъ этого суда, но и элементы судейскихъ рѣшеній, съ судейскою діалектикою; также софистическую форму рѣшеній и побужденія, которыя движутъ совѣстью нашего судьи... Волкъ обви-

няетъ овцу, судя *по совѣсти своей* и, постановивши рѣшеніе, лишаетъ истца почти всего достоянья: казнитъ овцу, мясо беретъ въ свою пользу, а шкуру отдаетъ истцу... Что Крыловъ нашелъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ нашемъ процессѣ, тоже самое находили наши предки за нѣсколько вѣковъ прежде него и тоже самое нашли наши современники и наша юридическая литература въ началѣ нынѣшняго царствованія. Общество вопіяло отъ неправосудія, отъ медленности процесса, отъ лихоимства судей, отъ дороговизны веденія тяжбы. Всѣ прежніе законы наши вели къ тому, чтобы истецъ не могъ получить удовлетворенія. Все обращалось въ пользу отвѣтчика: и самое положеніе его въ судѣ, и судебные сроки, и многочисленность инстанцій и даже самое лихоимство судей. Разительно развито это мною въ «Современникѣ» [1]) и «Русскомъ Словѣ», и данныя, представленныя мною въ картинѣ несистематичности, неточности, неясности, обветшалости и дороговизны нашего судоустройства и судопроизводства, — ясно доказываютъ, что формы эти отжили свое время. Независимо же отъ устарѣлости судебныхъ формъ, само общество и законодательство давно стремились выйти на какую нибудь болѣе правильную дорогу; а потому давно возникла необходимость и потребность радикальной судебной реформы. Эти причины вызвали нашу юридическую литературу къ разработкѣ многихъ сторонъ по этимъ предметамъ; но къ сожалѣнію они не создали ничего полнаго и систематическаго. Многіе полагаютъ, что причиною было то, что настоящія реформы застали насъ въ расплохъ: въ насъ оказался не только недостатокъ теоретическихъ и историческихъ познаній, но намъ пришлось даже взяться за изученіе своего отечественнаго законодательства, въ его практическомъ примѣненіи. Вотъ почему, не имѣя ничего своего, наша литератур азаговорила о томъ, чтобы принять и усвоить себѣ заграничныя учрежденія: кто требовалъ судоустройства и судопроизводства французскія, кто — англійскія, кто — прусскія и т. д. Только не многіе изъ нашихъ юристовъ, въ началѣ нашего юридическаго возрожденія [2]), поняли, что прежде, нежели скинуть свою одежду и надѣть новую, нужно разсмотрѣть свою старую и объиз-

---

[1]) См. Современникъ за 1859 г. рядъ моихъ статей: «взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство». Также см. статью мою «о судебной статистикѣ» — Русское Слово за 1864 г. Много изъ положеній этихъ статей вошли и въ настоящее сочиненіе.

[2]) Это время начинается собственно съ 1858 и 1859 годовъ.

слѣдовать: что намъ не достаетъ и что намъ нужно. Правда, при этомъ многіе впадали въ другую крайность: они предлагали такія же мѣры, какія употребилъ Тришка съ своимъ кафтаномъ; но нѣкоторыя проэктировали очень дѣльно: снаряженія особой экспедиціи, для разъизслѣдованія практическаго примѣненія нашего закона въ судахъ [1]).

Такую же шаткость и неопредѣленность въ усвоеніи себѣ пути къ судебной реформѣ мы видимъ и въ законодательствѣ нашемъ. Необходимость преобразованія судебной части въ Россіи уже давно обратила на себя вниманіе высшаго правительства [2]). Начало работъ по этому важному предмету относится еще къ прошедшему столѣтію, отъ котораго остались, по свидѣтельству Государственнаго Совѣта, донынѣ памятники, заключающіе въ себѣ зародышъ предположеній настоящаго времени. Еще въ то время возникла мысль о необходимости пересмотрѣть въ этомъ отношеніи уложеніе Алексѣя Михайловича, согласовавъ его съ условіями тогдашняго быта... Но важный шагъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи въ 1843 году: второе отдѣленіе собственной канцеляріи Государя Императора потребовало, чрезъ Министерство Юстиціи, замѣчаній всѣхъ губернскихъ прокуроровъ и всѣхъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ на дѣйствующіе законы гражданскаго права и судопроизводства—гражданскаго и уголовнаго; а также приступило къ составленію сборника судебныхъ сенатскихъ рѣшеній [3]), со времени изданія свода законовъ.

Собирая такимъ образомъ всѣ необходимые для совершенія этого труда матерьялы, 2-е отдѣленіе обработало, вчернѣ, первоначальный проэктъ устава уголовнаго судопроизводства, въ 1848 году, когда, въ Бозѣ почившему, Государю Императору Николаю I угодно было повелѣть: заняться также изготовленіемъ и проэкта устава гражданскаго судопроизводства. Съ этого времени во 2-мъ отдѣленіи начался рядъ, усиленныхъ, работъ по уголовному и по гражданскому судопроизводству, а также и по судоустройству, и возникла многосложная переписка съ Министерствомъ Юстиціи *о необходимости преобразованія у насъ судебной части, согласно съ условіями развитія нашего отечества.*

---

[1]) См. статью: «реформа гражданскаго судоустройства» Побѣдоносцева, Русскій Вѣстникъ за 1859 г.

[2]) См. Журналъ соединенныхъ департаментовъ Государ. Совѣта 1862 года, № 65.

[3]) Жаль, что весь этотъ матерьялъ не распубликованъ. Сборникъ же Сенатскихъ рѣшеній отпечатанъ.

Приступая, въ 1849 году, къ составленію проэкта гражданскаго судопроизводства, второе отдѣленіе признало необходимымъ разрѣшить прежде всего вопросъ: *слѣдуетъ ли составить полный проэктъ судопроизводства гражданскаго, или же ограничиться нѣкоторыми частными исправленіями.*

Главноуправлявшій этимъ отдѣленіемъ, статсъ-секретарь графъ Блудовъ, представилъ соображенія свои по этому предмету Императору Николаю I, и Его Величество повелѣть соизволилъ: *не ограничиваясь отдѣльными исправленіями нѣкоторыхъ правилъ судопроизводства* гражданскаго, *составить проэктъ новаго устава.*

Для разрѣшенія этого же вопроса въ отношеніи къ уголовному судопроизводству, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ, въ 1850 году, подъ предсѣдательствомъ главноуправлявшаго 2-мъ отдѣленіемъ, изъ чиновъ Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, особый комитетъ, который призналъ: *что всякое частное измѣненіе законовъ уголовнаго судопроизводства не только неудобно, но и невозможно.*

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе 7 лѣтъ едва былъ рѣшенъ вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли ограничиваться чисто палеативными мѣрами или же произвести радикальную реформу по суду и расправѣ; но когда вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу второго, то съ одной стороны принятый въ законодательныхъ трудахъ порядокъ работъ, съ другой стороны различіе взглядовъ главныхъ законодательныхъ дѣятелей на реформу,—замедлилъ надолго преобразованіе судебной части.

Нужно при этомъ отдать полную справедливость памяти графа Блудова: по показанію государственнаго совѣта [1]), этотъ замѣчательный государственный дѣятель внесъ по 1857 годъ 14 проэктовъ, обнимавшихъ все судоустройство и судопроизводство, *совокупность которыхъ послужила матеріяломъ основнымъ положеніямъ судебной реформы въ Россіи.*

Медленность въ работахъ графа Блудова объясняется только тѣмъ, что взглядъ его на судебную реформу расходился съ взглядомъ графа Панина: первый старался проводить въ законодательство теоретическія начала, польза которыхъ доказана наукою; второй указывалъ и на необходимость строгаго согласованія ихъ съ практическими условіями нашей жизни.

Этотъ антагонизмъ главныхъ законодательныхъ дѣятелей по судебной

---

[1]) Журн. соединенныхъ депар. Госуд. Совѣт., 1862 г. № 65, стр. 4.

реформѣ былъ причиною, что проэктъ гражданскаго судопроизводства, внесенный графомъ Блудовымъ въ государственный совѣтъ еще въ 1852 году, былъ въ томъ же году подвергнутъ разсмотрѣнію особаго комитета и окончательно внесенъ въ тосударственный совѣтъ только въ 1857 году.

Въ 1859 году проэктъ этотъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ государственнымъ совѣтомъ и разосланъ многимъ юристамъ, для полученія ихъ отзывовъ. По этому поводу было получено много замѣчаній, изъ которыхъ государственный совѣтъ составилъ своды, которые были отпечатаны и разосланы всѣмъ членамъ государственнаго совѣта.

Такой же порядокъ государственный совѣтъ принялъ и въ отношеніи другихъ проэктовъ графа Блудова; но работы его были пріостановлены, сначала, по случаю разсмотрѣнія проэктовъ объ улучшеніи земской полиціи и объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей; потомъ, по случаю разсмотрѣнія положеній по крестьянскому дѣлу и вновь возобновлены уже въ мартѣ 1861 года.

Въ этомъ положеніи законодательныхъ трудовъ Государю Императору, по возвращеніи изъ путешествія въ Крымъ, благоугодно было, въ октябрѣ 1861 года, Высочайше повелѣть: представить свѣдѣнія о ходѣ всѣхъ вообще работъ государственнаго совѣта по судопроизводству и судоустройству. Разсмотрѣвъ представленныя, вслѣдствіе этого, свѣдѣнія, Его Императорское Величество, признавая необходимымъ принять всѣ возможныя мѣры къ скорому и правильному окончанію дѣла, изволилъ найти, *что, прежде внесенія въ общее собраніе государственнаго совѣта всѣхъ положеній и уставовъ по сему предмету, было бы полезно обсудить и разрѣшить главныя основныя начала судоустройства и судопроизводства.*

При этомъ, въ Высочайшемъ указѣ 23 октября 1861 года, былъ указанъ и тотъ сокращенный путь, по которому законодательные труды по этимъ предметамъ должны были, безъ замедленія, получить правильный ходъ...

Юристамъ [1]), которымъ поручено было составленіе исторической записки объ основныхъ положеніяхъ судоустройства и судопроизводства, предстояли 4 пути: 1) историческій; 2) иностранныя учрежденія; 3) теоретическій; 4) теоретико-практическій.

---

[1]) Въ работахъ государственной канцеляріи принимали участіе: Плавскій, Буцковскій, Стояновскій, С. Зарудный, Даневскій, Шубинъ, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Вилинбаховъ.

Первый путь есть путь графа Сперанскаго [1])... «Все богатство наше въ этомъ родѣ *(т. е. учрежденій)*, говорилъ Сперанскій—въ одной изъ своихъ записокъ,—есть наше собственное, благопріобрѣтенное, и справедливѣе можно дивиться тому — что мы имѣемъ, нежели тому, чего у насъ нѣтъ».

И дѣйствительно, кто знаетъ исторію законодательныхъ трудовъ до 1826 года [2]), тотъ можетъ не только не согласиться съ Сперанскимъ, но можетъ удивиться: какимъ образомъ этотъ великій общественный нашъ дѣятель, имѣя такое ясное сознаніе о многомъ, могъ прійти въ своихъ выводахъ къ пути историческому. О послѣднемъ обстоятельствѣ баронъ Корфъ, панегиристъ Сперанскаго, говоритъ: «новый Сперанскій, Сперанскій 1826 года, поставилъ себѣ задачею уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе, и отъ теоріи, отъ чисто книжнаго, онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы».

Мы бы согласились съ этими словами барона Корфа, если бы нашъ историческій путь имѣлъ какія нибудь твердыя теоретическія или практическія начала, а то со временъ уложенія Алексѣя Михайловича въ наше законодательство вошли самые разнообразные элементы. Самъ Сперанскій не могъ этого не замѣтить и онъ, въ одной изъ своихъ записокъ, говоритъ: «есть въ сводахъ два рода противорѣчій, одни въ законахъ, а другія въ самыхъ началахъ, на коихъ они основаны, такъ напр.: много было противорѣчій въ законахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ сводѣ всѣ они составлены и подведены подъ одинъ послѣдній законъ—единообразный; но въ основаніи сего самаго закона есть противорѣчіе: дозволено выкупить проданное родовое имѣніе въ теченіе двухъ лѣтъ; между тѣмъ другимъ закономъ, каждому купившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно; по-сему закону—купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его и, слѣдовательно, выкупъ сдѣлать невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ — о дозволеніи выкупа и закономъ — о дозволеніи залога, — есть очевидное противорѣчіе. Но противорѣчія сего никакимъ

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго СПб. 1861 г. Соч. барона Корфа. Т. II, стр. 310—326.

[2]) Въ этомъ году начались труды Сперанскаго по состаалению Свода законовъ.

сводомъ исправить невозможно: «*тутъ самый законъ требуетъ исправленія*». Картину такихъ противорѣчій представляетъ весь сводъ уголовнаго и гражданскаго судоустройства и судопроизводства, и если бы Сперанскій вполнѣ созналъ это, то онъ долженъ былъ бы прійти къ заключенію, что сводъ законовъ долженъ былъ послужить лишь матерьяломъ, чтобы повести законодательство къ радикальной реформѣ всего общественнаго строя. Польза свода въ этомъ отношеніи несомнѣнна; но несомнѣнно также и то, *что самый сводъ не могъ и не долженъ былъ получить обязательной силы закона.*

Мы согласны съ Бэкономъ, что при накопленіи законовъ, въ извѣстномъ государствѣ, рождается необходимость кодификаціи и что «такой подвигъ вполнѣ достоинъ названія героическаго, а тотъ, кто совершилъ его — имени законодателя и реформатора;» но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно забывать, что Бэконъ говорилъ о законахъ, выработанныхъ опытомъ и историческою жизнію цѣлаго народа; или другими словами: Бэконъ говорилъ это о законахъ Англіи, которые до настоящаго времени страдаютъ недостаткомъ систематическаго свода [1]). До 1746 года законовѣдѣніе было въ Англіи наукою рѣшительно недоступною для большинства жителей. Парламентскіе акты и статуты не опубликовались и не обнародовались и были доступны только оффиціальнымъ лицамъ; и только съ конца прошлаго вѣка законодательные документы стали доступнѣе. Сначала 1100 копій парламентскихъ актовъ были отпечатаны для членовъ обѣихъ палатъ, для чиновниковъ правительства и частныхъ управленій. Въ 1846 году насчитывали уже, въ разныхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстахъ, 5,500 копій парламентскихъ актовъ, имѣющихъ предметомъ общія законодательныя мѣры и 300 актовъ—мѣстныхъ и личныхъ привиллегій. Но этими юридическими аргументами англійская практика не ограничивается: со временъ Эдуарда II вошло въ обычай печатать всѣ *казусныя* судебныя рѣшенія, имѣвшія также силу закона. Обязанность печатать эти рѣшенія лежала на протонотаріусахъ судовъ, которые были первыми клерками суда и которые получали отъ короны жалованье. Печатанье этихъ рѣшеній производилось ежегодно и самыя рѣшенія назывались «year books» [2]). Со временъ Генриха VIII обязанность изданія этихъ рѣшеній возлагалась не на спеціальныхъ лицъ, а на вре-

---

[1]) См. Droit anglais par Laya. Paris. 1846. T. II.

[2]) См. Юридическій словарь при сочиненіи Laya «droit anglais.»

менныхъ. Эти то послѣднія—частью по торопливости и нерадѣнію, частью по ошибкѣ или невѣжеству, впадали въ повторенія однихъ и тѣхъ же фактовъ; или же опубликовали противорѣчащія другъ другу рѣшенія. Собранія *казуальныхъ* рѣшеній составляли въ 1846 году болѣе 200 томовъ; въ настоящее время число это почти утроилось. Единственный законодательный сборникъ въ Англіи есть такъ называемый Viner's Abriggement; но къ нему присчитывается ужъ болѣе 100 томовъ продолженій, и англійскіе юристы полагаютъ, что если этотъ сборникъ будетъ увеличиваться въ прежней прогрессіи, то къ концу нынѣшняго столѣтія онъ достигнетъ 1400 томовъ продолженій... Естественно, что при такой обстановкѣ не удивительно, что Бэконъ, уважавшій учрежденія и законы своего отечества, видя въ нихъ источникъ свободы и славы націи, не могъ не пожелать лишь одного—составленія систематическаго свода отечественному законодательству. Желаніе законное и патріотическое [1]). Но не во всѣхъ государствахъ слагаются же законы такъ естественно и на жизненной почвѣ, какъ это дѣлается въ Англіи. Поэтому не во всѣхъ государствахъ *сводъ* есть крайняя общественная цѣль и поэтому же мы совершенно согласны съ тѣми обвиненіями, которымъ подвергся трудъ Сперанскаго. Обвиненія эти, по свидѣтельству барона Корфа, заключались въ слѣдующемъ: 1) что слѣдовало бы лучше остановиться на полномъ собраніи законовъ, съ хорошими къ нему указателями, а *систематизацію* помѣщенныхъ въ немъ законовъ предоставить тому времени, когда болѣе распространится и созрѣетъ юридическое наше образованіе; 2) что сводъ, держась правила—лишь сохранять *букву* закона, независимо отъ его разума, т. е., составлять свой текстъ изъ однихъ предписаній, съ исключеніемъ всѣхъ собственно вступительныхъ частей указовъ, именно: *исторіи дѣла, поводовъ* и *разсужденій*,—отнялъ тѣмъ и у буквы настоящее ея значеніе или придалъ ей, мѣстами, противоположный цѣли законодателя смыслъ и изъ частныхъ случаевъ или изъ постановленій, имѣвшихъ въ виду временную и преходящую потребность, извлекъ общія правила, не всегда удобопримѣнимыя; 3) что сводъ не вездѣ представляетъ даже и вѣрное извлеченіе изъ существующихъ законовъ, такъ какъ многія статьи его образованы лишь посредствомъ наведеній, весьма натянутыхъ и произвольныхъ; 4) что онъ искуственно воззвалъ къ жизни не

---

[1]) Но, какъ мы ниже увидимъ, желаніе это не всегда удобопримѣнимо къ практикѣ.

одно обветшавшее постановленіе, которое, при общемъ движеніи законодательства, само собою должно было исчезнуть и уступить мѣсто другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ дѣйствительности; 5) что редакторы свода, будучи стѣснены буквою и считая сохраняющимъ свою силу все то, что не было впослѣдствіи *прямо* отмѣнено, часто не имѣли возможности уничтожить противорѣчія между разновременными законами, которые и вводили въ сводъ всѣ постановленія наравнѣ, не смотря на эпоху ихъ изданія; нѣкоторыя же изъ этихъ противорѣчій выступили въ немъ еще явственнѣе и породили еще большую сбивчивость и недоумѣніе въ исполнителяхъ; 6) что общая система свода, въ которомъ часто разъедины предметы, имѣющіе, по сродству своему, неразрывную связь, и наоборотъ,—не всегда правильна и многія его части составляютъ напрасныя повторенія; 7) что въ сводѣ весьма чувствителенъ недостатокъ общихъ, коренныхъ, началъ того, что слѣдовало бы выразить въ немногихъ, такъ сказать, заповѣдяхъ; и, напротивъ, онъ наполненъ множествомъ частныхъ, мелкихъ регламентацій и формъ, подверженныхъ ежедневной перемѣнѣ и нигдѣ, въ другихъ странахъ, не вводимыхъ въ составъ постановленій общихъ; 8) и за законъ, говорили многіе, каждый членъ государства долженъ быть готовъ умереть; но возможно ли и справедливо ли требовать или ожидать чего нибудь подобнаго при нашемъ безконечномъ сводѣ, съ его 42000 (впослѣдствіи разросшимися до 80000) статьями»? Съ другой стороны въ упрекъ своду ставили еще и то, что имъ какъ бы устранялась *необходимость новыхъ уложеній*, потому что работа приготовительная, болѣе литературная, чѣмъ учено-зрѣлая, прикрываясь обольстительною правильностью внѣшней формы и, съ раздѣленіемъ ея на томы, книги, раздѣлы, главы и проч. получила обманчивый видъ систематическаго кодекса: тогда какъ въ истинномъ кодексѣ каждое слово и даже мѣсто, имъ занимаемое, должны быть строго опредѣлены и взвѣшены, по собственному сознанію творца свода, утверждавшаго: «что въ законахъ управленія первое дѣло — знать *силу словъ*».

Всѣхъ этихъ обвиненій Баронъ Корфъ не опровергаетъ да и ихъ опровергнуть мудрено, такъ какъ они совершеннѣйшая правда; [1]) но онъ, въ оправданіе Сперанскаго, приводитъ слѣдующія избитыя мѣста, которыя мы, съ 1832 года по 1859, слышали съ любой кафедры русскаго права, а именно: 1) что только съ эпохи свода изученіе нашего права перешло

[1]) И доказывается всѣмъ настоящимъ моимъ сочиненіемъ.

въ область *возможнаго* и первое основное правило всякаго общественнаго устройства: «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона», перестало,—по крайней мѣрѣ несравненно больше чѣмъ прежде,—казаться насмѣшкою, какою оно, до тѣхъ поръ, безусловно представлялось; 2) что сводъ если совсѣмъ еще не истребилъ, то значительно уменьшилъ ту вредную, замкнутую касту нашихъ доморощенныхъ рабулистовъ — тѣхъ «подъячихъ», которые до него одни считались какъ-бы привеллигированными обладателями таинствъ безчисленныхъ нашихъ указовъ; 3) что своею схемою, заимствованною у науки, онъ ввелъ въ наши идеи болѣе порядка, логики и анализа и хотя сколько нибудь водворилъ ихъ и между нашими законниками и такъ называемыми дѣльцами, даже между малоприготовленными; 4) что обнаруженіе, посредствомъ свода, существующихъ въ законахъ противорѣчій и пробѣловъ, должно ему ставить не въ вину, а въ большую заслугу, такъ какъ этимъ самымъ открылось и болѣе удобства и болѣе настоятельности къ исправленіямъ; 5) что самъ Сперанскій никогда не считалъ свода трудомъ окончательнымъ: онъ смотрѣлъ на него только какъ на очищенный матерьялъ для составленія впослѣдствіи настоящихъ уложеній, невозможныхъ или, по крайней мѣрѣ, очень ненадежныхъ, безъ предварительнаго полнаго обозрѣнія того, что уже есть.

Оправданія барона Корфа можно было бы допустить въ томъ лишь случаѣ, если бы сводъ былъ произведеніемъ *литературнымъ*, а не памятникомъ законодательнымъ. Въ смыслѣ литературномъ сводъ есть произведеніе геніальное—произведеніе, обнимающее всецѣло не только законодательные памятники двухъ вѣковъ, но всю народную жизнь: собрать все это въ одно цѣлое, систематическое и распредѣлить все по научному методу,—трудъ, заслуживающій уваженія и благодарности потомства не только по своей громадности, но и по талантливости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ соглашаясь съ Вольтеромъ: что on ne doit aux morts que la verité,—слова поставленныя барономъ Корфомъ эпиграфомъ своего сочиненія о Сперанскомъ, — мы не можемъ не сказать, что польза свода, о которой говоритъ баронъ Корфъ далеко ниже тѣхъ неудобствъ, которые возникли для народной жизни съ его изданіемъ:

1) Вовсе не сводъ, а общій ходъ цивилизаціи и просвѣщенія, свободныя учрежденія, наука и литература формируютъ юридическое образованіе народа... Англія, въ которой такъ сложно и запутано законодательство, служитъ яснымъ тому доказательствомъ: общая развитость націи, самоуправленіе, популизированіе науки и литературы—развили тамъ яс-

ныя юридическія понятія, уяснили народу правоотношенія, вдохнули въ него чувство законности и возвели народъ на такую высокую степень, что на континентѣ едва-ли кто нибудь можетъ съ нимъ сравниться въ этомъ отношеніи. Коль скоро въ народѣ появляется ясное сознаніе необходимости изученія отечественнаго права, для него тогда нѣтъ преградъ къ достиженію цѣли. Потребность эта вызываетъ тысячи сочиненій по предметамъ законовѣдѣнія: составляются частные своды, открываются юридическіе журналы и газеты, пишутся трактаты не только объ общихъ началахъ, но и о второстепенныхъ предметахъ права; открываются высшія, среднія и низшія юридическія учебныя заведенія; организуются юридическія теоретическія и практическія общества; образуются ассоціаціи, имѣющія цѣлью распространеніе юридическихъ знаній и популизированіе положеній законовѣдѣнія. Словомъ, съ появленіемъ потребности юридическаго образованія, цѣлое общество, цѣлый народъ въ совокупности работаетъ надъ правомъ и вырабатываетъ народную науку, которая, подъ вліяніемъ общаго прогресса идей, облекается въ вѣчное, неизмѣнное, начало истины. Явленіе это мы видимъ и въ Англіи и въ Америкѣ и оно доказываетъ, что сводъ не есть крайняя цѣль законодательства. И какую пользу принесъ намъ нашъ сводъ? Говорятъ, что съ его изданіемъ изученіе нашего права перешло въ область возможнаго... Но развѣ это изученіе было бы недоступно при существованіи одного только *полнаго собранія законовъ*? Въ послѣднемъ случаѣ и самое изученіе могло бы быть болѣе основательно, такъ какъ требовало историческаго, философскаго и практическаго изученія предмета; между тѣмъ какъ сводъ представляетъ одни догматы, безъ поясненія ихъ теоретическихъ началъ. Правда, что при такомъ способѣ изученія права оно сдѣлалось бы недоступнымъ многимъ но если бы трудъ сличенія постановленій, указовъ, уставовъ и статутовъ былъ предоставленъ частной, а незаконодательной дѣятельности, то у насъ давнымъ—давно образовалась бы народная юридическая наука и втеченіи 30 лѣтъ составилось бы безчисленное множество частныхъ сводовъ и руководствъ. Послѣднее обстоятельство дѣйствовало бы весьма благодѣтельно на весь юридическій бытъ народа: научное движеніе, вызванное народною потребностью, всегда благотворно. Общество невольно, для охраненія собственныхъ правъ своихъ, вынуждено бы было серьозно взглянуть на науку законовѣдѣнія и именно ея *таинственность*, какъ выражается баронъ Корфъ, вынудила бы насъ съ жадностью читать и ловить каждую здравую юридическую идею, проведенную въ жизнь литературою. Но

когда сводъ облекъ все положительное право въ догматическую форму — чтожъ оставалось наукѣ и литературѣ? Критика основныхъ положеній свода было ей недоступно, а напротивъ того всѣ свои положенія она должна была почерпнуть *изъ свода*. Осталась за тѣмъ одна историческая часть и надъ нею-то работала наука—въ университетахъ и литература—въ обществѣ, болѣе 30 лѣтъ. Что же могла самая жизнь выиграть отъ этого двойственнаго направленія законовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ? Сводъ законовъ обратили въ теорію, одну изъ самыхъ несовершеннѣйшихъ—неимѣвшей ни системы, ни новизны началъ: и такимъ образомъ общество не въ состояніи было усвоить себѣ истиннаго идеала права и вносило къ себѣ давно отжитыя положенія, давно отжитыя понятія. Историческій же нашъ грубый матерьялъ дѣйствительно овладѣлъ надолго всею ученою юридическою дѣятельностью; но онъ расплодилъ только довольно обширную литературу, неимѣвшую ничего общаго ни съ настоящею жизнію народа, ни съ его прогрессивнымъ движеніемъ. Такимъ образомъ и юридическая наука и юридическая литература были поставлены сводомъ законовъ въ безвыходное положеніе: первая замкнута была въ схемахъ положительнаго права; вторая—прикована была къ исторической почвѣ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ не было ни капли того, что называется народной наукой: положительное право состояло отчасти изъ отжитыхъ формъ; отчасти изъ началъ, введенныхъ Сперанскимъ и поэтому оно не только не могло называться идеаломъ права, но не могло даже назваться, въ строгомъ смыслѣ, истинно историческимъ твореніемъ народа. Литература же могла изслѣдовать только историческіе факты, безъ всякаго соотношенія ихъ къ настоящимъ потребностямъ общества. Изъ этого видно, что въ теченіи 30 лѣтъ сводъ затормозилъ юридическую науку и литературу въ нашемъ отечествѣ, и не будь этого обстоятельства, мы бы давно вышли на какой нибудь болѣе правильный путь. Извѣстно, что литература порождаетъ критику; а послѣдняя направляетъ умы общественныхъ дѣятелей къ анализу, полемикѣ и чрезъ это—къ уясненію обществу научныхъ началъ. То же самое было бы и съ нашей юридической наукой: не будь оффиціальнаго свода, крайняя потребность изученія отечественнаго законодательства дала бы давнымъ—давно огромный толчокъ ученой юридической дѣятельности; у насъ вѣроятно появились бы не только частные своды, но и огромная литература, которая имѣла бы предметомъ—теоретическое и догматическое изложеніе разныхъ отдѣловъ права. Что до изданія свода дѣйствительно было такое литературное движеніе и что у насъ стала сильно

развиваться юридическая литература, то это доказывается появленіемъ въ свѣтъ, замѣчательныхъ въ свое время, трудовъ: «*Указателя россійскихъ законовъ*»—*Максимовича* въ 1811 году; съ такимъ же характеромъ, появилось твореніе *Гарюшкина*; въ 1815 г.—*Зернова*; въ томъ же году—*Кукольника* и въ 1826 г.—*Васильева*. Послѣдній, кромѣ того, еще въ 1823 году, издалъ въ Москвѣ свое «Разсужденіе о законахъ государства россійскаго». Объ общественномъ призрѣніи въ Россіи, появилось въ— 1818 г., Соч. Стога. Въ 1814 г.—право завѣщательное, *Меркулова*; о наслѣдствѣ—Хавскаго;—въ 1817—1823; о помѣстьяхъ—Тимковскаго— въ 1811 и множество другихъ сочиненій, имѣвшихъ предметомъ своимъ не только историческое и теоретическое, но и практическое изложеніе предмета. Съ изданіемъ же свода много ли сочиненій вышло съ такимъ характеромъ? Еще можно насчитать довольно значительное число сборниковъ, въ видѣ сокращенныхъ сводовъ: но теоретическихъ сочиненій появлялось очень мало: такъ что можно положительно сказать, что теоретической литературы права у насъ небыло. Послѣднее обстоятелъство весьма вредно дѣйствовало не только на университеты, но и на общество, такъ какъ единственнымъ теоретическимъ руководствомъ становился несовершенный нашъ сводъ законовъ.

2) Въ заслугу своду приписываютъ, что изученіе законодательства сдѣлалось доступнымъ всякому и что оно уничтожило касту нашихъ доморощенныхъ рабулистовъ, «подъячихъ». Но правда-ли то, что это—заслуга? Не обратились ли бы эти подъячіе съ теченіемъ времени, съ ходомъ прогресса и съ развитіемъ университетской науки и училища правовѣденія, въ образованную корпорацію юристовъ, которые бы именно, чрезъ *таинственность* законовѣдѣнія, двинули бы науку впередъ. А то съ изданіемъ свода у насъ установилось въ обществѣ понятіе, что изученіе законовъ— вещь пустая: стоитъ только купить сводъ законовъ и отыскивать подлежащія статьи, когда къ тому представится случай. Я имѣлъ предъ глазами два слѣдующихъ факта: въ Одессѣ, былъ у меня портной, итальянецъ, который едва умѣлъ читать по русски. Однажды я встрѣчаю его на улицѣ и объявляю ему, что иду въ его магазинъ сдѣлать заказъ. Я уже закрылъ мой магазинъ, (отвѣтилъ онъ на какомъ-то не русскомъ, а варварскомъ языкѣ), и теперь занимаюсь адвокатствомъ.

— Какъ, воскликнулъ я съ удивленіемъ, да вы едва говорите порусски.

— Ничего, отвѣтилъ онъ, купилъ 10 и 11 томы—и адвокатъ.

Съ этими словами онъ исчезъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ, въ уѣздномъ судѣ и полиціи, *обработываетъ* хорошо свои дѣла.

Другой случай былъ еще курьознѣе: одинъ библіотекарь, имѣвшій порученія II отдѣленія кан. Государя Императора на распродажу свода законовъ, сдѣлался поэтому случаю адвокатомъ, не умѣя, конечно, написать двухъ строкъ правильно.

Слѣдовательно, скажете вы, быть можетъ, что вообще облегчительное изученіе законодательства есть зло. Нисколько, напротивъ того облегчительное изученіе права есть первая потребность общества, такъ какъ первая обязанность каждаго гражданина—знать законъ страны. Но мы высказываемъ вовсе другую мысль, а именно: что при несовершенствѣ судоустройства, какъ это было у насъ, дѣйствительно облегчительное изученіе права по несовершенному своду порождало зло. Мы поэтому не удивляемся словамъ одного нашего государственнаго человѣка, который сказалъ барону Корфу: «до свода путаница нашихъ безчисленныхъ указовъ и незнаніе точной ихъ силы останавливали подчиненныя мѣста входить съ представленіями о дополненіи и измѣненіи закона, изъ страха, что отъ нихъ укрылся какой нибудь существующій указъ и что имъ дадутъ нагоняя за запрещенное «испрашиваніе указа на указъ»; теперь же, когда все сдѣлалось извѣстнымъ и яснымъ, всякій низшій чиновникъ сталъ всезнающимъ умникомъ и подобныхъ представленій не оберешься».

Слова эти вызываютъ негодованіе Барона Корфа, который отзывается объ нихъ съ ироніею; но однакоже правдивость ихъ доказывается: 1) тѣмъ, что въ теченіе 38-лѣтняго существованія свода онъ ежегодно вызываетъ по толстому тому продолженія и уже два раза преобразовывался въ новые своды 1842 и 1857 годовъ; 2) что каждый новый законъ возникаетъ по частному дѣлу, разсмотрѣнному Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, которое поэтому составляетъ: или отмѣну прежняго, или толкованіе, или поясненіе или простое исключеніе изъ свода статьи закона; 3) что судебная и административная практика до того обременяютъ въ теченіе 38 лѣтъ законодательное сословіе разными законодательными вопросами, что, для ихъ разрѣшенія постоянно усиленно работаютъ департаментъ законовъ государственнаго совѣта, 2-ое отдѣленіе собственной канцеляріи Государя Императора и министерства; 4) что со смертію Сперанскаго тотъ часъ же возникъ вопросъ о судебной реформѣ и всякое исправленіе его уставовъ, съ послѣдующими даже толкованіями, измѣненіями, дополненіями и поясненіями, оказались и

признаны *невозможными*; 5) что государственный совѣтъ, разсматривая «основныя положенія судебной реформы въ Россіи» нашолъ между прочимъ также всѣ эти недостатки; 6) наконецъ должны мы въ заключеніе спросить: послѣ 38-лѣтней, усиленной дѣятельности и труда государственнаго совѣта, 2-го отдѣленія собственной канцеляріи Государя Императора—надъ исправленіемъ пробѣловъ и неясностей свода, надъ исключеніемъ и переработкою его матерьяла, — что же вышло?... Что 38-лѣтняя законодательная дѣятельность убѣдила только всѣхъ, что приходится все сломать и строить новое зданіе? Настоящему царствованію выпала эта доля и мы уже въ настоящее время видимъ, что немного осталось и немного остается изъ свода Сперанскаго и *новый* сводъ, если онъ только появится у насъ, будетъ настолько же похожъ на прежній—какъ, напримѣръ, китайскіе уставы на русскіе...

Мы поэтому удивляемся—какъ люди умные не хотятъ понять, что, при хорошемъ судоустройствѣ, дайте какіе угодно несовершенные законы и *судебная практика* или, лучше сказать, сама жизнь выработаетъ изъ нихъ разумные обычаи, разумное пониманіе и толкованіе закона. Доказала это Англія: она дорожитъ каждымъ своимъ старымъ пергаментомъ, въ которомъ заключается какая нибудь привиллегія или постановленіе, которое было хорошо лѣтъ за 300 тому назадъ... Но дорожитъ она этою привиллегіею потому, что разумная практика выработала изъ нея новый источникъ, на которомъ зиждется свобода англійской націи и ея самоуправленія. Но дайте *несовершенный* законъ, или несовершенный сводъ *несовершенному* судоустройству, и онъ обращается въ источникъ злоупотребленій. Каждый судъ толкуетъ законъ по своему, каждый *новый* составъ суда производитъ въ этомъ отношеніи видоизмѣненія; ни судьи, ни адвокаты, ни тяжущіеся не знаютъ на чемъ остановиться; незнаютъ гдѣ предѣлъ права и произвола; съ одною и тою же почтою нерѣдко одно и тоже судебное мѣсто, изъ разныхъ отдѣленій главнаго суда, получаетъ разнорѣчивые указы [1]); судьи, чиновники, адвокаты и тяжущіяся стороны обращаютъ неясность и противорѣчія законовъ въ орудіе злоупотребленій; словомъ, въ государствѣ при такомъ порядкѣ—полнѣйшее отсутствіе правосудія.

Не знаемъ кто тотъ государственный человѣкъ, который изрекъ замѣ-

---

[1]) Автору неоднократно это случалось встрѣчать на практикѣ.

чательныя слова барону Корфу; они же хотя кратки, но въ нихъ самая правильная оцѣнка своду, какъ памятнику—законодательному. Послѣдній дѣйствительно уничтожилъ прежнихъ подъячихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣсто адвокатуры, у насъ установилось просто — *факторство* въ судахъ... Адвокатами становились тѣ, которые умѣли обработывать дѣлишки. Въ провинціяхъ же писаніемъ прошеній занимались выгнанные изъ службы ябедники, отрѣшенные отъ должностей за взятки чиновники; все же это зло возникло отъ того, что сводъ далъ возможность каждому неглупому человѣку познакомиться съ неясностями и противорѣчіями законовъ; далъ возможность каждому обращать то и другое въ орудіе своихъ цѣлей. Если бы со сводомъ организована была по крайней мѣрѣ правильная адвокатура и если бы судебныя рѣшенія общаго собранія сената обращены бы были въ законъ и опубликовались для общаго руководства,—то неровности свода изгладились бы, такъ какъ сенатъ направилъ бы всѣ судебныя мѣста имперіи къ единообразному пониманію законовъ; а адвокатура уравновѣсила бы всѣ стороны въ судѣ. Но сводъ обращалъ судебныя постановленія и, такъ называемые, сепаратные указы въ законъ только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они состоялись и это правило не дало возможности развиваться у насъ ни разумной судебной практикѣ, ни единству дѣйствій всѣхъ судебныхъ мѣстъ, ни даже единству дѣйствія одного и того же суда; а плачевное состояніе нашей адвокатуры и состава судовъ—довершали дѣло неправосудія. Произошло же все это все-таки по винѣ самаго Сперанскаго: до изданія свода судебная практика имѣла у насъ важное значеніе въ судахъ, такъ что можно сказать, что она была равносильна закону и судебныя мѣста, почти во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, ссылались на разные указы и прежніе примѣры; это придавало единство—если не всѣмъ судебнымъ мѣстамъ имперіи, то, по крайней мѣрѣ, судамъ извѣстныхъ мѣстностей... Но Сперанскій ревниво отстаивалъ свой сводъ, а потому ввелъ въ него правила, уничтожавшія не только судебную практику, но уничтожавшія даже обязательность законовъ, такъ какъ на окончательные, или на вступившіе въ законную силу, приговоры и рѣшенія—нетолько высшихъ, но и низшихъ судовъ—жалобы (апелляціонныя и частныя) были запрещены... И не правъ-ли былъ поэтому «*государственный человѣкъ*», который, по словамъ Барона Корфа, не умѣлъ хвалить ни одного порядочнаго дѣла, когда онъ выразился, что у насъ каждый мелкій чиновникъ ломалъ законъ. Чѣмъ же виноватъ былъ этотъ государственный человѣкъ, когда на практикѣ это было дѣйствительно такъ...

Вотъ почему мы должны съ полною откровенностью сказать: что такъ какъ до свода литература была на пути къ самостоятельной теоретической и практической разработкѣ права; равнымъ образомъ такъ какъ судебная практика была на пути къ разумной разработкѣ началъ судебнаго порядка,—а потому если бы послѣдняя получила, въ свое время, разумное направленіе, то вѣрнѣе всего, что мы не были бы поставлены въ такое безвыходное положеніе, въ какомъ мы находились въ послѣднее время. Поэтому мы вправѣ сказать, что быть не можетъ, чтобы, при усиленной разработкѣ литературою и судами права, расбулисты, о которыхъ съ презрѣніемъ отзывается баронъ Корфъ, не преобразовались въ ученыхъ юристовъ. Послѣднее должно было возникнуть ужъ потому, что ясное пониманіе и знаніе законовъ сдѣлалось бы доступнымъ только однимъ ученымъ, и къ нимъ то бросилось бы все общество и поэтому сама потребность времени и обстоятельствъ вызвали бы общество обращаться къ *ученымъ* юридическимъ дѣятелямъ. Сводъ же законовъ обращалъ его ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, кто только умѣлъ читать и писать по русски и кто только пожелалъ наименовать себя адвокатомъ. Такимъ образомъ уничтоженіе *рабулистовъ* не есть вовсе особенная услуга отечеству сводомъ: такъ какъ оно вызвало еще большее зло и большія злоупотребленія. 3) Остальныя же добрыя качества, приписываемыя своду барономъ Корфомъ, а именно: что онъ очистилъ, будто бы, юридическія понятія общества и надѣлилъ его теоретическими познаніями,—болѣе воображаемы, чѣмъ дѣйствительны. Самъ біографъ Сперанскаго сознается, что въ сводѣ нѣтъ ни единства системы, ни единства началъ;—поэтому какъ же онъ могъ вызвать въ читателѣ ясный идеалъ о предметѣ права?... Напротивъ того, въ научномъ отношеніи, сводъ приносилъ больше зла, чѣмъ пользы: теорія должна была основываться на началахъ свода, поэтому всѣ положенія ея были натянуты и неестественны; и этимъ недостаткомъ страдала сильно даже наша университетская наука. Для убѣжденія своего, каждый можетъ заглянуть въ университетскія лекціи съ 1832 года по 1859 годъ. Иногда даже и смѣшно и жалко было видѣть—какъ многіе наши почтенные литераторы подводили научныя начала подъ *сочиненныя* Сперанскимъ положенія. Для любопытныхъ рекомендую въ этомъ отношеніи отпечатанный курсъ уголовнаго судопроизводства Баршева, бывшаго профессора уголовнаго права С. Петербургскаго университета [1]). 4) Но

[1]) По которому авторъ имѣлъ честь готовиться къ экзамену въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Библиотека В. И. Ленина
124751

всѣ вышеприведенныя обвиненія противу свода Сперанскаго, скажете вы, быть можетъ, относятся вообще ко всѣмъ несовершеннымъ сводамъ и будь онъ лучше обработанъ, то онъ не подвергся бы основательнымъ обвиненіямъ; но изъ всего этого не видно причины — почему тутъ виноватъ историческій путь. Если это скажетъ читатель, то онъ будетъ совершенно правъ: всѣ обвиненія противъ Сперанскаго касаются только несовершенства самаго текста... Но дѣло въ томъ, что историческій путь хорошъ только въ судебной практикѣ... Судебная практика очищаетъ самыя несовершенныя учрежденія устава и закона, потому что въ ней принимаетъ тогда участіе весь народъ, со всѣми его интелектуальными силами, со всѣми его потребностями, складомъ ума и силою генія. При судебной практикѣ работаетъ все разумное въ народѣ въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ или цѣлыхъ вѣковъ и такой путь самый разумный: онъ выработываетъ тогда въ обществѣ здравыя юридическія понятія, установляетъ формы, вытекающія изъ духа народа... Но путь историческій становится крайне несовершеннымъ, когда трудъ этотъ принимаетъ на себя законодательство... Судебная практика сама собою, съ теченіемъ времени, отбрасываетъ всѣ устарѣлыя формы и съ каждымъ вѣкомъ, видоизмѣняясь, приближается все болѣе и болѣе къ идеалу права. Законодательная же власть при составленіи свода не можетъ стать въ такое благопріятное положеніе: болѣе или менѣе она стоитъ при этомъ подъ вліяніемъ временныхъ и субъективныхъ взглядовъ ея дѣятелей и она сама собою не можетъ ни изчерпнуть всѣхъ нуждъ и потребностей народа, ни усвоенныхъ имъ юридическихъ понятій. Поэтому, что, быть можетъ, практика и жизнь давно отбросили, то можетъ попасть въ сводъ; и обратно: что разумная практика приняла, то сводъ можетъ отбросить, какъ вещь, не получившую утвержденія законодательной власти. Отъ этого неминуемо долженъ произойти разадъ между сводомъ и жизнію. И Сперанскій не избѣгаетъ этого упрека: что не имѣло подтвержденіемъ своимъ Высочайшаго указа — было имъ отброшено; и обратно: что хотя заключалось въ указахъ, но было отвергнуто давно жизнію — получило въ немъ вновь силу закона. Все же, повторяемъ, мы этимъ нисколько не отвергаемъ геніальности творца свода, а указываемъ только: что своды, основанные на исторической почвѣ, имѣютъ всегда подобные недостатки; вотъ почему Англія и воздерживается отъ составленія оффиціальнаго свода своимъ узаконеніямъ, такъ какъ подобный сводъ прямо разошелся бы съ практикою и жизнію. Но скажете вы, если сводовъ нельзя составлять и

основывать на историческихъ актахъ, то почему же должно это относиться также къ новой судебной реформѣ? Если старыя начала были хороши, то почему ихъ не принять вновь или не дать имъ дальнѣйшаго развитія? И нельзя же не упрекнуть Сперанскаго въ томъ, что онъ напрасно принялъ въ составленіи свода правило: вводить въ него все то изъ уложенія Алексѣя Михайловича, что не отмѣнено было новымъ указомъ или уставомъ; не было ли бы лучше, если бы онъ сталъ на исторической почвѣ и выбравъ изъ нея все хорошое, далъ бы ему дальнѣйшее развитіе, а все дурное отбросилъ бы?... Но прежде нежели на это отвѣчать, нужно стать на точку зрѣнія Сперанскаго: этому геніальному дѣятелю не трудно было понять, что реформами Петра и Екатерины Россія была оторвана отъ своей древней жизни, что формы послѣдней не удовлетворяли ужъ и допетровской Руси: что доказывается не только лѣтописными сказаніями и юридическими актами, но формальными заявленіями народа при двухъ московскихъ пожарахъ—при Иванѣ IV и при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Самое уложеніе послѣдняго было вызвано крайнею недостаточностью нашихъ общественныхъ формъ, а послѣдующія затѣмъ новоуказныя статьи, регламенты и уставы Петра также были вызваны *крайнею* необходимостью. Поэтому возвратиться къ допетровской Руси онъ не могъ... Отъ того-то едва ли было бы лучше, если бы Сперанскій—ставъ на историческую почву, привелъ бы только всѣ древне-судебныя формы въ одну систему... Вышла бы еще большая чепуха, чѣмъ при сводѣ узаконеній послѣ-петровской Руси... Первыя потеряли уже свой практическій смыслъ и многія изъ нихъ до настоящаго времени даже не уяснены наукою и если въ настоящее время, при полувѣковой работѣ юридической нашей науки, историческій путь нашъ находится еще не въ завидномъ положеніи, то какъ же можно было требовать отъ Сперанскаго, чтобы онъ сталъ на эту шаткую и неопредѣленную почву? Съ другой стороны—какъ бы не произвольны и ненаціональны ни были реформы Петра и Екатерины, заимствованныя ими изъ Швеціи и Германіи, но все же они окончательно оторвали народъ отъ древней его жизни и внесли въ послѣднюю особыя, своеобразныя, начала; поэтому ближе всего Сперанскому пришлось стать на почву послѣднихъ. Но ставъ на этой почвѣ, Сперанскій не могъ подвергнуть критикѣ и анализу все законодательство или, другими словами — сдѣлаться реформаторомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Уполномочіе его заключалось лишь въ томъ, чтобы составить сводъ узаконеній, а не *сочинить* новыя. Исполнилъ свою миссію Сперанскій добросовѣстно и

честно, и ошибка его заключалась только въ томъ, что своду дана обязательная сила. Историческій путь Сперанскаго былъ, такимъ образомъ, какъ мы видѣли, крайне несовершененъ: реформы Петра и Екатерины были основаны не на національныхъ элементахъ; а дальнѣйшее законодательное развитіе ихъ главныхъ началъ вытекало также не столько изъ разумной практики, какъ изъ личныхъ взглядовъ администраторовъ, нерѣдко преслѣдовавшихъ ненаціональныя цѣли. Слѣдовательно и зданіе, построенное на такихъ началахъ, никакъ не могло назваться ни народнымъ, ни разумнымъ. Народъ не удовлетворяли эти формы, потому что онѣ были, по большей части, чужды ему и не вытекали изъ его потребностей. Разуму не удовлетворяли онѣ потому, что не имѣли въ своихъ основахъ ни строгой системы, ни строго опредѣленныхъ началъ, ни справедливости, ни практической истины. Дѣло было однакожъ сдѣлано: сводъ законовъ Россійской Имперіи, 1832 года, далъ намъ судоустройство и судопроизводство, основанныя на послѣ-петровскихъ законоположеніяхъ; дальнѣйшее же законодательство было только уясненіемъ и толкованіемъ того, что было внесено въ этотъ сводъ. Но какъ приняла жизнь эти мѣры и какія послѣдствія имѣло дальнѣйшее ихъ развитіе, будетъ указано подробно въ настоящемъ сочиненіи: въ государствѣ у насъ было полнѣйшее отсутствіе правосудія. И такъ, горькій многолѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что историческая почва для насъ никуда не годится и что намъ необходима коренная реформа, которая бы обновила нашъ общественный строй. Реформа эта оказалась тѣмъ настоятельнѣе, что, съ положеніемъ 19 февраля 1861 года, падало торжественно крѣпостное право; затѣмъ приступлено къ реформѣ городскихъ обществъ и земства. Измѣнивши такимъ образомъ главныя начала нашей общественной жизни, нужно было, согласно съ этимъ, вмѣстѣ и измѣнить все судоустройство и судопроизводство, т. е., создать юстицію на началахъ, которыя бы удовлетворяли настоящему положенію нашего общества. Но какъ было поступить въ этомъ случаѣ? Исторія наша не представляла къ тому плодотворнаго матерьяла; слѣдовательно пришлось обратиться или къ примѣру другихъ народовъ, или къ наукѣ, или къ практикѣ. Иностранныя учрежденія не могли представить намъ ничего систематическаго и полнаго по этому предмету: во всѣхъ государствахъ Европы слагались судебныя учрежденія такъ своеобразно, что мудрено было бы выбрать намъ что нибудь цѣлое оттуда и пересадить его на свою почву, такъ какъ учрежденія эти возникали или вслѣдствіе случайныхъ и временныхъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, или вызваны національ-

ными особенностями. Юридическая наука не представляетъ также ничего непреложнаго, такъ какъ она признаетъ вліяніе экономическаго, нравственнаго и религіознаго быта народовъ на право; поэтому намъ пришлось итти путемъ теоретико-практическимъ, т. е., изучить недостатки своего судоустройства и судопроизводства; объизслѣдовать наши потребности, хозяйственныя и матерьяльныя средства; и согласно этимъ даннымъ построить зданіе на теоретическихъ началахъ, выработаныхъ наукою. И дѣйствительно: только на народной почвѣ и на національныхъ элементахъ можно воздвигнутъ намъ нѣчто прочное и полезное; только при этихъ условіяхъ можно надѣяться, что нашъ судъ сдѣлается правымъ и прямымъ выраженіемъ нашихъ общественныхъ потребностей.

Такъ поступило отчасти и наше законодательство: оно вначалѣ, согласно выработаннымъ наукою юридическимъ началамъ и согласно заявленію нашей литературы, начертило общія начала судебной реформы; причемъ предметъ этотъ обсуживался въ совокупности съ народными потребностями и съ его средствами—нравственными и экономическими. Таковъ былъ характеръ проэктовъ графа Блудова, таковы же были начала, выраженныя юристами при государственной канцеляріи; таковы же тѣ начала, которыя выработаны государственнымъ совѣтомъ въ 1862 году, при обсужденіи основныхъ началъ судебной реформы, вошедшихъ въ Высочайше утвержденное положеніе 29 сентября того же года. Редакціонной же коммисіи, при государственной канцеляріи, поручено было составленіе самыхъ проэктовъ судоустройства и судопроизводства, на началахъ, выраженныхъ въ положеніи о судебной реформѣ. Коммисія эта исполнила честно, добросовѣстно и талантливо свое дѣло: она призывала къ содѣйствію, въ трудахъ своихъ, всѣхъ юристовъ Россіи, всѣхъ мыслящихъ нашихъ людей и, при ихъ участіи, разсмотрѣны не только всѣ судебныя учрежденія Европы, все—что писалось по предмету суда дѣльнаго заграницею и въ Россіи; но ни одно замѣчаніе, сдѣланное коммисіи, не осталось не разсмотрѣннымъ. Задача и труды коммисіи были громадны: однихъ замѣчаній, присланныхъ къ ней и бывшихъ въ ея разсмотрѣніи отпечатано 6 томовъ; кромѣ того ею же издано нѣсколько брошюръ, по отдѣльнымъ судебнымъ вопросамъ и нѣсколько томовъ, заключающихъ въ себѣ матерьялъ по судоустройству. Не смотря однакожъ на обиліе этого матерьяла, коммисія встрѣчала на каждомъ шагу препятствія: литература наша оставила многіе юридическіе вопросы или, лучше сказать, большую ихъ часть,—не тронутыми; если же находилось разрѣшеніе ихъ въ курсахъ судоустройства и судопроизвод-

ства, имѣющихся въ европейской литературѣ, то разрѣшеніе это было связано или съ субъективнымъ взглядомъ авторовъ или было согласно мѣстнымъ, иноземнымъ условіямъ. Недостатокъ же, оффиціальной, юридической практики, вслѣдствіе чего юридическій обычай не получилъ у насъ ни единообразія, ни законченности, не приведенъ въ систему и не принялъ научной формы,—былъ причиной, что коммисія должна была колебаться въ выборѣ путей при разрѣшеніи различныхъ отдѣльныхъ юридическихъ предметовъ; наконецъ крайній недостатокъ общихъ и въ особенности юридико-статистическихъ данныхъ и несовершенство обработки этого матерьяла—ставили коммисію въ необходимость какъ въ самомъ сборѣ этого матерьяла, такъ и въ самостоятельной его обработкѣ. Не смотря однакожъ на эти препятствія, коммисія окончила неимовѣрно быстро свой трудъ; причемъ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ, ей пришлось возложить все свое упованіе *на практику и на будущее*. Одна жизнь въ этомъ случаѣ будетъ лучшимъ указателемъ вѣрности началъ ею выработанныхъ... Проэкты ея утверждены Государственнымъ Совѣтомъ съ небольшими измѣненіями. Въ чемъ заключались эти измѣненія — будетъ указано мною въ своемъ мѣстѣ. Но такая самостоятельная разработка коммисіею судоустройства и судопроизводства вызываетъ въ настоящее время потребность *самостоятельной* и полной, подробной ея критики, дабы общество могло познакомиться съ мотивами каждаго законоположенія; съ его теоретическою и практическою стороною; съ его достоинствами и его недостатками.

Въ собственномъ смыслѣ у насъ до настоящаго времени не было подобныхъ сочиненій по судоустройству и судопроизводству; все—что ни печаталось по этому предмету, было или историческимъ изложеніемъ нашей народной юстиціи, или же догматическимъ изложеніемъ дѣйствующаго законодательства, или изложеніемъ теоріи слѣдственнаго процесса.

Поэтому всѣ эти сочиненія, при настоящей реформѣ, потеряли свое значеніе и относятся уже къ области исторіи юридической литературы. Иностранные курсы, которыхъ очень много на англійскомъ, французскомъ пѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ, не могутъ насъ также удовлетворить: такъ какъ курсы эти или заключаютъ въ себѣ личныя воззрѣнія авторовъ, или же—общія теоретическія принципы, или же—мѣстныя національныя потребности. Поэтому, для изученія переобразованнаго нашего судоустройства и судопроизводства, необходима такая критика, которая

познакомила бы читателей: 1) съ недостатками прежняго законодательства; 2) съ общими научными началами судоустройства и судопроизводства; 3) съ причинами, вызвавшими то или другое положеніе новыхъ уставовъ.

Поэтому въ критику долженъ войти анализъ прежнихъ законовъ, на основаніи общихъ научныхъ и практическихъ началъ, равно и новые законы съ ихъ философскимъ основаніемъ; при чемъ должно подвергнуть анализу все—что только ни сказано было *за* или *противъ* по данному предмету.

Изъ этого открывается, что сочиненіе мое должно разсмотрѣть всѣ труды и мнѣнія редакціонной коммисіи; всѣ присланныя въ коммисію замѣчанія и основанія Государственнаго Совѣта. Уже одно это обстоятельствв доказываетъ всю своевременность и необходимость въ настоящее время подобнаго труда. Кто хочетъ изучить и понять новый порядокъ вещей, тотъ долженъ знать его мотивы: а зная послѣднее, можно видѣть—какъ примѣнять законъ; можно оцѣнить полезность или вредность постановленія. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, подобное изученіе необходимо; а между тѣмъ, чтобы познакомитьсн съ мотивами коммисіи, нужно изучить всѣ ея труды. Но *во-первыхъ*, по малому количеству отпечатанныхъ экземпляровъ, изданія коммисіи не всѣмъ доступны. *Во-вторыхъ*, неспеціалисту не легко изъ этихъ трудовъ вынести опредѣленное впечатлѣніе, такъ какъ онъ можетъ растеряться въ обиліи матерьяла и въ частныхъ вопросахъ. *Въ-третьихъ*, самый матерьялъ въ коммисіи предполагаетъ спеціальность подготовки въ читателѣ; поэтому отчасти, чтобы сдѣлаться доступнымъ публикѣ, матерьялъ этотъ требуетъ объясненія; отчасти много положеній коммисіи, при глубокомъ анализѣ, могутъ еще подлежать опроверженію, поясненію или дальнѣйшему развитію.

Эти доводы убѣждаютъ меня въ томъ, что сочиненіе, по начертанной мною выше программѣ, значительно облегчитъ изученіе нашей судебной реформы. Но дѣло еще въ томъ: какъ группировать предметы въ подобномъ руководствѣ? Задача эта не легка. Цѣль моя не писать ученое, а *популярное* сочиненіе, т. е., такое, которое бы служило руководствомъ не столько для преподавателей, сколько для каждаго, желающаго изучить теорію судоустройства и судопроизводства, въ примѣненіи ея къ нашему отечеству. Согласно съ этой-то цѣлью, я не могу обременить моего сочиненія ни слишкомъ обширнымъ изложеніемъ философскихъ системъ, ни обильнымъ историческимъ изложеніемъ предметовъ суда и судопроизводства, ни подробнымъ изображеніемъ иностранныхъ положительныхъ зако-

нодательствъ. Вотъ почему я преимущественно и обращу вниманіе моихъ читателей на общія теоретическія стороны предмета; на его видоизмѣненіе и примѣненіе къ нашему законодательству; философскихъ же системъ, исторіи иностранныхъ законодательствъ и литературы коснусь на столько, чтобы, не затемняя дѣла, дать ясное объ нихъ понятіе.

Независимо же отъ этого, я, по возможности, буду избѣгать *догматическаго метода* изложенія. Послѣдній методъ принятъ во всѣхъ курсахъ; но сухость изложенія положеній науки не только затемняетъ нерѣдко ихъ смыслъ, но отбиваетъ даже охоту въ читателѣ дочитывать книгу. Поэтому всему изслѣдованію своему я придаю болѣе критическую, чѣмъ научно-курсовую форму. Для того же, чтобы сочиненіе мое могло служить пособіемъ для практиковъ, я, кромѣ полнаго изложенія текста преобразованнаго нашего судоустройства и судопроизводства, буду еще излагать практическіе примѣры, формы и т. д.; словомъ все то, что необходимо для теоретико-практическаго изученія нашего судебнаго законодательства.

Иностранная и отечественная литература по судоустройству и судопроизводству также не будутъ забыты мною: по временамъ я буду и ихъ касаться; полный и обстоятельный же отчетъ по этому предмету будетъ отданъ мною, впослѣдствіи, въ особой книжкѣ.

Самое сочиненіе распредѣлено на три отдѣла или тома: 1 томъ, *судоустройство*, 2 части; 2 томъ, *судопроизводство гражданское*; 3 томъ, *судопроизводство уголовное*.

Какъ выполнилъ я мою задачу — предоставляю судить читателямъ; я же буду счастливъ—если мой примѣръ вызоветъ болѣе обработанныя и обстоятельныя сочиненія по предмету судоустройства и судопроизводства.

ВВЕДЕНІЕ.

ЗАКОНЪ ОБЩЕЖИТІЯ И ЕГО ПРОГРЕССИВНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ И ВОЗНИКНОВЕНІЕ ВЛАСТИ СУДЕБНОЙ.

Разсматривая жизнь животныхъ, мы находимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ живутъ особнякомъ даже по полу, другія—семействами, третьи—стадами, стаями и роями. Видоизмѣненія въ этомъ случаѣ бываютъ сообразно характеру животныхъ и образу изъ жизни: смотря потому—гдѣ они живутъ и что составляетъ ихъ пищу. Одни изъ нихъ составляютъ простое скопленіе животныхъ одного вида; другія состоятъ изъ одного самца и многихъ самокъ; третьи—изъ одной самки и многихъ самцовъ. Многія же животныя живутъ отдѣльными семействами или парами и только при перелетѣ или переходѣ на другія мѣста соединяются въ большія стаи и стада; многія же никогда не соединяются въ большія стаи и стада [1]). Недоказано однако-жъ, чтобы послѣднее явленіе было закономъ ихъ природы: животныя, не соединяющіяся въ большія стада и стаи и живущія особнякамъ, по большей части, по роду ихъ пищи, не находя ее въ достаточномъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ—вынуждены жить особнякомъ: такъ какъ охота побуждаетъ ихъ переходить или перелетать ежедневно большія пространства. Вслѣдствіе этого животныя этого разряда съ одной стороны не могутъ размножаться въ большомъ количествѣ, съ другой—существуя въ не-большомъ количествѣ и не находя себѣ достаточной пищи

[1]) См. Illustrirtes Thierleben von Brehm.

въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не могутъ соединяться въ большія стада и стаи. Умноженіе же пищи вообще обусловливаетъ и умноженіе животныхъ [1]): такъ большіе урожаи хлѣбовъ обусловливаютъ умноженіе мышей, овражковъ и хомяковъ; размноженіе саранчи—появленіе скворцовъ; разведеніе многихъ растеній—появленіе птицъ, гуссеницъ и мотыльковъ, питающихся этими растеніями или появленіе водящихся на нихъ насѣкомыхъ. Даже относительно человѣка, въ періодѣ его довольно высокаго развитія, законъ этотъ остается неизмѣннымъ: по статистическимъ даннымъ—въ урожайные годы стоитъ меньшая смертность и большая рождаемость [2]). Поэтому уничтожьте тѣ причины, которыя мѣшаютъ многимъ видамъ размножаться, т. е., дайте имъ достаточно пищи въ одномъ, извѣстномъ мѣстѣ, и дайте ее въ такомъ количествѣ, чтобы между индивидуума одного и того же вида не было борьбы за существованіе и видъ этотъ начнетъ размножаться въ большомъ количествѣ и соединится въ стадо, или рой или стаю. Поэтому мы признаемъ стадо, рой и стаю за законъ органической природы: потому что въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ одинъ лишь естественный законъ, безъ всякихъ разумныхъ причинъ. Этотъ общій естественный законъ проявляется и въ человѣкообразныхъ животныхъ. Такъ напримѣръ: горилло живетъ семьей—съ самкой и дѣтьми; шимпанзе—самецъ и стадо—изъ самокъ и дѣтей; ревуны—изъ многихъ самцовъ и многихъ самокъ—самцы и самки паруются межъ собою безъ всякой послѣдовательности. Но почему горилло, шимпанзе и ревунъ не слѣдуютъ одному и тому же закону общежитія?.. На вопросъ этотъ одинъ отвѣтъ: каждая изъ этихъ разновидностей сложилась подъ извѣстными органическими, климатическими и мѣстными условіями; вотъ почему каждая изъ нихъ получила ту особенность, которую усвоила ей природа—для того, чтобы сохранить ея существованіе. Горилло живетъ въ дремучихъ лѣсахъ Африки: гдѣ львы, тигры, леопарды, гіены, носороги, слоны, чудовищные змѣи и аллигаторы, на каждомъ шагу грозили ему уничтоженіемъ: такъ какъ онъ тяжелъ, неуклюжъ и неловокъ; поэтому отъ этой породы сохранилось только потомство, отличающееся необыкновенной силой. Настоящій горилло такъ силенъ, что онъ вступаетъ руками и зубами въ борьбу не только со всѣми кошачьими породами, но даже со слонами и

---

[1]) См. Дарвина «о происхожденіи видовъ».
[2]) См. статистики: Кетле и Кольба.

носорогами. По показанію Брема, съ 6 мѣсячнымъ горилло не могли совладать три человѣка.

Такимъ образомъ горилло отстаиваетъ свое существованіе одною лишь необыкновенною физическою силою; но постоянная борьба съ многочисленными опасными обитателями лѣсовъ Африки, сдѣлала горилло крайне свирѣпымъ и не дала ему возможности собираться въ стада. Поселенія его вѣроятно подвергались сильному нападенію хищныхъ звѣрей; вотъ почему горилло ведетъ жизнь уединенную съ своею самкою, которую онъ охраняетъ съ большою заботливостью. Подъ иными условіями развивалась вѣроятно жизнь ревуновъ и шимпанзе: поэтому и общежитіе ихъ отличается отъ общежитія горилло.

Какъ же проявляется жизнь человѣка?.. По послѣднимъ изслѣдованіямъ видно, что уже ископаемый человѣкъ жилъ обществомъ: это доказывается свайными жилищами и тѣми остатками пищи первобытнаго человѣка, которые найдены въ Европѣ[1]). Человѣкъ, по крайней мѣрѣ за 10 тыс. лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще въ состояніи естественнаго подбора, жилъ уже обществомъ или стадомъ—что для насъ все равно; потому что для насъ важенъ только фактъ, что человѣкъ въ доисторическія времена жилъ не особнякомъ, а въ кругу подобныхъ себѣ существъ. Но что привело его къ такому состоянію? мысль-ли о взаимномъ вспомоществованіи другъ—другу или просто общій животный законъ скопленія въ одну массу одновидностей?—это вопросы, на которые можетъ быть одинъ отвѣтъ: человѣкъ первѣе всего—животное; поэтому, когда онъ находится въ естественномъ состояніи, тогда въ немъ дѣйствуютъ общіе животные инстинкты; на этомъ основаніи, замѣчая во всемъ органическомъ мірѣ законъ скопленія одновидностей въ одномъ мѣстѣ, когда къ тому представляются благопріятныя условія, мы и должны прійти къ тому заключенію: что и этотъ естественный, органическій, законъ дѣйствовалъ и въ первобытномъ человѣкѣ. Явленіе это мы находимъ и въ настоящее время между рассами, стоящими на низкой степени развитія и цивилизаціи: законъ соединенія ихъ въ общества проявляется въ дикихъ племенахъ Америки и Австраліи въ такомъ же видѣ, какъ онъ проявляется между ревунами, шимпанзе или гориллами. Но и въ людяхъ, подобно какъ и въ человѣкообразныхъ

---

[1]) См. *Лайэля* «древность человѣческаго рода». *Гексли* «о положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ». См. также *Шлейдена* и академика Бэра статью въ академическомъ мѣсяцесловѣ за 1864 г.

животныхъ, стада или общества слагались подъ тѣми условіями, въ какія были поставлены ихъ организмы: въ однихъ человѣкообразныхъ животныхъ самцы были меньше живучи, чѣмъ самки; въ другихъ живучесть тѣхъ и другихъ была одинакова. Вотъ почему и образовались двѣ формы: въ въ первомъ случаѣ—стадо обезьянъ, состоящее изъ самокъ и одного самца; во второмъ—или отдѣльныя пары, или же—стадо изъ самцовъ и самокъ. Это же явленіе мы встрѣчаемъ и у первобытныхъ народовъ: они живутъ или въ одноженствѣ, съ семействами, или же—въ многоженствѣ; или же—въ совокупности многихъ семействъ или—же въ совокупности множества мужчинъ и женщинъ. Многоженство мы только и объясняемъ тѣмъ: что мужчины болѣе подвержены смертности, чѣмъ женщины: явленіе это доказывается всѣми новѣйшими статистическими свѣдѣніями [1]). Женщина долговѣчнѣе мужчины и хотя послѣднихъ больше родится, чѣмъ первыхъ; но остаются въ живыхъ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Это же явленіе, порождая, въ многихъ первобытныхъ обществахъ, большую убыль мужчинъ и прибыль женщинъ, повлекло за собою, какъ естественное послѣдствіе, многоженство.

Мужчины первобытныхъ обществъ, независимо отъ естественныхъ причинъ, подвержены огромной смерти еще случайной: война, охота, борьба за женщину съ другими мужчинами, все это поглощаетъ огромную массу мужчинъ, такъ что предусмотрительная природа должна была дать мужчинѣ большую силу оплодотворенія и вмѣстѣ съ тѣмъ производить ихъ на свѣтъ больше, чѣмъ женщинъ. Но какъ выше объяснено мною, даже въ государствахъ, стоящихъ на высокой степени развитости—смертность мужчинъ большая, чѣмъ женщинъ и средняя жизнь послѣднихъ большая, чѣмъ первыхъ. Такимъ образомъ мы общественность и первоначальныя формы ея, т. е., семейство при одноженствѣ или многоженствѣ—приписываемъ простымъ физическимъ законамъ и недопускаемъ въ этомъ случаѣ участія ни разума, ни особенностей общественныхъ формъ. Гдѣ женщины были рѣдки, тамъ мужчины рады были добыть себѣ одну жену и, овладѣвши ею, они должны были уйти съ нею въ другое мѣсто: такъ какъ семейство, къ которому она принадлежала, могло бы ее отнять отъ него; слѣдовательно одна необходимость заставляла его жить въ одноженствѣ и своею отдѣльною семьею. Гдѣ же отыскивалось много женщинъ, тамъ этой необходимо-

---

[1]) См. Кетле и Кольба.

сти не было: мужчины могли ужиться межъ собою: такъ какъ у нихъ могло и не быть борьбы за женщину. Въ тѣхъ случахъ, когда человѣкъ добывалъ себѣ силою жену, онъ удалялся въ другое мѣсто и основывалъ новое поселеніе; семья эта, размножившись, образовывала племя, связанное общимъ происхожденіемъ и въ немъ стали дѣйствовать общіе физическіе законы. т. е., если въ племени преобладала живучесть женщинъ, тамъ господствовало многоженство; гдѣ женщины были равнаго количества съ мужчинами, тамъ установлялось одноженство; гдѣ же женщинъ было, сравнительно съ мужчинами, мало,—тамъ сильнѣйшій мужчина овладѣвалъ женщиною, при чемъ эта новая пора основывала свою собственную, новую семью.

Такимъ образомъ единственно вслѣдствіе большей или меньшей живучести женщинъ, большаго или меньшаго ихъ количества въ данной мѣстности, и возникли различныя формы общества или другими словами: различное развитіе физическихъ отправленій мужчинъ, вслѣдствіе большаго или меньшаго количества женщинъ и было первоначальной причиной скопленія людей въ однихъ мѣстностяхъ въ большихъ массахъ, въ разныхъ формахъ—одножества или многоженства. Эти же причины первоначально вызвали и образованіе малыхъ семействъ, развившихся впослѣдствіи въ племена и народы.

Скопившись такимъ образомъ, по естественнымъ законамъ, въ большихъ массахъ, люди должны были первоначально открыть борьбу за существованіе съ окружающимъ его органическимъ міромъ и, само собою разумѣется, борьба эта должна была первоначально пасть на разновидности, а потомъ перейти къ одновидностямъ. Человѣкъ первоначально оспаривалъ свою жизнь у животныхъ; но, размножившись, онъ сталъ оспаривать свою пищу и мѣсто — жительство у индивидуумовъ одного съ нимъ происхожденія: въ этомъ случаѣ сильнѣйшія риссы или вытѣсняли или уничтожали слабѣйшія и наконецъ историческія времена застаютъ весь земной шаръ занятымъ слѣдующими племенами: монгольскимъ, кавказскимъ, эѳіопскимъ, малайскимъ и индейскимъ. Занятіе этими племенами всей поверхности земли и ихъ разбросанность доказываютъ, что борьба за существованіе шла въ теченіи тысячелѣтій между различными рассами и что остались побѣдителями тѣ, которыя, по естественному подбору, вышли крѣпче и сильнѣе другихъ и соотвѣтствовали по своему организму климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Но не всѣ рассы, овладѣвъ извѣстною территоріею, могли развиваться одинаково: здѣсь

стали дѣйствовать на нихъ климатическія, почвенныя и другія мѣстныя условія. Отъ этого произошло различіе не только въ развитіи органическомъ, но и въ развитіи духовномъ различныхъ народовъ; и это же было причиною большаго или меньшаго размноженія рассъ. Такъ монгольское племя, вытѣснивъ, въ историческія времена, изъ Азіи кавказское племя, само овладѣло этой частью свѣта и по богатству тамошней природы, ставъ прежде кавказскаго племени на высокую степень цивилизаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе легкости добыванія себѣ насущнаго, въ теченіи почти тысячелѣтій, стоитъ на одной и той же степени образованности [1]). Но за то эти же условія и то обстоятельство, что расса эта занимаетъ первобытныя свои мѣста—были причиною громаднаго его размноженія: такъ что въ одномъ Китаѣ почти столько жителей, сколько составляетъ все кавказское племя [1]). Кавказское же племя, придя въ Европу въ большой массѣ—что доказывается тѣмъ, что оно заняло въ короткій періодъ времени всю Европу,—вслѣдствіе закона акклиматизаціи, плохо размножается, такъ что только въ настоящемъ вѣкѣ средняя рождаемость стала превышать смертность на $0{,}97\%$; а то прежде разность рождаемости и смертности стояла на нулѣ, а въ иныя времена—ниже нуля. За то кавказское племя, поставленное въ выгодныя условія европейскаго климата, почвы и территоріи, имѣя возможность, посредствомъ морей и рѣкъ, сближаться между собою и усвоить себѣ древнюю цивилизацію, достигшей полнѣйшаго развитія между Африкою, Европою и Азіею,—стало на ту ступень, на которой мы видимъ его теперь. Зачатки же общественности кавказское племя имѣетъ со временъ отдаленнѣйшихъ: одноженство, встрѣчающееся у всѣхъ племенъ этой рассы, всѣхъ вѣковъ, есть плодъ его передвиженія съ Востока на Западъ: женщины, какъ болѣе нѣжные организмы, не могли вѣроятно переносить усиленныхъ трудовъ и климатическихъ вліяній, передвиженій, во время великаго переселенія народовъ и борьбы ихъ съ дикими обитателями Европы. Вслѣдствіе этого историческія времена застаютъ всѣ германскіе, славянскіе и романскіе народы въ одноженствѣ. Что дѣйствительно въ кавказскомъ племени былъ вѣроятно недостатокъ въ женщинахъ, то это доказывается тѣмъ высокимъ положеніемъ женщины, какимъ она пользовалась не только въ Египтѣ, но и въ Греціи, Римѣ и даже между варварскими народами. Обоготвореніе Египтянами Изиды, Троянская

---

[1]) См. Т. I «ист. цивилиз. Англіи» Бокля.

война за Елену; война Римлянъ и Сабинянъ за похищеніе сабинянокъ; олицетвореніе мудрости, красоты, земледѣлія и искусства въ образѣ божественныхъ: Минервы, Венеры и Цереры и музъ; наконецъ обычай Лакемонянъ заимствовать женъ—все это доказываетъ какъ дорожили древніе народы кавказскаго племени женщинами. Поэтому одноженство въ кавказскомъ племени было естественнымъ послѣдствіемъ недостатка въ женщинахъ и этотъ то недостатокъ и былъ отчасти причиною, что жизнь кавказскаго племени сложилась иначе, чѣмъ жизнь монгольскаго, которое было за нѣсколько тысячелѣтій развитѣе перваго. Монгольское племя, живя въ странѣ обильной дарами природы, гдѣ, при слабомъ трудѣ, человѣкъ могъ добыть себѣ легко насущное, утопало въ нѣгѣ и роскоши: это одно уже располагало это племя къ умственному застою. А тутъ еще примѣшалось и другое обстоятельство: обиліе женщинъ, красота ихъ и природа, располагающая къ любви и нѣгѣ; эти то причины и ослабляли жизненныя силы монгольской рассы, растроивали организмы и не могли не вліять на умственное ея развитіе. Кавказское же племя, вынужденное силою обстоятельствъ къ одноженству, поставленное въ необходимость завоевать себѣ территорію, усвоиться съ разными климатическими условіями; поселенное посреди лѣсовъ, болотъ и степей, гдѣ охота не могла дать имъ надежнаго и вѣрнаго пропитанія,—съ древнѣйшихъ временъ было поставлено въ обстоятельства, которыя, не ослабляя его организма, должны были развить его трудолюбіе, предпріимчивость и изобрѣтательность. Здѣсь человѣку пришлось прокладывать себѣ пути, осушать болота, расчищать лѣса, изыскивать способы, къ уничтоженію вреднаго вліянія и суровости климата, удобрять почву, найти способы продовольствовать себя въ теченіи почти $^1/_2$ года осенняго и зимняго времени; пришлось изыскать мѣры къ обезпеченію себя отъ воинственныхъ сосѣдей, такъ какъ все кавказское племя, начиная отъ грековъ и римлянъ и кончая славянами, отличается воинственностью. Такою многовѣковою дѣятельностью, энергическою жизнью, при отсутствіи роскоши, нѣги и многоженства, и слабое развитіе населенія, выработали такъ высоко организмъ кавказскаго племени, что оно стало выше, по развитости, всѣхъ племенъ земного шара.

По этимъ даннымъ мы и приходимъ къ заключенію, что главными двигателями общежитія были: 1) территоріальныя и климатическія особенности странъ и вліяніе пищи; 2) многоженство и одноженство. Послѣдніе два предмета въ особенности обусловливаютъ общественный строй и не

только первоначальныя его формы, но и послѣдующее развитіе. Вотъ почему, признавая всю важность значенія на физическое и нравственное развитіе народовъ территоріальныя и климатическія особенности странъ и вліяніе пищи, я однакожъ не могу не признать, что естественнымъ послѣдствіемъ многоженства есть не только слабость органическаго развитія рассъ, но оно имѣетъ огромное значеніе въ развитіи общественности. Многоженство, озабочивая человѣка семейными хлопотами, домашнимъ хозяйствомъ, воспитаніемъ и прокормленіемъ большаго потомства, поглощаетъ всю его дѣятельность въ домашней жизни и вездѣ, гдѣ эта форма ни проявлялась, она порождала вначалѣ—семейный, а потомъ общественный деспотизмъ. Иначе и быть не могло: при многоженствѣ предполагается большая числительность женщинъ сравнительно съ мужщинами: такъ что женщина, при такихъ условіяхъ, не имѣетъ цѣнности; поэтому порабощеніе женщины есть обыкновенное послѣдствіе многоженства. Съ порабощеніемъ же женщины, когда послѣдняя безлична, безличность эта переходитъ и къ ея потомству: отсюда рождается власть родительская въ уродливыхъ деспотическихъ формахъ—отецъ семейства пріобрѣтаетъ право даже на жизнь своихъ дѣтей. Подъ такими условіями возникаетъ при многоженствѣ семейная жизнь; эти же условія потомъ переходятъ въ жизнь общественную. Деспотизмъ главы семейства переходитъ къ внукамъ и правнукамъ и наконецъ проявляется въ видѣ власти родоначальника надъ родомъ, племенемъ и народомъ. Послѣдняго явленія, быть можетъ, и не было бы, если бы въ духѣ человѣка не было свойства *идеализировать* все, что только имѣетъ прямое или косвенное вліяніе на его жизнь: это свойство человѣческой природы и было причиною, что онъ, идеализируя различныя силы и проявленія природы и его собственной жизни, создавалъ цѣлую мифологію, въ которой божества или имѣютъ свойства природы или олицетворяютъ главныя страсти человѣка. Такой же идеализаціи не могла не подвергнуться и власть родительская: вездѣ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, она проявляется въ формѣ неограниченнаго произвола; но съ тѣмъ различіемъ, что при многоженствѣ этотъ произволъ дѣйствуетъ во все время, пока родоначальникъ живъ; между тѣмъ, какъ при одноженствѣ, власть родительская дѣйствуетъ до тѣхъ поръ, пока потомство не становится самостоятельнымъ. Согласно съ этимъ характеромъ и власть родительская, въ идеализованномъ видѣ, перешла къ начальникамъ родовъ и ихъ потомству: но при многоженствѣ власть эта сохранила всю неограниченность произвола; между тѣмъ какъ при одноженствѣ, власть эта

сохраняла болѣе умѣренныя формы. Да и не удивительно: при одноженствѣ мужчина вступалъ въ союзъ съ женщиною, если не какъ равный съ равною; (такъ какъ сила, а потому и право было всегда на сторонѣ мужчинъ), то по крайней мѣрѣ онъ дорожилъ ею. И если въ этомъ случаѣ онъ не дѣйствовалъ по принципу, а лишь изъ боязни, что, лишившись ея, онъ останется безъ жены, то для исторіи человѣчества безразлично лишь бы существовалъ самый фактъ. Подобныя же отношенія къ женщинѣ не могли не заставить мужчину дорожить и ея потомство: при многоженствѣ не трудно было имѣть послѣдняго—если его не было отъ одной жены, то его могли имѣть другія жены; но при одной женѣ, потерявши потомство, его трудно было вновь имѣть. Актъ же продолженія своего рода, вслѣдствіе обоготворенія вообще силъ природы, становился дѣломъ религіознымъ, тѣмъ болѣе, что умилостивленіе боговъ, за грѣхи умершаго, лежало въ обязанности потомства. Уже одно это обстоятельство побуждало кавказское племя дорожить своею единою женою. Вотъ почему одноженство, смягчая отношенія власти родительской въ семейной жизни, при идеализаціи этой власти—въ лицѣ родоначальника или князя—дѣлало и эту власть болѣе умѣренною. Съ другой стороны, въ иныхъ случаяхъ, въ кавказскомъ племени идеализація силы и доблести, возвысивъ одни роды надъ другими, въ самомъ соперничествѣ силъ между этими родами находило залогъ или иначе—зародышъ болѣе разумныхъ общественныхъ формъ. Такими путями человѣчество достигло того, что изъ семейной жизни, создалась жизнь родовая и племенная; потомъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, т. е., воинственности однихъ племенъ и слабости другихъ,—одни племена порабощали другія или же, размножившись до большихъ размѣровъ, образовали государства. Но при возникновеніи государственной жизни отношенія членовъ между собою и къ государственной власти находились въ хаотическомъ состояніи: въ тѣхъ государствахъ, гдѣ началомъ было многоженство, тамъ все государственное устройство представляло цѣпь семействъ, стоящихъ лишь на различныхъ ступеняхъ отъ главы единаго семейства—государства. Глава государства считался родоначальникомъ цѣлаго народа; лица, болѣе или менѣе близкія къ нему по рожденію, составляли аристократію; остальная масса народа составляла низшій класъ. Первая доля благъ и власти должна была выпасть на главу семейства; аристократія занимала второе мѣсто, а масса народа сдѣлалась орудіемъ къ удовлетворенію нуждъ и потребностей главы народа и его приближенныхъ. Формы эти непосредственно вытекали изъ идеализаціи власти родительской—

въ лицѣ главы государства и аристократіи: какъ каждый родоначальникъ имѣлъ право на жизнь и собственность своего потомства, такъ это право было перенесено на народнаго главу и на аристократію. При подобной организаціи общества все стояло ниже воли государственной власти: обычаи, права личныя и на имущество,—все это было ничто предъ абсолютной волей деспота.

Но совершенно другимъ путемъ шли общественныя формы въ тѣхъ племенахъ, гдѣ было одноженство: и здѣсь силы, дѣйствовавшія на человѣка, идеализировались имъ и возводились на степень божества или общественнаго учрежденія; но умѣренность въ семейныхъ отношеніяхъ клала свою печать и на всѣ общественныя формы. Государственная или племенная власть не были слѣпымъ произволомъ, а руководствовались обычаями и совѣтами начальниковъ родовъ, старѣйшинъ и старцевъ; а въ племенахъ воинственныхъ государственная власть получала совѣты отъ людей доблестныхъ, сосредоточивавшихся въ гелейтахъ и дружинахъ. Таковы же были и отношенія аристократовъ къ массѣ народа: власть ихъ была идеализаціею или родовыхъ отношеній или силы и доблести; но эта власть умѣрялась тѣмъ, что аристократія, управляя народомъ, руководствовалась обычаями и совѣтами своихъ вассаловъ или дружинъ.

Такимъ образомъ двѣ формы семейной жизни: многоженство и одноженство, воспроизвели два рода общежитія: государство въ видѣ семейства и государство въ видѣ союза многихъ обществъ между собою. Результаты обѣихъ формъ были различны: первая, порабощая жену и семейство, не можетъ до настоящаго времени возвыситься до сознанія и пониманія главныхъ основъ общественности: полноправности гражданъ и правъ собственности; вторая, признавая жену полноправною, возвысилась до того, что идеаломъ своимъ стала признавать державность воли народа, полноправность и равенство гражданъ.

Изъ этого открывается, что намъ нечего заимствовать у племенъ, у которыхъ господствуетъ многоженство; а мы должны только прослѣдить развитіе формъ общежитія у народовъ, гдѣ господствовало одноженство.

И здѣсь, какъ я выше сказалъ, сила идеализировалась; отсюда возникло право, со всѣми его моментами; потомъ, съ развитіемъ человѣчества, право, сбросивъ съ себя грубую оболочку силы, стало проявляться въ видѣ разумныхъ началъ, обнимающихъ и обусловливающихъ всѣ нравственныя и матерьяльныя потребности человѣчества. Право собственности вытекало первоначально изъ инстинкта самосохраненія: человѣкъ, пріобрѣвши себѣ

пищу, построивъ себѣ жилище и занявъ извѣстное пространство земли, защищалъ силою свое пріобрѣтеніе, такъ какъ этимъ обусловливалось его существованіе. Первое понятіе о томъ, что—*мое* и *твое*,—есть продуктъ силы: при равновѣсіи ея съ обѣихъ сторонъ, неминуемо долженъ былъ вытекать договоръ: это—«твое,» это—«мое.» Если бы даже этого договора не было, то понятіе «о моемъ» и «твоемъ» вытекало изъ фактическаго состоянія вещи, т. е., находясь въ чьихъ нибудь рукахъ, вещь становилась его собственностью уже потому, что съ отнятіемъ ея сопровождалась борьба за самое существованіе: не всегда же у человѣка была охота рисковать жизнію ради пріобрѣтенія какой нибудь вещи. Поэтому легко добываемыя вещи, оставаясь неприкосновенными, утвердили понятіе о собственности; такъ что собственность, проявившись первоначально какъ продуктъ силы, при прогрессѣ цивилизаціи, приняла идеальную форму права и сдѣлалась со временемъ главнѣйшею формою цивилизаціи человѣка. Она утвердила за отдѣльными семействами, племенами и народами земли; пріучила ихъ къ осѣдлости и дала возможность народамъ заняться земледѣліемъ, фабричною и ремесленною промышленностью и, въ дальнѣйшемъ развитіи, стремиться къ болѣе совершеннымъ общественнымъ формамъ: равному распредѣленію благъ между гражданами. Такимъ историческимъ путемъ право собственности возвысилось изъ простаго понятія о преобладаніи грубой силы до разумной идеи, что крайняя цѣль человѣка есть—удовлетворять своимъ физическимъ потребностямъ на столько, на сколько это необходимо для его существованія и что взаимное вспомоществованіе, раздѣленіе труда и земныхъ благъ есть необходимый, разумный, законъ всякой общественности. Этотъ-то идеалъ, заключающійся въ сознаніи каждаго развитаго человѣка, приводитъ его чисто умозрительнымъ путемъ къ уваженію правъ не только въ самомъ себѣ, но и въ другихъ лицахъ: отсюда проистекаетъ теоретическое понятіе о правѣ, какъ объ идеалѣ, обусловливающемъ все духовное и матерьяльное человѣка; какъ объ идеалѣ, осуществленіе котораго есть крайняя цѣль каждаго человѣка. Наслѣдственность собственности есть также продуктъ силы: первобытный человѣкъ такъ сильно защищалъ свою собственность, что понятіе о вещи не отдѣлялось отъ его личности. Вотъ почему первобытные люди хоронятъ съ умершимъ всѣ его вещи, платья, оружіе, а нѣкоторые народы хоронятъ съ нимъ его женъ и рабовъ. Но когда человѣкъ сталъ на такую ступень развитія, что онъ сталъ отдѣлять собственность человѣка отъ его личности и когда предметы собственности сдѣлались сложны и многочисленны, то

естественно возникъ вопросъ: кому должны принадлежать его вещи? И здѣсь снова начала играть роль идеализація силы: кто былъ сильнѣе въ родѣ, тому отдавались вещи. Вотъ почему наслѣдственное право появляется у разныхъ народовъ различно, смотря потому какой родъ жизни ведетъ этотъ народъ: если онъ воинственъ, то наслѣдственное право переходитъ или къ старшему въ родѣ, т. е., къ брату умершаго, или къ первородцу: такъ какъ смерть воина, по большей части, застаетъ дѣтей въ его малолѣтствѣ. Въ подобномъ случаѣ право *силы*, проявившееся въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, въ лицѣ взрослаго дяди или первородца, идеализируется и переходитъ въ право старшаго или первородца въ наслѣдствѣ. Въ невоинственномъ же племени, гдѣ люди могли достигать до глубокой старости, тамъ устанавливались обыкновенно: или равенство раздѣла имущества между дѣтьми, или же выдѣлъ старшихъ дѣтей и передача наслѣдства младшему. Но и здѣсь идеализируется сила, только въ обратномъ отношеніи: право признается за тѣмъ, кто долженъ пріобрѣсть силу. Такъ развиваясь, наслѣдственное право стало стремиться въ настоящее время стать въ уровень съ правомъ собственности, т. е., удовлетворяя справедливости, вмѣстѣ съ тѣмъ принять такія формы, чтобы оно не противорѣчило общему уравненію благъ между людьми. И здѣсь, какъ въ правѣ собственности, мы видимъ, что разумныя нравственныя потребности человѣка идеализированную силу стремятся подчинить идеѣ правды и справедливости: откуда и возникаетъ теорія наслѣдственности — теорія, стремящаяся подчинить этотъ моментъ права общей цѣли, къ которой стремится духъ человѣка.

Отношенія мужа къ женѣ и родителей—къ дѣтямъ, и обратно, также опредѣляются первоначально одною силою, которая потомъ идеализируется и принимаетъ форму права; но въ настоящее время отношенія эти начинаютъ стремиться къ тому, чтобы не препятствовать свободному развитію и благополучію человѣка. Въ этихъ моментахъ права полнѣе всего выражается стремленіе человѣка къ свободному развитію и усовершенствованію: вотъ почему первый шагъ къ духовному прогрессу всегда выражается въ смягченіи взаимныхъ отношеній семейства и свободной дѣятельности его членовъ. Вотъ почему путемъ прогресса вырабатывается идеалъ всесторонней свободной супружеской жизни и равноправность половъ; идеалъ разумной родительской власти, имѣющей цѣлью — всестороннее, свободное развитіе и усовершенствованіе физическихъ и нравственныхъ силъ дѣтей.

Отношенія гражданъ между собою первоначально были также продук-

томъ силы: сильный и, поэтому, богатый господствовалъ надъ слабымъ и бѣднымъ, т. е., аристократія и дворянство господствовали надъ остальной массой народонаселенія; а капиталъ эксплуатировалъ трудъ. Идеализація силы и здѣсь вызвала раздѣленіе людей на классы и сословія; но въ теченіи вѣковъ этотъ порядокъ вещей преобразовался и сталъ вырабатывать начала равноправности гражданъ и ассоціацій рабочихъ классовъ. Послѣднее вытекало изъ сущности человѣческой природы: разумъ указалъ человѣчеству, что грубая сила имѣетъ мѣсто въ томъ лишь случаѣ, гдѣ идетъ у человѣка борьба за существованіе; но когда этой борьбы нѣтъ, когда общество организовано уже на началѣ взаимнаго вспомоществованія и раздѣленія труда, тогда абсолютная справедливость требуетъ возможно равнаго распредѣленія благъ между людьми. Отсюда возникли всѣ теоріи государственнаго права и политической экономіи. Но самая сильная борьба происходила между народомъ и государственною властью: вездѣ на земномъ шарѣ власть эта проявляется или какъ продуктъ идеализированной силы, или же какъ колективная власть народа. Но въ обоихъ случаяхъ она принимаетъ уродливыя формы или обсолютизма или политическаго принципа, по которому идея государства поглощаетъ личность отдѣльныхъ гражданъ. Послѣдняя идея до настоящаго времени бичуетъ народы. Международныя же отношенія находятся еще пока въ хаотическомъ состояніи: право войны или право силы порабощаетъ одни народы другимъ. Впрочемъ съ прошлаго вѣка начинается сильное стремленіе народовъ, съ одной стороны—слить понятіе государства съ понятіемъ народности, вслѣдствіе чего и возникли двѣ противоположныя теоріи: одни считаютъ государство извѣстнымъ политическимъ принципомъ, другіе—живымъ организмомъ; вѣроятнѣе всего, что послѣднее понятіе восторжествуетъ, но прежде всего, само собою разумѣется, человѣчество прольетъ порядочное количество крови, пока народы пріобрѣтутъ равноправность. Съ другой стороны народы стали стремиться къ самоуправленію посредствомъ представительства, отсюда возникли различныя политическія теоріи республиканизма и конституціонализма [1]). Какъ первая, такъ и вторая распредѣляютъ поэтому государственную власть: на законодательную, судебную, распорядительную или исполнительную. Первую народы присвоиваютъ себѣ и отдѣляютъ ее отъ судебной и распорядительной. Судебная отдается особой, независимой,

[1]) См. «Конституціонное начало». Гаксгаузена. Переводъ Утина и Кавелина. 1866. «Духъ законовъ». Монтескье. Обзоръ конституцій—Лохвицкаго.

магистратурѣ. Распорядительная ввѣряется верховному главѣ или правительству народа.

Прогрессъ человѣчества такимъ образомъ заключается въ томъ, что, начиная борьбою за существованіе и переходя, по естественнымъ причинамъ, къ одноженству, фактически, какъ продуктъ силы, установляетъ первообразныя формы гражданственности: право собственности, наслѣдственное право, сословныя привиллегіи и государственную власть; потомъ, съ развитіемъ цивилизаціи право становится идеаломъ, обусловливающимъ всѣ нравственныя и матерьяльныя силы и потребности человѣчества: отчего оно побуждаетъ человѣка стремиться къ равноправности гражданъ, къ равномѣрному распредѣленію между ними благъ и къ наивозможно большему и самостоятельному участію народа въ самоуправленіи; во внѣшнихъ же международныхъ отношеніяхъ идея государства стремится слиться съ идеею національности.

Поэтому прогрессъ человѣчества заключается въ томъ, что стремясь, по естественнымъ законамъ, слиться въ общества и *посредствомъ идеализаціи силы* въ государства, оно, при дальнѣйшемъ развитіи, ставитъ себя въ такія разумныя отношенія, что каждый человѣкъ долженъ будетъ со временемъ назвать себя гражданиномъ всей вселенной. Къ такому результату человѣчество должно непремѣнно прійти со временемъ: равноправность гражданъ и народовъ только и можетъ дать такіе плоды. Но когда это будетъ? вопросъ, который разрѣшитъ будущность: прогрессъ человѣчества очень медленъ и пока идея пріобрѣтаетъ жизненность, ей приходится терпѣть порядочную долю гоненій. Но, начертивъ идеалъ, къ которому стремится человѣчество, я считаю излишнимъ и неумѣстнымъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе теоріи равноправности гражданъ и юрисдикціи законодательной и распорядительной власти, такъ какъ это предметъ особыхъ наукъ; здѣсь же я разсмотрю только власть судебную—какъ въ ея существѣ, такъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ; равно покажу ея соотношеніе къ другимъ отраслямъ государственной власти и участіе ея въ прогрессивныхъ стремленіяхъ и развитіи человѣчества: *что и составляетъ предметъ теоріи судоустройства и судопроизводства.*

ГЛАВА I.

СУЩЕСТВО ВЛАСТИ СУДЕБНОЙ. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВАГО СУДА И ЕГО УСЛОВІЯ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ТЕОРІИ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА. ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЛѢДНЕЙ, КАКЪ НАУКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ВЪ РЯДУ ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ. ПРАКТИЧЕСКІЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ ПОСЛѢДНЯГО. СИСТЕМА СУДОУСТРОЙСТВА, КАКЪ НАУКИ.

Съ того мгновенія, какъ въ человѣчествѣ явилось сознаніе права, въ видѣ-ли грубой физической силы или идеала, совмѣщающаго въ себѣ всѣ необходимыя условія для физическаго и нравственнаго развитія человѣка, въ немъ явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сознаніе необходимости такой власти, которая бы охраняла его право. Власть эта, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, и получила названіе *власти судебной*. Поэтому существо судебной власти заключается въ томъ, что она охраняетъ право въ обществѣ. Слѣдовательно, совершенство суда вовсе не зависитъ отъ сущности самого права, а отъ условій, ставящихъ его въ такое положеніе, чтобы его отправленія могли осуществить его цѣль. Совершенство права зависитъ отъ большей или меньшей степени развитости общества; поэтому, удовлетворяя матерьяльнымъ и нравственнымъ потребностямъ общества, оно можетъ стоять на той или другой степени совершенства. Дѣло же суда—наблюдать за охраненіемъ права, каково бы оно ни было. Цѣль суда такимъ образомъ осуществить то право, которое господствуетъ въ обществѣ, и совершенство его тогда достигнуто, когда онъ исполнилъ въ точности свои обязанности и назначеніе. Изъ этого видно, что совершенство суда и совершенство права суть понятія совершенно различныя: въ одномъ и томъ же обществѣ могутъ существовать законы самые варварскіе въ отношеніи опредѣленіи гражданскихъ и политическихъ правъ его

членовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть хорошій судъ. Само собою разумѣется, что гармонія того и другого необходима: если существуютъ въ какомъ нибудь обществѣ варварскіе законы, то само собою разумѣется, что не правый судъ есть для него благодѣяніе, а правый судъ обращается въ страшилище. Но антогонизма нельзя допустить между судомъ и правомъ; поэтому совершенная общественная жизнь требуетъ, чтобы при хорошемъ судѣ было и соотвѣтственное ему разумное право. Но это доказываетъ только, что власть судебная, какъ одинъ изъ моментовъ права, имѣетъ соотношеніе къ другимъ его моментамъ; въ теоріи же судоустройства должны разсматриваться только тѣ условія, которыя должны дѣлать судебную власть *цѣлесообразною*.

Послѣднее вытекаетъ изъ того, что, какъ выше сказано, совершенство или несовершенство гражданскаго и уголовнаго права, зависитъ отъ сущности даннаго общества, его интеллектуальныхъ особенностей, его стремленій и потребностей: и поэтому оно всецѣло носитъ въ себѣ (если тому только не препятствуютъ какія нибудь внѣшнія причины) отпечатокъ той степени развитости и ту ступень прогресса, на какомъ стоитъ общественное сознаніе. Поэтому гражданскій и уголовный законъ, по большей части, совпадаютъ съ требованіями большинства общества и, не смотря на свое несовершенство, не нарушаютъ общественнаго спокойствія. Монтескье совершенно справедливо сказалъ: что достаточно для счастія человѣка, чтобы онъ считалъ себя такимъ. Счастье не безусловно: оно зависитъ отъ степени пониманія нами его условій, и теорія не можетъ предписывать ихъ человѣку: одно общество можетъ считать себя счастливымъ съ турецкими законами, другое—съ англійскими, и оба будутъ правы—каждый имѣетъ свое понятіе о правѣ, свободѣ и счастьи.

На этомъ основаніи теорія можетъ только сожалѣть о тѣхъ обществахъ, которыя, имѣя у себя варварскіе гражданскіе и уголовные законы, остаются ими довольны, и это сожалѣніе имѣетъ аналогію съ тѣмъ сожалѣніемъ, какое имѣетъ человѣкъ, привычный къ комфорту, къ людямъ, ведущимъ жизнь грубую. Но за то теорія не можетъ допустить несовершеннаго суда: хорошій правый судъ есть потребность каждаго общества на какой бы низкой ступени оно ни стояло по своему развитію. Какъ бы ни были несовершенны законы данной страны; но если они существуютъ, то значитъ, что они обнимаютъ и обусловливаютъ весь строй этого общества; а потому является необходимость имѣть такую судебную власть, которая бы давала вполнѣ осуществиться законамъ страны. Зна-

читъ, что правый судъ есть такая же потребность общества несовершеннаго, какъ и совершеннаго: потому что онъ остается вездѣ вѣренъ своей цѣли—дать силу обычаю или закону страны, сохранить обязательную силу права и черезъ это—сущность общества.

Цѣлесообразность же судебной власти заключается въ томъ, чтобы она, какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ проявленіи—подчинялась такимъ условіямъ, по которымъ она бы могла безпрепятственно осуществлять право своего общества, т. е., другими словами, наблюдало бы, чтобы граждане уважали взаимно свои права и не нарушали чужой личности. Эта цѣлесообразность и вызываетъ: во 1) чтобы власть судебная была совершенно *независима* и самостоятельна и отдѣлена отъ законодательной и исполнительной и чтобы проявленіе ея было все основано на правѣ; 2) организація ея была такова, чтобы она могла проявлять свою дѣятельность свободно и самостоятельно во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни и во всѣхъ моментахъ нарушенія права; 3) чтобы она являлась не какъ власть, дѣйствующая сама по себѣ произвольно, а, по уполномочію общества или отдѣльныхъ его членовъ; 4) чтобы формы проявленія этой власти были согласны съ ея сущностью и цѣлью.

Объизслѣдованіе этихъ-то условій и составляетъ предметъ теоріи судоустройства и судопроизводства; а потому *она есть ничто иное, какъ изложеніе основныхъ, разумныхъ, началъ судебной власти и ея органовъ, по отношенію ея къ сопредѣльнымъ ей властямъ—законодательной и исполнительной; такъ равно изложеніе самой ея сущности и проявленій*. Изъ этого слѣдуетъ, что судоустройство и судопроизводство составляетъ самостоятельную науку, имѣющую свою систему, свою исторію, теорію и практику. Исторія этой науки излагаетъ тѣ формы, въ которыхъ судоустройство и судопроизводство проявлялось у разныхъ народовъ, съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

Теорія ея излагаетъ тѣ общія начала, которыя вытекаютъ изъ сущности судебной власти и потребностей общества, выработанныхъ жизнію.

Практическая сторона этой науки заключается въ приложеніи ея общихъ началъ къ общественнымъ потребностямъ.

Наука эта распадается на два отдѣла, — на судоустройство и судопроизводство.

Судоустойство излагаетъ сущность судебной власти, ея условія и принадлежности.

Судопроизводство излагаетъ способы и формы проявленія судебной вла-

сти и мѣры, употребляемыя ею, истцами и отвѣтчиками и обществомъ, для возстановленія нарушеннаго права.

Но возможно-ли судоустройство и судопроизводство—какъ самостоятельная наука?.. Судоустройство, по большей части университетскихъ программъ, относилось и разсматривалось—какъ часть государственнаго права; а судопроизводство, (какъ гражданское такъ и уголовное), относилось къ той вѣтви права, къ которой оно соприкасается. Гражданское и уголовное право у теоретиковъ раздѣляется на: *опредѣлительные* и *охранительные* законы. Къ первымъ они относятъ гражданскіе и уголовные законы—въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е., по гражданскому праву—опредѣленіе правъ и обязанностей; по уголовному—опредѣленіе признаковъ преступности воли, сущность преступленій, проступковъ и запрещеній, равно сущность и соразмѣрность наказаній. Ко второму они относятъ: по гражданскому праву—мѣры къ сохраненію и возстановленію нарушеннаго гражданскаго права или гражданское судопроизводство; по уголовному—мѣры къ сохраненію общественнаго спокойствія или уголовное судопроизводство.

Такой системы придерживались и наши своды: 1832, 1842 и 1857 года. Судоустройство входитъ въ кругъ изложенія общихъ государственныхъ и губернскихъ учрежденій, въ т: 1 и 2-ой. Судопроизводство гражданское составляетъ вторую часть, т. X., гражданскихъ законовъ; а судопроизводство уголовное—ч. II. т. XV. уголовныхъ законовъ.

Подобная классификація судоустройства и судопроизводства—какъ нашей университетской наукой, такъ и самимъ правомъ,—представляетъ большія неудобства: чрезъ эту классификацію судоустройство и судопроизводство теряютъ значеніе особой, самостоятельной науки и они становится отдѣломъ трехъ различныхъ наукъ: правъ—государственнаго, гражданскаго и уголовнаго. Подобное же смѣшеніе представляетъ, при самомъ преподаваніи, большія неудобства: а) судоустройство тѣсно связано съ судопроизводствомъ и система одного въ тѣсной связи съ системою второй; поэтому для того, чтобы основательно изучить первую, нужно ее изучить совмѣстно со второю. б) При чтеніи различными профессорами: одними—судоустройства, другими—судопроизводства гражданскаго, третьими—уголовнаго,—является необходимость съ одной стороны, преподавателямъ судоустройства излагать систему судопроизводства, для уясненія своимъ слушателямъ многихъ началъ своей науки; тоже самое должны дѣлать и преподаватели судопроизводства. в) Преподаватель судоустройства, имѣя свою точку зрѣнія на свой предметъ, можетъ читать въ

духѣ одной системы, а преподаватель судопроизводства—въ духѣ другой: оттого слушатели, не имѣя опредѣленной системы, опредѣленной точки зрѣнія, не могутъ и усвоить себѣ точнаго и опредѣленнаго идеала суда и расправы. г) Судоустройство и судопроизводство—уголовное и гражданское—имѣютъ много общихъ началъ, а потому различные преподаватели должны повторять другъ друга.

Уже однѣ эти практическія причины побуждаютъ обращать судоустройство и судопроизводство въ самостоятельную науку. Но, независимо отъ этого, возможность существованія этого предмета—въ видѣ особой, самостоятельной науки,—вытекаетъ изъ теоретическихъ началъ. Государственное право имѣетъ предметомъ своимъ историческое, теоретическое и практическое изложеніе состава государства и государственной власти, какъ въ ихъ существѣ, такъ и въ ихъ проявленіи. Согласно съ этимъ, государственное право распадается на двѣ части: въ первой излагаются законы государственнаго организма, по отношенію его къ составу обществъ, изъ которыхъ государство слагается; во второй— о государственной власти. Эта-та вторая часть, въ свою очередь, согласно существу власти государственной, распадается на три отдѣла: законодательный, исполнительный или административный и судебный. Эти три отдѣла, какъ части одного цѣлаго, имѣютъ свои соотношенія, свои соприкосновенія; но, въ существѣ своемъ, каждая изъ этихъ частей составляетъ самостоятельный моментъ государственной власти; поэтому государственное право распадается на особые, самостоятельные отдѣлы права—законодательный, административный и судебный. Каждая изъ этихъ вѣтвей государственнаго права можетъ существовать какъ отдѣльная наука, имѣя свою историческую, теоретическую и практическую сторону и соприкасаясь къ другой на столько, на сколько соприкасаются другъ—къ—другуи другія самостоятельныя юридическія науки. Поэтому судоустройство, которое имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе сущности и проявленія власти судебной и можетъ также существовать какъ самостоятельная наука, въ циклѣ юридическихъ наукъ. Судопроизводство же, какъ форма проявленія и практическаго приложенія власти судебной къ жизни, само собою разумѣется, должно составлять отдѣлъ этой науки: такъ какъ его система тѣсно связана съ системою первой. Чтобы знать формы проявленія судебной власти, нужно знать ея сущность и ея органы; и обратно, для того чтобы знать сущность судебной власти и ея органовъ, необходимо знать формы и условія ихъ проявленій. Происходитъ же это отъ того, что судопроизводство и судо-

устройство — одно цѣлое, систематическое: одно цѣлое, вытекающее изъ одной потребности — ненарушимости права; изъ одной идеи — о сущности, свойствѣ и принадлежностяхъ власти судебной. Отъ того-то и два эти предмета, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, не могутъ составлять отдѣловъ трехъ различныхъ юридическихъ наукъ, а должны образовывать вмѣстѣ одну нераздѣльную науку, имѣющую свою историческую, теоретическую и практическую сторону. Еще понятно, если судоустройство читается вмѣстѣ съ государственнымъ правомъ: какъ вѣтвь этой науки она еще можетъ преподаваться въ такомъ видѣ, если къ ней присовокупить и судопроизводство. Но послѣднее невозможно потому, что законодательное и административное право такъ обширны сами по себѣ, что не только не допускаютъ никакой спеціальности для судебнаго права, но, будучи соединены лишь съ однимъ даже судоустройствомъ, они должны потерять сами свою спеціальность. Но вопросъ: что есть общаго между изложеніемъ сущности правъ и обязанностей; между признаками преступности воли, сущностью преступленій и наказаній,—и между мѣрами охраненія права, или, другими словами: между опредѣлительными и охранительными законами? Связь тѣхъ и другихъ дѣйствительно тѣсна: первые опредѣляютъ сущность и свойство права, вторые охраняютъ это право; но мѣры охраненія права не имѣютъ ничего общаго съ сущностью самого правоотношенія. Такъ напримѣръ: имѣетъ ли какую нибудь связь опредѣленіе закономъ обязательной силы договора съ тѣми формами, которыя установляются для возстановленія его силы въ случаѣ нарушенія? Рѣшительно никакой: законъ можетъ требовать и опредѣлить съ большою логичностью и совершенно разумно условія обязательности договора; а самыя мѣры, къ возстановленію его силы, могутъ быть опредѣлены несовершенно. Проистекаетъ же это отъ того, что опредѣлительный законъ есть сущность нашего права, а охранительный — форма осуществленія этого права, въ случаѣ его нарушенія. Поэтому, такъ какъ между идеею и формою есть тѣсная связь, такъ же точно есть связь и между опредѣлительными и охранительными законами; но вмѣстѣ съ тѣмъ — такъ какъ идея вовсе не зависитъ отъ формы, и одна и таже идея можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, стоящихъ на различной степени совершенства; такъ же точно и совершенство или несовершенство формы вовсе не зависитъ отъ самой идеи и отъ тѣхъ началъ, на которыхъ она построена; поэтому-то опредѣлительные законы могутъ имѣть свое разнообразіе, а охранительные — свое. На этомъ основаніи, такъ какъ совершенство и несовершенство тѣхъ и другихъ не имѣетъ между

собою ничего общаго, то они и могутъ составлять предметъ совершенно особыхъ наукъ. Такимъ образомъ судопроизводство или, иначе, охранительные законы, могли бы составлять сами по себѣ особую науку, если бы они не находились въ тѣсной связи съ другимъ самостоятельнымъ отдѣломъ государственнаго права—съ судоустройствомъ. Эти двѣ науки такъ тѣсно соединены между собою, что они по необходимости должны слиться въ одну науку. Система судопроизводства или, иначе, форма возстановленія нарушеннаго права—въ тѣсной зависимости отъ системы судоустройства или, другими словами, отъ формы проявленіа власти судебной, возстановляющей нарушенное право. Вторая излагаетъ права и обязанности судей и степень ихъ власти; первая излагаетъ соотношеніе судей къ членамъ общества. По этимъ причинамъ эти двѣ науки, сливаясь въ одно цѣлое и нераздѣльное и обнимая систематически извѣстный кругъ въ области юридическихъ наукъ, не только могутъ, но и должны составлять одну нераздѣльную науку—судоустройство и судопроизводство. Система же этой науки должна имѣть самую строгую послѣдовательность: разложивъ аналитически идею о судебной власти, она должна каждую принадлежность этой идеи анализировать всесторонне. Этой системы и мы будемъ по возможности придерживаться въ нашемъ сочиненіи; поэтому мы судоустройства, и судоустройство будемъ излагать такъ, что, начиная съ общихъ понятій, разлагая ихъ, перейдемъ къ понятіямъ видовымъ. Здѣсь же изложу лишь принятую мною систему судоустройства; а при изложеніисудопроизводства, я изложу особо его систему. Въ судоустройствѣ главное понятіе есть существо судебной власти; опредѣляя эту сущность, мы должны отдѣлить эту власть отъ властей исполнительной и законодательной. А) Она же, какъ власть верховная, имѣетъ слѣдующіе признаки: 1) *самостоятельность и независимость*: откуда рождаются понятія объ условіяхъ назначенія и удаленія судей отъ должностей; о способѣ и самой мѣрѣ содержанія судей; объ условіяхъ для занятія судейской должности; объ отвѣтственности судей и о судейской карьерѣ. 2) *Единство власти*—откуда вытекаетъ понятіе о власти общегосударственной, судебно-военной, духовной и судѣ верховномъ; Б) *Какъ власть вообще*, судебная власть: а) проявляется въ одномъ и во многихъ лицахъ—откудавытекаютъ понятія объ одноличности и коллегіальности суда; причемъ проявленія ея бываютъ: мѣстныя или общегосударственныя—откуда вытекаютъ понятія судовъ сельскихъ, мировыхъ коммерческихъ и общихъ; б) имѣетъ различныя степени своихъ органовъ—откуда рождаются понятія о судебныхъ инстанціяхъ. В) *Какъ власть*

живая, судебная власть должна имѣть органы, которые бы осуществляли ея постановленія: откуда вытекаетъ понятіе объ исполнителяхъ рѣшеній судебной власти. Г) Какъ власть, дѣйствующая *не непосредственно*, она имѣетъ посредниковъ между собою и обществомъ: откуда являются понятія о прокуратурѣ и адвокатурѣ. Д) Какъ власть, дѣйствія которой производятъ извѣстныя явленія въ государственномъ организмѣ и которая вмѣстѣ съ тѣмъ отражаетъ въ своихъ проявленіяхъ различныя отправленія государственнаго организма,—судебная власть порождаетъ понятіе о судебной статистикѣ.

И такъ мы видимъ, что вся система науки о судоустройствѣ основана на одномъ понятіи о судебной власти, и что всѣ отдѣльные вопросы этой науки суть ничто иное—какъ производныя понятія одной общей идеи, разсматриваемой съ различныхъ сторонъ. Но разсматривая не только одну общую идею о судебной власти, а также и видовыя ея понятія, равно видоизмѣненія этой идеи, судоустройство однакожъ приходитъ въ соприкосновеніе съ государственнымъ правомъ, съ исторіею, статистикою, политическою экономіею, уголовнымъ правомъ, психіатріею и психологіею. Какъ вѣтвь государственнаго права—она имѣетъ соотношеніе къ остальнымъ ея предметамъ: къ сущности общественнаго союза, правоотношенію гражданъ и къ существу власти государственной и отдѣльнымъ ея моментамъ.

Какъ наука, имѣющая свое историческое развитіе, она приходитъ въ соприкосновеніе со всемірною исторіею и частной исторіею отдѣльныхъ народовъ; и такъ какъ успѣхи ея имѣютъ тѣснѣйшую связь съ прогрессивнымъ развитіемъ общественной и внутренней жизни народовъ, то она съ одной стороны, сама выражая собою прогрессивныя стремленія человѣчества, служитъ исторіи вспомогательною наукою; съ другой стороны, прибѣгаетъ къ историческимъ фактамъ и къ законамъ общечеловѣческаго развитія, для объясненія многихъ своихъ явленій и началъ.

Какъ наука практическая, она производитъ извѣстнаго рода явленія въ общественномъ организмѣ и въ своихъ проявленіяхъ выражаетъ извѣстныя отправленія, нравственныя и экономическія, народа; вслѣдствіе этого, имѣя свою статистику, она приходитъ въ соприкосновеніе съ политическою экономіею, которая на основаніи статистическихъ началъ выводитъ законы экономическіе; поэтому, служа сама вспомогательною наукою для политической экономіи, она сама нуждается въ ея пособіи, такъ какъ начала политико-экономическія прилагаются ею къ обизслѣдованію судебно-статистическихъ явленій. Изъ послѣднихъ же можно вывывести многіе за-

коны психіатрическіе, а потому на нихъ основаны и многія начала уголовнаго права. Поэтому судоустройство есть вспомогательная наука обѣихъ этихъ наукъ, и обратно: обѣ эти науки необходимы, для разъясненія многихъ положеній судоустройства и, въ силу этого, они обратно служатъ ей вспомогательной наукой.

Вотъ главный циклъ наукъ, съ которыми судоустройство имѣетъ самую тѣсную связь; поэтому изученіе этихъ предметовъ становится необходимымъ для каждаго, кто только желаетъ изъучить основательно эту науку; кромѣ этого вышесказанное мною доказываетъ, что необходимость знанія этой науки является не только для юриста, но и для публициста, политико-экономиста, статистика, историка, криминалиста и психолога...

ГЛАВА II.

СООТНОШЕНІЕ ВЛАСТИ СУДЕБНОЙ КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ, И ОТДѢЛЕНІЕ ЕЯ ОТЪ ПОСЛѢДНИХЪ.

Первоначально власть, какъ продуктъ силы, съ развитіемъ человѣчества принимала идеальныя формы права и стала опредѣлять всѣ стороны общественной жизни: проявившись первоначально въ видѣ преобладанія сильнаго надъ слабымъ, мужчины на женщиною, родителей надъ малолѣтними дѣтьми, она потомъ стала проявляться въ идеальномъ видѣ семейной власти, потомъ приняла родовыя, племенныя и государственныя формы. Само собою разумѣется, что и въ этомъ отношеніи должно было проявиться большое разнообразіе, смотря потому въ какомъ видѣ проявлялась власть въ семействахъ: если она имѣла смягченныя формы, то она передавала такой же характеръ власти родовой, племенной и государственной. Самая же юрисдикція семейной власти заключалась во власти законодательной, судебной и исполнительной. Отецъ семейства установлялъ, (какъ законодатель), обычаи; онъ же, (какъ судья), разбиралъ споръ, членовъ своего семейства; онъ же распоряжался всѣми ихъ соотношеніями и наблюдалъ за исполненіемъ установленныхъ имъ правилъ. Отсюда эта идеализированная власть переходила къ начальнику или къ совѣту рода, племени и государства. Но само собою разумѣется, что въ какомъ видѣ эта власть проявлялась первоначально въ семействѣ и въ племени, въ такомъ естественномъ и грубомъ видѣ она переходила потомъ къ верховному главѣ государства. Но по мѣрѣ просвѣщенія народовъ, когда въ общественной жизни стало водворяться право на разумныхъ началахъ, когда человѣкъ сталъ сбрасывать съ себя оболочку грубой силы и руководствовать разумными инстинктами и потребностями,—тогда естественно и

общественная власть стала принимать формы болѣе разумныя, согласныя съ требованіями жизни и времени. Такимъ путемъ, первоначально, въ лицѣ верховнаго правительства сосредоточилась власть законодательная, судебная и исполнительная; или же она раздѣлялась между правительствами и членами общества. И согласно съ этимъ эта власть, смотря по ходу развитія того общества, въ которомъ существовала, проявлялась первоначально въ видѣ абсолютной силы; а потомъ, съ теченіемъ времени смягчалась и принимала разумныя формы. Однакожъ верховная власть во всѣхъ государствахъ подвергалась большимъ измѣненіямъ, смотря потому каково было историческое развитіе самыхъ обществъ и отношеній ихъ къ верховной власти. На этомъ основаніи, въ однихъ государствахъ, какъ напримѣръ—въ Англіи, выработалась историческиобщественная жизнь безъ сильныхъ революцій и реформъ правительства; въ другихъ было обратно: реформы, опредѣлявшія разумныя отношенія между властями законодательною, судебною и исполнительною установлялись, вслѣдствіе духа времени, или революціями (какъ это было во Франціи), или же реформами правительствъ (какъ это было въ большей части Германіи и въ Россіи). Но такъ или иначе, а результаты историческаго развитія и прогресса идеи верховной власти стали на томъ: что законодательная, судебная и исполнительная власти должны быть совершенно отдѣлены другъ отъ друга и юрисдикція ихъ должна быть созершенно самостоятельна. Теоретическое начало этого принципа основано на исторической почвѣ и заключалось въ томъ: что смѣшеніе этихъ властей вездѣ, во всѣ вѣка, пораждало самый ужасный деспотизмъ, унижало достоинство человѣка, лишало его личности, дѣлало всѣ стороны правъ человѣка шаткими и произвольными. Мотивы же къ тому были слѣдующіе: верховная власть, какъ власть законодательная и исполнительная, установляла и приводила въ исполненіе самые жестокіе законы. Какъ власть судебная, она не могла уважать тѣ законы, которые произвольно ею измѣнялись; поэтому въ судѣ не могло быть ни системы, ни уваженія къ законамъ—все основывалось на произволѣ. При такомъ же порядкѣ, низведя человѣка къ жизни простаго животнаго, подобная власть не могла вдохнуть въ своихъ подвластныхъ ни стремленія къ нравственному, ни—къ экономическому совершенству. Нравственное совершенетво дѣлало только человѣка болѣе несчастнымъ; а экономическаго совершенства не могло быть: потому что каждый членъ общества, зная о непрочности права собственности, долженъ былъ прятаться съ своимъ богатствомъ, не пользовался имъ надлежащимъ образомъ

и поэтому каждый ограничивался пріобрѣтеніемъ только необходимаго и насущнаго. Эти то причины и вызвали отдѣленіе властей законодательной и исполнительной отъ судебной: потому что только съ этимъ отдѣленіемъ стало крѣпко право собственности, права наслѣдственныя и личныя; только съ этимъ отдѣленіемъ—договоры и обязательства, опредѣляющія нравственныя и матерьяльныя отношенія гражданъ, стали на ту ступень, къ которой ведутъ ихъ прогрессъ, цивилизація и науки; только съ этимъ отдѣленіемъ—личность человѣка и самостоятельность общества получаютъ тѣ величественныя формы, къ которымъ ведутъ ихъ христіанскія ученія; только съ этимъ отдѣленіемъ возможенъ экономическій прогрессъ, счастіе и спокойствіе человѣка; наконецъ, только при этомъ условіи возможно процвѣтаніе наукъ, ремеслъ, промышленности, искусствъ, торговли, словомъ—разумное развитіе интелектуальныхъ и матеріальныхъ силъ народа. Эту истину, хотя не вполнѣ, созналъ у насъ въ Россіи еще Петръ I-ый, учредивъ правительствующій сенатъ, какъ верховный, судебно-апелляціонный и кассаціонный трибуналъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же сенатъ имѣлъ у него права верховнаго правительства и законодательства. Яснѣе же понята эта истина въ настоящее время. Въ Высоч. указѣ, 30 марта 1859 года, о преобразованіи губер. и уѣздныхъ присут. мѣстъ, былъ въ первый разъ превозглашенъ принципъ отдѣленія судебной власти отъ исполнительной; затѣмъ (29 сентября 1862 г.) въ основныхъ положеніяхъ о судебной реформѣ было это повторено уже въ видѣ закона. Вотъ что говоритъ по этому предмету Государственный Совѣтъ [1]): «слѣдственное начало (нашего процесса) препятствуетъ донынѣ отдѣленію судебной власти отъ сопредѣльныхъ съ нею властей—административной и законодательной, которое одинаково необходимо для достиженія цѣлей каждой власти. Въ судахъ нашихъ не можетъ достаточно развиться и утвердиться ни сознаніе правъ, ни соотвѣтствующее ему сознаніе отвѣтственности, если право и отвѣтственный трудъ судебнаго дѣла принадлежитъ не судьѣ исключительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ органамъ управленія и власти. У насъ значительная часть споровъ о правѣ гражданскомъ принадлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ мѣстъ [2]) и властей, или от-

[1]) См. журналъ С. Д. Г. совѣт. о преобразованіи судебной части, ст. 63—66.

[2]) Ниже недостатки, указанные Государственнымъ Совѣтомъ, будутъ разсмотрены мною подробно—частью въ отдѣлѣ судоустройства, частью въ отдѣлѣ судопроизводства.

дѣльныхъ, спеціальныхъ, вѣдомствъ; существуетъ огромный разрядъ дѣлъ слѣдственныхъ, по которымъ мѣста и лица казеннаго управленія, начальники губерній и министры принимаютъ участіе въ судѣ и рѣшеніи. Мѣстнымъ административнымъ властямъ предоставляется вмѣшиваться въ судебное производство, подъ *предлогомъ* наблюденія за скоростію его и прекращенія медленности, и даже жалобы на медленность въ производствѣ дѣлъ нашими судебными и полицейскими мѣстами предоставлены исключительному вѣдѣнію губернскихъ правленій».

И такъ, неправильное отношеніе исполнительной власти къ судебной, вызывая неправосудіе въ государствѣ и безпорядокъ, должно было найти осужденіе, вызвать реформы, основанныя на болѣе совершенныхъ и разумныхъ началахъ. Но съ другой стороны, если вмѣшательство исполнительной власти въ дѣло суда приноситъ гибельные плоды, то и обратно: судъ долженъ быть такъ организованъ, чтобы онъ не могъ вторгнуться въ область законодательной и исполнительной власти. Необходимость эта вытекаетъ изъ того простаго основанія: что въ томъ лишь случаѣ, какъ и выразился выше Государственный Совѣтъ, каждая власть можетъ достигнуть своей цѣли, когда она независима отъ другой и дѣйствуетъ только въ кругѣ своей автономіи; въ подобномъ случаѣ она можетъ быть только безпристрастна, проявлять лишь свои естественныя и законныя права и побуждать другія отрасли государственной власти не выходить изъ своихъ естественныхъ предѣловъ. Въ противномъ случа спокойствіе общественное нарушается, и такъ какъ правосудія быть не можетъ, когда судебная власть смѣшана съ властью законодательною и исполнительною, то есть, когда судебная власть находится въ рукахъ законодателя и исполнителя, точно такъ же спокойствіе общественное нарушается, когда власть законодательная принадлежитъ власти судебной. Вторая власть есть ничто иное—какъ блюститель общественнаго спокойствія, и такъ какъ послѣднее зиждется на законѣ и обычаѣ, опредѣляющихъ всѣ личныя, нравственныя и экономическія отношенія гражданъ, то само собою разумѣется, что подобный органъ, для достиженія своей цѣли, долженъ быть только точнымъ блюстителемъ правъ и обязанностей гражданъ—безразлично, основаны ли они на обычаѣ или на положительномъ предписаніи закона. Естественно, что при такой автономіи власть законодательная или—другими словами—власть, опредѣляющая разумныя отношенія гражданъ, не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи судебной власти: нельзя быть установителемъ правъ и обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ быть блюстителемъ

ихъ. Въ подобномъ случаѣ судебная власть, сама установляя права и обязанности, не могла бы имѣть уваженія къ твердости и святости закона и, отмѣняя ихъ произвольно, явилась бы первая нарушительницею законовъ и обычаевъ; независимо отъ этого, занятая обширнымъ кругомъ своихъ дѣйствій, она не могла бы сосредоточить все свое вниманіе на исполненіе существенныхъ своихъ цѣлей. Поэтому судебная власть въ томъ лишь случаѣ можетъ осуществить свободно и разумно свои обязанности, когда она совершенно отдѣлена отъ власти законодательной и когда она вѣрна своей цѣли—блюсти за ненарушимостью существующихъ правъ и обязанностей гражданъ.

Въ этомъ лишь случаѣ общественное спокойствіе совершенно гарантировано: судебныя опредѣленія тогда суть ничто иное, какъ крайнее выраженіе законности и равноправности; приговоръ суда есть голосъ закона. Законъ не есть болѣе мертвая буква, а живое слово, внутренняя и внѣшняя жизнь общества. Судъ съ подобными условіями становится живымъ органомъ закона, точное исполненіе котораго есть крайняя его цѣль, и независимый отъ администраціи, онъ приводитъ въ исполненіе только то, что установила власть законодательная. Судъ при такихъ началахъ становится помощникомъ власти законодательной: вторая установляетъ разумныя отношенія гражданъ, первая обращаетъ эти правила въ жизнь. И только при такой гармоніи этихъ двухъ властей можетъ быть полнѣйшее общественное спокойствіе: при независимости обѣихъ этихъ властей—обѣ онѣ безпристрастны, обѣ заняты осуществленіемъ своихъ цѣлей, и каждая поэтому отправляетъ, согласно своему общественному развитію, свои естественныя функціи.

Примѣръ присвоенія властью законодательною власти судебной, и обратно, мы находимъ въ Англіи и во Франціи. Въ—первой палаты лордовъ и общинъ неоднократно присвоивали себѣ власть судебную и шли не только въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, законами и обычаями страны, но нарушили коренныя правила правосудія и справедливости. Во Франціи же парламенты своею автономіею, хотя и боролись съ правительствомъ за народныя права, но вмѣстѣ съ тѣмъ установляли также такія привиллегіи и монополіи, которыя нарушали коренныя основы правосудія и подрывали общественное спокойствіе. Вотъ почему въ Англіи лучшіе мыслители возстаютъ противъ парламентовъ за присвоеніе ими себѣ правъ суда; а во Франціи судебные парламенты, несмотря на многія ихъ заслуги, пали во время революціи, какъ отжившія учрежденія.

Поэтому ни теорія, ни жизнь не могутъ оправдать вмѣшательства одной власти въ автономію другой; вотъ почему и Государственный Совѣтъ [1]) находилъ: что слѣдственное начало, господствовавшее въ нашемъ судопроизводствѣ, открывало суду возможность, по дѣламъ судебно-гражданскаго свойства, не довольствуясь общими путями правосудія, *входить въ область законодательной власти*, и представляло тяжущимся почти безпредѣльную свободу приносить жалобы на окончательныя судебныя рѣшенія. Такимъ образомъ ослабляется законная сила судебнаго рѣшенія и съ другой стороны власть законодательная, по существу своему, имѣющая цѣлью охраненіе пользы цѣлаго общества, предоставляется суду, рѣшающему споръ частныхъ лицъ, тогда какъ примѣненіе закона къ частному случаю, исключительно принадлежащее суду, предоставляется той же власти, которою установленъ самый законъ. Для устраненія этого неудобства и для достиженія совершеннаго отдѣленія судебной власти отъ законодательной, Государственный Совѣтъ находитъ необходимымъ: «не только строго опредѣлить судебнымъ мѣстамъ рѣшать подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла не иначе какъ по точному разуму *существующаго* законане испрашивая никогда, подъ предлогомъ неясности или неполноты за, кона, разрѣшенія высшихъ мѣстъ; но объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что судебныя мѣста, за нарушеніе этого правила, подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи». Далѣе, обизслѣдуя причины такого вторженія судебной власти въ область законодательной, Государственный совѣтъ находитъ, что у насъ до изданія свода законовъ существовало общее правило, воспрещавшее испрашивать, подъ предлогомъ мнимой неясности, указа на указъ; правило это вошло впослѣдствіи въ статьи 60 и 65 основныхъ законовъ.

Въ первой изъ этихъ статей изображено: «законъ дѣйствуетъ только на будущее время. Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія».

Во второй статьѣ сказано: «если бы гдѣ либо, по различію буквальнаго смысла узаконеній, встрѣтились затрудненія въ избраніи и примѣненіи закона къ разсматриваемому дѣлу: въ такомъ случаѣ, по невоз-

---

[1]) См. журналъ соед. депар. госуд. совѣта о преобразованіи судебной части, стр. 54—56.

можности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другого, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла наиболѣе оному соотвѣтственнаго».

«По точному разуму этихъ законовъ, говоритъ госуд. совѣтъ, судебнымъ мѣстамъ, слѣдовало бы рѣшать дѣла по смыслу существующихъ законовъ, а затѣмъ уже представлять, по ст. 52 законовъ основныхъ, о неясности или недостаткѣ закона своему начальству. Но *по принятому у насъ порядку*, въ случаѣ недоразумѣнія въ законахъ, возникающаго при разсмотрѣніи дѣлъ, всѣ судебныя мѣста, начиная съ низшихъ, представляютъ о томъ мѣстамъ высшимъ *до рѣшенія дѣла*, которое, проходя чрезъ всѣ инстанціи и Государственный Совѣтъ, восходитъ на разрѣшеніе Государя Императора, и вслѣдствіе этого дѣло рѣшится на основаніи *новаго закона*, получающаго въ такомъ случаѣ обратное дѣйствіе, если только Государственный Совѣтъ, въ мнѣніи своемъ, не объяснитъ положительно, что новый законъ не имѣетъ обратнаго на то дѣло дѣйствія; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ окончательное рѣшеніе этого дѣла замедляется, безъ всякой надобности, до обсужденія законодательнаго вопроса. Порядокъ этотъ установился на практикѣ вслѣдствіе того, что въ 1. т. учрежд. прав. сената и во 2 т. о губерн. учрежд., есть статьи не вполнѣ согласныя со статьями: 60 и 65-ою основныхъ законовъ».

«Въ ст: 227, т. 1. учр. прав. сената сказано: «сенатъ не приступаетъ къ рѣшенію такихъ дѣлъ, по которымъ не окажется точнаго закона, но во всякомъ случаѣ (*казусѣ*), требующемъ изданія новыхъ, или пополненія, либо перемѣны существующихъ узаконеній, составляетъ проэктъ разрѣшенія и все дѣло вносится министромъ юстиціи, съ его заключеніемъ, къ Его Императорскому Величеству чрезъ Государственный Совѣтъ».

«Въ ст: 251, т. II. общ. губер. учр. объяснено: «никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона; въ семъ случаѣ судебныя мѣста въ губерніяхъ обязаны представлять губернскому начальству, которое, сдѣлавъ предварительно въ общемъ собраніи Губернскаго Правленія и Палатъ совѣщанія, доноситъ о томъ Правительствующему Сенату».

«Въ ст: 746-ой той же части сказано: «запрещается подъ предлогомъ мнимой неясности испрашивать указа на указъ; требовать же разрѣшенія можно тогда только, когда дѣйствительно встрѣчены будутъ за-

трудненія въ исполненіи постановленій, или когда самый буквальный смыслъ закона подаетъ поводъ къ недоразумѣнію».

«Въ этихъ статьяхъ заключается причина неисполненія статей 60-ой и 65-ой основныхъ законовъ и *существенный* недостатокъ нашего судопроизводства: смѣшеніе власти *судебной* и *законодательной*».

«Посему, въ видахъ охраненія силы статьи 60-ой основныхъ законовъ и для надлежащаго развитія основного начала гражданскаго судопроизводства— объ отдѣленіи судебной власти отъ законодательной, Государственный Совѣтъ положилъ необходимымъ въ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства помѣстить правило: «что всѣ судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла по точному разуму *существующихъ* законовъ, и что нарушеніе этого общаго правила, подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, считается отказомъ въ правосудіи. Самую же судебную власть отдѣлить отъ исполнительной, административной и законодательной».

Одни ужъ эти причины, указанныя Государ. Совѣтомъ достаточны для того, чтобы обязать суды рѣшать дѣла всегда по точному смыслу закона; но эта потребность становится еще очевиднѣе, когда мы скажемъ 1) что самое наше судопроизводство со всѣми его главнѣйшими формами обрядами и развитіемъ, равно гражданскіе законы — суть ничто иное какъ судебная практика, приведенная въ единство сводомъ законовъ 1832 года и получившая дальнѣйшее развитіе въ *дополненіяхъ*, *толкованіяхъ*, *измѣненіяхъ и исключеніяхъ* статей закона, которыя получили вновь двѣ формы: свода 1842 и 1857 годовъ. Это открывается изъ цитатъ къ статьямъ трехъ нашихъ сводовъ: Графъ Сиернскій свелъ въ сводъ всѣ законы, регламенты, Высочайшіе указы, Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта по частнымъ дѣламъ и составилъ такимъ образомъ сводъ 1832 года; затѣмъ законодательная дѣятельность шла тѣмъ же путемъ: частные случаи, частныя рѣшенія Государственнаго Совѣта по частнымъ дѣламъ становились или толкованіемъ закона, или измѣненіемъ его или дополненіемъ. На этомъ основаніи судебная практика, отмѣняя, измѣняя и дополняя статьи закона безъ системы, безъ общихъ началъ, произвольно измѣняла основные гражданскіе законы и порядокъ суда и расправы. 2) Но когда дѣло восходило до Государственнаго Совѣта, тогда власть законодательная, хотя и сепаратнымъ указомъ и отмѣняла общій смыслъ прежняго закона, то по крайней мѣрѣ рѣшенія его обращались въ законъ; но хуже было, когда смыслъ за-

кона получалъ превратное толкованіе, или измѣненіе отъ департаментовъ или общихъ собраній сената. Подобныя измѣненія не могли болѣзненно не отзываться на правосудіи: общія собранія сената и его департаменты совершенно независимы другъ отъ друга и имѣютъ опредѣленную юрисдикцію; въ сферѣ послѣдней каждый департаментъ установлялъ извѣстные юридическіе обычаи, извѣстное пониманіе закона, обряда и формы и въ этомъ смыслѣ направлялись всѣ подчиненныя имъ мѣста. Вслѣдствіе этого каждый судебный кругъ, по отношенію къ подчиненности его департаментамъ сената, имѣлъ свою, такъ называемую, судебную практику, неимѣвшую ни системы, ни опредѣленныхъ началъ. Послѣднее же происходило оттого, что каждый новый составъ членовъ сената или его канцеляріи, измѣнялъ нерѣдко и смыслъ его постановленій, такъ что судъ нашъ не имѣлъ и не могъ имѣть единства ни въ дѣйствіяхъ, ни въ пониманіи законовъ.

3) Эти-то причины и вызывали со стороны низшихъ судовъ кривое толкованіе законовъ и примѣненіе къ совершенно однороднымъ дѣламъ самыхъ разнородныхъ, разнорѣчивыхъ законовъ, такъ что каждый судъ толковалъ законъ—какъ хотѣлъ: то отказывалъ онъ тяжущимся въ правосудіи, подъ предлогомъ несясности закона; или же обратно: допускалъ право, потому что нѣтъ запрещенія закона или же потому же самому основанію отрицалъ право. Сенатъ съ своей стороны придерживался той же системы: а потому или прямо ставъ въ разрѣзъ съ закономъ и, подъ предлогомъ неясности, отмѣнялъ его; или въ случаѣ дѣйствительной неясности, входилъ съ представленіемъ, которое вовсе не объясняло, а прямо отмѣняло законъ.

Естественно, что при такомъ порядкѣ нельзя было и ожидать, что законъ будетъ имѣть надлежащую силу и нельзя было сказать, что гражданское и уголовное право въ существѣ своемъ подлежитъ измѣненію и толкованію власти законодательной: не только каждый департаментъ сената, но и каждая палата, каждый уѣздный судъ и магистратъ считали себя вправѣ понимать законы по своему крайнему разумѣнію; а потому каждый изъ нихъ вторгался въ область власти законодательной. Подобное безначаліе не могло не отразиться болѣзненно и на общественномъ организмѣ: оно не только подрывало общественное спокойствіе и экономическій бытъ народа, но и всѣ основныя начала общественности—права личныя и имущественныя. При такомъ порядкѣ все было непрочно: и неприкосновенность личности. и право собственности, и право наслѣдственное...

Высочайшій указъ 24 сентября 1862 года, объ основныхъ началахъ судебной реформы, положилъ конецъ такому безначалію: обязавъ суды рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, онъ предоставилъ единственно кассаціонному суду (правительствующему сенату) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ. Отнынѣ кассаціонный судъ будетъ единымъ верховнымъ истолкователемъ истиннаго смысла закона и онъ же будетъ направлять всѣ суды Россіи къ единству дѣйствія и пониманія законовъ. Эта мѣра уничтожитъ произвольное установленіе въ судахъ обычаевъ, формъ, обрядовъ и различное пониманіе ими права, и вслѣдствіе этого въ судѣ нашемъ появится система и разумное уясненіе себѣ и обществу основныхъ началъ правосудія; только эта мѣра дастъ надлежащую прочность закону, опредѣляющему основныя начала общественности: неприкосновенности личности, праву собственности и другимъ сторонамъ права; только эта мѣра водворитъ въ нашемъ отечествѣ правосудіе на началахъ закона, любви и милосердія и поведетъ нравственныя и матерьяльныя силы народа къ прогрессу и общественному совершенству.

ГЛАВА III.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА И ЕЯ УСЛОВІЯ. —НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ.

Послѣ разграниченія власти судебной отъ исполнительной и законодательной, самостоятельность суда есть одна изъ существенныхъ условій, необходимыхъ для свободнаго проявленія ею своихъ функцій. Это понятіе вытекаетъ изъ самой сущности судебной власти, какъ о власти верховной. Судебная власть есть власть верховная и въ государствѣ ей ввѣрено наблюденіе за исполненіемъ закона, за ненарушимымъ осуществленіемъ господствующаго въ государствѣ права. Какъ власть верховная, она должна подчинять себѣ все, что только ни входитъ въ предѣлъ ея автономіи: поэтому она должна подчинить своей юрисдикціи всѣ сословія, всѣ лица и всѣ предметы, касающіеся прямо или косвенно нарушенія права. Выполнить же успѣшно такую обширную программу можетъ она только тогда, когда дѣйствія ея совершенно свободны и когда она не подчинена никакой другой власти. Но дѣйствія ея тогда только могутъ быть свободны, когда она никому не подчинена: потому что подчиненность стѣсняетъ свободу дѣйствій и ставитъ совѣсть судей въ зависимость отъ посторонней воли. Чтобы человѣкъ свободно высказалъ свое сужденіе о данномъ предметѣ, нужно совершенно свободное, самостоятельное мышленіе; нужно, чтобы сужденіе его было высказано по чистой совѣсти, публично, какъ на исповѣди. Гдѣ же есть подчиненность, тамъ является или боязнь наказанія, или ожиданіе награды: а при такомъ порядкѣ нельзя ожидать правдиваго суда. Судъ долженъ самъ собою, какъ верховный органъ государства, подчинить своей юрисдикціи всѣ остальныя государственныя учреж-

денія, кромѣ равноправной ей исполнительной и законодательной власти; а потому подчиненіе судебной власти какому нибудь изъ органовъ этихъ двухъ послѣднихъ не можетъ имѣть мѣста: такъ какъ это противорѣчило бы сущности государственной власти. На этомъ основаніи судебная власть должна быть поставлена въ государствѣ въ такія условія, чтобы самостоятельность ея была непоколебима. Жизнь и наука выработали по этому предмету слѣдующія начала: 1) независимость и несмѣняемость судей; 2) выборное начало.

Несмѣняемость судей есть, по мнѣнію большинства юристовъ, одно изъ существеннѣйшихъ условій самостоятельности суда. Несмѣняемость ставитъ судью въ независимое положеніе, и при этомъ условіи, кто бы его не назначалъ—общество-ли или правительство, — онъ сохраняетъ свою самостоятельность и можетъ совершенно свободно отправлять свои обязанности: потому что ограничить его автономію, или удалить отъ должности, или наказать его за его сужденія, не вправѣ никакая власть въ государствѣ. Въ единственномъ случаѣ судья подчиняется общему дѣйствію судебной власти, когда онъ выходитъ изъ круга своихъ правъ или же совершаетъ проступокъ или преступленіе. Въ первомъ случаѣ судебная власть указываетъ ему его юрисдикцію; во второмъ, судитъ его, какъ частнаго человѣка, на основаніи общихъ законовъ государства. Послѣднее основано на томъ, что въ судьѣ два лица: одно оффиціальное, которому ввѣрило государство нѣкоторыя функціи судебной власти; другое лицо—частное, имѣющее свои гражданскія отношенія и обязанности къ другимъ членамъ общества и къ государству. Въ первомъ отношеніи судья лицо независимое; во второмъ—онъ зависимъ и подчиненъ, какъ и прочіе граждане, державной волѣ судебной власти. Вотъ почему и судья, переступая предѣлы своей власти, или же дѣйствуя внѣ круга своихъ обязанностей, подчиняется общей судебной власти, какъ нарушитель общественнаго спокойствія и какъ частный членъ общества. При такомъ условіи, когда только одна судебная власть можетъ извергнуть свой гнилой членъ и и когда никакая другая власть въ государствѣ не можетъ имѣть вліянія ни на общественное положеніе судьи, ни на неприкосновенность его личности, тогда само собою разумѣется, что положеніе его можетъ назваться вполнѣ независимымъ.

«Должны ли судьи, говоритъ Бентамъ [1]),—быть безсмѣнны, или же па-

[1]) См. О судоустройствѣ. Соч. Бентама. перев. Кпирима. СПб. 1860.

лата депутатовъ или сословіе избирателей должны имѣть власть смѣнять ихъ по большинству голосовъ?... Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшаемъ различнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что изъ результатовъ практики нельзя еще вывести положительнаго заключенія. Предубѣжденіе публицистовъ не благопріятствуетъ смѣняемости; но если преувеличиваютъ сопряженную съ нею опасность, то и не имѣютъ должнаго понятія о тѣхъ мѣрахъ, которыми можно предотвратить злоупотребленія права отрѣшенія судей отъ занимаемыхъ ими должностей. Представимъ сперва доводы въ пользу смѣняемости, а потомъ разсмотримъ возраженія противъ нихъ!!»

1) «*Право выбирать безъ права отрѣшать не вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли.* Кѣмъ должны быть замѣщаемы общественныя должности? Тѣми-ли, которые прежде пользовались довѣріемъ избирателей, или тѣми, которые пользуются имъ въ настоящее время?... Выборъ есть выраженіе довѣрія. Но развѣ можно поручиться, что человѣка, котораго мы уважаемъ сегодня, мы будемъ уважать всегда? Развѣ мы можемъ быть увѣрены, что на дѣлѣ онъ не обманетъ надеждъ, которыя подавалъ; что онъ не перемѣнится; что власть не произведетъ на него гибельнаго вліянія. Какая огромная разница между кандидатами на извѣстное мѣсто и человѣкомъ, который уже получилъ его и не можетъ болѣе потерять! Популярность судьи составляетъ дѣйствительное благо; его непопулярность приноситъ большой вредъ, независимо отъ его дѣйствительныхъ достоинствъ или недостатковъ. *Недостаточно, чтобы онъ былъ справедливъ: необходимо, чтобы его считали справедливымъ.* Хотя его честность безукоризненна, но этого еще мало для общества: нужно, чтобы она была безъукоризненна въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Какъ только онъ потерялъ довѣріе общества, хотя бы и несправедливо, оставленіе его судьею будетъ постояннымъ источникомъ опасеній.»

Съ этими доводами Бентама нельзя согласиться: по его теоріи, справедливость и честность человѣка не должны быть безусловны, а онѣ признаются за нимъ тогда лишь, когда онѣ признаны обществомъ. Теорія эта ведетъ къ самымъ оригинальнымъ заключеніямъ, такъ какъ по большей части, такъ называемые, честные люди въ обществѣ, при ближайшемъ взглядѣ на ихъ частную и общественную дѣятельность, оказываются отъявленными негодяями. И обратно: люди преслѣдуемые иногда съ жестокостью общественнымъ мнѣніемъ, не рѣдко оказываются честнѣйшими и правдивѣйшими людьми. Каждый день мы можемъ указать сотни подобныхъ примѣровъ. Просимъ вспомнить каждаго изъ нашихъ читателей:

развѣ не случается съ удивленіемъ слышать, что такой-то господинъ, *честно* и *ревностно* служившій много лѣтъ, *вдругъ* проворовался. Что это за случайность?... Ничто не дѣлается съ человѣкомъ *вдругъ*, а имѣетъ основанія, которыя гнѣздятся во всей прошедшей его жизни. И бывшій честный господинъ потому лишь казался обществу честенъ, что разыгривалъ предъ нимъ превосходно эту роль; но когда у него, по выраженію Кречинскаго, «сорвалось»! тогда по неволѣ общество увидѣло свою ошибку. Бываетъ и обратно: нерѣдко человѣкъ, преслѣдуемый общественнымъ мнѣніемъ, какъ отъявленный взяточникъ, умираетъ гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ подвалѣ, и нечѣмъ его похоронить... Значитъ, что второй не умѣлъ съиграть своей роли искустно и не льстилъ общественному сознанію. Въ этомъ случаѣ басня Крылова «Моръ звѣрей» весьма поучительна: всѣ лютые звѣри оказываются въ общественномъ мнѣніи невинными агнцами; а волъ, стянувшій, съ голоду, съ поповскаго воза клокъ сѣна, оказывается достойнымъ всесожженія!... Но мы въ этомъ случаѣ нисколько не винимъ общественнаго мнѣнія; стоитъ только вникнуть въ то, какъ оно слагается по большей части: каждое общество имѣетъ своихъ крикуновъ и миротворцовъ—это люди, популярные, ставшіе въ такое положеніе или ради своего выгоднаго экономическаго состоянія, или ради того, что умѣли составить себѣ большое знакомство; эти-то популярные люди и даютъ не рѣдко, въ особенности въ провинціяхъ, дипломы на честность и безчестность. Въ особенности же дипломъ на послѣднее званіе дается весьма легко: общество всегда охотнѣе вѣритъ всему дурному, чѣмъ хорошему. При такомъ несовершенномъ состояніи общественнаго сознанія, любовь и ненависть его легко разжигаются: исторія представляетъ тому тысячи примѣровъ; поэтому нельзя сказать словами Бентама: что тотъ честенъ, кого признаетъ такимъ общество... Человѣкъ долженъ быть безусловно правдивъ и честенъ, каковъ былъ Сократъ и какъ этотъ великій человѣкъ, сознавая свою невинность, находилъ не нужнымъ обратиться къ милосердію своего народа (демоса) и просить помилованія, такъ точно долженъ поступать каждый истинно честный гражданинъ. Ищущій же лишь признанія за нимъ гражданскихъ доблестей есть только искусный актеръ, умѣющій кстати льстить общественному самолюбію, которое, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, удовлетворяетъ условіямъ не только законности, но и абсолютной правды и справедливости. Основываясь на этомъ, я не считаю совсѣмъ вѣрною гарантіею истиннаго правосудія—пристрастное довѣріе общества къ своимъ любимцамъ: кого мы любимъ, тому

довѣряемъ; но можетъ ли любовь наша къ человѣку всегда измѣрять истинные его заслуги или достоинства?... «Популярность судьи, говоритъ Бентамъ, составляетъ дѣйствительное благо; его непопулярность приноситъ большой вредъ, независимо отъ его дѣйствительныхъ достоинствъ или недостатковъ.» Мы согласны съ тѣмъ, что съ популярностью судьи—вліяніе его можетъ быть благодѣтельно, но въ томъ лишь случаѣ, когда онъ честный человѣкъ; если же онъ нечестенъ, то можно сказать совершенно противное: вліяніе его можетъ быть самое зловредное. Непопулярность же судьи, если онъ человѣкъ честный, дѣйствительно отнимаетъ у него возможность приносить пользу въ болѣе обширной сферѣ; но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ быть зловреднымъ, какъ это говоритъ Бентамъ. Истинно честный человѣкъ идетъ всегда однимъ и тѣмъ же путемъ, не обращая вниманія — нравится ли это кому нибудь или нѣтъ: онъ дѣйствуетъ такъ или иначе, потому что такъ указываетъ ему его совѣсть. «Выборъ, говоритъ Бентамъ,—есть выраженіе довѣрія. Но развѣ можно поручиться, что человѣка, котораго мы уважаемъ сегодня, мы будемъ уважать всегда?» Это совершенно справедливо, но если судья вашъ не честенъ, недобросовѣстенъ, то развѣ у васъ нѣтъ средствъ его избавиться: преслѣдуйте его судомъ; если же у васъ нѣтъ достаточныхъ уликъ это сдѣлать, то вы не вправѣ и произносить строгаго приговора надъ нимъ.

2) Далѣе Бентамъ продолжаетъ: «причины, ослабляющія общественное довѣріе, бываютъ часто таковы, что не допускаютъ никакого другого средства, кромѣ отставки; между тѣмъ простое право *отставлять*, дѣйствуя какъ предохранительное средство, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе, даже безъ примѣненія его къ дѣлу. Извѣстная степень неспособности или нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ можетъ мало по малу разрушить довѣріе общества къ судьѣ, не представляя достаточной причины къ отрѣшенію его по судебному приговору. Такъ напримѣръ: упадокъ умственныхъ силъ судьи, очевидный для всѣхъ, но имъ самимъ, можетъ быть, даже неподозрѣваемый. Этотъ родъ неспособности, проистекающій отъ престарѣлаго возраста или болѣзней, возбуждаетъ болѣе сожалѣніе, нежели негодованіе и не можетъ оправдать, даже послѣ явныхъ ошибокъ судьи, отставку его по судебному приговору. Нетерпѣливость, грубость. худой нравъ не исключаютъ собою ни честности, ни способностей; тѣмъ не менѣе они составляютъ большіе недостатки въ судьѣ, такъ какъ влекутъ за собою излишнюю торопливость. Посмотрите на судью

угрюмаго и повелительнаго: его лицо выражаетъ нетерпѣніе, его слова сухи и рѣзки; слишкомъ увѣренный въ своихъ способностяхъ, онъ принимаетъ замѣчанія, какъ упреки; онъ заставляетъ молчать людей робкихъ или по крайней мѣрѣ лишаетъ ихъ присутствія духа, которое такъ необходимо для представленія удовлетворительныхъ объясненій; онъ сообщаетъ суду совершенно несвойственный ему характеръ высокомѣрія и презрѣнія и тѣмъ отталкиваетъ отъ него. Все это не можетъ послужить поводомъ къ формальному обвиненію и даже трудно предположить, чтобы судья, *безукоризненный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ*, былъ отставленъ по вышеизложеннымъ причинамъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что страхъ отрѣшенія безъ суда будетъ обуздывать припадки своенравія и заставитъ судью снискивать народную любовь *привѣтливостью*, *снисходительностью* и *терпѣніемъ*.»

Мастерскою кистью начертилъ намъ Бентамъ типъ суроваго, брезгливаго судьи, и мы согласны съ нимъ, что типъ этотъ не только возможенъ, но долженъ быть антипатиченъ Дѣло однакожъ въ томъ, что если онъ, по словамъ Бентама, *безукоризненъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ*, то его брюзгливость и сухость не могутъ быть еще настолько вредны, чтобы общественное спокойствіе было нарушено. Каждый подсудимый и тяжущійся можетъ избѣгнуть дурного вліянія этихъ недостатковъ, ввѣривъ защиту своего дѣла адвокатамъ, привыкшимъ обращаться съ сухимъ судьею и знающимъ, что не смотря на его нетерпѣніе и брюзгливость, но что честность заставитъ его выслушать всѣ стороны дѣла, если только искустно и деликатно навести его на это. Поэтому адвокатура умѣетъ сгладить тѣ недостатки, которые дѣйствительно безъ нея могли бы неблагопріятно дѣйствовать на правосудіе. Слѣдовательно, хотя привѣтливость, терпѣливость и снисходительность должны быть существенными принадлежностями хорошаго судьи; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ признать, чтобы отсутствіе ихъ могло быть важнѣйшимъ поводомъ къ удаленію судьи отъ должности. Я уже однажды начертилъ въ «Полицимейстерѣ Бубенчиковѣ» типъ, совершенно противоположный типу Бентама: мой судья — человѣкъ въ высшей степени благодушный и религіозный, который сегодня обнимаетъ и цѣлуетъ тяжущагося, а на завтра подписываетъ рѣшеніе по которому онъ беззаконно лишаетъ его всего достоянія. Гвардейская галантерейность, по выраженію нашей отечественной беллетристики, хороша въ салонахъ и нужна, если хотите, и въ общественной жизни; но это только одна форма. По мнѣ—лучше суровый, но честный

судья, нежели вѣжливый и нечестный. Суровый судья можетъ дѣйствовать только непріятно на нервы дамъ, а не на общественное спокойствіе; между тѣмъ какъ, вѣжливый и пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, судья можетъ нарушить общественное спокойствіе. Намъ не нужны судьи—добрые малые, бонвиваны, умѣющіе хорошо и любезно принимать просителей; а намъ нужны серьозные судьи, строгіе исполнители своихъ прямыхъ обязанностей. Скажите—легче ли вамъ будетъ, если васъ встрѣтитъ судья ласково, внимательно и рѣшитъ ваше дѣло вкривь и вкось; или если онъ встрѣтитъ васъ рѣзко и сухо, а между тѣмъ окажетъ вамъ правосудіе?.. Если бы вы, по нашему народному выраженію, хотѣли съ нимъ крестить дѣтей, тогда дѣйствительно вамъ нужно бы было первое условіе: такъ какъ суровый и брюзгливый кумъ—вещь непріятная; но если вамъ только нужно, чтобы ваше право было возстановлено, то для васъ рѣшительно все равно: будетъ-ли оно возстановлено съ комплиментами или безъ комплиментовъ; и если вамъ не нравится грубый, рѣзкій, сухой тонъ и манеры судьи, то вамъ разрѣшается не принимать его въ своихъ салонахъ. Другое основаніе Бентама гораздо раціональнѣе; онъ *указываетъ на упадокъ умственныхъ силъ судьи, который проистекаетъ отъ престарѣлаго возраста или болѣзней*... Съ этимъ мы не можемъ не согласиться; но объ этомъ ближе всего могутъ судить не столько избиратели, какъ сотоварищи судьи. Поэтому, мѣры для избѣжанія этихъ неудобствъ могутъ заключаться въ томъ, что законъ можетъ установить возрастъ, до котораго судья можетъ занять извѣстную должность, послѣ чего, должна быть перебаллотировка его: въ этомъ случаѣ сотоварищи судьи могутъ указать его способность или неспособность. Но во всякомъ случаѣ подобная оцѣнка не можетъ находиться въ рукахъ избирателей или, другими словами, лицъ, которыя,—если не сегодня, то завтра, могутъ имѣть въ судѣ дѣла. Голосъ судей въ этомъ отношеніи можетъ быть независимѣе, такъ какъ между судьями нѣтъ никакой подчиненности и соотношеній: всѣ они равноправны, и если одинъ подастъ сегодня пристрастно голосъ противъ другого, то на завтра онъ можетъ подвергнуться той же участи. Впрочемъ и здѣсь едвали возможно будетъ избѣгнуть безпристрастія—какъ это обыкновенно случается во всѣхъ корпораціяхъ: и здѣсь партіи и крикуны будутъ вліять прямо и косвенно на баллотировку—какъ это мы не рѣдко видимъ въ нашихъ университетахъ, гдѣ установленъ подобный порядокъ баллотировокъ профессоровъ, послѣ 25-лѣтней ихъ службы. Но полнаго, безусловнаго, совершенства нѣтъ ни въ какомъ учрежденіи. Одна-

кожъ подобная мѣра заключаетъ въ себѣ меньше зла, чѣмъ инициатива въ этомъ случаѣ избирателей. Все-таки, при такомъ порядкѣ, судья сохраняетъ полнѣйшую независимость и если онъ можетъ быть недоволенъ кѣмъ нибудь, то не обществомъ, а своими сотоварищами, которые были къ нему пристрастны. Что же касается до случайныхъ причинъ упадка способностей судьи, какъ то: болѣзни или усиленныхъ трудовъ,—то этимъ нисколько не уничтожается его добросовѣстность и честность, и если въ немъ дѣйствительно заключаются эти достоинства и если вы обезпечиваете его жизнь пенсіономъ, то едва ли онъ захочетъ самъ продолжать свою дѣятельность, чувствуя, что ему уже не по силамъ усидчивый и безпокойный трудъ судьи.

Еще менѣе основательны доводы Бентама противъ несмѣняемости.

«Противъ системы смѣняемости, говоритъ онъ, приводятъ два возраженія:

1) принявъ ее, мы *рискуемъ повредить независимости* судьи: вмѣсто того, чтобы руководствоваться только справедливостью въ произнесеніи своихъ приговоровъ, онъ будетъ искать въ нихъ средства снискать расположеніе лицъ, отъ которыхъ зависитъ его отставка».

«На это возраженіе, говоритъ Бентамъ,—я отвѣчу: что въ словѣ независимость скрывается двусмысленность. Для судьи прежде всего необходима честность, но честность не есть слѣдствіе полной независимости. Зависимость судьи отъ вліянія власти благопріятствуетъ честности. Но почему? Потому что она ставитъ его въ большую зависимость отъ общественнаго мнѣнія; потому что она усиливаетъ связи, соединяющія его съ массою общества; потому что при существованіи ея, судья становится служителемъ закона, служителемъ общества. Независимость прекрасна, когда она примѣняется къ нравственному мужеству судьи, который не стѣсняется властью и стороннимъ ходатайствомъ. Но не должно увлекаться этою мыслію, не должно ложно ее толковать, выводя изъ нея, что судьѣ необходимо быть независимымъ для того, чтобы никому не отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы не заботиться объ общественномъ мнѣніи, чтобы считать свою должность собственностью, которую онъ можетъ потерять только вслѣдствіе ясныхъ злоупотребленій. Такая независимость произвела бы гибельные результаты—нерадѣніе судьи къ исполненію его обязанностей и высокомѣрный тонъ его обращенія. Мы признали гласность краеугольнымъ камнемъ правосудія между прочимъ потому, что она поставляетъ судью въ зависимость отъ общественнаго мнѣнія, что она обуз-

дываетъ его своеволіе и въ тоже время поощряетъ его къ дѣятельности; но если безграничная независимость дѣйствительно такъ полезна, какъ нѣкоторые полагаютъ, то необходимо поскорѣе покрыть снова дѣйствія судьи завѣсою тайнъ и возстановить секретное судопроизводство — единственное средство сдѣлать его вполнѣ независимымъ».

Всѣ эти основанія могутъ имѣть силу тогда, когда вы въ судьѣ предполагаете отъявленнаго негодяя. При независимости судьи, законодательство гарантируетъ его безпристрастіе: 1) выборомъ судьи изъ людей испытанныхъ; 2) гласностью суда; 3) апелляціею.

Но въ первомъ отношеніи допустимъ, что вы ошиблись, что выборъ вашъ палъ на человѣка неблагонамѣреннаго; все же вы не могли на столько ошибиться, чтобы назначить въ судьи человѣка совершенно безчестнаго.

Гласность суда есть болѣе контроль нравственный, чѣмъ юридическій: она существуетъ для того, чтобы нравственно побудить судью къ правильному рѣшенію дѣла. При гласности совѣсть его открыта предъ обществомъ и нужно быть отъявленнымъ негодяемъ, чтобы публично совершить крайнюю несправедливость. Наконецъ, если она даже и совершена, то общественное мнѣніе, при апелляціи, склоняетъ верхній судъ къ перерѣшенію дѣла, согласно требованіямъ закона и справедливости. Такимъ образомъ судья, за крайнюю свою несправедливость: 1) видитъ свое рѣшеніе уничтоженнымъ; 2) подвергается публичному осужденію общества посредствомъ печати. Если въ немъ совѣсть еще не совсѣмъ угасла, то такое положеніе можетъ потрясти его до глубины души; если же онъ убаюкалъ ее софизмами, то одна уже боязнь, что онъ потерялъ общественное довѣріе и уваженіе своихъ товарищей и что чрезъ это онъ можетъ лишиться дороги къ дальнѣйшему повышенію,—можетъ побудить его, съ одной стороны, серьозно взглянуть на свою будущность, съ другой— воздерживаться отъ крайнихъ рѣшеній. На этомъ основаніи, при безсмѣнности, остаются еще сильныя гарантіи безпристрастности судьи и при гласности процесса, не смотря на свою неприкосновенность, всякое его повышеніе, стоитъ еще въ прямой зависимости отъ общественнаго мнѣнія и степени уваженія къ нему его собратовъ по профессіи. Основываясь на этомъ, мы не находимъ смѣняемость крайне необходимою гарантіею праведности судьи... И въ этомъ случаѣ, какъ вообще во всѣхъ данныхъ случаяхъ, устрашительное начало наказуемости едва-ли можетъ достигать цѣли. Каждый человѣкъ, какъ бы извращенъ онъ ни былъ, считаетъ себя честнымъ,

такъ якъ совращенность его происходитъ единственно отъ неправильнаго опредѣленія имъ понятія о честности; если же у человѣка есть ясный взглядъ на честность, то совершивъ безчестный поступокъ, едва-ли онъ охотно желаетъ его выставить на показъ обществу. Въ первомъ случаѣ— угроза отрѣшенія отъ должности едва-ли будетъ имѣть мѣсто: такъ какъ судья, *будучи убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно*, не будетъ придавать особеннаго значенія этой угрозѣ и будетъ продолжать дѣйствовать по крайнему своему разумѣнію. Во второмъ случаѣ—угроза не будетъ имѣть мѣста, такъ какъ судья съумѣетъ прикрыть свою безчестность формализмомъ и разными другими благовидностями. Слѣдовательно, *идея-угрозы* теряетъ свою силу и во второмъ случаѣ; дѣйствительное же удаленіе отъ должности судьи будетъ имѣть мѣсто только въ первомъ отношеніи. Но мы сомнѣваемся, чтобы какой нибудь судья былъ настолько дерзокъ, чтобы идти противъ общепринятаго понятія о добросовѣстности и честности; отъ того-то подобные случаи будутъ весьма рѣдки и едва-ли, какъ исключенія изъ общаго правила, они могутъ и служить основаніемъ, для предоставленія классу избирателей права удаленія отъ должностей судей.

2) Второе основаніе противниковъ смѣняемости, — продолжаетъ Бентамъ, «есть *опасеніе, что отрѣшеніе отъ должности безъ суда удалитъ отъ судебнаго поприща людей наиболѣе къ нему способныхъ*. Они не захотятъ принять должность, на которой могутъ сдѣлаться игрушками прихотей общественнаго мнѣнія».

«Конечно, ничто не можетъ такъ повредить репутаціи, какъ произвольныя и необходимыя отрѣшенія, носящія въ себѣ характеръ страсти и несправедливости. Итакъ, предоставляя сословію избирателей или собранію представителей народа право отрѣшать судей отъ занимаемыхъ ими должностей, необходимо принять мѣры предосторожности, опредѣливъ для постановленія подобныхъ рѣшеній или число голосовъ, или извѣстное время въ году. Мы можемъ указать здѣсь только на руководящія начала; ихъ примѣненіе будетъ зависѣть отъ государственнаго устройства и не подлежитъ сомнѣнію, что право отставлять не должно быть отдано на жертву борьбѣ политическихъ партій и что имъ должно пользоваться съ крайнею осторожностью въ томъ случаѣ, когда за основаніе отрѣшенія приводятъ не преступленія судьи, а *его недостатки*».

Итакъ самъ Бентамъ сознается, что смѣняемость судей можетъ сдѣлаться дѣломъ политическихъ партій: партія, которая въ земскомъ со-

браніи представителей народа будетъ господствующею, та будетъ отрѣшать и назначать судей. Естественно, что отъ этого могутъ пострадать сильно интересы другихъ партій. Судебная-же власть, по своей сущности, должна быть поставлена внѣ всякихъ политическихъ партій и вліяній; и какъ теорія, въ этомъ случаѣ, относится враждебно къ сословности,—такъ точно она не можетъ не относиться по этому враждебно къ вліянію на судъ политическихъ партій. Какія-же мѣры предлагаетъ Бентамъ, для избѣжанія этого зла, сознаваемаго имъ-же самимъ?.. «подъ общественнымъ мнѣніемъ, говоритъ онъ, — которому должны быть подчинены должностныя лица обществъ, я не понимаю мнѣнія, рождающагося въ одинъ день вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ; я не понимаю подъ этимъ выраженіемъ тѣхъ неопредѣленныхъ слуховъ, которыя розносятся вслѣдствіе искусно выдуманной и легковѣрно принятой клеветы. Я говорю здѣсь о постоянномъ мнѣніи, образовавшемся послѣ спокойнаго размышленія, послѣ того *какъ опытные люди были выслушаны, и заинтересованныя стороны собрали факты и публично разобрали ихъ достовѣрность и значеніе.* Для святости общественнаго договора необходимо оградить общественное мнѣніе отъ интригъ, такъ часто дѣйствующихъ его именемъ».

Мѣра, предлагаемая Бентамомъ, не отличается нисколько отъ формы преданія суду: таже гласность, тоже голосованіе, тоже требованіе фактовъ въ подтвержденіе обвиненій; только они не должны относиться къ преступленіямъ судьи, а къ его—*недостаткамъ*. Но вопросъ, въ чемъ же заключаются преступленія судьи, какъ ни въ неисполненіи имъ своихъ обязанностей, какъ ни въ отказѣ тяжущимся въ правосудіи, какъ ни въ ихъ притѣсненіи и злоупотребленіи своею властью, какъ ни—въ нечестности и взяточничествѣ... Въ чемъ еще можно обвинить судью — въ неспособности?.. Но вы должны были знать напередъ способности избираемаго вами лица, и если оно ихъ потеряло вслѣдствіе болѣзней, то, при хорошемъ обезпеченіи его жизни, онъ самъ едва-ли захочетъ носить дальнѣйшее бремя—тяжолыя обязанности судьи. Итакъ, одни лишь *недостатки* судьи должны обсуживаться земствомъ; но почему-же это не должно дѣлаться судебною властью?.. Вѣдь ей вы предоставили право, гораздо важнѣйшее — обсуживать проступки и преступленія судьи?.. Коль скоро вы довѣрили ей важнѣйшее, то можете ей довѣрить и менѣе важное... Развѣ вы процедуру выслушиванія земствомъ о *недостаткахъ* судьи дѣлаете менѣе сложною, чѣмъ формы судебныя?.. Нисколько, Бентамъ требуетъ въ этомъ случаѣ той-же гласности, той-же фактической доказательности, того-же голосованія, какъ мы

это видимъ при формальномъ судѣ. Слѣдовательно, здѣсь разница только въ томъ, что въ государствѣ установятся въ отношеніи судей двѣ власти: одна—общая судебная, которая будетъ ихъ судить за проступки и за преступленія; другая — *за недостатки...* Да и какое законодательство и какая теорія рѣшится опредѣлить *признаки* этихъ недостатковъ: одинъ можетъ находить недостаткомъ судьи — большую его любезность; другой— черезчуръ угрюмый видъ. «*Недостатокъ*» — слово гибкое и люди не всегда могутъ сойтись въ опредѣленіи его признаковъ; поэтому придется предоставить усмотрѣнію земскаго собранія опредѣленіе этихъ признаковъ. Вотъ тутъ-то и всплывутъ наружу недостатки этой системы: одни собранія отрѣшатъ судью за то, что онъ слишкомъ обходителенъ съ тяжущимися и шепчется съ нимъ, по выраженію нашего прежняго закона, на ухо; другое— отрѣшить судью за то, что онъ этого не дѣлаетъ. Прошу, послѣ этого, угоди кому нибудь изъ нихъ: развѣ принять двѣ физіономіи — одну угрюмую, другую веселую; но вѣдь на такія штуки способны только великіе актеры—въ родѣ Гарика, Мартынова и Щепкина. И такъ, если вы не можете указать признаковъ самыхъ положительныхъ и не можете предписать условій самыхъ строгихъ, на которыхъ-бы собраніе могло опираться въ своихъ рѣшеніяхъ, то вы не можете и предоставить ему права смѣняемости судей; потому что иначе вы поставите собраніе внѣ закона, дадите ему поводъ къ самымъ произвольнымъ, безконтрольнымъ, отрѣшеніямъ, которыя, и по словамъ Бентама, «вредно вліяютъ на репутацію судьи». Значитъ, вся каррьера судьи этимъ отрѣшеніемъ будетъ уничтожена и имя его запятнано; но противуядіемъ этому Бектамъ предлагаетъ: чтобы съ отрѣшеніемъ не было: ни потери жалованья; 2) ни устраненія на будущее время отъ занятія судебной или какой либо другой должности...

Первое, по мнѣнію Бентама, потому необходимо, что судья, съ удаленіемъ отъ должности, оставаясь обезпеченнымъ, ни мало отъ того не потеритъ и что само общество не такъ легко будетъ склонятся на подобныя отрѣшенія—изъ опасенія обременить казну лишними расходами... Со вторымъ условіемъ мы готовы согласиться, но съ первымъ—рѣшительно нельзя: для порядочнаго человѣка имя, честь и репутація—дороже всего; и такъ точно какъ сомнительно, чтобы порядочный человѣкъ согласился, получивъ оплеуху, удовольствоваться, послѣ того, денежною подачкою; такъ точно едва-ли кто нибудь изъ порядочныхъ людей, будучи несправедливо отрѣшонъ отъ должности обществомъ, согласился-бы оставить за собою содержаніе!.. Развѣ отрѣшеніе отъ должности—не таже оплеуха да еще

публичная?.. А въ утѣшеніе тебѣ, какъ милостыню, общество оставило-бы жалованье... Но, возразите вы, быть можетъ, Бентамъ съ этимъ отрѣшеніемъ не отнимаетъ отъ судьи права занять вновь должность иную... Прекрасно, прежде вы замараете человѣка публично, предъ цѣлымъ обществомъ лишите его добраго имени, а потомъ предоставите ему право служить... Гдѣ-же найдетъ онъ себѣ должность? Въ мировые судьи вы же не изберете его сами, такъ такъ вы его сами и прогнали; а если-бы вы это сдѣлали, то вы доказали-бы только всю свою непослѣдовательность и то, что ваша система несостоятельна. Въ общій судъ его-бы также не назначили: такъ какъ и тамъ нужны люди, пользующіеся общественнымъ довѣріемъ и имя которыхъ незапятнано. При томъ какія пути вы представляете судьѣ, для возстановленія общественнаго къ нему довѣрія?.. Апелляціи на отрѣшеніе вы ему не предоставляете; а съ удаленіемъ его отъ должности вы отнимаете у него возможность доказать, что оно было пристрастно.

Чтожъ судьѣ остается какъ не предаться безропотно своей участи и доживать остатокъ дней на счетъ казны...

«Если не смотря на эти предосторожности, говоритъ въ заключеніе Бентамъ,—встрѣтится какой нибудь случай незаслуженнаго отрѣшенія, то это злоупотребленіе не заставитъ меня отказаться отъ системы смѣняемости, представляющей столько выгодъ. Пусть лучше судья будетъ подверженъ опасности пострадать по ошибкѣ его избирателей, нежели его избиратели будутъ страдать вслѣдствіе его худаго образа дѣйствій. Положеніе судьи будетъ не столь пріятно, но развѣ эта мѣра можетъ быть опасна для его честности?.. Конечно нѣтъ. Хотя честность не можетъ вполнѣ его обезпечить, однако она будетъ всегда лучшею его защитою.»

Согласенъ, лучше—чтобы пострадалъ одинъ человѣкъ, нежели цѣлое общество; но дѣло въ томъ, что и общество не должно быть опрометчиво въ своемъ выборѣ, и если предоставить ему право смѣняемости, то оно будетъ крайне неосмотрительно: такъ какъ оно будетъ увѣрено, что, въ случаѣ ошибки своей, оно вправѣ смѣнить судью. Правда, этой смѣной общество исправитъ нѣкоторымъ образомъ свою ошибку, но не исправитъ всего зла, надѣланнаго его неосмотрительностью. Поэтому рождается необходимость побудить общество дѣлать свой выборъ чрезвычайно осмотрительнымъ; самая-же мѣра къ тому есть несмѣняемость. Зная, что, въ случаѣ ошибки своей, оно болѣе не можетъ избавиться, единожды назначеннаго, имъ судьи, общество будетъ весьма строго въ своемъ выборѣ и удосто-

итъ имъ лучшихъ людей. Если-же оно этого не сдѣлаетъ, то оно само отъ этого пострадаетъ и на будущее время будетъ ужъ осмотрительнѣе. Въ подобномъ случаѣ, если безсмѣнность имѣетъ свои невыгоды, то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ свои добрыя стороны; она каждому избирателю говоритъ: смотри будь остороженъ, не ошибись, самъ поплатишься за это. При смѣняемости-же, выборы навсегда сдѣлаются не крайнимъ выраженіемъ общественнаго довѣрія къ человѣку, а—временнымъ увлеченіемъ; чрезъ это ослабится внутренній смыслъ выборовъ и всѣ они будутъ лишь случайностью. Общество не можетъ мѣнять своихъ выборныхъ, какъ дамы—перчатки; если допустить выборы съ подобнымъ характеромъ, то лучше имъ и не существовать. Являясь для избранія судей, общество должно понимать важность и всю великость этого дѣла; безпристрастно оно должно въ этомъ случаѣ дѣйствовать, какъ предъ судомъ своей совѣсти, и выборъ долженъ быть основанъ не на личныхъ возрѣніяхъ, а на общественномъ мнѣніи. При такомъ характерѣ выборовъ едва-ли предстоитъ надобность предоставить избирателямъ право прогонять избраннаго: все лучшее въ обществѣ, его цвѣтъ и украшеніе сдѣлается предметомъ выбора, и неоправданіе надеждъ избирателей будетъ рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Основываясь на приведенныхъ мною данныхъ, я не вижу необходимости предоставить избирателямъ права смѣнять судей. Только одна ихъ независимость съ правомъ не смѣняемости можетъ вполнѣ гарантировать самостоятельность суда; подчиненіе-же судьи, за проступки и преступленія, судебной власти отвратитъ отъ общества опасность—страдать отъ ихъ самовластія.

Принципъ несмѣняемости у насъ не признавался до настоящаго времени. Назначеніе-же судей было у насъ или въ рукахъ общества, или во власти правительства; но право смѣняемости оставалось въ обоихъ случаяхъ или во власти суда или во власти администраціи. Въ первомъ случаѣ смѣняемость именовалась *отрѣшеніемъ* отъ должности, во второмъ—*удаленіемъ*. Самое удаленіе отъ должности сопровождалось или съ преданіемъ суду, или безъ этого; оно также было лишь временнымъ какъ напримѣръ—на все время производства слѣдствія надъ судьею, или на все время состоянія его подъ судомъ или-же судьѣ давали совершенную отставку, которая именовалась: увольненіемъ отъ службы. Поэтому установились у насъ два порядка: увольненіе отъ службы, съ преданіемъ суду, неиначе сопровождалось, какъ заключеніемъ о томъ губернскаго правленія; но это была одна только формальность, потому что по этимъ предметамъ губерн-

скія правленія *слушали*—министерскія или губернаторскія и генералъ-губернаторскія—предписанія и буквально *опредѣляли* то, что имъ предписывалось. Во второмъ случаѣ, судьи увольнялись отъ службы, безъ ихъ желанія и прописывалось только, что они увольняются отъ службы, согласно прошенію. Послѣдній порядокъ былъ однакожъ установленъ весьма недавно, а именно—послѣ изданія свода 1857 г. Но принципъ несмѣняемости однакожъ былъ на пути къ осуществленію: въ 1859 году херсонское дворянство ходатайствовала о дозволеніи ему прибавить жалованья судьямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ему разрѣшено было удалять неблагонадежныхъ судей отъ должностей; но дворянство получило по этому предмету положительный отказъ. Затѣмъ первый шагъ несмѣняемости былъ сдѣланъ въ положеніи 19 февраля 1861, по отношенію къ крестьянской реформѣ: тамъ было постановлено, что мировые посредники не иначе могутъ быть удалены отъ должностей, какъ постановленіемъ правительствующаго сената. Но полнѣе и всестороннѣе независимость судей опредѣлена и гарантирована основными положеніями судебной реформы, выраженными въ указѣ 29 сент. 1862 г. и въ положеніи 20 ноября 1864 года.

«Самостоятельность судей, говоритъ Государственный Совѣтъ въ журналѣ своемъ [1]),— избранныхъ съ осмотрительностью есть безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ отправленіи правосудія, а потому и одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Дѣла судебнаго вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни и достоянія; въ дѣлахъ этого рода могутъ быть не рѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ; поэтому судьи должны быть поставлены въ положеніе сколь возможно болѣе независимое. Для достиженія сей цѣли необходимо, постановить: 1) всѣ члены судебныхъ мѣстъ, равно какъ и мировые судьи, не могутъ быть увольняемы и перемѣщаемы, безъ ихъ о томъ прошеніи; и 2) временное удаленіе ихъ отъ должности можетъ происходить не иначе, какъ съ преданіемъ суду; а отрѣшеніе отъ должности—не иначе, какъ по суду.»

«Но правила о несмѣняемости—безъ прошенія или суда, нѣтъ основанія

---

[1]) См. журнал. соедин. департ. Государствен. Совѣта о преобразованіи судебной части, стр. 334.

примѣнять къ лицамъ, не отправляющимъ обязанностей судьи; исполнители, каковы судебные приставы и чиновники канцелярій, должны быть въ зависимости отъ судебныхъ мѣстъ, при коихъ они состоятъ; что касается прокуроровъ, то при всей важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, они все таки будутъ только органами блюстительной власти, сосредоточивающейся въ лицѣ Министра Юстиціи, котораго довѣрія къ нимъ необходимо и въ отношеніи къ которому они не могутъ имѣть совершенно независимаго положенія».

Впрочемъ во Франціи кассаціонный судъ, имѣя въ виду болѣе независимое положеніе прокуратуры въ дѣлѣ обвиненія и судебной защиты тяжбы, опредѣлилъ, въ 1821 году: что во всемъ, что ни касается преслѣдованія преступленія и защиты общественныхъ интересовъ — прокуроры независимы и безъотвѣтственны предъ Министерствомъ.

При развитіи основныхъ положеній, (ст. 67) выраженныхъ въ журналѣ Государственнаго Совѣта, въ редакціонную комиссію были присланы мнѣнія, которыя заявляли: 1) распространить силу и дѣйствіе этой статьи на всѣ лица окружного суда и надзора [1]); 2) на прокуроровъ [2]) и ихъ товарищей [3]); 3) на прокуроровъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищей [4]); 4) на прокуроровъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищей [5]); 5) на мировыхъ судей [6]); 6) на судебныхъ слѣдователей [7]): 7) на судебныхъ приставовъ [8]); 8) на секретарей [9]).

Кромѣ этого, замѣчаніями было заявлено, что необходимо:

1) Чтобы законъ яснѣе выразилъ различіе между *удаленіемъ* и *отрѣшеніемъ* отъ должности членовъ суда [10]).

---

[1]) Замѣчанія о развитіи основ. пол. о судеб реформѣ. Т .I, стр. 333.
[2]) Ibid, т. I, стр. 24, 27, 67; т. IV, стр. 176, 188.
[3]) Ibid, т. I, стр. 24, 27, 67; IV, 176.
[4]) Ibid, т. III, стр. 551.
[5]) Ibid, т. I, стр. 145; т. III, стр. 283, 551.
[6]) Ibid, т. I, стр. 590; т. IV, стр. 323.
[7]) Т. I, стр. 24, 653; т. IV, стр. 188.
[8]) Т. IV, стр. 188.
[9]) Т. I, стр. 24; т. IV, стр. 188.
[10]) Т. I, стр. 341. Эти два термина ясно опредѣляются въ нашемъ законодательствѣ первое есть дѣйствіе административное, второе основано на судебномъ приговорѣ. Поэтому редакціонная комиссія не входила въ разсмотрѣніе этого вопроса.

2) Разъяснить положительно, въ какихъ случаяхъ и какимъ порядкомъ допускается удаленіе судей отъ должности и затѣмъ въ случаѣ оправданія ихъ—возвращается ли имъ прежняя должность [1]).

3) Постановить, что предавая судью, съ удаленіемъ отъ должности, суду, Министръ Юстиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряжается только о временномъ замѣщеніи этой должности; а когда же удаленный будетъ оправданъ, то допускать его по прежнему къ должности [2]).

4) Предоставить администраціи право временнаго *устраненія* только предсѣдателя и членовъ оть должности, а не удаленія; съ тѣмъ, чтобы это допускаемо было не иначе какъ съ преданіемъ суду, и чтобы суду принадлежало право возвращенія къ должности [3]).

5) Отрѣшать судей не иначе, какъ только—когда самъ производившій ихъ дѣла судъ признаетъ это необходимымъ. Опредѣлить: по какимъ именно преступленіямъ предавать ихъ суду [4]).

6) Постановить, что члены окружного суда, судебные слѣдователи, мировые судьи и присяжные засѣдатели предаются суду большинствомъ голосовъ общаго собранія всѣхъ ихъ, по предложенію предсѣдателя окружнолo суда или окружного прокурора, изъ коихъ сдѣлавшій предложеніе не участвуетъ въ подачѣ голосовъ; предложеніе можетъ быть отвергнуто безъ преній. Предсѣдатели окружныхъ судовъ и окружные прокуроры предаются суду общимъ собраніемъ палатъ: первые по предложенію старшаго предсѣдателя палаты, а послѣдніе по предложенію прокурора палаты. Судитъ другая палата, по назначенію Министра Юстиціи [5]).

7) Разъяснить какъ поступать въ случаѣ неспособности или нерадѣнія судей [6]).

8) Къ добровольнымъ причинамъ оставленія службы слѣдуетъ присоединить недобровольныя: болѣзнь, увѣчье, потерю памяти и изнеможеніе силъ отъ дряхлости. О всѣхъ сихъ причинахъ суды или прокуроры доносятъ Министру Юстиціи, который удостовѣряется въ справедливости ихъ чрезъ особо командированнаго чиновника [7]).

---

[1]) Ibid. T. IV, стр. 215.
[2]) Ibid T. I, стр. 341.
[3]) Ibid. T. I, стр. 8.
[4]) Ibid. T. I, стр, 304.
[5]) Ibid. T. II, стр. 421.
[6]) Ibid T. II, стр. 434.
[7]) Ibid. T. III, стр. 12

Изъ большинства этихъ мнѣній видно, что наши юристы ревниво оспаривали независимость судей, какъ одного изъ существенныхъ условій правосудія въ государствѣ; и хотя многіе изъ нихъ отступаютъ отъ системы, принятой основными положеніями судебной реформы, но они доказываютъ, что общество наше вполнѣ сознало необходимость полной независимости судей. Еще полнѣе это выразилось въ замѣчаніяхъ юристовъ на 1 статью основныхъ положеній—объ отдѣленіи власти судебной отъ исполнительной, административной и законодательной. Для дѣйствительнаго отдѣленія этихъ властей наши юристы заявили необходимымъ:

1) Устранить всякое вліяніе губернаторовъ на производство уголовныхъ слѣдствій [1]).

2) Не предоставлять губернаторамъ повѣрку списковъ лицъ, имѣющихъ право быть мировыми судьями и присяжными засѣдателями [2]).

3) Ревизію судебныхъ установленій, а равно и ходатайство о повышеніи въ должностяхъ и о наградахъ, за особыя отличія, предоставить исключительно судебнымъ начальствамъ; отмѣнить по судебной части награду орденами и производство въ чины за выслугу лѣтъ, предоставивъ пользоваться только классами занимаемыхъ должностей.

4) Провести выборное начало по всѣмъ инстанціямъ, *не ограничиваясь* одними мировыми судьями.

Въ этихъ заявленіяхъ еще полнѣе выразилась мысль о необходимости совершеннаго отдѣленія судебной власти отъ сопредѣльной ей административной.

Редакціонная же комиссія [3]), имѣя въ виду только тѣ заявленія, которыя составляли дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній (29 сент. 1862 г.) судебной реформы нашла: «что вводя въ будущее устройство нашихъ судебныхъ мѣстъ начало несмѣняемости судей и имѣя при томъ въ виду необходимость ограничиваться, по возможности, небольшимъ числомъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства,—признала полезнымъ предусмотрѣть случаи, въ которыхъ эти лица, за невозможностью исполнять съ успѣхомъ обязанности судебной службы, должны уступать мѣсто болѣе

---

[1]) Замѣчанія. Т. I, стр. 96—100.

[2]) Ibid. Т. I, стр. 54, 167, 242, 367, 514, 558, 565; т. II, стр. 420, 450, т. IV, стр 151, 169, 173, 209, 299· т. V, стр. 244, 264, 318.

[3]) См. объяснительную записку редакціонной комиссіи къ проэкту учреж. судебныхъ мѣстъ, стр. 127.

полезнымъ дѣятелямъ. Къ числу такихъ случаевъ она предполагала отнести: 1) тяжкую болѣзнь, не дозволяющую вовсе являться къ должности; 2) престарѣлость; 3) разстройство здоровья и другія препятствія, вслѣдствіе которыхъ должностное лицо слишкомъ рѣдко можетъ бывать на службѣ.»

«По дѣйствующимъ нынѣ законамъ, чиновникъ неявляющійся къ должности въ продолженіи 4 мѣсяцевъ, по какой бы то ни было причинѣ, подлежитъ увольненію отъ службы. Правило это, если бы оно строго исполнялось, было бы иногда слишкомъ тягостно для служащихъ, особливо для тѣхъ, которыхъ болѣзнь, продолжающаяся до 4 мѣсяцевъ, могла отчасти произойти или по крайней мѣрѣ усилиться и продлиться вслѣдствіе прошлыхъ трудныхъ и усидчивыхъ занятій по службѣ. Посему въ дѣйствительности вѣроятно не мало бываетъ отступленій отъ этого правила.»

Въ видахъ смягченія этой мѣры въ отношеніи къ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, подвергшимся тяжкой, продолжительной, болѣзни, комиссія полагала: «обязать къ оставленію службы только тѣхъ, корые по этой причинѣ не могутъ являться къ должности болѣе года. Но такъ какъ, при такомъ общемъ правилѣ, могло бы случиться, что больной *чиновникъ*, не бывавшій въ должности почти цѣлый годъ, явясь потомъ нѣсколько разъ на службу, могъ бы опять не бывать цѣлый годъ, и такимъ образомъ оставаться долго на службѣ, не исполняя ея, то и признано комиссіею необходимымъ, въ дополненіе къ выше изложенному правилу, постановить: что равнымъ образомъ обязаны оставлять службу и тѣ должностныя лица, которыя по слабости здоровья или инымъ причинамъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ сряду явились къ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней.»

Престарѣлость предполагалось опредѣлить 75 лѣтнимъ возрастомъ. Постановляя, что должностныя лица судебнаго вѣдомства, достигшія этого возраста, обязаны оставлять службу по судебному вѣдомству, комиссія имѣла въ виду, и что хотя бываютъ случаи, въ коихъ люди и старѣе 75 лѣтъ сохраняютъ и физическія, и умственныя силы; но эти случаи относительно весьма рѣдки. Вообще же человѣкъ въ такомъ возрастѣ подверженъ разнымъ недугамъ, препятствующимъ трудиться съ тою энергіею и непрерывною дѣятельностью, какія необходимы для исполненія трудныхъ на будущемъ судебномъ поприщѣ обязанностей. Достигшіе на службѣ столь

глубокой старости имѣютъ полное право на отдохновеніе; а притомъ желательно, чтобы, для поддержанія самаго суда, ослабѣвающіе дѣятели его были замѣняемы свѣжими силами.»

«Въ развитіи этихъ правилъ предполагалось постановить, что, въ случаѣ котораго либо изъ вышесказанныхъ препятствій къ продолженію службы, должностное лицо обязано само просить объ увольненіи; а буде этого не исполнитъ, то надлежитъ письменно напомнить ему о сей его обязанности. Если же и затѣмъ, въ продолженіи опредѣленнаго двухънедѣльнаго срока, просьба объ увольненіи отъ службы не будетъ подана, то судебное мѣсто, къ которому принадлежитъ это должностное лицо, *въ общемъ собраніи своихъ отдѣленій* или *департаментовъ постановляетъ объ увольненіи его отъ службы, не иначе однакожъ, какъ по истребованіи отъ него объясненій и по выслушанію заключеній лица прокурорскаго надзора.* Такое постановленіе суда можетъ быть обжаловано и подлежитъ разсмотрѣнію высшаго суда, также *въ общемъ собраніи*, и въ случаѣ утвержденія поступитъ на *усмотрѣніе* власти, опредѣлившей увольняемое лицо къ должности.»

Въ отношеніи же лицъ судебнаго вѣдомства, не пользующихся безсмѣнностью, комиссія нашла: «принимая во вниманіе, что допускаемое нынѣшними законами увольненіе отъ должности, *безъ прошенія и безъ объясненія причинъ увольненія*, можетъ съ одной стороны быть поводомъ къ произволу; а съ другой ставитъ увольняемаго въ тягостное положеніе— ибо, нося пятно почти изгнаннаго изъ службы, и посему никуда уже не принимаемый, онъ лишенъ права доказывать, что не было къ тому основанія — комиссія полагала принять за правило: что при увольненіи чиновниковъ судебнаго вѣдомства, безъ прошенія, должны быть непремѣнно объясняемы причины увольненія, дабы уволенному, если онъ считаетъ себя чрезъ то обиженнымъ, не былъ закрытъ путь къ оправданію.»

Кромѣ того комиссія присовокупила: «что если предположенія ея относительно судей будутъ приняты, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться, чтобы увольняемые судьи не были лишены средствъ существованія. Для этого слѣдовало бы тѣмъ изъ судей, достигшихъ 75 лѣтъ, которые добровольно оставятъ службу, назначить изъ эмеритальной, по судебному вѣдомству, кассы, полную пенсію по послѣдней ихъ должности, хотя бы они и не выслужили узаконеннаго для этого срока. Но какъ этотъ предметъ принадлежитъ къ эмеритальному уставу, то комиссія, не постановляя о томъ ничего въ проэктѣ учрежденія судебныхъ мѣстъ, огра-

ничилась только заявленіемъ этой мысли, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ если она удостоится одобренія, ближайшее развитіе ея отнести къ предстоящей работѣ по составленію эмеритальнаго устава для судебнаго вѣдомства.»

И такъ редакціонная комиссія практически рѣшила этимъ главнѣйшій и существенный вопросъ, относящійся непосредственно къ *независимости* судей, то есть: удаленія ихъ отъ должностей не *по преступленіямъ* и *проступкамъ* предмету составляющему особое дисциплинарное производство и которое будетъ разсмотрѣно мною въ главѣ: «*объ отвѣтственности судей*»; а удаленіе ихъ по неспособности отъ престарѣлаго возраста или болѣзней или нерадѣнію. И въ этомъ случаѣ комиссія гарантируетъ безпристрастіе рѣшеній правомъ жалобы и самую подсудность этихъ дѣлъ подвергаетъ не только общимъ собраніямъ судовъ, но и самое рѣшеніе послѣднихъ поступаетъ подъ окончательный контроль власти, которая утверждаетъ судей. Такимъ образомъ, съ одной стороны—исключалось всякое вѣроятіе въ пристрастіи сотоварищей судьи; съ другой исключалось вѣроятіе, чтобы дѣла этого рода могли пристрастно рѣшаться. Можно еще предположить въ первомъ случаѣ, что въ отношеніи судьи могутъ играть какую нибудь роль интриги его товарищей; но эти интриги едвали могутъ вліять на верхній судъ и на власть, утверждающую въ должности судью. Поэтому практическое рѣшеніе вопроса редакціонною комиссію удовлетворяетъ на столько же избирателей, на сколько не компрометируетъ независимость судьи: судебное сословіе, поставленное закономъ высоко, вѣроятнѣе всего пожелаетъ занимать въ государствѣ свое почетное мѣсто, съ полнѣйшимъ достоинствомъ; а потому каждый судья, который, своимъ дурнымъ поведеніемъ, нерадѣніемъ или неспособностью или нечестностью, уронитъ себя въ общественномъ мнѣніи, сдѣлается, вѣроятнѣе всего, предметомъ самаго строгаго преслѣдованія своихъ товарищей, высшихъ судебныхъ мѣстъ и власти, утверждающей судей. Сами же судьи, при подобномъ строгомъ преслѣдованіи, будутъ имѣть достаточныя гарантіи, для своего оправданія и возстановленія компрометированнаго имени. Что же касается до чиновниковъ суда, не пользующихся, по закону, несмѣняемостью, то условія, требуемыя комиссіею: объ отнятіи произвола удаленія ихъ отъ должностей, безъ объясненія причинъ этого удаленія,— не можетъ не удовлетворять вполнѣ сущности той отвѣтственности, которой подвергаются судьи за чиновниковъ канцеляріи. И если законодательство возлагаетъ на судей полнѣйшую отвѣтственность за безпорядки судовъ, то и опредѣленіе и увольн-

неніе чиновниковъ должно быть на полной ихъ отвѣтственности. Тутъ дѣйствуетъ простое правило: хотите, чтобы я отвѣчалъ за кого нибудь, дайте же мнѣ право его избирать и устранять, коль скоро я нахожу его зловреднымъ. Въ отношеніи судей мы находимъ также два пробѣла въ предположеніяхъ комиссіи: 1) почему не предоставлено сотоварищамъ судей право предлагать отставку за тотъ родъ неспособности, о которомъ говоритъ Бентамъ, именно, въ томъ случаѣ, когда у судьи ослабѣваютъ способности отъ болѣзней или когда онъ крайне неспособенъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей; или если предосудительнымъ своимъ поведеніемъ: пьянствомъ, игрою въ карты, развратомъ и другими неблаговидными дѣлами и поступками внѣ службы,—онъ окомпрометированъ въ общественномъ мнѣніи. 2) Почему не предоставить баллотировкѣ вопросъ: о способности или неспособности 75 лѣтняго старца къ дальнѣйшей работѣ? Вѣдь нерѣдко, при безусловномъ законѣ—объ удаленіи отъ судейскихъ должностей 75 лѣтнихъ старцевъ, общество дѣйствительно можетъ лишиться опытныхъ, дѣльныхъ судей, испытанной и безукоризненной честности. Въ этомъ отношеніи не справедливѣе ли бы было—какъ и въ отношеніи судей, такъ равно и въ отношеніи общества,—оставлять судей на своихъ мѣстахъ съ производствомъ имъ пенсіона на службѣ и при дальнѣйшей службѣ, чрезъ каждые пять лѣтъ. продолжать перебаллотировку, съ производствомъ имъ за каждое новое пятилѣтіе прибавки пенсіона. Право это признано за профессорами университетовъ, послѣ 25 лѣтней ихъ службы и на практикѣ оно приноситъ самые благодѣтельные плоды. Правило это не лишаетъ общества полезнаго дѣятеля: если онъ не потерялъ еще своихъ силъ, то онъ имѣетъ право продолжать свою полезность; общество же не теряетъ той пользы, которую она можетъ имѣть отъ него.

Первый вопросъ вовсе не входилъ въ сужденіе законодательнаго нашего сословія. [1]), а Государственный Совѣтъ разсмотрѣлъ только проэктъ коммисіи. Вотъ что говоритъ по этому предмету Государственный Совѣтъ.

«Въ 195, 197 и 198 статьяхъ учрежденій постановлено, что лица, достигшія 75 лѣтъ, обязаны оставлять службу по судебному вѣдомству; а тѣ изъ нихъ, которыя не исполнятъ сего въ установленный срокъ, увольняются отъ службы, на основаніи состоявшихся о томъ опредѣленій об-

---

[1]) См. журналъ Государс. Совѣта отъ 17, 20, 24 и 27 Іюля 1864 г. № 48. стр. 29 и 30.

щихъ собраній судебныхъ мѣстъ. Имѣя въ виду, что до настоящаго времени правительство постоянно заботилось о замѣщеніи высшихъ должностей лицами, доказавшими право свое на занятіе сихъ должностей долговременною службою и многолѣтнею опытностью, соединенные департаменты не находятъ достаточнаго основанія уклоняться отъ этого образа дѣйствій и на будущее время [1]); а потому полагаетъ: упомянутое правило изъ проэкта исключить, тѣмъ болѣе, что оно, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣетъ видъ—какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстнаго возраста на службѣ. Равнымъ образомъ соединенные департаменты считаютъ неудобнымъ постановленіе статей, 196 и 197-ой проэкта—объ увольненіи отъ службы, безъ прошенія, лицъ, которыя въ теченіи *двухъ лѣтъ* являлись къ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней,—между прочимъ потому, что при этомъ счетѣ дней легко возможны ошибки, тогда какъ отъ одного лишняго дня зависитъ оставленіе или увольненіе должностнаго лица и полагаетъ не упоминать вовсе въ проэктѣ о случаяхъ сего рода. Въ ст. 199 проэкта повторяется правило, существующее нынѣ по всѣмъ родамъ службы гражданской, о правѣ начальствъ увольнять своихъ чиновниковъ безъ ихъ прошенія, когда оно признаетъ невозможнымъ или неудобнымъ держать ихъ на службѣ. Но при семъ проэктъ, въ измѣненіи нынѣшняго порядка, требуетъ, чтобы начальство объясняло о причинахъ сего увольненія. Это правило не можетъ относиться къ лицамъ, которыя, занимая судейскія должности, будутъ, по основнымъ положеніямъ, пользоваться несмѣняемостью, — что впрочемъ и выражено въ означенной 199-ой статьѣ проэкта. Какъ за тѣмъ, въ отношеніи судебныхъ чиновъ, не пользующихся несмѣняемостью, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что на нихъ будетъ распространяться общее для всѣхъ чиновниковъ узаконеніе—о правѣ начальства увольнять ихъ безъ прошеній, и какъ вводимое проэктомъ новое правило, касательно объясненія причинъ увольненія, не обѣщаетъ никакой пользы, а можетъ дать только поводъ къ жалобамъ на начальство, — то соединенные департаменты признали болѣе удобнымъ означенную ст: 199 изъ проэкта исключить».

---

[1]) Какъ будто правительство не могло ошибаться и здѣсь вовсе не идетъ рѣчь объ исторіи этого вопроса, а о практической и теоретической его оцѣнкѣ. При томъ и исторія не заключаетъ въ себѣ указаній правильности взгляда Государственнаго Совѣта.

Это предположеніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено и вошло въ уставъ учрежденій судебныхъ мѣстъ, 20 ноября 1864 года, въ слѣдующемъ видѣ:

1) Мировые судьи, въ продолженіе установленнаго для нихъ выборнаго срока, не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ случаевъ, означенныхъ въ статьяхъ 228—230, 295, 296 настоящаго учрежденія; ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе отъ должности допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду; а совершенному удаленію или отрѣшенію отъ должности они подвергаются не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда. (ст: 72) [1]).

2) Дисциплинарная отвѣтственность мировыхъ судей за упущенія по службѣ опредѣляется на основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 262—296 настоящаго учрежденія въ отношеніи членовъ окружныхъ судовъ. (ст: 76) [2]).

3) Увольненіе отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства зависитъ отъ той власти, коею они опредѣлены къ должностямъ; а перемѣщеніе ихъ въ другія судебныя мѣста или на другія должности—отъ той власти, которой принадлежитъ назначеніе въ сіи новыя должности. При семъ наблюдаются правила, постановленныя ниже въ статьѣ 243-ей. (ст: 226).

4) Опредѣленныя къ судебнымъ должностямъ обязаны явиться на службу не позднѣе *одного мѣсяца* со дня объявленія имъ объ опредѣленіи ихъ къ должности. Находящимся въ разстояніи болѣе *ста верстъ* отъ того судебнаго мѣста, куда они назначены, прибавляется поверстный срокъ по *одному* дню на каждыя пятьдесятъ верстъ разстоянія.

5) Лица, опредѣленныя къ судебнымъ должностямъ, но не явившіяся на службу въ сроки, установленные выше въ статьѣ 224-ой, безъ особо

---

[1]) См. уст. угол. суд. ст. 1080.

[2]) Статья эта дополнена Высоч. утвер. 17 Іюня 1867 мнѣніемъ Государ. Совѣта (см: дополнительныя къ судебнымъ устав. узаконенія № 97). Частныя лица могутъ привлекать мировыхъ судей къ отвѣтственности только въ случаѣ причиненія неправильными ихъ дѣйствіями убытковъ, внѣ же этого повода возбужденіе такой отвѣтственности предоставлено исключительно самимъ судамъ или мировымъ съѣздамъ или Министру юстиціи по принадлежности. (Рѣшеніе уголовнаго Кас. Деп. Сената 1867 г. № 133).

уважительныхъ причинъ, признаются отказавшимися отъ принятія должности и увольняются отъ оной, по предварительномъ обсужденіи причинъ неявки *въ общемъ собраніи суда*, въ которой сіи лица были назначены. (ст: 228).

6) Если въ продолженіи *одного* года, со времени приключившейся тяжкой болѣзни, недозволяющей должностному лицу судебнаго вѣдомства вовсе являться на службу, лицо это не подастъ просьбы объ увольненіи отъ службы, то предсѣдатель судебнаго мѣста, а въ отношеніи чиновъ прокурорскаго надзора, прокуроръ судебной палаты или Министръ Юстиціи напоминаютъ ему письменно объ обязанности оставить службу. Когда же въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ *двухъ недѣль* означенная просьба не будетъ подана, въ такомъ случаѣ должностное лицо можетъ быть уволено отъ службы безъ прошенія (ст. 229).

7) Представленіе объ увольненіи должностного лица отъ службы, на основаніи прошедшей 229-ой статьи, можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по опредѣленію *общаго собранія* того судебнаго мѣста, при коемъ сіе лицо состоитъ; опредѣленіе о томъ постановляется по истребованіи объясненій отъ этого лица и по выслушаніи заключенія прокурора. (ст: 230).

8) Жалобы на опредѣленія окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, состоявшіяся на основаніи статей 228 — 230-ой, могутъ быть подаваемы въ *двухъ-недѣльный* срокъ со времени объявленія оныхъ и подлежатъ разсмотрѣнію высшаго суда, также въ общемъ его собраніи (ст: 231).

9) Предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 228, 230, 295, 296-ой, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе отъ должностей допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду; а совершенному *удаленію* или *отрѣшенію* [1]) отъ должностей они подвергаются не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда. (ст: 243).

10) Когда судья за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ, будетъ въ уголовномъ порядкѣ подвергнутъ какому либо взысканію или наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерею правъ на службу, то обстоятельство это передается на обсужденіе общаго со-

[1]) Здѣсь терминалогія этихъ двухъ словъ смѣшана.

бранія кассаціонныхъ департаментовъ сената, которое, истребовавъ объясненіе отъ сего судьи, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, постановить объ удаленіи его отъ должности. (ст: 295).

11) Правило предшедшей 295 статьи распространяется также на судей, подвергшихся съѣздомъ или Министру Юстиціи по принадлежности (рѣшеніе уголовнаго касс. Деп. Сен. 1877 г. №.133) личному задержанію за долги, или же объявленныхъ, въ установленномъ порядкѣ, несостоятельными должниками. (ст. 296) [1]).

12) Если судья въ теченіе *одного года* подвергается *три* раза предостереженію, то въ случаѣ новой въ томъ же году, считая со времени перваго предостереженія, вины, подлежащей тому же взысканію, представляется на усмотрѣніе кассаціонныхъ департаментовъ сената,—не признаютъ ли они нужнымъ предать виновнаго уголовному суду. (ст: 293) [2]).

Приведенныя мною статьи закона будутъ имѣть чрезвычайно важное практическое знаніе: обезпечивъ совершенно независимость судьи и поставивъ его единственно подъ контроль судебной власти, законъ однакожъ 293, 295 и 296 статьями даетъ судебной власти право, помимо криминальности судьи, удалять его и за другіе проступки или за его нерадѣніе, которые окомпрометировали его въ общемъ мнѣніи.

а) 293-я даетъ судебной власти право удаленія нерадиваго судьи отъ должности, если онъ подвергся дисциплинарному взысканію *три раза* въ одинъ годъ. Дисциплинарныя же взысканія относительно судей могутъ заключаться только въ *предостереженіи* за превышеніе власти и за упущенія (ст: 264). Поэтому каждый нерадивый судья можетъ быть преданъ кассаціоннымъ Д. Пр. Сената суду.

б) 295 предоставляетъ судебной власти удаленіе отъ должности судей, если они обвинены въ проступкахъ внѣслужебныхъ и получили наказаніе, при которомъ они могли бы даже продолжать свою судебную корръеру. Обращаясь затѣмъ къ уложенію о наказаніяхъ, мы находимъ, что подобному наказанію судьи могутъ подвергаться только за различныя нарушенія полицейскія, т. е., когда они нарушаютъ какіе нибудь

---

[1]) Несостоятельность лица, по нашимъ законамъ, раздѣляется на невинопадшихъ, неосторожныхъ и злостныхъ банкировъ.

[2]) См. ст. 244 того же устава учр. судеб. установленій.

уставы, или ведутъ жизнь развратную и предосудительную, или наносятъ оскорбленіе частнымъ лицамъ или дѣйствуютъ во вредъ общественной нравственности. Словомъ—все, что только можетъ пошатнуть доброе имя судьи въ общественномъ мнѣніи, можетъ подойти подъ этотъ законъ: но подъ единственнымъ условіемъ, чтобы опредѣленіе по этимъ предметамъ было *въ порядкѣ уголовнаго суда*.

Даже несостоятельность судьи принята во вниманіе закономъ (ст: 296) и хотя въ законодательствѣ не выговорено какая несостоятельность можетъ быть принята за основаніе удаленія судьи отъ должности; но мы полагаемъ, что изъ трехъ родовъ несостоятельности поводомъ къ тому могутъ служить только 2 рода: *неосторожная* и *злостная*. Первая потому, что съ нею сопряжено тюремное заключеніе. Вторая потому, что она влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Но если бы кредиторы добровольною сдѣлкою освободили неосторожнаго должника отъ тюремнаго заключенія, то само собою разумѣется, что не можетъ быть тогда болѣе повода и къ удаленію судьи отъ должности. Что же касается до *невинно-падшихъ* несостоятельныхъ судей, то само законодательство о несостоятельныхъ, возстановляя всѣ ихъ гражданскія права, само собою этимъ возстановляетъ и право ихъ на продолженіе службы въ должности судьи. Нѣтъ сомнѣнія, что практика такъ и выработаетъ эти начала.

На вопросъ же о томъ—кто можетъ возбудить дѣло на основаніи вышеприведенныхъ трехъ статей закона,—мы не имѣемъ прямого отвѣта въ положеніи 20 ноября 1864 г.; но вѣрнѣе всего, что практика будетъ руководствоваться по этому предмету порядкомъ, указаннымъ положеніемъ въ отношеніи дисциплинарныхъ дѣлъ. Положеніе это говоритъ: «дисциплинарное производство возбуждается, относительно судей, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей или опредѣленіями нашихъ судовъ и съѣздовъ мировыхъ судей по принадлежности, или же предложеніями Министра Юстиціи; относительно же прочихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, или распоряженіями предсѣдателей, или предположеніями лицъ прокурорскаго надзора. (ст: 272) «Дисциплинарное производство, *начатое вслѣдствіе разсмотрѣнія жалобы частнаго лица*, не можетъ быть прекращено, хотя бы это лицо и просило потомъ объ оставленіи его жалобы безъ послѣдствій. (ст: 275)».

На основаніи этихъ двухъ законовъ вопросъ объ удаленіи судей отъ должностей, согласно ст: 293, 295, 296, можетъ быть возбужденъ какъ

частными лицами, такъ равно Министромъ Юстиціи и окружными судами и мировыми съѣздами непосредственно по ихъ усмотрѣнію [1]).

Всѣми этими постановленіями съ одной стороны совершенно гарантировано общество въ отношеніи дурныхъ судей; съ другой—независимость судей поставлена въ разумныя предѣлы. Въ положеніи 20 ноября мы встрѣчаемъ только одну статью въ отношеніи судебныхъ слѣдователей, которая, какъ будто, противорѣчитъ вышеприведенному началу: «по ст: 227 судебные слѣдователи могутъ, въ случаѣ крайней въ томъ необходимости, быть переводимы изъ одного участка въ другой—вѣдомства того же окружнаго суда, но не иначе—какъ постановленіями общаго собранія отдѣленій окружного суда, состоявшимися по предложеніямъ прокурора этого суда и утвержденными Министромъ Юстиціи».

По предмету этой статьи возникло разногласіе между нашими юристами: меньшинство проэктировало эту статью; большинство было противъ нея, требуя, чтобы и судебные слѣдователи не могли быть перемѣщаемы безъ ихъ согласія.

Основанія тѣхъ и другихъ заключались въ слѣдующемъ: [2])

Меньшинство говорило: «хотя судебные слѣдователи считаются членами окружного суда, которымъ, по системѣ современныхъ законодательствъ, признается необходимымъ, для свободнаго и безпристрастнаго отправленія правосудія, дать полную самостоятельность, но въ лицѣ судебныхъ слѣдователей должно видѣть болѣе производителей слѣдствій нежели судей: они будутъ призываться, для отправленія собственно судебныхъ обязанностей, только въ крайнихъ и весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда, при недостаткѣ наличныхъ членовъ, присутствіе окружного суда не можетъ быть пополнено приглашеніемъ члена изъ другого отдѣленія. Опредѣлять права и преимущества судебныхъ слѣдователей по одному лишь побочному предмету ихъ занятій, который для большинства слѣдователей, удаленныхъ отъ окружного суда, даже вовсе не встрѣтится, было бы крайне неудобнымъ. По закону о судоустройствѣ Италіи, даже судьи, пріобрѣвшіе, на основаніи статута, право несмѣняемости, хотя и не могутъ быть ни удаляемы, ни временно устраняемы отъ должностей;

---

[1]) Выше мы видѣли какъ законодательство и практика разрѣшили этотъ вопросъ.

[2]) См. объяснительную записку къ проэкту учр. судебныхъ мѣстъ редак. коммисіи, стр. 132—136.

но для пользы службы переводятся изъ одной палаты или суда въ другіе, только безъ умепьшенія получаемаго содержанія. Слѣдователи же, хотя бы были опредѣлены изъ несмѣняемыхъ судей, могутъ быть не только переводимы изъ одного суда въ другой, но даже смѣняемы (зак. 1859. о судоустр. Піемонта, ст. 29 и 103)».

«Что же касается до отечественныхъ источниковъ, которые должны быть приняты въ руководство при судебной реформѣ, то ст: 67, ч. 1 основныхъ положеній, въ развитіе которой установляется вышеприведенное правило о несмѣняемости слѣдователей, относясь собственно къ членамъ судебныхъ мѣстъ и не упоминая вовсе о слѣдователяхъ, нисколько не обязываетъ распространять на сихъ послѣднихъ такія правила, польза которыхъ не можетъ быть оправдана на практикѣ.»

«Обращаясь къ разрѣшенію спорнаго вопроса: насколько можетъ быть допущена несмѣняемость въ отношеніи судебныхъ слѣдователей, какъ собственно слѣдственныхъ чиновниковъ, нельзя не остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) По самому свойству обязанностей, возлагаемыхъ на слѣдователей, дѣятельность ихъ не можетъ ограничиваться исключительно одними, избранными по ихъ желанію, участками, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна распространяться и на другія мѣстности, если это необходимо по ходу совершающихся преступленій и въ видахъ охраненія общей безопасности [1]). Начало это отчасти уже выражено въ принятомъ единогласно коммисіею, при разсмотрѣніи проэкта о предварительныхъ слѣдствіяхъ правилѣ, что слѣдователь можетъ производить слѣдственныя дѣйствія и внѣ своего участка, когда непрерывность и единство въ дѣйствіяхъ представляются необходимыми для открытія истины. Мнѣніе меньшинства— о допущеніи перевода слѣдователей изъ одного участка въ другой, составляетъ дальнѣйшее развитіе того же самаго начала, такъ какъ могутъ быть различные случаи, когда дѣятельность извѣстнаго слѣдователя, по личнымъ его качествамъ и по мѣстнымъ условіямъ, будетъ болѣе соотвѣтственна и полезна для одной мѣстности, чѣмъ для другой, напр. по большему или меньшему количеству возникающихъ въ ней преступленій, по относительной важности ихъ и проч. Независимо отъ этого могутъ

---

[1]) Въ журналѣ сказано «безпечности», но мы считаемъ это опечаткой.

образоваться между слѣдователемъ и мѣстнымъ населеніемъ такого особеннаго рода, частныя, отношенія, которыя сдѣлаютъ, если не совершенно невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ безпристрастное исполненіе служебныхъ его обязанностей. Въ виду подобныхъ случаевъ было бы весьма неосторожно не сохранить за ближайшимъ начальствомъ судебныхъ слѣдователей права распредѣленія ихъ по участкамъ—въ томъ порядкѣ, какой наиболѣе будетъ удовлетворять успѣшному преслѣдованію преступленій».

2) «Противу этого можно бы возразить, что переводъ слѣдователей во многихъ случаяхъ будетъ равносиленъ удаленію. Замѣчаніе это совершенно справедливо въ частныхъ интересахъ какъ слѣдователей, такъ и огромнаго большинства другихъ лицъ, обязанныхъ службою и пользующихся правомъ полной самостоятельности. Но частные интересы нельзя ставить выше общественнаго порядка. Съ другой стороны, независимость положенія хорошихъ судебныхъ слѣдователей вполнѣ могла бы быть ограждена, если будетъ постановлено, что переводъ ихъ допускается не по произволу какой либо единоличной власти, а по постановленіямъ общаго собранія окружного суда, состоявшимся по предположеніямъ прокурора и не иначе, какъ съ утвержденія Министра Юстиціи, и что удаленіе слѣдователей, наравнѣ съ членами судебныхъ мѣстъ, можетъ быть сдѣлано только по суду. Притомъ же большинствомъ коммисіи принято уже въ 174 статьѣ проэкта учрежденія судебныхъ мѣстъ, что слѣдователи утверждаются въ должностяхъ не Высочайшею властью, какъ члены судебныхъ мѣстъ, а Министромъ Юстиціи; слѣдовательно, предоставленіе перевода слѣдователей той же власти, которою они утверждаются, совершенно раціонально».

3) «Единогласно принятыми коммисіею, въ проэктѣ устава уголовнаго судопроизводства, правилами о предварительныхъ слѣдствіяхъ, установляется въ лицѣ прокурора и окружного суда постоянное наблюденіе за дѣйствіями судебныхъ слѣдователей и разрѣшеніе многихъ вопросовъ по производству слѣдствій; изъ сего самаго вытекаетъ уже необходимость не предоставлять судебнымъ слѣдователямъ полной независимости: иначе, требуемое уголовнымъ судопроизводствомъ наблюденіе прокурора и суда за дѣйствіями слѣдователей не будетъ имѣть никакого практическаго значенія и поведетъ только къ вреднымъ для службы взаимнымъ между ними пререканіямъ. По этимъ соображеніямъ, меньшинство полагало постановить: «судебные слѣдователи могутъ быть переводимы изъ одного

участка въ другой того же округа постановленіями общаго собранія окружного суда, состоявшимися по предположеніямъ прокурора сего суда и утвержденными Министромъ Юстиціи».

Большинство возражало противъ этого мнѣнія слѣдующимъ образомъ: «по статьѣ 26-ой, части 1-ой основныхъ положеній, судебные слѣдователи *считаются членами окружного суда* и, въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ, приглашаются въ его засѣданіе. Изъ сего слѣдуетъ, что все, постановленное 17-ой статьею той же части основ. пол. для членовъ окружного суда, относится въ равной мѣрѣ и къ судебнымъ слѣдователямъ, хотя о нихъ именно и не прибавлено. Допуская противный сему выводъ, слѣдовало бы заключить, что вся 67-ая статья не относится къ судебнымъ слѣдователямъ, такъ что ихъ можно увольнять безъ прошеній, удалять отъ должности безъ преданія суду и отрѣшать отъ должности безъ суда. Но это очевидно невозможно, тѣмъ болѣе, что и по нынѣшнему учрежденію судебныхъ слѣдователей они могутъ быть удалены отъ должности не иначе, какъ съ преданіемъ суду (учр. судеб. слѣдов. ст: 28); а отрѣшеніе ихъ отъ должности, какъ соединенное съ потерею права поступить снова на службу въ теченіе трехъ лѣтъ, по общимъ законамъ не можетъ быть налагаемо безъ суда. Съ другой стороны, каждый судебный слѣдователь опредѣляется въ извѣстный участокъ, и если который изъ нихъ, прося о принятіи его на службу, указываетъ именно въ какомъ участкѣ онъ желаетъ быть судебнымъ слѣдователемъ, то конечно нельзя, *безъ его согласія*, опредѣлить его въ другой участокъ. Какимъ же образомъ потомъ переводить его изъ одного участка въ другой безъ его согласія и чрезъ то заставлять его удаляться отъ мѣста, гдѣ онъ можетъ имѣть семейство и какое либо недвижимое имущество, которыхъ онъ не въ состояніи оставить безъ растройства своихъ дѣлъ. Перемѣщеніе его въ такихъ случаяхъ, безъ его согласія, было бы равносильно удаленію отъ должности».

«Постановленія проэкта устава уголовнаго судопроизводства о правѣ или, вѣрнѣе сказать, обязанности судебнаго слѣдователя продолжать слѣдственныя дѣйствія и за границею своего участка, когда это требуетъ настоятельность случая,—не имѣетъ ничего общаго *съ перемѣщеніемъ ихъ безъ ихъ согласія*. Принятыя въ томъ проэктѣ правила о надзорѣ прокуроровъ за слѣдствіями, не нарушаютъ и не могутъ нарушить независимости и самостоятельности судебныхъ слѣдователей: ибо не заставляютъ ихъ безсознательно исполнять требованія прокуроровъ;

но дозволяютъ, въ случаѣ разномыслія съ прокуроромъ, представлять на разрѣшеніе суда. Наконецъ, дозволеніе перемѣстить слѣдователя, безъ его согласія, потому только, что онъ дѣятельнѣе слѣдователя другого участка, въ которомъ возникаетъ болѣе дѣлъ, было бы тоже, что произвольно располагать силами способныхъ и дѣятельныхъ людей въ пользу неспособныхъ и нераспорядительныхъ и посему несправедливо. Нельзя также не признать перемѣщеніе судебныхъ слѣдователей мѣрою вообще вредною, потому что для успѣха слѣдствій весьма важно, чтобъ слѣдователь хорошо зналъ не только жителей своего участка, но и самыя мѣстности онаго, такъ что даже хорошій слѣдователь въ одномъ участкѣ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, не столь полезнымъ въ другомъ. По этимъ соображеніямъ большинство полагало: «что сила статьи 67-ой, части 1-ой основныхъ положеній должна вполнѣ быть распространена на судебныхъ слѣдователей, и для устраненія въ этомъ сомнѣній, *полагало*: оговорить о томъ положительно въ статьѣ 206 проэкта, соотвѣтствующій означенной 67-ой статьѣ основныхъ положеній».

Оба эти мнѣнія были правы въ половину: большая часть мотивовъ меньшинства опровергнута логично и научно большинствомъ; но оно оставило неопровергнутымъ одно основаніе меньшинства, которое важнѣе остальныхъ, а именно: «*что между слѣдователемъ и мѣстнымъ населеніемъ могутъ образоваться, особеннаго рода, частныя отношенія, которыя сдѣлаютъ если не совершенно невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ безпристрастное исполненіе служебныхъ его обязанностей*». Эта-то практическая сторона есть важнѣйшая въ вопросѣ о слѣдователѣ: вся важность обязанностей слѣдователя сознана всѣми, и въ особенности это открывается изъ инструкціи, данной ему, въ положеніи объ уголовномъ судопроизводствѣ [1]). Поэтому, сознавая вполнѣ, что судебный слѣдователь—съ одной стороны, обжившись на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ, чрезъ кумовство или иныя причины, быть не совсѣмъ безпристрастнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; съ другой стороны, что, личности, предубѣжденія и иныя причины, которыя бываютъ нерѣдко между старожилами поводомъ къ взаимному неудовольствію,—могутъ часто препятствовать правильному оправленію судебнымъ

---

[1]) *Въ уголовномъ судопроизводствѣ будетъ объ этомъ говорено подробно.*

слѣдователемъ своихъ обязанностей, — законодательство и должно изыскать такія мѣры, которыя бы, не нарушая сущности независимости слѣдственнаго судьи, вмѣстѣ съ тѣмъ оградили бы общество отъ пристрастнаго слѣдователя. Эта-то мѣра и заключается: 1) въ приведенномъ меньшинствомъ правилѣ: о перемѣщеніи слѣдователя изъ участка въ участокъ; правило, которымъ нисколько не нарушается принципъ объ его несмѣняемости: потому что послѣднее относится къ должности вообще, а не въ отношеніи участка. 2) Между тѣмъ это правило даетъ возможность суду и министру юстиціи удалять судебныхъ слѣдователей изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они, чрезъ свои пристрастныя дѣйствія, сдѣлались непопулярными.

Но, возразите вы, быть можетъ, что это же самое можно бы было сказать и въ отношеніи судей вообще. На это отвѣчу, что судья, при пристрастныхъ дѣйствіяхъ, можетъ принести обществу меньше зла, чѣмъ слѣдственный судья: первый въ гражданскомъ *истязательномъ процессѣ*, котораго начала приняты въ нашемъ судопроизводствѣ, есть безмолвный слушатель тяжущихся, и постановленіе суда не единоличное, а коллегіальное и должно быть основано на фактахъ, представляемыхъ сторонами; притомъ же на подобное рѣшеніе допускается еще апелляція. Въ уголовномъ же процессѣ судья примѣняетъ только рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей къ закону. Между тѣмъ какъ слѣдственный судья дѣйствуетъ, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, независимо и при его пристрастіи общественное спокойствіе можетъ быть потрясено. Доказательствомъ тому можетъ служить наша бывшая полиція: непопулярность ея происходила именно только потому, что она имѣла характеръ слѣдственно-уголовный. По этимъ даннымъ законодательству необходимо было изыскать такую мѣру, которая бы могла оградить общество отъ пристрастія судебныхъ слѣдователей и эта мѣра заключается именно въ проэктѣ меньшинства.

Законодательное наше сословіе по предмету этому присоединилось къ меньшинству редакціонной коммисіи и выразило это слѣдующимъ образомъ: [1]) «одно изъ важнѣйшихъ правъ судей, дающее имъ полную самостоятельность и независимость, выражено въ статьѣ 67-ой ч. 1 основн. положеній, по коей предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ

---

[1]) См. жур. Госуд. Совѣта 17, 23, 24 и 27 Іюля 1864, № 98, стр. 35.

другую безъ ихъ согласія. Правило это повторено въ 206 статьѣ проэкта коммисіи; но при этомъ положено не допускать и перевода судебныхъ слѣдователей изъ одной мѣстности въ другую, безъ ихъ согласія, и слѣдовательно также и перемѣщенія ихъ изъ одного участка въ другой въ томъ же округѣ. Находя съ своей стороны, что такое развитіе основныхъ положеній не вполнѣ соотвѣтствуетъ точному ихъ смыслу: ибо перемѣщеніе судебнаго слѣдователя изъ одного участка въ другой, въ томъ же округѣ, не есть еще нарушеніе правила о смѣняемости, такъ какъ судебный слѣдователь, и при такомъ перемѣщеніи, остается членомъ того же самаго окружного суда и, принимая въ соображеніе, что перемѣщеніе судебныхъ слѣдователей въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть особенно необходимо по разнымъ причинамъ, соединенные департаменты признали нужнымъ постановить: что судебные слѣдователи могутъ быть переводимы изъ одного участка въ другой того же окружного суда *лишь въ случаѣ крайней въ томъ необходимости* и не иначе какъ постановленіями общаго собранія окружного суда, состоявшимися по предложеніямъ прокурора сего суда и утвержденными Министромъ Юстиціи».

Этимъ постановленіемъ Государственрый Совѣтъ утвердилъ проэктъ меньшинства, при чемъ весьма разумно присовокуплено къ его редакціи выраженіе: «лишь въ случаѣ крайней о томъ необходимости»; слѣдовательно, если такой необходимости не будетъ, то судебный слѣдователь и не будетъ переводимъ. Его переводъ не будетъ слѣпымъ произволомъ, а основанъ на доводахъ прокурора и общаго собранія суда.

ГЛАВА IV.

ТЕОРІЯ ВЫБОРНАГО НАЧАЛА ВЪ ОТНОШЕНІИ СУДА. НАЧАЛО ЭТО: а) СОГЛАСНО СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ ЕКАТЕРИНЫ II, РАЗВИТОЙ ПОСЛѢДУЮЩИМИ ЦАРСТВОВАНІЯМИ И ВОШЕДШЕЙ ВЪ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ: 1832, 1842 И 1856 ГОДОВЪ; б) СОГЛАСНО УКАЗУ 19 ФВВ. 1862 ГОДА О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМѢ. СЕЛЬСКІЕ СУДЬИ, МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ И ИХЪ ОЦѢНКА; в) СОГЛАСНО УКАЗУ 20 НОЯБ. 1864 ГОДА.— ВЫБОРНОЕ НАЧАЛО ВЪ ОТНОШЕНІИ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ И УЧАСТІЕ ЗЕМСТВА ПО ПРЕДМЕТУ НАЗНАЧЕНІЯ СУДЕЙ.

Теоретическое основаніе выборнаго начала заключается въ томъ, что общество—лучшій блюститель собственныхъ своихъ интересовъ, и что оно, поэтому, лучше всякаго другого авторитета можетъ знать и опредѣлить кто изъ членовъ его способенъ или неспособенъ къ занятію, необходимой для общественнаго спокойствія, должности судьи. Независимо отъ этого, выборное начало есть, по мнѣнію многихъ, необходимое условіе самостоятельности суда и совершеннаго его отдѣленія отъ сопредѣльной ему власти исполнительной. Второе положеніе основано на томъ, что если администрація имѣетъ какое-нибудь прямое или косвенное вліяніе на назначеніе судей, то безпристрастіе послѣднихъ легко можетъ быть поколеблено. Судъ же, по мнѣнію ихъ, долженъ стоять внѣ всякихъ вліяній. На этомъ основаніи многіе юристы требуютъ: 1) выборнаго начала при назначеніи не только сельскихъ и мировыхъ судей, но и при назначеніи членовъ общихъ судовъ; 2) отнятіе отъ администраціи права провѣрять списки кандидатовъ въ мировые судьи и присяжныхъ засѣдателей. Соглашаясь вполнѣ съ послѣднимъ при развитости общества, мы однакожъ не можемъ не сказать, что эти начала не могутъ быть приняты безусловно. Выборное начало, если оно только *безусловно*, можетъ не только обра-

титься въ злоупотребленіе партій и сословій, но можетъ и не оправдать высокихъ надеждъ, возлагаемыхъ на судебную власть обществомъ. Дѣйствительно, судебная власть должна быть устранена отъ всякихъ вліяній политическихъ и гражданскихъ партій. Какъ власть, имѣющая предметомъ своимъ наблюденіе за ненарушимостью господствующаго въ государствѣ права, она обязана быть безпристрастна, какъ самъ законъ, не обращая вниманія ни на лица, ни на сословія. Съ подобнымъ же характеромъ судебная власть не можетъ быть поставлена въ такое положеніе, чтобы выборъ судей былъ *безусловенъ*. При безусловности могутъ быть избираемы лица, не вполнѣ служивающія занять судейскія должности, которыми поэтому, посредствомъ интригъ, овладѣетъ господствующая въ обществѣ партія. Съ другой стороны, въ подобномъ случаѣ, общественныя партіи и сословія могутъ поставить судъ подъ непосредственное свое вліяніе, въ прямой ущербъ другимъ сословіямъ. Поэтому и теорія, и практика совершенно отвергаютъ безусловность выборнаго начала. Правда, эта безусловность льститъ общественному самолюбію и выражаетъ полную независимость его самоуправленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ прямо его же собственнымъ интересамъ: такъ какъ она выборы обращаетъ не въ разумное представительство народа въ судѣ, а въ неразумную отдачу судебной власти въ руки партій. Въ особенности послѣднее явленіе встрѣчается въ тѣхъ обществахъ, которыя по развитію стоятъ на низкой степени: въ нихъ не дѣйствуетъ еще на столько сознаніе, чтобы они поняли, что судьею, при настоящей европейской цивилизаціи, не можетъ быть каждый умный и честный человѣкъ; и что для этого необходимъ еще извѣстный запасъ теоретическихъ и юридическихъ познаній и знаніе отечественной юриспруденціи. Поэтому общество должно стоять очень высоко по своей развитости, чтобы оно, при безусловномъ правѣ выбора, само назначало въ судьи только однихъ юристовъ. Если же послѣдняго условія нѣтъ, то законодательство должно указать обществу тѣ качества, по которымъ его выборъ можетъ быть только дѣйствителенъ. Кромѣ этого законодательство должно поставить выборы въ такое положеніе и въ такіе разумные предѣлы, чтобы они не сдѣлались выраженіемъ стремленій одного какого-нибудь исключительнаго сословія или партіи.

Такимъ образомъ выборное начало въ томъ лишь случаѣ можетъ вполнѣ оправдать свое назначеніе въ дѣлѣ суда, когда оно основано на разумныхъ началахъ, дающихъ народу возможность истиннаго національнаго представительства въ судѣ.

Но какъ же это осуществить?.. Общество наше раздѣлено еще на сословія, которыя совершенно отдѣлены другъ отъ друга гражданскими правами и интересами. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ слитіе интересовъ гражданъ и ихъ равноправность. Только при этомъ условіи можетъ установиться гармонія въ государствѣ: иначе, разрозненныя въ своихъ интересахъ, сословія будутъ враждовать межъ собою и этотъ антагонизмъ ихъ можетъ болѣзненно отразиться на всемъ государственномъ организмѣ. При равноправности же гражданъ исчезаетъ сословность и поэтому общій выборъ цѣлымъ земствомъ становится упрощенною выборною формою. При раздѣленіи же общества на сословія приходится одно изъ двухъ: или установить сословные суды; или въ общихъ судахъ допускать выборъ каждымъ сословіемъ одинаковаго количества судей. Въ первомъ случаѣ могутъ быть не только пререканія одного суда съ другимъ; но въ смѣшанныхъ дѣлахъ двухъ различныхъ сословій можетъ происходить запутанность и несправедливо, въ подобномъ случаѣ, дать перевѣсъ или преимущество какому нибудь изъ сословій: такъ какъ предъ закономъ всѣ лица равны. Во второмъ случаѣ неравенство сословій, встрѣчающееся вслѣдствіе общественнаго ихъ положенія, — ставитъ въ судѣ выборныхъ этихъ сословій въ то же самое положеніе, въ какомъ они находятся въ обществѣ; выборные высшаго сословія господствуютъ въ судѣ надъ выборными низшихъ [1]). На этомъ основаніи лучшая выборная форма есть форма *совмѣстнаго* избирательства: въ этомъ случаѣ выборный судья не есть представитель сословности, а—представитель цѣлаго общества. Тутъ исчезаютъ всѣ сословные интересы, всѣ неудобства, сопряженныя съ этимъ и выборное лицо становится вполнѣ независимымъ. Оно уже не выражаетъ одни сословные или партіонные интересы; а представляетъ самое общество въ дѣлѣ суда. Не принадлежа ни къ какому сословію, ни къ какой партіи, лицо это становится живымъ органомъ закона и блюстителемъ его.

Въ какой же формѣ возможно совмѣстное избраніе?..

Само собою разумѣется, что если извѣстное общество такъ организовано, что оно слито въ одно цѣлое, нераздѣльное и если оно по развитію своему стоитъ такъ высоко, что большинство гражданъ имѣютъ ясное понятіе о гражданскихъ своихъ правахъ, потребностяхъ и обязанностяхъ, тогда лучшая форма есть всеобщность выбора, т. е., избраніе судьи посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Эта всеобщность выбора выра-

---

[1]) Всѣ эти явленія были въ нашихъ судахъ.

жается въ подобномъ случаѣ голосомъ каждаго совершеннолѣтняго члена общества. Но если этихъ условій нѣтъ: если общество не слито, если большинство его членовъ крайне неразвито и едва имѣетъ понятіе не только о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, но даже и о своихъ потребностяхъ, то конечно выборная форма, въ видѣ всеобщей подачи голосовъ. можетъ сдѣлаться не выраженіемъ разумныхъ потребностей народа, а выраженіемъ его неразвитости: доказательствомъ чему можетъ служить знаменитый плебицистъ, 1870 г., Наполеона III. Поэтому, при неразвитости большинства общества, лучшею формою можетъ служить выборъ, предоставленный представителямъ всѣхъ сословій. Форма эта лучше первой, потому что выборные или гласные изъ народа всегда люди болѣе или менѣе развитые, болѣе или менѣе умные люди; небольшое собраніе людейможетъ всегда лучше обсудить дѣло, нежели масса народа, въ которой большинство неразвито; наконецъ выборные могутъ, прежде подачи голосовъ относительно избираемаго судьи, собрать всѣ свѣдѣнія объ его поведеніи, качествахъ и способностяхъ; и притомъ выборные, какъ люди болѣе близкіе къ обществу, могутъ имѣть болѣе общительности и знакомыхъ и поэтому скорѣе могутъ знать все хорошее и дурное объ избираемомъ лицѣ, чѣмъ отдѣльные члены общества, въ особенности въ большихъ городахъ и селахъ.

Съ такими началами выборное право можетъ дѣйствительно сдѣлаться полнѣйшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Но здѣсь встрѣчается еще другое затрудненіе: представительство народа должно быть организовано на самыхъ широкихъ началахъ, для того чтобы представители могли принять полное участіе въ назначеніи судей во всѣ судебныя инстанціи. Въ подобномъ случаѣ потребно постоянное центральное собраніе представителей. Постояннымъ оно должно быть потому, чтобы при первой же вакансіи избрать новаго судью; центральнымъ оно должно быть потому, что общіе суды 1-й степени обнимаютъ нѣсколько уѣздовъ, апелляціонные—нѣсколько губерній, а правительствующій сенатъ или кассаціонный судъ—всю импер!ю. Но *постоянныхъ* государственныхъ, центральныхъ, представительныхъ мѣстъ не встрѣчается ни въ одномъ изъ большихъ государствъ Европы: всѣ они или переодическія—созываются или распускаются верховною исполнительною властью; или же они—срочныя. Поэтому назначеніе судей въ должности, переданное такимъ государственнымъ центральнымъ мѣстамъ, можетъ имѣть значительныя неудобства: такъ какъ во время сессій этихъ собраній можетъ именно случиться, что не будетъ имѣться въ

виду кандидатъ на должность судьи; или если и будетъ кандидатъ, то онъ можетъ быть признанъ неспособнымъ. Съ другой стороны, такъ какъ подобныя собранія ограничиваются неболѣшимъ числомъ представителей изъ каждаго города и уѣзда, то поэтому общее собраніе, не будучи въ состояніи знать мѣстныхъ жителей другихъ губерній, должно будетъ полагаться исключительно на рекомендаціи представителей этихъ губерній; а потому всѣ низшія инстанціи судовъ, куда, по большой части, кандидатами объявятъ себя *мѣстные* жители, всецѣло отдадутся въ руки представителей тѣхъ губерній. гдѣ они будутъ находиться. Но еще хуже было бы, если бы этой рекомендаціи не могло быть вслѣдствіе несовмѣщенія мѣстными жителями тѣхъ условій, которыхъ требуетъ законъ для занятія должностей въ общихъ судахъ: въ подобномъ случаѣ государственное, центральное, представительное мѣсто было бы поставлено въ крайнее затрудненіе при выборѣ достойнаго судьи.

Эти неудобства и вызываютъ теоретическую необходимость, оставивъ назначеніе членовъ въ сенатъ въ рукахъ, центральнаго, государственнаго представительнаго мѣста, за обществомъ оставить право избранія мѣстныхъ судей; назначеніе же членовъ въ 1-я двѣ инстанціи государственныхъ судовъ оставить или въ рукахъ мѣстнаго земства *судебнаго округа* или въ рукахъ постоянной центральной исполнительной власти. Послѣднее условіе вовсе не ставитъ судебную власть въ зависимость отъ исполнительной. Независимость первой выражается въ автономіи, и самостоятельности правительствующаго сената. Если онъ избранъ представителями народа; если онъ ничѣмъ не стѣсненъ; если рѣшенія его равносильны закону; если никакая посторонняя власть не можетъ уничтожить его приговора,—то голосъ его настолько же державенъ и верховенъ, насколько это можно сказать въ отношеніи властей—законодательной и исполнительной. И если допустить, что власть судебная компрометируется участіемъ въ выборѣ судей въ 1-я двѣ инстанціи верховною исполнительною властью, то это же самое можно сказать и въ отношеніи законодательной власти. Если же отдать изъ нихъ кому нибудь преимущество, то скорѣе можно сдѣлать это въ отношеніи первой: вторая совершенно безотвѣтственна предъ судомъ, потому что она сама законъ; органы же второй или, другими словами, *Министерство* подлежитъ отвѣтственности. Къ тому же министерство, какъ органъ постоянный, обязано не только подчиняться общественному мнѣнію (безъ чего, сдѣлавшись непопулярнымъ, оно должно подать въ отставку), но оно должно подчиняться закону и принятымъ

обычаямъ. Слѣдовательно дѣйствія его необходимо должны подчиняться извѣстной системѣ. Центральное же, государственное, представительное, народное мѣсто, какъ непостоянное, можетъ и не знать этихъ обычаевъ: поэтому его назначенія могутъ быть совершенно произвольны. При томъ, какъ власть законодательная, можетъ-ли она въ тоже время, быть властью, исполнительною въ отношеніи законовъ о судьяхъ?.. И не можетъ-ли она нарушать этихъ законовъ?

Но на это, быть можетъ, возразятъ, что для этой цѣли центральное представительство народа можетъ быть отдѣлено отъ законодательнаго. Но подобное учрежденіе, вынужденное быть постояннымъ, для того, чтобы быть, во всякое время, готовымъ къ пополненію убыли судей, не введетъ-ли народъ въ огромный расходъ, безъ всякой существенной пользы? Для того, чтобы назначить нѣсколько судей въ годъ, а иногда ни одного, народъ долженъ будетъ издерживать сотни тысячъ рублей на содержаніе спеціальнаго избирательнаго, представительнаго, учрежденія по этому предмету. Можетъ-ли это имѣть какой-нибудь смыслъ?..

Поэтому, приходится одно изъ двухъ: предоставить назначеніе судей въ обѣ судебныя инстанціи или мѣстному земству, или исполнительной власти. Первая форма разумнѣе и удобнѣе: каждый судебный округъ можетъ, чрезъ представителей земства, избрать себѣ членовъ не только мирового института, но и судовъ окружныхъ и судебной палаты. Намъ кажется, что если положительное законодательство и теорія допускаютъ необходимость избиранія мирового института земствомъ, то никакой опасности нѣтъ для правосудія, если эти права будутъ ему предоставлены и въ отношеніи общихъ судовъ: потому что мировой судъ, какъ судъ единоличный, требуетъ еще большей осмотрительности въ выборѣ, чѣмъ суды общіе, форма которыхъ коллегіальная. Слѣдовательно, исполнительной власти можно предоставить назначеніе судей въ окружные суды только въ видѣ временной мѣры, т. е., въ такомъ лишь случаѣ, когда въ провинціяхъ чувствуется еще недостатокъ въ ученыхъ и добросовѣстныхъ юристахъ или когда еще неповсемѣстно введены земскія учрежденія. Съ повсемѣстнымъ же введеніемъ земскихъ учрежденій, выборы въ окружные суды не могутъ встрѣтить никакихъ препятствій. Въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ, въ каждой губерніи, потребуется не болѣе 6 членовъ—количество, незначительное въ сравненіе съ лицами, могущими по губерніямъ занимать судейскія должности. Для выборовъ же въ судебныя палаты могутъ соеди-

няться губернскія земскія собранія тѣхъ губерній, которыя входятъ въ составъ судебнаго округа. При сильномъ развитіи желѣзныхъ дорогъ и пароходства, въ настоящее время, не можетъ быть особенныхъ затрудненій для подобныхъ съѣздовъ, тѣмъ болѣе, что при безсрочности службы въ окружныхъ судахъ, подобные выборы будутъ повторяться очень рѣдко. Для того же, чтобы, на случай выбытія одного изъ членовъ, не было остановки въ отправленіи правосудія, каждому изъ членовъ суда можетъ быть сопоставленъ кандидатъ. Старшинство же членовъ суда и самое назначеніе или въ предсѣдатели, или въ члены, или въ кандидаты, должно быть сообразно съ количествомъ полученныхъ бѣлыхъ шаровъ: такъ что получившій наибольшое число избирательныхъ шаровъ есть предсѣдатель суда; получившій наименьшее—кандидатъ. Поэтому, назначеніе верховною исполнительною властью и министерствомъ судей въ первыя двѣ судебныя инстанціи есть только необходимая, *временная* мѣра въ каждомъ большомъ государствѣ, т. е., въ томъ случаѣ, когда земскія учрежденія еще неповсемѣстно дѣйствуютъ и когда предполагается, что наличное число ученыхъ юристовъ въ провинціи недостаточно. Впрочемъ, если эти формы поставлены въ разумные предѣлы и въ извѣстныя условія, то они, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, нарушатъ верховныя права судебной власти [1]). Однако же, если можно этой формы избѣгнуть, то во имя самаго правосудія, независимости и самостоятельности суда, слѣдуетъ это сдѣлать. Въ чемъ же должны заключаться тѣ условія, о которыхъ я выше сказалъ, будетъ показано мною ниже; здѣсь же я займусь разрѣшеніемъ другого существеннаго вопроса выборнаго начала: о срочности и безсрочности выборовъ.

«Публицисты, говоритъ Бентамъ [2]), возстающіе противъ системы административнаго отрѣшенія отъ судебныхъ должностей, пріискали другое средство противъ неудобствъ учрежденія постоянныхъ судей: они предлагаютъ періодическія избранія, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи срока избранія, судья не могъ быть вновь избранъ втеченіи опредѣленнаго времени. Выгода этой системы, по ихъ мнѣнію, заключается въ возможности удалять судью безъ огласки и безъ обиды для него. Вы его избрали, положимъ, на пять лѣтъ: въ опредѣленное время онъ оставляетъ свое мѣсто;

---

[1]) Къ этому предмету я ниже снова возвращаюсь.

[2]) О судоустройствѣ Бентама. стр. 30—34.

это заранѣе предвидѣнный фактъ. Избраніе его вновь не можетъ быть непосредственнымъ; но на слѣдующихъ выборахъ онъ можетъ быть опять избранъ. Если онъ потерпитъ неудачу, то подвергается тому же положенію, какъ и другіе кандидаты-несчастливцы, — но не испытываетъ горькаго чувства, сопряженнаго съ отрѣшеніемъ отъ должности».

«Самолюбіе, продолжаетъ Бентамъ,—было бы, конечно, болѣе пощажено при этой системѣ, нежели при системѣ административнаго отрѣшенія; но посмотримъ, не представляетъ-ли она такихъ неудобствъ, вслѣдствіе которыхъ отъ нея непремѣнно слѣдуетъ отказаться. 1) *Важная выгода—имѣть опытныхъ людей,—была бы потеряна чрезъ это возобновленіе.* Мы должны считать себя весьма счастливыми, если можемъ найти достаточное число людей, способныхъ хорошо выполнять обязанности судьи; но при этой системѣ надобно было бы удвоить ихъ число, чтобы оно было достаточно для періодическихъ избраній. Даже при большомъ числѣ способныхъ людей, подобная расточительность не могла бы быть оправдана; но такое число далеко не существуетъ на поприщѣ столь преисполненномъ трудностей, какъ поприще судебное. Даже если бы законы достигли возможно высшей степени простоты, то и тогда искуство производить судъ все-таки стояло бы гораздо выше обыкновенныхъ способностей. Пусть приводятъ въ примѣръ рѣшенія губернатора Баратаріи, какъ образецъ справедливости: это прекрасная шутка, которая даетъ мнѣ право полагать, что Сервантесъ, подъ именемъ Санхо, былъ бы очень хорошій судья. Но будемъ говорить серьезно. Не нуженъ-ли умъ образованный, умъ логическій,—чтобы разрѣшить, подходитъ-ли извѣстный фактъ подъ опредѣленіе закона; чтобы взвѣсить достоинство противорѣчащихъ показаній, чтобы образовать цѣпь доказательствъ изъ множества отдѣльныхъ колецъ; чтобы оцѣнить силу документовъ; чтобы распутать нити коварной ябеды?.. Безъ сомнѣнія бываютъ простые случаи, для разрѣшенія которыхъ достаточно здраваго смысла. Я соглашусь даже, что три четверти дѣлъ таковы; но если бы изъ ста дѣлъ было только одно запутанное и темное, то судья долженъ быть въ состояніи правильно разрѣшить его. Кромѣ того, если здраваго смысла достаточно, чтобы рѣшать справедливо, то нуженъ образованный умъ, чтобы привести основанія рѣшенія; чтобы сдѣлать его памятнымъ для публики; чтобы оправдать его, въ случаѣ надобности, передъ высшимъ судомъ; чтобы выполнить въ производствѣ всѣ правила закона и не подвергать приговоры отмѣнѣ по несоблюденію формъ. Всѣ искуства, всѣ науки, всѣ отрасли торговли могутъ представить рѣшенію

судьи трудные вопросы. И нашлись люди, которые осмѣливались сказать, что можно было бы взять человѣка на удачу съ улицы и сдѣлать его судьею!.. Самое страшное изъ всѣхъ призваній — произносить рѣшенія о собственности, о свободѣ и даже о жизни людей—есть, слѣдовательно, единственное, которое не требуетъ никакого приготовленія. Самое простое ремесло требуетъ обученія, самое важное искуство—въ немъ не нуждаться! Вотъ коренной недостатокъ этой системы: *трудность найти достаточное число хорошихъ судей*».

Я вполнѣ раздѣляю, по предмету необходимости образованія судей, идеи Бентама. Ясно это было высказано мною въ сочиненіи моемъ „взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство“ [1]), и я согласенъ съ тѣмъ, что въ общихъ и верховныхъ судахъ, господствуетъ-ли выборное начало или система административнаго назначенія судей, періодичность избранія можетъ дѣйствительно представить тѣ неудобства, о которыхъ говоритъ Бентамъ. При системѣ административнаго назначенія судей, періодичность этого назначенія можетъ еще имѣть ту невыгоду, что каждое новое министерство могло бы, сообразно своимъ стремленіямъ, удалять судей, нераздѣляющихъ его убѣжденій и политическихъ принциповъ. Поэтому въ подобномъ случаѣ періодичность назначенія судей сдѣлалась бы равносильною отрѣшенію судей отъ должностей, и чрезъ это коренное начало независимости суда былобы поколеблено, въ явный ущербъ правосудію. На этомъ основаніи, съ одной стороны, необходимость избѣжать это неудобство и вызываетъ каждое раціональное законодательство дѣлать назначеніе судей въ общихъ государственныхъ судахъ безсрочнымъ; съ другой стороны, безсрочность даетъ возможность имѣть спеціалистовъ—судей, требуемыхъ въ каждомъ государствѣ, гдѣ юридическія отношенія гражданъ довольно сложны, и гдѣ уголовное и гражданское право вызываютъ долговременнаго теоретическаго и практическаго его изученія.

Въ тѣхъ обществахъ, которыя, по просвѣщенію своему, стоятъ на высокой степени и которыя, по количеству членовъ, немногочисленны и въ которыхъ назначеніе судей во всѣ мелкіе и государственные суды основано на выборномъ началѣ,—въ такихъ обществахъ періодичность избранія еще можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ въ нихъ не можетъ чувствоваться недостатокъ въ перемѣнѣ судей. Въ обществахъ же обширныхъ, гдѣ юридиче-

---

[1]) См. Современникъ № 1. за 1859 г.

ская науза еще не глубоко пустила корни въ общественномъ сознаніи, если тамъ назначеніе судей зависитъ только отъ выборнаго начала,— неминуемо въ нихъ должно быть одно изъ двухъ: или они должны чувствовать крайній недостатокъ въ выборѣ судей, въ ооебенности когда существуетъ законъ—что никто не можетъ быть два раза сряду избираемъ; или, если не будетъ послѣдняго условія, то назначеніе судей будетъ повторительное, то есть, прежніе судьи будутъ вновь избраны.

Но этого нельзя сказать относительно *мѣстныхъ судовъ*. Послѣдніе, обнимая участки незначительные, небольшія мѣстности и маловажныя дѣла, по большой части, требуютъ и меньше теоретическихъ знаній отъ судьи, чѣмъ въ судахъ общихъ и государственныхъ. Мѣстный судья долженъ быть только человѣкъ развитой, умный и честный; а подобныхъ людей легче найти, чѣмъ такихъ, въ которыхъ необходимо искать спеціальность юридическихъ познаній и особую судейскую способность. Слѣдовательно, періодичность избранія не можетъ въ мелкихъ, мѣстныхъ, судахъ имѣть тѣ неудобства, о которыхъ говоритъ Бентамъ, и безсрочность не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Нельзя не признать справедливымъ то, что срочность выбора, можетъ, помимо дисциплинарнаго или уголовнаго преслѣдованія, быть гарантіею для общества въ отношеніи избранія судьи. Если судья не оправдалъ надеждъ общества и если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ себя такъ хитро и тонко, что оно не могло преслѣдовать его формою суда, то, при новыхъ выборахъ, оно безъ скандала можетъ избавиться отъ этого судьи. Въ строгомъ юридическомъ смыслѣ подобное юридическое дѣйствіе равносильно отрѣшенію или удаленію отъ должности; но оно отличается отъ послѣдняго способа тѣмъ, что общество привыяло съ неудачными для кандидата выборами не соединять идеи о чемъ-то безчестномъ; между тѣмъ второе кладетъ на отрѣшеннаго отъ должности клеймо позора. Поэтому, находя несправедливымъ предоставить вторую форму обществу, мы допускаемъ первую; такъ какъ она не можетъ повредить судьѣ ни въ карьерѣ, ни въ общественномъ мнѣніи. Но допуская эту форму, мы признаемъ ее полезною только въ отношеніи судей мѣстныхъ, т. е., въ отношеніи сельскихъ, волостныхъ судовъ и мировыхъ учрежденій; суды же государственные должны быть изъяты отъ періодичности избраній.

2) «Періодическія избранія, говоритъ далѣе Бентамъ,—поставили бы судей въ необходимость стараться пріобрѣсти покровительство людей, имѣющихъ вліяніе и могущихъ располагать выборами. Ихъ личное достоинство было бы, безъ сомнѣнія, хорошею рекомендаціею передъ массою избира-

телей; но по истеченіи времени, въ которое они не могли быть избраны, воспоминаніе объ ихъ заслугахъ становится менѣе живо, если совсѣмъ не изглаживается; новые кандидаты могутъ воспользоваться минутнымъ увлеченіемъ избирателей. И такъ нужны будутъ интриги для поддержанія своихъ интересовъ; нужны будутъ велерѣчивые защитники и покровители, связи въ свѣтѣ! между тѣмъ какъ желательно, чтобы судья оставался чуждъ всего этого, для сохраненія чистоты своего призванія». Скажутъ, что это возраженіе примѣняется и къ системѣ административнаго отрѣшенія; но оно во сто разъ сильнѣе говоритъ противъ періодическихъ избраній. Отрѣшеніе было бы случаемъ необыкновеннымъ, тѣмъ болѣе рѣдкимъ, что оно требуетъ обвиненія отдѣльнаго лица, представленія обвиняющихъ его фактовъ; между тѣмъ какъ въ системѣ, мною отвергаемой, — отрѣшеніе уже имѣло мѣсто, время новаго избранія опредѣлено, дорога открыта другимъ претендентамъ; партіи приходятъ въ движеніе, чтобы доставить торжество своимъ любимцамъ. Человѣкъ, который не рѣшится быть слишкомъ строгимъ и удалить судью отъ должности, не колеблясь, будетъ стараться, при избраніи, доставить новому кандидату побѣду надъ прежнимъ: предпочтеніе является совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ отрѣшеніе».

Доводы, приводимые Бентамомъ, могутъ имѣть мѣсто не только въ отношеніи періодичности выборовъ, но въ отношеніи вообще выборнаго начала и даже системы административнаго назначенія судей: вездѣ встрѣчаются интриги, заискиванія, дѣйствія партій,—гдѣ только существуютъ люди и страсти. Поэтому излишне предписывать эти условія только одной періодичности избранія: это хроническая, не излечимая, болѣзнь всѣхъ формъ назначенія судей. Поэтому мы соглашаемся съ Бентамомъ только въ томъ отношеніи, что періодичность избранія ни въ какомъ случаѣ не должна сопровождаться, въ опредѣленное число лѣтъ, запрещеніемъ судьѣ быть избраннымъ вновь. Въ подобномъ случаѣ, дѣйствительно, могутъ быть забыты заслуги судьи. Да и къ чему ведетъ это запрещеніе, если общество находитъ судью достойнымъ продолжать вновь службу; и не отнимается-ли этимъ отъ общества право пользоваться услугами уже опытнаго и испытаннаго судьи?.. Нельзя также не согласиться съ Бентамомъ, что человѣкъ, который не рѣшится быть слишкомъ строгимъ и удалить судью отъ должности, не колеблясь, будетъ стараться, при избирательной формѣ, доставить новому кандидату побѣду надъ прежнимъ... Но этотъ выводъ доказываетъ только, что обвинителями судьи, для отрѣшенія его отъ должности,

явятся немногіе и что обществу легче отъ него отдѣлаться періодичностью выборовъ, чѣмъ формальнымъ его отрѣшеніемъ.

3) Въ послѣднемъ своемъ аргументѣ Бентамъ возражаетъ противъ періодичности избранія слѣдующимъ образомъ:

«*Наконецъ замѣчу, что система періодическихъ избраній увеличиваетъ неравенство и усиливаетъ аристократію богатства.* Представьте себѣ человѣка, живущаго своими трудами, котораго вы назначили судьею на 4 года или 5 лѣтъ; по окончаніи этого срока, что долженъ онъ дѣлать? Долженъ-ли онъ обратиться къ ходатайству по дѣламъ, къ занятіямъ въ конторѣ или мастерской?.. Долженъ-ли онъ поперемѣнно занимать то общественную должность, то частную; дѣлать связи и разрывать ихъ; становиться то пристрастнымъ, то безпристрастнымъ черезъ каждые полгода; заключать денежныя обязательства съ тѣми, которымъ онъ служитъ, не сохраняя о нихъ никакого воспоминанія?.. Не будетъ-ли онъ склоненъ къ покровительствованію въ качествѣ судьи тѣмъ, которые покровительствуютъ ему, какъ частному лицу, и не будетъ-ли здѣсь взаимнаго обмѣна услугъ? Но дѣлъ нельзя оставить и снова приниматься за нихъ по произволу; промежутокъ прерываетъ ихъ теченіе. Человѣкъ умный и пользующійся уваженіемъ не возьметъ на себя этихъ періодическихъ занятій, не имѣя достаточнаго и независимаго состоянія; И такъ жалованье судей пойдетъ, по необходимости, на увеличеніе средствъ богачей. Будетъ-ли отъ этого лучше правосудію?.. Я не думаю, потому что этимъ преграждается дорога большому числу кандидатовъ и даже наиболѣе способнымъ. Только самое ревностное прилежаніе можетъ преодолѣть всѣ трудности сухой науки и образовать истинныхъ юристовъ. Но гдѣ всего легче найти это прилежаніе?.. Между тѣми, которые уже составили себѣ состояніе; или между тѣми, которымъ еще предстоитъ его пріобрѣсть? Между имѣющими всѣ средства предаваться развлеченію удовольствій, или между воспитанными въ суровой школѣ нужды?.. Всѣ усилія употребляются для того, чтобы пріобрѣсть, достигнуть, отличиться. Цѣною самаго большого трудолюбія не добываются высокаго положенія, которое можно пріобрѣсти болѣе легкимъ способомъ. Періодическія исключенія на государственномъ поприщѣ составляютъ очень дурное средство; если гдѣ-нибудь они могутъ быть умѣстны, то только въ административныхъ совѣтахъ. *Частыя возобновленія составляютъ противодѣйствіе противъ духа корпораціи.*»

Мы согласны съ Бентамомъ, что судебная каррьера требуетъ долговре-

менпаго, усидчиваго, многолѣтняго, труда надъ юридическою наукою и что многолѣтняя практика можетъ только изъ теоретика образовать опытнаго судью. Что, по этому характеру своему, судебныя должности должны дать такое положеніе судьѣ, чтобы не только онъ могъ быть свободенъ отъ мелкихъ житейскихъ нуждъ и могъ совершенно свободно предаться своей профессіи, но, чтобы въ своей должности онъ могъ видѣть свою будущую карьеру. Въ такомъ смыслѣ періодичность избранія судей представляетъ, дѣйствительно, главнѣйшій и существеннѣйшій свой недостатокъ. Но въ другомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ Бентомомъ, что будтобы заботы житейскія могутъ сдѣлать судью пристрастнымъ: если это допустить въ періодичномъ избраніи, то это пристрастіе возможно и въ безсрочномъ. Развѣ безсрочному судьѣ можно запретить имѣть частныя дѣла и входить въ имущественныя обязательства?.. Въ подобномъ случаѣ не было-ли бы это стѣсненіемъ его личности? И кто бы захотѣлъ быть, при такихъ условіяхъ, судьею?.. Слѣдовательно, не признавая имущественные интересы поводомъ къ подозрѣнію въ одномъ случаѣ, нельзя ихъ допустить и въ другомъ. Правда, при безсрочности выборовъ, будущность и вообще жизнь судьи болѣе обезпечена, чѣмъ при періодичности избранія; но изъ этого не слѣдуетъ однакожъ, чтобы срочность выборовъ непремѣнно вызвала или пристрастіе, или такія имущественныя отношенія судьи, которыя вредили бы отправленію имъ своихъ обязанностей. Послѣднее могло бы дѣйствительно возникнуть, 1) если бы: съ періодичностью выборовъ было сопряжено условіе: что послѣ перваго срока нельзя быть болѣе избраннымъ опредѣленное число лѣтъ; 2) если бы судейская карьера отставленнаго вмѣстѣ съ новыми выборами прекращалась.

Но если этихъ условій нѣтъ, если неизбранному вновь въ судьи предстоятъ еще и другія поприща служебной или частной дѣятельности, въ которой онъ можетъ найти себѣ не только насущное, но и карьеру,—то исчезаютъ сами собою тѣ причины, на которыхъ основывалъ Бентамъ свои положенія. Поэтому мы допускаемъ полезность и необходимость принципа безсрочности въ судахъ общихъ и государственныхъ; но не въ судахъ мелкихъ, мѣстныхъ. Судьи послѣднихъ, составляя первую ступень въ судебной карьерѣ, не требуютъ большой юридической опытности и при вторичныхъ, неудачныхъ, выборахъ могутъ занимать другія должности въ общихъ судахъ; а если и этотъ путь имъ закрытъ, то для нихъ остается еще карьера адвокатская. Если-же они не приготовлены достаточно ни къ той, ни къ другой, или, если они неспособны даже работать въ част-

ной конторѣ, то въ этомъ невиновно общество: оно, ради ихъ неспособности, необязано же ихъ терпѣть въ должностяхъ судей. Люди способные и образованные, не смотря на бѣдность, не боятся лишиться какого-бы то ни было мѣста: если на одномъ поприщѣ у нихъ нѣтъ хлѣба, они отыскиваютъ его на другомъ. Поэтому люди способные, хотя и бѣдные, но честные, вовсе не будутъ уклоняться отъ занятія выборныхъ мѣстъ, хотя бы выборы были періодическіе. Избраніе это можетъ только принести имъ пользу, потому что дастъ имъ возможность сдѣлаться популярными, и хотя, при новыхъ выборахъ, они могутъ сдѣлаться жертвами партій, но все же имя честнаго и способнаго человѣка за ними останется. Будутъ такимъ образомъ только боятся періодичности выборовъ люди малоспособные или нечестные: объ нихъ-же и теорія, и законодательство мало заботятся. На этомъ основаніи опасенія Бентама,—что судейскія должности могутъ, при періодичности избранія, сдѣлаться только привиллегіею богатыхъ,—не совсѣмъ основательны, тѣмъ болѣе, что исторія Англіи представляетъ намъ множество примѣровъ, что лучшіе ея дѣятели начали свою карьѣру и дѣлались популярными въ должностяхъ мировыхъ судей. Исторія Франціи представляетъ такіе-же примѣры, когда еще мировыя ея учрежденія находились въ томъ положеніи, въ какое они были поставлены учредительнымъ собраніемъ [1]). Эти примѣры доказываютъ, что уже одна возможность сдѣлаться популярными, (т. е., сдѣлать важнѣйшій шагъ къ будущей карьерѣ), привлечетъ къ занятію судейскихъ должностей лучшихъ и способнѣйшихъ людей. Для того-же, чтобы эти должности не сдѣлались достояніемъ однихъ богатыхъ, необходимо, вмѣсто безсрочности, дать судьямъ приличное содержаніе и условія выбора поставить внѣ сословнаго и денежнаго аристократизма. О послѣднемъ-же Бентамъ умалчиваетъ, такъ какъ, коснувшись этого предмета, ему бы пришлось предложить радикальную реформу всего строя Англійскаго общества. О предметахъ этихъ будетъ говорено мною въ своемъ мѣстѣ подробнѣе; а здѣсь я коснусь еще одного положенія Бентама. Онъ заключаетъ свою статью—о періодическомъ избраніи—словами: «частыя возобновленія составляютъ противоядіе противъ духа корпораціи»; но это условіе онъ считаетъ возможнымъ только въ *административныхъ* совѣтахъ. Но почему-же

---

[1]) У насъ нынѣ повторяется то же самое: лучшіе люди считаютъ себѣ за честь быть мировыми судьями.

корпоративный духъ можетъ быть вреденъ только въ администраціи, а не въ судахъ? Въ строгомъ смыслѣ корпоративность вредна вездѣ, гдѣ она только ни является. Проявляется-ли она въ *администраціи*, въ *судѣ*, *въ университетѣ*,—вездѣ она вноситъ съ собою отсталость, рутину, привиллегіи, нетерпимость; вездѣ корпораціи представляютъ господство партій, гдѣ преобладаетъ болѣе невѣжество, чѣмъ наука и прогрессъ. Удостовѣриться нетрудно: стоитъ только прочитать не только исторію Сорбоны, но исторію нашихъ университетовъ [1]). Поэтому безсрочность выборовъ судей имѣетъ тотъ недостатокъ, что она судей обращаетъ въ сословіе, которое можетъ внести съ собою всѣ недостатки, сопряженныя съ понятіемъ о корпораціи. На этомъ основаніи, при безсрочномъ назначеніи судей каждое законодательство должно изыскать такія мѣры, которыя бы не дѣлали это сословіе совершенно замкнутымъ. Это-же явленіе возникло-бы въ томъ случаѣ, если-бы избраніе судей было ввѣрено безъусловно этому-же сословію. Основываясь на этомъ, каждое разумное законодательство, если и предоставляетъ этому сословію право участвовать въ избраніи новаго судьи, то въ видѣ лишь *рекомендаціи* его кандидата; самое-же назначеніе судьи на должность предоставляется усмотрѣнію другой власти, незаинтересованной въ этомъ дѣлѣ, а потому въ этомъ отношеніи безпристрастной.

Но какъ осуществляется выборное начало въ нашемъ отечествѣ?..

1) Судебная реформа Екатерины II, развитая окончательно въ послѣдующія царствованія и вошедшая въ сводъ законовъ 1832, 1842, 1857 г.

«Въ древнѣйшія времена, говоритъ Соловьевъ [2]),—мы видимъ въ Россіи первоначальное дѣленіе народа на военныхъ и невоенныхъ, мужей и мужиковъ». И такъ, государственная служба была извѣстна изъ древнѣйшихъ временъ въ нашемъ отечествѣ; но съ тѣмъ различіемъ, что въ удѣльно-вѣчевой періодъ судьи избирались народомъ, а въ московскомъ государствѣ правомъ суда и расправы овладѣло служилое сословіе. Да иначе и не могло быть: какъ бы низко общество не стояло по своему развитію, а управленіе его внутреннею жизнію должно проявляться въ какой-нибудь формѣ, и въ чьихъ-нибудь рукахъ должны находиться власти:

---

[1]) Рекомендую, для примѣра, исторію кіевскаго университета, Шульгина.
[2]) Исторія Россіи. Т. XIII, стр. 79.

административная, законодательная и судебная. Но это еще не значитъ, чтобы лица, которыя заправляютъ въ первобытныхъ обществахъ этою властью, имѣли какое-нибудь понятіе о существѣ ея и ея цѣли: они считаютъ это право за собою, какъ свою принадлежность, какъ личный свой атрибутъ, безъ всякаго соотношенія этого права къ общему благу. Самая власть такимъ образомъ проявляется лишь какъ продуктъ грубой, дѣйствительной или идеализированной, силы. Вотъ почему въ первобытныхъ обществахъ право суда не заключается вовсе въ обязанности быть органомъ правосудія; а скорѣе — въ правѣ собирать въ свою пользу пошлины съ гражданскихъ процессовъ и съ уголовныхъ дѣлъ, или же проявляется—какъ право наказывать тѣхъ, кто нарушаетъ то, что власть признаетъ проступкомъ, нарушеніемъ или преступленіемъ. Словомъ, право администраціи и верховнаго суда, напримѣръ, въ нашей древней удѣльно-вѣчевой Руси, заключалось въ правѣ даннаго лица на власть и на добычу, общее съ княземъ, вождемъ дружины; но мѣстная судебная власть хотя, находилась въ рукахъ народа, и хотя судьи избирались имъ непосредственно, но тѣмъ не менѣе правосудіе было для судей болѣе источникомъ дохода, чѣмъ дѣломъ общественнаго блага [1]). Такимъ образомъ въ отдаленнѣйшій періодъ нашей исторіи мы находимъ уже зародышъ тѣхъ отношеній, которыя должны были установиться *у служащаго* сословія къ князю съ одной, къ народу — съ другой стороны. По отношенію къ князю, сословіе служилыхъ людей составляетъ классъ лицъ, изъ которыхъ князь набираетъ войско, намѣстниковъ, тіуновъ, судей; по отношенію къ народу сословіе это является классомъ владѣльческимъ, требующимъ *корма* по праву службы. Но какъ служба и отношенія служилыхъ людей къ князю, къ обществу, и къ самому правосудію находились въ хаотическомъ состояніи, и хотя они основывались на обычаѣ, но тѣмъ не менѣе все было болѣе подчинено произволу, случайности и грубой силѣ, нежели праву, какъ мы его привыкли понимать въ настоящее время. Бояре-дружинники отъѣзжали, перемѣняли одного князя на другого; князья мѣнялись и сражались за удѣлы; крестьяне же были свободны, переходя не только отъ владѣльца къ владѣльцу, но изъ удѣла въ удѣлъ и имѣли право

---

[1]) Чичеринъ—областныя учр. стр. 9—12; Андреевскій—о намѣст., воевод. и губер. стр. 12; Кавелинъ—о юрид. бытѣ въ Россіи, т. I, стр. 345; Градовскій—высшая администрація Россіи, стр. 2.

избирать мѣстныхъ судей. Поэтому удѣльновѣчевой укладъ представляетъ слѣдующую характеристику: князья не имѣли родовитаго сословія, вѣчно обязаннаго службой; а это сословіе не имѣло подъ собою постоянной рабочей силы, обязанной кормить людей, приписанныхъ къ государеву дѣлу; кромѣ этого, за народомъ еще оставалось право избиранія судей. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ встрѣчаются выраженія: «кого перезовешь жить». Иногда въ княжескихъ договорахъ постановлялось: «а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, и слугамъ, и крестьянамъ *межъ насъ вольнымъ* воля [1])». Эта характеристическая особенность удѣльновѣчевого начала и объясняетъ, почему весь этотъ періодъ времени, считается для внутренняго развитія нашей народной жизни, самымъ цвѣтущимъ. И дѣйствительно, князья, занятые своими династическими интересами, а потому, ссорясь и сражаясь межъ собою за свои родовыя права,—дали народу, (чтобы заискать его расположеніе), полную свободу: это же способствовало водворенію правосудія въ удѣлахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ народъ выселялся бы въ другіе удѣлы. Но съ паденіемъ удѣльной системы, хотя, первоначальныя, общественныя формы и сохраняли удѣльновѣчевое начало, по которому мѣстный судъ былъ ввѣренъ общинамъ; затѣмъ однакожъ всѣ важныя дѣла, которыя каждый удѣльный князь прежде *думалъ* съ своей дружиной, перенесены въ Москву. Но съ разширеніемъ московскаго государства, вслѣдствіе борьбы послѣдняго съ татарами, литовцами, меченосцами, возникла крайняя необходимость въ правильной организаціи людей служилыхъ, которымъ отдаются на кормленія города, посады, волости и села. Боярство, въ формѣ этой, становится грознымъ гнетомъ народа, такъ какъ права свои на службу и накормленіе оно начинаетъ передавать потомственно въ свой родъ, и такимъ образомъ власть административная и судебная становится *родовымъ достояніемъ боярства*: потому что, вмѣстѣ съ кормленіемъ, отдавалась служилымъ людямъ и власти: административная и судебная. Система эта, быть можетъ, продолжалась бы Богъ знаетъ сколько, если бы московскій пожаръ не указалъ Ивану Грозному,—что она гибельна для народа, и что юстиція должна быть основана не на частномъ, а на общественномъ благѣ... Народъ громко, на московскомъ пожарѣ, выразилъ протестъ свой противъ нарушенія его основныхъ и коренныхъ правъ на выборъ судей; ненависть же Грознаго къ боярству ускорили его реформу. Онъ началъ съ

[1]) Чѣчеринъ—Опытъ по исторіи Русскаго права стр. 176.

того, что въ принципѣ уничтожилъ старое понятіе о службѣ, какъ о правѣ каждой дружины—преобразовавшейся въ московскомъ государствѣ въ людей служилыхъ,—на кормленіе и добычу. Вотъ почему онъ отнимаетъ отъ этого сословія судъ и финансы и передаетъ ихъ вновь общинамъ. Въ уставныхъ его грамотахъ [1]) онъ провозглашаетъ принципъ общаго блага и вопросъ о службѣ онъ разрѣшаетъ на основаніи того добра или зла, какія получали управляемые отъ управляющихъ. «Что напереди, говоритъ Грозный, жаловали есьмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленіе и намъ отъ крестьянъ челобытья *великія*, докука непристанная... И мы жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили». Затѣмъ въ судебникѣ своемъ онъ установилъ подробную таксу сборовъ въ пользу судей [2]). Градовскій [3]) на первое распоряженіе Іоанна IV замѣчаетъ: «что онъ общинамъ передалъ право суда не потому, что признавалъ его почему-либо способнымъ выполнить задачу, на него возложенную, *а просто за неимѣніемъ ничего другого*» Взглядъ этотъ противорѣчитъ не только буквальному смыслу указа Ивана IV, но и историческимъ фактамъ. Грозный въ самомъ началѣ своего царствованія былъ напуганъ и ошеломленъ московскимъ пожаромъ и революціею, которая прямо и категорически заявила ему протестъ противъ грабежа бояръ и судей; самый же протестъ исходилъ не отъ людей служилыхъ, а отъ народа. Поэтому нужно было исполнить законное требованіе послѣдняго, и оно исполнено. Независимо отъ этого, Иванъ IV, какъ человѣкъ государственный, не могъ не понять, что осѣдлость есть первый шагъ къ благоденствію народа и къ цивилизаціи. Между тѣмъ, при правѣ выходовъ крестьянъ, въ Юрьевъ день, при отсутствіи въ государствѣ правосудія и при всеобщемъ грабежѣ людей служилыхъ, была немыслима осѣдлость: такъ какъ послѣднее обстоятельство порождало постоянное передвиженіе обывателей изъ одной мѣстности въ другую. Вотъ почему Иванъ IV, чтобы положить конецъ неурядицѣ и привязать обывателей къ мѣстожительству своему, сплотилъ

[1]) Акты Ар. эксп. д. №№ 342, 243; Градовскій: «Высшая администрація Россіи въ XVIII вѣкѣ», стр. 2, 3.

[2]) См. подробно объ этомъ ниже въ главѣ о содержаніи судей.

[3]) Высшая администр. въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, стр. 3.

общину, и далъ послѣдней право суда и финансовой администраціи, въ которыхъ, во всѣ времена, выражается всецѣло все то, на чемъ зиждется общественное благо. Доказательствомъ же тому, что Грознымъ руководила мысль дарованія правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ упроченія за обывателями осѣдлости, служитъ уничтоженіе Годуновымъ крестьянскихъ выходовъ — мѣра, въ свое время, бывшая столь ненавистная боярамъ. Годуново же управленіе было только продолженіемъ начатаго Иваномъ IV и если бы мѣра Годунова была въ пользу какой-либо партіи, а не въ пользу одного лишь государственнаго принципа,—то не было бы и того гласнаго ропота, который былъ вызванъ ею. Такимъ образомъ общинѣ возвращено участіе въ земскомъ дѣлѣ; но замѣчаетъ на это Градовскій, «мнѣ кажется совершенно излишнимъ споръ о томъ, было-ли это явленіе созданіемъ московскимъ Государей или еще живой остатокъ старо-русской жизни». Мы согласны, что для жизни это все равно, но не для исторіи права, которая должна быть вѣрнымъ зеркаломъ прошедшаго. Намъ же кажется, что право выбора народомъ судей уже потому не было нововведеніемъ Ивана IV, а старымъ правомъ народа, что въ тѣ времена законы *не сочинялись*; а области Московскаго государства требовали только подтвержденія своихъ *старыхъ льготъ и правъ*. Этимъ же и объясняется почему реформа Ивана IV не обнимала все государство: кто требовалъ, тому и возвращались старыя его права. Далѣе г. Градовскій продолжаетъ: «государство было еще слишкомъ слабо, чтобы собственными силами отстранить цѣлое сословіе (т. е. бояръ) отъ управленія, создать новый элементъ и опереться на него въ дѣлѣ государственной реформы». Дѣло въ томъ, что государство, или, лучше, верховная власть, рѣшившись возвратить общинамъ судъ и затѣмъ укрѣпивши крестьянъ къ землѣ, вѣроятно было на столько сильно, что могло это сдѣлать: иначе и не возникла бы самая реформа... Въ выводѣ же Градовскаго совпало понятіе государства съ понятіемъ о верховной княжеской власти. Русь, какъ государство, было всегда могущественно и не будь этого, она бы не сдѣлалась побѣдительницею своихъ воинственныхъ сосѣдей, а напротивъ того, обратилась бы въ ихъ добычу... Что же касается до управленія государствомъ, то хаотическое его состояніе было какъ-бы присуще славянской жизни. «Земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ»,—сказало посольство еще Рюрику; тотъ пришелъ княжить, а порядка ни онъ, ни его потомки не принесли не только въ теченіе 1000 лѣтъ, но сами установили формы общественныя—самыя безобразныя... «Намѣстники и волостели, говоритъ Чичеринъ,—

не могли быть для него (т. е., московскаго государства) орудіями; система кормленій, основанная на частномъ правѣ, была *несовмѣстна съ новымъ порядкомъ вещей (?)* и должна была мало по малу исчезнуть предъ нимъ. Собственною дѣятельностью государство также не могло удовлетворить общественнымъ потребностямъ; у него было еще слишкомъ мало матерьяльныхъ средствъ; государственный организмъ, совидаясь мало по малу, былъ еще въ такомъ хаотическомъ состояніи, при которомъ правильная дѣятельность и контроль невозможны. Оставалось одно — искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ обязанности общественнаго управленія» [1]). Изъ этихъ словъ Чичерина Градовскій приходитъ къ заключенію о слабости московскаго государства; мы же въ этомъ очеркѣ видимъ одну слабость и неспособность правительства. Народы сами по себѣ могущественны и живое начало въ нихъ никогда не умираетъ; самое обновленіе ихъ организма зависитъ отъ нихъ самыхъ — стоитъ имъ только ясно сознать свое положеніе и стряхнуть гнетущее ихъ иго. Такъ было и при Иванѣ IV: народъ созналъ свою силу и мощь и заставилъ правительство забыть привиллегіи боярства и подумать также о немъ. Такъ въ дѣйствительности была вызвана реформа Ивана IV; вотъ почему и взгляды по этому предмету Чичерина и Градовскаго не вполнѣ вѣрны. Второй приписываетъ реформы Грознаго его личной иниціативѣ, какъ нововводителя или реформатора; первый выводитъ эти реформы изъ положенія правительства, которое будто бы хотѣло опереться на общинѣ... Это послѣднее предположеніе отчасти вѣрно, такъ какъ правительство Ивана IV уступило здѣсь силѣ; но вѣроятно также и то, что если-бы одно это обстоятельство только и руководило Грознымъ, то Годуновъ, вѣрный послѣдователь его и его креатура, не уничтожилъ бы выходовъ крестьянъ и не закрѣпостилъ бы народъ. Значитъ, что кромѣ уступки народу, въ мѣрѣ Ивана слѣдуетъ видѣть и мѣру государственную; но мѣру, которую онъ ввелъ не повсемѣстно, такъ какъ, вѣроятно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ ему нужно было сплотить общины въ центрѣ Руси. Поэтому-то мы несогласны также съ мнѣніемъ Градовскаго, что наши общины въ началѣ смотрѣли на участіе свое въ земскомъ дѣлѣ—какъ на повинность, а не на право. Едва ли это вѣрно, когда положительно извѣстно, что народъ требовалъ этого права; а по-

---

[1]) Област. учр. стр. 47.

тому, пріобрѣвши его, онъ не могъ уже быть непослѣдовательнымъ и считать свое естественное, древнее, право, на которомъ основывалась его независимость, за повинность. И правительство, продолжаетъ Градовскій, будто-бы глядѣло съ его точки зрѣнія на право общинъ и считало его временною мѣрою. Доказываетъ это онъ тѣмъ, что выборное судебное право не было повсемѣстно введено; что въ пограничныхъ мѣстахъ удѣлѣли намѣстники, хотя и подъ присмотромъ дьяковъ; что для общинъ право это не было обязательно. Но эти аргументы скорѣе говорятъ въ пользу моего мнѣнія. нежели въ пользу мнѣнія Градовскаго: если-бы не общины вызвали правительство возвратить имъ древнее ихъ право суда и расправы и если-бы это была одна лишь мѣра государственная, то она была-бы повсемѣстна; неповсемѣстность же и необязательность этого права ясно доказываютъ, что правительство обходило его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно могло это сдѣлать. Или другими словами: правительство въ тѣхъ случаяхъ. гдѣ оно могло не отказаться отъ суда, тамъ оно оставляло его въ рукахъ своихъ намѣстниковъ; но, для обузданія произвола послѣднихъ, къ нимъ въ совѣтники назначались дьяки. Впрочемъ г. Градовскій впадаетъ въ противорѣчіе. На 7-й стр. своего сочиненія онъ говоритъ: «дѣла, оставшіяся на вѣрѣ общинъ не были созданіемъ московскаго государства: они были скорѣе остаткомъ старыхъ удѣльныхъ понятій». Значитъ, община только отстояла старое свое право; послѣ же этого какимъ образомъ она могла тяготиться своимъ правомъ и считать его повинностью?... Затѣмъ. прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, Градовскій считаетъ поворотомъ назадъ, т. е., уничтоженіемъ тѣхъ правъ, которыя были возвращены общинѣ. Но взглядъ этотъ не совершенно вѣренъ: прикрѣпленіе людей къ землѣ не имѣло вовсе. въ годуновской формѣ, идеи крѣпостного права, а это была первоначально только мѣра для водворенія осѣдлости— необходимаго условія гражданскаго быта; и это прикрѣпленіе получило уродливыя формы крѣпостничества только впослѣдствіи. Законъ о прикрѣпленіи къ землѣ, давъ осѣдлость крестьянамъ, сплотилъ общины: возникъ вновь древній удѣльновѣчевой *міръ*, который творилъ судъ и расправу, и, хотя первоначально, при изданіи закона, и было много недовольныхъ, но масса народонаселенія была уже потому довольна, что землевладѣльцы не имѣли права произвольно изгонять крестьянъ. Вотъ чѣмъ и объясняется, что во время междуцарствія и польскаго погрома, когда представлялась возможность предъявить свои права, народъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы освободиться отъ годуновскаго закона: значитъ онъ находилъ его для себя

полезнымъ. Закономъ этимъ скорѣе были недовольны люди служилые, чѣмъ народъ: потому что косвенно помѣщичья земля была объявлена собственностью крестьянъ. Этимъ и объясняется то, что въ гибели семейства Годунова не принималъ никакого участія народъ; и уничтожено оно отъ руки и измѣны бояръ. Но послѣдующія затѣмъ царствованія и законы послѣпетровской Руси, подъ вліяніемъ византійскаго права, выработали тѣ уродливыя формы, которыя названы крѣпостнымъ правомъ. Слѣдовательно, мудрая мѣра Годунова, имѣвшая цѣлью обезпечить насущное народа и пріучить его къ осѣдлости, была употреблена во зло и изуродована его преемниками. Поэтому мы не согласны ни съ Градовскимъ, ни съ Чичеринымъ, что будто бы въ московскомъ государствѣ закрѣпленіе одного сословія (боярскаго) совершилось только подъ условіемъ такого же закрѣпленія крестьянъ на службу этого сословія. «Бояре и служилые люди, говоритъ Чичеринъ [1]), обязаны были службою, стали писаться холопами; крестьяне и городскіе жители прикрѣплены къ своимъ жилищамъ; все должно было служить *государственнымъ* цѣлямъ, и учрежденія того времени составляютъ обширную систему повинностей». Дѣйствительно, это сдѣлалось такъ при царяхъ: Михаилѣ, Алексѣѣ и Федорѣ; но потому только, что этимъ вовсе не преслѣдовались цѣли государственныя, а интересы династическіе и сословные. При Алексѣѣ Михайловичѣ царская власть достигла апогея своего могущества, самостоятельности и самодержавности, такъ что объ нея разбилась даже власть патріарха; а боярская дума холопски исполняла его приказанія. Абсолютизмъ свыше отражается всегда на его органахъ. Вотъ почему то же самовластіе и отразилось на отношеніяхъ людей служилыхъ къ крестьянамъ... Поэтому, періодъ времени отъ Михаила Федоровича до реформъ 19 февраля 1861 года и 20 ноября 1864 года можетъ считаться ничѣмъ инымъ, какъ, съ одной стороны, усовершенствованіемъ крѣпостного права; съ другой — прогрессивнымъ стремленіемъ служилыхъ людей и горожанъ къ пріобрѣтенію привилегій и льготъ. Этотъ характеръ носитъ на себѣ и судебная власть. Съ закрѣпощеніемъ народа и сосредоточеніемъ власти въ рукахъ людей служилыхъ, и судебный институтъ долженъ былъ подвергнуться вліянію этого направленія: судебная власть надъ крестьянами отдается въ руки помѣщиковъ, а въ отношеніи другихъ сословій власть судебная сосредоточивается въ рукахъ воеводъ, дьяковъ и приказовъ; а затѣмъ она перешла въ руки дворянства

[1]) Чичеринъ. I т., стр. 36.

и чиновниковъ. Неволинъ въ статьѣ [1]) «объ образованіи управленія Россіи» характеризуетъ московское государство Ивана III такъ: «бояре были первые сановники князя. Съ ними онъ совѣтовался о важнѣйшихъ предметахъ управленія, на нихъ возлогаетъ исполненіе важнѣйшихъ своихъ дѣлъ, имъ поручались важнѣйшія должности. *Дьяки съ подъячими* занимались письменными дѣлами князя; разсматривали бумаги, поступавшія къ князю; докладывали ихъ ему»... И такъ мы видимъ, что еще со временъ Ивана III служилые люди раздѣляются на два существенные разряда: родовитыхъ людей, раздѣляющихъ съ государемъ власть административную и судебную, и неродовитыхъ, завѣдывающихъ всею письменною частью въ государствѣ. Различіе это происходило отъ ложнаго взгляда на трудъ и на ученіе боярства: всякій трудъ, кромѣ военнаго, ратнаго, дѣла, считался трудомъ недостойнымъ для человѣка благороднаго и родовитаго; а ученье было тягостно для изнѣженныхъ и избалованныхъ боярскихъ дѣтей, выросшихъ въ закрытыхъ теремахъ своихъ фанатичныхъ маменекъ, посреди цѣлой ватаги нянекъ, приживалокъ и холопокъ. Слѣдовательно, изъ боярскихъ родовъ не могло образоваться сословіе юристовъ, которое бы трудилось въ администраціи и судѣ; поэтому боярству пришлось прибѣгнуть къ народу и оттуда набирать себѣ людей, для веденія письменнаго дѣла въ государствѣ. Письменность и знаніе законовъ страны, такимъ образомъ, сдѣлалось достояніемъ народа; такъ какъ только этимъ путемъ люди изъ народа, происхожденія темнаго, или худородные, могли достигать значенія и благосостоянія. Въ началѣ образованія московскаго царства, когда оно было болѣе похоже на вотчину, нежели на государство, тогда само собою разумѣется, что грамотные служилые люди, подъячіе и дьяки были малочислены; но когда государство разширилось, потребности его умножились, и отношенія Москвы къ провинціямъ усложнились,—то естественно, что сословіе провинціальныхъ и столичныхъ дьяковъ и подъячихъ увеличилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и значеніе ихъ. Невѣжество бояръ было неподвижно, а съ усложненіемъ дѣлъ требовалось все болѣе и болѣе знаній. Такимъ образомъ, хотя de jure власть находилась въ рукахъ родовитаго сословія, но de facto всѣмъ заправляли подъячіе и дьяки, такъ какъ невѣжественное боярство не умѣло не только прочитать и понять бумаги, сочиненной дьякомъ или подъячимъ, но даже подписываться. Отъ этого происходило огромное зло: отвѣтственность, хотя по большой части

[1]) Т. VI, стр. 100—250.

и фиктивная, за управленіе лежала на воеводѣ; дьяки же и подъячіе были безотвѣтственны; поэтому послѣдніе, пользуясь невѣжествомъ своего начальства грабили его именемъ народъ...

Въ такомъ положеніи находилось сословіе нашихъ доморощенныхъ юристовъ, когда престолъ занялъ домъ Романовыхъ... Государство было въ это время въ такомъ положеніи, «что, какъ говоритъ Чичеринъ,—не было законныхъ правилъ для порядка службы». И дѣйствительно, иногда воевода небольшого города имѣлъ больше власти и довѣрія отъ правительства, чѣмъ воевода большого; не особенно важное лицо писало прямо въ Москву, тогда какъ другой служилый, занимавшій сравнительно важный постъ, подчиненъ былъ какому—нибудь мѣстному начальству. Все зависило отъ лица, которому давалось порученіе и отъ его положенія въ родовой лѣстницѣ сословія; поэтому не было закона, опредѣлявшаго служебныя отношенія, не было установлено прочныхъ правилъ порядка прохожденія извѣстныхъ степеней государственнной службы, не было самыхъ степеней [1]). Такимъ образомъ *мѣстничество* стало однимъ лишь основаніемъ для занятія должностей, т: е:, другими словами: знатность рода давала служебныя преимущества... Градовскій [2]) по этому поводу замѣчаетъ: «представимъ себѣ служилыхъ людей, съ ихъ степенями и родовою честью, уничтоженными; остались только *безформенные* люди, безъ ихъ понятій, и въ тоже время не установлено никакихъ *служебныхъ привилъ*; словомъ, представимъ служебное сословіе безъ табели о рангахъ и генеральнаго регламента — что осталось бы въ администраціи?» На это мы бы отвѣчали, что въ подобномъ случаѣ въ нашемъ обществѣ съ администраціею сдѣлалось, бы то, что во всѣхъ обществахъ дѣлалось, гдѣ не было ни чиновъ, ни ранговъ, т: е:, участіе въ управленіи государствомъ приняли бы всѣ талантливые и честные люди, пріобрѣвшіе довѣріе общества. Но не такъ отвѣчаетъ Градовскій. По его мнѣнію, «мѣстничество было сильною помѣхою для правильной государственной жизни, *хотя небольше, чѣмъ всѣ неустановившіеся институты* [3]); но за то оно противупоставляло про-

[1]) Чичеринъ ст. 267 — 270. Неволинъ—образ. упр. ст. 120. Градовскій — Высшая ад. ст. 9.

[2]) ibid ст. 10.

[3]) Отъ этого небыло намъ легче и притомъ не всѣ же институты приносятъ одинаковое количество зла; мѣстничеству нужно отдать справедливость— это было одна изъ уродливѣйшихъ общественныхъ формъ, какую когда-либо измышлялъ сословный эгоизмъ.

изволу администраціи хотя какія-нибудь правила, хотя нѣкоторую организацію, освященную опытомъ нѣсколькихъ столѣтій.» Изъ этихъ положеній вытекаетъ выводъ, что отсутствіе служебныхъ правилъ вызвало мѣстничество; мы же полагаемъ обратно,—что мѣстничество вызвало въ администраціи совершенный произволъ и отсутствіе служебныхъ правилъ. Поэтому съ паденіемъ мѣстничества сами собою появились бы самыя правила... Такъ и было въ дѣйствительности: съ уничтоженіемъ разрядныхъ книгъ, Федоръ Алексѣевичъ и Софья Алексѣевна находили же возможнымъ обойтись безъ чиновъ и степеней... Почему же, впослѣдствіи, находилъ это необходимымъ Петръ, и почему Градовскій и въ настоящее даже время считаетъ эту мѣру, какъ противупоставленную мѣстничеству?.. Поэтому мѣстничество было общественною нелѣпостью и одною привилегіею невѣжественнаго и эгоистичнаго боярства; и его нельзя оправдать никакими историческими воспоминаніями о доблестяхъ людей служилыхъ. На этомъ основаніи форма эта была выгодна только для однихъ подъячихъ; невѣжество бояръ отдавало имъ, такимъ образомъ, и администрацію, и правосудіе въ руки. Этимъ-то и обясняется, почему ни наука, ни Градовскій [1]) неотыскиваютъ антагонизма между этимъ сословіемъ и родословными людьми, какъ это было, напримѣръ, во Франціи; напротивъ, говоритъ Градовскій, важнѣйшіе акты нашего законадательства носятъ на себѣ слѣды совокупной дѣятельности этихъ элементовъ. Такъ, составленіе и редакція уложенія принадлежитъ столько же родовымъ боярамъ, сколько и дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Но на это мы замѣтимъ, что эта совокупность дѣйствія имѣла такой смыслъ, какой имѣла печать бургомистра, въ нашемъ магистратѣ, на его постановленіяхъ, *сочиненныхъ* секретаремъ суда; предполагалось, что рѣшалъ тяжбу бургомистръ съ ратманами, выходило же, что они только подписывали опредѣленія или, по безграмотству, прилагали къ нему свои печати. Далѣе Градовскій продолжаетъ: «дьяки были сильны именно своею *безличностью*, своею готовностью *служить орудіемъ* въ рукахъ власти». Намъ же кажется, что власть была орудіемъ въ рукахъ дьяковъ, а не они—власти, и что послѣдняя имъ служила. Такъ мы видимъ, что дьяки и подъячіе давались въ помощники каждому намѣстнику и воеводѣ и каждому другому сановнику администратору или судьѣ. Должность же воеводы давалась каждому служилому человѣку, если только онъ былъ съ хорошей генеалогіею и если

[1]) Высш. адм. ст. 17.

онъ просилъ эту должность *для поправленія своихъ растроенныхъ финансовъ*. На этомъ основаніи правительство, отправляя подобнаго господина на воеводство, знало впередъ, что онъ спуску не дастъ никому; поэтому съ нимъ командировался дьякъ или подъячій отчасти въ видѣ шпіона [1]), отчасти для того, чтобы управлять вмѣсто невѣжественнаго воеводы; поэтому власть только номинально была въ рукахъ воеводы, а въ сущности воеводствомъ управлялъ дьякъ или подъячій. На этомъ основаніи наши древніе юристы вовсе не были *безличны*, а въ ихъ рукахъ было все государственное управленіе; поэтому-то антагонизма между ними и боярствомъ не могло быть, а напротивъ того, самое мѣстничество и родовитость они, какъ мы выше сказали, обратили въ свое орудіе. Поэтому, не смотря на свое униженное положеніе, сравнительво съ положеніемъ бояръ, имъ чуть-ли не было лучше жить на свѣтѣ, чѣмъ ихъ принципаламъ: первые были обязаны службой государевой, вторые—нѣтъ; первые другъ съ другомъ соперничали, интриговали и, смотря по господству партіи, сегодня были въ милости, назавтра въ опалѣ и лишены не только имущества, но и живота; вторые ловили въ этой мутной водѣ только рыбу и по большей части выходили сухи изъ воды. Кромѣ того самый антагонизмъ былъ уже невозможенъ потому, что понятіе о родовитости было очень сильнымъ предразсудкомъ въ древнемъ нашемъ обществѣ; поэтому дьяки и подъячіе, какъ parvenus, никогда не смѣли и думать о преобладаніи надъ боярствомъ. Послѣдніе же хотя и сознавали, что въ сущности власть находится въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ; но, съ одной стороны, самое свойство занятій и должности послѣднихъ были, по ихъ убѣжденію, слишкомъ низки для людей родовитыхъ; съ другой—по предразсудку они всякій канцелярскій трудъ считали для себя непристойнымъ. Поэтому, скрѣпя сердце, боярамъ оставалось дьяковъ и подъячихъ презирать, но вмѣстѣ съ тѣмъ они вынуждены были ихъ терпѣть, такъ какъ безъ нихъ они обойтись не могли. О всеобщемъ же неуваженіи къ нимъ свидѣтельствуетъ брань, оставшаяся до настоящаго времени: «приказная строка»; «подъячій». Поэтому мы и согласны съ Градовскимъ, «что покорные, гибкіе, уступчивые, они умѣли достигнуть того, что служилое, родовое сословіе раздѣляло съ ними бремя управленія». Но къ этому мы еще присовокупимъ, что они менѣе хлопотали о

---

[1]) Котошихинъ указываетъ, что при отправленіи посла къ нему приставленъ былъ, въ видѣ шпіона, дьякъ.

бремени управленія чѣмъ о своемъ карманѣ, потому что получали съ этого управленія, значительнѣйшую долю грабежа. Такимъ образомъ обезпечивъ за собою добычу въ провинціяхъ, дьяки и подъячіе захватили почти всю власть въ свои руки въ самой Москвѣ. «Изъ соединенія, говоритъ Градовскій—двухъ элементовъ—стараго, родового, дворянства и людей темнаго происхожденія—составилось то, что извѣстно въ исторіи русскаго права подъ именемъ приказнаго управленія». Но правильно замѣчаетъ въ этомъ случаѣ Градовскій, что несправедливо было бы назвать приказы *бюрократическимъ* учрежденіемъ. Дѣйствительно, если хотите, то приказы не были учрежденіемъ бюрократическимъ въ смыслѣ европейскомъ, но нельзя же назвать его и народнымъ, а это учрежденіе было *бояро-подъяческое.* Мѣста судей въ этихъ учрежденіяхъ занимались старою аристократіею, которая вполнѣ подчинялась началамъ родового мѣстничества. Возникли же эти учрежденія 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ивана III. Каждый родовитый служилый человѣкъ имѣлъ право просить о назначеніи его или воеводой или же въ приказъ, не выставляя иныхъ причинъ, кромѣ своей *бѣдности*, и правительство принимало это во вниманіе [1]). Слѣдовательно государевымъ дѣломъ de jure занимались дворяне; роль же дьяковъ, говоритъ Градовскій,—гораздо скромнѣе: «они хранили дѣла, занимались письмоводствомъ; чрезъ ихъ руки поступали прошенія, доклады, донесенія правителей».

Да и больше не нужно было, чтобы вся власть приказовъ была въ рукахъ подчъячихъ и дьяко́въ: вотъ почему нѣкоторые юристы считаютъ, что приказный періодъ долженъ, по справедливости, считаться подъячимъ, потому что власть въ дѣйствительности была въ рукахъ этого сословія. Такой пріемъ употребляетъ исторія не впервые: такъ, говоря о временахъ Людовика XIII, исторія приписываетъ могущество Франціи не ему, а Ришелье; тоже самое мы видимъ въ исторіи Англіи въ отношеніи Питовъ; въ исторіи Прусіи—въ отношеніи Бисмарка и т. д. Поэтому Градовскій напрасно возстаетъ противъ науки за то, что она невсегда включаетъ въ понятіе приказа элементъ родового дворянства, а если включаетъ, то говоритъ объ немъ вскользъ и спѣшитъ перейти къ истинной, по ея мнѣнію силѣ приказовъ—дьякамъ и подъячимъ. Мы же въ по-

---

[1]) Чичеринъ об. учр. стр. 83, 84; Судебникъ—въ примѣч. къ 24; Дмитріевъ—ист. суд. инст. стр. 229, 300; Андреевскій—о намѣст., воев. и губ. стр. 40; Соловьевъ т. XIII, стр. 96; Градовскій, id. 19.

добномъ случаѣ становимся на́ сторонѣ науки и полагаемъ, что если она находитъ, что дѣйствительная власть была въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ, номинальная же—въ рукахъ бояръ, то она не могла не прійти къ своему заключенію въ силу неотразимой логики. Незначительность же роли подъячихъ и дьяковъ Градовскій основываетъ на томъ, что по показанію Чичерина и Дмитріева бывали въ приказахъ также и одни судьи безъ товарищей-дьяковъ; а въ 1631 казачьимъ приказомъ управлялъ одинъ окольничій к. Волконскій. Но послѣдній авторъ утверждаетъ также, что въ незначительныхъ приказахъ и въ государевыхъ канцеляріяхъ сидѣли одни дьяки безъ судей, какъ напримѣръ: въ Разрядѣ и Посольскомъ приказѣ. Но послѣднее мнѣніе въ отношеніи Разряда опровергаетъ Градовскій тѣмъ, что *въ первыхъ годахъ* царствованія Петра онъ находится въ управленіи боярина Стрѣшнева и вообще считается частью Царской Думы; слѣдовательно онъ не могъ обходиться безъ бояръ, а Посольскій имѣлъ *все время* (!) во главѣ своей знаменитыхъ представителей русской администраціи, на примѣръ: при Алексѣѣ Михайловичѣ имъ управлялъ Ординъ Нащекинъ, съ званіемъ—великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и государственной печати оберегателя; а послѣ—В. В. Волконскій.

Изъ этихъ аргументовъ вовсе нельзя заключить о неправильности взгляда Дмитріева, который говоритъ вообще о всемъ приказномъ періодѣ; Градовскій же указываетъ на отдѣльные факты. По добросовѣстному труду Дмитріева слѣдуетъ заключить, что онъ едва-ли бы рѣшился внести голословный фактъ, какъ научный выводъ; а вѣроятнѣе всего, что у него были доказательства высказанному имъ мнѣнію. Къ сожалѣнію, программа настоящаго сочиненія не дозволяетъ мнѣ заняться спеціально объизслѣдованіемъ этого вопроса; но, взвѣсивши нѣкоторыя данныя, можно согласиться въ возможности и вѣроятности показанія Дмитріева въ отношеніи приказовъ—Посольскаго и Разряда. Оба эти учрежденія требовали весьма сложной переписки и большого знанія законовъ, обычаевъ страны, разныхъ формъ и не только изъученія исторіи государства, но и исторіи русской дипломаціи. Поэтому, если бы пришлось, на основаніи правилъ мѣстничества, сажать туда бояръ, то дѣла этихъ приказовъ шли бы очень дурно.

Между тѣмъ изъ писменныхъ памятниковъ этихъ двухъ приказовъ видно, что дѣло велось въ нихъ съ замѣчательнымъ тактомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла. Поэтому мы должны заключить, что оба эти учрежденія были въ рукахъ людей не только грамотныхъ, но и отлично знавшихъ свое дѣло; а такихъ людей мы никакъ не можемъ указать въ сословіи

бояръ; сословіе же подъячихъ и дьяковъ по тонкому ихъ чутью и знанію дѣла вошли даже въ пословицу. По этимъ причинамъ есть большая вѣроятность, что эти приказы заправлялись этимъ сословіемъ; и отдѣльные случаи, приводимые Градовскимъ, доказываютъ только то, что цари ввѣряли и боярамъ эти приказы, котда они находили ихъ способными управлять ими. Обстоятельство же, приведенное Градовскимъ, что Разрядъ былъ частью Царской Думы, а потому не могъ заправляться дьяками,—вовсе ничего недоказываетъ. Дѣло составленія уложенія было также предметомъ земскимъ и Думы, а между тѣмъ въ составленіи его принимаютъ же, въ царствованіи того же Алексѣя Михайловича, (на котораго ссылается Градовскій), участіе 2 дьяка: Леонтьевъ и Грибоѣдовъ. Значитъ; во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ участіе ихъ признавалось необходимымъ, не по матерьялному или родовому ихъ значенію, а потому что безъ ихъ помощи невѣжественное боярство не въ состояніи было предпринять и сдѣлать ничего серьезнаго.

Далѣе, въ доказательство того, что дьяки и подъячіе не составляли необходимаго условія администраціи и суда, Градовскій ссылается на показанія Чичерина и Дмитріева, что въ областномъ управленіи воеводы часто обходились безъ нихъ, и что даже повсемѣстное введеніе воеводскаго управленія вытѣснило приказныхъ людей тамъ, гдѣ они успѣли было укрѣпиться. Это было дѣйствительно такъ, но Градовскій не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что приказное начало стало слабѣть лишь съ паденіемъ идеи мѣстничества, — когда бояре поняли, что нужно быть грамотнымъ и дѣловымъ, чтобы имѣть въ рукахъ дѣйствительную власть. Поэтому одинъ горькій опытъ повелъ боярстово къ путю знанія, и само собою разумѣется, что правительство, найдя, къ концу періода древней русской жизни, что бояре и безъ дьяковъ могутъ воеводничать и сидѣть въ приказахъ, а потому оно стало посылать ихъ туда уже безъ участія дьяковъ. Взглядъ этотъ подтверждается приводимымъ Градовскимъ изъ сочиненія Дмитріева факта о томъ, что иногда управленіе отдѣльными частями поручалось боярину, потомъ дьяку или на оборотъ, безразлично. Нѣкоторые приказы даже назывались по имени дьяковъ, такъ напримѣръ: четь дьяка Варфоломея Иванова (впослѣдствіи сибирскій приказъ), Петилина, Вахрамѣева; «но, присовокупляетъ Градовскій,—эти приказы не долго оставались въ управленіи дьяковъ; какъ только они становились постояннымъ учрежденіемъ, управленіе поручалось судьямъ, взятымъ изъ бояръ или дворянъ.» Это было дѣйствительно такъ, но только потому, что съ устройствомъ приказовъ они стали приносить извѣстный доходъ и тогда-

то бояре бросались на добычу, чтобы раздѣлить ее съ дьяками и подъячими. Послѣдніе же охотно уступали имъ отвѣтственность, оставляя у себя въ рукахъ дѣйствительную власть. Иначе и не могло быть въ такомъ государствѣ, гдѣ цѣлое огромное сословіе родовитыхъ людей стремилось поголовно быть у государственныхъ дѣлъ; а московское правительство считало своимъ долгомъ размѣщать всѣхъ бояръ, думныхъ дворянъ, окольничихъ и дьяковъ на должности въ приказы или на воеводства, такъ какъ каждый приказъ и воевода кормились отъ своихъ дѣлъ. Вотъ почему приказы не носятъ на себѣ никакой опредѣленной физіономіи, и они не суть продуктъ извѣстной системы: приказы возникаютъ, размножаются, изчезаютъ, замѣняются одинъ другимъ, подчиняются одинъ другому, такъ что лучшіе наши юристы—Неволинъ, [1]) Дмитріевъ, Градовскій не могли уловить тѣхъ основаній, по которымъ можно бы было опредѣлить спеціальное значеніе каждаго приказа.

И какъ могли приказы имѣть опредѣленную физіономію или опредѣленную систему, когда степень власти приказовъ вовсе независила отъ какой-нибудь теоретической или практической юрисдикціи, а отъ того, кто изъ родовитыхъ людей заправлялъ приказомъ. Ко времени Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича относится наибольшее количество приказовъ, и вся русская земля окончательно подчинена этому управленію. Въ самомъ же порядкѣ распредѣленія порученій чувствуется вліяніе мѣстничества—приказъ *тѣмъ честнѣе*, чѣмъ родовитѣе его судьи. «Личное значеніе присутствующаго боярина, говоритъ Дмитріевъ, могло дать одному приказу совершенный перевѣсъ надъ всѣми остальными, сдѣлать его главнымъ или важнѣе другихъ. Въ 1692 г., когда Посольскимъ приказомъ управлялъ знаменитый князь Василій Васильевичъ Голицынъ, этотъ приказъ взялъ верхъ надъ Разрядомъ, до тѣхъ поръ занимавшимъ первенствующее мѣсто между приказами, просто на томъ основаніи, что онъ былъ канцеляріей перваго человѣка въ Государствѣ». Если бояринъ заслужилъ милость государя, ничто не мѣшало соединить въ его управленіи нѣсколько приказовъ [2]). При та-

[1]) Неволинъ id. ст. 139; Дмитріевъ, id. ст. 120, 140; Градовскій id. ст. 23, 333, 334; Котошихинъ id. ст. о приказахъ. Древняя россійск. Вивліоѳика Ч. XX. о приказахъ.

[2]) Такъ Федоръ Федоровичъ Ромадановскій, управлявшій преображенскимъ приказомъ, въ тоже время завѣдывалъ и сибирскимъ. Котошихинъ указываетъ, что бояринъ Милославскій, въ 1682 году, завѣдывалъ 4 приказами: новгородскимъ, большого прихода, владимірскимъ и галицкою четью.

кихъ соединеніяхъ сохранялась только отдѣльность канцелярій, самый же приказъ сливался въ томъ лицѣ, которому давалось порученіе. Приказы соединялись подъ предлогомъ: чтобъ «челобитчикамъ по этимъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было»; но въ сущности дѣлалось это ради знатности лицъ, чтобы увеличить ихъ содержаніе, такъ какъ каждый приказъ кормился изъ своихъ дѣлъ и столы даже назывались «кормленіями».

Внутренній составъ приказовъ не заключалъ въ себѣ также опредѣленной физіономіи: въ тѣхъ приказахъ гдѣ сидѣло нѣсколько судей и тамъ въ первенствующемъ бояринѣ сосредоточивалась вся власть; и хотя Неволинъ, опираясь на главу X, уложенія и признаетъ, что *по закону* рѣшенія въ приказахъ должны были имѣть характеръ коллегіальный; но Градовскій справедливо доказываетъ, что эта ссылка неправильна, потому что по самому понятію о мѣстничествѣ, голосу болѣе родовитаго боярина давалось перевѣсъ надъ голосомъ менѣе родовитаго; поэтому вся коллегіальность приказовъ заключалась въ общемъ дѣлежѣ сбора. Возможность жаловаться на приказы была также въ зависимости оттого, какое лицо сидѣло въ приказѣ и было-ли оно въ силѣ или нѣтъ; наконецъ, самое право жалобы зависило отъ степени родовитости жалующагося. Поэтому, на ревизію Царской Думы попадали только дѣла исключительныя; самая же юрисдикція приказовъ заключалась въ томъ, что имъ разрѣшено было, безъ апелляціи, разрѣшать все то, что имъ *мощно*; а что немощно, того законъ не опредѣлялъ. Такую же безотвѣтственность мы находимъ и во власти воеводъ [1]). Должность эта считается не столько службою, сколько наградою за службу: каждый служилый человѣкъ, выходившій нѣсколько походовъ или просто обѣднѣвшій, считаетъ себя вправѣ просить отпустить его покормиться. Предѣлы власти воеводъ неограничены, отчетность неопредѣленна. Но и тутъ, смотря на родовитости воеводъ и измѣрялись ихъ права; а жаловаться на нихъ могли только люди родовитые, сильные при дворѣ; народъ же иначе не могъ жаловаться, какъ посредствомъ особо снаряженныхъ депутатовъ, само собою разумѣется, съ порядочнымъ запасомъ денегъ и разныхъ соболей и тому подобное. Процедура въ подобныхъ случаяхъ заключалась въ томъ, чтобы, посредствомъ придворныхъ, обратить вниманіе царя на воеводу и вызвать къ нему гнѣвъ царскій; поэтому, по большей части, только послѣ смѣны воеводы откры-

[1]) См. поэтому предмету также Лохвицкаго соч. о Губерніи.

вались его злоупотребленія. Контроль и гарантія безопасности общества, какъ можно судить, весьма шаткія. Эта-то безурядица въ провинціи и въ самой Москвѣ, при нравственномъ значеніи дьяконовъ и подъячихъ—какъ единственныхъ общественныхъ представителей грамотности и знанія дѣла—не могла не быть имъ полезна: безотчетность приказовъ и воеводъ отдавала имъ въ руки юстицію и народъ; потому что чѣмъ сильнѣе былъ боярин, заправлявшій приказомъ или провинціею, тѣмъ прибыльнѣе было это для его канцеляріи. Поэтому-то и антагонизма не могло быть между мѣстничествомъ и подъячими, такъ какъ скорѣе послѣдніе могли ему сочувствовать, чѣмъ противудѣйствовать. Этимъ и объясняется, съ одной стороны, разрастаніе числа приказовъ; съ другой—безобразіе ихъ формъ. Но рано или поздно боярство должно было одуматься, потому что въ дѣйствительности мѣстничество сдѣлалось прибыльнымъ одному подъячему міру; вотъ чѣмъ и объясняется, что слабый Федоръ Алексѣевичъ съ такою легкостью уничтожилъ мѣстничество и сжегъ самыя разрядныя книги. Не будь этого обстоятельства, Федоръ Алексѣевичъ не покусился бы на права боярства, которыя такъ ожесточенно отстаивались ими втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Сословію подъячихъ слѣдуетъ также приписать самостоятельное *думанье* царя. До Алексѣя Михайловича цари о походахъ, о финансовыхъ мѣрахъ и о дѣлахъ суда иначе *не думали*, какъ совмѣстно съ боярами, въ Государевой Думѣ, въ которой Расправная Палата вѣдала дѣла судныя, а Разрядъ—административныя [1]); но царь Алексѣй Михайловичъ начинаетъ думать и вершить дѣла помимо Думы и бояръ. Образовывается Тайный Приказъ, о которомъ Котошихинъ говоритъ: и бояре въ тотъ приказъ не входятъ, а устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того, чтобы его царская мысль и дѣла исполнялись всѣ по его хотѣнію, а бояре-бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» [2]). Если приказъ этотъ для бояръ и думныхъ людей былъ закрытъ, то, значитъ, въ немъ имѣли доступъ дьяки и подъячіе. Доказательствомъ же сильнаго вліянія этого сословія на царя Алексѣя Михайловича доказывается не только участіемъ Грибоѣдова и Леонтьева въ составленіи его уложенія; но и въ томъ, что дьякамъ—Иванову, Петилину и Вахрамѣеву были по-

---

[1]) О Царской Думѣ — Неволинъ, стр. 136; Соловьевъ id. стр. 77; Дмитріевъ id. 140; Градовскій id. стр. 21.

[2]) Соловьевъ id. стр. 94; Котошихинъ «О Россіи въ XII вѣкѣ»;—глава о приказахъ; Градовскій id. стр. 22, цитата 2.

ручены приказы. Быть можетъ это непосредственное усиленное вліяніе нашихъ юристовъ на государственное управленіе и вызвало паденіе мѣстничества, съ которымъ приказное начало уже сильно соперничаетъ; но тѣмъ не менѣе нужно полагать, что и боярство уже мало интересовалось этимъ правомъ, такъ какъ оно приносило ему больше отвѣтственности, чѣмъ выгодъ. Пока бояре были небогаты, пока имѣнія ихъ давали имъ небольшой доходъ, до тѣхъ поръ, нужда и недостаточность побуждали это сословіе гоняться за службой и за выгодами, съ нею сопряженными. Но съ закрѣпленіемъ людей къ землѣ и съ развитіемъ крѣпостничества, бояре уже въ XVII вѣкѣ почувствовали подъ собою твердую почву, т. е., почувствовали, что они могутъ существовать и безъ службы... До крѣпостного права, земледѣльчество было въ совершенномъ упадкѣ и не было прибыльно помѣщикамъ, потому что оброчная плата и натуральныя повинности были самыя ничтожныя. При обширности же земель, при малой плодородности великорусскаго раіона, при обширности болотъ и лѣсовъ, представлявшихъ и безъ того непреоборимыя препятствія—почвенныя и климатическія—для воздѣлыванія полей, и при конкуренціи помѣстныхъ владѣльцевъ,—естественно, что трудъ крестьянина, когда онъ былъ свободенъ, цѣнился высоко, а земли цѣнились низко. Вслѣдствіе этого, съ уничтоженіемъ юрьевскихъ выходовъ, земля мало обезпечивала помѣщиковъ; но съ установленіемъ крѣпостного права, когда помѣщики увидѣли себя не только владѣльцами земель, *но и людей*, которыми они по произволу могли располагать,—то естественно, что ихъ бытъ сдѣлался обезпеченнѣе и они стали не нуждаться въ службѣ. Кромѣ того, у нихъ явились заботы по управленію имѣніями; вслѣдствіе чего интересы ихъ мало-по-малу изъ Москвы стали переноситься въ провинціи. Вотъ почему Соловьевъ находитъ, что уже въ первой половинѣ XVII вѣка возникла пословица: «дай Богъ нашему государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать». При такомъ же новомъ взглядѣ на службу, гдѣ большая часть бывшихъ служилыхъ людей стали уклоняться отъ государева дѣла и занялись собственнымъ своимъ частнымъ интересомъ, естественно и идея мѣстничества должна была не только потерять свою манію, но и сдѣлаться однимъ призракомъ: такъ какъ многіе знатнѣйшіе роды стали уклоняться отъ службы и правительство вынуждено было уничтожить разряды, потому что они потеряли свое значеніе. При томъ же съ воцареніемъ новой династіи самыя понятія о старшинствѣ родовъ должны были измѣниться, и дому Романовыхъ приходилось постоянно конкурировать съ другими родами изъ дома рюриковичей:

что было несовмѣстно съ достоинствомъ царствующей династіи. Эти-то причины и вызвали паденіе мѣстничества, которое сдѣлалось ненавистнымъ, и боярамъ и народу и которое было прибыльно одному приказному міру. Съ паденіемъ же мѣстничества мы видимъ, что приказные люди не дремлютъ: они всячески стараются захватить въ свои руки власть и уже при Алексѣѣ Михайловичѣ мы видимъ ихъ повсюду. Ни одно серьезное дѣло необходится безъ ихъ прямого или косвеннаго вліянія; но имъ еще не достаетъ одного—сравнится и въ правахъ личныхъ съ именитыми боярскими родами. Реформа Петра разрѣшаетъ и эту проблемму. Великій преобразователь, преслѣдуя одну лишь государственную идею, [1]) жертвуя ей интересами личными, династическими и сословными, возимѣлъ мыслъ противупоставить крамольному старому боярству новое служебное дворянство и организовать его на правахъ маіоратства; поэтоту онъ установилъ гражданскіе и военные чины, съ тѣмъ, что чины прапорщика и коллежскаго ассесора, давали права потомственнаго дворянства. Такимъ образомъ и приказный міръ наконецъ достигъ завѣтной своей мечты и, кромѣ власти, еще получилъ государственное значеніе, наряду съ родовитѣйшими людьми. Но улучшилъ-ли этимъ Петръ юстицію?.. Закрѣпостивъ, ревизіею и другими указами, окончательно народъ, онъ, само собою разумѣется, для массы народа уничтожилъ окончательно правосудіе, отдавъ всю его участь во власть дворянства. А потому учрежденіе правительствующаго сената, какъ верховнаго блюстителя правосудія въ государствѣ и учрежденіе генералъ-прокурора, какъ *око* верховной власти—были только мѣрами, улучшившими бытъ дворянства и городскихъ сословій; поэтому учрежденія эти могутъ назваться сословными и ни въ какомъ случаѣ—ненародными. Одинъ только магистратъ сохраняетъ послѣдній характеръ, такъ какъ онъ основанъ на выборномъ началѣ. Поэтому юстиція реформами Петра была улучшена только въ томъ смыслѣ, что суды сословные получили коллегіалное устройство и имѣли процессіальную инструкцію; но судьи сохраняли характеръ бюрократическій, а самый судъ основанъ былъ на слѣдственномъ, или, другими словами, инквизиціонномъ началѣ. Однакожь реформа его тѣмъ важна, что впервые исполнительная власть отреклась отъ власти судебной и передала ее правительствующему

---

[1]) См. по этому предмету главу о маіоратахъ въ статьяхъ моихъ: «взглядъ на Русскіе гражданскіе законы» Современникъ 1860 годъ.

сенату [1]); но въ послѣдующія царствованія власть сената потерпѣла измѣненія и верховная судебная власть вновь перешла въ руки власти исполнительной. Въ такомъ положеніи находилась наша юстиція, когда Екатерина II вывела наши Государственныя учрежденія на другой путь. Находясь подъ вліяніемъ идей французской революціи, Екатерина II издала знаменитый наказъ, въ которомъ вошли всѣ теоретическія ея соображенія какъ въ отношеніи вообще государственнаго управленія, такъ и по предмету юстиціи. Здѣсь мы не коснемся наказа въ тѣхъ его пунктахъ, которые относятся къ административному, уголовному, гражданскому и полицейскому праву, а только разсмотримъ тѣ принципы, которые касаются настоящаго сочиненія. Наказъ въ отношеніи судоустройства и судопроизводства провозглашаетъ слѣдующія великія начала.

1) *Отдѣленіе власти исполнительной отъ судебной.* «Власть судейская состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ». По этому, по словамъ Екатерины, Петръ Великій премудро учредилъ сенатъ, коллегіи и нижнія правительства, которыя должны давать судъ именемъ Государя и по законамъ; для чего и *перенесъ* дѣлъ къ самому Государю «учиненъ столь труднымъ»: потому что законъ никогда не долженъ быть нарушенъ. Другое теорическое ея начало есть: «что самодержецъ, представляющій и имѣющій въ своихъ рукахъ всю власть, обороняющую все общество, можетъ издать одинъ общій о наказаніи законъ, которому всѣ члены общества подвержены; однако онъ долженъ воздержаться, чтобъ самому *не судить*: чему и надлежитъ ему имѣть другихъ особъ, которыя бы судили по законамъ». [2])

2) *Обязательная сила закона.* «Законъ христіанскій научаетъ насъ дѣлать взаимно другъ—другу добро. Полагая это правило столь вкоренившимся въ сердцахъ гражданъ, наказъ дѣлаетъ положеніе: что у всякаго честнаго человѣка въ обществѣ есть желаніе видѣть отечество на самой высшей степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія; и всякаго *гражданина* особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его отъ всѣхъ этому правилу противныхъ предпріятій». [3])

---

[1]) Объ этомъ предметѣ я буду говорить подробно ниже, гдѣ буду излагать исторію и значеніе сената.

[2]) Наказъ 1770 г. изд. академіи. §§ 99 и 149, ст. 56 и 90.

[3]) Тамъ же §§ 1—3, стр. 3 и 4.

3) Равноправность предъ закономъ. [1]) Провозглашая равноправность гражданъ предъ закономъ, наказъ однакожь не уничтожаетъ личныхъ льготъ и привиллегій, такъ что принципъ его: «что надлежитъ, чтобъ законы поелику возможно предохраняли безопасность каждаго особо *гражданина*, и что равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ-же законамъ»,—относился къ лицамъ одного и того-же сословія, но не къ лицамъ разныхъ сословій. Впрочемъ Екатерина II сама замѣтила это противорѣчіе, а потому наказъ оговорилъ,— что отъ привиллегіи чиновъ и сословій происходитъ затруднительность въ выборѣ суда; [2]) вслѣдствіе чего наказъ, въ §§ 180 я 181-мъ, находитъ полезнымъ для общества, когда законъ предписываетъ всякаго человѣка судить чрезъ равныхъ ему: «ибо, объясняетъ законодательница,—когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно положить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или счастія: имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ». Но когда преступленье касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному.

4) Судъ долженъ быть изъ выборныхъ; допускается отводъ судей, и рѣшенія должны быть обнародованы; кромѣ этого въ судѣ долженъ былъ быть обвинитель и защитникъ; а одною ихъ гарантій правосудія, по мнѣнію Екатерины, долженъ былъ быть судъ, составленный изъ выборныхъ; поэтому она дворянству и городскимъ обществамъ даровала право избиранія судей въ уѣздныя и губернскія учрежденія; а за собою оставила только право назначать сенаторовъ. Теоретическія начала этому изложены въ наказѣ и основаны, на томъ, что въ подобномъ случаѣ виноватому казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ. [3]) «Приговоры судей, говоритъ наказъ,—должныбыть народу *вѣдомы* такъ какъ и доказательства преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что живетъ подъ защитою закона: мысль, которая подаетъ гражданамъ одобреніе и которая больше всѣхъ угодна и выгодна само, державному правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему». Ка-

---

[1]) Тамъ же §§ 33—39 стр. 18—22.
[2]) Тамъ же §§ 110.
[3]) Тамъ же §§ 182 стр. 116.

кой поучительный урокъ данъ въ этихъ словахъ преемникамъ Екатерины; но урокъ, оставшійся безслѣднымъ до настоящаго царствованія...

Но всѣ эти великіе принципы, на ряду съ гуманнѣйшимъ взглядомъ наказа на преступность и не наказуемость—взглядомъ, который можно бы противупоставить не одному новѣйшему даже криминалисту, вдругъ сталкиваются съ крѣпостничествомъ и вслѣдствіе этого они обращаются въ сословныя привилегія, а народъ остается весь закабаленнымъ въ рукахъ дворянства.

Наказъ вообще не одобряетъ крѣпостничества.

«Не можетъ быть, говоритъ Екатерина, ни искуснаго рукодѣлья ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничиженіи или нерачительно производится. Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего *собственнаго*. Это основано на правилѣ простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ; и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ» [1].

Но еще рѣзче является осужденіе наказомъ крѣпостничества въ главѣ «о размноженіи народа въ государствѣ». Здѣсь Екатерина прямо указываетъ, что крестьяне отъ одного супружества имѣютъ по 12, 15 и 25 дѣтей; и между тѣмъ большая часть этого количества вымираетъ и населеніе не увеличивается единственно чрезъ *ново-заведенный* способъ, отъ дворянъ собирать свои доходы оброкомъ, «Хозяева, говоритъ она, не бывъ вовсе, или мало, въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти, [2]) не смотря на *то какимъ способомъ* ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ-бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ 15 дома своего не видѣлъ, а всякій годъ платитъ

---

[1]) Тамъ же § 294—296, стр. 292.

[2]) На тогдашней дороговизнѣ денегъ и дешевизнѣ труда сумма эта можетъ равнятся почти 50 руб. настоящаго времени. Стоитъ вспомнить, что спустя ½ вѣка, когда князь Кутузовъ получилъ въ даръ, за спасенье Россіи, 100 т. рублей ассигнаціями, то вся Россія была удивлена щедростью монарха: такъ дороги были деньги даже въ первой четверти настоящаго вѣка.

помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству! [1]) Вездѣ, гдѣ есть мѣсто, въ которомъ могутъ *выгодно жить*, тутъ люди умножаются. Но страна, которая *податями* столь много отягчена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди, съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе чрезъ долгое время должна обнажено быть жителей».

«Гдѣ люди *не для иного чего убоги*, какъ только, что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не только какъ за основаніе къ содержанію своему, а какъ за предлогъ (въ наказѣ сказано подлогъ) къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя неимѣютъ пропитанія; какъ же имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ; такъ какъ же имъ можно воспитывать твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, т. е., въ младенчествѣ? Они закапываютъ деньги свои въ землю, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія».

Далѣе наказъ, указываетъ въ § 279, «что нѣкоторые начальные граждане (т. е. дворянство) или государь нечувствительно сдѣлались владѣльцами всѣхъ пустопорожнихъ мѣстъ въ государствѣ; а потому § 280 предлагаетъ въ такихъ обстоятельствахъ, что надлежало бы во всемъ пространствѣ той земли дѣлать то, что Римляне дѣлали въ одной части своего государства: предпріять въ недостаткѣ жителей то, что они наблюдали въ ихъ излишествѣ, т. е. раздѣлить земли тѣмъ семействамъ, которыя никакихъ земель не имѣютъ и подать имъ способы вспахать оныя и обработать».

Послѣднее Екатерина II предполагала осуществить, какъ только *сыщется* человѣкъ, который принялъ бы на себя немедленное исполненіе этой мѣры. Но что скажете вы, когда наряду съ гракховымъ аграрнымъ закономъ, проникнутымъ глубокимъ сознаніемъ всей его гуманности и необходимости, для государственой же пользы; и на ряду съ удивленіемъ Екатерины II [2]), что не исполняется законъ Петра I, выраженный въ указѣ 1722 года, о томъ, чтобы брать имѣнія въ опеку, когда помѣщики жестоко обращаются съ крестьянами, – повторяю снова, когда. наряду съ этимъ, наказъ провозглашаетъ Аристотелево ученіе о рабахъ, а именно:

---

[1]) Нѣкоторыя статьи наказа я пропустилъ и оставилъ только тѣ, которыя уясняютъ предметъ.

[2]) Наказъ § 255.

1) Не должно вдругъ и чрезъ общее узаконеніе дѣлать великаго числа освобожденныхъ;

2) а только законы могутъ учредить *нѣчто* полезное для собственнаго рабовъ имущества [1])...

Мы иначе не объясняемъ этого противорѣчія какъ тѣмъ, что Екатерина II въ наказѣ проводитъ принципъ, развитый Монтескье подробно, въ его «духѣ законовъ», о томъ, что законы должны соотвѣтствовать нравамъ и обычаямъ страны; поэтому, хотя, какъ видно, Екатерина II не сочувствовала крѣпостничеству, но тѣмъ не менѣе она боялась отрѣшиться отъ принятыхъ тогда теорій. Доказательствомъ этому служитъ то, что, говоря о несчастномъ положеніи крестьянъ, у нея невольно вырывается изъ души слѣдующее восклицаніе: «какое цвѣтующее состояніе было бы сея державы, если бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу» [2]). Слѣдовательно завѣтная мысль Екатерины была—уничтоженіе крѣпостничества; но, съ одной стороны, теорія Монтескье была ея кошемаромъ, съ другой — депутаты, призванные въ Москву, для составленія уложенія встрѣтили вообще довольно недружелюбно не только аграрный, гракховскій, законъ, но и предположеніе объ уменьшеніи оброковъ и о гуманномъ обращеніи съ крестьянами: слѣдовательно, о равноправности и рѣчи не могло даже быть. Впослѣдствіи же времени пугачевщина, съ крестьянской революціею, такъ напугали Императрицу, что при дворѣ не могло уже быть и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ... Этимъ и объясняется, почему Екатерина II въ реформу свою не внесла никакихъ новыхъ началъ; а какъ она сама выражалась, въ письмахъ своихъ къ Вольтеру, она занялась только устройствомъ своего маленькаго хозяйства. Это устройство заключалось въ организаціи, въ коллегіальной формѣ, губернскихъ, областныхъ, уѣздныхъ и городскихъ учрежденій; причемъ избраніе судей въ мѣстные суды предоставлено было дворянству и купечеству, и судъ первыхъ былъ отдѣленъ отъ суда вторыхъ. Порядокъ этотъ, съ разными незначительными видоизмѣненіями, остался дѣйствующимъ до судебной реформы въ Россіи, т. е., до 20 ноября 1864 года.

Но тѣмъ не менѣе реформа Екатерины II имѣла огромное вліяніе на общественную нашу жизнь: отдавъ мѣстную юстицію въ руки дворянства, она тѣмъ прикрѣпила его къ мѣстнымъ интересамъ и такимъ образомъ

---

[1]) Тамъ же §§ 260, 261.

[2]) Тамъ же § 266.

организовалось то помѣщечье сословіе, которое, преслѣдуя свои личныэ частные интересы, вмѣстѣ съ чиновничествомъ, тормозило прогрессъ въ нашемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, реформа Екатерины къ приказному міру присовокупила только новый элементъ-сословный. Ужиться между собою этимъ двумъ элементамъ было не трудно: потому что въ гражданскую службу безъ права дворянства нельзя было поступить; и если туда попадалъ человѣкъ изъ народа, то на дорогѣ его всегда могъ стать дворянинъ, которому законъ давалъ разныя преимущества при повышеніи. Но сильный ударъ былъ въ этомъ отношеніи нанесенъ дворянству университетами и лицеями: окончившіе курсъ въ этомъ заведеніи получали права на гражданскую службу, хотя бы они были изъ податного сословія; поэтому, съ умноженіемъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, долженъ былъ естественно возникнуть антагонизмъ между бюрократіею и дворянствомъ. Старая дворянская бюрократія это предвидѣла и поэтому почти до настоящаго царствованія воспитанники университетовъ были, и въ судахъ и въ министерствахъ, въ черномъ тѣлѣ и на каждомъ шагу они встрѣчали помѣху въ карьерѣ. [1]) Такъ что до настоящаго царствованія опредѣлиться съ университетской скамьи въ министерство могли только окончившіе курсъ наукъ со степенью магистровъ; дѣйствительные же студенты и кандидаты должны были служить, предварительно, 3 года въ губернскихъ или уѣздныхъ учрежденіяхъ, гдѣ ими помыкали безграмотные секретари и столоначальники. Но и послѣ этого термина нужна была особенная протекція, чтобы понасть на классное или штатное мѣсто въ министерствѣ. На бѣду, въ 1835 году, чиновная аристократія вздумала открыть спеціальное училище правовѣдѣнія, для образованія ученыхъ судей и чиновниковъ. Польза этого училища несомнѣнна: оно стало надѣлять правительствующій сенатъ, министерства, вторыя судебныя инстанціи и прокуратуру дѣльными юристами; но однакожъ оно же развило корпоративный духъ и нетерпимость и поэтому воспитанникамъ университетовъ оно окончательно закрыло доступъ въ должности судей и прокуроровъ; и только нынѣшнее царствованіе открыло воспитанникамъ университетовъ обширное поприще въ государственной службѣ. Но тѣмъ не менѣе однакожъ правовѣды нанесли—съ одной стороны, рѣшительный ударъ невѣжественной бюрократіи изъ мелкаго дворянства; съ другой—ввело въ нашихъ судахъ идею права, законности и хоть какой-нибудь

[1]) Интересна была постому предмету рѣчь И. Андреевскаго на обѣдѣ по случаю 50 лѣтняго юбилея нашего славнаго С.-Петербургскаго университета.

системы. Въ такомъ духѣ сталъ дѣйствовать не только правительствующій сенатъ, но и подчиненныя имъ мѣста; послѣднія сдѣлались осмотрительнѣе, боясь рѣзкаго осужденія правительствующаго сената. Самый внутренній составъ судовъ и порядокъ дѣлопроизводства улучшился: такъ какъ каждая ревизія дѣлъ сенаторами, съ цѣлою коммисіею правовѣдовъ, оканчивалась всегда преданіемъ суду почти всѣхъ чиновъ губернскаго и уѣзднаго управленія. Этотъ антагонизмъ отразился и на отношеніяхъ администраціи къ мѣстному дворянству; антагонизмъ, который долженъ былъ повести къ кореннымъ реформамъ нашего общественнаго строя. Иначе и быть не могло: на сколько прежде вредно было сословное самоуправство въ провинціяхъ, находившее поддержку въ высшихъ сферахъ: на столько же болѣзненно отразилось на государственномъ организмѣ то огромное вліяніе, которое пріобрѣло ученое чиновничество въ высшихъ сферахъ администраціи и суда. Бюрократическая сословная власть въ провинціяхъ тѣготѣла только всею своею тяжестью на нисшіе слои общества; въ отношеніи же высшихъ слоевъ эта власть была лишь номинальная, потому что, въ свою очередь, она всецѣло была въ зависимости отъ петербургской и московской бюрократіи. Реформы Екатерины II, такимъ образомъ, воспроизвели слѣдующіе плоды: они отдали народъ въ руки сословій; а послѣднихъ отдавали въ руки бюрократіи и все усовершенствованіе послѣдующихъ за нею царствованій заключалось въ томъ, что сословія изъ рукъ невѣжественной бюрократіи попали, по милости училища правовѣдѣнія, университетовъ и лицеевъ, въ руки бюрократіи образованной. Но произволъ, чѣмъ бы онъ ни былъ приправленъ и въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, всегда и вездѣ носитъ свой неизмѣнный характеръ—симптома общественной язвы.

Независимо отъ этого, реформа Екатерины II имѣла еще и другую дурную сторону: выборы въ судьи дворянствомъ и купечествомъ были совершенно безусловны. Въ отношеніи дворянъ избирательный законъ требовалъ только, чтобы избираемый имѣлъ чинъ; а въ отношеніи купечества—принадлежность къ гильдіи. Но ни чинъ, ни принадлежность къ гильдіи еще не доказывали способность человѣка быть судьею. При томъ служба по выборамъ была безвозмездная; поэтому, для людей обремененныхъ собственными дѣлами, служба по выборамъ въ судахъ была тягостна. Почему охотниками на такія должности являлись люди, которые изъ судейскаго мѣста дѣлали себѣ доходное мѣсто. При такомъ-же положеніи судей нельзя было разсчитывать на ихъ безпристрастіе и самостоятельность мнѣ-

нія. Во 1-хъ, мнѣнія свои судьи должны были подчинить вліянію секретарей и стряпчихъ, потому что они были сами едва грамотны; 2) будучи въ зависимости отъ избирателей и боясь, при слѣдующихъ выборахъ, лишиться мѣста, они потворствовали имъ въ судѣ; 3) губернскаго же чиновничества они боялись, какъ огня: такъ какъ оно могло, во всякое время, наслать ревизію, которая оканчивалась, по большой части, прискорбно для судей и ихъ канцеляріи.

При такихъ же мотивахъ можно-ли было ожидать самостоятельности мнѣнія и правосудія? Независимо однакожъ отъ того, что сословная безусловность выбора давала намъ дурныхъ, неспособныхъ и нечестныхъ людей, но и самое судоустройство было организовано мудрено: при смѣшанной сословной подсудности дѣла разбирались то въ магистратѣ, то въ уѣздномъ судѣ, при чемъ составлялись общія присутствія этихъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ каждое сословіе отстаивало интересы своего сочлена, такъ какъ доклады, составлялись то магистромъ, то уѣзднымъ судомъ (смотря потому къ какому сословію принадлежалъ отвѣтчикъ) а потому доклады и рѣшенія были самыя пристрастныя. Наконецъ, самая форма засѣданія—то въ уѣздномъ судѣ, то въ магистратѣ была стѣснительна и обременительна для обоихъ судовъ. Но еще интереснѣе было положеніе выборныхъ изъ сельскихъ обывателей въ уѣздныхъ судахъ: нерѣдко мнѣ случалось принимать ихъ за сторожей этихъ судовъ, такъ какъ они *не дерзали* входить безъ доклада въ дворянское засѣданіе... Законодательное наше сословіе сознало этотъ существенный недостатокъ нашего выборнаго начала и отнесла его къ органическимъ недостаткамъ судоустройства. Вотъ что говоритъ объ этомъ государственный совѣтъ. [1])

"Существованіе особыхъ сословныхъ судовъ есть необходимое послѣдствіе разнообразныхъ сословныхъ отношеній, какъ въ кругу каждаго отдѣльнаго сословія, такъ и въ особенности при соприкосновеніи другого. Коренной недостатокъ существованія сословныхъ судовъ въ разныхъ управленіяхъ состоитъ въ томъ, что суды эти, замѣняя собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ суды общіе, но большею частью, не имѣющіе ни какой связи съ общею судебною организаціею и неподчиненные почти ни какому контролю, дѣйствуютъ нерѣдко произвольно, разнообразно и весьма часто въ

[1]) Жур. Гос. Совѣта, о преобразованіи судебной части, стр. 15.

виду интересовъ своего сословія; слѣдовательно они не могутъ имѣть ни единства въ дѣйствіяхъ, ни безпристрастія—сего необходимаго условія суда. Въ сельскихъ и въ волостныхъ управленіяхъ, а также въ посадахъ и нѣкоторыхъ городахъ, суды эти отдѣлены отъ общихъ судовъ и существуютъ подъ именемъ *расправъ*, *приказовъ*, *ратушъ и магистратовъ*. Въ *судахъ уѣздныхъ* представители сельскихъ сословій *призываются* [1]) къ участью только въ дѣлахъ ихъ сословія; въ *гражданскихъ палатахъ* представители нѣкоторыхъ сословій участвуютъ въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ безъ изъятія, а отъ другихъ сословій вовсе нѣтъ представителей; *въ высшихъ же инстанціяхъ* участіе сословныхъ представителей уже вовсе не допускается. Такое разнообразіе въ правилахъ, *опредѣляющихъ степень участія представителей разныхъ сословій, условливавшееся прежними сословными отношеніями, нынѣ утрачиваетъ всякое значеніе и становится несообразнымъ съ новыми условіями нашей жизни*».

Дѣйствительно, эта несообразность немедленно же обнаружилась съ паденіемъ крѣпостного права. Послѣднее, отдавая большинство народонаселенія въ руки дворянства, вызывало его къ замкнутости и къ рѣзкому отдѣленію своихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ сословій. [2]) Съ паденіемъ же крѣпостного права, эта замкнутость, потерявъ основную свою причину, сама собою должна рушиться и дворянство должно въ настоящее время занять почетное мѣсто, только какъ часть общества наиболѣе развитая. Съ исчезновеніемъ же причинъ, отдѣлявшихъ дворянство отъ другихъ сословій, исчезаетъ и самая необходимость судовъ сословныхъ: если понятіе о дворянствѣ, какъ о привилегированномъ классѣ изсчезла, то должны уничтожиться, возникавшія изъ того понятія, послѣдствія, т. е., сословные суды должны были быть уничтожены, какъ представители отжитой и надшей идеи.

2) Выборное начало по отношенію сельскихъ и волостныхъ судовъ и мировые посредники, по положенію 19 февраля 1861 года. Выборы въ отношеніи мировыхъ судей, по положенію 20 ноября 1864 года.

Положеніе 19 февраля 1861 года, уничтоживъ крѣпостное право и

---

[1]) Призывъ этотъ заключался въ томъ, что выборный подписывалъ, *не читая*, журналъ или просилъ, чтобы по неграмотности за него росписались.

[2]) См. по этому предмету главу о маіоратахъ въ соч. моемъ «взглядъ на русскіе гражданскіе законы». Современникъ 1861 г.

озаботясь объ улучшеніи быта крестьянъ, и давъ имъ полное самоуправленіе въ отношеніи общественнаго хозяйства, озаботилось также возстановить судъ *міра*—судъ, имѣющій основаніе свое въ самой отдаленной древности. Этотъ общественный судъ, какъ мы ниже увидимъ, обнимая почти всѣ гражданскія отношенія крестьянъ, кладетъ прочное основаніе ихъ благосостоянію, такъ какъ правый судъ есть краеугольный камень общественной жизни. Но при этомъ желательно бы было, чтобы этотъ судъ получилъ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Самый же судъ, по положенію 19 фев. 1861 г., имѣетъ слѣдующія черты: онъ раздѣляется между а) сельскимъ сходомъ; б) сельскимъ старостою; в) волостнымъ судомъ; г) волостнымъ старостою.

а) *Сельскій* сходъ составляется изъ крестьянъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и, кромѣ того, изъ всѣхъ, назначаемыхъ по выбору, сельскихъ должностныхъ лицъ. Но не воспрещается домохозяину, въ случаѣ отлучки, болѣзни и вообще невозможности лично явиться на сходъ, присылать, вмѣсто себя, какого-либо изъ членовъ своего семейства; съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если это согласно съ мѣстнымъ обычаемъ. Въ сельскихъ сходахъ участвуютъ и тѣ крестьяне, которые пріобрѣли свои участки въ собственность (крестьяне-собственники): они подаютъ голосъ на сходахъ по всѣмъ, до нихъ касающимся, дѣламъ, какъ то: по разскладкамъ казенныхъ податей и повинностей, земскихъ и общественныхъ; при сужденіяхъ о мірскихъ нуждахъ и пользахъ; при выборахъ должностныхъ лицъ и т. п.; но не принимаютъ никакого участія въ дѣлахъ, касающихся отношеній сельскаго общества къ владѣльцу отведенной въ пользованіе общества земли [1]) Крестьяне, состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ или проступкамъ, влекущимъ за собою потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію обвиняемаго ему присвоенныхъ (св. зак. 1857 г. т. XV кн. I, улож. о нак. ст. 47) или же отданные подъ надзоръ общества по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ,—не допускаются къ участію въ сходахъ.

Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. Изъ этого общаго правила исключаются только тѣ случаи, когда сходы собираются:

1) Для учета должностныхъ лицъ; 2) *для разсмотрѣнія принесен-*

[1]) Общ. полож. 19 ф. 1861 ст. 47 и оба примѣчанія.

ныхъ на сіи лица жалобъ. Въ этихъ случаяхъ, первое мѣсто на этихъ сельскихъ сходахъ предоставляется волостному старшинѣ. (8 ст. 4 ч. об. полож.)

Сельскій сходъ созывается, смотря по надобности, старостою, преимущественно, въ дни воскресные или праздничные. (ст. 49).

Мировой посредникъ, когда представится надобность, приказываетъ также старостѣ или другому должностному лицу собрать сельскій сходъ (ст. 50):

Вѣдѣнію сельскаго схода, по дѣламъ служебнымъ, принадлежатъ (ст. 51):

1) выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и назначеніе выборныхъ на волостной сходъ;

2) приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ его членовъ; временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не далѣе, какъ на три года;

3) назначеніе опекуновъ и попечителей и повѣрка ихъ дѣйствій;

4) разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ;

Но между этой статьею и статьею 48 есть явное противорѣчіе: во второй сказано, что мірской сходъ разсматриваетъ жалобы на должностныя лица; а въ третьемъ примѣчаніи въ статьѣ 51-й сказано, что сельскій сходъ можетъ совѣщаться и постановлять приговоры только по предметамъ, въ этой статьѣ исчисленнымъ. Если же сходъ будетъ имѣть сужденіе и постановитъ приговоръ по предметамъ, его вѣдѣнію не подлежащимъ, то приговоръ считается ничтожнымъ, а лица, участвовавшія въ составленіи, обвиняются въ самовольномъ созваніи схода и, смотря по важности дѣла, или подвергаются взысканію по рѣшенію мирового посредника, или предаются суду.

Какъ теперь понимать? Въ статьѣ 51-ой не сказано, чтобы сельскому сходу предоставленъ былъ разборъ жалобъ на должностныхъ лицъ: долженъ-ли послѣ этого сельскій сходъ принимать ихъ или нѣтъ, и по какимъ предметамъ могутъ эти жалобы воспослѣдовать? Мы полагаемъ вообще, что разборъ подобныхъ жалобъ не долженъ подлежать иниціативѣ міра: этимъ уроняется значеніе должностныхъ лицъ и самостоятельность ихъ значительно колеблется; при такомъ порядкѣ рождается со стороны послѣднихъ угодливость такъ называемымъ *крикунамъ* и *міроѣдамъ*, которые играютъ большую роль даже въ значительно развитыхъ обществахъ, а тѣмъ болѣе въ неразвитыхъ. Съ передачею же этихъ дѣлъ мировымъ

учрежденіямъ, самое положеніе должностныхъ лицъ сдѣлается не только независимѣе, но и достоинство власти, представителями которой суть должностныя лица, значительно возвысится.

Что же касается до самаго порядка подачи голосовъ на сельскихъ сходахъ, то онъ установленъ въ слѣдующемъ видѣ:

Рѣшенія сельскихъ сходовъ признаются законными тогда только, когда на сходахъ были: сельскій староста или заступающій его мѣсто и не менѣе $^1/_2$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сходахъ, и когда они относятся до предметовъ, исчисленныхъ въ 51-ой статьѣ (ст. 52 об. полож.).

Всѣ дѣла на сельскомъ сходѣ рѣшаются или съ общаго согласія, или большинствомъ голосовъ. За каждымъ крестьяниномъ, который участвуетъ въ сходѣ, считается одинъ голосъ (ст. 53).

По дѣламъ—объ удаленіи порочныхъ крестьянъ изъ общества и о предоставленіи ихъ въ распоряженіе правительства, требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, и приговоры по этимъ предметамъ представляются старостою мировому посреднику (ст. 54, пунк. 5 и примѣч. къ этой статьѣ).

Прочія дѣла рѣшаются на сходахъ по приговору тѣхъ крестьянъ, на сторонѣ которыхъ, по счету, окажется хотя бы однимъ голосомъ болѣе половины всѣхъ участвующихъ въ сходѣ; если же сходъ раздѣлится на двѣ половины, равныя по числу голосовъ, то большинство считается на той сторонѣ, съ которою согласится староста.

Голоса собираются или раздѣленіемъ схода на двѣ стороны и счетомъ голосовъ, на каждой сторонѣ стоящихъ, или инымъ способомъ, по существующему въ каждомъ обществѣ обычаю. Приговоры сельскаго схода по дѣламъ судебнымъ записываются только тогда, когда рѣчь идетъ объ удаленіи крестьянъ изъ обществъ; по остальнымъ дѣламъ судебнаго разбирательства приговоры записываютъ тогда только, когда этого потребуетъ сходъ. Для письменныхъ приговоровъ схода не установляется никакой особой формы. (ст. 55—57 об. полож.).

По этимъ постановленіямъ желательно бы было въ отношеніи предметовъ судебнаго разбирательства, чтобы занесеніе приговоровъ въ книги сдѣлалось формою обязательною. Мы согласны съ тѣмъ, что народное самоуправленіе и юстиція должны быть какъ можно болѣе упрощены; но, согласитесь, все же необходимо въ имущественныхъ дѣлахъ, въ особенности въ семейныхъ раздѣлахъ и опекунскихъ дѣлахъ, сохранить ка-

кой-нибудь слѣдъ того: какъ рѣшилъ дѣло сходъ и въ чемъ состоялъ предметъ его рѣшенія. Также—какимъ образомъ безъ письменнаго приговора можно судить о томъ: превысилъ-ли сельскій сходъ свою власть или нѣтъ; принялъ-ли онъ къ своему вѣдѣнію не подлежащее его подсудности дѣло или нѣтъ?.. Время сглаживаетъ изъ памяти людей словесные приговоры, и они хороши въ незначительныхъ текущихъ дѣлахъ; но гдѣ требуется утвержденіе за кѣмъ-либо права на основаніи приговора, тамъ, безъ письменности, никакой, самый упрощенный, видъ суда не можетъ быть мыслимъ. Въ случаѣ семейныхъ споровъ о наслѣдствѣ или жалобъ лицъ, вышедшихъ изъ малолѣтства, на ихъ опекуновъ, — въ состояніи-ли будетъ міръ (въ особенности въ большихъ обществахъ) помнить, что онъ рѣшилъ десятки лѣтъ тому назадъ? Поэтому, мы находимъ необходимымъ письменность приговора по дѣламъ судебнымъ сдѣлать обязательною не только для мірского схода, но и для волостныхъ судовъ, старостъ и старшинъ. Каждое судебное постановленіе этихъ мѣстъ и лицъ должно быть записано въ книгу, съ краткимъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и воспослѣдовавшей резолюціи. При такомъ порядкѣ не только сохранятся для *будущаго* документы по дѣламъ имущественнымъ; но дастся каждому возможность жаловаться, по закону, за превышеніе власти суда или должностного лица.

б) *Сельскому старостѣ* принадлежатъ слѣдующія судебно-полицейскія дѣла:

1) Принимать необходимыя мѣры для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій; а равно предупреждать, чтобы не было потравъ хлѣба, побоя травы, лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ въ лѣсахъ.

2) Задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ и представлять ихъ полиціи, для дальнѣйшаго распоряженія.

3) Въ случаѣ совершенія преступленія, дѣлать предварительное *дознаніе*, задерживать виновныхъ и охранять слѣды преступленія, до прибытія полиціи или судебнаго слѣдователя (ст. 60 об. полож.).

Вѣдомству сельскаго старосты подлежатъ всѣ проживающіе на земляхъ, отведенныхъ сельскому обществу въ надѣлъ или пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность, лица податного состоянія, а также отставные и безсрочно отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства. Изъ сего изъемлются только находящіяся въ услуженіи у помѣщиковъ и другія, проживающія въ ихъ усадьбахъ, лица; они состоятъ непосредственно въ

вѣдѣніи полиціи. Если такими лицами производятся безпорядки въ селеніи или на земляхъ крестьянскихъ, то староста представляетъ виновныхъ помѣщику, а въ случаѣ совершенія ими уголовныхъ преступленій или важныхъ проступковъ—полиціи (ст. 62 и примѣч.).

Сельскій староста обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, полиціи и помѣщика, по предметомъ судебной полиціи (ст. 61, 63).

Сельскому старостѣ предоставляется право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ: назначенію на общественныя работы до *двухъ* дней или денежному, въ пользу мірскихъ суммъ, взысканію до 1 руб., или аресту не долѣе двухъ дней. Кто считаетъ себя неправильно подвергнутымъ взысканію, тотъ можетъ принести жалобу, *въ семидневный срокъ*, мировому посреднику (ст. 64).

Сельскій староста, при исполненіи судебно-полицейскихъ дѣлъ особой важности, какъ-то: при производствѣ личныхъ взысканій, какъ полицейскихъ, такъ и налагаемыхъ крестьянскимъ судомъ или сходомъ, при всякомъ обыскѣ въ крестьянскомъ домѣ или строеніи, при всякомъ задержаніи или взятіи подъ арестъ,—долженъ непремѣнно приглашать двухъ свидѣтелей, преимущественно *стариковъ* сельскаго общества. То же правило, *по возможности*, наблюдается и при предварительномъ дознаніи по проступкамъ и преступленіямъ. Въ случаѣ малолюдства сельскаго общества, или когда въ селеніи остается на лицо мало крестьянъ, старостѣ дозволяется требовать на сей предметъ свидѣтелей изъ ближайшихъ обществъ (ст. 65).

в) *Волостной старшина* отвѣтствуетъ за сохраненіе общественнаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости. Въ этомъ отношеніи ему вполнѣ подчиняются сельскіе старосты (ст. 81).

Вѣдомству волостного старшины подлежатъ: сельскія общества, къ составу волости принадлежащія, и вообще лица, состоящія въ вѣдѣніи сельскаго управленія тѣхъ обществъ (ст. 62), а равно приписанныя къ волости дворовые люди. Вѣдомству его не подлежатъ лишь лица, указанныя въ примѣчаніи къ ст. 62. (См. выше).

По дѣламъ полицейскимъ, волостной старшина, въ предѣлахъ вѣдомства волостнаго управленія, обязанъ:

1) Объявлять. по предписаніямъ полиціи, законы и распоряженія правительства и наблюдать за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вреднаго для общественнаго спокойствія слуховъ.

2) Охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ и безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка, безопасности, впредь до распоряженія полиціи.

3) Задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ и представлять ихъ полицейскому начальству.

4) Доносить полиціи о самовольно отлучившихся изъ волости и о преступленіяхъ и безпорядкахъ, случившихся въ волости.

5) Наблюдать за точнымъ исполненіемъ установленныхъ правилъ о припискѣ, увольненіи и перечисленіи крестьянъ изъ одного общества въ другое и доносить о семъ полиціи, для увѣдомленія уѣзднаго казначейства и казенной палаты.

6) Предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки; принимать полицейскія мѣры, для открытія и задержанія виновныхъ, и представлять ихъ на дальнѣйшее распоряженіе подлежащаго начальства.

7) Наблюдать за исполненіемъ приговоровъ мировыхъ учрежденій и волостного суда (ст. 83).

Волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя и полиціи. Приказанія послѣдней, касающіяся полицейскихъ обязанностей волостного старшины или сельскаго старосты, передаются имъ или прямо, или чрезъ сотскаго. Сотскій можетъ передавать старшинѣ или старостѣ только приказанія полиціи, и не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла волостного или сельскаго управленій; но можетъ требовать ихъ содѣйствія къ исполненію предписаній полиціи и къ задержанію преступниковъ или подозрительныхъ людей. Въ этомъ случаѣ сельскія и волостныя начальства обязаны исполнять требованія сотскихъ и оказывать имъ надлежащую помощь; равно и сотскіе обязаны содѣйствовать сельскимъ и волостнымъ начальствамъ въ исполненіи ихъ полицейскихъ обязанностей и въ сохраненіи порядка (ст. 85 и примѣч.).

За маловажные полицейскіе проступки, совершенные лицами, подвѣдомственными волостному старшинѣ, онъ можетъ подвергать виновныхъ взысканіямъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это предоставлено сельскому старостѣ по ст. 64 (ст. 86) [1]).

---

[1]) Хотя въ законѣ не сказано, что по этому предмету можно жаловаться на старшину; но это само собою вытекаетъ изъ ссылки 56-й статьи на 64-ю.

г) *О волостномъ судѣ* [1]).

I) *Составъ суда и время собраній.*

Для составленія волостного суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ (или сельскимъ, если волость состоитъ изъ одного сельскаго общества) отъ 4 до 12 очередныхъ судей. Опредѣленіе числа этихъ выборныхъ и установленіе между ними очереди предоставляется сходу, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Присутствіе должно состоять не менѣе какъ изъ *трехъ* судей.

2) Судьи могутъ быть избраны или для безсмѣннаго, въ теченіе цѣлаго года, отправленія своей должности, или для отправленія ея по очереди, заранѣе опредѣленной сходомъ.

3) Въ послѣднемъ случаѣ, изъ избранныхъ отъ 4 до 12 судей должны выбывать, въ назначенные сроки (какъ напримѣръ: черезъ два, четыре или шесть мѣсяцевъ), не болѣе половины, и затѣмъ выбывшіе замѣщаются другими избранными судьями, по очереди.

Примѣчаніе 1. Сходу предоставляется назначить, если признаетъ нужнымъ, вознагражденіе очереднымъ судьямъ, по своему усмотрѣнію, за время исправленія ими должности.

Примѣчаніе 2. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ уже существуетъ учрежденный, по мѣстнымъ обычаямъ, судъ, тамъ онъ сохраняется, но съ тѣмъ, чтобы при избраніи судей участвовала вся волость.

Волостной судъ избирается чрезъ каждыя двѣ недѣли, по возможности и удобству, *по воскресеньямъ*; въ случаѣ же нужды, созывается волостнымъ старшиною въ другіе дни и чаще.

II. *Предметы вѣдомства и предѣлы власти волостного суда.*

а) Волостной судъ вѣдаетъ, какъ споры и тяжбы между крестьянами, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ.

б) Волостной судъ можетъ рѣшить окончательно: всѣ споры и тяжбы, *собственно между крестьянами*, цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненные.

в) Если дѣло превышаетъ сумму 100 руб., или тяжба касается недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крестьянами въ собственность внѣ на-

---

[1]) Ст. 93—110 об. пол. 19 ф. 1861.

дѣла, а также, если участвуютъ въ тяжбѣ лица другихъ состояній,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ, по требованію одной изъ сторонъ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, на точномъ основаніи законовъ.

г) Независимо отъ сего, окончательному рѣшенію волостного суда подлежатъ всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны представляютъ рѣшенію волостного суда. Споры и тяжбы, въ которыхъ, кромѣ крестьянъ, участвуютъ и постороннія лица, могутъ быть также, по желанію тяжущихся сторонъ, предоставляемы окончательному рѣшенію волостного суда.

д) По всѣмъ дѣламъ, безъ ограниченія ихъ цѣною, если съ ними не соединено преступленія или проступка, и не сопряжены интересы малолѣтнихъ и умалишенныхъ, крестьяне, какъ одной, такъ и разныхъ волостей, могутъ, вмѣсто разбирательства въ волостномъ судѣ, обращаться, по взаимному согласію, къ третейскому, по совѣсти, суду, не стѣсняясь никакими формами. Рѣшеніе третейскаго суда должно быть немедленно объявлено тяжущимся сторонамъ и внесено въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу. Оно считается вошедшимъ окончательно въ законную силу со времени внесенія въ эту книгу. Никакія жалобы на такія рѣшенія не пріемлются.

е) Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажные проступки, когда они совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, и также когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, которыя подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ другой волости, то виновныхъ приговариваетъ къ наказанію судъ той волости, въ предѣлахъ которой проступокъ совершенъ.

ж) Лица другихъ состояній, противъ которыхъ совершены крестьянами проступки, могутъ, *буде пожелаютъ*, отыскивать слѣдующаго имъ удовлетворенія въ волостномъ судѣ или въ общихъ учрежденіяхъ.

з) Волостной судъ властенъ, по проступкамъ, приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ—до 6 дней или къ денежному взысканію— до 3 рублей, или къ аресту—до 7 дней, или наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія не изъятыхъ, къ наказанію розгами до 20 ударовъ (?!) Назначеніе мѣры наказанія, за каждый проступокъ, предоставляется усмотрѣнію самого суда.

і) Впредь до изданія общаго сельскаго судебнаго устава волостные суды и также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи, на точномъ основаніи ст. 64, 86, 102 положенія, мѣры наказанія за маловажныя преступленія и проступки, примѣняютъ правила, по этому предмету установленныя въ уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ (св. зак. 1857 г. т. XII, ч. II уст. о благоуст. въ казен. селеніяхъ, ст. 440—536.)

и) Волостной судъ не вправѣ приговорить къ тѣлесному наказанію: престарѣлыхъ крестьянъ, достигшихъ 60-ти лѣтняго возраста; должностныхъ лицъ [1]) и безпорочно занимавшихъ общественныя должности; равно и крестьянъ, окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ, и равныхъ съ ними или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

III *Порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ* [2]).

а) Волостной судъ входитъ въ разборъ споровъ и тяжбъ не иначе, какъ по жалобѣ истца. Въ разборъ же проступковъ крестьянъ онъ входитъ: 1) по жалобамъ обиженнаго или его родителей, если обиженный не достигъ еще совершеннолѣтія; 2) по требованію волостного старшины или помощника его или сельскаго старосты; 3) по извѣщенію того, кто былъ свидѣтелемъ проступка, если обиженный не можетъ самъ принести жалобы.

б) Волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда, и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ.

в) Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

г) Въ дѣлахъ о проступкахъ, если судъ найдетъ недостаточнымъ показанія лицъ, причастныхъ къ дѣлу, то, для приведенія его въ ясность, можетъ самъ производить дознанія въ присутствіи двухъ или болѣе свидѣтелей изъ мѣстныхъ домохозяевъ. Въ дѣлахъ тяжебныхъ осмотры мѣстности при свидѣтеляхъ и вообще повѣрку доказательствъ судъ производитъ не иначе, какъ по просьбѣ тяжущихся.

д) При разсмотрѣніи тяжебнаго дѣла въ самомъ волостномъ судѣ, судьи,

---

[1]) Волостного старшину, его помощниковъ, сельскаго старосту, засѣдателей волостного правленія, судей волостного суда, сборщиковъ податей, смотрителя хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (см. ст. 124).

[2]) Этотъ предметъ собственно относится къ судопроизводству, но мы его помѣщаемъ здѣсь, какъ существенную характеристику волостного суда; при томъ, по простотѣ своей и несложности, онъ представляетъ мало данныхъ для теоріи сложнаго судопроизводства.

по выслушаніи тяжущихся сторонъ, стараются склонить ихъ къ примиренію. Если стороны примирились, то должны въ то же время объявить, что одна уступаетъ или чѣмъ вознаграждаетъ другую, и какимъ образомъ должно послѣдовать удовлетвореніе. Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло, либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заявлены между спорящими сторонами; либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи *мѣстныхъ обычаевъ* и *правилъ*, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Какъ условія мировой сдѣлки, такъ и рѣшеніе волостного суда записываются въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу, съ означеніемъ именъ истца и отвѣтчика.

е) По разсмотрѣнію волостнымъ судомъ проступка, подлежащаго его обсужденію, вписываются въ эту книгу: имя виновнаго, самая его вина и мѣра наложеннаго на него взысканія.

ж) Приговоры волостного суда по проступкамъ, подлежащимъ его разсмотрѣнію, считаются окончательными.

з) Приговоры волостного суда, какъ по спорамъ и тяжбамъ, такъ и по проступкамъ приводятся въ исполненіе сельскими старостами или, когда волость состоитъ изъ одного сельскаго общества, помощникомъ волостного старшины, подъ наблюденіемъ старшины, и за общею ихъ отвѣтственностью.

Въ такихъ предѣлахъ опредѣляетъ законъ отношенія мирскихъ сходовъ къ судебнымъ дѣламъ и судебно-полицейскія обязанности сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, составъ, подсудность и дѣлопроизводство волостного суда. Во всѣхъ этихъ законахъ мы находимъ простоту и всѣ условія, необходимыя для того, чтобы народный судъ могъ дѣйствовать успѣшно и достигать своей цѣли. Уже въ настоящее время эти прекрасныя постановленія приносятъ народу благодѣтельные плоды: они почти всю народную юстицію передаютъ или общинѣ, или выборнымъ ея: такъ какъ волостные суды окончательно могутъ рѣшать дѣла до 100 руб., а въ быту крестьянскомъ, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, могутъ возникать дѣла, превышающія эту сумму. Главная масса нашего народонаселенія принадлежитъ къ крестьянскому сословію, которое составляетъ ядро нашего народа: ему то и переданы дѣла гражданскія и полиціи исправительной *большинства* общества, безъ всякихъ административныхъ или полицейскихъ стѣсненій и контроля. Статьи же 103—110 об. полож. такъ упрощаютъ все дѣлопроизводство по этимъ предметамъ, что боль-

шаго совершенства для народнаго суда нечего желать. Народная юстиція не можетъ и не должна стѣсняться ни бюрократическимъ формализмомъ ни сложными обрядами, ни строгими правилами законодательства; народный судъ долженъ быть отголоскомъ и выраженіемъ общинныхъ обычаевъ и ихъ возрѣній на право,—иначе судъ народный, выходя изъ міросозерданія большинства, становится стѣсненіемъ его правъ и самостоятельности. Не наше дѣло осчастливить общество; достаточно, если оно само считаетъ себя счастливымъ. И могутъ-ли наши взгляды на право и на отношеніе членовъ общества, какъ бы они совершенны ни были, быть пригодны народу, если они противорѣчатъ его обычаю и всей сущности его общественной жизни? Поэтому законодательство наше было совершенно логично, когда рѣшеніе волостныхъ судовъ оно подчинило не закону, а *мѣстнымъ обычаямъ и правиламъ, принятымъ въ народѣ*. Юстиція, такимъ образомъ, становится у насъ уже дѣломъ народнымъ и не стѣсняется больше принципами судейскими и формализмомъ—этихъ страшныхъ истязателей народной жизни... Съ другой стороны безусловность выбора является здѣсь не недостаткомъ, а достоинствомъ: народный судъ, основанный весь на несложномъ обычаѣ, требуетъ только ума, добросовѣстности и честности. Все теперь будетъ зависить отъ образованія народа и его развитія; правительству же останется только одно великое дѣло: развить наукой и литературой понятія народа объ его гражданскихъ обязанностяхъ. Но, при всемъ этомъ, волостные суды остаются все же судами сословными. Мы уже выше говорили, что сословности въ юстиціи не должно быть. Но эта сословность вызывается тѣми недавними отношеніями, въ которыхъ находились крѣпостные къ помѣщикамъ, и тѣми обязательными отношеніями, какія еще существуютъ по положенію 19 февраля между первыми и послѣдними. Изъ отчетовъ по этому предмету министерства за 1865 годъ видно, что, изъ числа 9,776,017 крестьянъ въ обязательномъ отношеніи къ помѣщикамъ осталось еще въ іюлѣ 1865 года 4,639,459 душъ [1]); послѣдняя цифра доказываетъ, что крестьянское дѣло шло у насъ чрезвычайно успѣшно: въ теченіи 4 лѣтъ собственниками, съ содѣйствія и безъ содѣйствія [2]) правительства, сдѣлалось болѣе $^1/_2$ крестьянскихъ обществъ. Поэтому нужно надѣяться, что обязательность отноше-

[1]) См. Сѣверную Почту за Августъ 1865 г.

[2]) Безъ содѣйствія правительства окончили дѣла свои крестьянъ—4,419,895, по 2767 сдѣлкамъ.

ній крестьянъ къ владѣльцамъ имѣній едва-ли продлится очень долго; съ уничтоженіемъ же этой обязательности и съ умственнымъ развитіемъ народа, нѣтъ сомнѣнія, что волостные суды потеряютъ свой сословный характеръ и одно изъ двухъ, или—какъ въ отношеніи выборовъ, такъ и въ отношеніи подсудности, они подчинятъ себѣ всѣ сословія, или же онъ обратится въ общій мировой судъ. Но едва-ли второй въ состояніи будетъ замѣнить первый, какъ судъ общинный и вполнѣ мѣстный. Въ настоящее время нѣкоторыя земскія собранія входили даже съ ходатайствомъ къ правительству объ уничтоженіи волостныхъ судовъ и о подчиненіи народной юстиціи мировымъ судьямъ; при чемъ главнымъ мотивомъ служило имъ невѣжественность массы народа. Соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, 1) что крѣпостное право держало въ большомъ застоѣ умственное развитіе крестьянъ; 2) что судъ во многихъ случаяхъ не достигаетъ у нихъ цѣли,—мы однакожъ не можемъ согласиться на необходимость уничтоженія крестьянскихъ судовъ. Дѣйствительно, въ судахъ этихъ царствуетъ въ настоящее время неурядица: выборные безъ штофа водки дѣлъ не рѣшаютъ и самыя рѣшенія ихъ болѣе основаны на кумовствѣ и на боязни сильнаго, нежели на справедливости. Но дайте обществамъ окрѣпнуть на свободѣ; сознать свое значеніе и положеніе,—и это, по словамъ вашимъ, невѣжественное общество станетъ судить и рядить не хуже суда мирового. Ни что такъ не развиваетъ человѣка, какъ свобода. Едва прошло 9 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ, а между тѣмъ между нынѣшними крестьянами и прежними крѣпостными лежитъ уже цѣлая бездна. Подождите еще немного, дайте возмужать людямъ, которые воспитывались уже на свободѣ и вы увидите какъ съумѣютъ они воспользоваться своими правами и обязанностями,—тогда лишь произнесете вы свой окончательный приговоръ. Теперь же всѣ сужденія по этому предмету преждевременны, пототу что судъ находится пока въ рукахъ людей, выросшихъ въ деморализирующей атмосферѣ крѣпостного права,—людей, напуганныхъ силой и чрезъ это преклоняющихъ, по привычкѣ, голову предъ нею. Независимо отъ этого, возможно-ли по ничтожному дѣлу, по спору о какой-нибудь курицѣ или о потравѣ сдѣланной гусемъ, заставить крестьянъ бросать свой промыслъ, свой трудъ, свою жатву и идти богъ знаетъ за сколько верстъ къ мировому судьѣ съ жалобою. Да это разносильно тому, что отказать крестьянину совершенно въ правосудіи; поэтому каковъ бы нибылъ его домашній судъ, но этотъ судъ у него подъ рукой, и если изъ 100 дѣлъ рѣшится только 10 правильно, то цѣль достигнута. Въ подобномъ случаѣ откажется въ пра-

восудіи 10 %; въ предлагаемой же земствами мѣрѣ отказывается въ правосудіи всѣмъ. Но,—скажете вы, быть можетъ,—неудобство, о которомъ я говорю, можно избѣгнуть назначеніемъ лишнихъ мировыхъ судей. Это справедливо, но въ подобномъ случаѣ мировые суды обойдутся крестьянамъ такъ дорого, что жалованье судей, пожалуй, превыситъ стоймость всѣхъ ихъ дѣлъ.

Но имѣя несомнѣнныя достоинства, по чисто народнымъ элементамъ, законы о волостномъ судѣ должны бы были быть, однакожъ, дополнены въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ:

1) *безусловно* подчинить крестьянъ мѣстному волостному суду, по дѣламъ гражданскимъ и по проступкамъ, не всегда справедливо. Случается нерѣдко, что одно какое-нибудь лицо, по общественному предразсудку, или же по другимъ какимъ-либо причинамъ, подвергается преслѣдованію общины; поэтому судъ надъ нимъ этой общины можетъ быть пристрастенъ. Вотъ почему слѣдовало бы предоставить тяжущимся сторонамъ, въ подобномъ случаѣ, требовать переноса ихъ дѣла въ ближайшій другой волостной судъ того же самаго мирового участка. Лицо, требующее этого переноса, должно изложить мировому посреднику или мировому судьѣ свои причины, и его заключеніе поэтому предмету должно бы быть безапелляціонно.

2) Желательно бы было, чтобы по предметамъ вѣдомства волостного суда законъ постановилъ безусловно: что всѣ лица, всѣхъ сословій, въ *искахъ* своихъ на крестьянъ, подлежатъ разбору этихъ судовъ; причемъ предоставить истцамъ выборъ волостного суда въ томъ мировомъ участкѣ, въ которомъ находится отвѣтчикъ. Здѣсь никакъ не могутъ пострадать сословные интересы: нельзя полагать и допустить, чтобы данная община, не связанная ничѣмъ съ обѣими тяжущимися сторонами, могла рѣшить противъ совѣсти, предоставленное ея разсмотрѣнію, дѣло. А между тѣмъ, съ разширеніемъ предѣла власти волостныхъ судовъ, значительно упростится правосудіе, облегчатся въ дѣлахъ мировыя учрежденія и положится прочное основаніе слитію земства въ одно стройное цѣлое.

3) Было бы также полезно, чтобы по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, превышающимъ власть волостного суда, онъ объявлялъ свои рѣшенія тяжущимся сторонамъ, съ предоставленіемъ имъ права въ теченіи мѣсяца начать дѣло въ мировыхъ или общихъ судахъ. По истеченіи же этого срока, если тяжущіеся иска, въ надлежащихъ судебныхъ мѣстахъ, не начнутъ или же подпишутъ удовольствіе на рѣшеніе суда, то оно вступаетъ въ законную силу.

4) Слѣдовало бы отнять отъ волостного суда право наказывать тѣлесно. Право это противорѣчитъ принятому нашимъ законодательствомъ принципу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. И странно, по дѣламъ болѣе серьезнымъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ уголовныхъ, тѣлесное наказаніе уничтожено; а по полицейскимъ проступкамъ оно допускается. Здѣсь нѣтъ, какъ видите, никакой логики... Притомъ, если тѣлесное наказаніе уничтожено при такомъ совершенномъ учрежденіи, какъ мировой судъ и судъ присяжныхъ, какъ же можно было его оставить при судѣ несовершенномъ, гдѣ иногда, дѣйствительно, штофъ водки можетъ имѣть вліяніе на большее или меньшее число ударовъ. Пора уже отрѣшиться отъ мысли, что крестьянство боится розги. Вѣрьте, оно всегда и теперь боялось всего, начиная отъ сотскаго до станового, и покорно оно не потому, что боится розги, а потому что воспитанье крѣпостничества лишило его всякой энергіи, всякаго чувства свободы, самосознанія и самоуваженія... Поэтому загнаннаго отъ природы слѣдуетъ пріободрить, пріучить его къ жизни самостоятельной, нравственной и разумной, а не держать надъ головою его розгу.

По всѣмъ вышеприведеннымъ даннымъ мы придаемъ огромную важность нашимъ сельскимъ судамъ; воззрѣніе же на этотъ предметъ нашей литературы и общественныхъ дѣятелей было различно.

Одни, какъ выше сказано, нападали на этотъ судъ, какъ на судъ крайне несовершенный; другіе, напротивъ, защищали его, какъ лучшую и простѣйшую народную форму въ маловажныхъ дѣлахъ.

Все основаніе первыхъ заключалось въ томъ, что народъ еще крайне невѣжественъ и дикъ и не можетъ еще возвыситься до уясненія себѣ разумныхъ правъ и обязанностей. Защитники сельскихъ судовъ говорили совершенно противное, а именно, полагались на здравый смыслъ и на инстинктъ народа. Послѣднее мнѣніе, какъ видно, и раздѣлялъ государственный совѣтъ, при чемъ сельскіе и волостные суды, по мнѣнію его, должны остаться въ подчиненіи мирового судьи [1]). Вотъ что говорило поэтому предмету законодательное наше сословіе:

«Прежде обсужденія самаго порядка судопроизводства у мирового судьи, необходимо разъяснить отношеніе будущихъ мировыхъ судей къ теперешнимъ сельскимъ и волостнымъ судамъ. Мировой судья, въ особенности съ перваго разу, не можетъ вполнѣ замѣнить этихъ мелкихъ судовъ,

---

[1]) См. журн. Государ. Совѣта, о преобразованіи судебной реф., стр. 17—19.

которые останутся, какъ и теперь, не въ видѣ самостоятельнаго суда, а въ видѣ предварительной мѣстной расправы, съ тѣмъ чтобы крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, въ случаяхъ, указанныхъ въ 97-й ст. общаго о сихъ крестьянахъ положенія и въ другихъ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ; а всѣ прочіе сельскіе и городскіе обыватели, въ случаѣ неудовольствія на рѣшенія этихъ учрежденій,—имѣли право обратиться къ мировому судьѣ, который будетъ, во всякомъ случаѣ, ближе къ нимъ, чѣмъ судъ уѣздный и болѣе знакомъ съ ихъ обычаями и нуждами; а потому самому будетъ имѣть болѣе возможности удовлетворять настоятельнымъ потребностямъ сельскаго и городского населенія въ дѣлѣ суда».

По смыслу этого мнѣнія: обращаться съ жалобою (апелляціонной и кассаціонной) къ мировому судьѣ на сельскіе и волостные суды возможно будетъ только сельскимъ обывателямъ (а не бывшимъ крѣпостнымъ) и городскимъ сословіямъ; но желательно бы было, чтобы это право было предоставлено и бывшимъ крѣпостнымъ, такъ какъ безъ этого права, какъ выше объяснено мною, волостной судъ сдѣлается безусловнымъ. Въ уставѣ же гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 года (ст. 31) опредѣлено, что вѣдомству мирового судьи не подлежатъ: «иски между сельскими обывателями, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на предоставленіе такого рода иска для разбора мирового, судьи послѣдуетъ *взаимное* между истцомъ и отвѣтчикомъ соглашеніе».

Поэтому, вопросъ—о прямомъ соотношеніи мирового суда къ волостному, требуетъ еще дальнѣйшаго развитія на началахъ, выраженныхъ въ журналѣ государственнаго совѣта по предмету судебной реформы въ Россіи.

Имѣя это въ виду, [1]) редакціонная коммисія, составлявшая проэкты дальнѣйшаго развитія основныхъ положеній судебной реформы, посредствомъ особой коммисіи, собрала свѣдѣнія относительно сельскихъ и волостныхъ судовъ 7 губерній долженствовавшихъ войти въ составъ московскаго апелляціоннаго суда. По предмету этому въ особенности интересны отзывы мировыхъ посредниковъ этихъ губерній [2]) о характерѣ крестьянскихъ су-

---

[1]) Губернія эти суть: московская, владимірская, калужская, рязанская, тверская, тульская и ярославская.

[2]) См., вѣдѣнія и соображенія состава будущихъ судебныхъ мѣстъ, стр. 457 — 488.

довъ въ этихъ губерніяхъ и о необходимыхъ дополненіяхъ къ существующимъ нынѣ правиламъ. Отзывы эти подраздѣляются на двѣ категоріи: одни охуждаютъ сельскій и волостной судъ; другіе хвалятъ безъусловно этотъ судъ или требуютъ дополненій къ дѣйствующему законодательству. Къ первымъ относится меньшинство (мировые посредники 45 участковъ), ко вторымъ—большинство (мировыя посредники почти 120 участковъ). Несчастливѣе былъ вопросъ о томъ: оставлять-ли за сельскими старостами и за волостными старшинами *право наказывать*. Здѣсь многіе отозвались въ пользу предоставленія этимъ должностнымъ лицамъ права наказывать *тѣлесно* [1]), нѣкоторые предложили *увеличить* эту власть. Многіе же отозвались противъ этихъ двухъ мнѣній, приводя очень дѣльно тотъ аргументъ: что, не говоря уже о томъ, что власть старшинъ и старостъ несовмѣстна со всѣми нынѣшними реформами, но что она является совершеннымъ произволомъ; поэтому слѣдовало бы или отнять отъ нихъ эту власть, или подчинить ихъ мировому суду. Что же касается до условій, требуемыхъ нѣкоторыми мировыми посредниками, чтобы подчинить волостной судъ мировому, такъ какъ всякая безусловная власть, никому неподчиненная, можетъ сдѣлаться произвольною, — то они совершенно раціональны. Мнѣніе ихъ я вполнѣ раздѣляю и выше я уже высказалъ мысль, въ какой формѣ долженъ бы былъ проявиться контроль мирового суда надъ сельскимъ. Но какъ рѣшитъ опытъ и законадательная власть этотъ вопросъ, покажетъ время; я же считалъ необходимымъ занести самые факты въ сочиненіе мое.

д) *Мировые посредники и мировые судьи.*

Другое разумное начало, внесенное въ наше законодательство — это учрежденіе мировыхъ посредниковъ, которые вѣроятнѣе всего вскорѣ преобразуются въ мировыхъ судей

Къ дѣламъ, по спорамъ, жалобамъ и недоразумѣніямъ, подлежащимъ

---

[1]) У русскаго человѣка все идетъ хорошо, пока онъ не коснется *розги*. Онъ и любитъ свой народъ, и желаетъ ему добра, и готовъ за него жизнь и достояніе отдать; но при этомъ не забываетъ своихъ пословицъ: «кого бьютъ, того любятъ»; «что за одного битаго даютъ 10 небитыхъ»... по этому считаю излишнимъ много полемизировать о розгахъ... Г. Кусковъ, въ «Свѣточѣ» не преминулъ ужь упрекнуть меня въ томъ, что я по этому предмету слѣдую *моде*. Но почему это такъ и почему я немогу по этому предмету высказывать мои искреннія убѣжденія, г. Кусковъ находитъ излишнимъ объяснить...

вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ, по положенію 19 февраля 1861 года, принадлежатъ разборъ и разрѣшеніе: «1) жалобъ и споровъ, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. 2) Къ дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, возлагаемыхъ на мировыхъ посредниковъ, принадлежитъ лишъ разборъ споровъ: по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности (въ томъ числѣ управляющихъ); по отдачѣ въ наемъ земель; по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій и по порубкамъ въ владѣльческихъ лѣсахъ».

«Мировой посредникъ можетъ также принять къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ спорящія стороны будутъ просить его—о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти» [1]). «По дѣламъ, не подлежащимъ окончательному рѣшенію мирового посредника, жалобы на рѣшенія его разсматриваются уѣзднымъ мировымъ съѣздомъ» [2]).

Изъ этихъ законовъ мы видимъ: 1) что по всѣмъ вообще дѣламъ гражданскимъ мировые посредники суть оффиціальные медіаторы; 2) что по обязанности службы (ex officio) они суть судьи по дѣламъ, гдѣ сталкиваются интерссы крестьянъ, рабочаго и служащаго класса съ интересами помѣщиковъ. 3) Но мировымъ посредникамъ запрещено вмѣшиваться въ дѣла [3]): а) подлежащихъ разрѣшенію общественныхъ крестьянскихъ властей, на основаніи общаго положенія о крестьянахъ; б) равно они не принимаютъ къ разсмотрѣнію своему дѣла, подлежащія вѣдомству общихъ уѣздныхъ и губернскихъ установленій, кромѣ дѣлъ и случаевъ, упомянутыхъ въ ст. 31 и 35. 4) Что апелляція на рѣшеніе мировыхъ посредниковъ приносится уѣздному мировому съѣзду.

Здѣсь яснѣе и точнѣе опредѣлилось уже значеніе мировыхъ учрежденій по дѣламъ, имъ подвѣдомственнымъ, и обществу ничего больше не осталось желать, какъ полнаго успѣха этому учрежденію, умѣвшему, за небольшимъ исключеніемъ, оправдать то высокое довѣріе, какое оказано ему было обществомъ и закономъ... [4]) Дальнѣйшее его развитіе такимъ образомъ становилось насущною потребностью, тѣмъ болѣе что, къ іюлю 1865

---

[1]) Ст. 24 и 31—35, положенія 19 февраля 1861 г. о губер. и уѣзд. учр. по крестьянскимъ дѣламъ.

[2]) ibid ст. 73.

[3]) ibid ст. 33.

[4]) См. «Сѣвер. Почту» за августъ 1865 г.

года, всѣ уставныя грамоты, въ числѣ 109,758, окончательно утверждены и по 34 губерніямъ упразднено 436 мировыхъ участковъ. [1]) Въ чемъ же могло заключаться это дальнѣйшее развитіе?... Положеніе 19 февраля, указавъ судебную дѣятельность мировыхъ посредниковъ, вмѣстѣ съ этимъ и указало, что будущая ихъ дѣятельность должна продолжаться въ видѣ мирового суда.

Въ литературѣ общественное мнѣніе также неоднократно выражалось у насъ въ пользу послѣдняго; но еще осязательнѣе это выразилось въ мнѣніяхъ, изъявленныхъ по этому предмету губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями 44 губерній [2]), которыя, кромѣ одного [3]), признали сліяніе спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ мировыхъ учрежденій съ общими судебными мировыми учрежденіями необходимымъ—во избѣжаніе огромныхъ расходовъ для земства, по недостатку лицъ для замѣщенія тѣхъ и другихъ учрежденій и во избѣжаніе столкновенія между мировыми посредниками и мировыми судьями, вслѣдствіе невозможности точно разграничить предметы ихъ вѣдомствъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство губернскихъ присутствій объясняютъ, что съ введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ еще далеко не окончено поземельное устройство крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; напротивъ того, теперь только начинается разрѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ вопросовъ: объ обязательномъ разверстаніи и обмѣнѣ угодій, съ обязательнымъ перенесеніемъ усадьбъ, а равно составленіе и повѣрка выкупныхъ сдѣлокъ. Разверстаніе угодій и выкупныя сдѣлки требуютъ особеннаго спіцеальнаго знакомства съ общими условіями сельскаго быта и съ мѣстными особенностями каждаго имѣнія, а также особой опытности въ примѣненіи правилъ положеній 19 февраля. Сверхъ этого останется

---

[1]) Но мы здѣсь неговоримъ ни о сѣверозападныхъ, ни о югозападныхъ губерніяхъ.

[2]) Труды редак. комисій: свѣдѣнія о мировыхъ учрежденіяхъ.

[3]) Одно только губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, а именно *донское войсковое присутствіе*, въ замѣнѣ нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, *избираемыхъ изъ дворянъ*, общими мировыми судьями, избираемыми *всѣми сословіями* и изъ *всѣхъ сословій*, видитъ нарушеніе *правъ* дворянства. Не можетъ не воскликнуть: «слава»! этому присутствію... оно выразило въ своемъ мнѣніи свои воинскія наклонности и любовь къ чинопочитанію... Но одного забыло почтенное присутствіе, что хорошо для удержанія дисциплины въ войскѣ, то никуда не годится въ либеральномъ государствѣ.

окончить еще нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія. Основываясь на этихъ началахъ, губернскія присутствія полагали невозможнымъ *безусловно* передать всѣ обязанности мировыхъ посредниковъ мировымъ судьямъ (къ концу 1863 и къ началу 1864 г.), [1]), а находили необходимымъ сохранить временно, для окончанія крестьянскихъ дѣлъ, отдѣльные органы. При этомъ *одни* присутствія предполагали передать дѣла по поземельному устройству *посредникамъ по полюбовному размежеванію*, а дѣла распорядительныя—по общественному устройству—*полиціи*. *Другія*—учредить по крестьянскимъ дѣламъ *особыхъ должностныхъ лицъ*. *Третьи*—оставить на время, до окончанія разверстанія угодій, сверхъ общихъ мировыхъ судей, настоящихъ *мировыхъ посредниковъ въ уменьшенномъ числѣ*. *Четвертыя*—переименовать настоящихъ мировыхъ посредниковъ въ *мировые судьи*.

Сообразивъ эти мнѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало: [2]) 1) отзывы губернскихъ присутствій—о необходимости сліянія общихъ судебныхъ и спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ мировыхъ учрежденій, нельзя не признать несправедливыми; такое соединеніе мировыхъ учрежденій возвысило бы ихъ значеніе и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Соприкасаясь и по дѣламъ, возлагаемымъ на нихъ положеніями 19 февраля 1861 г., съ разными сторонами народной жизни, мировые судьи вѣрнѣе могли бы обсуживать всѣ обстоятельства каждаго судебнаго дѣла и могли бы имѣть болѣе сильное вліяніе къ склоненію тяжущихся къ миролюбивымъ соглашеніямъ; самыя обязанности мировыхъ судей, потерявъ исключительное судебное значеніе, имѣли бы для нихъ болѣе жизненнаго интереса. Завѣдываніе же судебнымъ разбирательствомъ навсегда оградило бы мировыхъ судей, въ дѣлахъ общественнаго управленія, отъ перехода въ бюрократовъ-администраторовъ и сохранило бы то значеніе ихъ въ дѣлахъ общественнаго управленія, какое присвоивается мировымъ посредникамъ въ дѣлахъ общественнаго управленія положеніями о крестьянахъ. Напротивъ, если оставить отдѣльныя учрежденія для завѣдыванія крестьянскими

---

[1]) Такъ какъ причины, на которыхъ основывались губернскія присутствія еще существуютъ и въ настоящее время и еще не скоро окончатся, то само собою разумѣется, что мнѣніе ихъ не ограничивается только этими двумя годами.

[2]) Отзывъ М. В. Дѣлъ государственному секретарю отъ 16 мая 1863 г. № 6390 См. труды коммисіи: свѣдѣнія о мировыхъ учрежденіяхъ, стр. 6—12.

дѣлами, то нельзя будетъ не опасаться, что учрежденія эти примутъ характеръ окрестныхъ учрежденій вѣдомства государственныхъ имуществъ и перейдутъ предѣлъ своего вліянія, указываемый имъ закономъ. 2) Нельзя также не раздѣлить мнѣнія большинства губернскихъ присутствій, что крестьянское дѣло не слѣдуетъ считать оконченымъ со введеніемъ уставныхъ грамотъ. Мировымъ посредникамъ остается еще окончить всѣ дальнѣйшія мѣры по поземельному устройству крестьянъ, заявленныя въ повѣренныхъ и введенныхъ ими уставныхъ грамотахъ, какъ то: разверстаніе угодій, обмѣнъ оныхъ, принудительное перенесеніе усадьбъ, выкупныя сдѣлки и проч. Сверхъ сего, въ настоящее время началось распространеніе правилъ положенія 19 февраля на населеніе казенныхъ горныхъ заводовъ, а таже ожидается въ самомъ непродолжительномъ времени примѣненіе означенныхъ правилъ къ удѣльнымъ крестьянамъ, а вслѣдъ за симъ и къ государственнымъ; для сего также было-бы желательно имѣть людей опытныхъ и знакомыхъ съ положеніями 19-го февраля. 3) Въ тоже время нельзя также не признать справедливымъ, что открытіе близкаго, быстраго и упрощеннаго мирового судопроизводства по дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ и малоцѣнныхъ искахъ становится неотложною необходимостью. Съ предоставленіемъ дѣлъ, возникающихъ между вышедшими изъ крѣпостной зависимости крестьянами, волостнымъ судамъ (у государственныхъ крестьянъ—сельскимъ и волостнымъ расправамъ), а дѣлъ между крестьянами и помѣщиками по обязательнымъ отношеніямъ—разбору мировыхъ учрежденій, оставленіе другихъ мелкихъ дѣлъ по прежнему въ вѣдѣніи полиціи и нижнихъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ они тянутся часто по нѣсколько лѣтъ,—даетъ поводъ лицамъ, имѣющимъ подобныя дѣла, еще сильнѣе чувствовать сравнительную невыгодность своего положенія. Кромѣ этого, такой порядокъ произведетъ нерѣдко на практикѣ весьма значительныя затрудненія, вслѣдствіе неудобства въ одномъ и томъ же дѣлѣ раздѣлять обстоятельства, имѣющія между собою тѣсную связь и передавать ихъ въ разныя вѣдомства: одни на мировой разборъ посредника, а другія — въ общія полицейскія и судебныя мѣста. Число подобныхъ мелкихъ дѣлъ, съ постепеннымъ всеобщимъ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній и опеки крѣпостной и административной, увеличивается съ каждымъ днемъ. Оставленіе этихъ дѣлъ безъ справедливаго и быстраго разбора, поражая общее неудовольствіе, можетъ послужить причиной весьма важныхъ *затрудненій для правительства*. 4) Передача дѣлъ по поземельному устройству *посредникамъ по полю-*

бовному размежеванію, а дѣлъ по общественному устройству и вообще распорядительныхъ *полиціи*—учрежденіямъ, нисколько къ тому неподготовленнымъ и при томъ, по самому характеру своему, неимѣющимъ условій, требуемыхъ для мировой дѣятельности, — не можетъ быть принято. Учрежденіе для крестьянскихъ дѣлъ особыхъ должностныхъ лицъ или въ составъ мировыхъ судовъ, или при губернскомъ присутствіи, а также временное оставленіе, сверхъ общихъ мировыхъ судей, настоящихъ спеціальныхъ мировыхъ посредниковъ въ уменьшонномъ числѣ,—не вполнѣ устраняя затрудненія, предстоящія вслѣдствіе значительности расходовъ, недостатка лицъ и неизбѣжности столкновеній, при совмѣстномъ существованіи общихъ и спеціальныхъ мировыхъ учрежденій, имѣло-бы еще и то неудобство, что, вновь избранныя по крестьянскимъ дѣламъ должностныя лица, а также и мировые посредники, въ уменьшонномъ числѣ, не имѣли-бы того короткаго знакомства съ мѣстными условіями каждаго имѣнія, которое пріобрѣлъ каждый изъ настоящихъ посредниковъ въ своемъ участкѣ, и имъ пришлось-бы доканчивать чужія дѣла, которыя они принуждены были-бы изучить вновь съ самаго начала. 5) Затѣмъ остается остановиться на послѣднемъ предположеніи нѣкоторыхъ губернскихъ присутствій— о сліяніи спеціальныхъ и общихъ мировыхъ учрежденій посредствомъ переименованія настоящихъ мировыхъ посредниковъ въ общіе мировые судьи. Мысль объ обращеніи спеціальныхъ мировыхъ посредниковъ въ общіе мировые судьи возникала уже неоднократно. Въ первый разъ [1]) она была выражена въ соображеніяхъ, составленныхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1858 года комиссіею изъ чиновниковъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ. Въ соображеніяхъ этихъ, между прочимъ, сказано: «нѣтъ сомнѣнія, что мировые судьи (предполагавшіеся тогда для разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами), какъ учрежденія, условливающія быстрое и сокращенное на самомъ мѣстѣ производство дѣлъ, получитъ современемъ въ нашемъ судоустройствѣ дальнѣйшее развитіе». По воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1859 г. о началахъ, на которыхъ должно быть основано уѣздное управленіе, г. главноуправляющій II отд. соб. Его Величества канцеляріи входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о недостаткахъ существующаго судопроизводства по дѣламъ о маловажныхъ преступленіяхъ и малоцѣнныхъ искахъ;

[1]) Министерство здѣсь говоритъ объ оффиціальномъ выраженіи этого мнѣнія, потому что въ литературѣ мысль эта выражалась также.

онъ полагалъ необходимымъ учредить для сего малые суды, со введеніемъ въ нихъ сокращеннаго судопроизводства, «*и дѣйствія сихъ судовъ соединить съ дѣйствіями мировыхъ судей, предполагаемыхъ для разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами.* Въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ также возникала мысль объ обращеніи мировыхъ посредниковъ изъ спеціальнаго учрежденія вообще и возложеніе на нихъ, кромѣ крестьянскихъ дѣлъ, вообще разбора малоцѣнныхъ исковъ и маловажныхъ проступковъ».

«Бывшія редакціонныя комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ признали, что съ обнародованіемъ новыхъ положеній должны быть, немедленно и не ожидая общаго преобразованія судоустройства, образованы для разбора дѣлъ, возникающихъ изъ положеній, особыя мировыя учрежденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи нашли, что вѣдомство сихъ учрежденій не можетъ быть ограничено одними означенными дѣлами, и присоединили къ этому еще особыя судебно-полицейскія дѣла, поименованныя въ ст. 31 полож. о губерн. и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреж. При семъ редакціонныя комиссіи присовокупили: «что изъ такихъ мировыхъ посредниковъ *можетъ* впослѣдствіи, путемъ какъ-бы историческимъ, сложиться болѣе полное и совершенное учрежденіе общихъ мировыхъ судей. Опытъ будетъ всего лучше, и при томъ постоянно, указывать законодателю тѣ стороны новаго учрежденія, которыя потребуютъ развитія, и тѣ предметы судебнаго разбирательства, которые окажется нужнымъ пріобщить къ оному».

Документъ этотъ очень важенъ: онъ объясняетъ вполнѣ и выраженіе общественнаго мнѣнія, и взглядъ правительства на преобразованія бывшихъ мировыхъ учрежденій въ корпорацію мирового суда. Мы не можемъ не согласиться съ министерствомъ, какъ о необходимости слитія этихъ двухъ учрежденій, такъ равно и о томъ, что маловажныя и крестьянскія дѣла не могутъ и не должны подлежать разбору судовъ полицейскихъ, и къ аргументамъ министерства мы находимъ необходимымъ присовокупить то важное обстоятельство: что суды полицейскія потеряли у насъ всякое довѣріе общества, поэтому и не приходится болѣе ввѣрять имъ дѣла такой важности, каковы поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и всѣ вытекающія оттого послѣдствія по положенію 19 фев. А что этого довѣрія дѣйствительно уже нѣтъ, то тому свидѣтельствуетъ не только вся наша такъ называемая обличительная литература съ 1859 г., но и оффиціальныя показанія. Такъ, бывшій московскій губернскій проку-

ръ, Ровинскій, въ прекрасномъ трудѣ своемъ [1]) говоритъ: «что же касается до свѣдѣній, доставленныхъ отъ земскихъ полицій, отъ крестьянскихъ судовъ разныхъ именованій, а равно и свѣдѣній о судебно-полицейскомъ разбирательствѣ у частныхъ приставовъ — по Москвѣ и городничихъ— по уѣзднымъ городамъ, то свѣдѣнія эти можно назвать только приблизительно вѣрными: 1) потому что въ полиціи и въ крестьянскихъ судахъ не было и нѣтъ обычая записывать постановленія о каждомъ разбирательствѣ, оконченномъ миромъ; 2) потому что сами тяжущіеся, по *недовѣрію* къ полицейскимъ учрежденіямъ, рѣдко прибѣгали къ защитѣ ихъ въ маловажныхъ дѣлахъ; болѣе же цѣнныя дѣла начинались прямо въ судебныхъ мѣстахъ».

Далѣе онъ же продолжаетъ: «рабочій классъ и люди, такъ называемыхъ, низшихъ классовъ, обыкновенно жалуются въ своихъ дѣлахъ губернатору. Если онъ не захочетъ войти въ дѣло или не въ состояніи въ скоромъ времени удовлетворить просителей, то они, не видя другого исхода, обыкновенно бросаютъ искъ и уходятъ домой. Положительно сказать можно, что маловажныя дѣла оставались и остаются, за исключеніемъ дѣлъ рядчиковъ, безъ всякаго суда и разбирательство по нимъ, существуетъ развѣ для однихъ *привиллегированныхъ сословій*. А между тѣмъ дѣлъ этихъ огромное количество и явятся они сразу, какъ только *народъ* узнаетъ и *увѣрится*, что и для него есть судъ простой, дешевый. Доказательствомъ этому можетъ служить учрежденіе въ 1860 году комиссіи для разбирательства рядчиковъ съ рабочими [2]) и 9 словесныхъ судовъ при частяхъ города для той же цѣли. Суды эти были завалены работою въ первый же годъ своего существованія: за 1862 ими разобрано и рѣшено до 2000 дѣлъ, по искамъ до 500 руб. Въ прежнее время они должны бы были разбираться въ полиціи на общемъ основаніи; между тѣмъ въ книгахъ гг. частныхъ приставовъ до 1860 г., т. е., до учрежденія комиссіи и словесныхъ судовъ для разбора рядчиковъ съ рабочими, *такихъ разбирательствъ вовсе не встрѣчается* [3]). Съ учрежденіемъ мировыхъ судей, маловажныя дѣла всѣхъ прочихъ разрядовъ, какъ-то: споры о

---

[1]) См. свѣдѣнія и соображенія о положеніи и составѣ будущихъ судебныхъ мѣстъ, собранныхъ по Высочайшему повелѣнію, стр. 6—7.

[2]) Такой судъ былъ учрежденъ и въ Петербургѣ.

[3]) По очень простой причинѣ; легче было взять съ обѣихъ сторонъ и ничего не сдѣлать, т. е., не заводить даже дѣла!..

наймѣ прислуги, мелочные иски по счетамъ и росписками, жалобы на личныя оскорбленія,—*дѣла, для которыхъ въ настоящее время нѣтъ ни суда, ни расправы*,—должны возникнуть въ такой-же огромной пропорціи».

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ необходимость перехода бывшихъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ мировой судъ, обществу и законодательству оставалось рѣшить еще одинъ вопросъ: сдѣлать-ли мировой судъ *сословнымъ* или *народнымъ*. Естественно, что въ настоящее время, при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни, первое сдѣлалось анахронизмомъ, и большинство общества должно было стать на сторонѣ второго. И дѣйствительно, большинство голосовъ послышалось о томъ, чтобы избраніе мировыхъ судей сдѣлалось также народнымъ.

Правительство же, имѣя въ виду, въ положеніи о крестьянахъ 19 ф. 1861 г., что по этому закону будутъ находиться въ столкновеніи интересы помѣщиковъ и крестьянъ, не могло согласиться: 1) ни на избраніе однимъ дворянствомъ мировыхъ посредниковъ; 2) ни на избраніе ихъ крестьянами; 3) ни даже на совмѣстное ихъ избраніе тѣми и другими. Въ первыхъ двухъ случаяхъ мировые посредники, хотя бы ихъ дѣйствія были самыя благонамѣренныя, возбудили бы неудовольствіе одного изъ сословій. Послѣдняго же должно было избѣгать, такъ какъ, не смотря на освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, они все же въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ должны были оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и притомъ щекотливость недавнихъ крѣпостныхъ отношеній не могла допускать совмѣстности выбора на горячихъ порахъ. Поэтому правительство, до окончательнаго введенія положенія 19 фев. и устройства крестьянъ, приняло на себя, въ лицѣ губернаторовъ, инициативу назначенія мировыхъ посредниковъ; причемъ: 1) выборъ свой ограничило тѣмъ, что произвело его изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ; 2) предоставило губернаторамъ одно лишь назначеніе мировыхъ посредниковъ; удаленіе же ихъ отъ должности предоставило непосредственно правительствующему сенату: *чѣмъ положило начало несмѣняемости судей*.

Кромѣ этого правительство заявило въ положеніи 19 февраля, что по истеченіи 3 лѣтъ будетъ измѣненъ этотъ порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ.

Годъ спустя, при новыхъ выборахъ, дворянству 14 губерній, а вслѣдъ и остальнымъ, было предоставлено разсмотрѣніе вопроса относительно этихъ выборовъ.

Ясно, что правительство въ этомъ дѣлѣ дѣйствовало умѣренно. Принявъ на себя назначеніе мировыхъ посредниковъ, оно облегчило введеніе положенія 19 февраля. Крестьяне же, узнавъ, что мировые посредники назначены правительствомъ, приняли ихъ какъ дѣйствительныхъ посредниковъ и защитниковъ своихъ; а мировые посредники de facto оправдали ожиданія народа [1]). Дворянство же не могло роптать на ихъ назначеніе и на ихъ дѣйствія, такъ какъ они избраны были изъ среды же помѣщиковъ. По этимъ причинамъ законъ—о назначеніи мировыхъ посредниковъ губернаторами изъ среды же помѣщиковъ—оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. Осталось затѣмъ рѣшить: какую форму должно принять назначеніе этихъ должностныхъ лицъ по истеченіи термина, на который они были назначены правительствомъ.

Вопросъ этотъ сильно былъ возбужденъ въ свое время въ обществѣ и въ литературѣ. Одни голоса требовали, чтобы мировые посредники или, въ преобразованномъ видѣ, мировые судьи избирались всѣмъ земствомъ, совмѣстно; другіе требовали, чтобы назначеніе ихъ зависило единственно отъ дворянства. Мы пристаемъ къ мнѣнію первыхъ...

Консервативная же часть нашего общества, на многихъ выборахъ, отстаивала свой принципъ: *что дворянство должно отдѣляться отъ земства*... Почитатели этого принципа хотѣли сдѣлать изъ дворянства какую-то касту, отдѣляющуюся отъ народа, и это титуловалось у нихъ громкой фразой: не отрываться отъ *почвы*. Но этотъ принципъ далеко не почвенъ: у насъ издревле сословіе знатныхъ, именитыхъ и доблестныхъ людей, именуемыхъ съ прошлаго вѣка дворянами, не стояло никогда особнякомъ, а было всегда вмѣстѣ съ народомъ. До реформъ Екатерины II дворяне не составляли вовсе сословія, а, уважаемые правительствомъ и народомъ, они стояли только близко къ первому и во главѣ второго; въ дѣлѣ же суда, избранія царя и на соборахъ выборные *всѣхъ сословій* имѣли равный голосъ. Вотъ почему мы считаемъ, что возвратиться на почву, значитъ—понимать земство, какъ слитіе всѣхъ сословій въ одно цѣлое, нераздѣльное не только въ дѣлѣ самоуправленія, но во всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Чего же домогались защитники сословныхъ привилегій? Уяснили-ли они себѣ свои стремленія?... Они не хотѣли быть на-

---

[1]) Выше я уже указалъ, что всѣ уставныя грамоты утверждены и что $^2/_3$ крестьянскаго населенія прекратили свои обязательныя отношенія къ помѣщикамъ.

родомъ, а подъ разными предлогами домогались господства надъ ними, во имя мнимаго своего просвѣщенія, такъ какъ они считаютъ себя передовою частью народонаселенія.

Если дворянство дѣйствительно, по просвѣщенію, передовая часть народонаселенія, то нечего домогаться ему законодательнымъ путемъ привиллегій. Просвѣщеніе и разумныя силы вездѣ имѣютъ въ обществѣ перевѣсъ, хотя бы общество было сложено изъ самыхъ крайнихъ демократическихъ началъ [1]). Крестьянскіе выборы въ настоящее время ясно доказываютъ справедливость моихъ словъ. Крестьяне почти вездѣ избирали въ должности, по волостямъ и селамъ, преимущественно грамотныхъ людей и лицъ болѣе или менѣе развитыхъ. Разумъ такая сила, которая, безъ всякихъ монополій и привиллегій, завоевываетъ человѣку и богатство, и славу и безсмертіе. Требовать же привиллегій, значитъ—не полагаться на свои внутреннія силы; а что значитъ законъ безъ внутренняго смысла?.. Можетъ-ли онъ быть долговѣченъ... Нѣкоторые дворяне хотѣли отстаивать свою инціативу въ дѣлѣ, которое на столько же касается крестьянъ, на сколько землевладѣльцевъ... Но кто изъ нихъ больше и кто сильнѣе? Первыхъ меньше и притомъ они сильнѣе: помѣщикъ, какъ человѣкъ состоятельный, всегда имѣетъ больше силы, нежели крестьянинъ —его десятинщикъ или оброчникъ, или работникъ. Поэтому, судебная власть должна быть организована такъ, чтобы крестьянинъ не былъ обиженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и помѣщику оказано было правосудіе... Можетъ-ли это быть тогда, когда избирателями будутъ одни помѣщики? И не будетъ-ли избранный ими судья защищать только интересы своихъ избирателей?.. Не уронилось-ли бы въ самомъ началѣ подобное либеральное, великое и разумное учрежденіе, каковы мировые посредники или мировые судьи?.. Не справедливѣе-ли поэтому сдѣлать ихъ выборъ общимъ?.. Участіе въ этомъ дѣлѣ крестьянскихъ обществъ важно уже потому, что они получатъ вѣру и уваженіе къ этимъ учрежденіямъ, чрезъ что послѣднія пріобрѣтутъ надлежащую крѣпость и силу. А это обстоятельство необходимо ужь потому, что положеніе 19 февр. дало мировымъ учрежденіямъ средства вліять на народную жизнь [2]). И дѣйствительно, гдѣ были дѣль-

[1]) См. Токвиля—«Исторію американской демократіи». Васильчикова — «О самоуправленіи».

[2]) Хотя положеніе 19 февр. запрещало мировымъ посредникамъ вмѣшиваться въ дѣла общественнаго управленія; но они *нравственно* направляли общества устраиваться на разумныхъ началахъ.

ные мировые посредники, тамъ успѣли ужь открыться народныя школы, образовался въ обществахъ мірской капиталъ, и мы не сомнѣваемся, что со временемъ эти общества пойдутъ еще дальше. И не забудьте, что это было сдѣлано на первыхъ же порахъ крестьянской реформы, когда еще господствовала барщина, когда уставныя грамоты не были еще утверждены, и мировыя учрежденія еще не успѣли сдѣлаться ни популярными, ни народными... Да и что выиграло бы дворянство, если бы выборъ мировыхъ посредниковъ или мировыхъ судей былъ предоставленъ непосредственно ему?.. Подобное учрежденіе, потерявъ свой внутренній смыслъ, свою крѣпость и силу, непопулярное и ненародное, — въ состояніи-ли бы оно было гарантировать его права? Общественное учрежденіе тогда только сильно, когда оно находитъ сочувствіе народа: каждый гражданинъ глядитъ тогда на это учрежденіе, какъ на разумную необходимость, и подчиненіе ему есть его гордость. Но устраните это сочувствіе, и учрежденіе сдѣлается позорнымъ игомъ, и нарушеніе его власти будетъ считаться подвигомъ, а не преступленіемъ. Такъ понимаютъ это дѣло всѣ благомыслящіе люди; такъ должны были понимать его и всѣ любящіе народъ свой, всѣ любящіе свое отечество и его благо.

Правительство сознало это и вопросъ разрѣшился въ пользу земства: иначе мы не могли бы видѣть прогресса въ нашемъ отечествѣ, иначе мы бы жили, по выраженію поэта, ошибками нашихъ отцовъ... Съ предоставленіемъ-же выбора мировыхъ судей земству, это учрежденіе сдѣлается лучшимъ украшеніемъ нашей общественной жизни; независимое отъ бюрократіи, несмѣняемое ни администраціею, ни избирателями и зависящее единственно отъ суда, это учрежденіе будетъ вполнѣ народнымъ.

Въ законодательномъ-же порядкѣ вопросъ этотъ въ разрѣшеніи своемъ имѣлъ слѣдующее теченіе. Основываясь на сущности должности мирового судьи, основныя положенія судебной реформы въ Россіи (29 сентября 1862 г.), статьею 13, постановили: «*что мировые судьи, какъ участковые, такъ и почетные, избираются всѣми сословіями въ совокупности, на три года, по особому порядку* и утверждаются въ этомъ *званіи 1-мъ департаментомъ правительствующаго сената*». На эту статью въ редакціонную комисію поступили мнѣнія, которыя заявляли, что необходимо [1]):

[1]) См. Сводъ замѣчаній и предположеній о развитіи основныхъ пол. преобр. судебн. части. Стр. 14—15.

1) Опредѣлить время и мѣсто избранія мировыхъ судей.

2) Опредѣлить права избирательнаго голоса и составить предварительно, по уѣздамъ, списки, имѣющихъ право избирать; разъяснить: распространяется-ли это на духовенство и въ какой степени.

3) Разъяснить—могутъ-ли лица женскаго пола передавать свое выборное право, по недвижимой собственности, родственникамъ и уполномоченнымъ.

4) При выборѣ судей всѣ сословія должны имѣть, по возможности, одинаковое число избирателей.

5) Предоставить выборъ мировыхъ судей дворянамъ, имѣющимъ значительное состояніе или таковые-же чины.

6) Мировыхъ судей назначать отъ правительства въ началѣ или впредь до развитія у насъ выборнаго начала.

7) Почетныхъ мировыхъ судей назначить отъ правительства, участковыхъ — по выборамъ.

8) Ограниченіе срока службы мирового судьи тремя годами неудобно.

9) Оставлять мировыхъ судей и болѣе трехъ лѣтъ, пока сами не будутъ просить увольненія или пока начальство не признаетъ нужнымъ избрать на ихъ мѣсто другихъ.

10) Опытные и благонадежные мировые судьи, по прослуженіи 3-хъ лѣтъ, не только могутъ, но и должны быть, въ случаѣ ихъ согласія, оставляемы и на слѣдующія трехлѣтія.

11) Выбирать на гораздо большіе сроки, чѣмъ на три года.

12) Разъяснить: могутъ-ли тѣ-же лица, по выслугѣ трехъ лѣтъ, быть избраны вновь въ мировые судьи.

13) Выбирать мировыхъ судей на безсрочное время, привлекая ихъ къ отвѣтственности передъ судомъ.

14) Дозволить выбирать въ мировые судьи, на безсрочное время, чиновниковъ, извѣстныхъ по своей честности и опытности.

По поводу этихъ заявленій въ редакціонной комисіи возникли разногласія между нашими юристами по вопросамъ: 1) о срокѣ, на который должны быть избираемы мировые судьи; 2) объ избирательныхъ собраніяхъ для выбора этихъ судей; 3) объ избраніи участковыхъ мировыхъ судей отдѣльно отъ почетныхъ.

1) *О срокѣ, на который должны быть избираемы мировые судьи.*

Меньшинство юристовъ аргументировало этотъ вопросъ почти тѣми-

же опровергнутыми мною данными, которыя приводитъ Бентамъ [1]) въ защиту своего мнѣнія противъ періодичности избранія. Вотъ текстъ этого мнѣнія замѣчательнаго по своей непослѣдовательности.

«Прилагая, говоритъ это мнѣніе, 13 статью основныхъ положеній къ избранію мировыхъ судей буквально, слѣдовало-бы перебалотировать ихъ каждое трехлѣтіе—на подобіе нынѣшнихъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, опредѣляемыхъ по выборамъ. Нѣкоторые находятъ такую перебалотировку необходимою: 1) потому что примѣненіе къ мировымъ судьямъ несмѣняемости и безсрочности несовмѣстно съ выборнымъ началомъ, которое принято для ихъ назначенія; 2) потому, что при выборномъ началѣ необходимо оставить и за обществомъ, и за правительствомъ право контроля надъ дѣйствіями назначенныхъ ими мировыхъ судей».

«Противъ этого нельзя не замѣтить, что если правительство можетъ назначать несмѣняемыхъ судей, то право это можетъ, *безъ всякаго опасенія* [2]), быть предоставлено обществу. Правительство не въ состояніи назначить нѣсколько тысячъ мировыхъ судей въ обширныхъ областяхъ своихъ съ равною осмотрительностью въ томъ, что всѣ назначенныя имъ лица будутъ люди способные и добросовѣстные. Вслѣдствіе этого необходимо обратиться съ требованіемъ такихъ людей къ мѣстнымъ жителямъ, т. е., къ тѣмъ именно лицамъ, которыя лучше знаютъ всѣхъ живущихъ въ своемъ околодкѣ и для которыхъ особенно важно и необходимо, чтобы вновь учреждаемые мировые судьи были люди способные и добросовѣстные. Въ этомъ случаѣ общество назначаетъ мировыхъ судей точно также, какъ и правительство назначаетъ общихъ судей, и предоставленіе тѣмъ и другимъ безсмѣнности не имѣетъ прямого отношенія къ самому способу назначенія ихъ [3])».

«Что касается до предположенія, что будто-бы перебалотировка мировыхъ судей каждые три года необходима съ тою цѣлью, чтобы общество со-

---

[1]) Въ числѣ меньшинства находился и переводчикъ Бентама. См. Объяснительную записку редак. ком. къ проэкту учр. судеб. мѣстъ. Стр, 15—19.

[2]) Теорія вовсе *не изъ опасенія*—предоставить слишкомъ большія права обществу, проэктируетъ періодичность избранія, а напротивъ *изъ высокаго уваженія* къ авторитету общества. Намъ кажется, что въ правѣ смѣнять судью больше власти, чѣмъ въ правѣ не смѣнять... слѣдовательно, здѣсь и рѣчи не можетъ быть объ опасеніи.

[3]) Съ этимъ мы вполнѣ согласны.

хранило право контроля надъ мировыми учрежденіями, то нынѣшніе наши выборы въ судебныя должности указываютъ, кажется, слишкомъ убѣдительно на весь вредъ такого порядка [1]). Люди, довольные дѣйствіями служащаго, рѣзко выступаютъ на его защиту [2]); *недовольные*, напротивъ того, подговариваютъ избирателей и составляютъ партіи, и затѣмъ хорошій человѣкъ, привыкшій къ дѣлу и къ мѣсту, благодаря двумъ, тремъ лишнимъ шарамъ, долженъ уступить мѣсто свое другому и остаться безъ службы. На участковаго мирового судью возложено множество разнообразныхъ и многотрудныхъ обязанностей; должно желать, чтобы лица, назначаемыя въ эту должность, какъ можно долѣе оставались на мѣстахъ своихъ и привыкали къ своему околодку и своимъ обязанностямъ. Люди съ большимъ состояніемъ, для которыхъ имѣть должность и пользоваться извѣстнымъ содержаніемъ или не имѣть ее, — не состовляетъ чувствительной разницы, едва-ли согласятся занять эту должность и жить въ своихъ участкахъ; они скорѣе примутъ званіе почетныхъ мировыхъ судей, въ которомъ они могутъ принести не менѣе пользы, не принимая на себя мелочной и кропотливой работы, соединенной съ большою отвѣтственностью. Въ участковые мировые судьи пойдутъ мѣстные землевладѣльцы съ небольшими средствами».

«Если мѣсто мирового судьи будетъ постоянное, прочное, то много дѣльныхъ и образованныхъ людей, съ среднимъ состояніемъ, найдутъ выгоднымъ искать этого мѣста. Если-же мѣсто мирового судьи будетъ шаткое, зависящее отъ случая, отъ партій, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ способные и образованные, но не вполнѣ обезпеченные въ своихъ средствахъ, люди употребятъ всѣ усилія, чтобы перейти въ общія судебныя мѣста или другое вѣдомство, и будутъ чуждаться должности мирового судьи, какъ мѣста шаткаго и переходнаго».

«Къ какимъ вреднымъ результатамъ приведетъ трехлѣтняя перебалотировка въ столицахъ, гдѣ участковые судьи, по огромному количеству дѣлъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, должны быть избраны изъ самыхъ образованныхъ юристовъ, и гдѣ большое содержаніе, назначенное за тяжкій трудъ, поведетъ къ многочисленнымъ искательствамъ и составленію партій каждое трехлѣтіе.»

---

[1]) Прежніе выборы, какъ выше объяснено мною, страдали вовсе не отъ періодичности ихъ, а отъ того что они были *безусловны* и сохраняли характеръ сословности.

[2]) Почему?... Едва-ли это было такъ?

«Государственный совѣтъ не имѣлъ въ виду установленія трехлѣтней перебалотировки мировыхъ судей, съ цѣлью общественнаго контроля надъ нимъ. Соединенные департ. полагали: что одинъ изъ самыхъ важныхъ, по отношенію къ нынѣшнему судоустройству, недостатковъ, состоялъ въ срочности службы по выборамъ и въ проистекающей отъ сего зависимости судей отъ избирателей, несовмѣстной съ достоинствомъ судей; что недостатокъ этотъ можетъ устраниться съ уничтоженіемъ срочности службы по выборамъ, съ тѣмъ, чтобы мировые судьи выбирались на безсрочное время и не смѣнялись, точно также какъ и всѣ прочіе члены судебныхъ мѣстъ (ж. соед. депар. 1862, № 65, ст. 398). Переизбраніе мировыхъ судей допущено, впослѣдствіи, скорѣе съ тою цѣлью, чтобы усилить надъ ними контроль со стороны правительства, которое при этой системѣ можетъ утвердить или не утвердить, каждые три года, въ должности тѣ лица, которыя по его мнѣнію не оправдываютъ своего назначенія [1]). Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта единогласно признано: «что предполагаемое установленіе мировыхъ судей есть учрежденіе новое, и потому было бы неудобно установить эту судебную должность, на первое время, по безсрочному выбору: что могло-бы имѣть вредныя послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ мировыхъ судей не оправдаетъ своего назначенія (жур. об. соб. госуд. совѣта 4 сент. 1862, стр. 2) [2]).

Основываясь на этомъ, меньшинство проэктировало:

1) Мировые судьи, какъ участковые, такъ и почетные, избираются всѣми сословіями.

2) Списокъ избранныхъ въ мировые судьи утверждается Государемъ Императоромъ на три года, по представленію 1-го департамента сената.

3) Въ концѣ каждаго трехлѣтія 1-й департаментъ сената повѣряетъ прежній списокъ мировыхъ судей и составляетъ новый списокъ изъ него на слѣдующее трехлѣтіе. Новый списокъ утверждается и публикуется тѣмъ-же порядкомъ.

4) Мировые судьи, внесенные въ новый списокъ, считаются утверж-

---

[1]) Это несправедливо, потому-что утвержденіе судей въ зависимости не отъ правительства, а отъ сената; а повѣрка списковъ губернаторами не имѣетъ важнаго политическаго значенія. По этому предмету я говорю подробнѣе ниже.

[2]) Послѣднія слова могутъ быть также отнесены и къ контролю общества.

денными въ своихъ должностяхъ на слѣдующее трехлѣтіе, а невнесенные въ оный — выбывшими.

5) На мѣста выбывшихъ мировыхъ судей производятся новые выборы, порядкомъ, указаннымъ въ приложеніи къ этой статьѣ.

6) Дополнительный списокъ вновь избранныхъ мировыхъ судей утверждается и публикуется на однихъ основаніяхъ съ общимъ.»

И такъ всѣ доводы о несмѣняемости судей, причемъ осуждается періодичность избранія, сведены къ общему итогу: *административному удаленію*... Бентамъ, по крайней мѣрѣ, откровенно высказываетъ свои убѣжденія въ пользу послѣдняго и прямо ставитъ себя противъ принципа безсмѣнности; *меньшинство-же* ставитъ себя обратно—прямо въ пользу безсмѣнности и потомъ, вмѣсто неоскорбительной перебалотировки, предлагаетъ административное отрѣшеніе, во имя какихъ-то видовъ правительства, которыхъ никогда не было.

Послѣднее мы заключаемъ изъ слѣдующихъ словъ меньшинства:

«При этихъ правилахъ (предлагаемыхъ меньшинствомъ) правительство можетъ постоянно слѣдить за ходомъ мировыхъ учрежденій. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они станутъ хорошо сразу, списки мировыхъ судей будутъ утверждаемы каждые три года безъ исключеній; мировые судьи сдѣлаются въ сущности безсмѣнными. Если-же выборъ мировыхъ судей въ какихъ-либо мѣстностяхъ не оправдаетъ своего назначенія или если до правительства дойдутъ свѣдѣнія и ясныя доказательства, что сословія ошиблись въ выборѣ своихъ судей, то оно имѣетъ полную возможность исключить такихъ судей изъ списка, а въ крайнихъ случаяхъ не издать и вовсе списка на слѣдующее трехлѣтіе, предоставивъ обществу произвести переизбраніе всѣхъ мировыхъ судей.»

«Общество можетъ при этомъ избрать и прежнихъ судей, исключенныхъ изъ списка, и дѣйствіе это вовсе не будетъ имѣть видъ протеста со стороны его. Правительство желало убѣдиться въ способности того или другого мирового судьи и въ степени довѣрія къ нему обывателей; между-тѣмъ жалобы и свѣдѣнія, дошедшія до него, были, можетъ быть, и невѣрны. Избирая вновь прежняго мирового судью, общество только заявляетъ избранному свое довѣріе; а затѣмъ въ крайнихъ случаяхъ (?) за правительствомъ остается еще утвержденіе или неутвержденіе его, на общемъ основаніи.»

Возьмите, чего тутъ нѣтъ: и смѣняемость — и несмѣняемость; а въ сущности выходитъ, что предлагается административное устраненіе отъ

должности и въ заключеніе, по усмотрѣнію администраціи, и періодичность выборовъ. Такимъ образомъ меньшинство само себѣ противорѣчитъ: доказывая вредность послѣдняго, оно подобно Бентаму должно было прійти къ принципу *несмѣняемости*; а къ этому принципу уже никакъ не приклеишь *административнаго устраненія* отъ должности... *Большинство* поэтому не согласилось съ проэтомъ меньшинства и возразило:

«Что оно не видитъ никакой возможности согласить выборное начало съ правомъ несмѣняемости избраннаго должностного лица. Коль скоро избраніе мировыхъ судей предоставлено обществу, то нѣтъ основанія лишать его права контроля за избраннымъ судьею, *обнаруживаемаго избраніемъ его вновь или неизбраніемъ* [1]). Весьма нерѣдко можетъ случиться, что общество ошибется въ своемъ выборѣ; что лицо избранное не оправдаетъ оказаннаго къ нему довѣрія, и трудно допустить, чтобы общество не имѣло никакого способа избавиться отъ судьи, къ которому оно потеряло всякое довѣріе и уваженіе.»

«Примѣръ неудовлетворительности нынѣшнихъ выборовъ нисколько не доказываетъ, что тоже будетъ и при избраніи мировыхъ судей: ибо едвали можно сравнивать настоящіе, *сословные* выборы, съ выборами отъ всѣхъ сословій въ совокупности, гдѣ всѣ жители извѣстной мѣстности одинаково заинтересованы въ хорошемъ избраніи; тѣмъ болѣе, что самыя нынѣшнія должности отъ выборовъ также не могутъ быть, въ отношеніи важности ихъ, сравниваемы съ значеніе ъ для всего общества должности будущихъ мировыхъ судей. При такомъ общемъ интересѣ, при неизбѣжной затѣмъ отвѣтственности самихъ избирателей предъ общественнымъ мнѣніемъ за нехорошій выборъ мировыхъ судей, нѣтъ достаточно повода опасаться интригъ и партій для устраненія хорошаго судьи и замѣны его дурнымъ. Если-же, какъ предполагается въ мнѣніи меньшинства, само правительство будетъ рѣшать — кто изъ однажды избранныхъ обществомъ мировыхъ судей долженъ оставаться безсмѣнно и кто подлежитъ замѣнѣ,—*то въ случаѣ, если на семъ основаніи будетъ устраненъ уважаемый обществомъ судья, или-же оставленъ такой, который пересталъ пользоваться общественнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, общество будетъ имѣть основательный поводъ къ неудовольствіямъ и нареканіямъ, слагая всю вину на правительство.*»

---

[1]) Большинство такимъ образомъ отвергло *административное устраненіе* и приняло принципъ *періодичности избраній.*

Послѣднія слова въ особенности многозначительны и могутъ быть примѣнимы ко многимъ сторонамъ общественной жизни.

Неумѣстно здѣсь распространяться по этому предмету, а я нахожу только необходимымъ присовокупить, что государственный совѣтъ, находя [1]):

«Что краткость трехлѣтняго срока можетъ иногда на практикѣ быть поводомъ къ различнымъ неудобствамъ, и между-прочимъ, на семъ основаніи могутъ, по случающимся нерѣдко при выборахъ дѣйствіямъ партій, быть устраняемы люди, вполнѣ достойные и уже пріобрѣвшіе опытность въ трудныхъ занятіяхъ мировыхъ судей, а посему соединенные департаменты положили: оставивъ въ проэктѣ вышеозначенное правило (о трехлѣтнемъ срокѣ), какъ согласное съ основными положеніями, предоставить Министру Юстиціи сообразить—не слѣдуетъ-ли увеличить срокъ, на который должны быть избираемы мировые судьи, и, до истеченія перваго трехлѣтія, послѣ первоначальнаго избранія мировыхъ судей, внести свои, по сему предмету, соображенія въ государственный совѣтъ, установленнымъ порядкомъ.»

Изъ этого документа видно, что вопросъ о срочности выборовъ остается, не смотря на то, что онъ установленъ уставомъ 20 ноября 1864 г., еще полурѣшеннымъ, и будетъ еще предметомъ законодательныхъ соображеній и, какъ онъ рѣшится, покажетъ время...

Между-тѣмъ земство, на первыхъ выборахъ, должно это имѣть въ виду и быть чрезвычайно осторожнымъ, такъ какъ, при законодательномъ рѣшеніи вопроса въ пользу *безсмѣнности*, за нимъ останутся такіе судьи, которымъ оно и не радо будетъ. Впрочемъ нужно полагать, что если принципъ *безсмѣнности* восторжествуетъ и въ мировомъ судѣ, то установятся и новые выборы, дабы общество могло перебалотировать прежнихъ судей, на основаніи новыхъ началъ. Необходимость этого вытекаетъ ужь изъ того, что обыкновенно, при срочности выборовъ, они производятся менѣе внимательно, чѣмъ безсрочные; разница большая—когда мы можемъ отдѣлаться чрезъ три года отъ судьи, или если мы его выбираемъ на всю жизнь!..

2.) Объ избирательныхъ собраніяхъ для выбора мировыхъ судей.

Мнѣнія нашихъ юристовъ поэтому предмету раздѣлились на двое [2]).

---

[1]) См. жур. госуд. совѣта 17, 20, 21, 24 іюля 1864 г., № 48.

[2]) См. объяснительную записку редак. ком. къ проэкту учреж. судеб. мѣстъ. стр. 283-291.

Одни, основываясь на томъ: 1) что въ земскія собранія не призываются всѣ сословія, а только собственники и капиталисты, и что между тѣмъ въ выборѣ мировыхъ судей заинтересованы и другіе люди, неимѣющіе ни поземельной, ни городской собственности; 2), что, по ограниченному составу земскихъ уѣздныхъ собраній, выборъ мировыхъ судей и участь всего народонаселенія въ дѣлѣ правосудія будетъ отдана въ руки весьма небольшого числа лицъ, изъ которыхъ большинство пожелаетъ само занять эти должности, а потому они сдѣлаются ихъ монополіею; 3), что земскія собранія, по важности своихъ обязанностей и по краткости срока, въ который они будутъ созываемы, не могутъ посвятить много времени на эти выборы,—а потому меньшинство предлагало: выборы производить *особо по участкамъ*. Приэтомъ оно проэктировало самый порядокъ выборовъ, впрочемъ также съ характеромъ денежнаго аристократизма, такъ какъ сельскія общества и обыватели могутъ участвовать въ подачѣ голосовъ только посредствомъ выборныхъ; собственники же и промышленники моглибы подавать голосъ лично, владѣя имуществомъ, приносящимъ болѣе 500 руб. доходу... Изъ этого мы видимъ, что бѣдняки, промышленники и въ этомъ проэктѣ исключены. Независимо отъ этого, хотя неудобства, находимыя меньшинствомъ въ земскихъ собраніяхъ отчасти основательны; но результаты выборовъ въ этихъ собраніяхъ оказываются, не смотря на свою денежную аристократичность, довольно удовлетворительными: въ этихъ собраніяхъ, по большей части, одна половина голосовъ на сторонѣ замлевладѣльцевъ; другая — на сторонѣ горожанъ и сельскихъ обывателей. Такимъ образомъ вторые, соединившись въ одно могутъ всегда держать выборы въ равновѣсіи, и ежели первые положатъ хотя одинъ шаръ на сторону вторыхъ, то перевѣсъ всегда можетъ быть на сторонѣ горожанъ и сельскихъ обывателей. Къ тому же ни одно изъ собраній не представляетъ такого случая, по которому требуемое закономъ число—12 гласныхъ, было бы менѣе этого числа; поэтому выборы къ земскихъ собраніяхъ могутъ производиться совершенно согласно съ интересами общества и едва-ли гласные сдѣлаютъ эти должности своею монополіею... [1]) Гласные сами выборные, представители народа, и если бы въ какомъ-нибудь собраніи дѣйствительно гласные присвоили себѣ должности мировыхъ судей, то все же они вправѣ были бы

[1]) Въ началѣ 1867 года Государственный Совѣтъ положительно разрѣшилъ гласнымъ быть и мировыми судьями.

сказать, что это они сдѣлали съ вѣдома общества. Послѣднее, избирая ихъ въ гласные, этимъ самымъ и передало имъ въ руки право свое назначать судей; а передавъ имъ это право, общество признаетъ дѣйствительнымъ и законнымъ уже всякое назначеніе, не различая кто назначенъ: другое-ли лицо или то же самое, кому это право передано. Согласитесь, если вы предоставляете моему рѣшенію и усмотрѣнію раздѣлить, положимъ, деньги между тѣми, кого я найду достойнымъ, съ правомъ—не исключать и себя; и если я при такихъ условіяхъ нахожу, что достойнѣе меня нѣтъ и что поэтому я могу оставить у себя деньги, то какое право имѣете вы, послѣ этого, сказать: что я присвоилъ себѣ монополію, что я злоупотребляю правомъ. Не будетъ бѣды, если гласные присвоятъ себѣ, исключительно, право занимать должности мировыхъ судей: потому что когда ихъ выборы примутъ такой характеръ, тогда общество на слѣдующихъ выборахъ можетъ это имѣть въ виду и избрать болѣе благонадежныхъ гласныхъ. Но здѣсь возникаетъ вовсе другой вопросъ: почему бы и несобственникамъ не дать права участвовать въ земскихъ собраніяхъ посредствомъ ихъ представителей... Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно выборы мировыхъ судей могли бы назваться всеобщими... Но такъ или иначе, а большинство нашихъ юристовъ не могло согласиться на предложеніе меньшинства о производствѣ выборовъ *по участкамъ*, такъ какъ тѣ неудобства, о которыхъ меньшинство говоритъ, скорѣе вызываетъ учрежденіе особаго выборнаго собранія. Но на послѣднее большинство юристовъ не соглашалось только потому: что земскія собранія уже организованы, поэтому нѣтъ и надобности въ особыхъ, спеціальныхъ, собраніяхъ, предназначенныхъ собственно для избранія судей.

Но этотъ доводъ неоснователенъ, такъ какъ выборы судей не должны будутъ быть продолжительны и, пожалуй, можно бы было, для того чтобы не составлять списковъ избирателей, оставить гласныхъ земскаго собранія, какъ представителей интересовъ собственниковъ всѣхъ сословій, и присовокупить къ нимъ, собственно выборы мировыхъ судей, изъ несобственниковъ, также всѣхъ сословій. Такимъ образомъ земское собраніе совмѣщало бы въ себѣ всѣ элементы обществъ, и всѣ стороны были бы удовлетворены. Спеціальное же избраніе судей по участкамъ потому ужь неудобно: [1]) что кругъ избранія чрезвычайно въ этомъ случаѣ ограниченъ; а потому онъ не можетъ не сдѣлаться несословнымъ; 2) по-

---

[1]) Г. Желтухинъ.

слѣдній же характеръ выборы непримутъ, когда они производятся населеніемъ цѣлаго уѣзда.

Поэтому необходимо должно привести выборы къ уѣздному, центральному, выборному мѣсту; это же мѣсто, какъ выше сказано мною, по мнѣнію большинства, и есть земскія собранія.

3) объ избраніи участковыхъ мировыхъ судей отдѣльно отъ почетныхъ.

Въ числѣ предположеній о порядкѣ избранія мировыхъ судей былъ обсуждаемъ редакціонною комиссіею вопросъ: слѣдуетъ-ли участковыхъ мировыхъ судей избирать отдѣльно отъ почетныхъ, или же, произведя выборы всѣхъ ихъ безразлично, довѣрить имъ потомъ—согласиться между собою, кому изъ нихъ быть участковымъ и кому почетнымъ мировымъ судьею.

Поэтому вопросу произошло разногласіе:

Одинъ членъ [1]), находилъ, что мировые судьи, какъ почетные, такъ и участковые, кромѣ права на вознагражденіе, всѣми остальными правами пользуются въ совершенно одинаковой степени и различествуютъ только въ обязанностяхъ; что и это различіе прекращается, какъ скоро почетный судья вступаетъ въ исправленіе должности участковаго; что равенство въ правахъ выразилось и въ одинаковости условій, опредѣленныхъ для избранія тѣхъ и другихъ судей,—а поэтому онъ неусматриваетъ правильнаго основанія узаконять отдѣльный выборъ сперва участковыхъ, а потомъ почетныхъ мировыхъ судей; а потому онъ и полагалъ, чтобы выборъ мировыхъ судей былъ *въ совокупности.*

Большинство-же голосовъ въ комиссіи рѣшило, что, по принятымъ комиссіею, постановленіямъ проэкта учрежденій судебныхъ мѣстъ допускается значительное различіе въ условіяхъ для участковаго и почетнаго мировыхъ судей: по статьѣ 20 проэкта должность перваго изъ нихъ можетъ быть соединена съ другою должностью по государственной или общественной службѣ, *за весьма немногими исключеніями.* Очевидно, что при такомъ различіи условій, требуемыхъ для избранія участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, и при заранѣе опредѣленномъ числѣ тѣхъ и другихъ, невозможно и приступить къ избранію кого-либо въ ту или другую должность, не зная въ какую именно должность кто избирается. Не должно также терять изъ виду то обстоятельство, что многія лица, которыя были-бы готовы принять званіе почетнаго мирового судьи, могутъ отъ этого отказаться единственно изъ опасенія, чтобы, по какимъ-либо причинамъ,

не палъ жребій быть участковыми мировыми судьями; что могло-бы быть совершенно противно ихъ положенію въ обществѣ или же семейнымъ и хозяйственнымъ видамъ, а это могло-бы парализировать столь много обѣщающее установленіе почетныхъ судей. Поэтому большинство рѣшило, чтобы выборы участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей были *особо*. Соглашаясь съ мнѣніемъ послѣднихъ, я не вхожу въ болѣе подробное разсмотрѣніе мотивовъ меньшинства и большинства, такъ какъ самый вопросъ не есть вопросъ первой важности въ дѣлѣ мирового суда.

Затѣмъ, по остальнымъ предметамъ, относящимся къ выборамъ судей комиссія проэктировала:

1) Согласно съ нынѣ дѣйствующими по этому предмету узаконеніями (св. зак. т. III, уст. о служ. выбор. ст. 108, 222) постановить, что избранными въ должность считаются *старшіе* по голосамъ, если они притомъ получили избирательныхъ голосовъ *болѣе*, нежели неизбирательныхъ, не *предрѣшая* при этомъ самаго способа баллотированья—шарами, записками или голосами, смотря потому, что будетъ найдено болѣе удобнымъ самимъ собраніемъ. Если-же при этомъ окажется недостатокъ лицъ, получившихъ требуемое число голосовъ, то вторичные выборы производятся въ губернскомъ земскомъ собраніи.

2) По тѣмъ-же соображеніямъ и примѣняясь къ нынѣшнимъ узаконеніямъ (св. зак. т. III, устав. о служ. выб. ст. 175), комиссія признала необходимымъ постановить: что собраніе можетъ приговоромъ, составленнымъ, не иначе какъ по большинству двухъ третей голосовъ, предоставить званіе мирового судьи и такимъ лицамъ, которыя, хотя и не совмѣщаютъ въ себѣ качествъ, требуемыхъ 16 статьею проэкта учрежденій судебныхъ мѣстъ, но пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью, чтобы тѣмъ дать обществу возможность выбрать себѣ судей въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, независимо отъ какихъ-либо имущественныхъ требованій.

3) Въ крайнихъ случаяхъ, при *совершенномъ недостаткѣ* лицъ, которыя могли-бы быть избраны въ мировые судьи и получили требуемое число голосовъ, какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ собраніяхъ,—мѣста судей, оставшіяся незанятыми, замѣщаются *министромъ юстиціи*, по представленію старшаго предсѣдателя судебной палаты, и съ утвержденія 1-го департамента сената.

4) По окончаніи выборовъ, наличные мировые судьи тотчасъ-же избираютъ себѣ предсѣдателя мирового съѣзда на слѣдующіе три года; а по-

четные назначаютъ между собою очередь для исправленія должности участковыхъ мировыхъ судей въ случаѣ ихъ отсутствія, устраненія, болѣзни или смерти, такъ что вслѣдъ за выборами можетъ быть открытъ новый мировой съѣздъ, для распредѣленія судей и мѣстъ собранія съѣздовъ ихъ на слѣдующее трехлѣтіе.

5) Списки избранныхъ въ мировые судьи представляются предсѣдателемъ земскаго собранія на утвержденіе въ 1-й департаментъ сената и сообщаются, для свѣдѣнія, старшему предсѣдателю судебной палаты; но какъ утвержденіе это соединено съ значительною медленностью, и затѣмъ мѣста почему-либо выбывшихъ участковыхъ мировыхъ судей оставались-бы долгое время незанятыми, въ явное обремененіе временно завѣдывающихъ оными почетныхъ мировыхъ судей и къ большому неудобству обывателей,—то комиссія находила полезнымъ, примѣняясь къ распоряженію, сдѣланному по этому предмету относительно мировыхъ посредниковъ, допускать, въ такихъ случаяхъ вновь избранныхъ мировыхъ судей къ исправленію должности, впредь до утвержденія ихъ сенатомъ.

6) Въ заключеніе комиссія, имѣя въ виду, что окончательное утвержденіе участковыхъ мировыхъ судей въ опредѣленномъ числѣ и почетныхъ—по мѣрѣ, усмотрѣнной въ томъ надобности, зависитъ отъ 1-го департамента сената, полагало постановить: что всѣ недоразумѣнія по этимъ предметамъ, равно и всѣ жалобы на собраніе, производившее выборы, должны быть заявляемы въ двухъ-недѣльный срокъ, со дня окончанія выборовъ, земской управѣ, которая представляетъ ихъ, вмѣстѣ съ объясненіями предсѣдательствующаго въ земскомъ собраніи во время выборовъ, на окончательное разрѣшеніе 1-го департ. сената. Государственный совѣтъ [1]), разсматривая проэктъ комиссіи. находилъ, что по ея предположенію (18 ст.) мировые судьи утверждаются въ этой должности 1 департ. правит. сената, участковые — по числу мировыхъ участковъ, а почетные — по мѣрѣ надобности, заявленной уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Имѣя въ виду главную цѣль установленія почетныхъ мировыхъ судей: по возможности усилить дѣятельность мирового института лучшими людьми, желающими посвятить обществу свои услуги безвозмездно, дабы съ одной стороны, привлечь къ этому дѣлу людей, которые, по своимъ домашнимъ

---

[1]) См. Журналы Государственнаго Совѣта 17, 20, 24, 27 іюня 1864 г. № 42, стр. 6—7.

или служебнымъ отношеніямъ, не могутъ принять на себя постоянныхъ обязанностей участковаго мирового судьи, и что посему весьма желательно, чтобы число такихъ *почетныхъ* дѣятелей было сколь можно большее, — соединенные департаменты полагали: «*не упоминать вовсе въ проэктѣ о какомъ-либо ограниченіи числа почетныхъ мировыхъ судей*». Въ связи-же съ мыслію о необходимости стараться по возможности облегчить земство въ содержаніи мировыхъ судебныхъ установленій, соединенные департаменты разсуждали о способахъ къ поощренію зажиточныхъ людей принимать на себя безвозмездно обязанности участковыхъ мировыхъ судей. Въ видѣ указанія на одинъ изъ этихъ способовъ, соединенные департаменты полагали включить въ проэктъ правило: что участковому мировому судьѣ, отказавшемуся отъ слѣдующаго ему по этой должности содержанія, на все время безвозмезднаго управленія участкомъ присвоивается названіе почетнаго *участковаго мирового судьи*.

Изъ этого открывается, что подробному разбору не подверглось заявленіе нѣкоторыхъ юристовъ, что повѣрка губернаторами списковъ мировыхъ судей есть нарушеніе принципа—о невмѣшательствѣ власти исполнительной въ кругъ дѣятельности власти судебной. По важности предмета, разсмотримъ всѣ мотивы, послужившіе къ заявленію этого мнѣнія. Текстъ этихъ заявленій слѣдующій:

1) «Не приличнѣе-ли будетъ возложить повѣрку списковъ на судебныя палаты, дабы совершенно отстранить всякое вліяніе административныхъ властей на судебную часть и чтобы чрезъ то палаты ознакомить съ качествами мировыхъ судей» [1]).

Такая передача провѣрки списковъ ни къ чему не повела бы: а) палаты, обнимая нѣсколько губерній, хотя-бы и читали эти списки, но никакъ не могли-бы познакомиться съ качествами судей; б) самое знакомство съ послѣдними было-бы болѣе дѣломъ любопытства, чѣмъ законной потребности; в) что-же касается до мысли о невмѣшательствѣ въ судоустройство администраціи, то это другое дѣло; но объ этомъ поговоримъ ниже.

2) «Списки кандидатамъ на должность мировыхъ судей повѣряются губернаторами. [2]) Для чего эта повѣрка! развѣ губернаторъ можетъ знать

[1]) Т. I. замѣчаній, стр. 54. Мнѣніе товарища предсѣдателя владимірской палаты угол. суда Пущина.

[2]) Т. I. замѣчаній, стр: 165, мнѣніе товарища предсѣдателя спибир. палаты уголов. суда, Васильева.

всѣхъ и каждаго. Эта формальность послужитъ только къ проволочкѣ времени, излишней перепискѣ и вѣрнѣе всего будетъ поводомъ къ интригамъ, которые у насъ предъ всякими выборами непремѣнно имѣли бы мѣсто. [1]) Если уже предположено совершенно отдѣлить власть судебную отъ административной, — что принесетъ большую пользу и обществу и службѣ, — то къ чему же при выборахъ мировыхъ судей вмѣшивать губернатора?.. Если повѣрка списковъ признается неоходимою, *въ чемъ, покрайней мѣрѣ я, не вижу никакой надобности*, то не лучшели, поручить повѣрку списковъ *кандидатамъ* мировыхъ судей или окружнымъ *прокурорамъ*, которые (разумѣется въ послѣдствіи) ближе и коротче могутъ знать лицъ, предназначаемыхъ въ мировые судьи, по ихъ внутреннимъ и внѣшнимъ «качествамъ».

Въ мнѣніи этомъ можно только въ одномъ согласиться: что если не соединять съ мыслію о повѣркѣ списковъ губернаторами мысли политической, — то дѣйствительно эти повѣрки теряютъ свой смыслъ — не только въ отношеніи губернатора, но и въ отношеніи кого бы то нибыло. При мысли же политической, предложеніе г. Васильева о передачѣ этой повѣрки кандидатамъ мировыхъ судей или прокурорамъ, теряетъ свое значеніе: такъ какъ оба эти лица не могутъ быть посвящены въ политику администраціи.

3) «По ст: 1, судоустройство [2]) власть судебная отдѣляется отъ административной. Чтобы отдѣленіе одной власти отъ другой было дѣйствительное, а невоображаемое, слѣдуетъ, по моему крайнему разумѣнію, всякое, даже *косвенное*, вліяніе административной власти, какъ напримѣръ: предоставленіе, по 15 и 33 ст. того же судоустройства, губернатору права провѣрять списки лицъ каждаго округа, имѣющихъ законныя качества на должности: 1) мирового судьи; 2) присяжнаго, — и слѣдовательно допускать или недопускать отъ представляемыхъ лицъ 1-хъ къ балотировкѣ и 2-хъ къ званію присяжнаго—устранить и возложить эту обязанность на предсѣдателя окружнаго суда, обще съ прокуроромъ, которые, какъ по меньшему курсу дѣятельности, [3]) ближайшимъ отношеніямъ къ лицамъ, живущимъ въ ихъ округѣ, [4]) такъ и почистотѣ свѣдѣній, доходящихъ къ

---

[1]) Мы непаходимъ ничего общаго между этими интригами и чисто *юридическою* провѣркою списковъ.

[2]) См. т. I. Замѣчанія стр: 367, мнѣніе симбирскаго угол. дѣлъ стряпчаго Грина.

[3]) Едвали!

[4]) Отношенія эти также очень далеки: еще о мировыхъ судьяхъ можно

нимъ объ этихъ лицахъ, вѣрнѣе могутъ исполнить правила 15 и 33 ст: т: е:, повѣрить списки съ дѣйствительностью, а не по тѣмъ фактамъ, *которые губернатору доставитъ исправникъ, получившій ихъ отъ станового*, который въ свою *очередь, въ силу оффиціальности*, получилъ *ихъ отъ сельскаго старосты или сотскаго*. Легко *представить насколько исказится дѣйствительный фактъ, пройдя этотъ рядъ оффиціальныхъ личностей, и слѣдовательно, что за факты, по которымъ губернаторъ будетъ провѣрять представленные ему списки*».

Съ послѣдними словамн нельзя не согласиться: если губернаторъ будетъ почерпать свѣдѣнія о мировыхъ судьяхъ этимъ путемъ, то дѣйствительно его показанія будутъ имѣть самый оригинальный видъ; но нужно надѣяться, что губернаторы изобрѣтутъ какой нибудь болѣе разумный порядокъ, для дознанія законности составленнаго списка.

4) «Списокъ лицъ, [1]) могущихъ быть мировыми судьями, повѣряется губернаторами; при полномъ отдѣленіи власти судебной отъ исполнительной, удобнѣе было бы эту повѣрку возложить на предсѣдателя и прокурора судебной полаты».

Немыслимо исполненіе этого, потому что такая совмѣстность провѣрки представляетъ много неудобствъ при раздѣленіи голосовъ; и въ отношенія этого мнѣнія я могу только повторить то, что сказано мною въ отношеніи 1-го мнѣнія.

5) «Въ повѣркѣ списка губернаторомъ не усматривается надобности. [2]) Избраніе основано на выборномъ правѣ и утвержденіе зависитъ отъ правительствующаго сената. Чтобы утвердить выборное лицо, необходимо видѣть о службѣ его документы, а они-то и покажутъ, что представляемый имѣетъ-ли законныя качества и способность быть мировымъ судьею».

Мнѣніе это весьма логично: прежде утвержденія мировыхъ судей правительствующій сенатъ обревизуетъ документы, на основаніи которыхъ производились выборы; поэтому ненужно бы было никакихъ другихъ провѣрокъ списковъ, если бы съ этою провѣркою не соединялась совершенно иная мысль...

слышать, что творится въ одномъ уѣздѣ, но не въ 3 или 4-хъ уѣздахъ, которые въ совокупности составятъ только одинъ округъ.

[1]) Мнѣніе Воронежскаго губернскаго угол. д. стряпчаго Малашева. Т. I. замѣч. стр. 519.

[2]) Мнѣніе предсѣдателя Витеб. Угол. Палаты Садовничаго. Т. I. Замѣч. стр. 565.

6) Елабужскій (Вятской губерніи) уѣздный судья, Горболевъ, [1]) находитъ, что повѣрка губернаторами списковъ мировыхъ судей: во 1-хъ, противорѣчитъ 1-ой статьѣ основныхъ положеній; во 2-хъ, такъ какъ губернаторъ имѣетъ много занятій, то его повѣрка будетъ или *безцѣльна* или *мицепріятна*, а потому онъ предлагаетъ—повѣрку списковъ предоставить особымъ коммисіямъ.

7) Предсѣдатель Бессарабскаго коммерческаго суда, г. Гризовъ, [2]) находитъ также это противорѣчіе, а потому предлагаетъ составленіе списковъ мировымъ судьямъ—передать предводителямъ дворянства, городскимъ и волостнымъ головамъ (не *старшинамъ-ли?*), бургомистрамъ; а повѣрку этихъ списковъ предоставить особой комиссіи избирателей.

8) Сорокскій (Бессараб. обл.) прокуроръ, Голашевскій, [3]) на томъ же основаніи, какъ и предшествовавшія мнѣнія, составленіе списковъ предлагаетъ передать коммисіи, учрежденной отъ всѣхъ сословій, подъ наблюденіемъ члена окружного суда; повѣрка списка должна быть предоставлена или прокурору или предсѣдателю окружного суда.

10) «Для чего [4]) списокъ кандидатовъ на должность мировыхъ судей повѣряется губернаторомъ; многіе-ли извѣстны начальнику губерніи съ хорошей стороны? Однихъ онъ видѣлъ, бывши въ клубѣ, или въ общественномъ собраніи, гдѣ нельзя точно опредѣлить внутреннихъ достоинствъ человѣка; объ остальныхъ слышалъ; но слухи часто бываютъ невѣрны, по причинамъ неисчислимымъ. Общество—лучшій цѣнитель сочленовъ своихъ; дайте ему *полное* довѣріе: мнѣніе общества тогда только можетъ выражаться правильно и честно, когда нестѣснено *вліяніями*; такія вліянія постоянно вредили достоинству дворянскихъ выборовъ и большинство лицъ, обвиняющихъ это сословіе, не принимало труда вникнуть въ настоящую причину зла».

11) «Повѣрка списковъ, на дѣлѣ, доступнѣе прокурорамъ, нежели губернаторамъ [5])».

---

[1]) Т. II. Замѣчаній, стр: 420.
[2]) Т. IV стр. 151.
[3]) Т. IV. стр. 161.
[4]) Т. IV. Замѣчаній стр. 209. Воронежскаго уѣзднаго судьи Мишина.
[5]) Т. IV. стр. 299. мнѣніе предсѣдателя граж. и угол. палаты въ Баку, Значко-Яворскаго. Причины и основанія необъяснены.

12) «Въ 1-мъ параграфѣ основного положенія [1]) объяснено, что власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. Этотъ выводъ полученъ прямо изъ практики, по неудобству столкновенія властей: что у насъ повторялось въ различныхъ видахъ. Придя къ такому заключенію, нельзя допустить, чтобы губернаторы могли по произволу кассировать списки мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей. Списки эти должны быть приготовлены судебными мѣстами, съ непосредственною отвѣтственностью за правильное ихъ составленіе; ибо ограниченіе правъ къ занятію должности, или къ участію въ общественной дѣятельности не можетъ иначе послѣдовать, какъ по суду.—Разбирая съ должнымъ безпристрастіемъ силу и предѣлы отдѣльныхъ властей, направленныхъ къ общему благоустройству, и обращаясь къ власти судебной въ соотношеніи съ административною, естественно приходимъ къ тому заключенію, что первая, то-есть власть судебная, должна стоять независимо, выше послѣдней [2]). Наоборотъ, зависимость администраціи отъ суда настолько естественна, насколько всякое исполненіе зависитъ отъ приказаній. Судебная власть на самомъ дѣлѣ есть блюстительница и хранитель всего полнаго смысла законодательнаго, осуществляя и воплощая общую пользу и благо, по мѣрѣ опредѣленныхъ законами способовъ. Слѣдовательно, власти исполнительная и распорядительная, по естественному ходу вещей, споспѣшествуя совершенію суда и содѣйствуя къ достиженію благоустройства, какъ простое орудіе, составляютъ зависимыя отъ суда учрежденія. *У насъ до селѣ, наперекоръ справедливому соображенію, не было основательнаго разграниченія и потому часто администраторы стояли выше суда, личнымъ произволомъ и вліятельно дѣйствовали на судебныя мѣста*».

13) Кутаискій губернскій прокуроръ, не объясняя причинъ, предлагаетъ устранить просмотръ списковъ губернаторами [3]).

Эти 13 мнѣній тѣмъ замѣчательны, что изъ нихъ одно только принадлежитъ частному лицу, одно—предводителю дворянства, а остальныя—ли-

---

[1]) Ibid. стр. 264—265. Мнѣніе помѣщика Чер. губ. Калиновскаго.

[2]) Взглядъ этотъ ошибоченъ: власть законодательная, исполнительная, административная и судебная, по своей автономіи, равноправны; но администраторы подлежатъ суду. Выше же понятія объ административной власти и объ администраторахъ смѣшаны.

[3]) Т. V. стр. 317.

цамъ судебнаго вѣдомства и министерства юстиціи. Какъ голоса, исходившіе изъ такихъ противуположныхъ концовъ Россіи, какъ Баку и Кутаисъ, Кишиневъ и Сороки, Черниговъ, Воронежъ, Владиміръ, Симбирскъ, Елабуга (Вят. губ.) и т. д., они доказываютъ, съ одной стороны, что это не голосъ партіи, а общественнаго мнѣнія; съ другой стороны, что общество, принявъ принципъ несмѣшенія властей судебной съ сопредѣльною ему административною, на всякое соприкосновеніе послѣдней къ первой стало глядѣть ревниво, съ боязнію, чтобы державный голосъ первой не ослабѣлъ... Вотъ почему въ этомъ случаѣ важна въ этихъ мнѣніяхъ одна идея отрицанія провѣрки списковъ мировыхъ судей губернаторами; самыя же мѣры, предлагаемыя этими голосами для провѣрки этихъ списковъ, всѣ, болѣе или менѣе, неудовлетворительны, потому что для теоріи все равно кто будетъ ихъ провѣрять, сами-ли избиратели—въ различныхъ формахъ (единоличныхъ или колективныхъ) или судебная власть, въ лицѣ предсѣдателя и членовъ ея различныхъ инстанцій. Но одного не оправдываетъ теорія—это вмѣшательства въ дѣло выборовъ администраціи или власти обвинительной (прокуратуры). Второго тѣмъ болѣе нельзя допускать что значеніе прокуратуры, если она только существуетъ въ государствѣ, можетъ быть лишь какъ власти обвинительной или какъ адвокатура казны и правительства, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы она существовала, какъ это прежде было, — какъ контрольная власть общественнаго самоуправленія. Перваго нельзя допускать потому, что историческое развитіе этого вопроса, съ провѣркою избирательныхъ списковъ администраціею — соединяетъ идею ея вторженія и вмѣшательства въ политическія убѣжденія общества. Поэтому политическая и юридическая наука и возстаетъ противъ этого начала, въ особенности же противъ безусловнаго права—администраторами исключать *безотчетно* изъ списковъ избранныхъ лицъ. Не знаемъ, какая мысль руководила законодательнымъ нашимъ сословіемъ при установленіи правила, вызвавшаго приведенныя мною 13 заявленій; но дальнѣйшее развитіе этого вопроса законодательнымъ порядкомъ уничтожило политическое его значеніе. Если бы губернаторамъ была предоставлена власть и право: 1) или безусловнаго исключенія изъ списковъ мировыхъ судей; 2) или-же объявленія своего veto, вслѣдствіе политическихъ причинъ, по случаю дурнаго мнѣнія его объ избираемомъ (что полагали и всѣ приведенныя мнѣнія), то дѣйствительно, можно было бы сказать, что правило это имѣетъ политическій характеръ и что администрація вторгается не только въ права

общества, но и въ автономію судебной власти. Но составленіе списковъ, новымъ закономъ [1]), предоставлено, по каждому мировому округу, уѣзднымъ предводителямъ дворянства, по соглашенію съ городскимъ головою и мѣстными мировыми судьями. Составленный списокъ сообщается губернатору и публикуется. О лицахъ, внесенныхъ въ списокъ не согласно съ *условіями, постановленными для того, чтобы быть избранными въ мировые судьи*,—губернаторъ сообщаетъ свои замѣчанія уѣздному земскому собранію. Собраніе это не стѣсняется этими замѣчаніями и можетъ избрать и того, который не угоденъ губернатору; но въ этомъ случаѣ собраніе обязано только объ основаніяхъ своихъ представить правительствующему сенату [2]).

Такимъ образомъ veto губернатора не есть еще безусловное да и контроль его не есть контроль ни политическій, ни нравственный; а онъ обязанъ въ этомъ случаѣ строго руководствоваться тѣми правилами, которыя указаны закономъ въ отношеніи условій, необходимыхъ избираемому. При такомъ характерѣ самое veto не безусловно: земскія собранія могутъ и принять и не принять замѣчаній или протеста губернатора. Правда, въ послѣднемъ случаѣ дѣло восходитъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената; но при независимости послѣдняго [3]) должны исчезнуть всякія опасенія о томъ, что онъ будетъ выходить изъ строгихъ правилъ законности. При такихъ условіяхъ, естественно, просмотръ списковъ губернаторомъ есть контроль самый безобидный; контроль его есть простое заявленіе своего мнѣнія, которое можетъ быть принято и непринято; поэтому справедливо выразилось одно, изъ приведенныхъ мною, мнѣній, что эта формальность совершенно излишняя, такъ какъ правительствующій сенатъ, провѣряя выборы, можетъ и по документамъ знать: правильно ли они произведены или неправильно.

Самый же порядокъ составленія списковъ, порядокъ выбора и другія его условія опредѣлены закономъ 20 ноября 1864 года, въ слѣдующемъ его текстѣ:

1) Мировые судьи, какъ почетные, такъ и участковые, избираются на *три года*. (ст. 23) [4]).

---

[1]) См. полож. 20 нояб. 1864 г. ст. 26, 29, 30. Учр. суд. мѣстъ.

[2]) Ст. 37, того же положенія.

[3]) Было бы несправедливо 1-му департаменту сената не предоставить тѣхъ же правъ, какія предоставлены кассаціонному суду.

[4]) Выше я ужъ говорилъ, что срокъ этотъ еще не узаконенъ *окончательно*.

2) Выборы мировыхъ судей производятся на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (ст. 24). Статья эта разъяснена, рѣшеніемъ общ. собранія 1-го и кассац. депар. пр. сен., въ сборникѣ уголовныхъ рѣшеній 1867 г. № 382, слѣдующимъ образомъ: «относительно порядка выборовъ слѣдуетъ различать выборы мировыхъ судей, производимые на основаніи 24 — 34 ст. учр. суд. уст., въ земскихъ собраніяхъ, отъ избранія мировыми судьями изъ среды себя, согласно 17, 35 п. 2, 53, 55 и 57 ст. того же учр., постояннаго или временнаго предсѣдателя и непремѣннаго члена мирового съѣзда; первые должны производиться порядкомъ, установленнымъ для выборовъ въ земскихъ собраніяхъ, съ соблюденіемъ особенныхъ правилъ, указанныхъ въ учреж. судеб. уст., а въ томъ числѣ и правила, что избранными въ должность мирового судьи считаются тѣ только, которые получили болѣе избирательныхъ, нежели неизбирательныхъ голосовъ (ст. 33); порядокъ же избранія мировыми судьями изъ среды себя предсѣдателя и непремѣннаго члена вовсе неопредѣленъ закономъ; но какъ въ этомъ случаѣ избраніе должно быть произведено непремѣнно изъ избирателей, то понятно, что избраннымъ слѣдуетъ считать не того, кто получилъ болѣе избирательныхъ, нежели неизбирательныхъ голосовъ, а того, кто получилъ голосовъ болѣе, нежели другіе члены собранія, хотя бы это число голосовъ и было менѣе половины всего ихъ числа: ибо иначе избраніе, вопреки требованію закона, могло бы вовсе не состояться». Такимъ образомъ общее собраніе сената практически, по крайней мѣрѣ въ отношеніи предсѣдателей и непремѣнныхъ членовъ мировыхъ съѣздовъ, ввелъ правило, проектируемое мною вообще въ отношеніи выборовъ.

3) Если на уѣздное земское собраніе явится менѣе 12 гласныхъ, то избраніе мировыхъ судей того уѣзда производится въ губернскомъ земскомъ собраніи (ст. 25).

4) Списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, составляется за *три мѣсяца* до выборовъ, по каждому мировому округу отдѣльно, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, по соглашенію съ городскимъ головою и мѣстными мировыми судьями (ст. 26).

5) Въ списокъ сей вносятся: 1) всѣ, состоящіе въ должности мировыхъ судей; 2) всѣ прочія лица, числящіяся по уѣзду и имѣющія, на основаніи 19—22 статей [1]), право на занятіе должности мирового судьи (ст. 27).

---

[1]) Статьи эти разсматриваются мною ниже въ главѣ объ условіяхъ, необходимыхъ для занятія судейскихъ должностей.

6) Удостовѣреніе въ томъ, что внесенный въ списокъ владѣетъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ статьями 19 и 20 настоящаго учрежденія, производится порядкомъ, установленнымъ на сей предметъ для земскихъ учрежденій (правило о порядкѣ привед. въ дѣйствіе полож. о земскихъ учрежденіяхъ ст. 10, 11, п. 6, 12, 13, 70). Для избранія кого либо въ мировые судьи по недвижимому имѣнію его жены, нужно, сверхъ того, удостовѣреніе сей послѣдней, что она не встрѣчаетъ препятствія къ показанію сего имѣнія въ видѣ имущественнаго ценза ея мужа (ст. 28 и прим. къ ней).

7) Составленный, на вышеизложенномъ основаніи, списокъ, сообщается губернатору и публикуется, для общаго свѣдѣнія, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, за *2 мѣсяца* до выборовъ (ст. 29).

8) О лицахъ, внесенныхъ въ списокъ не согласно съ условіями, означенными въ 19—22, 27 и 28 статьяхъ сего учрежденія, губернаторъ сообщаетъ свои замѣчанія уѣздному земскому собранію (ст. 30) [1]).

9) Тому же собранію подаются, передъ началомъ выборовъ, какъ жалобы и заявленія на неправильное внесеніе въ списокъ, или на сдѣланные въ немъ пропуски, такъ и заявленія лицъ, внесенныхъ въ списокъ, но нежелающихъ быть избранными въ мировые судьи (ст. 31).

10) Приступая къ выборамъ, земское собраніе, прежде всего, разрѣшаетъ поступившія къ нему, на основаніи предшедшихъ 30 и 31 статей, замѣчанія, жалобы и заявленія. Послѣ сего предсѣдатель объявляетъ собранію о числѣ участковыхъ мировыхъ судей, которые должны быть избраны на слѣдующее трехлѣтіе. Затѣмъ читается списокъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе должности мирового судьи, и собраніе приступаетъ къ выборамъ по этому списку, какъ почетныхъ, такъ и участковыхъ мировыхъ судей (ст. 32).

11) Избранными въ должность мирового судьи считаются тѣ только, которые получили болѣе избирательныхъ, нежели неизбирательныхъ голосовъ. За недостаткомъ таковыхъ лицъ по уѣзду, выборы производятся вторично въ губернскомъ земскомъ собраніи (ст. 33).

---

[1]) По вопросу о томъ, чьею властью должны быть разрѣшаемы сомнѣнія относительно порядка составленія и распубликованія списковъ лицъ, имѣющихъ право быть мировыми судьями, см. опредѣленіе правит. сената—12 апрѣля 1866, помѣщенное въ числѣ дополнительныхъ по судебной части узаконеній, подъ № 15 (судеб. уст. 1869 г. Изд. Анисимова).

12) Земское собраніе можетъ постановленіемъ, состоявшимся по единогласному мнѣнію полнаго, закономъ опредѣленнаго, числа своихъ гласныхъ (прим. къ ст. 33 и 52 пол. о земскихъ учрежденіяхъ), предоставить званіе мирового судьи и такимъ лицамъ, которыя хотя и не совмѣщаютъ качествъ, требуемыхъ 19 и 20 статьями сего учрежденія, но пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью (ст. 34) [1]).

13) По окончаніи выборовъ (ст. 35), наличные мировые судьи, какъ почетные, такъ и участковые:

1) Распредѣляютъ между участковыми мировыме судьями мировые участки. (ст. 15).

2) Избираютъ изъ среды себя предсѣдателя мирового съѣзда (ст. 17).

3) Назначаютъ, по взаимному между собою соглашенію, очередь для исправленія должности участковыхъ мировыхъ судей въ указанныхъ закономъ случаяхъ (ст. 43). *Примѣчаніе.* Почетные мировые судьи, назначенные, согласно пункту 3-му сей статьи, въ очередь для исправленія должности участковыхъ мировыхъ судей, не въ правѣ ни отлучаться съ мѣста жительства безъ разрѣшенія мирового съѣзда, ни инымъ образомъ уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей по мировому разбирательству въ указанныхъ закономъ случаяхъ (Высоч. утвер. 11 декабря 1867 г. мнѣнію госуд. совѣта). Къ первоначальному собранію мировыхъ судей, долженствующему избрать предсѣдателя и непремѣннаго члена мирового съѣзда, распредѣлить мировые участки и опредѣлить мѣстопребываніе каждаго въ его участкѣ, назначить, по взаимному соглашенію, очередь для исправленія должности участковыхъ мировыхъ судей въ указанныхъ закономъ случаяхъ и распредѣлить, по взаимному соглашенію, занятія по дѣламъ, переданнымъ отъ судебныхъ слѣдователей мировымъ судьямъ (учр. суд. уст. ст. 35 и полож. о введеніи въ дѣйствіе суд. уст. ст. 31),—не можетъ быть прилагаемо правило, постановленное въ 148 ст. учр. суд. учр. о недопущеніи въ присутствіе, въ одномъ и томъ же засѣданіи, судей, состоящихъ между собою въ близкомъ родствѣ или свойствѣ, такъ какъ это есть *чрезвычайное* собраніе для общихъ распоряженій, касающихся лично всѣхъ мировыхъ судей и требующихъ, по закону, взаимнаго ихъ соглашенія, а не обыкновенный мировой съѣздъ,

---

[1]) См. Высоч. утвер. мнѣніе Госуд. совѣта отъ 6 февр. 1867.

для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству, для котораго достаточно 3 мировыхъ судей [1]).

14) Затѣмъ предсѣдатель земскаго собранія объявляетъ имена лицъ, избранныхъ на слѣдующее трехлѣтіе почетными и участковыми мировыми судьями. Вновь избранныя лица принимаютъ присягу по формѣ, установленной въ прилож. къ ст. 225 настоящаго учрежденія, и допускаются къ исправленію своихъ должностей (ст. 36).

15) Списки избранныхъ въ мировые судьи представляются предсѣдателемъ земскаго собранія на утвержденіе 1-го депар. прав. сената. Если кто либо избранъ мировымъ судьею въ противность замѣчаніямъ губернатора, то объ основаніяхъ къ тому должно быть представлено на усмотрѣніе сената (ст. 37).

16) За недостаткомъ лицъ, которыя могли быть избраны въ участковые мировые судьи на основаніи предшедшихъ 33 и 34 статей, недостающее число судей назначается, до слѣдующихъ выборовъ, 1-мъ депар. сената, по представленію министра юстиціи; но не иначе, какъ изъ числа лицъ, соотвѣтствующихъ условіямъ, означеннымъ въ пун. 1 и 2, статьи 19 настоящаго учрежденія (ст. 38).

17) Жалобы на опредѣленія земскаго собранія по предметамъ, означеннымъ выше въ 32 статьѣ, а равно и на незаконное производство самыхъ выборовъ, подаются, въ *2-хъ недѣльный* срокъ, считая со дня окончанія выборовъ, предсѣдательствовавшему въ земскомъ собраніи во время выборовъ и, съ объясненіями его, представляются, на окончательное рѣшеніе, въ 1-й депар. прав. сената. (ст. 39).

18) Въ столичныхъ городахъ, С.-Петербургѣ и Москвѣ, обязанности уѣздныхъ земскихъ собраній по выборамъ мировыхъ судей возлагаются на общія городскія думы (ст. 40). Высочайше утвержденнымъ 27 марта 1867 года мнѣніемъ государственнаго совѣта (собраніе узак. 1867 г. № 295) статья эта дополнена въ слѣдующемъ видѣ: 1) уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а въ С.-Петербургѣ и Москвѣ общимъ городскимъ думамъ предоставляется замѣщать вакансіи, открывающіяся на должности мировыхъ судей, посредствомъ дополнительныхъ выборовъ, производимыхъ въ очередныхъ или чрезвычайныхъ засѣданіяхъ по спискамъ, составленнымъ при первоначальныхъ выборахъ. Въ эти списки предоставляется вносить и

---

[1]) См. рѣшеніе общ. собр. 1-го и кассац. депар. пр. сен., въ сборникѣ рѣшеній уголов. 1867 г. № 382.

другія, имѣющія, по закону, право быть избранными въ мировые судьи лица, которыми будетъ заявлено желаніе подвергнуться балотировкѣ. 2) Уѣздныя земскія собранія, а въ С.-Петербургѣ и Москвѣ общія городскія думы избираютъ, по составленіи о томъ предварительно постановленія, участковыхъ мировыхъ судей въ большемъ, по возможности, числѣ, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ избранныхъ, которые не будутъ утверждены правительствующимъ сенатомъ, за неимѣненіемъ незанятыхъ мировыхъ участковъ, представлялись на его утвержденіе предсѣдателемъ земскаго собранія, а, въ столицахъ — городскимъ головою, по мѣрѣ открывающихся вакансій въ порядкѣ большинства полученныхъ ими избирательныхъ голосовъ. 3) Срокъ служенія вновь утвержденныхъ, согласно предъидущимъ пунктамъ, мировыхъ судей долженъ оканчиваться одновременно съ истеченіемъ трехлѣтія, на которыя избраны остальные мировые судьи того округа. (См. также судеб. уст. изд. 1869 г. Анисимова, въ концѣ книги допол. узак. № 75).

г) Участіе администраціи въ назначеніи судей.

По сводамъ 1832, 1842 и 1857 годовъ: уѣздные и городскіе судьи назначались по выборамъ отъ сословій; въ палаты—члены и предсѣдатели отъ сословій, а товарищи предсѣдателей министромъ юстиціи; въ сенатъ—верховною властью. Въ отношеніи же удаленія отъ должностей судей, то со временъ Екатерины II установилось у насъ правило: кто утверждаетъ назначеніе или избраніе чиновниковъ, тотъ (мѣсто или лицо) вправѣ его смѣнить. Такъ какъ на уѣздныхъ и губернскихъ нашихъ судей и на сенаторовъ законъ глядѣлъ какъ на классъ *служащій* или *чиновниковъ* то и къ нимъ примѣнялось это правило. Губернскому правленію предоставлено было право утвержденія избранныхъ обществомъ судей въ ихъ должностяхъ и эти же правленія считали себя вправѣ удалять ихъ отъ должностей, по своему усмотрѣнію... Отъ этого проистекало то, что судьи потворствовали всѣмъ и всему, что только ни принадлежало къ губернской администраціи. Грѣхи въ судѣ всегда водились: то дѣло было рѣшено не въ очередь, то по настольнымъ реэстрамъ безпорядокъ, то ревизіонное или апелляціонное дѣло не въ порядкѣ, то гербовая бумага неправильно выписана, то пересылочныя суммы или арестантскія дѣла задержаны. А тутъ чиновникъ губернскаго правленія, губернатора или генералъ-губернатора можетъ быть присланъ на ревизію, а вышесказанныя причины суть поводы не только къ удаленію отъ должностей, но и къ преданію суду... Какъ тутъ быть? Какъ не потворствовать *вышеозначеннымъ* лицамъ?..

Какъ, скажете вы, можно-ли полагать, чтобы за какое нибудь упущеніе канцеляріи отрѣшали отъ должности судью, избраннаго обществомъ и быть можетъ вполнѣ достойнаго?.. На это отвѣчу: мнѣ извѣстенъ былъ одинъ заслуженный генералъ, который, лѣтъ 20 тому назадъ, былъ отрѣшенъ отъ должности, съ преданіемъ суду, за то, что подчиненный ему офицеръ, управлявшій казеннымъ кожевеннымъ заводомъ, *находившимся за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣстопребыванія этого генерала*, утаилъ, кажется, 26 подошевъ на сапоги и нѣсколько фунтовъ сѣрной кислоты!...

Если хотятъ придраться, то придерутся и отрѣшатъ отъ должности за то, что лишній разъ высморкался, или за то, что у васъ носъ не такой, какъ у Ивана Ивановича или у Ивана Никифоровича. Волчій судъ извѣстенъ, «судя *по совѣсти моей*, нельзя, чтобы утерпѣла и куръ она (овца) не съѣла,» или: «ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать»... При такомъ порядкѣ отъ судей нельзя ожидать безпристрастія.

Эти основанія и побудили европейскія законодательства и въ томъ числѣ и наше, признать принципъ безсмѣнности судей и удаленіе ихъ отъ должностей, предоставить непосредственно судебной власти. Другой же актъ самостоятельности судей, а именно, назначеніе и опредѣленіе ихъ къ должностямъ, предоставлено въ отношеніи мѣстныхъ и общихъ государственныхъ судей или обществу или власти исполнительной. Я уже говорилъ выше: что лучшая форма для сенаторовъ—есть назначеніе ихъ центральнымъ, народнымъ, государственнымъ, представительнымъ мѣстомъ. А для общихъ апелляціонныхъ и окружныхъ судовъ — избраніе ихъ земствомъ или министерствомъ, подъ законными условіями. «Въ Англіи, говоритъ Бентамъ [1]),—гдѣ судьи назначаются королемъ, мы находимъ цѣлый рядъ судей столь просвѣщенныхъ, столь отличающихся безкорыстіемъ, что лучшихъ и нельзя ожидать при самой лучшей системѣ избранія. *Но въ этомъ отношеніи Англію нельзя сравнивать съ другими государствами*; число судей въ ней очень не велико и такъ какъ судебная часть почти вполнѣ сосредоточивается въ столицѣ, то выборъ падаетъ только на людей извѣстныхъ и давно испытанныхъ».

Становясь такимъ образомъ, по принципу, противъ назначенія судей администраціею, Бентамъ замѣчаетъ далѣе, «что и во Франціи, до революціи, короли не принимали участія въ выборахъ судей, что впрочемъ не мѣшало тамъ установиться оригинальному порядку—продажи судьями

[1]) См. стр. 25 о судоустр. Бентама—изд. Книрима. 1862.

своихъ судейскихъ мѣстъ: такъ какъ мѣста сдѣлались тамъ наслѣдственными». Послѣдняя система ниже всякой критики, а потому, мы подобно Бентаму мы можемъ только присовокупить, что подлежитъ также осужденію та судебная система, гдѣ въ аристократіяхъ (какъ наслѣдственныхъ, такъ и выборныхъ) власть судебная обыкновенно смѣшивалась съ другими правительственными властями и уничтожая всякую отвѣтственность, была даже *подозрительна* при безпристрастіи; но трудно даже предположить, чтобы могли быть предупреждены въ ней злоупотребленія.

Въ заключеніе Бентамъ говоритъ: «въ республикѣ представляется право избранія правительствующему сенату или той части народа, которая назначаетъ на всѣ другія должности».

По государственному же праву европейскихъ державъ установились двѣ системы назначенія судей: 1) въ мѣстные суды—судьи избираются обществомъ; въ государственные — они назначаются правительствомъ, 2) или же весь институтъ судей назначается правительствомъ. Но и эти формы видоизмѣняются въ частностяхъ и имѣютъ многіе оттѣнки. Излишнимъ я считаю, послѣ того, что сказано мною въ началѣ настоящей главы, входитъ здѣсь въ подробный анализъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ; здѣсь же я покажу только то участіе, какое принимало наше правительство въ дѣлѣ суда по сводамъ 1832, 1842 и 1857 годовъ и какое участіе оно приметъ по реформѣ 20 ноября 1864 г.

Министерство юстиціи, какъ это, вѣроятно, извѣстно всѣмъ образованнымъ моимъ читателямъ, дѣйствовало у насъ, по своду законовъ, на юстицію слѣдующими органами: министерствомъ, оберъ-прокурорами сената, губернскими прокурами, губернскими и уѣздными стряпчими.

Министръ непосредственно есть посредникъ между верховною властью и правительствующимъ сенатомъ, между послѣднимъ и оберъ-прокурорами.

Министерство передаетъ правительствующему сенату всѣ высочайшія повелѣнія и обратно: всѣ доклады сената идутъ къ Государю Императору чрезъ министерство.

Кромѣ этого министерству подчинена вся канцелярія сената и отъ него зависитъ назначеніе оберъ-секретарей и секретарей.

Когда оберъ-прокуроръ подаетъ на рѣшенія протестъ департамента сената и сенаторы остаются при своемъ мнѣніи, тогда дѣло идетъ къ министру юстиціи. Если онъ согласенъ съ мнѣніемъ сенаторовъ, тогда рѣшеніе сената вступаетъ въ законную силу; въ противномъ же случаѣ дѣло переходитъ въ общее собраніе сената. То же самое бываетъ и въ общемъ

собраніи; но въ послѣднемъ случаѣ дѣло переносится въ государственный совѣтъ. Сверхъ этого, относительно самыхъ сенаторовъ, въ общемъ собраніи, министерство имѣетъ характеръ посредника: если тамъ не установляется при рѣшеніи дѣла равновѣсіе, требуемое закономъ для того, чтобы оно вступило въ законную силу, тогда министерство подаетъ свое мнѣніе и если сенаторы къ нему не пристаютъ, въ узаконенномъ количествѣ голосовъ, тогда дѣло идетъ въ государственный совѣтъ.

Въ губерніяхъ и уѣздахъ министерство дѣйствовало совершенно иначе своими органами: губернскій прокуроръ во вторыхъ инстанціяхъ, и уѣздный стряпчій въ первыхъ инстанціяхъ и полиціяхъ, хотя просматривали рѣшенія, [1]) и подавали противъ нихъ протесты; но судъ могъ принять или не принять ихъ протестовъ и рѣшеніе считалось, во всякомъ случаѣ, вошедшимъ въ законную силу. Только въ дѣлахъ уголовныхъ чиновники министерства юстиціи играли болѣе положительную роль: здѣсь могли они вчинать сами иски и настаивать, какъ о правильномъ производствѣ слѣдствія, так и о скорѣйшемъ его рѣшеніи; въ отношеніи же самаго приговора суда, голосъ ихъ былъ пассивенъ, какъ и въ дѣлахъ гражданскихъ.

Какъ видите, по своду, министерство дѣйствовало самостоятельно только въ правительствующемъ сенатѣ, гдѣ оно могло дать направленіе юстиціи. Въ провинціяхъ же роль его была самая пассивная и принимала характеръ болѣе полицейскій и фискальный.

Приведенный-же мною очеркъ министерства юстиціи показываетъ, [1]) что оно, просматривая *всѣ* безъ исключенія журналы и протоколы судебныхъ и даже административныхъ присутственныхъ мѣстъ (какъ-то, казенной палаты, приказовъ общественнаго призрѣнія), становилось *адвокатомъ* не только казны, но и частныхъ лицъ, не только по дѣламъ уголовнымъ, но и по дѣламъ гражданскимъ; [1]) что по дѣламъ уголовнымъ органы министерства не только составляли власть *обвинительную*, но и власть *наблюдательную* какъ надъ слѣдователями, такъ и надъ самими судебными мѣстами. Отъ такого сосредоточенія множества дѣлъ въ рукахъ чиновниковъ юстиціи, при обязанности *прокуроровъ* просматривать всѣ журналы губернскаго правленія, палатъ и приказовъ, а стряпчими — уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, городскихъ думъ и полицій—городской и земской, — само собою разумѣется проистекало то, что прокуроры и стряпчіе въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, могли приносить какую-нибудь пользу; поэтому-то

[1]) Въ 1865 году порядокъ этотъ отмѣненъ.

и родилась потребность преобразовать и этихъ чиновниковъ. [1]) Но объ этомъ поговоримъ ниже подробнѣе.

Отношенія-же министерства внутреннихъ дѣлъ къ юстиціи имѣли у насъ совершенно другой характеръ: само министерство не вмѣшивалось въ юстицію, за то его органы—генералъ-губернаторъ, губернаторы и губерн. правленія косвенно имѣли огромное вліяніе на судей. Генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ была предоставлена ревизія внѣшняго канцелярскаго порядка и этими-то ревизіями, при правѣ высшаго губернскаго начальства удалять отъ должностей судей, безъ преданія суду или съ преданіемъ ихъ суду, судьи были отданы совершенно въ руки первыхъ. Могло ли имѣть какой нибудь смыслъ подобное учрежденіе?.. Смѣняемость не зависила отъ неправосудія судей, и отъ канцелярскаго безпорядка... Губернскія мѣста и лица не имѣли никакого права вмѣшиваться въ содержаніе рѣшеній, кромѣ губернаторовъ, которымъ предоставлено было разсмотрѣніе приговоровъ уголовной палаты [2]) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсмотрѣніе только рѣшеній гражданскихъ палатъ... [3]) Но въ обоихъ случаяхъ протестъ губернатора былъ только поводомъ къ переносу дѣла въ сенатъ; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло и безъ этого протеста шло въ сенатъ, голосъ губернатора имѣлъ значеніе частнаго мнѣнія, которое только излишне обременяло и губернатора и судебныя мѣста. [4]) Это-то неудобство, это-то соприкосновеніе администраціи къ судебной власти и смѣшеніе ихъ и вызвало наше законодательство къ превозглашенію принципа—отдѣленія этихъ властей и къ превозглашенію начала—самостоятельности суда. Но привозгласивъ послѣднее, оставалось выполнить и существенныя условія этой независимости... Эти условія—какъ сказано было мною выше, выражаются на столько же въ способѣ назначенія судей, какъ и въ ихъ безсмѣнности. Послѣднее вытекаетъ изъ простой идеи, что какъ независимость судей даетъ совершенную свободу ихъ дѣйствіямъ и образу ихъ мыслей, то такъ же точно и способъ назначенія судей имѣетъ подобныя-же послѣдствія; и какъ въ первомъ случаѣ судья,

---

[1]) См. во 2 части настоящаго сочиненія главу «объ обвинителѣ и о прокуратурѣ».

[2]) Просмотръ этотъ отмѣненъ только въ 1865 году.

[3]) Правилами 11 октября 1865 и это отмѣнено.

[4]) См. статью мою «взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство» современникъ 1859 г. № I.

будучи въ зависимости отъ посторонней власти, можетъ, изъ боязни лишиться мѣста, потворствовать этой власти; такъ точно и во второмъ случаѣ онъ можетъ прійти къ такимъ-же результатомъ изъ благодарности, за получаемое назначеніе. Но въ правѣ смѣняемости заключается больше опасности для безпристрастія судей, нежели въ правѣ назначенія. Дѣйствительно, когда кто нибудь ищетъ должность, онъ заискиваетъ того, отъ кого онъ зависитъ: здѣсь, пожалуй, онъ готовъ ему потворствовать и угождать. Но если онъ уже назначенъ на должность и получилъ право несмѣняемости, тогда развѣ *изъ одной только благодарности* онъ будетъ потворствовать той власти, которая его назначила. Въ нынѣшній же вѣкъ благодарность—чувство весьма рѣдкое и можетъ проявляться развѣ какъ исключеніе изъ общаго правила. Смѣняемость же представляетъ гораздо большую опасность, тутъ руководитъ уже судьею чувство очень сильное: *боязнь лишиться мѣста*; поэтому непотворство судьи — есть актъ самоотверженія, актъ, который, при слабостяхъ человѣка, есть также явленіе весьма рѣдкое. Поэтому, собственно въ правѣ назначенія судей мало опасности для самостоятельности судьи, если съ этимъ правомъ не соединено право смѣнять судью. Но первое значительно теряетъ свой характеръ, когда съ нимъ соединено право *награжденія и повышенія судьи*. Въ подобномъ случаѣ начинаютъ дѣйствовать совершенно иныя страсти: *честолюбіе* и *эгоизмъ*—двѣ пружины очень сильныя въ сердцѣ человѣка.

Если судья не потворствуетъ той власти, которая его назначила, то она оставитъ его безъ награды, безъ повышенія; слѣдовательно, для того, чтобы не потворствовать ей, нужна также большая доля самоотверженія. Вотъ почему теорія не можетъ допустить—съ одной стороны, чтобы та власть, которая назначаетъ судью въ должность, могла отрѣшать отъ нея; съ другой—чтобы та же власть, не имѣя этого права, вмѣстѣ съ тѣмъ была лишена и права не только награждать, но и повышать въ должностяхъ судей. Но объ этомъ поговоримъ ниже подробнѣе, гдѣ будемъ говорить вообще объусловіяхъ судебной карьеры; здѣсь же мы остановимся на вопросѣ, относящемся собственно къ назначенію судей, а именно, о правѣ земства и административной власти назначать ихъ къ должностямъ.

Если государство такъ организовано, что общество можетъ непосредственно или чрезъ своихъ представителей безпрепятственно пополнить весь интститутъ судей, то, само собою разумѣется, что форма эта самая совершенная; но для этого требуется, какъ это уже было мною однажды го-

ворено, представительство народное на самыхъ широкихъ началахъ. Послѣднее требуется потому, что въ обширныхъ государствахъ, гдѣ территоріальное пространство и большое населеніе вызываетъ для маловажныхъ дѣлъ мѣстные суды, а для болѣе серьезныхъ—общіе, и гдѣ требуется большое количество судей, тамъ общность народнаго избранія послѣднихъ становится невозможнымъ иначе, какъ посредствомъ представителей общества. Форма же эта требуетъ повсемѣстнаго введенія земскихъ учрежденій и условія, чтобы при выборѣ судей не было недостатка въ ученыхъ юристахъ; въ противномъ же случаѣ право назначенія судей въ окружные суды и судебныя палаты должно перейти, въ видѣ временной мѣры, къ министерству. Въ отношеніи же правительствующаго сената слѣдуетъ сказать иное: главная судебная власть, во всемъ ея существѣ и державности, проявляется въ лицѣ кассаціоннаго суда, имѣющаго одинъ въ государствѣ право и власть совершенно безконтрольно уничтожать судебныя опредѣленія и приговоры. Слѣдовательно вся идея независимости и самостоятельвости суда сосредоточивается въ этомъ верховномъ мѣстѣ; остальные же суды суть только его различные органы, посредствомъ которыхъ онъ осуществляетъ свою власть. Поэтому, для совершенной независимости этой власти, вызывается потребность, чтобы между ею и властью исполнительною и административною не было никакихъ соотношеній, даже косвенныхъ. Въ этомъ случаѣ не только смѣняемость, но и назначеніе сенаторовъ, можетъ играть важную роль и вліять нѣкоторымъ образомъ на ея самостоятельность. По этимъ основаніямъ мы признаемъ полезнѣе ту форму, гдѣ сенаторы избираются и назначаются законодательнымъ сословіемъ. При такой формѣ достоинство судебной власти не компрометируется, стоитъ внѣ всякихъ вліяній и исходя изъ народа, не можетъ имѣть ни нареканія, ни обвиненія въ пристрастіи, лицепріятіи и несамостоятельности. Какъ власть народная, она можетъ сохранить все достоинство своего авторитета, всю державность его воли, весь духъ и направленіе того, представителемъ чего она является.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать объ органахъ этой власти: неудобство центральнаго избирательства, въ обширныхъ государствахъ, судей въ апелляціонные и окружные суды вызываетъ необходимость—передать инициативу этого назначенія или мѣстному земству или власти исполнительной. Преимущество, какъ мы видѣли, нужно отдать земству и право это слѣдуетъ передать исполнительной власти—лишь какъ мѣру временную.

Необходимость послѣдняго у насъ въ Россіи вытекаетъ изъ настоящаго

нашего общественнаго положенія: при повсѣмѣстномъ и единовременномъ введеніи судебной реформы, какимъ образомъ мы, при мѣстныхъ выборахъ, наберемъ въ провинціяхъ столько опытныхъ, честныхъ, и вполнѣ достойныхъ людей во всѣ суды?.. Наука, опытъ и жизнь говорятъ, что недостаточно быть только честнымъ и умнымъ человѣкомъ, чтобы быть судьею въ государствѣ, гдѣ извѣстная степень цивилизаціи вызываетъ довольно сложное законодательство, съ сложными юридическими отношеніями гражданъ; поэтому въ подобныхъ обществахъ вызывается уже потребность въ судьяхъ, получившихъ теоретическое и практическое образованіе. Мы не говоримъ уже о томъ, чтобы у насъ нашлось достаточное число юристовъ-теоретиковъ; но мы даже сомнѣваемся, чтобы и образованныхъ и честныхъ практиковъ нашлось сразу достаточное количество для пополненія штата общихъ судовъ, мировыхъ учрежденій и института адвокатовъ. Основанія наши не голословны, а основаны на неотразимыхъ статистическихъ данныхъ. [1])

Въ періодъ времени отъ 1840 до 1863 года (въ теченіи 23) лѣтъ окончили курсъ, по юридическому факультету—3650 человѣкъ; изъ нихъ со степенью кандидата—1680 и съ званіемъ дѣйствительнаго студента—1970. [2]) Цифры, повидимому, почтенные; но они теряютъ этотъ характеръ, если мы примемъ во вниманіе: 1) что въ теченіе 23 лѣтъ, въ которыхъ были—одна холера (1848) года, тифъ 1856 г. и крымская война,—то мы придемъ къ заключенію, что многихъ сотенъ молодыхъ людей недостаетъ изъ этого числа; 2) обыкновенная смертность, замѣчаемая вообще между ученымъ классомъ, вѣроятнѣе всего поглотила значительный процентъ этой молодежи. 3) На долю случайныхъ смертностей выпадаетъ, вѣроятно, также небольшой процентъ. 4) Военная и гражданская служба, вѣроятно также много забрала молодыхъ людей и, поведя ихъ по иной карьерѣ, оторвала отъ поприща судейскаго и адвокатскаго. 5) А сколько еще изъ этихъ молодыхъ людей живетъ въ отставкѣ и предались

---

[1]) См. т. 6. замѣчаній о развитіи основ. пол. преобразованія судебной части въ Россіи стр. I—7.

[2]) Относительно числа выпущенныхъ изъ разныхъ университетовъ юристовъ, Московскій университетъ занимаетъ первое мѣсто (1251); за нимъ слѣдуетъ С.-Петербургскій (1011); потомъ Харьковскій (736), Кіевскій (440) и Казанскій (212). Самый большой выпускъ былъ въ 1862 г. Свѣдѣнія [эти извлечены товарищемъ предсѣдателя гродненской уголовной палаты Алексѣемъ Окуневымъ изъ университетскихъ отчетовъ м. народ. просвѣщенія.

какимъ нибудь занятіямъ, несовмѣстнымъ съ судебною карьерою; а сколько еще положительно неспособныхъ къ исполненію великихъ обязанностей судей...

Если все это сообразить съ количествомъ судей, требуемымъ для Россіи, то мы положительно можемъ сказать, что восполнить, при нынѣшнихъ реформахъ, теоретиками-[1]) всѣ мѣста судей (въ общихъ и мировыхъ судахъ) и адвокатовъ едва ли возможно: если на 440 нашихъ уѣздовъ, минимумъ, положить:

по	3 мировыхъ судей	1320
»	3 адвоката	1320 [2])
на	75 окружныхъ судовъ.	
по	3 судей	215
»	1 прокурору.	75
»	1 товарищу его	75
»	1 судебному приставу.	75

то кромѣ сената, апелляціонныхъ судовъ, секретарей, натаріусовъ, другихъ чиновъ суда и почетныхъ мировыхъ судей,—еще потребуется 2880 спеціалистовъ-юристовъ... Но изъ вышеприведенныхъ мною данныхъ открывается, что вы не найдете и 25% изъ этого числа способныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей. Итакъ, обществу остается другой путь: избраніе судей, кромѣ теоретиковъ-юристовъ, и изъ образованныхъ вообще практиковъ. Но тутъ, для выборнаго начала, встрѣчаются новыя препятствія: съ преобразованіемъ городовъ и земства, и при оставленіи выборнаго начала при назначеніи мировыхъ судей—на долю общихъ судовъ въ провинціяхъ, остается очень мало способныхъ людей для пополненія штата судей, лицъ прокурорнаго надзора и адвокатовъ, такъ какъ первые не только займутъ всѣхъ способныхъ людей, но едва ли еще въ нихъ не будетъ на первыхъ порахъ чувствоваться недостатокъ. Къ тому же земство наше требуетъ еще центральнаго представительства, для того, чтобы оно могло производить правильные выборы въ окружные суды, апелляціонныя палаты и

---

[1]) Министерство въ 1867 году сознало это; поэтому Высочайше разрѣшено: замѣщать должности судей и лицами, неокончившими курсъ юридическихъ наукъ.

[2]) Здѣсь еще исключаются столицы и портовые города, гдѣ они потребуются десятками.

кассаціонный судъ, что, быть можетъ, еще только въ будущемъ; а между тѣмъ настоятельность всеобщей судебной реформы становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ощутительною.

Сознавая вполнѣ послѣднее, правительство оставило за собою инициативу въ назначеніи судей въ общіе суды, оставивъ только за обществомъ—избраніе мировыхъ и сельскихъ судей. Тѣмъ болѣе это раціонально въ настоящее время, что, въ столицахъ, министерство изъ тамошнихъ юристовъ можетъ сдѣлать скорѣе выборъ лицъ въ общіе суды, чѣмъ могли бы это сдѣлать провинціальные избиратели. Что ни говорите, а въ столицахъ, куда стекаются въ министерства, въ сенатъ и другія высшія правительственныя мѣста, все лучшее и просвѣщенное Россіи,—скорѣе можно выбрать образованныхъ судей, чѣмъ могли бы это сдѣлать провинціальные избиратели. Поэтому участіемъ своимъ въ назначеніи судей, въ настоящее время, правительство можетъ принести дѣлу только самую существенную пользу... Впрочемъ мѣра эта должна быть временная, такъ какъ судъ по выбору народа можетъ одинъ лишь назваться вполнѣ самостоятельнымъ и народнымъ. Но избраніе судей правительствомъ въ общіе суды должно быть основано не на субъективномъ взглядѣ министерства, и не на рекомендаціи начальства, а на рекомендаціи земскихъ собраній. Мѣра эта необходима потому, что министерство изъ канцелярской службы какого нибудь чиновника не можетъ заключить объ его честности и способности быть судьею. И это-то обстоятельство было причиною, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ является неудовольствіе на назначеніе министерства. Неудачность этихъ назначеній доказывается также тѣмъ, что судебныя палаты и кассаціонные департаменты сената положительно завалены апелляціонными и кассаціонными жалобами; количество же жалобъ выражаетъ степень неудовольствія общества; въ особенности же когда большой процентъ этихъ жалобъ признается высшими инстанціями уважительнымъ. Поэтому вообще полезно бы было, если бы министерство составило статистическія по этому предмету соображенія и, изслѣдовавъ причину извѣстныхъ судебныхъ явленій, сдѣлало бы за тѣмъ заключеніе о самой способности или неспособности судей. При томъ не безполезно бы было прислушаться по этому предмету и къ общественному мнѣнію: оно въ этомъ случаѣ можетъ представить также много полезныхъ указаній... При развитіи же основныхъ положеній судебной реформы въ Россіи, 23 статью положенія, установляющую, что окружной судъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, назначенныхъ высочайшею властью, по представленію министра юстиціи и что число членовъ

опредѣляется штатами,—со стороны нашихъ юристовъ были заявлены слѣдующія мнѣнія:

1) Не возлагать все опредѣленіе на министра юстиціи; право предлагать кандидатовъ предоставить самимъ судамъ. [1]).

2) Судебнымъ палатамъ и ихъ прокурорамъ [2]).

3) Населенію округа [3]).

4) Дозволить самому суду, если онъ имѣетъ въ виду лицо, особенно къ тому способное, представить министерству юстиціи на мѣсто члена или предсѣдателя [4]).

5) Предсѣдатели судебныхъ палатъ избираютъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, а сіи послѣдніе избираютъ членовъ окружного суда, которые, чрезъ посредство министра юстиціи, вносятся на высочайшее усмотрѣніе. Способности и нравственныя качества избранныхъ должны быть засвидѣтельствованы не однимъ предсѣдателемъ, а всѣми членами [5]).

6) Въ округѣ судебной палаты имѣть комитетъ изъ выборныхъ отъ каждаго сословія членовъ, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго высочайшимъ указомъ лица, съ тѣмъ, чтобы этотъ комитетъ утверждалъ избранныхъ въ окружныя должности, а кандидатовъ въ предсѣдатели окружныхъ судовъ представлялъ для утвержденія министру [6]).

7) Члены окружного суда, въ томъ числѣ и судебные слѣдователя, должны быть избираемы изъ кандидатовъ общими собраніями департаментовъ судебной палаты и, чрезъ посредство министра юстиціи, вносимы на высочайшее усмотрѣніе [7])

8) Предоставить народу выборъ предсѣдателя и членовъ окружныхъ судовъ изъ людей ознакомленныхъ съ мѣстнымъ правомъ и обычаями, получившихъ образованіе и пользующихся хорошею репутаціею [8]).

9) Представить выборъ членовъ судебныхъ мѣстъ мѣстнымъ жителямъ округа или губерніи [9]).

---

[1]) Т. II. замѣчаній о развитіи основ. полож. реформы стр. 13.
[2]) Ibid т. IV, стр. 299.
[3]) Ibid т. IV, стр. 336.
[4]) Ibid т. I, стр. 23.
[5]) Ibid т. III, стр. 23.
[6]) Ibid т. I, стр. 239.
[7]) Ibid т. III, стр. 306.
[8]) Ibid т. I, стр. 273.
[9]) Ibid т. I, стр. 536.

10) Предоставить выборъ предсѣдателей окружныхъ судовъ и членовъ всѣмъ сословіямъ, точно также, какъ и мировыхъ судей, съ тою разницею, что окружной предсѣдатель будетъ избираемъ не отъ одного, а отъ 4 уѣздовъ [1]).

11) Членовъ окружного суда назначать по выбору, на такихъ же основаніяхъ, какъ мировыхъ судей, допустивъ перебаллотировку кандидатовъ. Владѣніе недвижимою собственностью не должно быть непремѣннымъ условіемъ [2]).

12) Учредить выборъ кандидатовъ въ окружные суды такой же, какъ и выборъ мировыхъ судей; утверждать же по рекомендаціи губернатора и предводителей дворянства [3]).

13) На должности предсѣдателей и членовъ окружныхъ судовъ представлять только мѣстныхъ жителей [4]).

Всѣ эти 13 мнѣній основываются или на началѣ выборномъ и предоставляютъ назначеніе судей обществу, или предоставляютъ министерству выборъ изъ кандидатовъ, назначаемыхъ судебными мѣстами, или же самый выборъ и назначеніе судей предоставляютъ судебнымъ мѣстамъ.

Выше мы уже видѣли, что какъ ни разуменъ принципъ, что выборъ судей долженъ быть въ рукахъ общества, но что въ настоящее время, при нашихъ общественныхъ формахъ, пока еще неорганизовалось центральное представительство земства, выборъ судей обществами въ общіе суды представляетъ много затрудненій; поэтому осталось одно изъ двухъ: или оставить выборъ судей за судами; или же предоставить имъ право назначать кандидатовъ, а самое утвержденіе судей оставить за министерствомъ. Редакціонная комиссія не согласилась съ первымъ весьма справедливо: предоставить судьямъ право непосредственнаго назначенія судей на мѣста выбывшихъ своихъ членовъ, значитъ нѣкоторымъ образомъ подчинить избираемаго судью избирателямъ и ставить такимъ образомъ новаго судью въ невыгодное положеніе; и если это можно сказать въ отношеніи суда, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать въ отношеніи прокурора, который, занимая мѣсто адвоката короны и публичнаго обвинителя, безъ явнаго ущерба правосудію, ни подъ какимъ предлогомъ уже не можетъ быть допущенъ къ участію при назначеніи судьи. По этимъ основаніямъ, редак-

---

[1]) Ibid т. III, стр. 495.
[2]) Ibid т. III, стр. 795.
[3]) Ibid т. II, стр. 205.
[4]) ibid т. II, стр. 346.

ціонная комиссія должна была остановиться на выраженномъ основномъ положеніи 29 сентября 1863 — и только дать послѣднему дальнѣйшее развитіе.

Но здѣсь возникли разнагласія, не столько въ отношеніи власти, утверждающей и назначающей судей, какъ въ отношеніи порядка избранія кандидатовъ: 1) вообще по судебнымъ мѣстамъ; 2) судебныхъ слѣдователей; 3) сенаторовъ и первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ сената. 4) и по вопросу о формѣ самаго представленія послѣднихъ на высочайшее утвержденіе. [1]).

1) *По первому вопросу* меньшинство полагало, что, для удовлетворительнаго избранія дѣятелей на главныя должности по судебному вѣдомству, необходимы три условія: а) чтобы доступъ къ этимъ должностямъ открытъ былъ всѣмъ лицамъ, совмѣщающимъ въ себѣ тѣ качества, которыми объусловливается успѣшное исполненіе, принимаемыхъ ими на себя, обязанностей; б) чтобы, при избраніи дѣятелей на эти должности, принимаемо было въ соображеніе настолько формальное удостовѣреніе о томъ, что ищущій мѣста имѣетъ аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ и что онъ на службѣ аттестовался способнымъ и достойнымъ, сколько и непосредственное, *при каждомъ случаѣ*, удостовѣреніе, что претендентъ имѣетъ не одни школьныя, а также и, самостоятельно пріобрѣтенныя имъ, практическія свѣдѣнія въ законахъ и судопроизводствѣ и, главное, что онъ способенъ нетолько по аттестату, но въ дѣйствительности; 3) чтобы удостоеніе къ занятію этихъ должностей зависило не отъ одного одобренія претендентовъ лицами, *завѣдывающими дѣлами объ опредѣленіи судебныхъ чиновъ, но представляло болѣе доступныя контролю ручательства въ основательности избранія.*

Мы согласны, что эти три условія необходимы, въ особенности послѣднее, и поэтому соглашаемся и съ аргументами меньшинства: 1) что министру юстиціи, сколько бы онъ ни былъ дѣятеленъ и прозорливъ, можетъ быть извѣстна только незначительная часть ближайшихъ къ нему судебныхъ чиновъ; 2) что если министръ станетъ полагаться на *рекомендаціи*, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая фальшивая и зловредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на общественныя

---

[1]) См. объяснительную записку ред. ком. къ проекту учр. суд. мѣстъ, стр. 96—115.

должности; 3) что довольно того, если министръ юстиціи будетъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чтобы объ ихъ избраніи онъ могъ сказать свое veto.

Но основываясь на этихъ аргументахъ меньшинство, должно было прійти къ заключенію тому, что если избраніе кандидатовъ на судейскія должности предоставить инціативѣ судебныхъ мѣстъ, то за министерствомъ должно было бы оставить одно только veto и то только опредѣленное число разъ; или, какъ это дѣлается въ Англіи при избраніи мировыхъ судей: изъ двухъ кандидатовъ министерству тамъ предоставляется отвергнуть только одного. Меньшинство же, аргументируя прекрасно свои положенія, въ самомъ выводѣ становится не только непослѣдовательнымъ, но даже нелогичнымъ. Оно предлагаетъ: установленіе *конкуренціи* на занятіе должностей, при чемъ конкурентъ долженъ подвергнуться теоретическому и практическому экзамену того мѣста, которое представляетъ кандидатовъ; министерству же, не смотря на это испытаніе, все-таки предоставляется право не принять этихъ кандидатовъ и, вмѣсто ихъ, *назначить* своихъ чиновниковъ (см. пунктъ 7 проекта). Спрашиваемъ, при такомъ порядкѣ къ чему можетъ послужить конкуренція кандидатовъ, пріѣздъ ихъ—Богъ знаетъ откуда—на экзаменъ въ палату и самый экзаменъ и т. д., когда министерство однимъ veto перевернетъ все это вверхъ дномъ. Да и кто при такихъ условіяхъ захочетъ издержаться и конкурировать,—развѣ изъ любви къ искуству... Притомъ можно еще сказать, что если вы судебному мѣсту предоставляете рекомендацію, то какое вамъ дѣло: основана ли эта рекомендація на экзаменѣ или безъ него?.. Не будетъ ли смѣшно подвергнуть иного маститаго юриста, извѣстнаго своимъ теоретическимъ и практическимъ знаніемъ права, школьному экзамену, и если онъ, напримѣръ, не будетъ знать текста договора Олега съ греками или текста какой нибудь губной или уставной грамоты, то признать его недостойнымъ быть судьею [1]). Да на какой чортъ, скажете вы, судьѣ знать это? Изъ любви къ наукѣ, отвѣчу я вамъ.—Но рѣчь идетъ вѣдь не о наукѣ, а о правосудіи, отвѣтите вы... Да, но... но... и больше ничего я не скажу, а промямлю развѣ, что экзамены вообще вещь очень хорошая, что они употребляются не только въ приходскихъ училищахъ, но даже и въ университетахъ. Но кромѣ всѣхъ шутокъ, знаете какой скандалъ могъ бы произойти въ высшихъ

[1]) Проекъ требуетъ знанія исторіи русскаго законодательства.

инстанціяхъ при той мѣрѣ, какую предлагало меньшинство: что экзаменующійся заткнулъ бы иногда запоясъ своихъ экзаменаторовъ. Вы согласитесь со мною, что судейская каррьера, если только исполнять ее добросовѣстно—можетъ, въ большей части случаевъ, оторвать человѣка отъ науки, развѣ онъ, при этой должности, будетъ продолжать профессорскую профессію, и чѣмъ усерднѣе человѣкъ къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ дальше онъ отъ науки. И такъ какъ въ высшія инстанціи будутъ попадать только усерднѣйшіе, то есть тѣ, которые совсѣмъ поотстали отъ науки, поэтому вы одно изъ двухъ: или заставите этихъ почтенныхъ юристовъ, предъ каждымъ экзаменомъ браться за тетрадки, или же, если они этого не сдѣлаютъ, то какъ же они будутъ знать объ историческихъ и теоретическихъ познаніяхъ лицъ, экзаменуемыхъ ими? А вѣдь конкурентами явится, по большой части, молодежъ, съ свѣжею памятью, съ свѣжимъ запасомъ историческихъ и теоретическихъ фактовъ. Но видите ли, меньшинство оговаривается: оно предлагаетъ присутствіе и участіе на экзаменѣ профессоровъ университета. Въ подобномъ же случаѣ оцѣнка познаній экзаменующихся будетъ ужь въ рукахъ послѣднихъ, а эту оцѣнку вы имѣете въ аттестатѣ экзаменующагося.

Поэтому, соглашаясь съ аргументами меньшинства, мы не можемъ согласиться ни съ ихъ выводомъ, ни съ предлагаемымъ имъ началомъ конкуренціи; тѣмъ болѣе, что, кромѣ познаній, отъ судьи требуется еще честность и другія, существенныя, условія, составляющія принадлежность хорошаго судьи; слѣдовательно конкурентъ, съ самымъ блистательнымъ экзаменомъ, можетъ не имѣть послѣднихъ условій; и обратно, человѣкъ, выдерживающій плохой экзаменъ, можетъ имѣетъ болѣе теоретическихъ и практическихъ познаній, болѣе самостоятельный взглядъ, болѣе безпристрастія, нежели тотъ, кто выдержалъ отличный экзаменъ. Само меньшинство говоритъ: «кому неизвѣстно, что самые тупоумные воспитанники, при помощи одной счастливой памяти, выходили иногда изъ училищъ съ наилучшими аттестатами, хотя не могли, безъ пособія учебниковъ, сообразить самыхъ простыхъ понятій и не въ состояніи были *выдерживать никакого пренія*». Но къ этому я еще присовокуплю, что *выдерживаніе преній* не есть еще также признакъ познаній или самостоятельности взгляда и въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ иногда двѣ различныя способности: 1) сила памяти, 2) смѣлость и самоувѣренность сужденія. Развѣ не случается вамъ, въ обществѣ и даже при экзаменахъ, слышать и видѣть, какъ люди съ ограниченнымъ умомъ и способностями, при

спорѣ, забрасываютъ васъ теоретическими или историческими данными и вы при этомъ вполнѣ убѣждены, что это все вычитанное. А есть еще особаго рода экземпляры личностей: они не дадутъ вамъ говорить, закидаютъ васъ парадоксами, съ такою саумовѣренностью и даже дерзостью, какъ будто бы они изрекали истины Конфуція. Слѣдовательно, экзаменъ вообще плохой критеріумъ для узнанія истинныхъ способностей человѣка, а тѣмъ болѣе для судей.

Но что же вызвало меньшинство на предложеніе начала конкуренціи?.. Видите ли—мысль о томъ, что порядокъ опредѣленія предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ по избранію кандидата тѣмъ самымъ судебнымъ мѣстомъ, въ которое онъ опредѣляется, — представляетъ еще болѣе неудобствъ, чѣмъ избраніе кандидатовъ непосредственно министромъ юстиціи, потому что:

1) «Ограничиваетъ кругъ избираемыхъ только кандидатами, извѣстными судебному вѣдомству. Такимъ образомъ можетъ случиться, что вакансіи будутъ открываться преимущественно въ округѣ одной палаты, и, по этой случайности, повышеніемъ въ должностяхъ будутъ пользоваться преимущественно судебные чины этого округа, какъ наиболѣе въ немъ извѣстные, а судебные чины другихъ округовъ, хотя бы они были несравненно достойнѣе и способнѣе мѣстныхъ чиновниковъ, будутъ оставляемы безъ повышеній, въ противность пользамъ службы и справедливости».

Мы согласны съ этимъ; но вмѣсто конкуренціи, которая также неможетъ вполнѣ принести существенной пользы, можно бы установить правило: что если открывается, въ округѣ какой нибудь палаты, должность, то министерство юстиціи обязано распорядиться, чтобы окружные суды и судебныя палаты, смотря потому—гдѣ вакансія открылась, каждый для себя, баллотировали всѣхъ чиновъ, имѣющихъ, *по старшинству службы* по судебному вѣдомству, право на занятіе этой должности, хотя бы эти чины были и въ вѣдѣніи другой палаты. Изъ этого числа, лицо, получившее наибольшее число голосовъ, должно считаться избраннымъ въ кандидаты; другого кандидата окружной судъ и судебная палата могутъ представить и отъ себя, хотя бы онъ не заключалъ въ себѣ вышесказанныхъ условій. Тогда министерству представится возможность избрать того или другого. Порядкомъ этимъ—съ одной стороны, можетъ установиться равномѣрное повышеніе въ должностяхъ всѣхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Съ другой стороны, въ случаѣ

неспособности лицъ, имѣющихъ право, по старшинству службы, на повышеніе, министерство найдетъ возможнымъ ихъ обойти. Но, скажете вы, какъ поступать въ такомъ случаѣ, если лица, имѣющія право по старшинству, на повышеніе, не получатъ ни одного голоса въ судѣ или въ палатѣ?.. Въ подобномъ случаѣ, само собою разумѣется, должны баллотироваться младшіе послѣ нихъ. При этомъ правилѣ судебныя мѣста волею или неволею, вынуждены будутъ подавать голосъ въ пользу достойнѣйшихъ, такъ какъ неодобрѣніе ими однихъ кандидатовъ вызоветъ баллотировку другихъ, которые все-таки могутъ и не принадлежать къ корпораціи ихъ округа.

2) «Далѣе, меньшинство находитъ, «что надо имѣть особенное довѣріе къ судебному мѣсту, чтобы дозволить ему комплектовать себя по собственному своему усмотрѣнію, по избранію имъ самимъ кандидатовъ на открывшіяся въ средѣ его вакансіи. Это право можетъ быть употребляемо во зло въ двухъ отношеніяхъ: а) должностныя лица извѣстнаго направленія могутъ подбирать себѣ товарищей такого же направленія, которое, если и не будетъ имѣть политическаго характера, то, во всякомъ случаѣ, окажется вреднымъ по своей односторонности; б) посредственность, по всей вѣроятности, будетъ избѣгать людей даровитыхъ, сопоставленіе съ которыми можетъ уронить его и въ общественномъ мнѣніи и передъ начальствомъ, а для отвращенія этого она, конечно, употребитъ всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы недопустить въ свою среду людей, которые не только могутъ ей перебить путь къ повышеніямъ, но даже обнаружить ея несостоятельность въ исполненіи трудныхъ судейскихъ обязанностей».

Мы согласны съ этими доводами и они вообще доказываютъ недостатки начала: о комплектованіи самыхъ себя судебными мѣстами и, само собою разумѣется, что недостатки подобной системы и вызываютъ необходимость выборнаго начала въ отношеніи суда; но если послѣднее, по общественному устройству извѣстнаго государства (гдѣ народная представительная централизація не существуетъ), невозможно для судовъ общихъ и гдѣ этотъ недостатокъ вызываетъ необходимость передачи назначенія судей власти исполнительной, тамъ иниціатива судовъ можетъ принести существенную пользу дѣлу. Но само собою разумѣется, что это право суда комплектовать свой составъ, должно получить такую обстановку, чтобы всѣ корпоративные недостатки не имѣли бы мѣста. Послѣднему условію именно и соотвѣтствуетъ предложенная мною мѣра:

она не стѣсняетъ судей въ выборѣ одного кандидата по *праву*, другого — по *его усмотрѣнію*; и министерство является здѣсь посредникомъ между правомъ и произвольнымъ выборомъ суда. Но и самое право не является у меня безусловнымъ, а оно можетъ быть еще отвергнуто: такъ какъ, при забаллотировкѣ старшихъ кандидатовъ, право на баллотировку получаютъ—младшіе. Съ другой стороны, при такомъ порядкѣ, когда министерству будетъ предстоять обязательный выборъ изъ двухъ кандидатовъ одного, или если ему будетъ предоставлено право отвергнуть выборъ только опредѣленное число—два или три раза, то назначеніе судей не будетъ также произвольно въ его власти. Съ подобнымъ же характеромъ, моя система стоитъ между двумя системами: между правомъ суда комплектовать самого себя и между правомъ министерства—назначать судей, поэтому пристрастія не можетъ быть ни съ какой стороны.

Въ опроверженіе же основаній меньшинства, большинство членовъ редакціонной комиссіи придерживается слѣдующихъ началъ: 1) Учрежденіе конкурса, для замѣщенія должностей членовъ окружного суда, повело бы къ оставленію на долгое время открывшихся вакансій незамѣщенными. 2) Принятіе конкурса поведетъ къ большой тратѣ времени кандидатами. 3) Испытаніе не можетъ принести существенной пользы и неустранитъ бездарности отъ суда, и изъ испытанія нельзя еще знать качествъ души человѣка. 4) Корпоративности же въ характерѣ выборовъ судами,—большинство не допускаетъ изъ высокаго понятія объ его достоинствѣ.

2) О порядкѣ избранія кандидатовъ на мѣста судебныхъ слѣдователей.

Одинъ членъ ред. коммисіи [1]) заявилъ мнѣніе, что полезно бы было, чтобы, не устраняя суда къ представленію кандидатовъ на должности судебнаго слѣдователя, предоставить въ этомъ случаѣ это право также и прокурорамъ. Основаніе его къ этому проекту заключалось въ томъ: 1) что собственный интересъ прокурора долженъ побуждать его къ указанію способныхъ кандидатовъ, такъ какъ замѣщеніе вакансій слѣдователей лицами опытными и знающими свое дѣло, можетъ нѣсколько облегчить лежащую на прокурорѣ тяжелую обязанность—неослабно слѣдить за производствомъ слѣдствій.

2) Что при постоянныхъ столкновеніяхъ прокуроровъ съ лицами, про-

---

[1]) Баронъ Врангель.

изводящими слѣдствія и при близкомъ знакомствѣ ихъ съ слѣдственною частью, можно, съ увѣренностью, ожидать отъ нихъ правильной оцѣнки способностей лицъ, имѣющихъ право на должность судебнаго слѣдователя.

Большинство на это возразило весьма дѣльно и основательно, что предоставленіе прокурорамъ этой иниціативы имѣло бы послѣдствіемъ личное вліяніе ихъ на слѣдователей, назначенныхъ по ихъ ходатайству, и это вызвало бы нѣкоторый родъ подчиненія этихъ послѣднихъ прокурору, что могло бы заставить слѣдователей дѣйствовать согласно съ видами, покровительствующихъ имъ, прокуроровъ. Это воспрепятствовало бы предписанному, основными положеніями судебной реформы въ Россіи, отдѣленію власти обвинительной отъ судебной: такъ какъ на судебнаго слѣдователя должно смотрѣть прежде всего, какъ на члена суда, дѣйствующаго отъ имени судебной власти, и это могло бы самымъ вреднымъ образомъ отразиться въ направленіи уголовныхъ слѣдствій по личному воззрѣнію органовъ обвинительной власти.

3) *По вопросу объ избраніи сенаторовъ и первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ сената*, одинъ членъ [1]) полагалъ, что основныя положенія не предполагаютъ уничтоженія сената и образованія, вмѣсто него, особаго кассаціоннаго суда, на совершенно новыхъ основаніяхъ, но имѣютъ въ виду лишь преобразованіе сената, посредствомъ измѣненія его назначенія предметовъ вѣдомства и реформы въ дѣлопроизводствѣ. Вслѣдствіе сего, основныя положенія сохраняютъ названіе сената и сенаторовъ, соединяя съ ними понятія, установленныя дѣйствующими законами, и вовсе не касаются тѣхъ правилъ, которыми въ настоящее время опредѣляется порядокъ замѣщенія должностей сенаторовъ и высокое значеніе, соединяемое съ этимъ званіемъ, — по этимъ соображеніямъ одинъ членъ полагалъ исключить правило, что кандидатовъ на замѣщеніе сенаторовъ представляетъ правительствующій сенатъ. На это большинство возразило логично: что предоставляя это право общимъ собраніямъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, было бы непослѣдовательно и даже неблаговидно—отказать въ этомъ правѣ общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ сената. Напротивъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, что на первоприсутствующихъ и сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената будутъ лежать въ высшей степени важныя

[1]) Баронъ Врангель.

и трудныя обязанности; а съ другой стороны, что эти департаменты и вслѣдствіе разсмотрѣнія дѣлъ въ кассаціонномъ порядкѣ, и по праву надзора за всѣми судебными мѣстами—будутъ имѣть самыя положительныя и вѣрныя свѣдѣнія о достоинствѣ высшихъ судебныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства; а потому нельзя сомнѣваться въ томъ, что выборъ общимъ собраніемъ сихъ департаментовъ на сенаторскія мѣста будетъ лучшимъ указаніемъ на лица, вполнѣ заслуживающія этого почета.

4) *По вопросу о порядкѣ представленія на Высочайшее усмотрѣніе о кандидатахъ на мѣста сенаторовъ и первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ сената,*—воспослѣдовавшее разногласіе редакціонной коммиссіи имѣетъ огромное юридическое значеніе. Выше я уже говорилъ о томъ, что независимость и самостоятельность судебной власти непосредственно зависитъ отъ того положенія, въ какомъ находится кассаціонный судъ въ государствѣ. Поэтому сословіе сенаторовъ должно быть изъято отъ всего, что, не только непосредственно, но даже и косвенно, можетъ имѣть какое бы то ни было соотношеніе къ его независимому положенію въ государствѣ, и такъ какъ эта независимость настолько же имѣетъ соотношеніе съ порядкомъ удаленія сенаторовъ отъ должностей, какъ съ самымъ ихъ опредѣленіемъ въ это сословіе, то само собою разумѣется, что назначеніе и устраненіе сенаторовъ отъ должностей должно имѣть самыя строгія гарантіи... Подъ вліяніемъ этой основной мысли 8 членовъ редакціонной комиссіи [1]) полагали, что съ принятіемъ правила: что представленіе объ избранныхъ общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ кандидатахъ на мѣста сенаторовъ, восходитъ на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ министра юстиціи,—возникаетъ вопросъ: *вправѣ ли министръ юстиціи доложить при томъ Государю о неудовлетворительности избранныхъ кандидатовъ*? Если ему не дать этого права, тогда онъ будетъ только лишнею инстанціею и участіе его будетъ одною лишь формальностью, не только безполезною для дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вредною: ибо она, такъ сказать, отдаляя кассаціонный сенатъ отъ предсѣдателя его, Государя Императора, тѣмъ самымъ уменьшаетъ значеніе этого верховнаго суда. Если же дать министру юстиціи право представлять Его Величеству, что избран-

---

[1]) Буцковскій, Есиповичъ, Желтухинъ, Зарудный, Квистъ, Крейтеръ, Плавскій, Поповъ.

ный общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ кандидатъ не заслуживаетъ утвержденія, въ такомъ случаѣ министръ юстиціи сдѣлается ревизующимъ постановленія общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ: а какъ представленія министра, *въ обыкновенномъ порядкѣ вещей*, будутъ удостоиваемы Высочайшаго одобренія, то въ существѣ отъ министра юстиціи будетъ зависить и самая отмѣна постановленій кассаціонныхъ департаментовъ. Кромѣ того, при такомъ порядкѣ, участь многихъ кандидатовъ на мѣста сенаторовъ будетъ уже прямо зависить отъ министра юстиціи; а это отношеніе зависимости, по большей части, останется и послѣ назначенія этихъ кандидатовъ въ сенаторы, въ противность, вводимому основными положеніями, началу самостоятельности судей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самого суда.

Поэтому меньшинство предлагало, чтобы съ представленіемъ о кандидатахъ на сенаторство входилъ бы къ Государю Императору первоприсутствующій общаго собранія кассац. департ. сената. *Большинство же находило:* «что то лицо, которое будетъ подносить Императорскому Величеству списокъ избранныхъ общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ сената кандидатовъ на вакансіи сенаторовъ, несомнѣнно получитъ нѣкоторое вліяніе на назначеніе въ то званіе въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ кандидатовъ кто-либо неизвѣстенъ лично Государю Императору. Но при неизбѣжности такого послѣдствія, какъ по мнѣнію 8 членовъ, *опасно* предоставить это право министру юстиціи, такъ, по предположенію 19 членовъ, еще опаснѣе ввѣрить его первоприсутствующему общаго собранія сената. Если можно предполагать, что министръ юстиціи получитъ чрезъ это средства вліять на высшее судилище имперіи, несмотря на то, что онъ не будетъ принимать никакого непосредственнаго участія въ дѣлахъ его, то тѣмъ вѣрнѣе можно ожидать еще большаго преобладанія со стороны первоприсутствующаго, при личномъ его участіи въ рѣшеніи дѣлъ».

Эти два діаметрально противуположныхъ мнѣнія доказываютъ всю несостоятельность самой системы: иначе одно изъ нихъ было бы ложно, другое вѣрно; но оба они вѣрны по началамъ своимъ, а невѣрны по выводамъ, такъ какъ оба вывода заключаютъ въ себѣ недостатокъ всей системы. Не предоставить министру или первоприсутствующему права критики избранія, значитъ написать законъ безъ практическаго приложенія: если не письменно, то они словесно могутъ доложить верховной власти объ удобствѣ или неудобствѣ самого выбора. Если не предоставить верховной исполнительной власти права отвергнуть кандидата, представленна-

го сенатомъ, то въ чемъ же будетъ заключаться участіе ея въ назначеніи сенаторовъ и не будетъ ли это назначеніе одною только формальностью? Поэтому, для избѣжанія этихъ неудобствъ, независимость верховнаго судилища болѣе гарантируется, когда оно комплектуется по назначенію центральнаго представительнаго народнаго собранія. Но гдѣ этого собранія нѣтъ, тамъ лучшею формою можетъ служить избраніе сенатомъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительствомъ можетъ быть отвергнутъ только одинъ. При такомъ порядкѣ, министерство юстиціи можетъ, безъ ущерба независимости сената, быть посредникомъ между имъ и верховною властью и въ этомъ случаѣ скорѣе можно отдать ему преимущество, чѣмъ порвоприсутствующему, такъ какъ въ этомъ случаѣ постороннее лицо можетъ безпристрастнѣе судить — кто изъ двухъ кандидатовъ достойнѣе сенаторскаго званія; между тѣмъ, какъ первоприсутствующій, при самыхъ выборахъ, можетъ къ одному питать больше расположенія, нежели къ другому; и это расположеніе при докладѣ верховной власти можетъ имѣть вліяніе и на самое назначеніе судьи. И такъ какъ самые выборы кандидатовъ будутъ въ совершенной независимости отъ министерства и, независимо отъ желанія министра, одинъ изъ двухъ кандидатовъ непремѣнно долженъ быть сенаторомъ, то само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ скорѣе отдастся предпочтеніе достойнѣйшему. Но когда кандидатура, представляемая сенатомъ, не имѣетъ обязательной формы, и если она есть только простая рекомендація; и если дальнѣйшее назначеніе въ должность сенатора лежитъ во власти верховнаго правительства, то скорѣе можно предпочесть первоприсутствующаго—министру юстиціи. Мнѣніе о томъ, что отъ этого доклада, вновь избранный, сенаторъ станетъ въ зависимость отъ первоприсутствующаго—не можетъ имѣть мѣста потому, что первоприсутствующій будетъ докладывать Государю Императору только о результатахъ сенаторскихъ выборовъ и, при самыхъ выборахъ, онъ будетъ представлять не нѣсколько кандидатовъ, а только одного, котораго царствующій Государь можетъ принять или отвергнуть, и когда кандидатъ будетъ отвергнутъ, тогда не назначится же то лицо, котораго пожелаетъ первоприсутствующій, а должна быть въ сенатѣ перебаллотировка. Съ формою же представленія кандидатовъ министерствомъ, послѣднее, не соглашаясь на выборы сената, само собою разумѣется, представитъ ужь въ кандидаты покровительствуемое имъ лицо... Но съ послѣднимъ можно бы согласиться, съ грѣхомъ пополамъ, при правилѣ— объ отвѣтственности министерства: въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ ми-

нистерство есть само—дѣло народное, то оно согласуется съ общественнымъ мнѣніемъ и съ заявленіями законодательнаго сословія; но когда оно безотвѣтственно, то дѣйствительно его безконтрольныя назначенія и рекомендаціи судей могутъ быть весьма зловредны и прямо противорѣчитъ принципу независимости суда.

Разсмотрѣвъ возникшія въ редакціонной комиссіи разногласія, государственный совѣтъ нашелъ, что [1]): «имѣя въ виду, что сенаторы и первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ назначаются Высочайшими именными указами, по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества, соединенные департаменты признаютъ излишнимъ предоставлять общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ сената *указывать* кандидатовъ на эти должности. Равнымъ образомъ было бы неудобно предоставлять самимъ окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ избирать кандидатовъ для замѣщенія открывающихся въ этихъ мѣстахъ должностей предсѣдателей и ихъ товарищей. Что же касается замѣщенія должностей членовъ въ означенныхъ судахъ и палатахъ, то указаніе общими ихъ собраніями на лица, достойныя занять эти должности, можетъ быть очень полезно для министра юстиціи; но это указаніе, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, не слѣдуетъ признавать настолько для него *обязательнымъ*, чтобы онъ непремѣнно долженъ былъ объяснять причины, побуждающія его къ устраненію избранныхъ судомъ кандидатовъ, тѣмъ болѣе, что и по основнымъ положеніямъ всѣ эти должности замѣщаются по представленіямъ министра юстиціи, и при этомъ вовсе не сказано, чтобы онъ въ своихъ представленіяхъ могъ быть стѣсняемъ чьими-либо указаніями».

Вслѣдствіе этого проектъ редакціонной комиссіи, *въ измѣненномъ видѣ*, и вошелъ въ положеніе 20-го ноября 1864 года, въ слѣдующемъ текстѣ:

1) Предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены окружныхъ судовъ, въ томъ числѣ и судебные слѣдователи, а также старшіе предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ и члены судебныхъ палатъ назначаются Высочайшею властію, по представленіямъ министра юстиціи (ст. 212).

2) Въ случаѣ открывшейся въ окружномъ судѣ или судебной палатѣ должности члена, въ томъ числѣ судебнаго слѣдователя, немедленно со-

---

[1]) См. журналъ Госуд. Совѣта 17, 20, 24, 27 іюля 1864 г. № 48, стр. 27—88.

ставляется общее собраніе суда или палаты, для совѣщанія, при участіи прокурора, о кандидатахъ на сіи должности изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, опредѣленныхъ въ статьяхъ 200—206 полеженія (ст. 213).

3) Представленія окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ объ означенныхъ въ предшедшей 313 статьѣ кандидатахъ, изъявившихъ согласіе на принятіе должности членовъ сихъ судовъ, поступаютъ къ министру юстиціи чрезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты (ст. 214).

4) Министръ юстиціи представляетъ Императорскому Величеству какъ объ указанныхъ судебными мѣстами кандидатахъ, такъ и о другихъ, *имѣющихъ* право, по статьямъ 200—206 сего учрежденія, на занятіе открывшихся должностей (ст. 215).

5) Сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ сената и первоприсутствующіе какъ сихъ департаментовъ, такъ и общаго оныхъ собранія, назначаются Высочайшими именными указами, по непосредственному усмотрѣнію Императорскаго Величества ст. (216).

6) Оберъ-секретари кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената утверждаются министромъ юстиціи, по представленію надлежащихъ оберъ-прокуроровъ, а помощники оберъ-секретарей и прочіе чины канцелярій назначаются оберъ-прокурорами (ст. 217).

7) Оберъ-прокуроры кассаціонныхъ департаментовъ сената и прокуроры судебныхъ палатъ опредѣляются, по представленію министра юстиціи, именными Высочайшими указами (ст. 219).

8) Такимъ же порядкомъ (ст. 219) назначаетсс одинъ изъ оберъ-прокуроровъ кассаціонныхъ департаментовъ сената для исполненія прокурорскихъ обязанностей въ общемъ собраніи ихъ департаментовъ (ст. 220).

9) Товарищи оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ судебныхъ палатъ, а также прокуроры окружныхъ судовъ опредѣляются, по представленіямъ министра юстиціи, Высочайшею властью (ст. 221).

10) Товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ опредѣляются, по представленіямъ прокурора судебной палаты, министромъ юстиціи (ст. 222).

11) Секретари при оберъ-прокурорахъ опредѣляются лицами прокурорскаго надзора, при которыхъ они состоятъ (ст. 223).

12) Лица, опредѣленныя къ судебнытъ должностямъ, обязаны являться на службу не позднѣе *одного мѣсяца* со дня объявленія имъ объ опредѣленіи ихъ къ должности. Находящимся въ разстояніи болѣе *100 верстъ* отъ того судебнаго мѣста, куда они назначены, прибавляется поверстный срокъ по одному дню на каждыя *50 верстъ* разстоянія (ст. 224).

13) Каждый, назначенный *въ первый разъ* въ должность судьи, приводится къ особой на это званіе присягѣ, духовнымъ лицомъ своего вѣроисповѣданія, въ публичномъ засѣданіи всѣхъ департаментовъ или отдѣленій суда, въ который поступаетъ, по прилагаемой формѣ (ст. 255) [1]).

Такъ опредѣляются закономъ 20 ноября отношенія правительства къ назначенію судей въ общіе суды и право судовъ на представленіе кандидатовъ является лишь какъ простая рекомендація правительству, а не какъ форма обязательная, потому что министерству предоставлено—представлять въ судьи, кромѣ кандидатовъ судебныхъ мѣстъ, еще и другихъ лицъ, могущихъ по закону занять судейскія должности.

---

[1]) Всѣ формы приложены въ концѣ второй части 1-го тома настоящаго сочиненія.

ГЛАВА VI.

Существенныя условія, требуемыя теоретиками для должности судьи: спеціальное юридическое образованіе и практическое знаніе жизни. Право судьи передавать свои обязанности своему уполномоченному. Запрещеніе судьѣ занимать другую должность, быть избирателемъ, вести торговлю, быть профессоромъ, быть выборнымъ. Условія, требуемыя нѣкоторыми законодательствами: извѣстный возрастъ, принадлежность судьи къ извѣстному сословію или обществу его избирающему, не состоять подъ судомъ и слѣдствіемъ, не быть опороченнымъ общественными и судебными приговорами. Условія, требуемыя реформою 20 ноября 1864 года, для поступленія въ должность мирового судьи и въ общіе суды.

1) *Теоретическое и практическое образованіе судей.*

Мы уже видѣли, въ предшествовавшей главѣ, съ какою ироніею и негодованіемъ Бентамъ отзывался противъ той мысли, «что будто бы каждый человѣкъ, если онъ только уменъ и честенъ, уже можетъ быть судьею...» Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Бентамомъ: необходимость теоретической и практической, спеціальной, подготовки судей вытекаетъ изъ понятія о сущности судебной власти. Судебная власть имѣетъ предметомъ своимъ осуществленіе права въ государствѣ, наблюденіе за его ненарушимостью и о точномъ, единообразномъ, его примѣненіи къ жизни. Поэтому, предметъ судебной власти обнимаетъ большую часть вѣтвей права: она настолько же обязана охранять государственное право, какъ и гражданское; настолько же обязана наблюдать за ненаруши-

мостью народнаго хозяйства, какъ и за неприкосновенностью отдѣльнаго имущества; должна побуждать настолько же администраторовъ къ исполненію инструкцій казеннаго управленія, насколько частныхъ лицъ къ исполненію ими ихъ частныхъ обязательствъ и уполномочій; она настолько же должна бдѣть объ общественномъ спокойствіи, насколько она заботится о безопасности отдѣльныхъ лицъ; она должна настолько же охранять державныя права законодательной и исполнительной власти и ихъ органовъ, какъ и права гражданъ. При такой обширности своихъ предметовъ, судебная власть обнимаетъ всю внутреннюю государственную жизнь, со всѣми ея учрежденіями, уставами, отдѣльными законоположеніями, частными и юридическими обычаями; обнимаетъ науки, торговлю, промышленность, искуство и художества; входитъ во всю внутреннюю жизнь отдѣльныхъ членовъ общества, вторгаясь въ ихъ духовный міръ, въ ихъ отношенія къ семейству, къ частнымъ лицамъ и къ обществамъ. При такомъ же характерѣ, судебная власть требуетъ знанія, до малѣйшихъ подробностей и частностей, не только теоретическаго и практическаго смысла законовъ страны и обычаевъ, но требуетъ и полнѣйшаго и совершеннѣйшаго знанія народной жизни, ея условій во всѣхъ ея положеніяхъ, развитіи и фазахъ. Поэтому-то институтъ судей, какъ органъ власти судебной, долженъ быть составленъ изъ лицъ съ самыми обширными познаніями, которыя бы обнимали всю внутреннюю жизнь государства. Безъ этихъ же условій судебная власть не можетъ осуществить своей цѣли: какъ будетъ она знать—нарушены ли законныя условія независимости и ненарушимости правъ власти законодательной и исполнительной и всѣхъ ея органовъ, правъ обществъ и сословій, если судьи не будутъ знать государственнаго права? Какимъ образомъ судебная власть можетъ заботиться о ненарушимости законныхъ условій народнаго хозяйства, народнаго здравія, народнаго просвѣщенія, если судьи незнакомы съ правомъ финансовымъ, съ правомъ благоустройства и благочинія? Какъ можетъ судебная власть осуществить права отдѣльныхъ лицъ, какъ въ отношеніи ихъ къ семейству, такъ и въ отношеніи ихъ къ обществу, если судьи основательно не знаютъ права гражданскаго? Какъ можетъ она соразмѣрять наказанія съ преступленіями и проступками, если ея органы основательно не знаютъ права уголовнаго, со всѣми вспомогательными къ ней науками. Наконецъ, какъ можетъ власть судебная примѣнить законъ къ жизни, когда судьи будутъ незнакомы съ этой жизнію, во всѣхъ ея проявленіяхъ? Оттого-то самая сущность судебной власти требуетъ,

чтобы органы ея, или судьи, совмѣщали въ себѣ именно тѣ условія, по которымъ она бы могла сдѣлаться цѣлесообразною. Безъ этихъ же условій судебная власть становится какимъ-то чудовищнымъ уродомъ въ ряду государственныхъ учрежденій: непонятое ею право принимаетъ уродливыя формы; народное и частное хозяйства, не имѣя разумной и твердой законной опоры, приходятъ въ упадокъ; законы теряютъ свою обязательную силу; она сама теряетъ свое единство — это духовное начало, которое даетъ ей и крѣпость и мощь; она парализируетъ и себя, и общество, и общественное сознаніе... Но для того, чтобы совмѣщать въ себѣ условія, необходимыя для того, чтобы судебная власть была цѣлесообразною, для этого необходимо, долговременное, теоретическое и практическое изученіе права, со всѣми вспомогательными къ нему науками. Послѣднее условіе достигается двумя путями: или можно изучать право въ высшихъ юридическихъ учебныхъ заведеніяхъ и потомъ изучать приложеніе его къ жизни, въ адвокатурѣ и канцеляріяхъ судовъ. Или же можно, непосредственно, внѣ учебныхъ заведеній, изучать теоретически право; а приложеніе его къ жизни изучать тѣмъ путемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Но само собою разумѣется, что первый путь вѣрнѣе: многолѣтнее изученіе въ учебномъ заведеніи науки, въ правильномъ, систематическомъ, видѣ, можетъ обогатить человѣка не только основательными теоретическими познаніями права, но вмѣстѣ съ тѣмъ создать въ душѣ его идеалъ этого права—идеалъ, къ которому направлены всѣ прогрессивныя стремленія человѣчества. Прилагая потомъ право къ жизни, теоретикъ невольно и почти безсознательно проводитъ идеалъ въ жизнь и такимъ образомъ теорія становится практикою, наука становится жизнію. Достигнуть же чисто-практическимъ изученіемъ права этого же идеала почти невозможно: практика представляетъ намъ не только хорошую, но и дурныя стороны каждаго учрежденія; поэтому, для того, чтобы быть въ состояніи положить границы между тѣмъ и другимъ; и для того, чтобы быть въ состояніи сдѣлать то и другое и привести въ своемъ сознаніи все, почерпнутое изъ жизни и практики, въ опредѣленную систему — безъ чего самый идеалъ немыслимъ, — для этого необходимо имѣть особенный складъ ума, особенный талантъ и практическую развитость. Послѣднее же есть удѣлъ умовъ очень, очень рѣдкихъ... Но теоретическое изученіе права, могутъ мнѣ возразить, можетъ быть и внѣ учебныхъ заведеній. Это совершенно справедливо; но какой хотите возьмите способъ изученія права (въ учебномъ ли заведеніи

или внѣ его), каждый требуетъ изученія долговременнаго и систематическаго. Долговременнаго потому, что юридическая наука—наука весьма обширная, такъ какъ она обнимаетъ всю государственную внутреннюю жизнь; систематическая потому, что научныя начала можно усвоить себѣ, только изучая ихъ въ извѣстной послѣдовательности. Послѣднія же условія, по большей части, невозможны въ практикѣ: практика отрываетъ человѣка отъ науки, мѣшаетъ ему систематически заниматься предметомъ и озабочивая его трудомъ ненаучнымъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, можетъ предоставить ему столько времени, чтобъ онъ могъ просиживать большую часть досуга надъ теоретическими сочиненіями. Къ тому же и подобный методъ изученія права не можетъ обойтись безъ руководителя: каждая наука имѣетъ свои—начало и конецъ; поэтому необходимо, чтобы каждому начинающему указано было: съ чего начать, гдѣ—что отыскивать. что—изучать, и что—только прочитывать, какими сочиненіями руководствоваться и т. д. Какъ же обойтись въ этомъ случаѣ безъ руководителя? Практика же представляетъ ли эти условія?... Если вы сами адвокатъ, то дѣла вашихъ кліентовъ не позволятъ вамъ посвятить столько времени, чтобы вы могли самоучкою сдѣлаться теоретикомъ: вечеръ свой вы посвящаете на приготовленіе себя къ завтришней защитѣ дѣла; утро – на пріемъ кліентовъ и на объясненіе съ ними; полуденное время—на защиту дѣла въ судѣ; послѣ обѣда—на отдыхъ... Гдѣ же тутъ время для труда, который требуетъ усидчивости и систематичности, и если у васъ останется на адвокатскомъ поприщѣ досугъ, то вы, вѣроятно, скорѣе его употребите на чтеніе газетъ и журналовъ; а по предмету права, то развѣ иногда прочтете легкую, какую нибудь, статейку. Поэтому-то, самъ отрываясь отъ науки, какимъ образомъ адвокатъ можетъ, въ научномъ отношеніи, быть полезнымъ руководителемъ молодежи, у него практикующей?... Въ самой же практикѣ, молодежъ можетъ у адвоката научиться—только защищать кліентовъ своихъ, сопоставлять факты фактамъ, прилагать законъ къ дѣлу, объяснять софистически смыслъ закона односторонно, — но въ этомъ не только ничего нѣтъ научнаго, но все это настолько же отстоитъ отъ науки, какъ ложь и искусно разсказанная неправда отъ—истины. Поэтому-то въ адвокатурѣ практикующій молодой человѣкъ можетъ вынести, напротивъ, самый ложный идеалъ о правѣ: въ сознаніи его этотъ идеалъ можетъ принять видъ не святой, неприкосновенной истины, а напудренной, набѣленной и облеченной въ софизмы и риторическіе возгласы лжи; и такимъ образомъ у молодежи

можетъ установиться понятіе не о безусловномъ правѣ, а о томъ правѣ, которое умѣетъ принять этотъ видъ въ адвокатской защитѣ. Къ тому же, если у адвоката и встрѣчаются дѣла правдивыя, то все-таки у него перемѣшана ложь и правда, а онъ не можетъ же каждый разъ объяснять своему ученику истинный смыслъ и значеніе факта, такъ какъ подобное объясненіе можетъ нерѣдко погубить дѣло его кліента. Слабая сторона процесса—секретъ не адвоката, а его кліента и выдача этого секрета кому бы то ни было—измѣна со стороны адвоката. Поэтому, собственное убѣжденіе адвоката, въ данномъ дѣлѣ, должно быть его строжайшимъ секретомъ. Иначе онъ не исполнилъ ни долга своего, ни присяги. На этомъ основаніи, полнѣйшей истины ученикъ адвоката никогда не можетъ добыть и, можно сказать, что изъ конторы своего патрона онъ даже не выноситъ его личныхъ убѣжденій, а только—его манеру защищать дѣла и способъ примѣненія законовъ. Въ отношеніи же судебныхъ мѣстъ, можно сказать, что молодежъ, служащая въ ней, можетъ познакомиться съ обрядностью, съ частными приложеніями закона къ жизни, но, прослуживши всю жизнь въ судѣ, она все-таки не вынесетъ опредѣленнаго идеала о правѣ. Судебный практикъ укажетъ вамъ, пожалуй, съ большою точностью о практическомъ значеніи извѣстнаго закона, можетъ объяснить вамъ весь порядокъ суда и расправы; но дѣлать онъ будетъ, и первое и второе, совершенно безсознательно и не съумѣетъ объяснить вамъ: почему въ такомъ-то случаѣ прилагается къ дѣлу такой-то законъ, почему въ другомъ случаѣ — другой. Происходитъ же это оттого, что судьѣ не входить же въ объясненія съ чиновниками суда и каждый разъ растолковывать имъ: почему онъ сослался въ одномъ случаѣ на такую-то статью, а почему въ другомъ — на другую. Руководителями же молодежи въ судѣ не могутъ быть судьи ужь потому, что все время ихъ занято или засѣданіями, или просмотромъ документовъ дѣла. Слѣдовательно, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, можетъ практика изъ своей сферы воспроизвести теоретика. Вотъ почему наука и отдаетъ преимущество первой формѣ, а именно: систематическому изученію въ учебныхъ заведеніяхъ права и потомъ приложеніе его къ жизни въ адвокатурѣ и въ судебныхъ канцеляріяхъ; вотъ почему и наука требуетъ обоихъ этихъ условій отъ того лица, которое желаетъ занять судейскую должность. Впрочемъ, допуская и возможность совмѣщенія теоріи съ практикою и въ лицахъ, неизучившихъ права въ учебныхъ заведеніяхъ, она допускаетъ къ занятію судейскихъ должностей и послѣднихъ,

но все же подъ условіемъ—теоретическаго знанія права. Остановясь на этомъ положеніи, наукѣ все равно: гдѣ бы мы не пріобрѣли теоретическихъ знаній; она только требуетъ, чтобы фактъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ вѣрными юридическими данными.

Съ другой стороны наука не можетъ не желать, чтобы судьи, получившіе теоретическое, юридическое, образованіе, умѣли прилагать свои познанія къ жизни. Необходимость послѣдняго вытекаетъ изъ сущности судебной власти: возстановляя нарушенное право, она касается всей народной жизни; встрѣчается, если можно такъ выразиться, лицомъ къ лицу съ послѣдней; обращаетъ букву закона въ дѣло и направляетъ жизнь согласно съ условіями права. Для того же, чтобы такъ всесторонно мочь понимать и объяснять законъ, для этого необходимо многостороннее приложеніе закона къ частнымъ случаямъ: только подъ этимъ условіемъ возможно уяснить себѣ истинный смыслъ и значеніе закона или общаго правила; возможно составить себѣ о правѣ понятіе, какъ о наукѣ живой; возможно сдѣлаться способнымъ проводить идеалъ въ жизнь. Эти же условія требуютъ долголѣтней и многосторонней практики, которая и возможна только или въ судахъ, или на адвокатскомъ поприщѣ.

2) *Приготовленіе судей въ канцеляріяхъ судовъ и на адвокатскомъ поприщѣ. Мнѣніе о послѣднемъ Бентама и мысли его о правѣ судей передавать свои обязанности другому лицу.*

Практическое значеніе права требуетъ, чтобы теоретикъ могъ изучать эту науку въ приложеніи ея къ жизни. Въ этомъ случаѣ, какъ я выше сказалъ, суды и адвокатура представляютъ главнѣйшее поприще для теоретиковъ. Въ канцеляріяхъ судовъ теоретикъ не только можетъ познакомиться съ формами и обрядами судебной власти, не только съ тѣмъ, какъ законы, въ данныхъ случаяхъ, примѣняются къ дѣлу; но въ засѣданіяхъ суда онъ можетъ выслушивать дѣла о самыхъ разнообразныхъ, всесторонніхъ, явленіяхъ общественной жизни; можетъ изучить: какъ и въ какихъ случаяхъ понимали, и прилагались законы къ дѣлу; какъ принялось и привилось теоретическое начало къ жизни и соотвѣтствуетъ ли оно ей или не соотвѣтствуетъ. Въ судахъ теоретикъ можетъ изучить всѣ извороты, которые употребляются и отвѣтчиками и адвокатами, для защиты дѣла, и тѣ пріемы, какіе употребляютъ суды для разоблаченія лжи и неправды и для торжества истины. Словомъ въ засѣданіяхъ, канцеляріяхъ суда и въ судебныхъ рѣшеніяхъ, теоретикъ можетъ пріобрѣсти навыкъ къ приложенію закона, къ анализу фактовъ, къ умѣнію отличить

разукрашенную и разрумяненную ложь отъ истины; словомъ, можетъ пріобрѣсти тотъ практическій тактъ, который дѣлаетъ судью безпристрастнымъ исполнителемъ и истолкователемъ закона.

Но еще обширнѣйшее поприще къ этому представляетъ адвокатура. Въ канцеляріяхъ суда, въ его засѣданіяхъ и адвокатскихъ преніяхъ, и въ судебныхъ постановленіяхъ теоретикъ можетъ еще потеряться, можетъ не уловить истиннаго значенія того или другого явленія и все же дѣйствуетъ не собственнымъ сознаніемъ: а всѣ познанія его, какъ пришлыя извнѣ, не проникнуты ни критическою оцѣнкою, ни самостоятельнымъ взглядомъ. Въ адвокатурѣ же теоретикъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ жизнію и обязанъ непосредственно примѣнять законъ къ дѣлу. Онъ становится здѣсь публично бойцомъ, а каждая борьба возбуждаетъ напряженіе силъ. Отъ этой напряженности умственныхъ силъ въ адвокатѣ является способность практической оцѣнки не только разныхъ жизненныхъ явленій, но и способность всесторонняго анализа фактовъ и приложенія къ нимъ законовъ... Рождается эта способность вслѣдствіе того, что адвокатъ обязанъ защищать и праваго и неправаго. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ ему приходится: 1) сперва уяснить себѣ понятіе о томъ, что составляетъ предметъ его защиты и опроверженія; 2) уяснить себѣ истинный смыслъ того права, которое нарушено; 3) уяснивъ себѣ первое и второе, онъ становится уже способнымъ взвѣсить все, говорящее *противъ* и *въ пользу* того предмета, который онъ защищаетъ.

Слѣдовательно, первый актъ каждой судебной защиты есть всестороннее изученіе предмета защиты, всестороннее изученіе приложенія къ нему закона. Къ послѣднему же побуждается адвокатъ тѣмъ, что при малѣйшемъ упущеніи имъ какой-либо стороны своего дѣла, оно можетъ быть проиграно и репутація адвоката можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пострадать. Эта-та борьба, съ которою сопряжены интересы и карьера адвоката, держитъ всѣ его способности постоянно въ напряженномъ состояніи и дѣлаетъ его способнымъ къ всестороннему изученію явленій жизни и приложенію къ ней законовъ. Наконецъ, употребляя разные пріемы для защиты дѣла, онъ изучаетъ и пріемы своихъ противниковъ; поэтому, садясь, впослѣдствіи, на судейскія кресла, онъ ужь не можетъ увлекаться софизмами, мишурою краснорѣчія, а добывается сущности дѣла и истины.

Но послѣдняго мнѣнія не раздѣляютъ однакожъ всѣ юристы: Бентамъ прямо ставитъ себя противъ того: «чтобы адвокаты дѣлались судьями».

Не могу поэтому предмету не выписать, представляемый геніальнымъ юристомъ, контрастъ между сущностью качествъ судьи и адвоката [1]).

«Если бы, говоритъ Бентамъ,—только въ званіи адвоката можно было пріобрѣсть знаніе законовѣдѣнія, то, конечно, нужно бы было избирать судей только изъ адвокатовъ. Такъ дѣлается въ Англіи, не вслѣдствіе положительнаго закона, но по обычаю, основанному на необходимости. Тамъ законы такъ запутаны, и для знанія ихъ требуется такое продолжительное изученіе, соединенное съ такою неутомимою практикою, что, внѣ класса адвокатовъ, нѣтъ никого, кто бы достаточно былъ съ ними знакомъ».

Выше я уже показалъ, въ чемъ заключается сущность судебной власти и какія условія требуются отъ судей; причемъ объяснено мною, что лучшій практическій путь для подготовки судей есть поприще адвокатское; поэтому, находя излишнимъ опровергать приведенное мною мнѣніе Бентама, я перейду къ самымъ аргументамъ его положенія, которое заключается въ слѣдующемъ:

1) «Между хорошимъ судьею и хорошимъ адвокатомъ много сходства, но еще болѣе различія. Хотя предметъ ихъ одинъ и тотъ же — законы, но они смотрятъ на него съ различныхъ и даже противуположныхъ сторонъ [2])».

2) «Для обоихъ необходимо искуство хорошо говорить. Но для судьи главное условіе при этомъ составляетъ дидактическая ясность; для адвоката же преимущественно нужны—ораторская способность и извороты діалектики».

3) «Проворство особенно необходимо для адвоката, который долженъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому и безъ приготовленія представлять свои доводы и возраженія. Судья можетъ дѣйствовать съ большею медленностью; онъ можетъ отложить свое рѣшеніе, если встрѣчаетъ какія нибудь сомнѣнія».

4) «Живое воображеніе, искуство убѣждать, воспріимчивость, — вотъ

---

[1]) См. О судоустр. Бентама. пер. Книрима. С.-Петер. 1860 г.

[2]) Оба они глядятъ на законъ одинаково, оба понимаютъ его истинный смыслъ; но только оба они употребляютъ законъ какъ орудіе другихъ цѣлей — адвокатъ, чтобы оправдать кліента, судьи — чтобы возстановить нарушенное право. Авторъ.

необходимыя условія для адвоката. [1]) Спокойствіе, безпристрастіе, терпѣніе,—вотъ достоинство судьи».

5) «Во власти адвоката находится только изысканіе доводовъ, для доказательствъ даннаго положенія. [2]) Судья сохраняетъ всю свободу, для произнесенія рѣшенія, смотря по силѣ доказательствъ той или другой стороны. Одинъ подавляетъ свое мнѣніе и долженъ подчинить свою совѣсть интересамъ защищаемой имъ стороны; [3]) другой, свободный отъ всякихъ постороннихъ побужденій, сохраняетъ невозмутимое безпристрастіе къ тяжущимся».

6) «Правда, судья долженъ быть знакомъ съ краснорѣчіемъ, чтобы оградить себя отъ опасностей, имъ представляемыхъ. Но нужно ли для этого самому умѣть пользоваться орудіями краснорѣчія? Развѣ необходимо для адвоката самому быть сначала *лжесвидѣтелемъ*, чтобы умѣть обнаружить изгороты и противорѣчія лжесвидѣтеля?» [4])

---

[1]) Я присутствовалъ, говоритъ Дюманъ, переводчикъ Бентама,—при одномъ химическомъ опытѣ довольно любопытномъ: въ верхней части стакана, наполненнаго льдомъ, кипятили воду. «Это представляетъ», сказалъ имъ кто-то,—«образецъ краснорѣчія адвоката».

[2]) Однакожъ это дѣло непустое, съ этимъ сопряжено всестороннее разсмотрѣніе не только всего, что служитъ въ пользу или во вредъ стороны защищаемой имъ, но и всего, что относится и къ противной сторонѣ. Авторъ.

[3]) Адвокатъ, защищая даже дѣло неправое, дѣйствуетъ все-таки *по совѣсти*, такъ какъ онъ исполняетъ только свой долгъ... Защищая неправаго кліента, адвокатъ вовсе не высказываетъ своего *мнѣнія* объ его дѣлѣ, а защищаетъ только его интересы; поэтому *мнѣніе* адвоката о данномъ дѣлѣ и *его защита* не имѣютъ ничего общаго. И исполняя, такимъ образомъ, въ защитѣ только свой долгъ, адвокатъ, защищающій дѣло самое неправое, все-же можетъ быть лично добросовѣстнымъ человѣкомъ и отъ того то адвокаты и сохраняютъ уваженіе общества. Авторъ.

[4]) Сравненіе Бентами рѣзко. Но мы не можемъ не сказать, что мудрено знать то, чего не только не изучалъ, но надъ чѣмъ самъ не практиковалъ: объ адвокатурѣ, какъ объ искуствѣ, можно тоже самое сказать. Поэтому, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ всѣ судьи не изъ адвокатовъ, тамъ адвокаты, если только они просвѣщеннѣе судей, овладѣваютъ всею юстиціею. Самъ Бентамъ приводитъ такой примѣръ изъ исторіи Голландіи, при чемъ онъ ссылается на сочиненіе Мейера «Esprit des institutions judiciaires.» T. VI. стр. 188. Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ судьи просвѣщенны, но если они не изъ адвокатовъ, то одно изъ двухъ: или они становятся подъ ихъ вліяніе, или же они впадаютъ въ другую крайность, не будучи въ состояніи отли-

7) «Для отличнаго судьи существенно необходимы три нравственныя качества: любовь къ справедливости, любовь къ истинѣ, безъ которой справедливость невозможна, и постоянное желаніе улучшать законы. Если эти качества соединяются *иногда* въ адвокатѣ, то не ими отличается онъ на своемъ поприщѣ; а чаще всего они могутъ служить препятствіемъ его успѣхамъ. Судья, отдаренный возвышенностью чувствъ, не смотритъ на законодательство какъ на орудіе, а какъ на науку, которую должно совершенствовать. Вся его жизнь проходитъ въ постоянныхъ опытахъ надъ достоинствами и недостатками законовъ; онъ имѣетъ предъ собою всѣ результаты этихъ опытовъ; онъ безпрестанно сравниваетъ силу страстей, увлекающихъ человѣка, съ силою средствъ для ихъ воздержанія. Поэтому онъ естественный союзникъ законодателя и его самый просвѣщенный руководитель. Простое выполненіе судейскихъ обязанностей можетъ заслужить только отрицательное одобреніе; но участіе въ улучшеніи законовъ будетъ считаться за настоящую заслугу и за величайшую честь, могущую увѣнчать труды хорошаго судьи».

Мы согласны съ послѣдними мыслями Бентами, но дѣло въ томъ, что адвокаты, обращаясь постоянно съ законами и примѣняя ихъ къ дѣлу, могутъ еще лучше знать всѣ хорошія и дурныя стороны закона: адвокатское искуство и заключается именно въ томъ, чтобы, какъ говорится, гнуть законъ во всѣ стороны. Поэтому адвокатъ можетъ быть еще лучшимъ руководителемъ законодателю, чѣмъ судья: второй можетъ только указать на неясность, неполноту закона; первый же можетъ указать всѣ его прорѣхи, всѣ его недостатки, такъ какъ, быть можетъ, онъ неоднократно самъ ими пользовался. Вотъ почему мы и находимъ, что большая часть лучшихъ практическихъ юридическихъ писателей и выходитъ изъ среды адвокатовъ и если встрѣчается между писателями и судьи, то одно изъ двухъ: или они прежде дѣйствовали на адвокатскомъ поприщѣ, или же они обладаютъ особенно замѣчательнымъ практическимъ геніемъ.

Далѣе Бентамъ говоритъ:

«Тотъ же предметъ, т. е., законъ, представляется адвокату совершенно въ другомъ видѣ. Законъ составляетъ для него только источникъ дохода, тѣмъ болѣе выгодный, *чѣмъ болѣе въ немъ недостатковъ*».

чать въ ихъ защитѣ правды отъ лжи, не даютъ вѣры всей ихъ защитѣ... Само собою разумѣется, что обѣ эти крайности зловредны. Многіе изъ нашихъ окружныхъ судовъ представляютъ ужь нынѣ это явленіе. Авторъ.

Предполагать такъ — значитъ не признавать въ адвокатѣ не только чувства справедливости и патріотизма, но даже порядочности... Само собою разумѣется, что недостаточность закона представляетъ большую арену адвокатамъ, для произвольныхъ толкованій и разнообразнаго приложенія его къ жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство порядочности побуждаетъ каждаго честнаго человѣка указать законодателю эту недостаточность. Талантъ вовсе не нуждается въ томъ, чтобы извлекать, по выраженію Бентама, доходы изъ однихъ недостатковъ закона. Если бы было такъ, то въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуютъ ясные законы, тамъ адвокаты, даже талантливые, не имѣли бы куска хлѣба. Но они въ этихъ государствахъ наживаютъ большія состоянія, что доказываетъ, что вся сила въ адвокатурѣ не въ недостаткахъ закона; что хлѣбъ адвоката вовсе независитъ отъ этого и что адвокатская защита поэтому требуетъ еще и иныя условія. Эти же условія суть: пониманіе дѣла, умѣнье группировать факты и возраженія такъ, чтобы одержать верхъ надъ противникомъ. Поэтому недостатокъ закона вовсе не есть крайняя потребность адвокатуры, такъ какъ существованіе ея обусловливается еще множествомъ другихъ, болѣе важнѣйшихъ, предметовъ. На этомъ основаніи, соглашаясь вполнѣ съ Бентамомъ въ томъ, что адвокатъ часто принужденъ (изъ опасенія, въ противномъ случаѣ, измѣнить своему кліенту), воспользоваться всѣми недостатками законовъ, мы однакоже не согласны съ нимъ, что *адвокатъ, обладающій въ наибольшей мѣрѣ искуствомъ толковать законы различнымъ образомъ, дѣлается оракуломъ въ кругу своихъ товарищей.* Такое искуство дѣйствительно можетъ поставить адвоката выше его товарищей, пожалуй, въ глазахъ толпы; но товарищи всегда отдадутъ предпочтеніе человѣку, ясно понимающему сущность дѣла, нежели юристу, который старается гнуть законъ во всѣ стороны.

Далѣе, подъ вліяніемъ своихъ мыслей, Бентамъ прямо бросаетъ грязью въ адвокатовъ: «чѣмъ говоритъ онъ законъ сложнѣе, тѣмъ болѣе средствъ представляетъ онъ адвокату, для достиженія его цѣлей; чѣмъ болѣе судопроизводство неопредѣленно и темно, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ средствъ отличаться и обогатиться. Можно ли на самомъ дѣлѣ ожидать отъ человѣка, чтобы онъ старался повредить себѣ?.. Я далекъ отъ того, чтобы отвергать существованіе между адвокатами людей, стоящихъ выше этихъ личныхъ интересовъ; *но было бы безумно разсчитывать на такія рѣдкія добродѣтели!*»

Вотъ въ какую трущобу можетъ завести и геніальнаго человѣка, из-

вѣстная, предвзятая идея, которую онъ хочетъ провести—во что бы то ни стало. Бентамъ, какъ мы ниже увидимъ, желалъ—во что, бы то ни стало, провести мысль объ устраненіи адвокатовъ отъ судейскихъ должностей; поэтому онъ рѣшился стать на томъ положеніи, что всѣ адвокаты, безъ исключенія, враги ясныхъ и хорошихъ законовъ; что личные ихъ интересы стоятъ у нихъ выше общественныхъ; что все ихъ стремленіе—собственная польза; и что указаніе ими недостатковъ закона есть какой-то подвигъ, котораго требовать отъ нихъ можетъ только одно безуміе... Однакоже исторія, какъ бы въ укоръ Бентаму, указала всю ложность его показаній: во всѣхъ европейскихъ государствахъ, не исключая и Англіи, всѣ прогрессивныя движенія, всѣ радикальныя реформы возникали изъ иниціативы адвокатовъ, которые при этомъ жертвовали не только своими интересами, но и самою жизнію. Франція, Германія и Италія могутъ въ настоящемъ вѣкѣ указать множество подобныхъ фактовъ. Поэтому мы иначе не объясняемъ филиппикъ Бентама противъ адвокатовъ, какъ тогдашнимъ, современнымъ ему, положеніемъ адвокатуры въ Англіи и это только одно можетъ оправдать геніальнаго англичанина въ глазахъ потомства.

«Если адвокатъ, продолжаетъ далѣе Бентамъ,—руководимый своими интересами, не нуждается въ усовершенствованіи законовъ, то онъ, по свойству своего званія, еще менѣе расположенъ питать исключительную любовь къ справедливости. *Я говорю не о частныхъ дѣйствіяхъ человѣка, но объ его дѣйствіяхъ на поприщѣ адвокатуры*». Если послѣдняго Бентамъ недопускаетъ, то нельзя сказать, чтобы адвокатъ не питалъ любви къ справедливости. Я въ замѣткахъ моихъ указалъ уже разность между убѣжденіемъ адвоката или его личнымъ мнѣніемъ и его защитой, вотъ почему мы и не удивляемся тому, что одинъ пріятель сказалъ Бентаму: «*мы увидимъ* NN *во всей его славѣ, потому что это самое несправедливое изъ дѣлъ, которыя онъ имѣлъ во всю жизнь*». Бентамъ возмутился этой фразой, но въ ней заключалась только похвала адвокатскому искуству NN, потому что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть и честнѣйшимъ человѣкомъ. Мы поэтому не удивляемся и тому, что, по разсказу Дюмона, Мазеръ, бывшій членъ Шахматнаго суда (Baron of the court of Echequer), былъ осуждаемъ, когда онъ, въ молодости, на адвокатскомъ поприщѣ, защищая дѣло своего пріятеля, *по чувству справедливости*, указалъ противнику своему его упущенія, чрезъ что пріятель его проигралъ процессъ. Мазеръ въ этомъ случаѣ поступилъ противъ долга своего и въ немъ

дѣйствовало вовсе не чувство справедливости, а просто безхарактерность... Согласитесь, адвокатъ тотъ же врачъ: если же врача кто-нибудь приглашаетъ къ больному, то онъ не спрашиваетъ объ его душевныхъ качествахъ, а объизслѣдуетъ характеръ его болѣзни и прописываетъ ему лекарство и хотя бы врачъ былъ убѣжденъ, что болѣзнь неизлечима или смертельна, но онъ обязанъ употребить все свое искуство, для спасенія больного. Такъ точно долженъ поступать и адвокатъ: кліентъ—его больной; онъ не долженъ справляться объ его душевныхъ качествахъ, о нравственныхъ причинахъ его процесса; самый процессъ есть его болѣзнь и хотя бы она была неизлечима, т. е., хотя бы процессъ былъ беззаконенъ или несправедливъ, но онъ долженъ лечить своего больного. Само собою разумѣется, что порядочность должна побуждать адвоката, чтобы онъ представилъ своему кліенту всѣ шансы, которые говорятъ противъ него; но если кліентъ требуетъ, при всемъ этомъ, веденія процесса на его счетъ, то адвокатъ не имѣетъ никакого права отказать ему. Въ этомъ случаѣ вся отвѣтственность падаетъ на кліента, а адвокатъ исполнилъ только свой долгъ. Поэтому тѣ адвокаты, которые отказываются отъ веденія, хотя бы, по ихъ мнѣнію, несправедливаго и незаконнаго дѣла, доказываютъ только или свое безсиліе или же не пониманія ими своихъ обязанностей. Адвокатъ не судья: защищая самое неправое дѣло, онъ только исполняетъ свои обязанности и точно такъ какъ солдатъ, истребляющій десятки людей на несправедливой войнѣ, не подлежитъ не только нареканію, но похвалы, подобно этому заслуживаетъ послѣдняго и адвокатъ, боецъ чужой идеи, чужого права; потому что все, что ни исполняется добросовѣстно, какъ общественная обязанность, заслуживаетъ похвалы, хотя бы въ этомъ актѣ не выражалась безусловная правда. Роль адвоката заключается въ томъ, чтобы быть защитникомъ тяжущихся въ судѣ и ни законъ, ни теорія не требуютъ, что бы онъ защищалъ однихъ только правыхъ, такъ какъ сужденіе о послѣднемъ вовсе не входитъ въ его программу, а оно есть дѣло суда. Уже судъ опредѣляетъ—кто правъ, кто виноватъ. До этого же опредѣленія обѣ стороны должны считаться правыми; поэтому ни адвокатъ, ни общество, прежде этого приговора, не могутъ осудить ни подсудимыхъ, ни тяжущихся. Какое же право имѣетъ адвокатъ, непринятіемъ защиты моего процесса, преждевременно меня осудить?.. Если я убѣжденъ въ моей правотѣ, то адвокатъ обязанъ взять мое дѣло, иначе онъ доказываетъ, что онъ не знаетъ своихъ обязанностей и въ этомъ случаѣ онъ подлежитъ такому же осужденію,, какъ и

врачъ, который отказывается отъ леченія трудно больного или умирающаго. Но, скажете вы, подобно Дюмону, *чувство справедливости* можетъ иногда не допускать васъ къ принятію несправедливаго процесса. Но при этомъ я позволю себѣ спросить: что вы подразумѣваете подъ словомъ несправедливый процессъ. Подъ послѣднимъ вы должны подразумѣвать— *въ дѣлахъ гражданскихъ*: такія тяжбы, которыя не основаны на законахъ или справедливости; *въ уголовныхъ*: такія дѣла, въ которыхъ преступность человѣка совершенно доказана. Но въ первыхъ дѣлахъ не всегда законность соединена съ справедливостью и обратно; поэтому если адвокатъ основывается на законѣ, то вы все-таки можете еще сказать, что онъ защищаетъ дѣло несправедливое; и обратно: защищая дѣло справедливое, онъ можетъ защищать, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло незаконное. По этимъ причинамъ, прежде всего нужно, чтобы законность не расходилась съ справедливостью; но гдѣ право *формально*, тамъ этотъ разладъ неизбѣженъ и поэтому нельзя же винить и адвокатовъ. Защищая, при такомъ порядкѣ, самое несправедливое дѣло, адвокатъ только буквально держится закона или его приложенія въ жизни, и обратно: защищая беззаконное, но правдивое дѣло, адвокатъ удовлетворяетъ нравственнымъ потребностямъ общества. Обязать же адвоката принимать одни только законныя дѣла или одни только справедливыя, значитъ или уничтожить въ государствѣ формальное право, или же уничтожить справедливость. По этому, въ гражданскихъ дѣлахъ, для адвоката не можетъ быть односторонности и онъ долженъ уважать настолько же законность, насколько и справедливость. Выборъ того и другого пути долженъ быть предоставленъ непосредственно адвокату. Вотъ почему въ однихъ случаяхъ адвокаты могутъ обходить законность въ пользу справедливости, въ другихъ случаяхъ—поступать обратно: все здѣсь зависитъ отъ личнаго взгляда и отъ положенія его въ процессѣ. Подобная же роль адвоката нисколько не предосудительна и не зловредна: формальное право, какъ всѣмъ извѣстно, не всегда отличается безукоризненною справедливостью. Такъ напримѣръ: духовное завѣщаніе, незаявленное втеченіе года со дня смерти завѣщателя, теряетъ свою силу. Такимъ образомъ, чрезъ несоблюденіе формальности, теряется мое право, но это нисколько не доказываетъ справедливости самой потери: если кто нибудь мнѣ подарилъ, на случай смерти, свое имущество, то, по началамъ справедливости, оно навсегда ужъ должно быть мое. Какъ будто чрезъ несоблюденіе формальности самое завѣщаніе можетъ потерять свой смыслъ! Такой характеръ носятъ

въ себѣ большая часть гражданскихъ правъ; поэтому, чрезъ свой формализмъ, право весьма часто расходится съ справедливостью. На этомъ основаніи, если бы не было адвокатуры, которая гнула бы вѣсы правосудія то на сторону формализма, то на сторону справедливости, то въ государствѣ было бы одно изъ двухъ: или было бы господство одного формальнаго права или же законы потеряли бы свою обязательную силу. Съ такимъ же характеромъ адвокатура только и уравновѣшиваетъ формальное право съ справедливостью и, защищая беззаконное дѣло, но справедливое и обратно,—адвокатъ есть такой же органъ правосудія, какъ и судья.

Въ дѣлахъ уголовныхъ адвокатъ является иногда защитникомъ *доказанной* преступности; но и здѣсь слово «*доказанной*» слишкомъ неопредѣленно. Никто не можетъ быть обвиненъ прежде рѣшенія суда; поэтому до приговора суда адвокатъ, подобно обществу, не имѣетъ права осудить подсудимаго. Только весь процессъ, со всею его обстановкою, можетъ, при концѣ судебныхъ засѣданій, дать ясное понятіе о винѣ или невиновности лица [1]). Въ силу этого, въ началѣ процесса ни одинъ адвокатъ не можетъ имѣть твердаго убѣжденія въ виновности подсудимаго и если у него есть это убѣжденіе, то онъ долженъ обратиться самъ въ обвинителя. Но если онъ послѣдняго не можетъ сдѣлать, по неимѣнію точныхъ доказательствъ, то нѣтъ у него и причинъ не принять защиты дѣла. Наконецъ, если онъ даже защищаетъ самое неправое дѣло, то все же онъ оказываетъ огромную услугу правосудію: обвинители, въ уголовныхъ дѣлахъ, по большей части, въ разгарѣ страстей, преувеличиваютъ проступокъ и не будь противной стороны, которая своею защитою умѣряла бы непріятное впечатлѣніе, выносимое судьею при уличеніи виновнаго, то приговоры могли бы быть жестоки и наказанія не соразмѣрялись бы съ проступками. Слѣдовательно, и здѣсь адвокатура является, какъ уравновѣшатель правосудія; поэтому самая крайняя адвокатская защита не только не подлежитъ осужденію, но совершеннѣйшаго уваженія: такъ какъ она настолько же необходима для совершеннаго правосудія, какъ

---

[1]) То же самое говоритъ и Бентамъ и тѣмъ впадаетъ въ противорѣчіе самому себѣ: «но на самомъ дѣлѣ адвокатъ не можетъ и не долженъ отказаться ни отъ какого дѣла. Можетъ ли онъ произнести свое мнѣніе о справедливости или несправедливости дѣла до его разсмотрѣнія?..» Судоустр Бентама, стр. 116.

необходимо и преслѣдованіе преступленія; и безъ нея немыслимо ни истинное правосудіе, ни истинное безпристрастіе. И адвокатъ, защищающій самое неправое уголовное дѣло, дѣйствуетъ нисколько противъ совѣсти; независимо отъ того, что онъ, по обязанности врача, долженъ лечить каждаго больного, но въ защитѣ его заключается именно та мысль: *что необходимо уравновѣсить силу обвинительную съ защитительною, для того, чтобы изъ процесса судьи могли вынести безпристрастное впечатлѣніе* [1]). При такомъ взглядѣ на свою защиту, адвокатъ самаго неправаго дѣла можетъ сказать, что онъ дѣйствуетъ по совѣсти и что онъ такой же органъ правосудія, какъ и судья.

Такимъ образомъ мы пришли къ убѣжденію, что какъ бы адвокатъ ни толковалъ ложно законы, какихъ бы несправедливыхъ дѣлъ онъ ни принялъ на себя, но въ сущности онъ такой же служитель истины и права, какъ и судья, и разница между ними только та, что цѣль адвоката—держать въ равновѣсіи право и справедливость, отчего онъ и принимается то за одно, то за другое желая поразить право, онъ опирается на справедливость; или же, желая попрать справедливость, онъ опирается на формальное право.

Судья же самъ собою, какъ буквальный исполнитель закона, приводитъ только *букву* закона въ исполненіе; поэтому судья, самъ по себѣ, можетъ расходиться въ большей части своихъ рѣшеній съ справедливостью и истиной. Но именно адвокатура, опирающаяся то на то, то на другое, только и уничтожаетъ, въ приложеніи судьею закона, *букву* закона и, такимъ образомъ, независимо отъ формальнаго права, она даетъ осуществиться и праву безусловному. По контрасту же, изображенному Бентамомъ, выходитъ такъ, что адвокаты дѣйствуютъ во вредъ справедливости и истины и что если бы не безпристрастіе судей, то юстиція погибла бы для человѣчества. Но дѣло въ томъ, что это-то безпристрастіе есть плодъ адвокатской защиты, есть плодъ того равновѣсія, которое устанавливается ею между правомъ и справедливостью; есть плодъ той борьбы, которая идетъ между адвокатами истца и отвѣтчика. Оттого-то безпристрастія судей вовсе не слѣдуетъ искать въ качествахъ и въ характерѣ

---

[1]) Почти то же самое говоритъ и Бентамъ: «интересъ правосудія требуетъ этой борьбы противуположныхъ сторонъ. Дѣло судьи отбросить ихъ софистическіе доводы и найти истину въ самыхъ ихъ противорѣчіяхъ». О суд. Бентама, стр. 117.

судей, а во всей обстановкѣ процесса и такъ какъ односторонній, безхарактерный человѣкъ можетъ въ дѣлѣ суда оказывать замѣчательное безпристрастіе, также точно и самый честный человѣкъ можетъ защищать самое неправое дѣло: такъ какъ понятіе о послѣднемъ весьма условно и такъ какъ формальное право нерѣдко діаметрально расходится съ справедливостью...

Остановясь на этомъ положеніи, мы не можемъ заключить изъ характера защиты адвокатами своихъ кліентовъ о свойствѣ и качествѣ ихъ душъ; а если мы этого не можемъ сдѣлать, то какое право мы имѣемъ сказать, что адвокаты не могутъ быть судьями?.. Если у человѣка есть честное убѣжденіе, если на адвокатскую защиту глядѣть, какъ на леченіе больного кліента, то совмѣстна ли защита самаго неправаго процесса съ понятіемъ о безсовѣстности самого защитника?.. Въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ осудить и врача, пользующаго зловреднаго больного и священника, утѣшающаго грѣшника, и солдата, убивающаго непріятеля на несправедливой войнѣ; но человѣкъ, исполняющій свято свой долгъ, заслуживаетъ только уваженія и доказываетъ свое самоотверженіе и то, что онъ дѣйствительный, нелицемѣрный служитель общества. При такомъ же характерѣ дѣятельности адвоката, нельзя за нимъ и не признать полнаго права быть судьею, такъ какъ онъ, вѣрно исполняя свой долгъ на своемъ поприщѣ, доказалъ только, что онъ будетъ исполнять вѣрно и свято свой долгъ и на другомъ поприщѣ...

Бентамъ же и самъ не замѣтилъ противорѣчія въ своихъ положеніяхъ: «чѣмъ болѣе трудностей, говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе славы для адвоката; чѣмъ слабѣе средства, тѣмъ блистательнѣе успѣхъ» и такъ какъ только такими путями, или другими словами: путями самой рѣзкой неправды можно на адвокатскомъ поприщѣ достигнуть богатства и извѣстности, то и адвокаты, достигшіе въ Англіи такихъ результатовъ, должны бы быть самые дурные люди; а между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Англіи канцлеръ избираетъ судей только изъ одного сословія адвокатовъ, и несмотря на то, что они избираются министерствомъ и утверждаются королемъ, мы находимъ, по словамъ Бентама, «цѣлый рядъ судей столь просвѣщенныхъ, столь отличающихся безкорыстіемъ, что лучшихъ нельзя ожидать при самой лучшей системѣ избранія» [1]). Откуда же взялось бы послѣд-

[1]) Согласите въ судоустр, Бентама, стр· 28, 52, 111–118.

нее, если только совершенная безсовѣстность можетъ доставить славу адвокату; если только путемъ неправды онъ можетъ достигнуть извѣстности?.. Какимъ же образомъ могли бы адвокаты стать изъ людей дурныхъ— людьми образцовыми?.. И если бы они не были такими, то Бентамъ [1]) не приписалъ бы самъ сохраненіе палатою лордовъ *ея репутаціи* только тому, *что она судебную свою часть передаетъ тѣмъ лицамъ, которыя назначены туда изъ сословія судей.* Послѣдніе же всѣ изъ адвокатовъ!..

Но допустимъ, что Бентамъ правъ, что адвокатская каррьера дурна для приготовленія судей, то, отвергнувъ правило о допущеніи адвокатовъ къ судейскимъ должностямъ, нужно же все-таки гдѣ нибудь напрактиковаться для занятія судейской должности... А въ канцеляріяхъ судовъ, скажете вы. Но дѣло въ томъ, что 1) канцеляріи судовъ не представляютъ возможности непосредственнаго примѣненія закона; а только при этомъ условіи возможно совершенное практическое изученіе его: вотъ почему адвокатура въ этомъ отношеніи представляетъ больше преимуществъ, чѣмъ канцеляріи судовъ; 2) Бентамъ, какъ мы ниже увидимъ, совершенно отвергаетъ коллегіальное устройство судовъ и признаетъ принципъ *одноличности* суда, а съ послѣднимъ канцелярія несовмѣстна.

Вотъ почему Бентамъ и предлагаетъ *предоставить судьямъ право передачи исполненія ихъ обязанностей другому лицу* [2]); *а общество обязать—избраніе въ судейскія должности производить исключительно изъ этихъ уполномоченныхъ судей.*

Уполномоченный судья, говоритъ Бентамъ, долженъ имѣть всю власть судьи и нести его же отвѣтственность; но находиться въ *зависимости* отъ назначившаго его судьи—какъ въ отправленіи своихъ обязанностей, такъ и относительно срока отправленія занимаемой имъ должности. Служить онъ долженъ безъ жалованья.

Выгоды этой системы, по мнѣнію Бентама, слѣдующія: 1) возможность образованія разсадника будущихъ судей; 2) что первый выборъ лучше предоставить судьѣ, человѣку, пользующемуся довѣріемъ общества; 3) что, между всѣми способами избранія, это единственный, имѣющій преимущество постепеннаго образованія и правильнаго изученія судейскихъ обязанностей; 4) что система эта представляетъ возможность ускорить теченіе дѣлъ,

---

[1]) Ibid. стр. 46, 47.

[2]) О судоустр. Бентама, стр. 48, 54, 118—120.

такъ какъ, вмѣсто одного судьи, можно имѣть двухъ; 5) что всѣ эти выгоды можно имѣть *даромъ*.

На всѣ эти доводы можно отвѣчать слѣдующее: если общество оказываетъ довѣріе кому нибудь, ввѣряя ему судебную власть, то оно полагается въ этомъ случаѣ на столько же на его безпристрастіе, насколько и на его способности; поэтому представительство въ этомъ случаѣ даже и немыслимо. Смѣшно бы было, если бы я обратился къ какому нибудь извѣстному хирургу съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ операцію и если бы онъ меня отправилъ къ своему ученику. Кто-жъ бы, послѣ этого, обратился къ нему?.. Но, отвѣтите вы, сравненіе это слишкомъ рѣзко. Нисколько: иное рѣшеніе похуже хирургической операціи — если оно по имуществу, то оно совершаетъ операцію переложенія денегъ изъ моего кармана въ чужой, съ чѣмъ сопряжено иногда совершенное раззореніе тяжущагося и его семьи, и иной скорѣе рѣшился бы потерять ногу, чѣмъ видѣть свою семью раззоренною. Послѣднимъ нечего шутить: семья самый святой, самый дорогой предметъ для человѣка. Оказывая довѣріе судьѣ, мы вѣримъ *лично* ему и хотя его рѣшенія могутъ быть самыя пристрастныя, но такъ какъ онъ нами назначенъ, то мы готовы переносить ихъ терпѣливо. Однакожъ, съ какой стати мы должны сносить неправильныя рѣшенія лица чужого?.. Къ тому же способность человѣка быть судьею и способность разпознавать качества души и способности другого человѣка — понятія совершенно различныя: можно быть человѣкомъ совершенно честнымъ, нелицепріятнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно быть человѣкомъ довѣрчивымъ; наконецъ можно имѣть просто слабость къ кому нибудь. Исторія представляетъ намъ множество подобныхъ примѣровъ. Слѣдовательно, довѣріе судьи къ ученику своему никакъ не можетъ служить мѣриломъ прекрасныхъ качествъ послѣдняго и наконецъ: кто же позволитъ и захочетъ, чтобы ученикъ учился, какъ говорится, *на его бокахъ?*.. Развѣ согласится кто нибудь, ради идеи, что нужно образовать изъ молодого человѣка оператора, довѣрить ему ампутацію руки своей или ноги? Какъ же вы хотите, чтобы охотно дозволило себѣ дѣлать подобныя ампутаціи общество въ отношеніи суда?.. Но, скажете вы, эта ампутація можетъ совершиться подъ наблюденіемъ самого судьи? Вотъ этого-то наблюденія я рѣшительно не понимаю: если ученикъ будетъ совмѣстно съ судьею дѣйствовать, то выйдетъ, что ученикъ будетъ только ассистентомъ при анализѣ и рѣшеніи дѣла судьею. Но Бентамъ хлопочетъ вовсе о другомъ: *чтобы ученикъ имѣлъ права учителя*; зна-

читъ — онъ долженъ и можетъ дѣйствовать самостоятельно, т. е. непосредственно анализировать и рѣшать дѣло. Но допустимъ, что можно ограничить его тѣмъ, что при рѣшеніяхъ своихъ онъ долженъ консультироваться съ судьею. Въ этомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: долженъ ли ученикъ эту консультацію принять за самое рѣшеніе, или же онъ долженъ принять его только какъ *совѣтъ*? Въ первомъ случаѣ цѣль Бентама не будетъ достигнута, потому что все же не будетъ двухъ судей, а будетъ только одинъ; во второмъ случаѣ ученикъ будетъ слишкомъ независимъ и можетъ надѣлать много зла.

Но, возразите вы, Бентамъ ставитъ ученика въ *зависимость* отъ судьи. Въ чемъ же можетъ заключаться эта зависимость, какъ не въ обязательствѣ, чтобы ученикъ во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ буквально держался консультацій судьи. Но, отвѣтите вы, зависимость можетъ еще заключаться въ томъ, что если ученикъ переступитъ предѣлъ своего уполномочія или не послушается консультацій судьи, то послѣдній можетъ имѣть право уничтожить свое уполномочіе. Прекрасно; но дѣло въ томъ, что слѣдуетъ прежде допустить, чтобы ученикъ надѣлалъ глупости, а потомъ утѣшать публику тѣмъ, что непослушнаго, нерадиваго ученика судья прогналъ отъ себя. Однакожъ чѣмъ вы исправите то зло, которое успѣлъ надѣлать ученикъ?.. Наконецъ, при такой зависимости можетъ ли ученикъ имѣть самостоятельный взглядъ? Не будетъ ли онъ постоянно въ страхѣ, что рѣшеніе его будетъ не по вкусу судьѣ? И можно ли, при такомъ положеніи ученика, ожидать не только толковаго рѣшенія, но даже толковаго изученія обязанностей судьи и толковой практики; а хорошая, плодотворная практика, какъ объяснено уже мною выше, возможна только при самостоятельной работѣ.

Такимъ образомъ главная цѣль Бентама—объ образованіи практиковъ, для занятія судейскихъ должностей—рушится и съ нею рушатся тѣ побочныя выгоды, которыя видитъ въ своемъ учрежденіи Бентамъ, т. е. что общество можетъ имѣть *даромъ* второго судью и что отъ этого ускорится теченіе дѣлъ.

И это уродливое созданіе Бентамъ противупоставилъ адвокатурѣ и дѣлаетъ еще обязательнымъ для общества избирать изъ среды этихъ учениковъ будущихъ своихъ судей... Противъ адвокатуры ратуетъ Бентамъ, какъ онъ самъ сознается, потому что его созданіе не можетъ соперничать съ этимъ институтомъ; поэтому-то онъ требуетъ положительнаго запрещенія адвокатамъ быть судьями; а обществу онъ навязываетъ судей-

скихъ учениковъ, которые, будто бы, съ раннихъ лѣтъ посвятятъ себя служенію правосудія и истины! Но какое же тутъ можетъ быть служеніе истинѣ?.. Здѣсь могутъ быть или горькія ошибки, при самостоятельности мнѣнія ученика; или же, при его зависимости, онъ будетъ изрекать только резолюціи судьи. Гдѣ же тутъ можетъ быть истина?.. Ученикъ или станетъ писцомъ судейскихъ резолюцій, или же при самостоятельности онъ натворитъ, по неопытности, такихъ чудесъ, отъ которыхъ онъ нетолько будетъ краснѣть, прійдя въ пожилой возрастъ, но отъ которыхъ онъ можетъ потерять всю свою каррьеру. Къ тому же не вправѣ ли мы сказать, что правосудіе нельзя сдѣлать ученическою практикою; что правосудіе такъ дорого человѣку, что онъ не можетъ его обратить въ орудіе для какихъ бы то ни было цѣлей, а въ особенности для такой отдаленной, о какой говоритъ Бентамъ. Еще вопросъ: выйдутъ ли изъ этихъ учениковъ будущіе порядочные судьи; а пока общество должно жертвовать важнѣйшею частью своего духовнаго и матеріальнаго блага — правосудіемъ и, отдавъ его въ руки неопытныхъ юношей, утѣшаться мыслію: авось изъ нихъ выйдутъ порядочные судьи. И такой великій мыслитель, какъ Бентамъ, могъ предложить такое несовершенное учрежденіе и ради него осудить институтъ адвокатовъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ... Одно только заключеніе Бентама миритъ насъ съ нимъ; чувствуя, что онъ далеко зашолъ въ своихъ нападкахъ, онъ говоритъ: «тѣ, которые порицаютъ всякое нападеніе на какое либо званіе, какъ на нападеніе низкое и противное свѣтлой мысли, худо служатъ дѣлу, которое они хотятъ защищать. *Такое нападеніе ставитъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ тѣхъ, которые его не заслуживаютъ*, и доставляетъ лучшее средство для оправданія прочихъ».

3) *Можно ли судьямъ занимать другую общественную должность, быть избирателемъ, быть представителемъ народа, вести торговлю, занимать профессорскую кафедру.*

Первая мысль, подавшая поводъ къ установленію теоріею правила: что судья не можетъ занимать другихъ общественныхъ должностей,—имѣла основы чисто-практическія. Вліятельные администраторы, овладѣвая судейскими мѣстами, попирали законъ, притѣсняли гражданъ, покровительствовали всякимъ неправдамъ и въ особенности защищали своихъ подчиненныхъ? [1]) Вторгнувшись такимъ образомъ въ дѣло суда, администрація

---

[1]) Такъ въ Римѣ всадники, пріобрѣвъ власть судебную, имѣя въ рукахъ и финансовую часть, покровительствовали *мытарямъ*. То же самое происхо-

уничтожила самостоятельность его и дѣлала изъ него совершенно безконтрольно—что хотѣла. Поэтому, съ первымъ же сознаніемъ необходимости несмѣшенія и отдѣленія властей административной отъ судебной и рождалась потребность запрещенія администраторамъ занимать судейскія должности. Затѣмъ возникъ вопросъ: могутъ ли судьи быть обратно администраторами?—само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ долженъ былъ быть отвѣтъ отрицательный: такъ какъ сущность остается та же, какъ и въ предшествовавшемъ вопросѣ. Для насъ все равно: дѣлается ли администраторъ судьею, или судья — администраторомъ; результаты одни и тѣ же: въ обоихъ случаяхъ смѣшиваются разнородные интересы, различныя двѣ власти. Такимъ образомъ сама сущность и цѣлесообразность судебной власти требуетъ, чтобы она ни прямо, ни косвенно не приходила въ соотношеніе съ властью административною: такъ какъ органы послѣдней непосредственно подчинены ей, какъ исполнители законныхъ инструкцій, уставовъ и установленій. И кто же будетъ судить судью-администратора если онъ не исполнитъ своихъ инструкцій, какъ администраторъ, и наконецъ неможетъ ли онъ по этой второй должности быть подъ большимъ, непосредственнымъ, вліяніемъ своего начальства, изъ боязни потерять мѣсто? И можетъ ли въ подобномъ случаѣ быть гарантировано правосудіе судьи?.. Не представится-ли возможность лицамъ вліятельнымъ подкупить судью, обѣщавши или давши мѣсто административное судьѣ?.. Вопросы эти такъ важны, что предъ ними блѣднѣютъ всѣ основанія, приводимыя Бентамомъ въ подтвержденіе положенія, что судьи не должны занимать другихъ общественныхъ должностей.

Его основанія заключаются въ томъ:

1) «Что предоставляя немногимъ то, что составляетъ предметъ общаго желанія, вы этимъ лишаете остальныя части общества благосостоянія и отнимаете у общества средства награждать истинныя заслуги».

Противъ этого можно еще возразить, что общество, отдавая какую нибудь должность лицу, вовсе не руководится мыслію о награжденіи его за заслуги, а думаетъ только о томъ, чтобы лицо это было ему полезно; поэтому, если общество находитъ, что извѣстное лицо можетъ съ пользою занимать и 10 должностей, то оно можетъ, безъ ущерба правды,

---

дило въ провинціяхъ Рима въ преторіяхъ. У насъ въ Россіи намѣстники, воеводы и губернаторы доказали то же самое.

назначить его на всѣ эти должности. Но, въ вопросѣ о судьѣ, именно идетъ рѣчь о томъ, что съ предоставленіемъ ему должности и администратора, общество можетъ пострадать; слѣдовательно, разрѣшеніе вопроса бьетъ прямо на послѣднее и предостерегаетъ общество отъ опасности имѣть въ администраторѣ дурного судью.

2) Второе основаніе Бентама болѣе основательно: опираясь на пользу самой службы, онъ говоритъ, что если судья не всегда занятъ, *какъ судья*, то онъ долженъ быть всегда къ тому готовъ. Если судьи имѣютъ время заниматься другими дѣлами, то это показываетъ, что ихъ слишкомъ много или что судебные округи слишкомъ малы. Поэтому, если законъ допускаетъ соединеніе двухъ должностей, изъ которыхъ каждая представляетъ достаточно занятій для одного лица, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ выразить ужь и дозволеніе пренебрегать обязанностями одной изъ нихъ.

3) Съ третьимъ основаніемъ Бентама о томъ, что въ занятіи судьею другой должности есть *опасность для его чести и хорошей репутаціи*, — мы также согласны и должны присовокупить только то, что если судья получаетъ отъ посторонней власти или отъ администраціи какое бы то ни было повышеніе или выгоду, то общественное довѣріе можетъ быть къ нему поколеблено. Общество всегда очень подозрительно къ общественнымъ дѣятелямъ, въ особенности къ судьямъ (такъ какъ въ обществѣ всегда лица, проигравшія процессъ, недовольны ими), и въ отношеніи къ нимъ оно всегда охотнѣе вѣритъ всему дурному, чѣмъ хорошему. Такое щекотливое положеніе судьи въ обществѣ одно уже вызываетъ потребность, чтобы онъ былъ устраненъ отъ всего, что только можетъ подорвать общественное къ нему довѣріе.

Поэтому общество можетъ судью допустить къ занятію еще какой-либо должности, но только подъ условіемъ—непосредственнаго избранія его этимъ же самымъ обществомъ и чтобы новая должность никогда, непосредственно или косвенно, не могла имѣть никакихъ соотношеній съ властью судебною и съ обязанностями судьи.

Согласно этому положенію и возникаетъ вопросъ: можетъ ли судья быть избирателемъ, народнымъ представителемъ въ законодательномъ сословіи и можетъ ли онъ вести торговлю?... Собственно говоря ни одно, ни другое, ни третье, не составляя общественной должности, а составляя самостоятельное право не подлежатъ тѣмъ условіямъ, какимъ подлежатъ административныя общественныя должности. Но такъ какъ это право со-

прикосновенно съ общественнымъ значеніемъ судьи, то мы должны разсмотрѣть всѣ вопросы, возникающіе по поводу этого права.

Первое запрещеніе основываютъ юристы на томъ, что судьи должны избѣгать борьбы партій; поэтому Бентамъ одобряетъ установившійся въ Англіи обычай, что верховные судьи никогда не подаютъ тамъ голоса на выборахъ... Мы находимъ, что послѣднее обстоятельство имѣло чисто-практическое основаніе: если голосованіе гласное, если выборы сопряжены съ устройствомъ политическихъ партій, то само собою разумѣется, что съ подачею судьею гласно своего голоса въ пользу той или другой партіи, онъ можетъ подорвать къ себѣ общественное довѣріе, такъ какъ общество можетъ предположить, что онъ будетъ пристрастенъ къ тѣмъ лицамъ, къ партіи которыхъ онъ принадлежитъ. Но если голосованіе негласное, закрытое, то изчезаетъ и самый поводъ къ подозрѣнію судьи. Но, возразите вы, здѣсь осуждается судья не потому, что онъ подаетъ голосъ той или другой партіи, а за то, что онъ принадлежитъ къ той или другой изъ нихъ. Но позвольте васъ спросить: развѣ съ запрещеніемъ судьѣ подавать голосъ въ пользу той или другой партіи, вы этимъ заставите его не имѣть ужь *убѣжденій?* Если бы послѣднее возможно было, то въ такомъ случаѣ мы были бы согласны съ этимъ запрещеніемъ; но коль скоро послѣднее невозможно, то запретите ли вы судьѣ или нѣтъ участвовать въ выборахъ, а по убѣжденіямъ, онъ все же будетъ принадлежать къ той или къ другой партіи. Поэтому я нахожу, что съ уклоненіемъ себя отъ выборовъ, верховные судьи Англіи только фарисействуютъ, потому что все-таки они представители виговъ или торіевъ, смотря по тому, какое министерство ихъ избрало. По нашему же мнѣнію, лучше ужь открытое объявленіе себя въ пользу того или другого принципа. Нѣтъ опасности, когда публично человѣкъ объявляетъ о томъ, что онъ представитель того или другого начала: этимъ онъ выражаетъ только то, что онъ сочувствуетъ той или другой идеѣ... Гораздо же опаснѣе тѣ, которые въ тайнѣ, подъ оболочкою безпристрастія, сочувствуютъ извѣстной партіи. Природа человѣка такъ устроена, что онъ долженъ, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, проявить свое міросозерцаніе: вотъ почему, въ первомъ случаѣ, судья прямо высказываетъ обществу свои политическія убѣжденія и на этомъ поприщѣ онъ тогда ужь является какъ свободный дѣятель; на этомъ основаніи ему нѣтъ и надобности быть пристрастнымъ къ членамъ своей партіи. Во второмъ случаѣ, судья можетъ свое сочувствіе извѣстной партіи только и высказать пристрастіемъ къ ея членамъ. Не

лучше ли, поэтому, избрать первый путь? Не честнѣе ли онъ? А все то, что честно и публично, то можетъ ли противорѣчить общественному благу?...

Но вотъ что странно: не допуская возможности судьямъ участвовать въ выборахъ, какъ избирателямъ, Бентамъ находитъ полезнымъ участіе ихъ въ законодательномъ представительствѣ народа.

«Мѣсто судьи, говоритъ онъ,—составляетъ лучшее приготовленіе для законодательной дѣятельности; кто болѣе способенъ судить о законахъ, какъ ни судья, слѣдившій, впродолженіи многихъ лѣтъ, за ихъ примѣненіемъ и за тѣми послѣдствіями, которыя они влекутъ за собою. Въ области законодательства рѣдко встрѣчаются великіе таланты и глубокія познанія, а потому было бы неблагоразумно допустить исключенія подобнаго рода».

Мы согласны съ этими мыслями Бентама, но одному удивляемся только, какъ этотъ великій умъ не замѣтилъ противорѣчія между этимъ положеніемъ и мнѣніемъ его объ избирательномъ правѣ судей. Развѣ идея политической борьбы партій не выражается настолько же въ правѣ избранія, какъ въ правѣ быть избраннымъ? Въ послѣднемъ, если хотите, эта борьба еще сильнѣе проявляется: при избраніи я могу еще руководствоваться не столько политическимъ принципомъ, какъ личнымъ моимъ уваженіемъ къ человѣку или во вниманіи къ личнымъ моимъ отношеніямъ къ нему. Но избранный почти всегда есть представитель преобладающей въ обществѣ партіи. Поэтому, отвергая первое, тѣмъ болѣе необходимо отвергнуть второе. Но на это, быть можетъ, возразятъ, что Бентамъ, имѣя въ виду, что корона въ Англіи возводитъ въ перство изъ верховныхъ судей двухъ, могъ относить къ этому только случаю свои слова и что, на этомъ основаніи, онъ могъ разсчитывать на то, что судьи будутъ внѣ вліяній партій и явятся въ парламентѣ не какъ представители партій, а какъ лица безпристрастныя. Послѣдней мысли Бентамъ не могъ имѣть, такъ какъ возведеніе въ перство въ Англіи стоитъ, какъ и всѣ общественныя должности, подъ вліяніемъ той партіи торій или виговъ, которая господствуетъ въ парламентѣ и въ правительствѣ. «Въ Англіи, говоритъ самъ Бентамъ,—канцлеръ или министръ, выбравъ судей изъ сословія адвокатовъ, *между своими друзьями и приверженцами*, представляютъ сдѣланный ими *выборъ на утвержденіе государя*»; то же самое бываетъ и при выборѣ изъ числа верховныхъ судей двухъ человѣкъ въ перы.

Выгода участія судей, при народномъ представительствѣ, въ законода-

тельномъ сословіи важна еще потому, что послѣднее можетъ, изъ числа этихъ представителей, имѣть не только просвѣщенныхъ и опытныхъ руководителей въ законодательныхъ предметахъ, но подобный порядокъ можетъ дать законодательному собранію возможность производить удачно свои выборы въ сословіе верховныхъ судей кассаціоннаго суда. Независимо отъ того, что представительное избирательство можетъ быть въ этомъ случаѣ хорошею рекомендаціею судьѣ, но члены законодательнаго сословія, встрѣтившись съ нимъ на одной скамьѣ и на одной трибунѣ въ собраніи, могутъ познакомиться непосредственно съ его способностями и личными его качествами. Кромѣ того въ дисциплинарныхъ своихъ дѣлахъ законодательное сословіе можетъ въ судьяхъ найти опытныхъ руководителей. Послѣдняя мысль и руководила, вѣроятно, англійскимъ народомъ, когда онъ сдѣлалъ верховнаго судью или лорда-канцлера предсѣдателемъ палаты лордовъ и двухъ верховныхъ судей—перами этого сословія... Въ рукахъ этихъ лицъ, по обычаю, въ настоящее время находится не только все дисциплинарное дѣлопроизводство палаты лордовъ, но въ нихъ, можно сказать, сосредоточивается вся судебная власть парламента.

Затѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса: могутъ ли судьи заниматься торговлею, такъ какъ существуетъ по этому предмету запрещеніе въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы?

Защитники запретительной системы приводятъ слѣдующія начала: 1) что чины судебнаго вѣдомства не могутъ быть въ такомъ большомъ числѣ, чтобы имѣтьвремя для другихъ, кромѣ судебныхъ, занятій. Между тѣмъ, какъ торговля принадлежитъ къ такого рода занятіямъ, которыя требуютъ постоянной заботы, предпріимчивости, непрерывнаго разсчета и контроля, однимъ словомъ, всей дѣятельности, всего времени посвятившагося ей человѣка. 2) Что гдѣ нѣтъ коммерческихъ судовъ, тамъ общіе суды будутъ рѣшать и дѣла торговыя. При этомъ судья можетъ иногда быть поставленъ въ щекотливое положеніе (и даже соблазнительное), разсуждая о дѣлѣ, можетъ быть, тождественномъ съ тѣмъ, котораго онъ ожидаетъ по своимъ собственнымъ торговымъ оборотамъ. 3) Требуемое отъ судьи, спокойствіе характера и безкорыстіе едва ли всегда могутъ мириться съ разсчетливостью и рискомъ торговца, который нерѣдко, для возмѣщенія понесенныхъ убытковъ, долженъ искать случая воспользоваться лишнею прибылью. Успѣхъ въ торговлѣ развиваетъ желаніе новыхъ, увеличенныхъ, прибылей и доводитъ его до страсти. Неудачи за-

ставляютъ пріискивать разные способы къ отвращенію потерь, дѣлать долги, обязываться векселями и такимъ образомъ подчиняться случайностямъ и произволу обстоятельствъ и людей.

Противъ этихъ доводовъ можно возразить: что если право торговли представляетъ столько неудобствъ въ отношеніи къ судьѣ, то всякое имущественное право представляетъ тѣ же самыя неудобства. Какъ торговля требуетъ дѣятельности и энергіи, лишаетъ человѣка спокойствія духа и вводитъ его въ долги, такъ точно и каждое другое имущественное дѣло можетъ имѣть подобныя же послѣдствія. Ведетъ ли человѣкъ торговлю, занимается ли онъ фабричнымъ производствомъ, разработываетъ ли онъ руды минераловъ или металловъ, управляетъ ли обширнымъ недвижимымъ своимъ имуществомъ (домомъ или землею), занимается ли онъ сельскимъ хозяйствомъ, владѣетъ ли типографіею или литографіею, владѣетъ ли онъ пароходомъ или судномъ, издаетъ ли онъ журналъ, газету или занимается изданіемъ своихъ или чужихъ сочиненій, имѣетъ ли онъ въ рукахъ государственныя или частныя кредитныя бумаги, — во всемъ этомъ есть рискъ, во всемъ могутъ быть потери, все это можетъ лишить судью спокойствія духа, ввести его въ долги, сдѣлать его зависимымъ отъ обстоятельствъ и людей. Въ такое же положеніе могутъ его поставить и другія побужденія: страсть къ мотовству, къ роскоши, къ картамъ и т. д. Слѣдовательно, для того, чтобы судья могъ избѣгнуть неудобствъ, сваливаемыхъ защитниками запретительной системы единственно на торговлю, нужно отрѣшить совершенно судью отъ жизни, ея условій общественности, словомъ—сдѣлать изъ него монаха. Но если вы не можете этого сдѣлать относительно общихъ имущественныхъ интересовъ судьи, то почему можно это дѣлать въ отношеніи торговли?... Развѣ роскошь, страсть къ мотовству, къ картамъ и тому подобное, помимо другихъ имущественныхъ интересовъ, не можетъ поставить судью еще въ худшее положеніе? Но такъ какъ невозможно устранить судью отъ тѣхъ треволненій и обстоятельствъ, которыми обстановленна вообще жизнь, то дѣлать въ этомъ случаѣ исключеніе для торговли было бы несправедливо. На этомъ основаніи, мы и полагаемъ, что если торговля можетъ отнять время у судьи, то это время можетъ быть отнято у него и другими дѣлами и если въ отношеніи своихъ торговыхъ оборотовъ судья можетъ быть поставленъ въ щекотливое положеніе, разсуждая въ судѣ о дѣлѣ, можетъ быть, тождественномъ съ тѣмъ, котораго онъ ожидаетъ по своимъ собственнымъ торговымъ оборотамъ, то также точно можетъ слу-

читься это же самое и по другимъ имущественнымъ его оборотамъ; поэтому-то и не приходится дѣлать исключенія въ этомъ случаѣ собственно для торговли.

Остается еще затѣмъ рѣшить одинъ вопросъ: могутъ ли судьи быть профессорами и обратно профессора судьями?... [1])

Въ этомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса обстанавливается слѣдующими аргументами: 1) нерѣдко случается, что высшія учебныя заведенія, дающія высшее юридическое образованіе, приглашаютъ на кафедру лица, служащія по судебной части и извѣстныя своими познаніями, и лица эти находятъ возможнымъ соединять эти оба мѣста. 2) Теоретическія познанія въ правѣ оказываются крайне полезными члену суда и на оборотъ, убѣжденіе и мысль, вынесенныя изъ судебнаго засѣданія, служатъ драгоцѣннымъ опытомъ жизни, передаваемымъ съ кафедры будущему поколѣнію судей. 3) Не одни только матерьяльныя выгоды могутъ человѣка заставить, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, заняться другимъ дѣломъ; то спрашивается, можно ли отъ профессора законовѣдѣнія, желающаго служить по судебной части, требовать всѣхъ тѣхъ формальныхъ условій, какъ и отъ другихъ кандидатовъ на судебныя должности? Чтобы быть, напримѣръ, членомъ окружного суда, необходимо, кромѣ юридическаго образованія, еще служить не менѣе 3 послѣднихъ лѣтъ въ званіяхъ не ниже секретаря окружнаго суда. Очевидно, что если ставить это условіе профессору законовѣдѣнія, то такое требованіе будетъ для него равносильно совершенному запрещенію вступить въ судебную службу. Но такое требованіе несправедливо во 1-хъ потому, что профессоръ законовѣдѣнія, хотя и не состоялъ три послѣдніе года не ниже секретаря, однако занимался тѣмъ же юридическимъ дѣломъ, которымъ занимаются лица судебнаго вѣдомства, хотя и другою его стороною; 2-хъ потому, что вмѣстѣ съ судебною реформою, созидающей у насъ суды, на раціональныхъ началахъ, должна изчезнуть та пропасть, которая существуетъ между теоріею и практикою права, и теоретикъ-юристъ долженъ будетъ также внимательно слѣдить за живымъ юридическимъ бытомъ, какъ и, наоборотъ,

---

[1]) Недавно кіевскій университетъ входилъ даже съ формальнымъ ходатайствомъ по этому предмету; но неизвѣстно ходатайствовалъ-ли онъ о томъ, чтобы профессора могли быть лишь присяжными повѣренными или и судьями. См. также статью Репенкампфа «Русскій Вѣстникъ» 1870, № 1.

судья-практикъ долженъ будетъ имѣть хорошія теоретическія познанія. Именно поэтому и нельзя ставить искуственныя преграды между двумя профессіями, имѣющими такъ много общаго, и для профессора законовѣдѣнія было бы совершенно достаточно состоять, положимъ, при окружномъ судѣ, втеченіи одного года, *сверхштатнымъ* судьею, чтобы сдѣлаться, въ случаѣ полнаго перехода въ судебное вѣдомство, членомъ суда. Точно также справедливо было бы сократить для профессоровъ законовѣдѣнія, желающихъ перейти въ члены окружного суда, срокъ пребыванія въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ, по крайней мѣрѣ, на половину.

Противники этого мнѣнія возражаютъ:

1) Что судья непремѣнно долженъ совмѣщать два условія: юридическое образованіе и практическую опытность. Оба эти условія важны и безъ нихъ невозможно быть хорошимъ судьею. Изъ этого слѣдуетъ, что профессоръ законовѣдѣнія, незнающій судебной практики, въ комплектѣ присутствія суда, былъ бы совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ.

2) Мысль о сверхштатныхъ судьяхъ отвергается потому, чтобы не ввести въ судебныя мѣста людей, собственно ничѣмъ незанятыхъ, а только выжидающихъ вакансій, которыя они, имѣя свободное время для искательства, могли бы получать въ ущербъ трудящихся и заслуживающихъ повышенія должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

3) Профессоръ законовѣдѣнія не можетъ постоянно присутствовать въ судѣ, ибо это отвлекло бы его отъ прямыхъ его обязанностей, въ ущербъ важному его призванію. Посѣщая же, какъ сверхштатный судья, рѣдко судъ, едва ли онъ могъ бы напрактиковаться.

4) Профессоръ подчиненъ министерству народнаго просвѣщенія; судья, хотя и сверхштатный, долженъ состоять подъ судебною дисциплиною. Такая двойная подчиненность едвали соотвѣтствуетъ высокому призванію и профессора и судьи.

Какъ въ pro, такъ и въ contra этого вопроса много правды и основаній, но того и другого нельзя принять безусловно. Вторые правы въ томъ отношеніи, что профессоръ не можетъ быть изъятъ отъ тѣхъ условій, которыя требуются вообще для судьи. Если теорія ставитъ практическое знаніе дѣла непремѣннымъ условіемъ для судьи и если законодательство облекаетъ это въ извѣстную форму, т. е., требуетъ, чтобы готовящійся въ судьи былъ извѣстное число лѣтъ или въ судебномъ вѣдомствѣ, или исполнялъ опредѣленное число лѣтъ обязанности адво-

ката, то и профессора не должны быть изъяты отъ этого правила. Сокращеніе срока въ этомъ случаѣ было бы дѣломъ несправедливымъ и и привиллегіею для профессорскаго званія, которая не имѣетъ прочныхъ ни теоретическихъ, ни практическихъ основаній. Если законодательство требуетъ, какъ признакъ практичности, пребыванія извѣстное число лѣтъ въ должностяхъ по судебному вѣдомству или въ адвокатскомъ сословіи, то это основано на томъ теоретическомъ соображеніи, что примѣняя къ дѣлу извѣстное число лѣтъ законы, можно сдѣлаться порядочнымъ практикомъ. Почему же дѣлать исключенія для профессоровъ?.. Вѣдь съ чтеніемъ лекцій не сопряжена никакая практика, такъ какъ представители науки обязаны излагать только ея общія начала и историческое развитіе этихъ началъ. Наконецъ, если практическая дѣятельность въ извѣстное число лѣтъ требуется *вообще* отъ *теоретиковъ*, то почему дѣлать въ этомъ случаѣ исключеніе для тѣхъ изъ нихъ, которые именно въ университетахъ занимаютъ кафедры?.. Было ли бы это справедливо?... Развѣ теоретикъ долженъ быть непремѣнно профессоромъ? Развѣ мы не видимъ очень много теоретиковъ, писателей — юристовъ, съ университетскими учеными степенями, не занимающихъ никакихъ кафедръ? И почему непрофессоръ — теоретикъ долженъ подлежать условіямъ закона, а профессоръ нѣтъ?.. Но съ другой стороны нельзя также не принять въ соображеніе и того важнаго обстоятельства, или что профессорская теоретическая дѣятельность можетъ окончиться, по разнымъ обстоятельствамъ. въ такомъ періодѣ его жизни, когда онъ еще можетъ быть полезенъ обществу. Извѣстно, что, по 25-ти лѣтней выслугѣ, производится профессорамъ перебаллотировка и поэтому многіе оставляютъ университетъ послѣ этого термина. Независимо отъ этого, иногда личныя отношенія профессора къ товарищамъ своимъ или къ начальству побуждаютъ его къ отставкѣ, еще раньше этого термина. Во вниманіе къ этому, дѣйствительно является вопросъ: неужели профессоръ долженъ въ подобныхъ случаяхъ, для того чтобы пріобрѣсти право быть судьею, начать—какъ говорится—съ азбуки, т. е., одно изъ двухъ: а) или 10 лѣтъ пробыть адвокатомъ, б) или извѣстное число лѣтъ прослужить по судебному вѣдомству. Всегда-ли это возможно?.. Профессоръ, прослуживши, 25 лѣхъ въ университетѣ, при первомъ условіи, по прошествіи новыхъ 10 лѣтъ, будетъ едва ли уже способенъ къ занятію должности судьи: такъ какъ онъ будетъ дряхлый старецъ. Идти же въ младшіе чины судебнаго вѣдомства какъ-то будетъ обидно для заслуженнаго профессора, такъ какъ въ подобномъ слу-

чаѣ ему придется работать за однимъ столомъ съ бывшими своими учениками и даже быть послѣднимъ въ подчиненіи. Къ тому же, для тѣхъ профессоровъ, которые еще не выслужили пенсіона, не всегда домашнія обстоятельства позволятъ принять по судебному вѣдомству должность съ небольшимъ жалованьемъ. Поэтому, при существованіи безусловнаго запрещенія профессорамъ быть судьями, ученое сословіе будетъ совершенно отторгнуто отъ судебной карьеры. Это можетъ неблагопріятно подѣйствовать на всю ученую часть: карьера профессорская — профессія неблагодарная: все, чего можно достигнуть, такъ это *ординатуры*; а тамъ, если кто не чувствуетъ себя способнымъ занять должность административную, по министерству народнаго просвѣщенія, то остальная карьера его закрыта. Наконецъ, не всѣмъ же профессорамъ можно дать административныя должности — откуда наберетъ ихъ министерство; или если карьеру профессорскую соединятъ съ карьерою административною то не пострадаютъ ли научные интересы: непоглотитъ-ли администрація лучшихъ представителей науки?.. Такимъ образомъ остается ординатура, какъ крайняя цѣль профессора. Между тѣмъ судебная часть представляетъ болѣе блистательные результаты: адвокатура, кромѣ славы, богатства, можетъ доставить юристу службу судебную и онъ можетъ разсчитывать даже на сенаторство; прокуратура, хотя не представляетъ въ профессіи своей богатства, но можетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ также сенаторство; судейская карьера представляетъ то же самое. При такихъ условіяхъ, когда ученой профессіи будетъ почти закрытъ доступъ къ судейскимъ должностямъ, то само собою разумѣется, что все молодое, талантливое, скорѣе изберетъ судебную карьеру, адвокатуру и прокуратуру, чѣмъ профессорскія обязанности. Не пострадаютъ ли чрезъ это научные интересы и народное просвѣщеніе?... При такихъ условіяхъ мы сомнѣваемся, чтобы нашлось много лицъ, которыя бы избрали своимъ поприщемъ трудную и по большей части неблистательную карьеру профессорскую. Развѣ на такое самоотверженіе рѣшатся одни истинные служители и жрецы науки. Но много ли можно насчитать такихъ людей?.. Не избираютъ-ли по большей части ученую часть люди небогатые, безъ протекціи, которые въ этой части видятъ всю свою карьеру, все обезпеченіе своего насущнаго. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, каждый талантъ поищетъ чего нибудь лучшаго и скорѣе изберетъ судебную часть, чѣмъ ученую: конкуренція послѣдней и первой почти немыслима. Слѣдовательно, какъ съ одной стороны нельзя изъять про-

фессоровъ отъ тѣхъ условій, какія требуются для другихъ лицъ, при поступленіи ими въ судейскія должности, такъ, съ другой стороны, имъ нельзя закрыть совершенно путь къ этимъ должностямъ.

Справедливо также то, что для того, чтобы быть истиннымъ судьею и истиннымъ профессоромъ, для этого необходимо, посвященіе всего своего времени этимъ обязанностямъ; поэтому совмѣщать эти двѣ должности въ одномъ лицѣ рѣшительно немыслимо и указаніе на частные случаи есть только исключеніе изъ общаго правила. Нужно имѣть особенный талантъ, особенный геній, чтобы быть въ состояніи исполнять въ совершенствѣ единовременно обѣ эти должности, т. е., быть исправнымъ судьею, и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за наукою. Поэтому, въ обыкновенныхъ случаяхъ, будетъ или страдать правосудіе, или научные интересы. Но, за всѣмъ тѣмъ, профессорскія обязанности также небезусловны: по новому уставу университетовъ (1863 г.), ординарные и экстраординарные профессора имѣютъ, исключительно, опредѣленныя обязанности, съ опредѣленнымъ числомъ лекцій въ недѣлю. Адъюнкты же, доценты, приватъ-доценты, и преподаватели—въ особенности послѣдніе — по ограниченности своихъ ученыхъ и учебныхъ обязанностей, могутъ, безъ ущерба научнымъ интересамъ, занимать должности въ канцеляріяхъ, въ судахъ и въ прокуратурѣ и даже на поприщѣ адвокатскомъ. Поэтому допущеніе ихъ къ подобнымъ занятіямъ можетъ принести существенную пользу дѣлу: молодые люди могутъ въ подобномъ случаѣ соединять практику съ теоріею, науку — съ жизнію; этимъ путемъ, не отрываясь отъ судебной карьеры, они могутъ оставаться и служителями науки; никто тогда не будетъ удаляться ученой части, такъ какъ она не закроетъ пути молодому человѣку къ высшей карьерѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ему возможность, служа въ судебномъ вѣдомствѣ, выказывать свои способности и на ученомъ поприщѣ; а это будетъ, въ большей части случаевъ, также важнымъ шагомъ къ повышенію... Согласитесь, что большая рекомендація для молодого человѣка, когда онъ, кромѣ усердія къ службѣ и практическаго такта, обнаруживаетъ еще глубокое знаніе науки и обладаетъ краснорѣчіемъ, составляющимъ такую же необходимую принадлежность профессора какъ и адвоката. Послѣднее же обстоятельство и адвокатовъ и чиновъ судебнаго вѣдомства побудитъ искать кафедръ доцентовъ, приватъ-доцентовъ и адъюнктовъ, отчего и университетскіе кафедры не останутся сиротствующими, какъ это непремѣнно будетъ по юридическому факультету, когда, при судебной реформѣ, всѣ пути профессорамъ будутъ закрыты для полученія судей-

скихъ мѣстъ. О томъ же, какъ блистательно показывается для молодежи судебное вѣдомство—доказывается тѣмъ, что во всѣхъ университахъ Россіи, съ первымъ извѣстіемъ о судебной реформѣ, юридическій факультетъ сталъ однимъ изъ многочисленнѣйшихъ по своимъ слушателямъ; такъ что можно, безошибочно, сказать, что въ этомъ отношеніи даже много пострадали другіе факультеты и если судебныя реформы вообще произвели ущербъ въ интересахъ другихъ наукъ, то тѣмъ болѣе это можно отнести къ юридической наукѣ: большая часть молодежи, выпущенной изъ университета, скорѣе изберетъ, сравнительно, блистательную судебную каррьеру, чѣмъ скромную ученую. Уже одно это основаніе достаточно для того, чтобы допустить предложенную мною мѣру: научные интересы также важны для человѣчества, какъ и самое правосудіе. Наука и правосудіе другъ-друга объусловливаютъ, и если юридическая наука въ государствѣ въ упадкѣ, то не можетъ быть и истиннаго правосудія. Всѣ партіи, всѣ мыслители сходятся въ одной общей идеѣ, что отъ судьи требуется настолько же практической опытности, насколько и теоретической. Откуда же мы возьмемъ теоретиковъ, если кафедры университетовъ опустѣютъ, если все талантливое пойдетъ по судебной части, а бездарность— по ученой?.. Не потерпитъ ли отъ этого не только наука, но и правосудіе: такъ какъ люди, готовящіеся къ судебной дѣятельности, не будутъ имѣть талантливыхъ руководителей — теоретиковъ; слѣдовательно, въ интересахъ самаго правосудія и во имя послѣдняго, не слѣдуетъ класть рѣзкихъ рубежей между наукою и судебною дѣятельностью; а напротивъ того, слѣдуетъ открывать дорогу къ послѣдней всѣмъ талантливымъ представителямъ первой?.. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда адъюнктамъ, доцентамъ, приватъ-доцентамъ и преподавателямъ не будетъ закрытъ путь къ судебному вѣдомству: въ этомъ случаѣ истинные жрецы науки, т. е., люди, готовящіеся къ принятію *ординатуры*, сами не пойдутъ ни въ адвокаты, ни въ канцеляріи судовъ; молодые же люди, которые будутъ имѣть въ виду, кромѣ науки, и судебную каррьеру, займутся или адвокатствомъ, или же будутъ практиковать въ судахъ; а между тѣмъ истинные жрецы науки—профессора будутъ имѣть содѣятелей въ нихъ, если не совершенныхъ, то по крайней мѣрѣ, хорошихъ помощниковъ; этою же мѣрою возстановится то равновѣсіе между профессіями—профессорской и судебной, которое нарушается при конкуренціи, превосходствомъ второй противъ первой.

4) Условія требуемыя законодательствами: *а) извѣстный воз-*

растъ; б) принадлежность судьи къ тому сословію или обществу, которое его избираетъ и необходимость имѣть движимую собственность; в) не состоять подъ судомъ и слѣдствіемъ, не быть опороченнымъ общественными и судебными приговорами.

а) *Извѣстный возрастъ.* Какъ теорія, такъ и всѣ почти европейскія законодательства требуютъ, для поступленія въ судейскія должности и для отправленія этихъ обязанностей, извѣстный возрастъ. Основанія этому—теоретическія и практическія. Сущность обязанностей судьи требуетъ, чтобы способности его были въ полномъ развитіи и силѣ, для того, чтобы онъ могъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, съ чѣмъ соединено благо, спокойствіе и счастіе общества. Во имя послѣднихъ, наука вправѣ требовать, чтобы человѣкъ, желающій принять обязанности судьи, вступилъ въ опредѣленный возрастъ возмужалости, когда не только его понятія уже уяснились, но когда и характеръ его принялъ уже опредѣленный видъ. Съ другой стороны, наука можетъ требовать, чтобы при упадкѣ силъ судьи, въ глубокой старости, онъ оставлялъ свою дѣятельность. Оба эти условія существенно необходимы, для правильнаго отправленія правосудія въ государствѣ, потому что, въ рѣдкихъ случаяхъ, человѣкъ, недостигшій возмужалости или же достигшій глубокой старости, можетъ съ пользою исполнять судейскія обязанности. Въ первомъ случаѣ, неопытность молодости, увлеченіе, горячность, впечатлительность, могутъ дѣлать его не всегда безпристрастнымъ или же могутъ ввести его въ капитальныя ошибки и погрѣшности. Во второмъ случаѣ, старческая немощь, брюзгливость, придирчивость, суровость, раздражительность, усталость и вялость могутъ мѣшать не только безпристрастному обсужденію имъ дѣла, но и основательному его объизслѣдованію и осмотру. Наконецъ, физическое безсиліе можетъ отнять у него возможность энергически работать; отчего можетъ быть застой въ дѣлахъ, въ явный ущербъ правосудію. Но на это можно возразить, что развитіе людей различно: одинъ развивается рано, другой поздно; одинъ получаетъ зрѣлый умъ еще въ юношествѣ; другой не достигаетъ его даже въ старческомъ возрастѣ и при этомъ, пожалуй, можно сослаться на отвѣтъ одного посла папѣ, изявившаго ему неудовольствіе за его молодость и безбородость: «если бы мой государь зналъ, что вамъ необходимъ непремѣнно бородатый посолъ, то онъ прислалъ бы вамъ козла»... Мы вовсе не споримъ о возможности ранняго и поздняго развитія людей и объ исключеніяхъ изъ общаго правила и рѣчи нѣтъ здѣсь; но изъ опыта мы знаемъ, что большинство людей окончательно развива-

ются послѣ совершеннолѣтія и такъ какъ законъ имѣетъ предметомъ своимъ большинство членовъ общества, а не его исключенія, то поэтому законадательство должно имѣть въ виду тотъ возрастъ, въ которомъ получаетъ окончательное развитіе большинство членовъ общества. И если въ этомъ случаѣ, общественныя, юридическія дѣйствія лица могутъ и должны быть поставлены въ условія извѣстнаго возраста, то тѣмъ болѣе законодательства должны это дѣлать въ отношеніи суда — одного изъ самыхъ важныхъ проявленій общественной жизни. Практика указываетъ, что возрастъ этотъ можетъ быть опредѣленъ въ періодѣ совершеннолѣтія, т. е., между 20 и 30 годами, т. е. этими двумя предѣлами. Но гораздо труднѣе опредѣлить предѣлъ старческаго возраста. На большую и меньшую дряхлость вліяютъ разныя обстоятельства жизни: воспитаніе, профессія, трудъ, образъ жизни, семейныя дѣла, общественныя условія, разныя случайности, болѣзни,—словомъ вся жизнь человѣка, со всею ея обстановкою... Статистическія данныя представляютъ поэтому предмету слѣдующія явленія: достигнувъ 39 лѣтъ, при усиленномъ трудѣ, человѣкъ переноситъ уже полгода болѣзни; а человѣкъ, занимающійся легкой работой, переноситъ такое число дней болѣзни въ 44 года. [1]) По Кольбу, изъ юристовъ

75, 5%	достигаютъ	50 лѣтъ
56, 9%	—	60
35, 2%	—	70
22%	умираютъ отъ глубокой старости	

Де Невиль [2]) сдѣлалъ вычисленіе до какихъ лѣтъ умерло одинаковое число людей изъ разныхъ сословій и получилъ для юристовъ слѣдующіе результаты:

	годъ	мѣс.		годъ	мѣс.		годъ	мѣс.
1/4 часть умерла	50	3	1/2 умерла	63	3	3/4 умер.	73	6

Эшерихъ же пришолъ къ слѣдующимъ важнымъ результатамъ: «во всѣхъ ученыхъ сословіяхъ средняя продолжительность жизни меньше, нежели во

---

[1]) См. срав. статистику Кольба, т. II., стр. 291 и 305.

[2]) Ibid., стр. 292. По этому предмету интересны сочиненія: Lebensdauer und Todesursachen 22 verschiedener Stände und gewerbe, nebst vergleichender Statistik der christlichen und israelitischen Bevoeekerung Frankfurts. Frankfurt 1855 г. Hygienisch-Statistik. Эшериха. Вирцбургъ 1854. Въ Edinburgh Review January 1860 см, статью: Mortality in Trades and Professions. см. въ «Русскомъ Словѣ» за 1864 года статьи Шелгунова о смертности.

всемъ вообще мужскомъ населеніи. Такое общее явленіе должно имѣть также общую причину. Физическія условія жизни и психическія явленія не могутъ дѣйствовать одинаково вредно на *всѣ* сословія. За *всѣми* учеными сословіями надо признать нѣчто такое, что *превосходитъ* своимъ дѣйствіемъ на продолжительность жизни всѣ благопріятныя физическія и психическія условія, а между тѣмъ не дѣйствуетъ на остальную часть мужескаго населенія. Эта общая причина можетъ быть предполагаема только въ образѣ *подготовленія* ученыхъ. Доказательствомъ тому служитъ фактъ, что при вступленіи въ какое либо сословіе разница между относительной смертности между вступившими и невступившими бываетъ самая сильная, между тѣмъ какъ послѣ 65 лѣтъ смертность становится меньше».

Эти статистическіе выводы приводятъ насъ къ заключенію, что подготовка юристовъ дѣйствуетъ зловредно и разрушительно на организмы ихъ; но что собственно судебная дѣятельность имѣетъ довольно благопріятное вліяніе на среднюю жизнь людей. Согласно съ этимъ, слѣдовало бы и признать, что юристы и судьи могутъ сохранить свои способности и гораздо долѣе лицъ другихъ профессій, по простой аксіомѣ: mens sana in corpore sana, т. е., другими словами: если я могу жить дольше другого, то значитъ и организмъ мой крѣпче; если онъ крѣпче, то въ немъ сохраняются и дольше умственныя способности. Поэтому мы вправѣ сказать, что общимъ правиломъ можетъ быть для юристовъ, что они могутъ сохранять свои умственныя способности до глубокой старости. Но умственная способность не есть еще все, что требуется отъ судьи: отъ него требуется еще энергія, дѣятельность и неусыпный трудъ, — чего, при всемъ желаніи своемъ, рѣдкій старецъ можетъ осуществить. Поэтому нельзя не согласиться, что законодательства должны бы опредѣлить тотъ крайній, старческій возрастъ, до котораго можно быть судьею; этотъ же возрастъ, по всѣмъ статистическимъ даннымъ, долженъ стоять между 65—73 годами.

Мнѣніе въ этомъ случаѣ о томъ, что, при этомъ условіи, какъ бы обращается въ наказаніе долговременная служба, неосновательно потому, что вмѣстѣ, съ подобной отставкой, законодательство должно положить отставленному полную пенсію и, при общности этого закона, онъ ни для кого не можетъ быть оскорбителенъ: такъ какъ общее правило не касается ни чьей личности. Что же касается до замѣчанія, что, при этомъ условіи, общество можетъ нерѣдко лишаться полезнаго дѣятеля, то на это возразимъ: законъ не пишется для исключеній, а для большинства членовъ; что

если заслуженный и еще энергическій судья можетъ работать, то общество и правительство могутъ ему дать уполномочіе или въ законодательствѣ или въ администраціи; слѣдовательно и не потеряется для человѣчества та польза, которую еще можетъ принести отставленный судья. Въ лучшемъ же изъ судебныхъ законодательствъ въ Европѣ, а именно, въ Бельгіи, мы находимъ, что 75-ти-лѣтніе судьи увольняются въ отставку. Наконецъ, можно присовокупить, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, что для того, чтобы не лишиться полезныхъ дѣятелей въ старцахъ, сохранившихъ еще силу и энергію, можно установить, подобно университетамъ, порядокъ баллотировки товарищей.

б). *Принадлежность судьи къ тому сословію или обществу, которое его избираетъ или для котораго онъ избирается, и необходимость для судьи быть владѣльцемъ недвижимой собственности,*— ставятся многими законодательствами въ существенное условіе для должности судьи. Но мною было уже говорено выше о томъ вредѣ, какой приносятъ сословные суды; поэтому мы, отвергая эту форму, остановимся здѣсь лишь на вопросѣ о томъ: согласуется ли съ теоріею принципъ, что судьи должны быть непремѣнно мѣстными жителями и владѣльцами недвижимой собственности?

Вопросъ этотъ слѣдуетъ разсматривать съ двухъ сторонъ: въ отношеніи избирателей и въ отношеніи власти назначающей судей.

Въ отношеніи первыхъ слѣдуетъ сказать, что насколько вредна сословность въ дѣлѣ назначенія судьей, на столько же вредно и условіе— о принадлежности лицъ къ мѣстнымъ жителямъ и къ владѣльцамъ недвижимости. Это условіе ограничиваетъ чрезвычайно выборное начало, такъ какъ именно изъ мѣстныхъ жителей и владѣльцевъ недвижимости не можетъ быть того количества кандидатовъ, которые бы совмѣщали въ себѣ тѣ условія, которыя требуются для судьи. Наука можетъ требовать, чтобы, во имя сущности судебной власти, судьи были просвѣщенны и имѣли достаточный запасъ юридическихъ, научныхъ и практическихъ, свѣдѣній, были честны и нелицепріятны; были достаточно развиты и во цвѣтѣ силъ и здоровья,—но наука не можетъ допустить условій, неимѣющихъ ничего общаго ни съ правами обществъ, ни съ сущностью судебной власти. Мѣстность и недвижимая собственность не имѣютъ ничего общаго ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Если общество находитъ извѣстнаго человѣка способнымъ быть судьею, по его качествамъ души и познаніямъ, то обществу не могутъ быть поставлены такія преграды, которыя нару-

шаютъ его выборныя права. Вытекаетъ это изъ того, что если съуживаютъ кругъ выбора, такъ что послѣдній становится почти одною буквою закона, то само собою разумѣется, что слѣдуетъ сказать; что самаго выборнаго права не существуетъ. Поэтому наука, съ одной стороны требуя, чтобы выборное право заключало условія, непротиворѣчащія сущности судебной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ исключало бы все то, что ослабляетъ или уничтожаетъ это право... Условія же мѣстности и недвижимой собственности, въ особенности при высокомъ цензѣ, именно и ставятъ выборное право въ такое невыгодное положеніе — въ особенности въ обществахъ, гдѣ образованіе стоитъ еще на низкой степени. Откуда эти общества могутъ изъ мѣстныхъ жителей да еще недвижимыхъ собственниковъ имѣть судей, которые бы совмѣщали въ себѣ всѣ необходимыя условія, требуемыя для того наукой и законодательствами? Послѣднія же условія измышлены тѣми лицами, которыя: 1) не желая выпустить власти изъ рукъ своихъ, будто бы передаютъ выборное право обществу, но въ сущности оставляютъ его за собою; 2) сознавая, что сословности пришелъ конецъ, въ видѣ спасенія этой идеи, хотятъ установить хоть аристократизмъ имущественный. Если, думаютъ они, не плетью, то обухомъ; если не имѣть власти по праву доблестей предковъ, то по капиталу. Слѣдовательно, здѣсь является въ сущности та же самая сословность, только вмѣсто шитаго мундира, у нея мѣщанскій армякъ. Но армякъ недоказываетъ еще, что характеръ выборовъ измѣнился: сословная аристократія въ отношеніи недвижимости остается все-таки главнѣйшимъ общественнымъ элементомъ; послѣднее доказано ясно земскими выборами: $^1/_2$ земскихъ собраній состоитъ изъ собственниковъ дворянъ, а остальная половина изъ городскихъ и сельскихъ выборныхъ. Изъ этого ясно, что и при выборахъ, гдѣ цензъ высокъ, кандидатами на должности судей явится преимущественно дворянство, такъ какъ съ одной стороны, оно въ отношеніи недвижимой собственности занимаетъ въ государствѣ главнѣйшее мѣсто; съ другой стороны, такъ какъ оно болѣе другихъ сословій заключаетъ въ себѣ условія, требуемыя для судей. При такихъ же обстоятельствахъ выборы едва ли могутъ избѣгнуть характеръ сословности и дворянство получитъ судебную власть, какъ привиллегію, только подъ видомъ другимъ, чѣмъ прежде: уже не въ видѣ сословнаго права, а права имущественнаго; но сущность останется та же самая, только подъ другими условіями. По этимъ даннымъ, теорія никакъ не можетъ остановиться на томъ: чтобы вообще имущественный цензъ игралъ какую бы то ни было роль при выборномъ началѣ, а тѣмъ болѣе—цензъ высокій.

Но то, что слѣдуетъ сказать въ отношеніи избирателей, того же самаго нельзя сказать въ отношеніи власти назначающій судей. Если выборное право переходитъ отъ общества къ другой власти, то оно, по крайней мѣрѣ, вправѣ желать, чтобы судьи назначались изъ его среды. Но спрашиваю: что дѣлать въ такомъ случаѣ, когда общество не будетъ въ средѣ своей заключать лицъ, которыя бы соотвѣтствовали условіямъ, требуемымъ для должности судьи?.. На это отвѣтимъ, что общество имѣетъ право, для собственнаго своего блага, искать, на общественныя должности, лицъ гдѣ ему угодно; если же это право отъ него отнято или если оно не можетъ пользоваться своимъ правомъ по узкости выборнаго начала, то оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, право желать, чтобы другая власть назначала судей изъ среды его членовъ. Потому что какого бы честнаго и образованнаго судью вы не прислали обществу, оно будетъ глядѣть на него какъ на пришельца, чужеродца, котораго мало интересуетъ общественное благо; будетъ глядѣть на него какъ на чиновника, который служитъ ради одного жалованья, а не ради общественной пользы. При такомъ же взглядѣ на судью, общество не можетъ имѣть къ нему довѣрія и будетъ глядѣть на его назначеніе, какъ на нарушеніе своихъ правъ. Поэтому всякое назначеніе постороннею властью обществу судей должно быть непремѣнно изъ мѣстныхъ жителей, причемъ, само собою разумѣется, имущественный цензъ не долженъ имѣть мѣста. Какъ хотите, если приходится терпѣть, то лучше отъ своего, чѣмъ отъ чужого.

в) *Не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ, не быть опороченнымъ общественными и судебными приговорами*, — есть также существенное условіе, требуемое многими законодательствами. Теоретическое основаніе этихъ условій заключается въ томъ: что сущность судебной власти требуетъ, чтобы органы ея не заключали въ себѣ ничего такого, что могло бы подорвать въ ней довѣріе общества. Мирабо, въ этомъ отношеніи, справедливо сказалъ: «дайте мнѣ какихъ угодно судей, лишь бы они дѣйствовали въ видахъ публики». Этимъ великій человѣкъ хотѣлъ выразить то, что общество должно питать уваженіе къ судьямъ и вѣрить ихъ авторитету. Поэтому-то и законодательства и предписываютъ строгія условія для занятія должности судьи. Человѣкъ, только обвиняемый или подозрѣваемый въ проступкѣ или преступленіи, неможетъ ужь занять мѣста судьи до тѣхъ поръ, пока онъ предъ судомъ не оправдается и невозстановитъ своего добраго имени. И какъ можно дать ему, въ подобномъ случаѣ, мѣсто судьи, когда еще неизвѣстно: чѣмъ окончится слѣд-

ствіе и судъ, такъ какъ взводимое на кандидата обвиненіе, можетъ еще оправдаться. [1]) И если это можно сказать въ отношеніи лицъ только подозрѣваемыхъ въ проступкѣ или преступленіи, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать въ отношеніи тѣхъ, которые уже обвинены судебными рѣшеніями и уже наказаны. Но здѣсь рождается важный юридическій вопросъ: должно ли это запрещеніе быть безусловно для всѣхъ лицъ, подвергшихся судебнымъ наказаніямъ, или только оно должно простираться по дѣламъ уголовнымъ и то небезусловно, а съ ограниченіями. Извѣстно, что преступность воли выражается въ проступкахъ и преступленіяхъ; первые влекутъ за собою денежные штрафы и кратковременное тюремное заключеніе; вторые—долговременное тюремное заключеніе, ссылку, каторжную работу и лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Независимо отъ этого, проступки и преступленія подраздѣляются на государственныя и частныя. Теперь спрашиваемъ: должно ли запрещеніе относиться къ приговорамъ судебнымъ только по преступленіямъ или по проступкамъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, должны ли рѣшенія относиться вообще или только въ отношеніи нарушенія правъ частныхъ лицъ?.. Точное опредѣленіе этихъ случаевъ необходимо, для избѣжанія недоразумѣній. Мы же находимъ, что устраненіе кандидата отъ занятія судейской должности должно имѣть только мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: когда кандидатъ былъ наказанъ судебнымъ приговоромъ, за проступокъ или за преступленіе, касавшихся имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ, казны или обществъ; или заключавшихъ въ себѣ клевету, оскорбленіе и безчестіе частному лицу или были нарушеніемъ долга присяги, обязанности—частной и государственной — службы; или составляли подлогъ; или заключали въ себѣ измѣну или выдали тайну частную или государственную. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общество можетъ ужь видѣть въ судьѣ человѣка дурного, человѣка, къ которому нельзя имѣть довѣрія. Но по проступкамъ и преступленіямъ государственнымъ, или политическимъ или же по нарушеніямъ цензурныхъ правилъ и законовъ печати, такъ какъ въ актѣ этомъ выражается только извѣстное направленіе идей человѣка, а не испорченность и преступность его воли,—то судебныя рѣшенія, хотя бы они и опредѣляли провинившемуся и уголовное наказаніе, то по минованіи срока наказанія, права этого лица на должность судьи должны быть возстановлены.

---

[1]) Мы не говоримъ о прежнемъ слѣдствіи и судѣ, такъ какъ они произвольны; а о будущемъ, при судебной реформѣ.

Но никакихъ ограниченій нельзя дѣлать въ отношеніи приговоровъ общественныхъ. «Гласъ народа, говорятъ,—гласъ божій» и если общество исключило кого-нибудь изъ среды своей, или же опорочило его приговоромъ своимъ, т. е., выставило ему на видъ, публично, его пороки, предосудительную жизнь или проступки,—то подобное лицо не должно и не можетъ ужь болѣе занимать судейскихъ мѣстъ, хотя бы приговоръ и имѣлъ чисто-политическій характеръ. Говоримъ мы это потому, что въ приговорѣ сущность не въ самомъ проступкѣ, который можетъ и не имѣть криминальности и не быть предосудительнымъ, а въ томъ: что въ немъ выражается недовѣріе общества къ лицу, вызвавшему приговоръ. И въ единственномъ случаѣ могутъ только быть возстановлены права лица на судейскую должность, когда то же самое общество приговоромъ своимъ признаетъ, что прежнее его рѣшеніе было или пристрастно, или основано на ошибочныхъ фактахъ. Но здѣсь возникаетъ еще одинъ вопросъ: какіе приговоры считать общественными? Требуется ли здѣсь сословность и условіе, чтобы осужденный былъ формальнымъ членомъ этого сословія или слово «общество» принимать въ смыслѣ публики?... Если понимать это слово въ смыслѣ сословности, то могутъ составлять приговоры о дворянахъ—дворяне, о купцахъ—купцы и т. д., и то только тѣ, къ сословію которыхъ лицо осуждаемое приписано. Если же понимать общество въ смыслѣ второмъ, то сюда должно также отнести и приговоры клубовъ: городскихъ, благородныхъ, коммерческихъ и дворянскихъ собраній. И, по нашему мнѣнію, исключеніе подобными общественными учрежденіями своего члена должно также вести, если не къ совершенному лишенію права быть судью, то по крайней мѣрѣ, должно дать поводъ къ серьезному обсужденію этого вопроса избирателями судей и тою властью, которая ихъ назначаетъ. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ подобныя общества рѣшаются исключить своего члена безъ сильныхъ побудительныхъ причинъ и лицо, исключенное изъ собранія, навсегда теряетъ общественное къ себѣ довѣріе. Поэтому становится даже опаснымъ не только назначать такого человѣка въ должность судьи, *но вообще дать ему какую бы то ни бы общественную должность:* потому что въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ можетъ мстить членамъ этого общества за свой позоръ и такъ какъ каждый клубъ или собраніе многочисленно, то месть исключеннаго можетъ обнять цѣлое общество и даже цѣлый городъ [1]).

[1]) Подобный примѣръ мы видѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Николаевѣ.

На это обстоятельство не мѣшало бы обратить вниманіе многимъ у насъ и, съ одной стороны, не пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, съ другой стороны и пожалѣть несчастныхъ жертвъ подобной мести. Но, скажете вы, быть можетъ, что иногда цѣлое общество можетъ быть несправедливо и пристрастно... Согласны съ этимъ; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, не отдавать все общество въ руки его врагу.

4) *Заявленія, присланныя нашими юристами въ редакціонную комиссію объ—условіяхъ, необходимыхъ для занятія судебныхъ должностей.*

По поводу основныхъ положеній судебной реформы въ Россіи были присланы въ редакціонную комиссію заявленія нашихъ юристовъ причемъ:

Въ отношеніи 1) *общихъ судовъ*, большинство требовало, какъ необходимаго условія, юридическаго образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]); меньшинство [2]) требовало одного практическаго образованія; одинъ требовалъ послѣдняго условія, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, для пріобрѣвшихъ опытность на службѣ по министерству юстиціи. Одинъ голосъ требовалъ, чтобы допущены были къ судебнымъ должностямъ (кромѣ предсѣдателей и прокуроровъ) и окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеній. Одинъ требовалъ, чтобы неокончившіе полнаго курса юридическихъ наукъ, для полученія мѣста по судебному вѣдомству, обязаны были: а) выдержать экзаменъ въ одномъ изъ университетовъ, по особо утвержденной программѣ; б) прослужить два года кандидатами на судебныя должности; в) затѣмъ подвергнуться экзамену, по особой программѣ. Одинъ заявлялъ, чтобы желающихъ доказать свои познанія по судебной части, для полученія должности предсѣдателя или члена, испытывать при судебныхъ палатахъ, требованіемъ словеснаго или письменнаго изложенія мнѣній своихъ, по предложенному для испытанія дѣлу и, кромѣ того, руководствоваться отзывами объ ихъ благонадежности отъ общества или сословія, къ которому испытуемое лицо принадлежитъ.

Всѣ эти мнѣнія показываютъ одно общее стремленіе всѣхъ — вывести судъ на путь науки и сознаніе общества всего вреда, какой мы имѣли

---

[1]) См. сводъ замѣчаній стр. 77—80. 6 голосовъ.

[2]) 3 голоса.

отъ необразованныхъ судей; эти мнѣнія доказываютъ также, что необходимость образованія для судей не есть предвзятая идея партіи, а необходимость, глубоко сознанная обществомъ.

2) *Въ отношеніи мирового суда* замѣчанія, присланныя въ комиссію, коснулись болѣе, чѣмъ въ отношеніи общихъ судовъ, сторонъ вопроса—объ условіяхъ, необходимыхъ для судей: что доказываетъ, какъ для общества важно это великое учрежденіе и какъ оно близко каждому. По вопросу этому было прислано 109 мнѣній и сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: одни изъ нихъ требовали, какъ непремѣннаго условія, что нужно быть мѣстнымъ жителемъ, владѣющимъ недвижимостью, окончившимъ курсъ юридическихъ наукъ, или прослужившимъ извѣстное число лѣтъ по судебному вѣдомству, не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ, не быть опороченымъ общественнымъ и судебнымъ приговоромъ; другіе же требовали безусловности выборовъ, или требованія эти подвергали разнымъ условіямъ и ограниченіямъ. Но въ особенности, въ этихъ мнѣніяхъ, характерично разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: 1) о допущеніи въ мировые судьи лицъ, невладѣющихъ недвижимою собственностью—было 30 голосовъ; 2) на сторонѣ низкаго ценса—было 8 голосовъ; 3) на сторонѣ юридическаго образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—былъ только 1 голосъ, а большинство—на сторонѣ или среднихъ учебныхъ заведеній, или на сторонѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы по судебной части; 4) безусловнаго выборнаго права требовало 10 голосовъ.

Изъ этого видно, что въ обществѣ установилось убѣжденіе, что, при высокомъ цензѣ и при другихъ условіяхъ, ограничивающихъ кругъ выборовъ, не найдется ни достаточнаго количества, ни достаточно способныхъ людей къ занятію должностей по мировымъ учрежденіямъ. На выводъ этотъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: въ отношеніи общаго суда общество заявило, въ мнѣніяхъ нашихъ юристовъ, всю необходимость настрожайшаго требованія юридическаго образованія; въ отношеніи же мирового суда, этого заявленія нѣтъ и большинство на сторонѣ безусловности выборовъ. Это доказываетъ, что въ обществахъ есть опасеніе, что, при узкости выборнаго начала, будетъ, въ большей части ихъ, весьма ограниченный кругъ выбора; вслѣдствіе чего самые выборы могутъ быть неудачны, на первыхъ же порахъ, и самый институтъ мировыхъ судей можетъ упасть въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ время и опытъ, въ этомъ случаѣ, будутъ лучшими указателями правильности или неправильности принципа ограниченности выборнаго начала въ дѣлѣ мирового суда.

3) *Въ отношеніи кандидатовъ на судебныя должности* замѣчанія заявляли:

а) *въ отношеніи условій*, для зачисленія ихъ кандидатами, 1 голосъ въ пользу юридическаго образованія; 1 — въ пользу высшихъ учебныхъ заведеній вообще; 2 — въ пользу среднихъ учебныхъ заведеній; 1 — требуетъ, чтобы дать дорогу вообще способностямъ и талантамъ, не ограничивая ихъ ни дипломами, ни происхожденіемъ.

б) *въ отношеніи распредѣленія ихъ по округамъ:* 1 голосъ требовалъ, чтобы это распредѣленіе было съ ихъ согласія, 1 — чтобы командировать ихъ къ мировымъ судьямъ въ качествѣ письмоводителей; 2 — чтобы или поручено было кандидатамъ производство слѣдствій, или чтобы прикомандировывать ихъ къ судебнымъ слѣдователямъ [1]).

5) *Мнѣнія и постановленія редакціонной комиссіи по предмету условій, необходимыхъ для судьи.*

а) *Въ отношеніи судовъ общихъ*: 1) *по предмету теоретическаго и практическаго образованія* комиссія находила, что, при настоящемъ преобразованіи судебной части, признано необходимымъ совершенно устранить судебныя канцеляріи отъ производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и съ этою цѣлью, въ уставахъ судопроизводства, постановлены многія правила, возлагающія разныя судебныя дѣйствія, нынѣ исполняемыя канцеляріями, а иногда и полиціею, на самихъ членовъ судебныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, будущимъ судьямъ предстоитъ исполненіе разныхъ дѣйствій по инструкціи дѣлъ, какъ-то: производство осмотровъ, допросовъ и другихъ обрядовъ по повѣркѣ доказательствъ, нерѣдко же и самый докладъ дѣлъ; затѣмъ слушаніе дѣлъ по словеснымъ состязаніямъ и преніямъ въ публичныхъ засѣданіяхъ суда, участіе въ постановленіи вопросовъ по дѣламъ и наконецъ рѣшеніе ихъ. Очевидно, что для исполненія всѣхъ этихъ обязанностей, судья не только долженъ знать хорошо законы, но сверхъ того имѣть достаточную опытность въ примѣненіи ихъ. Безъ этого онъ былъ бы нерѣдко поставленъ въ то самое положеніе, въ которомъ находятся нынѣшніе судьи, именно долженъ будетъ подчиниться вліянію другихъ, если уже не чиновъ канцеляріи, то своихъ сочленовъ,—*а всякое вліяніе на мнѣніе судьи уничтожаетъ его самостоятельность къ ущербу правосудія.* Необходимость, чтобы члены судебныхъ мѣстъ были юридически образованы, вполнѣ сознано государ-

[1]) См. сводъ замѣчаній стр. 115—116.

ственнымъ совѣтомъ, который неоднократно выражалъ это мнѣніе, при сужденіи объ условіяхъ для замѣщенія новыхъ судебныхъ должностей [1]). Но одно изученіе законовъ не создаетъ еще хорошаго судью; для отправленія этой трудной обязанности недостаточно кончить курсъ юридическихъ наукъ, надобно, сверхъ того, пріобрѣсть извѣстную степень опытности въ примѣненіи законовъ, и пріобрѣсть ее не въ стѣнахъ университета или юридическаго училища, а на самомъ дѣлѣ, въ приложеніи законовъ къ живой практикѣ. Въ 66 статьѣ основныхъ положеній было сказано: что исчисленныя въ ней судебныя должности замѣщаются лицами, получившими юридическое образованіе *или же* доказавшими на службѣ свои познанія по судебной части.

Изъ этого, по мнѣнію комиссіи, не слѣдуетъ, чтобы основныя положенія для каждой изъ этихъ должностей полагали достаточнымъ только одно изъ тѣхъ двухъ условій, т. е., или юридическое образованіе, или же доказанныя на службѣ познанія по судебной части.

При составленіи 66 статьи основныхъ положеній имѣлось въ виду, что у насъ немного людей юридически образованныхъ. Нельзя было не открыть возможности воспользоваться тѣми изъ нашихъ практиковъ, которые, хотя и не посѣщали курса юридическихъ наукъ, но продолжительною службою въ судебномъ вѣдомствѣ, при стараніи изучить законы, пріобрѣли основательныя познанія по судебной части. Невозможно отвергать необходимости призвать къ дѣлу новаго суда всѣ эти личности, и безъ нихъ было бы даже рѣшительно невозможно образовать на первое время судебныя мѣста. Но такая необходимость можетъ встрѣтиться вначалѣ, при введеніи новаго судоустройства, а для этого *должны быть изданы временныя правила*, которыя, заключая въ себѣ всѣ возможныя облегченія въ замѣщеніи, на первыхъ порахъ, судебныхъ должностей, будутъ дѣйствовать болѣе или менѣе продолжительное время послѣ изданія новаго судоустройства. Между тѣмъ, разсматриваемыя нынѣ правила доставятъ постоянный законъ, подлежащій примѣненію при полномъ дѣйствіи новаго судебнаго порядка, когда судебное вѣдомство не будетъ уже встрѣчать затрудненій въ замѣщеніи открывающихся судейскихъ мѣстъ лицами и теорически и практически къ тому приготовленными. Было бы крайне неудобно постановлять въ такомъ законѣ о допущеніи на судейскія должности лицъ, неполучившихъ юридическаго образованія. На осно-

[1]) Журналы соединеннаго депар. гос. совѣта о судеб. реформѣ стр. 301, 304, 305, 334.

ваніи этихъ соображеній, комиссія единогласно приняла правило: что должности первоприсутствующихъ, предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, а равно оберъ-прокуроровъ, прокуроровъ и ихъ товарищей замѣщаются не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, объ окончаніи курса юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ этихъ наукахъ, и сверхъ того, проходившихъ службу по судебному вѣдомству въ установленномъ порядкѣ».

Соглашаясь вполнѣ съ редакціонною комиссіею въ ея положеніяхъ и выводахъ, мы однакожъ не можемъ не сказать, что срокъ введенія этого правила долженъ быть соразмѣренъ съ тѣми средствами, которыя представляютъ намъ наши высшія юридическія учебныя заведенія. Соображая послѣднее съ тѣми практическими условіями, которыя требуются закономъ, мы находимъ, что пятилѣтній срокъ будетъ очень достаточенъ для совершеннаго приведенія этого правила въ исполненіе. Юридическіе наши факультеты и учебныя заведенія въ послѣдніе годы, по случаю реформъ, стали выпускать огромное количество молодыхъ людей, образованныхъ юристовъ, и при трехъ или пятилѣтней ихъ практикѣ, правительство будетъ въ состояніи замѣстить ими всѣ судейскія должности. Если въ этомъ случаѣ многіе между ними будутъ еще недостаточно опытны, то во всякомъ случаѣ ихъ можно предпочесть, такъ называемымъ, практикамъ: потому что послѣдніе уже отчасти испорчены, не только прежнимъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, но всѣмъ юридическимъ нашимъ складомъ, возникшимъ изъ этого правоотношенія... Какъ хотите, а люди, привыкшіе въ теченіе цѣлой жизни своей или многихъ лѣтъ къ одной какой нибудь дѣятельности, къ одному какому нибудь направленію, едва ли въ состояніи переродиться, и сбросивъ съ себя ветхую свою одежду, облечься въ новую. Какъ, говорятъ, волка ни корми, а все—въ лѣсъ глядитъ. Пословица совершенно справедливая: привычка—вторая природа человѣка и передѣлать ее чрезвычайно мудрено. Поэтому, при коренной реформѣ нашего судоустройства и судопроизводства и вмѣстѣ съ тѣмъ реформѣ не только общественнаго нашего быта, но и самаго взгляда нашего на правоотношенія наши трудно ожидать, чтобы старые *практики* подчинились ея условіямъ, или, другими словами, сбросивъ свою кожу, надѣли бы новую... На этомъ основаніи мы предпочитаемъ неопытныхъ теоретиковъ, т. е., молодежъ, выходящую нынѣ изъ высшихъ учебныхъ за-

веденій большей части практиковъ. Молодежъ эта — цвѣтъ и надежда Россіи. Достаточно, если она внесетъ въ новое судоустройство и судопроизводство и въ жизнь тотъ высокій идеалъ, который она вынесла изъ учебнаго заведенія. Уже одна эта заслуга восполняетъ всѣ недостатки ея въ отношеніи практики, и мы находимъ, что этой неопытностью она принесетъ меньше зла, чѣмъ практики, когда послѣдніе внесутъ въ нашъ новый судъ старый формализмъ, толкованіе закона во всѣ стороны, сухую діалектику и принципъ: «судя по совѣсти моей». Какъ хотите, а лучше неопытность, чѣмъ подобная зрѣлость... Неопытность, когда она руководима любовью къ дѣлу, высокимъ чувствомъ долга и патріотизмомъ, можетъ дѣлать промахи, но она не уронитъ высокаго значенія суда; а зрѣлость нашихъ практиковъ можетъ если не погубить авторитетъ суда, то надолго затормозить его естественное теченіе, дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе.

2) *О службѣ, дающей право на занятіе должности судей.*

Имѣя въ виду, что не на всѣхъ должностяхъ по судебному вѣдомству можно пріобрѣсти нужныя практическія свѣдѣнія для того, чтобы быть судьею, надлежитъ означить въ законѣ, какая именно служба по судебной части, то есть на какихъ мѣстахъ и сколько времени продолжавшаяся, даетъ право къ занятію должности судей. Это правило, по мнѣнію комиссіи, необходимо, съ одной стороны, для того, чтобы на судейскія должности опредѣлялись лица вполнѣ къ тому приготовленныя прежнею службою, а съ другой — для обезпеченія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства постепеннаго повышенія, т. е. для созданія, такъ называемой, *судебной карьеры*, безъ чего нѣтъ никакой возможности устроить магистратуру на прочныхъ основаніяхъ. Согласно этому комиссія полагала назначить:

1) Первоприсутствующихъ и сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената изъ лицъ, состоявшихъ не менѣе трехъ послѣднихъ лѣтъ въ должностяхъ: оберъ-прокуроровъ, ихъ товарищей, предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ.

2) Предсѣдателей судебныхъ палатъ — изъ лицъ, занимавшихъ не менѣе 3-хъ послѣднихъ лѣтъ мѣста не ниже прокурора или члена судебной палаты, или предсѣдателя окружного суда.

3) Членовъ судебной палаты, предсѣдателей окружного суда и ихъ товарищей — изъ лицъ, служившихъ, по крайней мѣрѣ, 3 послѣдніе года въ званіяхъ не ниже членовъ и прокурора окружного суда.

Эти прекрасныя правила, установляя правильную судебную каррьеру и гарантируя ее, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно обширное поле для избранія судей; и замѣчательно, чѣмъ ниже ступень, тѣмъ становится обширнѣе это поле. Такъ должно оно и быть: случаи открытія вакансій сенаторскихъ будутъ гораздо рѣже, чѣмъ въ должностяхъ низшихъ, такъ какъ послѣднихъ больше, чѣмъ сенаторовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при открытіи вакансій сенаторскихъ, на конкурренцію явилось бы человѣкъ до 30: предсѣдателей палатъ будетъ 12, прокуроровъ столько же, оберъ-прокуроровъ и ихъ товарищей человѣкъ 15, всего 39. И если изъ нихъ предположить, что 9 человѣкъ будутъ менѣе 3 лѣтъ въ своихъ должностяхъ (что случится весьма рѣдко), то, по проекту комиссіи, 30 человѣкъ могутъ конкуррировать насенаторскую должность; а изъ такого большого количества можно найти вполнѣ достойныхъ сенаторскаго званія. Но одно я нахожу не совсѣмъ справедливымъ: о допущеніи къ конкурренціи товарищей оберъ-прокуроровъ съ оберъ-прокурорами. Не нарушилась ли бы въ этомъ случаѣ постепенность и не дастъ ли это поводъ обходить должности оберъ-прокурорскіе?..

3) *По вопросу, какія лица могутъ быть назначаемы членами окружного суда*—возникло въ комиссіи разногласіе. Меньшинство, находя, что должность члена окружного суда требуетъ не только основательныхъ теоретическихъ познаній въ законахъ, но и умѣнья примѣнять тотъ или другой—уголовный или гражданскій—законъ къ разнообразнымъ случаямъ, встрѣчавшимся въ жизни дѣйствительной, предполагало, что срокъ такой практики, по судебному вѣдомству, долженъ быть опредѣленъ въ 6 лѣтъ.

Большинство же, находя, что въ числѣ должностей, по судебному вѣдомству, будутъ такія, на которыхъ, не смотря на продолжительность службы, можно не пріобрѣсть опытности—примѣнять законы въ такой степени и въ такомъ объемѣ, сколько это нужно для судьи — каковы между прочимъ должности: судебныхъ приставовъ, архиваріусовъ, приходорасходчиковъ и т. п. Посему большинство положило: опредѣлять членами окружного суда только тѣхъ, которые служили не менѣе 3 лѣтъ въ должностяхъ не ниже секретаря.

Шестилѣтній срокъ — срокъ очень длинный, такъ какъ, при усердіи, любви къ дѣлу и усидчивомъ трудѣ, въ половинный, противу этого, срокъ— хотя нельзя еще сдѣлаться вполнѣ опытнымъ юристомъ, но можно получить очень хорошее и плодотворное практическое начало. Поэтому съ перваго разу кажется, что большинство сдѣлало лучше, сокративъ на

половину этотъ срокъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса, предложеніе меньшинства оказывается гораздо раціональнѣе. Заключая выборы въ узкую рамку одной толькосекретарской должности, законъ, можно сказать, отдаетъ въ руки предсѣдателей судовъ эти должности. Опредѣленіе секретарей къ должности будетъ въ рукахъ предсѣдателей [1]) и кто можетъ, въ подобномъ случаѣ, поручиться, что должности эти займутъ истинно достойные и талантливые кандидаты и не разовьется ли въ этомъ отношеніи система протекціи — система столь гибельная не только для суда, но и вообще для всѣхъ общественныхъ должностей.

И въ состояніи ли будетъ, въ подобномъ случаѣ, человѣкъ—бѣднякъ, безъ связей, безъ протекціи, когда нибудь, добыть секретарской должности, въ судѣ. Едва откроется должность эта, какъ явится безчисленное множество соискательствъ на эту должность. И устоитъ ли въ этомъ случаѣ предсѣдатель отъ постороннихъ вліяній и дастъ ли онъ эту должность истинно достойнымъ или же онъ дастъ ихъ тѣмъ, у которыхъ будетъ сильнѣе протекція?.. Зачѣмъ ставить предсѣдателей судовъ въ положеніе искушенія и зачѣмъ ограничивать кругъ выбора? Этими ограниченіями приносится только вредъ дѣлу правосудія да и суды наполнятся не талантливыми секретарями, а бездарными личностями, покровительствуемыми сильными лицами, единственно для открытія себѣ дороги въ члены суда. А истинные таланты будутъ коптѣть всю жизнь на низшихъ должностяхъ въ судахъ и едва ли даже, на закатѣ дней своихъ, увидятъ они обѣтованное кресло члена. Что же касается до замѣчанія большинства членовъ комитета, что для секретаря необходимы, при поступленіи на службу, уже нѣкоторыя познанія по судебной части, то такія же познанія могутъ имѣть и другіе чиновники; и какъ секретарь, втеченіе 3 лѣтъ, будучи въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, замѣчая, какъ разсматриваются и рѣшаются дѣла, можетъ напрактиковаться, то точно такимъ же путемъ могутъ напрактиковаться и другіе чиновники. Развѣ мы и въ настоящее время не видимъ, что, въ судахъ и канцеляріяхъ, секретари и правители дѣлъ нерѣдко ничего не понимаютъ и что столоначальники и начальники отдѣленій заправляютъ всѣмъ?.. Кому изъ насъ не доводилось этого видѣть на практикѣ, на каждомъ шагу.

Какъ же, послѣ этого, признать только одного секретаря достойнымъ кандидатуры на члены суда?.. Не въ правѣ ли мы послѣ

---

[1]) Положеніе 20 ноября 1864 года, объ учрежд. суд. мѣстъ, стр, 218

этого сказать, что общее правило меньшинства гораздо раціональнѣе: такъ какъ, исключая систему протекцій, оно уравниваетъ всѣхъ талантливыхъ людей и даетъ каждому возможность, усердіемъ, дѣятельностью и познаніями, конкуррировать на должность судьи. Но при этомъ мы не можемъ не присовокупить, что 6-ти-лѣтній срокъ, проэктируемый меньшинствомъ, слишкомъ длиненъ: нельзя же юриста обратить непремѣнно въ старца, для занятія имъ должности—судьи, предсѣдателя палатъ и сенатора!.. И если вы полагаете первый срокъ длиннымъ, то нужно сократить и слѣдующіе сроки... Притомъ, какъ можно умъ, талантъ и трудъ заключать въ тѣсныя рамки и предписывать имъ такіе длинные сроки? Шесть лѣтъ, въ порѣ зрѣлости и возмужалости, срокъ огромный и притомъ не забудьте, что весь этотъ срокъ приходится служить въ судѣ за небольшое жалованье. Многіе ли въ состояніи будутъ выдержать это испытаніе: не заѣстъ ли ихъ жизнь, обстоятельства, семейства? Вникните во все это и вы найдете, что и три года очень достаточны для практическаго приготовленія молодого юриста. Если только вы хотите, чтобы образованная молодежъ поступила въ суды для практики, незакрывайте же этой молодежи пути къ практикѣ и не тормозите ей дорогу длинными сроками.

4) *По вопросу, объ опредѣленіи присяжныхъ повѣренныхъ членами окружного суда и кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству судебными слѣдователями*—комиссія, единогласно принявъ во вниманіе, что, по основнымъ положеніямъ, въ прясяжные повѣренные и въ кандидаты на должности, по судебному вѣдомству допускаются только лица, получившія юридическое образованіе, и что, для занятія тѣхъ и другихъ, должно доставить имъ возможность хорошо ознакомиться съ судебною частью и, слѣдовательно, пріобрѣсть нужную опытность для судебныхъ должностей, она—комиссія положила: 1) что присяжные повѣренные, исправно и безукоризненно исполнявшіе свои обязанности, не менѣе 6 лѣтъ, могутъ быть опредѣляемы членами окружныхъ судовъ; 2) что кандидаты на судебныя должности, достигшіе 25 лѣтъ, и, впродолженіи трехъ-лѣтнихъ занятій въ семъ званіи, пріобрѣвшіе достаточныя познанія по слѣдственной части, могутъ быть назначаемы судебными слѣдователями.

По поводу послѣдней статьи возникло въ комиссіи разногласіе по вопросу о томъ: долженъ ли и прокуроръ, совмѣстно съ предсѣдателемъ суда, свидѣтельствовать о способностяхъ на судебнаго слѣдователя кандидата, или это право должно быть предоставлено только одному пред-

сѣдателю. Меньшинство, основываясь при этомъ на принципѣ совершеннаго отдѣленія суда отъ власти обвинительной, проектировало—предоставленіе этого права одному предсѣдателю: потому что всякое возвышеніе роли прокурора (внѣ обвинительной его обязанности), въ чемъ бы оно ни заключалось, хотя бы въ аттестаціи лицъ, способныхъ занять судейскую должность — неминуемо извратитъ тѣ отношенія, которыя должны существовать между судебными мѣстами и прокурорами, т. е., административнымъ чиновникомъ, непользующимся ни тою несмѣняемостью, ни тою независимостью, которыя въ интересѣ правосудія предоставлены членамъ судебныхъ палатъ. Къ чему ведетъ преобладаніе прокурорской власти, это всего лучше видно во Франціи, которая, сдѣлавши изъ членовъ ministère public—органы централизаціи, внесенное въ самое святилище суда, представляетъ собою одинъ только отрицательный примѣръ, то есть такой, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя слѣдовать.

Большинство на это возразило:

1) «что судебные слѣдователи считаются членами окружного суда и могутъ нерѣдко, за недостаткомъ наличныхъ членовъ, быть приглашаемы въ составъ присутствія окружного суда, и что посему не слѣдуетъ опредѣлять на такія должности людей, безъ аттестаціи о нихъ если не всего суда, то по крайней мѣрѣ главнаго въ нимъ лица—предсѣдателя.»

Но по этимъ началамъ слѣдовало бы прійти къ заключенію, что судебный слѣдователь, какъ *членъ суда*, долженъ подлежать общимъ и съ нимъ условіямъ, то есть, что аттестація объ немъ должна быть отъ общаго собранія суда.

2) «Что кандидаты на судебныя должности, хотя бы они занимались подъ наблюденіемъ прокурора, все же состоятъ при судѣ и слѣдовательно въ зависимости отъ предсѣдателя, который неможетъ незнать и не заботиться объ ихъ прилежаніи и успѣхахъ».

Но все-таки это не даетъ повода передать ему аттестацію: и кандидатъ на члены суда, какъ-то—секретарь, опредѣляется имъ же на должность, однако аттестація объ немъ должна исходить изъ общаго собранія суда.

3) „Что, съ другой стороны, прокуроръ, по обязанности наблюденія за производствомъ слѣдствій, заинтересованъ въ томъ, чтобы на мѣсто судебныхъ слѣдователей не были назначаемы люди съ несоотвѣтствующими сему призванію способностями».

Мало-ли въ чемъ прокуроръ можетъ бытьзаинтересованъ: ему можетъ быть также желательно, чтобы и судьи: окружныхъ судовъ, палатъ и сената — были по его вкусу; но это не можетъ еще быть поводомъ, чтобы дать ему право на назначеніе судей къ должностямъ. Не одна также слѣдственная часть только и соединена съ обвинительною, но для послѣдней еще важнѣе часть собственно судная. Равно мы не видимъ основательныхъ причинъ: почему можетъ быть такъ особенно заинтересованъ прокуроръ въ части слѣдственной? Его отношенія къ ней такія же, какъ и къ судебной: онъ—обвинитель, слѣдователь—розыскатель, а судебная власть есть рѣшительная; и въ какомъ смыслѣ прокуроръ дѣйствуетъ въ судѣ, въ такомъ точно смыслѣ онъ дѣйствуетъ и при слѣдствіи. Въ первомъ случаѣ, онъ указаетъ на факты уже собранные; во второмъ—онъ указываетъ какіе факты онъ долженъ собрать. И какъ, въ первомъ случаѣ, прокуроръ, при неправильномъ рѣшеніи дѣла, можетъ требовать кассацію; такъ и во второмъ случаѣ, недовольный дѣйствіями слѣдователя, онъ можетъ жаловаться суду. Слѣдовательно, этимъ порядкомъ обвинительная власть достаточно гарантирована и больше нечего давать ей никакихъ правъ; а потому здѣсь, именно, рѣчь идетъ о томъ, что прокуроръ не долженъ быть заинтересованъ тѣмъ—будетъ ли хороша или дурна слѣдственная часть или будетъ ли хорошъ составъ суда; его дѣло лишь наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и преслѣдовать проступки и преступленія; все же, что выходитъ изъ этой сферы, противорѣчитъ понятію о прокуратурѣ.

4) «Удостдвѣреніе двухъ такихъ лицъ, какъ предсѣдатель и прокуроръ, доставитъ болѣе ручательствъ въ хорошомъ выборѣ, говоритъ комиссія».

Если не вѣрить одному предсѣдателю, то можно ему не вѣрить и совмѣстно съ прокуроромъ и если два ума лучше одного, то составъ цѣлаго суда еще лучше и поэтому можно бы пожелать ужь одно изъ двухъ: или чтобы аттестація кандидата исходила отъ одного предсѣдателя или отъ общаго собранія суда, прокурора же здѣсь нечего мѣшать, какъ власть совершенно постороннюю.

5) *Комиссія не пришла также къ соглашенію по вопросу: о допущеніи присяжныхъ повѣренныхъ въ члены судебныхъ палатъ.* Меньшинство было противъ того, чтобы присяжные повѣренные могли, послѣ 10 лѣтней практики, прямо поступать въ члены палатъ и оно аргументировало свое мнѣніе слѣдующими доводами: 1) при маломъ числѣ судебныхъ палатъ и ихъ членовъ, и относительно, безъ сомнѣнія, весьма

значительномъ количествѣ присяжныхъ повѣренныхъ, должность членовъ палатъ сдѣлается исключительнымъ ихъ достояніемъ. Одни пойдутъ на эти почетныя мѣста для отдыха послѣ трудовъ, доставившихъ имъ хорошее состояніе; другіе, хотя и ненажившіеся и, можетъ быть, весьма посредственные, постараются обезпечить свою будущность мѣстомъ члена судебной палаты. 2) При хорошихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ и членами палаты, а также съ прокуроромъ, имъ нетрудно будетъ получать каждое, открывающееся, мѣсто члена палаты. 3) Вслѣдствіе этого членамъ окружного суда почти никогда не удастся попасть въ члены палаты, и это самымъ вреднымъ образомъ подѣйствуетъ на составъ окружныхъ судовъ, въ которыхъ однакожъ будутъ производиться всѣ важнѣйшія дѣла. Никто изъ способныхъ и опытныхъ людей не пожелаетъ принять мѣста, на которомъ онъ не можетъ имѣть никакого ходу; даже и тѣ, которые поступятъ въ члены окружного суда, увидя современемъ, что для нихъ нѣтъ вовсе въ будущемъ каррьеры, постараются перейти въ другое вѣдомство.

Несмотря на всю логичность этихъ доводовъ, большинство, во имя необходимости хорошаго состава суда, возразило, между прочимъ: 1) „что гораздо легче ошибиться въ оцѣнкѣ члена окружного суда, нежели присяжнаго повѣреннаго. Кромѣ предсѣдателя, который руководитъ преніями, прочіе члены суда скрываются отъ контроля общественнаго мнѣнія. Только товарищи ихъ потому же суду могутъ судить о томъ, хорошо-ли они исполняютъ свои обязанности. Между тѣмъ знанія и спосбности присяжнаго повѣреннаго могутъ быть опредѣлены всѣми, посѣщающими засѣданія судовъ». Но изъ этого рѣшительно ничего не слѣдуетъ: такъ какъ рекомендаціи—на занятіе должности члена палаты—вовсе не требуется отъ *публики*; рекомендація же эта требуется лишь отъ сочленовъ кандидата на эту должность. Но и публика въ гражданскихъ дѣлахъ приходить въ соприкосновеніе съ членами, докладчиками суда; притомъ изъ самыхъ рѣшеній, гдѣ нерѣдко члены могутъ оставаться при особыхъ мнѣніяхъ, публика познакомится съ ними, если только это знакомство считается необходимымъ условіемъ, чтобы быть членомъ палаты...

2) „Съ допущеніемъ адвокатамъ занимать мѣста членовъ палатъ улучшится самое сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Одна возможность занять, впослѣдствіи высоко-поставленное мѣсто члена судебной палаты, привлечетъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ людей способныхъ и честолюбивыхъ, и въ то же время возвыситъ ихъ въ общественномъ мнѣ-

ніи. Быть членомъ окружного суда не можетъ составить приманки для присяжнаго повѣреннаго, имѣющаго большую практику. Содержаніе его будетъ гораздо меньше въ сравненіи съ доходами, получаемыми лучшими изъ присяжныхъ повѣренныхъ, а самое положеніе не столь высоко, чтобы уравновѣсить денежныя выгоды. Въ члены окружного суда могутъ пойти только посредственные присяжные повѣренные, а въ члены судебной палаты пошелъ бы лучшій присяжный повѣренный, который успѣлъ уже составить себѣ состояніе и желаетъ отдохнуть отъ своихъ хлопотливыхъ занятій».

На это можно возразить: что, ради того, чтобы возвысить однихъ, нельзя унизить другихъ; чтобы поднять адвокатское сословіе, не слѣдуетъ унижать членовъ окружного суда. А это непремѣнно воспослѣдуетъ, когда адвокаты затормозятъ имъ дорогу къ полученію должностей членовъ судебной палаты. При такомъ порядкѣ, дѣйствительно, все талантливое обратится къ адвокатскому поприщу, чтобы, по словамъ большинства, *наживъ состояніе*, потомъ *идти въ члены палаты, въ видѣ отдыха отъ трудовъ*; а въ члены окружныхъ судовъ пойдутъ или совершенныя бездарности, или же люди крайне бѣдные, которыхъ заѣла жизнь. Но мы бы готовы были еще допустить, предлагаемую большинствомъ, мѣру, еслибы мы видѣли крайнюю необходимость въ ней для поддержки адвокатскаго сословія. Но само большинство соглашается, что званіе членовъ окружного суда не будетъ большою приманкою для талантливыхъ адвокатовъ, такъ какъ они изъ практики получатъ больше, чѣмъ получаетъ членъ; слѣдовательно, большинство ставитъ положеніе талантливаго адвоката выше членовъ суда. Почему, послѣ этого, дать имъ еще одну привиллегію?.. Если честолюбцы изъ адвокатовъ захотятъ быть членами палаты, то они могутъ идти на 3 года въ члены окружного суда, для достиженія своей цѣли. Поэтому, никто дороги имъ не закрываетъ. Но во имя того, чтобы они на своемъ поприщѣ не имѣли болѣе выгодъ, чѣмъ члены суда, слѣдуетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, сравнить съ послѣдними въ отношеніи правъ на полученіе должностей въ члены палаты. И было бы крайне несправедливо, (независимо отъ того, что самое матерьяльное положеніе адвокатовъ будетъ выше, чѣмъ членовъ суда), дать имъ еще привиллегію на должность въ палатѣ. Съ постановленіемъ же условія, что адвокаты должны прежде быть три года членами суда—будутъ удовлетворены всѣ стороны: члены суда не будутъ видѣть свое право обойденнымъ; адвокаты же, если они, по честолюбію, захотятъ пожертвовать

матерьяльнымъ своимъ благосостояніемъ, то для нихъ дорога вовсе не закрыта въ члены палаты. Само большинство предполагало: что для адвокатовъ терминъ, на полученіе должности члена палаты, долженъ быть большій, чѣмъ терминъ для полученія должности членомъ суда; поэтому, во всякомъ случаѣ адвокатъ долженъ былъ бы выжидать извѣстный срокъ. На этомъ основаніи, разница въ предположеніяхъ большинства и меньшинства только въ томъ: что, въ первомъ случаѣ, адвокатъ долженъ былъ бы проходить часть этого срока въ должности члена суда; во второмъ случаѣ—въ адвокатурѣ. И если въ большей части своего срока онъ имѣлъ уже и больше выгодъ, чѣмъ члены суда, то несправедливо дать ему еще большія льготы.

3) «Неужели судебная полата, съ своимъ большимъ содержаніемъ и почетомъ, учреждается для личныхъ выгодъ судей 1-ой инстинціи, а не для пользы всего государства. Едва ли можно оправдать установленіе подобной монополіи въ пользу членовъ окружного суда, потому что правило, которое исключаетъ изъ конкурренціи людей столь же способныхъ, есть ничто иное, какъ монополія»—говоритъ редакціонная комиссія.

Основная мысль правила—о томъ, что адвокаты должны предварительно быть членами окружного суда, для того, чтобы сдѣлаться членами палаты, вовсе не заключается въ томъ, чтобы сдѣлать должности палатъ монополіею членовъ суда; напротивъ же того, это дѣлается во имя того, чтобы въ члены суда поступали не одни бездарности, но и всѣ тѣ талантливые люди, которые предпочитаютъ судебный почетъ матерьяльному благосостоянію адвокатовъ. Да и талантливымъ адвокатамъ, если они захотятъ отдохнуть отъ трудовъ своихъ и предпочесть свое матерьяльное благосостояніе судебному почету, ничто не помѣшаетъ идти *сначала* въ члены суда, для того, чтобы *потомъ* быть членами палаты, и въ запрещеніи сразу стать на высокую степень — нѣтъ еще закрытія имъ конкурренціи съ членами суда. И во имя хорошаго состава суда, необходимѣйшаго условія правосудія, меньшинство хлопотало, чтобы члены окружного суда были люди талантливые; и когда послѣднее будетъ достигнуто, и такъ какъ изъ нихъ же будутъ избираться члены высшихъ судовъ, то и высшіе суды наполнятся талантами. Съ допущеніемъ же адвокатамъ занимать прямо должности въ палатахъ, еще вопросъ: попадутъ ли туда адвокаты истинно достойные, истинно талантливые? Если бы послѣднее могло быть безъусловно, то можно бы было еще примириться съ предложеніемъ большинства. Но успѣхъ человѣка на

общественномъ поприщѣ, хотя много и зависитъ отъ талантливости. но много также—отъ умѣнья обрабатывать свои дѣла, отъ пронырства, искательства и тому подобнаго. Не будетъ ли это примѣняться и въ соискательствѣ на должности членовъ палатъ? Поэтому, вѣрнѣе всего, что туда попадутъ изъ адвокатовъ не талантливѣйшіе и достойнѣйшіе, а тѣ, которые умѣли хорошо устроить свои отношенія. Уже, чрезъ одно это обстоятельство, уменьшается вся цѣнность предположенія, что будто бы съ допущеніемъ адвокатовъ къ занятію мѣстъ въ палатѣ, послѣдняя наполнится одними талантами. Въ заключеніе же необходимымъ считаю сказать, что съ требованіемъ, чтобы адвокаты были прежде всего членами окружныхъ судовъ, если они хотятъ имѣть дальнѣйшее повышеніе, адвокатамъ честолюбивымъ вовсе не закрывается путь къ общественному почету: такъ какъ они, съ одной стороны, могутъ и этимъ путемъ достигнуть сенаторства; съ другой стороны, такъ какъ, прославившись на своемъ поприщѣ, если они желаютъ только повышенія, то никто не мѣшаетъ имъ конкуррировать на званіе предсѣдателя мѣстныхъ и центральныхъ земскихъ учрежденій. Этимъ же путемъ они могутъ достигнуть и министерской портфели. Явленіе это мы видимъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; независимо отъ этого прокуратура предоставляетъ адвокатамъ также прямую дорогу въ сенаторы [1]). Поэтому мы въ правѣ сказать, что съ запрещеніемъ адвокатамъ дѣлать скачки въ повышеніяхъ по судебной части, этимъ нисколько не закроется путь честолюбцамъ и людямъ талантливымъ къ повышенію. Это явленіе уже нѣкоторымъ образомъ осуществляется у насъ и въ настоящее время: не смотря на то, что адвокатура до судебной реформы у насъ стояла еще на низкой степени, однако же въ Москвѣ, въ особенности же въ Одессѣ, въ гласные думы избрано было нѣсколько адвокатовъ. Этимъ доказывается справедливость моихъ словъ: адвокатура вовсе не нуждается, для своего возвышенія, въ особыхъ привиллегіяхъ по судебной части; само ея положеніе ставитъ ее высоко въ обществѣ и хорошіе адвокаты сами по себѣ лица весьма почетные и уважаемые обществомъ; поэтому всѣ искуственные способы возвышенія этого сословія излишни и могутъ повести лишь къ злоупотребленіямъ и разнымъ другимъ неудобствамъ.

6) *Въ отношеніи вопроса о томъ, могутъ ли чины судебнаго вѣ-*

---

[1]) По положенію 20 Ноября, адвокатъ, дѣйствовавшій 10 лѣтъ на своемъ поприщѣ, можетъ сразу сдѣлаться товарищемъ оберъ-прокурора.

домства заниматься торговлею—редакціонная комиссія не пришла къ единогласію.

Независимо отъ тѣхъ аргументовъ, которые выше опровергнуты мною по этому предмету, меньшинство, стоявшее за принципъ — о запрещеніи судьямъ и другимъ чинамъ судебнаго вѣдомства заниматься торговлею,— возбудило свой вопросъ единственно лишь вслѣдствіе того:

1) Что дворянамъ, находящимся на службѣ государственной или губернской, по выборамъ, запрещалось вступать въ гильдію [1]).

2) Что служащимъ чиновникамъ [2]) запрещалось записываться въ гильдію и производить лавочный и вообще всякій розничный торгъ не собственными произведеніями.

3) Что чиновники, состоявшіе въ службѣ государственной или общественной, за производство лавочнаго или вообще розничнаго торга чѣмъ-либо, кромѣ собственныхъ произведеній, подлежали удаленію отъ должности [3]).

4) Что по ст. 23 высоч. утвержденнаго, 1-го января 1863 года, положенія о пошлинахъ за право торговли, «всѣмъ безъ изъятія лицамъ, состоящимъ на службѣ государственной или по выборамъ, а равно женамъ и дѣтямъ ихъ, дозволяется безпрепятственно получить свидѣтельства купеческія и промысловыя».

Основываясь на послѣднемъ постановленіи, большинство редакціонной комиссіи, не входя въ разсмотрѣніе теоретическихъ сторонъ вопроса, нашло: «1) что всякое стѣсненіе или ограниченіе какой-либо категоріи должностныхъ лицъ въ правѣ заниматься промышленностью, было бы крайне несправедливо въ отношеніи къ означеннымъ лицамъ. Подобное запретительное правило, если бы оно было допущено, имѣло бы въ глазахъ заинтересованныхъ лицъ видъ непослѣдовательности: имъ не дозволялись бы такія занятія, которыя такъ положительно, и при томъ еще такъ недавно, разрѣшены всѣмъ другимъ. 2) что приводимое меньшинствомъ запрещеніе въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Италіи судьямъ заниматься торговлею для насъ не можетъ служить образцомъ. Торговля въ этихъ странахъ находится на высокой степени развитія и запрещеніе нѣсколькимъ сотнямъ лицъ заниматься ею не можетъ произвести тамъ ни-

---

[1]) Св. Зак. т. XI, ст. 13, 108.

[2]) Св. зак. т. III, уст. о службѣ правит. ст. 979 п. 6.

[3]) Улож. о наказаніяхъ ст. 1659.

какого вреднаго вліянія на ходъ ея. Не въ такомъ удовлетворительномъ состояніи находится торговля у насъ. Промышленность въ нашемъ отечествѣ нуждается еще во всевозможномъ покровительствѣ и поощреніи. Для успѣховъ ея, необходимо не уменьшеніе, не ограниченіе числа лицъ, могущихъ посвятить ей свою дѣятельность, а напротивъ всевозможное расширеніе и увеличеніе числа подобныхъ полезныхъ дѣятелей. Притомъ же съ нѣкотораго времени слышатся уже въ Англіи, Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ голоса передовыхъ людей въ пользу свободной торговли и въ пользу возможно большого разширенія круга лицъ, могущихъ безпрепятственно заниматься ею, и безъ сомнѣнія, уже недалеко то время, когда и тамъ падетъ запрещеніе заниматься торговлею судьямъ и адвокатамъ».

Изъ этого видно, что редакціонная комиссія руководствовалась чисто-политическими и политико-экономическими началами при разрѣшеніи этого вопроса. Поэтому мы считаемъ неумѣстнымъ становиться на эту почву, такъ какъ это несогласно съ характеромъ настоящаго сочиненія: потому что это побудило бы насъ войти въ разсмотрѣніе общаго политико-экономическаго вопроса о свободной и запретительной системѣ торговли. Поэтому, не сходя съ юридической точки зрѣнія, мы, какъ это было говорено нами выше, соглашаемся съ мнѣніемъ большинства: что нѣтъ юридическихъ основаній дѣлать для судей исключенія по отношенію къ торговлѣ и если она свободна для всѣхъ состояній и сословіи, то она должна быть свободна и для судей и для адвокатовъ и для другихъ лицъ судебнаго вѣдомства.

7) Въ составленномъ комиссіею проектѣ учрежденія судебныхъ мѣстъ помѣщены, основанныя вообще на дѣйствующихъ нынѣ законахъ, правила, что должности по судебному вѣдомству предоставляются только *русскимъ подданнымъ* и что правомъ поступленія на эти должности не пользуются лица, *состоящія подъ опекою*, а также подвергшіяся *наказаніямъ* по приговорамъ уголовнаго суда, или же находящіяся *подъ слѣдствіемъ* или судомъ за важныя преступленія. Въ отношеніи лицъ, осужденныхъ уголовными приговорами, комиссія имѣла въ виду, что, дѣйствующіе у насъ, законы не допускаютъ въ гражданскую службу только тѣхъ, которые присуждены къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, или же къ исключенію изъ службы. На этомъ основаніи, подвергшіеся, по уголовному суду, заключенію въ смирительномъ домѣ *до одного года*, а въ *крѣпости и тюрьмѣ до двухъ лѣтъ*, не те-

ряютъ права вступать въ государственную службу, такъ какъ эти наказанія не соединены ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ правъ. Въ видахъ возвышенія службы по судебному вѣдомству и принимая во вниманіе, что, по уложенію о наказаніяхъ, заключеніе въ крѣпости и смирительномъ домѣ, даже безъ ограниченія въ правахъ, а также заключеніе въ тюрьмѣ, опредѣляются за проступки и преступленія болѣе или менѣе важныя; а потому, по мнѣнію комиссіи, было бы крайне неблаговидно и неудобно назначать, напримѣръ, въ судьи людей, содержавшихся, за преступленія, цѣлые годы въ заключеніи въ тюрьмѣ, или подвергшихся иному болѣе строгому наказанію; а также всѣмъ состоящимъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за преступленія и проступки, влекущіе за собою наказанія не ниже тюремнаго заключенія.

Съ нѣкоторыми началами редакціонной комиссіи мы вполнѣ соглашаемся, съ нѣкоторыми же—нѣтъ:

1) Судья долженъ быть русско-подданный, потому что общество можетъ имѣть полное право довѣрять только своему гражданину и можетъ полагать, что пришельцу можетъ и не быть дорого его благо.

2) О лицахъ, состоящихъ подъ опекою, мы должны сказать, что это положеніе слишкомъ безусловно и не совсѣмъ опредѣлительно. Опека учреждается надъ личностью, совмѣстно съ его имуществомъ или же надъ однимъ имуществомъ; но въ обоихъ случаяхъ говорится: *что лицо это подъ опекою*. Къ первому случаю относятся опеки и попечительства надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними; надъ сумасшедшими и безумными; надъ мотами, когда опека учреждается по распоряженію правительства. Ко второму случаю относятся: обремененіе имущества долгами, несостоятельность, простое взысканіе—частное и казенное, взысканіе по кредитнымъ учрежденіямъ. Поэтому мы находимъ, что къ первому случаю можно отнести правило о томъ: что состоящій подъ опекою не можетъ быть судьею; ко второму же случаю это правило никакъ не можетъ быть примѣнимо, такъ какъ опека можетъ учреждаться и надъ такимъ имуществомъ, долгъ котораго не равняется и 10% стоймости его. Практика же могла бы понять подъ словами «*состоятъ подъ опекою*» всѣ видоизмѣненія этой формы.

3) Принципъ, принятый комиссіею въ отношеніи судебныхъ приговоровъ, также не вполнѣ согласенъ съ справедливостью. Если бы наше законодательство установляло наказанія въ такой соразмѣрности, что, съ одной стороны, за безчестные проступки, бросающіе тѣнь на честь чело-

вѣка, были наказанія такія, которыя бы превосходили заключеніе въ смирительномъ домѣ на *одинъ годъ* и заключеніе въ крѣпости и тюрьмѣ на *два года*; съ другой стороны, если бы эти наказанія (и даже болѣе тяжелыя) не падали на такія преступленія, которыя могутъ нисколько не касаться ни чести, ни добраго имени человѣка, — то мы бы согласились съ принципомъ комиссіи. Но мы такой соразмѣрности не находимъ въ нашемъ законодательствѣ; а потому подъ условія положеній комиссіи могутъ подходить иногда, безъ всякаго разбора, и хорошіе и дурные люди; или же могутъ подходить только хорошіе, а дурные, получившіе меньшее наказаніе, не будутъ подходить подъ запретительное условіе. Здѣсь не мѣсто распространяться много по этому предмету, такъ какъ это завлекло бы насъ въ подробный анализъ всего уложенія о наказаніяхъ; но здѣсь мы укажемъ только на нѣсколько фактовъ, доказывающихъ всю несостоятельность принятаго комиссіею принципа.

Лица, могущія быть судьями по этому правилу:

1) Кто съ умысломъ или въ пьяномъ видѣ оскорбитъ дерзкими и грубыми словами священнослужителя во время отправленія имъ службы Божіей и тѣмъ прервetъ или остановитъ продолженіе ея [1]).

2) Истребляющіе и повреждающіе надгробные памятники или могилы если это сдѣлано по злобному чувству противъ погребенныхъ или ихъ семействъ [2]).

3) Лица, оскорбляющія присутственное мѣсто въ самомъ присутствіи [3]).

4) Лица, бранящія и оскорбляющія чиновника, когда онъ исполняетъ свои обязанности [4]).

5) Лица, присвояющія себѣ власть судебную или правительственную [5]).

6) Составители подложныхъ указовъ или подчищики и поправщики этихъ указовъ, если они явятся съ повинною [6]).

---

[1]) Самое высшее наказаніе: въ смирительномъ домѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 329, 346, т. XV. Ссылаюсь на XV т., а не на новое уложеніе, потому что комиссія основывается на немъ.

[2]) Самое высшее наказаніе: въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 369.

[3]) Самое высшее наказаніе: въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Ст. 321.

[4]) Самое высшее наказаніе: въ смирительномъ домѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Ст. 325.

[5]) Высшее наказаніе: въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 329.

[6]) Высшее наказаніе: въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 332.

7) Предъявитель подложнаго свидѣтельства, будто бы выданнаго присутственнымъ мѣстомъ или правительственнымъ лицомъ о болѣзни, бѣдности, хорошемъ поведеніи и т. п. [1]).

8) Лица, отдающія въ наемъ или въ безвозмездное пользованіе *чужое* имущество, не имѣя на то права или уполномочія [2]).

9) Лица, утаившія и присвоившія себѣ найденныя ими случайно деньги или вещи, зная кому они принадлежатъ [3]).

10) Лица, которыя обманомъ или ложными увѣреніями, пользуясь незнаніемъ закона или легкомысліемъ и слабостью лица несовершеннолѣтняго, войдутъ съ нимъ въ недозволенныя этому лицу сдѣлки или обязательства по имуществу [4])...

Какія же лица не могутъ быть судьями по правилу комиссіи?

1) Лица, которыя безъ всякаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, согласятся между собою не исполнять какое-либо предписаніе сихъ властей или уклоняться отъ исправленія какихъ-либо законныхъ государственныхъ или общественныхъ повинностей [5]).

2) Евреи, совершающіе вторично религіозные обряды, которые разрѣшено производить оффиціальному духовенству вѣроисповѣданія [6]).

3) Основатели и начальники тайныхъ обществъ, хотя и неимѣющихъ явно преступнаго направленія противъ спокойствія и цѣлости государства [7]).

4) Лица, отлучающіяся изъ отечества и служащія въ иностранной службѣ, когда они возвратятся въ отечество [8]).

5) Возбудители къ поединку.

6) Кто другому завѣдомо принесетъ вызовъ на поединокъ.

---

[1]) Высшее наказаніе: въ тюрьмѣ отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 340.

[2]) Высшее наказаніе: въ тюрьмѣ арестъ до 3 недѣль.

[3]) Высшее наказаніе: денежное взысканіе вдвое противъ утаенной вещи Ст. 2273.

[4]) Высшее наказаніе: въ смирительномъ домѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Ст. 2281.

[5]) Ст. 306, т. XV. Наказаніе: лишеніе особыхъ правъ и заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ.

[6]) Ст. 342, т. XV. Арест. роты отъ 10 до 12 лѣтъ.

[7]) Т. XV, ст. 361. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь

[8]) Ibid ст. 367.

7) Сами поединщики [1]).

8) Лица, упрекающія другихъ зачѣмъ они не вышли на дуэль [2]).

9) Лица, обольстившія дѣвицу или вдову торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться, если они не исполнятъ своего обѣщанія [3]).

Ограничимся здѣсь этой выпиской, такъ какъ болѣе подробный анализъ завлекъ бы насъ въ разсмотрѣніе всѣхъ нашихъ уголовныхъ законовъ: что не входитъ въ настоящую мою программу. Но прошу сообразить, кто болѣе можетъ имѣть права быть судьею, тѣ ли, которые подходятъ подъ условія запрещенія, или тѣ, которые не подходятъ?.. Только проступокъ по ст. 2084 можетъ бросить иногда тѣнь на человѣка и то не безусловно: могутъ быть тысячи причинъ самыхъ законныхъ, самыхъ правильныхъ, почему человѣкъ не женится, обѣщавшись это сдѣлать... Въ остальныхъ же, приведенныхъ мною случаяхъ, нѣтъ ничего марающаго человѣка; напротивъ того, во многихъ изъ этихъ случаевъ, человѣкъ, поступивши иначе, замаралъ бы свою репутацію. Но на все это можно сдѣлать единственное возраженіе: что комиссія не входила въ разсмотрѣніе основныхъ началъ наказаній и опредѣленій преступленія и что поэтому ей все равно: каковъ бы ни былъ проступокъ, лишь бы важность или не важность его признавалась закономъ. Мы согласны, что такой взглядъ слѣдуетъ имѣть, если смотрѣть на вопросъ о преступности и наказуемости съ точки зрѣнія *политической*; но въ дѣлѣ о судьяхъ, вопросъ этотъ изъ области политической переходитъ въ вопросъ нравственный. Сущность судьи требуетъ не политическихъ, а нравственныхъ условій: чтобы быть судьею мало того имѣть право, нужно быть достойнымъ и если я достоинъ, то я долженъ имѣть это право; если же я недостоинъ, я долженъ быть лишенъ этого права. Вотъ почему въ вопросѣ этомъ нужно обратить вниманіе только на нравственныя условія, отбросивъ всю его политическую часть. Какое намъ дѣло, что законъ по своему политическому принципу признаетъ извѣстное дѣяніе криминаломъ? Развѣ чрезъ это самое дѣяніе становится безнравственнымъ и можетъ запятнать имя человѣка? И если этого нѣтъ, то какъ можемъ мы за подобное дѣяніе лишать человѣка права быть судьею. Поэтому, мы полагаемъ, что правило редакціонной комиссіи могло бы относиться съ поль-

---

[1]) Ст. 2051, 2052, 254, 2056.

[2]) Ст. 2063.

[3]) Ст. 2084.

зою къ проступкамъ и преступленіямъ безчестнымъ; но не къ проступкамъ и преступленіямъ, имѣющимъ характеръ простого нарушенія закона и не заключающихъ въ себѣ ничего безчестнаго. Впрочемъ, еще благоразумнѣе, предоставить судебной власти въ каждомъпри говорѣ своемъ оговорить: должно ли быть соединено, вмѣстѣ съ наказаніемъ, и запрещеніе быть судьею. Есть проступки, которые, по законамъ, не подлежатъ большимъ наказаніямъ, но сами по себѣ они такъ предосудительны, что могутъ подорвать довѣріе общества къ совершившему ихъ. Вычислить всѣ подобные случаи—вещь едва ли возможная, и одна только практика можетъ ихъ указать; поэтому каждый подобный случай можетъ, съ пользою для дѣла, быть обсуждаемъ въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ сената, который и укажетъ: какъ и въ какихъ случаяхъ примѣнять правила о лицахъ, подвергшихся судебнымъ наказаніямъ [1]).

б) *Въ отношеніи мирового суда.*

1) *О цензѣ.*

По этому предмету постановленія комиссіи весьма характеристичны, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ уступку общественному мнѣнію. Мировой судъ, по предѣлу его подсудности [2]) и по его значенію—суда мѣстнаго, обниметъ почти всю народную юстицію, а потому онъ касается почти каждаго изъ насъ, такъ какъ мелкихъ дѣлъ болѣе, нежели крупныхъ. Поэтому тѣ строгія условія, которыя составляютъ необходимую принадлежность хорошаго состава общихъ судовъ, въ примѣненіи къ мировому суду, при невысокой степени образованности нашего общества и при потребности огромнаго количества мировыхъ судей, могли бы сдѣлать самые выборы невозможными. Вотъ почему общее теоретическое правило — о существенныхъ условіяхъ, необходимыхъ для хорошаго судьи,—можетъ быть примѣнимо къ мировому суду только въ тѣхъ обществахъ, которыя, по образованію, стоятъ на высокой степени; у насъ же примѣненіе этихъ условій немыслимо и было бы равносильно тому, что выборное начало сдѣлалось бы у насъ правомъ, безъ практическаго примѣненія. Съ другой стороны, мысль о томъ, что мировой судъ долженъ быть поставленъ у насъ на высокую степень, по своему значенію, вызвало нашихъ юристовъ къ измышленію другихъ гарантій, такъ какъ безусловное право быть выбраннымъ, по те-

---

[1]) Ниже мы увидимъ, что въ редакціи положеніемъ 20 ноября 1864 года, измѣнено правило, предложенное комиссіею.

[2]) Ниже говорится объ этомъ подробнѣе.

оріи, заключаетъ также много неудобствъ. Слѣдовательно, въ вопросѣ этомъ юристы наши были поставлены между двумя путями: или предписать общія условія, необходимыя для судьи, или же оставить выборы безусловными. Но перваго пути, какъ выше сказано мною, они не могли избрать; осталось затѣмъ избрать второй. И дѣйствительно, мировой судъ, по простотѣ своей и по несложности предметовъ его вѣдомства, не требуетъ ни строгой научности, ни огромной практическо—юридической опытности; здѣсь необходимы: здравый, ясный смыслъ, честность, нелицепріятность и развитость, и при этихъ условіяхъ судъ будетъ вполнѣ цѣлесообразенъ. Поэтому, безусловность выборовъ, въ этомъ случаѣ, не можетъ противорѣчить сущности обязанностей судьи: такъ какъ само общество, при этой безусловности, не станетъ, при высокомъ значеніи мирового суда, выбирать кого нибудь, и поставитъ на эти должности лучшихъ людей своихъ. Явленіе это мы видимъ ужь и въ настоящее время при земскихъ выборахъ: едва только общество почувствовало себя независимымъ и самостоятельнымъ въ самоуправленіи, какъ оно представителями своими избрало все лучшее изъ среды своей. Но мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что, какъ и въ мѣстныхъ выборахъ, безусловность выборовъ можетъ быть допущена въ учрежденіяхъ, касающихся цѣлаго государства, такъ какъ: 1) интересы цѣлаго государства требуютъ болѣе строгости въ выборахъ; 2) въ общіе суды требуется меньше членовъ, чѣмъ въ мѣстные; слѣдовательно, и легче отыскать, при самыхъ строгихъ условіяхъ, это количество; 3) въ цѣломъ государствѣ можно отыскать больше людей, подходящихъ подъ самыя строгія условія, чѣмъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Вотъ почему въ учрежденіяхъ мѣстныхъ, обнимающихъ небольшое территоріальное пространство, безусловность разширяетъ кругъ выбора и можетъ дать болѣе возможности къ хорошему избранію судьи; наконецъ даже при ошибкѣ общества, содѣянное чрезъ это, зло касается лично его, а не цѣлаго государства; поэтому оно въ правѣ сказать: «если мы счастливы и довольны своимъ выборомъ, то кому какое дѣло; зло, которое мы сдѣлаемъ самимъ себѣ, касается лично насъ». Подобнаго же нельзя сказать въ отношеніи цѣлаго государства, такъ какъ наше представительство касается судьбы всего народа; но въ отношеніи насъ самыхъ, кому какое дѣло кому я хочу передать власть возстановителя нарушеннаго моего права—Ивану или Петру? Но не такъ мыслили наши юристы: какъ гарантію хорошаго состава суда, они противупоставили требованіямъ юридической науки высокій имущественный ценсъ. Мысль,

руководившая ими при этомъ, была та: 1) что высокій имущественный ценсъ даетъ независимое положеніе человѣку; 2) что у богатыхъ членовъ общества можно скорѣе найти образованность, чѣмъ въ небогатыхъ.

Первую мысль мы раздѣляемъ также, но при этомъ должны сказать, что дѣйствительно имущественный ценсъ можетъ дать независимое положеніе человѣку, но въ томъ случаѣ, когда самый ценсъ простирается на нѣсколько тысячъ дохода въ годъ, а не на сотни рублей.

Вторая мысль совершенно ложна. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ нашихъ учебныхъ заведеній—свѣтскихъ и духовныхъ—а то мы бы доказали (что намъ извѣстно и изъ практики), что всѣ учебныя заведенія выпускаютъ большую часть образованныхъ и развитыхъ людей изъ бѣднаго класса и *преимущественно* изъ жителей городовъ. Поэтому, благосостояніе, выражающееся въ недвижимой собственности, въ особенности сельской, не есть вовсе признакъ, что и члены семействъ этихъ собственниковъ у насъ — наиболѣе развитые члены общества. Если же послѣдняго условія не существуетъ, то нельзя и противупоставлять имущественный ценсъ образованности.

Но, скажете вы, въ имущественномъ ценсѣ можетъ быть еще политическая идея: возвышеніе права собственности и осѣдлости. На это мы возразимъ: право собственности не требуетъ никакихъ привиллегій; матерьяльная сила, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ не требовала никакой поддержки, такъ какъ она сама по себѣ дѣятельна и не даетъ себя въ обиду. Осѣдлость же также присуща человѣческой природѣ, какъ и природѣ животныхъ, и этотъ инстинктъ также вовсе не требуетъ никакихъ искуственныхъ поддержекъ; у большей части людей онъ составляетъ даже существенный недостатокъ, лишая большинство энергіи и предпріимчивости. Остается затѣмъ еще иная мысль въ имущественномъ ценсѣ: что человѣкъ, имѣющій недвижимую собственность, болѣе приверженъ интересамъ общественнымъ и болѣе дорожитъ общественнымъ спокойствіемъ, чѣмъ человѣкъ, неимѣющій никакой собственности. Но на это можно возразить, что мысль эта основана только на идеѣ о чувствѣ самосохраненія; и дѣйствительно, скорѣе слѣдуетъ предполагать въ собственникѣ это чувство самосохраненія, чѣмъ въ не-собственникѣ. Но, съ другой стороны, въ собственности не всегда выражается и это чувство самосохраненія; также не всегда можно въ ней видѣть связь однихъ и тѣхъ же интересовъ и скорѣе воспитаніе и образованіе могутъ вліять на тотъ или другой образъ мыслей, чѣмъ то, что люди владѣютъ однимъ родомъ иму-

щества. Еще въ отношеніи политико-экономическихъ принциповъ мы допускаемъ, что имущественный цензъ можетъ играть роль: такъ какъ, дѣйствительно, принадлежность отъ выборнаго земства къ собственникамъ можетъ побудить его къ политической поддержкѣ идеи права собственности. Обязанности же судьи заключаются — въ безусловной поддержкѣ права вообще, независимо отъ всѣхъ политическихъ и юридическихъ тенденцій; эта же поддержка не имѣетъ никакихъ соотношеній къ политическому настроенію общества, такъ какъ она всецѣло касается частныхъ, личныхъ и имущественныхъ правъ.

Послѣдніе же предметы обусловливаютъ на столькоже благо недвижимыхъ собственниковъ, какъ и не-собственниковъ: всякому человѣку, независимо отъ его политическихъ тенденцій, дороги его личныя права; каждому дорога безопасность—его и близкихъ ему лицъ; и каждому человѣку, если только онъ не испорченъ воспитаніемъ, понятно и ясно, что *право*, какое бы оно ни было, должно быть неприкосновенно и что въ этомъ случаѣ не могутъ играть никакой роли ни его субъективные взгляды на право, ни партіонныя стремленія. Поэтому, въ отношеніи мирового суда могутъ имѣть значеніе лишь одна развитость и доброе воспитаніе, но ни въ какомъ случаѣ—не цензъ; и если послѣдній допускать, какъ гарантію права собственности, въ судѣ мировомъ, то тѣмъ болѣе эту гарантію слѣдуетъ требовать въ судахъ общихъ: мировой судъ имѣетъ еще дѣло съ имуществомъ мелкимъ, общіе же суды — съ имуществомъ крупнымъ; политико-экономическія же тенденціи болѣе направлены противъ второго, чѣмъ противъ перваго. Поэтому, мировой судъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи имущество мелкое, и не можетъ проводить своихъ соціальныхъ тенденцій въ жизнь, тѣмъ болѣе ужь потому, что въ каждомъ изъ его рѣшеній все-таки признается право собственности за одною какою-нибудь изъ сторонъ. Слѣдовательно, можетъ остаться только боязнь, что не собственникъ-пролетарій не будетъ заботиться объ общественномъ спокойствіи. Но въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сказать: что мировой судъ, по подсудности своей, объемлетъ только мелкіе проступки; крупныя же преступленія, одни лишь касающіяся общественнаго спокойствія, сосредоточены въ общихъ судахъ; поэтому общественное спокойствіе отдается совершенно въ руки вторыхъ. И если имущественный цензъ требовать, во имя общественнаго спокойствія, то скорѣе должно бы это сдѣлать въ отношеніи общихъ судовъ, чѣмъ въ отношеніи судовъ мировыхъ. На этомъ основаніи, если допускается, чтобы въ низшихъ, а тѣмъ болѣе въ высшихъ — общихъ судахъ назначались

судьи, неимѣющіе недвижимой собственности, то тѣмъ скорѣе должно это допустить въ судѣ мировомъ.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни разсматривай этотъ вопросъ, а приходишь къ тому заключенію, что имущественный ценсъ, въ дѣлѣ мирового суда, не достигая ни одной изъ своихъ цѣлей, совершенно безполезенъ; по слѣдствіямъ же своимъ онъ даже вреденъ.

Въ тѣхъ государствахъ и обществахъ, гдѣ недвижимая собственность, въ особенности сельская, была привиллегіею извѣстнаго сословія, тамъ, при имущественномъ ценсѣ, мировой судъ непремѣнно сдѣлается привиллегіею этого сословія; такую же привиллегію наука, такъ и жизнь, и юристы наши, равно и государственный совѣтъ отвергаютъ, какъ форму отжитую.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ установленіемъ имущественнаго ценса, развѣ не возстановляется эта привиллегія, только въ иной формѣ; сущность же остается одна и та же. Развѣ не все равно, что я прежде имѣлъ право суда, какъ членъ извѣстнаго сословія; а теперь имѣю это право по имуществу, *которое исключительно находится въ рукахъ этого сословія?..*

Такой ограниченный кругъ выбора, въ этомъ отношеніи, отдастъ все право суда въ руки одного сословія, въ ущербъ интересовъ другихъ сословій; а въ другомъ отношеніи, безъ существенной пользы правосудію, правило это не дастъ возможности производить выборы судей изъ всѣхъ истинно достойныхъ людей.

Какъ же на этотъ предметъ глядѣла редакціонная комиссія?..

Меньшинство аргументировало, въ комиссіи, ценсъ—въ 500 руб. годового дохода, слѣдующими данными:

1) Что государственный совѣтъ [1]) установилъ ценсъ, какъ одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для поддержанія достоинства и силы мирового учрежденія; какъ вѣрнѣйшее ручательство, что мѣста мировыхъ судей будутъ заняты людьми, наиболѣе заинтересованными въ сохраненіи общественнаго порядка, наиболѣе связанными съ обывателями тождествомъ общихъ интересовъ, наиболѣе соединяющими въ себѣ условія довѣрія, образованія и опытности; и что при этомъ условіи мировые судьи сохранятъ и ту независимость, въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются нынѣшніе мировые посредники.

[1]) См. журн. соед. депар. Госуд. Сов. о судебной реформѣ 1862 г. № 65, стр. 310.

2) Что имущественный ценсъ, для мировыхъ судей, не можетъ быть ниже ценса для мировыхъ посредниковъ, потому что должность судей, какъ выражено въ удостоившимся Высочайшаго одобренія мнѣніи 3 членовъ государственнаго совѣта, выше и полезнѣе должности посредника.

3) Что никакъ нельзя опасаться, чтобы вслѣдствіе ценса въ 500 руб. могъ оказаться недостатокъ въ мировыхъ судьяхъ: потому что однихъ дворянъ-помѣщиковъ, владѣвшихъ имѣніями свыше 400 душъ, по 10-й ревизіи, числилось 24,020; а потому подъ 500 руб. ценсъ должна подойти большая часть помѣщиковъ,—владѣвшихъ имѣніями отъ 20 до 100 душъ, которыхъ по 10-й ревизіи числилось 36,179.

4) Что ценсъ въ 500 руб. сер. не воспрепятствуетъ избирать въ мировые судьи и такія лица, которыя хотя и не владѣютъ недвижимою собственностью, въ указанномъ размѣрѣ, но пользуются въ своемъ околодкѣ общимъ уваженіемъ: потому что постановлено, что избирательное собраніе можетъ, по большинству $^2/_3$ голосовъ, предоставлять званіе мирового судьи и лицамъ, несоотвѣтствующимъ предписаннымъ условіямъ, но пріобрѣвшимъ общественное довѣріе и уваженіе.

Большинство на это возразило:

1) У насъ число владѣльцевъ недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ 500 руб. чистаго годового дохода, въ сравненіи съ владѣльцами меньшей собственности, такъ мало, что, съ принятіемъ этой цифры, огромное большинство жителей, соотвѣтствующихъ всѣмъ прочимъ условіямъ для избранія ихъ въ мировые судьи, было бы не допущено къ этой службѣ: отчего неминуемо произошелъ бы большой недостатокъ въ мировыхъ судьяхъ. Это опасеніе не устраняется, указываемою въ мнѣніи меньшинства, цифрою дворянъ-помѣщиковъ, такъ какъ большая ихъ часть, по служебнымъ и инымъ занятіямъ, не можетъ принять званія мировыхъ судей; и притомъ одного имущественнаго ценса недостаточно для поступленія въ это званіе, но нужны и многія другія условія, означенныя въ ст. 14, ч. I основныхъ положеній, и наконецъ избраніе всѣми сословіями въ совокупности.

2) Владѣльцы недвижимыхъ имѣній, хотя и не приносящихъ 500 руб. дохода, не менѣе другихъ, если и не болѣе, заинтересованы въ охраненіи порядка и связаны съ обывателями околодка общимъ интересомъ.

3) Доходъ въ 500 руб., при настоящей и, постоянно возрастающей, дороговизнѣ, не можетъ быть признанъ достаточнымъ обезпеченіемъ средствъ жизни и тѣмъ *менѣе ручательствомъ—въ высшей* степени об-

разованія или опытности и вообще нравственныхъ качествахъ, и ни въ какомъ случаѣ залогомъ независимости и самостоятельности.

4) Въ доставленныхъ комиссіи замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній заявлено *почти общее мнѣніе* о невозможности у насъ стѣснять выборъ въ мировые судьи условіемъ—владѣнія недвижимымъ имуществомъ, особливо въ значительномъ размѣрѣ и многія изъ лицъ, приславшихъ замѣчанія, полагаютъ или вовсе не вводить этого условія, или, по крайней мѣрѣ, назначить цифру дохода какъ можно менѣе.

5) Правила, установленныя положеніемъ 19 февраля, не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ вопросомъ, ибо учрежденіе мировыхъ посредниковъ было совершенно спеціальное, имѣвшее исключительнымъ предметомъ—имущественные интересы. Равнымъ образомъ и указанная соединенными департаментами, какъ условія для поступленія въ мировые судьи, цифра 500 руб. годового дохода съ недвижимой собственности, не можетъ служить положительною нормою, *такъ какъ по заключенію общаго собранія государственнаго совѣта*, признавшаго, что будетъ осторожнѣе непредрѣшать въ то время этого вопроса, означенная цифра не вошла въ основныя положенія.

6) Что же касается предположенія комиссіи о дозволеніи избирательнымъ собраніямъ назначать въ мировые судьи лицъ, несоотвѣтствующихъ опредѣленнымъ въ законѣ условіямъ, но приобрѣвшихъ общественное довѣріе и уваженіе, то это можетъ доставить лишь нѣкоторое, вообще весьма небольшое, облегченіе въ примѣненіи условія о высокомъ имущественномъ цензѣ, потому что отъ многочисленныхъ собраній трудно ожидать частыхъ соглашеній о томъ, что то или другое лицо пользуется общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ». [1])

Согласно этимъ основаніямъ большинство полагало установить цензъ въ 100 руб. сер.

Въ одномъ согласны мы съ мнѣніемъ меньшинства, что если принимать цензъ, какъ гарантію хорошаго состава мирового суда, то слѣдуетъ принимать цензъ большой, впрочемъ не въ 100 и не въ 500 руб. годового дохода, такъ какъ оба они не даютъ полной самостоятельности избранному. Съ другой стороны мы не можемъ не согласиться вполнѣ съ справедливыми доводами большинства; но только считаемъ необходимымъ присовокупить слѣдующее:

---

[1]) См. объяс. замѣч. ред. ком. къ проекту учр. судеб. мѣстъ стр. 8—14.

1) Меньшинство приняло въ соображеніе число владѣльцевъ населенныхъ имѣній дворянъ по 10-ой народной переписи. Но послѣ этой переписи произошла крестьянская реформа 19 февраля, которая осуществилась уже къ 15 іюлю 1865 года повсемѣстнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ; по уставнымъ грамотамъ до настоящаго времени болѣе половины крестьянъ сдѣлалась собственниками; поэтому болѣе половины всѣхъ владѣльцевъ лишилась уже значительной части своей земли, такъ что они не могутъ ужь подходить подъ условія 10-ой народной переписи. Независимо отъ этого почти всѣ дворянскія имущества обременены значительными долгами и выплатами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя, во многихъ случаяхъ, далеко превосходятъ причитающіеся владѣльцами съ крестьянъ платежи. По этимъ причинамъ едвали $^1/_2$ часть владѣльцевъ, считавшихся по 10 переписи, попадутъ въ цензъ.

2) Меньшинство приняло въ расчетъ, только однихъ *дворянъ-владѣльцевъ* и не обратило вниманія на то, что выбору подлежатъ и *не-дворяне*, которые рѣшительно не могутъ подойти подъ условія ценса въ 500 руб.

3) Наше мелкопомѣстное дворянство живетъ еще большею частью преданіями *о бригадирствѣ* и *штикъ-юнкерствѣ* и считаетъ поступленіе дѣтей въ *кадетскій корпусъ* или *въ юнкера* или *въ писцы* судебнаго мѣста крайнею цѣлью своихъ стремленій; что поэтому образованіе стоитъ въ этомъ почтеномъ сословіи весьма на низкой степени и никакъ не можетъ представить обширнаго поля выборному началу. Скотинины и Митрофанушки хотя и анахронизмы у насъ въ томъ видѣ, какъ ихъ срисовалъ Фонъ-Визинъ; но за то они являются въ настоящее время въ иномъ видѣ: въ видѣ высокоразвитыхъ людей вообще и патріотовъ въ особенности — что выражается у нихъ ношеніемъ чуекъ, куреніемъ въ затяшку папиросъ и отпущеніемъ себѣ бородъ. Но такъ какъ эти условія весьма недостаточны, для того-чтобы быть хорошими судьями, то едвали наше мелкопомѣстное дворянство представитъ богатое поле для ихъ избранія. Указаніе въ этомъ случаѣ на мировыхъ посредниковъ неумѣстно, потому что ихъ дѣятельность имѣетъ мало общаго съ тою дѣятельностію, которая по закону требуется отъ мировыхъ судей; и лица, бывшія способными на одномъ поприщѣ, могутъ быть совершенно неспособны на другомъ. Мировые посредники имѣли дѣло съ экономическими отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ — предметомъ болѣе или менѣе знакомымъ всякому сельскому хозяину; а отъ мирового судьи требуется уже знаніе права и умѣнье отличить правду отъ лжи. Но мы бы примирились еще

съ мыслію, что бы институтъ мировыхъ судей сосредоточился въ нашемъ дворянскомъ сословіи, такъ какъ оно дорожитъ своею репутаціею и постаралось бы не уронить этого учрежденія. Не надо же однако забывать, что положеніе дворянскихъ имуществъ въ самомъ печальномъ видѣ: съ крестьянскою реформою требуется радикальное измѣненіе нашего сельскаго хозяйства, требуются капиталы для его производства, необходимы машины, мастерскія, желѣзныя дороги, необходимъ кредитъ — общественный и частный, для того чтобы немного поддержать прежнее помѣщичье хозяйство. Но всего этого нѣтъ у насъ: поэтому уже въ настоящее время наступилъ кризисъ въ отношеніи земель; и дворянство, обремененное долгами, или само старается освободиться отъ поземельной собственности или имѣнія этого сословія продаются съ публичнаго торга—за долги частные и казенные. На покупки этихъ имѣній бросаются въ настоящее время не столько капиталисты, какъ аферисты, и не далеко то время, когда большинство недвижимой собственности сосредоточится въ рукахъ или арендаторовъ или владѣльцевъ-аферистовъ. Тогда-то всплыветъ наружу несовершенство правила о цензѣ: мировой институтъ сдѣлается привиллегіею аферистовъ и нельзя не полагать, чтобы это не имѣло дурного вліянія на значеніе самаго института. На послѣдній предметъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе и не мѣшало бы собрать статистическія свѣдѣнія—сколько, втеченіе послѣднихъ 4 лѣтъ, бывшихъ дворянскихъ имѣній находилось уже въ арендномъ содержаніи; сколько ихъ нерешло въ другія руки; сколько еще предполагается описать и продать. Эти свѣдѣнія лучше всего указали бы законодательству въ каковое положеніе можетъ быть поставленъ вопросъ о цензѣ.

4) Въ рѣдкихъ городахъ имперіи дома приносятъ 500 руб. доходу.

5) Законъ о томъ, что $^2/_3$ голосовъ гласныхъ земскаго собранія могутъ избирать и лицъ, не совмѣщающихъ условія ценса, также едвали будетъ осуществлятся: половина земскаго собранія состоитъ изъ землевладѣльцевъ; поэтому, чтобы обойти законъ о цензѣ, нужно будетъ обойти права этихъ землевладѣльцевъ и ихъ избирателей на занятіе должностей мировыхъ судей. Вопросъ: согласится ли эта половина на такое пожертвованіе интересами своими и своихъ избирателей?.. И если такое самопожертвованіе случится, то въ весьма рѣдкихъ случаяхъ: по большой же части будутъ избираться тѣ, которые имѣютъ на это право по цензу. Наконецъ, мы должны сказать: къ чему сочинять правило и потомъ оставлять такъ-называемыя лазейки, для его обхода. Если вы признаете,

что цензъ вещь безусловно необходимая и хорошая, то пусть онъ существуетъ во всей своей силѣ и будетъ безусловенъ; если же вы оставляете лазейки, то мы въ правѣ сомнѣваться въ томъ, чтобы вы сами были убѣждены въ безусловной справедливости своего принципа.

Такимъ образомъ мнѣніе большинства не было одною лишь уступкою общественному мнѣнію, а разумное требованіе, основанное на теоретической и практической необходимости.

2) О соединеніи званія мировыхъ судей съ другими должностями.

Въ отношеніи участковыхъ мировыхъ судей редакціонная комиссія приняла весьма разумно, по общимъ теоретическимъ основаніямъ, правило—о несовмѣщеніи этой должности съ другими должностями; [1]) въ отношеніи же почетныхъ мировыхъ судей произошло разногласіе.

Меньшинство, признавая необходимымъ предоставить обществу право избирать въ почетные судьи кого пожелаетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній, полагало: что нѣтъ надобности прибавлять въ проектѣ особое правило—о возможности соединенія званія почетныхъ мировыхъ судей со всякими должностями по государственной и общественной службѣ.

Большинство же находило, что нельзя допустить такой безусловности, а слѣдуетъ несовмѣщать должности почетныхъ судей съ обязанностями: *прокуроровъ и ихъ товарищей, мѣстныхъ чиновниковъ полиціи и казенныхъ управленій* и наконецъ съ званіемъ *присяжныхъ повѣренныхъ*.

Съ этимъ правиломъ нельзя безусловно согласиться:

1) Въ отношеніи прокуроровъ и ихъ товарищей мы согласны, что совмѣщеніе этихъ обязанностей съ обязанностями судьи противорѣчило бы правилу объ отдѣленіи власти судебной отъ обвинительной, такъ какъ нерѣдко дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, возникающія у мировыхъ судей, могутъ, по обнаружившейся неподсудности этихъ дѣлъ мировому разбору, поступать на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ; въ этихъ случаяхъ прокуроръ, разсмотрѣвъ сперва дѣло въ качествѣ судьи, преслѣдовалъ бы его потомъ въ качествѣ обвинителя.

2) Относительно чиновниковъ полиціи и разныхъ казенныхъ управленій, то они, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, гдѣ находятся на служ-

---

[1]) Государ. Совѣтъ въ началѣ 1867 года разрѣшилъ мировымъ судьямъ быть избираемыми и въ гласные.

бѣ, не могутъ быть мировыми судьями, потому что къ обязанностямъ ихъ принадлежитъ, между прочимъ, возбужденіе у мировыхъ судей дѣлъ, касающихся общественнаго порядка, или интересовъ казны, такъ что, съ допущеніемъ ихъ въ судьи, они имѣли бы одновременно двоякій характеръ—истцовъ или преслѣдователей противузаконныхъ дѣяній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и судей.

3) Въ отношеніи же присяжныхъ повѣренныхъ, большинство выразило только ту мысль, что они потому не могутъ быть почетными мировыми судьями въ томъ округѣ, гдѣ они приписаны, что у нихъ не будетъ времени на исполненіе этихъ обязанностей... Но мы позволимъ себѣ только спросить: а въ другомъ округѣ у нихъ станетъ время быть почетными судьями?.. И почему именно у адвокатовъ будетъ такъ мало времени; и почему такъ много время будетъ у судей окружныхъ судовъ или у другихъ лицъ, находящихся на государственной службѣ?.. Но вѣдь должность почетныхъ судей по принципу допускается для того, чтобы каждый порядочный человѣкъ могъ *свой досугъ* посвятить общественному дѣлу и дѣлается это для того, чтобы облегчить участковыхъ мировыхъ судей и для того, чтобы привлечь въ институтъ мировыхъ судей цвѣтъ нашего общества. Почему же въ этомъ случаѣ дѣлать исключеніе и для присяжныхъ повѣренныхъ? Намъ кажется, что въ этомъ образованномъ юридическомъ сословіи мировой институтъ могъ бы найти богатый источникъ для пополненія своего штата, тѣмъ болѣе, вѣрнѣе всего, что вся дѣятельность адвокатовъ обратится исключительно на общіе суды, такъ какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ явятся, по всей вѣроятности, ходатаями лица, непринадлежащія къ этому сословію. Возможность послѣдняго открывается ужъ изъ того, что всѣ дѣла общихъ судовъ и дѣла уголовныя сосредоточатся въ рукахъ адвокатовъ и они вынуждены будутъ проживать въ окружномъ городѣ; между тѣмъ какъ мировые судьи будутъ распредѣлены по участкамъ. И при малоцѣнности дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ адвокатамъ не придется же бросать свои серьезныя дѣла въ общихъ судахъ и объѣзжать округъ по участкамъ, ради мелкихъ дѣлъ.

Развѣ въ однихъ мировыхъ съѣздахъ адвокаты явятся защитниками мелкихъ исковъ; но въ этомъ случаѣ, они, само собою разумѣется, будутъ устранены отъ сужденія защищаемаго имъ дѣла. Поэтому нѣтъ рѣшительно никакихъ разумныхъ основаній и мотивовъ, для устраненія этого сословія отъ обязанностей почетныхъ мировыхъ судей; тѣмъ болѣе, что отъ этого могутъ пострадать не столько его интересы, какъ интересы инсти-

тута мировыхъ судей. Гдѣ же больше этому институту получить вполнѣ знающихъ и способныхъ судей, какъ не въ сословіи адвокатовъ и если послѣднее признается важнѣйшимъ источникомъ для пополненія общихъ судовъ, то тѣмъ болѣе это должно сказать въ отношеніи мирового суда. Но одно только опасеніе можетъ быть въ этомъ случаѣ: что адвокаты могутъ быть единовременно защитниками и судьями одного и того же дѣла. Однако же это равносильно тому, что сказать, что они будутъ *взяточниками*. Но въ этомъ случаѣ можно тоже самое сказать и въ отношеніи другихъ судей: развѣ и они тайно не могутъ быть защитниками собственныхъ своихъ дѣлъ?.. О подобныхъ безчестныхъ людяхъ и говорить нечего и для того-то установлено выборное начало, чтобы общество избирало себѣ достойнѣйшихъ людей и если въ этомъ отношеніи выборъ общества можетъ быть безошибоченъ вообще, то почему же онъ не можетъ имѣть подобный характеръ и въ отношеніи адвокатовъ?..

3) О предоставленіи, по закону, званія почетныхъ мировыхъ судей нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ.

Мнѣніе меньшинства по этому предмету было установить правило, „что считаются мировыми судьями во все время исправленія ими своихъ должностей: министры—юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, члены госуд. совѣта и сенаторы,—по всему государству; члены судебной палаты, — по округу палаты; члены окружнаго суда, губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ собраній, — по губерніи; уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ собраній и городскіе головы—по уѣзду".

Большинство же, имѣя въ виду неотъемлемое право общества избирать въ почетные мировые судьи всѣхъ лицъ, исчисленныхъ въ предлагаемомъ меньшинствомъ правилѣ, не признало возможнымъ утвердить его, потому что: 1) оно назначаетъ обывателямъ такихъ почетныхъ мировыхъ судей, которыхъ само общество въ это званіе не избрало, и слѣдовательно уничтожаетъ *въ принципѣ* выборное начало, установленное основными положеніями для мировыхъ учрежденій; 2) это правило не согласно съ началомъ, что власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной; 3) что подобнымъ правиломъ мировыя учрежденія невольно подчинились бы личному вліянію и едва ли не прямому *начальству* мѣстныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, или по крайней мѣрѣ, въ обществѣ должно составиться такое мнѣніе, которое съ перваго шагу можетъ уронить и погубить мировое учрежденіе.

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе большинства по этому предмету и должны присовокупить, что если въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ въ институтѣ мировыхъ судей и были вводимы обязательно высшія государственныя лица, какъ почетные судьи, то это правило взято было, вмѣстѣ съ самымъ институтомъ, изъ учрежденій Англіи. Но и въ этомъ государствѣ званіе мировыхъ судей усвоено не такому огромному количеству администраторовъ, какъ того предлагало меньшинство, а именно обязанности эти усвоены тамъ должностямъ епископствъ: элейскому, дерхемскому, архіепископству іоркскому. Начало этого закона относится къ временамъ Генриха VIII и имѣло основу, съ одной стороны, чисто-феодальную, съ другой стороны — стремленіе Генриха возвысить исповѣданіе высокой церкви, которую онъ сдѣлалъ государственною религіею Англіи; поэтому онъ и даровалъ званіе мировыхъ судей главнымъ начальникамъ и представителямъ этой религіи. Но что имѣло историческое основаніе на одной почвѣ, не можетъ быть перенесено на другую: передать званіе почетныхъ мировыхъ судей цѣлому длинному ряду оффиціальныхъ лицъ, значитъ не довѣрять выборамъ общества, значитъ не полагать, что это общественное учрежденіе можетъ гарантировать общественное спокойствіе и если это учрежденіе дѣйствительно такого характера, то оно не заслуживаетъ и существованія. Если же въ предположеніи меньшинства заключается мысль, что съ предоставленіемъ вычисленнымъ имъ оффиціальнымъ лицамъ права быть ex officio мировыми судьями ихъ общественное положеніе возвысится, то мы должны сказать, что положеніе ихъ и такъ высоко, и что скромныя обязанности мировыхъ судей не могутъ прибавить имъ ни блеска, ни общественнаго значенія.

б) Мнѣніе государственнаго совѣта по вышеозначеннымъ предметамъ.

а) Въ отношеніи судовъ общихъ [1]).

Разсматривая проектъ редакціонной комиссіи, государственный совѣтъ нашелъ:

1) Что въ числѣ условій отрицательныхъ, лишающихъ права поступить на службу по судебному вѣдомству, въ проектѣ не упоминается о лицахъ, опороченныхъ *общественными* приговорами, а равно и о тѣхъ, которые исключены изъ духовнаго вѣдомства за пороки.

2) Равнымъ образомъ, хотя въ ст. 161 проекта въ числѣ лицъ, кото-

[1]) См. Журн. госуд. совѣта 17, 20, 24, 27 Іюня 1864 г. № 48, стр. 25—26.

рыя не могутъ быть назначаемы на судебныя должности и сказано о находящихся *подъ слѣдствіемъ или судомъ*, но это ограниченіе примѣнено только къ тѣмъ, которые состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки *болѣе важные*, тогда какъ, по мнѣнію соед. департ., состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ вообще, доколѣ они не будутъ оправданы, вовсе не должны быть принимаемы на службу по судебной части, такъ какъ нерѣдко случается, что при слѣдствіи и судѣ о менѣе важныхъ винахъ, обнаруживается прикосновенность подсудимыхъ къ тяжелымъ преступленіямъ.

3) Къ числу условій, необходимыхъ для занятія должностей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, проектъ относитъ прошедшую службу, по судебной части, въ извѣстныхъ званіяхъ, и при семъ постановлено, что въ этихъ званіяхъ должно прослужить назначенное число *послѣднихъ* лѣтъ. Соединенные департаменты не усматриваютъ достаточнаго основанія къ тому, чтобы принимать въ разсчетъ только службу послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній на службѣ достаточно, чтобы лица, желающія занять судебныя должности, прослужили по судебному вѣдомству, въ извѣстныхъ званіяхъ, положенное число лѣтъ, хотя бы и не въ послѣднихъ предъ занятіемъ этихъ должностей.

4) Въ ст. 163 и 164 проекта предположено, что членами окружного суда могутъ быть назначаемы присяжные повѣренные, состоявшіе въ этомъ званіи не менѣе 6 лѣтъ и что въ число судебныхъ слѣдователей допускаются кандидаты на должности по судебному вѣдомству, если они занимались судебною практикою не менѣе 3 лѣтъ. Соединенные департаменты признаютъ эти сроки слишкомъ краткими для поступленія на столь важныя должности и полагаютъ: первый изъ этихъ сроковъ опредѣлить въ 10 лѣтъ, а второй въ 4 года.

5) При разрѣшеніи послѣдовавшаго въ комиссіи разногласія о допущеніи присяжныхъ повѣренныхъ, состоявшихъ въ этомъ званіи не менѣе 10 лѣтъ, прямо въ члены судебныхъ палатъ, соединенные департаменты не могли согласиться съ этимъ предположеніемъ, между прочимъ, потому, что такое правило было бы противно интересамъ должностныхъ лицъ судебной линіи, уменьшая важность къ повышенію членовъ и прокуроровъ окружного суда. При маломъ числѣ судебныхъ палатъ и относительно, безъ сомнѣнія, весьма значительномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, должность членовъ этихъ палатъ сдѣлалась бы почти исключительнымъ ихъ достояніемъ. Это могло бы сильно, вреднымъ образомъ, отразиться на

составъ окружныхъ судовъ; ибо едва ли кто-либо изъ способныхъ и опытныхъ людей пожелаетъ принять мѣсто члена окружного суда, не видя почти никакой надежды на повышеніе.

6) Что касается должностей, изъ которыхъ, по ст. 168 проекта, могутъ быть назначаемы сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ сената, то соединенные департаменты нашли справедливымъ поименовать въ числѣ этихъ должностей и членовъ судебныхъ палатъ, такъ какъ безъ этого имъ не было бы, по большей части, никакой возможности получить высшія мѣста.

Соглашаясь вполнѣ съ этими разумными требованіями государственнаго совѣта, мы однако же не можемъ сказать, что безусловное правило о недопущеніи къ судебному вѣдомству вообще лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, не всегда можетъ быть справедливо. Установляя это правило, государственный совѣтъ руководился мыслію: *что нерѣдко случается, что при слѣдствіи и судѣ о менѣе важныхъ винахъ, обнаруживается прикосновенность подсудимыхъ къ тяжкимъ преступленіямъ.* Но дѣло въ томъ, что такіе случаи весьма рѣдки и не могутъ быть мотивомъ общаго правила; по большей же части, напротивъ того, большинство преслѣдуемыхъ судомъ и слѣдствіемъ лицъ, освобождается отъ отвѣтственности. Доказательствомъ тому могутъ служить судебно-статистическія данныя всѣхъ европейскихъ государствъ и въ томъ числѣ и наши: по статистическимъ даннымъ всегда больше оправданныхъ, чѣмъ обвиненныхъ подсудимыхъ. Независимо отъ этого, безусловность этого правила можетъ обратиться въ безусловное зло: съ злобы на человѣка можно взвести на него слѣдствіе для того, чтобы его устранить отъ права занять должность судьи и такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ, будутъ устранены отъ судебной части полезные дѣятели. Наконецъ, мы можемъ сказать еще и то, что нерѣдко слѣдствія могутъ быть и надъ проступками, которые не бросаютъ никакой тѣни на имя человѣка, такъ какъ въ сущности обвиненія заключается простое нарушеніе закона. Какже за такія недоказанныя еще дѣла устранять человѣка отъ права занять какую бы то ни было должность? Если въ этомъ случаѣ даже получившій наказаніе можетъ занять должность судьи, то почему же не можетъ имѣть это право тотъ, который еще только обвиняется въ подобномъ проступкѣ? Не заключается ли въ этомъ противорѣчіе? Законодательство же должно устранять всякія противорѣчія въ своихъ началахъ, иначе оно можетъ быть обвинено въ непослѣдовательности,

въ несистематичности. Понятно, что мысль, вызвавшая наше законодательное сословіе къ установленію такого безусловнаго правила, была та, чтобъ устранить отъ состава суда всѣхъ лицъ, которыя могутъ быть окомпрометированы въ общественномъ мнѣніи; вытекала эта мысль изъ высокаго понятія государственнаго совѣта о должности судьи. Мы вполнѣ уважаемъ и высоко цѣнимъ эту благородную мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не сказать, что какъ бы цѣль и поводъ ни были прекрасны сами по себѣ, но не должно бросаться въ другую крайность и, съ желаніемъ устранить одно неудобство, установлять другое. Дѣйствительно, нельзя допустить въ составъ суда лицъ, которыя могутъ быть поставлены при слѣдствіи и судѣ въ невыгодномъ свѣтѣ въ общественномъ мнѣніи; но нельзя же также допустить, чтобы каждая клевета, каждое неосновательное подозрѣніе, вызвавшее слѣдствіе и судъ, могли быть поводомъ къ *уничтоженію* права лицъ на занятіе судейской должности. Мы говоримъ къ *уничтоженію* этого права, такъ какъ нерѣдко временное устраненіе человѣка отъ занятія судейской должности будетъ равносильно совершенному уничтоженію этого права. При правѣ несмѣняемости судей, вѣрнѣе всего, вакансіи на должности судей будутъ весьма рѣдки; поэтому, упустивъ единожды случай быть назначеннымъ въ судьи, можно потерять, на всю уже жизнь, возможность попасть на вакансію. Не справедливѣе ли поэтому было бы, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ лицъ не допускать въ томъ лишь случаѣ къ кандидатурѣ на должности судьи, когда въ этихъ актахъ лицо обвиняется въ безчестномъ поступкѣ.

б) Въ отношеніи суда мирового.

По этому предмету государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ проектъ комиссіи, нашелъ:

1) Что въ проектѣ не упомянуто о недопущеніи въ мировые судьи людей, опороченныхъ общественными приговорами.

2) Что установляемый проектомъ ценсъ для избираемыхъ въ эти судьи, въ 100 руб. годового дохода, какъ это замѣтилъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя въ этомъ отношеніи указаны Высочайше утвержденнымъ 1 января 1864 г. положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, тогда какъ, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, значеніе будущихъ мировыхъ судей столь важно для общества и государства, что необходимо даже стараться поставить ихъ выше лицъ, которымъ даровано право быть избираемыми въ гласные уѣздныхъ

земскихъ собраній. По этимъ уваженіямъ, соединенные департаменты положили дополнить условія, требуемыя отъ избираемыхъ въ мировые судьи тѣмъ: 1) что они не должны быть опорочены по общественному приговору; 2) что они сами или ихъ родители и жены должны владѣть, *хотя бы и въ разныхъ мѣстахъ*, или пространствомъ земли вдвое противъ того, которое опредѣлено въ росписаніи, приложенномъ къ п. а. ст. 23 Высоч. утвержд. 1 января 1864 г. положенія о земскихъ учрежденіяхъ, для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія; или другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною не ниже 15,000 руб. сер., а въ городахъ недвижимою собственностью, оцѣненною, для взиманія налога, въ столицахъ не менѣе 5,000 руб., въ прочихъ же городахъ 3,000 руб. сер.; 3) сверхъ того, по мнѣнію департаментовъ, для строгаго соблюденія вышеозначеннаго условія объ имущественномъ цензѣ, необходимо выразить, что право быть изараннымъ въ мировые судьи, по недвижимому имуществу родителей, распространяется на неотдѣленныхъ ихъ сыновей только тогда, когда на долю каждаго изъ нихъ можетъ, по разсчету, причитаться часть этого имущества въ размѣрѣ, выше сего указанномъ. Относительно же тѣхъ, которые желали бы поступить въ мировые судьи по недвижимымъ имѣніямъ своихъ женъ, соединенные департаменты полагаютъ—требовать удостовѣреніе сихъ послѣднихъ, что онѣ не встрѣчаютъ препятствія къ показанію ихъ имѣній въ видѣ имущественнаго ценса мужей ихъ. Затѣмъ, соглашаясь съ мнѣніемъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода о несовмѣстимости должности мирового судьи съ обязанностями священнослужителя и имѣя въ виду замѣчаніе его о невозможности опредѣлять на службу, по судебной части, людей, исключенныхъ изъ духовнаго вѣдомства за пороки, соединенные департаменты положили: дополнить этими правилами проектъ.

Теоретическую сторону предметовъ этихъ постановленій мы уже разсматривали выше; здѣсь же присовокупимъ, что правило о томъ, что право быть избираемымъ въ мировые судьи по недвижимому имуществу родителей распространяется на неотдѣльныхъ ихъ сыновей только тогда, *когда на долю каждаго* изъ нихъ можетъ по разсчету причитаться часть этого имущества въ размѣрѣ, выше сего указанномъ,—поведетъ на практикѣ къ большимъ недоразумѣніямъ, несправедливостямъ и несообразностямъ. Съ одной стороны, малочленныя фамиліи будутъ призваны къ участію въ судѣ; многочленныя будутъ исключены. Съ другой стороны, въ самыхъ семействахъ выйдетъ разладъ: одни сыновья полу-

чатъ это право, другіе—нѣтъ. Наконецъ, развѣ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ родители стѣснены распоряженіемъ имущества и неужели, ради ихъ дурныхъ дѣтей, должны быть лишены этого права ихъ хорошія дѣти?.. Но представимъ здѣсь картину послѣдствій этого закона болѣе наглядно:

Положимъ, что цензъ будетъ въ 500 десятинъ земли.

Семейство, имѣющее 1 сына и 500 десятинъ, будетъ участвовать въ избирательномъ цензѣ.

Семейство, имѣющее 5 сыновей и 2,000 десятинъ, не будетъ участвовать.

Но спрашивается: у кого больше средствъ воспитать своихъ дѣтей: у перваго семейства или у второго?.. Само собою разумѣется, у второго; слѣдовательно, если имущество принимать, какъ основу сужденія о степени развитости, то скорѣе можно искать его во второмъ семействѣ, нежели въ первомъ: такъ какъ владѣлецъ 2,000 десятинъ имѣетъ больше средствъ дать лучшее воспитаніе 5 сыновьямъ, нежели первый 1 сыну.

Семейство, у котораго есть 1 сынъ и 2 или 3 дочери и владѣющій 600 десятинами, долженъ считаться бѣднѣе, нежели человѣкъ, имѣющій одного только сына при 400 десятинахъ.

Въ одномъ и томъ же семействѣ дѣти одного и того же отца, но различныхъ матерей, могутъ быть поставлены въ различное положеніе: у человѣка могутъ быть дѣти отъ двухъ или трехъ женъ, съ различною степенью богатства. У семьянина могутъ отъ одной жены быть дѣти богатыя, отъ другой—бѣдныя. То же самое можетъ быть и съ женщиною: у нея могутъ быть отъ одного мужа дѣти богатыя, отъ другого—бѣдныя. Спрашиваемъ: какая же справедливость — дѣтей богатыхъ включать еще въ цензъ къ отцу или къ матери и тѣмъ лишать дѣтей менѣе богатыхъ права быть судьями. Можетъ случиться, что у N будетъ 500 десятинъ и два сына: Иванъ и Петръ. Иванъ имѣетъ отъ матери, положимъ, 1,000 десятинъ; почему же включать его еще въ цензъ отца. То же самое можетъ быть и въ отношеніи къ имуществу матери.

Наконецъ, если у меня есть имѣніе благопріобрѣтенное, то я могу его оставить кому мнѣ угодно: могу избрать того или другого сына; могу устранить дурного и отдать достойному. Могутъ быть даже такіе случаи, что, имѣя землю или иное имущество въ такомъ количествѣ, какое требуетъ цензъ, данное лицо будетъ имѣть двухъ сыновей: одного негодяя, другого вполнѣ достойнаго; одного хилого малютку, который едва ли еще

будетъ жить, другого взрослаго и даже семьянина. Спрашиваемъ: справедливо ли въ обоихъ этихъ случаяхъ устранять: въ первомъ — человѣка порядочнаго, ради непорядочнаго; во второмъ случаѣ—человѣка взрослаго, ради новорожденнаго?

Поэтому не было ли бы справедливѣе предоставлять прямо право, по цензу родителей, всѣмъ безъ различія дѣтямъ быть судьями. Этимъ правомъ устранились бы тѣ неудобства, которыя неминуемо возникнутъ не только въ различныхъ семействахъ, но даже въ одномъ и томъ же; и не можетъ ли этотъ имущественный цензъ обратиться даже въ источникъ семейныхъ раздоровъ, въ явный соблазнъ общества? И если, въ настоящее время, послышались въ нашемъ обществѣ сильные голоса въ пользу уравненія женщинъ съ мужчинами въ имущественныхъ и другихъ общественныхъ интересахъ, то тѣмъ настоятельнѣе необходимо это уравненіе въ отношеніи членовъ семейства мужского пола. Законъ, съ такимъ непрактическимъ характеромъ и съ такими серьезными общественными и частными послѣдствіями, едва ли не вызоветъ неудовольствія общества, такъ какъ онъ проникаетъ въ семейство и въ семейныя отношенія всѣхъ избирателей.

8) *Постановленія положенія 20 ноября 1864 года объ условіяхъ, необходимыхъ для занятія должностей по судебному вѣдомству.*

а) *Въ отношеніи судовъ общихъ* [1]).

1) Въ должности, по судебному вѣдомству, могутъ быть опредѣляемы только русскіе подданные (ст. 200).

2) Въ должности, по судебному вѣдомству, не могутъ быть назначаемы (ст. 201):

а) Состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, а равно и подвергшіеся, по судебнымъ приговорамъ, за противузаконныя дѣянія, заключенію *въ тюрьмѣ* [2]), или иному, болѣе строгому наказанію, и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами;

б) исключенные изъ службы по суду, или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды общества и дворянскихъ собраній, по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ;

---

[1]) Статьи, выставленныя мною, относятся къ уставу учреж. судеб. мѣстъ.

[2]) Въ редакціи измѣнено правило комиссіи; но по безусловности своей правило это становится черезчуръ строгимъ.

в) объявленные несостоятельными должниками;

г) состоящіе подъ опекою *за расточительность* [1]).

3) Должности предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, а равно и чиновъ прокурорскаго надзора, оберъ-секретарей, секретарей и ихъ помощниковъ замѣщаются, съ соблюденіемъ порядка, въ слѣдующихъ 203—211 статьяхъ указаннаго, не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, или же доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части (ст. 202).

4) Членами окружного суда могутъ быть назначаемы лица, служившія по судебной части *не менѣе 3 лѣтъ* въ званіяхъ не ниже секретаря окружного суда (ст. 203).

5) Членами окружного суда могутъ быть также опредѣляемы и присяжные повѣренные, состоявшіе въ семъ званіи не менѣе 10 лѣтъ и получившіе аттестаты совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а равно свидѣтельствъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ они состояли, о точномъ, исправномъ и безукоризненномъ, во все сіе время, исполненіи своихъ обязанностей (ст. 204).

6) Судебными слѣдователями могутъ сверхъ лицъ, указанныхъ въ предшедшихъ 203 и 204 статьяхъ, быть назначаемы состоящіе при судебныхъ мѣстахъ кандидаты на судебныя должности (ст. 407), достигшіе 25-лѣтняго возраста, если они занимались судебною практикою не менѣе 4 лѣтъ и, по удостовѣреніямъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и состоящихъ въ оныхъ прокуроровъ, пріобрѣли достаточныя познанія по слѣдственной части (ст. 207).

7) Предсѣдатели и товарищи предсѣдателей окружныхъ судовъ и члены судебныхъ палатъ опредѣляются изъ числа лицъ, состоявшихъ, по крайней мѣрѣ, 3 года въ судебномъ вѣдомствѣ въ должностяхъ не ниже членовъ и прокуроровъ окружного суда (ст. 206).

8) Должности предсѣдателей судебныхъ палатъ замѣщаются лицами, состоявшими, по крайней мѣрѣ, 3 года въ судебныхъ должностяхъ не ниже прокурора или члена судебной палаты, или же предсѣдателя или товарища предсѣдателя окружного суда (ст. 207).

---

[1]) Здѣсь болѣе положительно выговоренъ родъ опеки.

9) Сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената опредѣляются изъ лицъ, состоявшихъ не менѣе 3 лѣтъ въ должностяхъ оберъ-прокурора, товарища оберъ-прокурора, или же предсѣдателя, члена или прокурора судебной палаты (ст. 208).

10) Первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ и общаго ихъ собранія назначаются изъ сенаторовъ сихъ департаментовъ (ст. 209).

11) Въ должности чиновъ прокурорскаго надзора могутъ быть назначаемы лица, занимавшіяся судебною практикою: для должности товарища прокурора окружного суда—не менѣе 4 лѣтъ; для должности прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты и товарища оберъ-прокурора—не менѣе 8 лѣтъ; для должности оберъ-прокурора—не менѣе 12 лѣтъ (ст. 210).

Примѣчаніе. Къ занятіямъ судебною практикою, дающихъ права на опредѣленіе къ должности прокуроровъ и ихъ товарищей, причисляются и занятія присяжныхъ повѣренныхъ.

12) Должности оберъ-секретарей, помощниковъ оберъ-секретарей, а также секретарей и ихъ помощниковъ замѣщаются изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержавшихъ экзаменъ въ сихъ наукахъ (ст. 202), или доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части (ст. 211).

б) *По мировымъ учрежденіямъ.*

1) Въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ мѣстныхъ жителей, которые (ст. 19):

а) Имѣютъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду;

б) получили образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или выдержали соотвѣтствующее сему испытаніе, или же прослужили не менѣе 3 лѣтъ въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, и

в) если при томъ они сами, или ихъ родители, или жены владѣютъ, хотя бы и въ различныхъ мѣстностяхъ: или пространствомъ земли *вдвое* противъ того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія (росписаніе прилож. къ п. а, ст. 23 Высочайше утвержденнаго 1 янв. 1864 г. полож. о зем. учр.); или другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною не ниже 15,000 руб., а въ городахъ недвижимою собственностью, оцѣненною для вниманія налога: въ столицахъ не менѣе 6,000 руб., въ прочихъ же городахъ не менѣе 3,000 руб.

Законъ этотъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ госуд. совѣта 18 марта 1866 года разъясненъ слѣдующимъ образомъ: «обращаясь къ существу 3-го пункта статьи 19, государственный совѣтъ принялъ во вниманіе, что ни изъ означеннаго узаконенія, ни изъ соображеній государ. совѣта, послужившихъ основаніемъ этому узаконенію, нельзя вывести, чтобы владѣніе недвижимымъ имѣніемъ *въ разныхъ мѣстахъ* разумѣлось для лицъ, выбираемыхъ въ мировые судьи, только объ уѣздахъ одной и той же губерніи. Напротивъ, буквальный смыслъ означенной статьи указываетъ, что владѣніе имѣніемъ «*въ разныхъ мѣстахъ*», постановленное уставомъ имущественнаго ценса, для избранія въ помянутую должность, не ограничивается никакою исключительною мѣстностью, относясь въ равной мѣрѣ ко всѣмъ губерніямъ. Такое поясненіе силы и значенія 3 пун. статьи 19 учр. суд. уст., будучи согласно съ буквою закона, вполнѣ соотвѣтствуетъ и цѣли, которая имѣлась въ виду при его составленіи. Въ видахъ пользы дѣла и успѣшнаго осуществленія судебнаго преобразованія, *чѣмъ шире будетъ кругъ*, изъ котораго можно избрать въ важную должность мировыхъ судей, разумѣется, при соединеніи всѣхъ остальныхъ требуемыхъ закономъ, условій, тѣмъ болѣе обезпечится и возможность призванія къ этимъ обязанностямъ лучшихъ и достойнѣйшихъ людей. Вслѣдствіе сего, государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: что по точному разуму пунк. 3 ст. 19 учреж. суд. устан. 20 ноября 1864 года, въ мировые судьи могутъ быть избираемы лица, имѣющія, въ указанномъ въ этомъ пунктѣ размѣрѣ, имѣнія не только въ той же губерніи, гдѣ они имѣютъ свое жительство, но и въ другихъ; если же кто изъ баллотируемыхъ, не въ мѣстѣ нахожденія его ценса, не представитъ несомнѣннаго о немъ удостовѣренія, то таковый не можетъ быть и вносимъ въ списки имѣющихъ право быть избранными.

2) Право быть избраннымъ въ мировые судьи, *по недвижимому имуществу родителей*, предоставляется неотдѣльнымъ сыновьямъ ихъ только тогда, когда на долю каждаго изъ нихъ можетъ причитаться часть этого имущества въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ п. 3 предшедшей 19 ст. (ст. 20).

3) Мировыми судьями не могутъ быть (ст. 21):

а) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, а равно и подвергшіеся, по судебнымъ приговорамъ, за противузаконныя дѣянія, заключенію въ тюрьмѣ, или иному строгому наказанію,

и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами [1]);

б) исключенные изъ службы по суду, или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды общества и дворянскихъ собраній, по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ;

в) объявленные несостоятельными должниками;

г) состоящіе подъ опекою за расточительность.

4) Священно и церковно-служители не могутъ принимать на себя званія ни почетныхъ, ни участковыхъ мировыхъ судей.

---

[1]) Редакція этой статьи крайне не ясна и представляетъ широкое поле для произвольныхъ толкованій; это можетъ быть объяснено только поспѣшностью составленія уставовъ.

ГЛАВА VII.

О СОДЕРЖАНІИ СУДОВЪ.

Теоретическое основаніе содержанія судовъ. Различныя системы содержанія судей и система, принятая нашимъ законодательствомъ. Размѣръ этого содержанія.

Одно изъ существенныхъ условій независимости, самостоятельности, свободной дѣятельности и безпристрастія судебной власти есть, съ одной стороны, система содержанія судей, съ другой—самый размѣръ этого содержанія. Положеніе это вытекаетъ изъ сущности человѣческой природы и общественнаго нашего строя. Судья, какъ человѣкъ, имѣетъ свои потребности, страсти, желанія, стремленія; онъ имѣетъ семью, дѣтей, которыхъ нужно содержать, одѣть, воспитать и устроить; какъ членъ общества, у него есть извѣстная среда, въ которой онъ проводитъ свой досугъ. Эти же всѣ предметы требуютъ матерьяльныхъ средствъ; откуда же возьметъ ихъ судья, если у него ихъ нѣтъ ни по наслѣдству, ни по благопріобрѣтенію. Призывать же однихъ богатыхъ людей къ дѣлу суда и расправы не всегда возможно и не всегда справедливо: не всегда богатство и знатность соединены съ тѣми качествами, которыя требуются для судьи; и если бы даже это было возможно, то и въ подобномъ случаѣ было бы несправедливо отдать меньшинству исключительную привиллегію на судъ, такъ какъ богатые люди суть меньшинство общества во всѣхъ государствахъ. И если, по этимъ причинамъ, вызывается въ обществахъ потреб-

ность приглашать въ дѣлѣ суда и людей небогатыхъ, то они должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы ихъ сужденіе не зависило отъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ матерьяльнаго недостатка.

Можетъ ли быть свободна мысль судьи, можетъ ли онъ всю свою дѣятельность и энергію употребить на служеніе дѣлу правосудія, можетъ ли онъ хладнокровно выслушивать стороны тяжущихся и взвѣшивать признаки истины, когда предъ глазами его стоитъ бѣдственное положеніе его семьи; когда мысль его преслѣдуется, быть можетъ, картиною, что въ нетопленной комнатѣ лежитъ его больная, заѣденная жизнію жена, безъ медицинскихъ средствъ, безъ теплой одежды; что дѣти ростутъ безъ воспитанія и образованія, безъ свѣжаго воздуха и сытной пищи...

Согласитесь, что, при такой обстановкѣ, самый твердый стоикъ можетъ— если не нравственно пасть, то, по крайней мѣрѣ, потерять значительную долю хладнокровія и энергіи. А если послѣднія условія потеряны для судьи, то можно сказать, что остальныя его добрыя качества едва ли могутъ принести существенную пользу правосудію. Подъ бременемъ своихъ тяжкихъ обстоятельствъ, не можетъ ли искуситься судья? Не можетъ ли онъ невольно не сочувствовать тѣмъ людямъ, которые или оказали услугу его семейству, или отъ которыхъ онъ можетъ ожидать этой услуги? Не склонитъ ли онъ невольно вѣсы правосудія на сторону этихъ лицъ?.. И если бы, по величію своей души, судья, выдержалъ даже характеръ въ подобныхъ случаяхъ, то все-таки нельзя было бы ожидать отъ него, чтобы онъ посвятилъ все свое время дѣлу суда: въ немъ невольно являлась бы, при взглядѣ на бѣдственное положеніе своей семьи, каждый разъ, мысль—посвятить часть своего времени на иное дѣло, чтобы какъ-нибудь улучшить состояніе близкихъ ему лицъ. При такихъ обстоятельствахъ, возникаетъ необходимость, для правильнаго отправленія правосудія, изъять судью изъ подобнаго положенія, дабы онъ не могъ имѣть житейскихъ искушеній и дабы онъ могъ все время свое посвятить дѣлу суда. Потребность эта появлялась во всѣхъ обществахъ и во всѣ времена, гдѣ только возникало сознаніе, что и бѣдные люди должны быть призываемы къ служенію правосудію. Отсюда возникли различныя системы содержанія судей: въ однихъ государствахъ это содержаніе опредѣлялось изъ суммъ общественныхъ; но, по большей части, въ другихъ это содержаніе падало на тяжущихся или и на истцовъ и на отвѣтчиковъ— безразлично, или на однихъ истцовъ или на однихъ отвѣтчиковъ.

Разсматривая всѣ эти системы, въ «Современникѣ» І. К., основываясь

на авторитетѣ Бентама, приходитъ къ тому заключенію, что налогъ на всѣхъ членовъ государства гораздо справедливѣе, чѣмъ налогъ на однихъ тяжущихся лицъ. [1])

Но для того, чтобы судить о выводѣ г. І. К., нужно вникнуть въ сущность основаній Бентама:

а) Бентамъ опровергаетъ мнѣніе Смита, что сторона, оправданная судомъ, должна уплачивать суду издержки на его содержаніе, подобно страждущему больному, обращающемуся къ врачу. Нельзя не согласиться съ Бентамомъ, что подобное постановленіе было бы несправедливо; только его доводы, или лучше—его точка зрѣнія неосновательна: основаніемъ своего вывода онъ принимаетъ: а) что истецъ оправданный имѣетъ мало выгодъ отъ выигрыша тяжбы; б) что каждый истецъ есть воинъ, сражающійся противъ беззаконія. Первый аргументъ неоснователенъ—выигравшій тяжбу не всегда лишенъ выгодъ. Выигрываетъ тяжбу или истецъ, или отвѣтчикъ; первый изъ нихъ отыскиваетъ отъ второго свое имущество и, выигравши процессъ, пріобрѣтаетъ это имущество. Если же у него есть расходы, то ему предоставляется искать убытки съ отвѣтчика.

б) По мнѣнію Бентама, каждая тяжба, каждый процессъ уничтожаетъ по крайней мѣрѣ тысячу преступленій; поэтому каждый истецъ является у него въ видѣ воина, преслѣдующаго беззаконіе.

Мнѣ кажется, что каждая философско-юридическая мысль должна вытекать изъ сущности предмета, ею обнимаемаго. По этой причинѣ невольно возникаетъ вопросъ: откуда должна была возникнуть идея Бентама? Естественно, чтобы прійти къ его заключенію, нужно принять, что судъ есть орудіе устрашающее, и потому только въ обществѣ не совершаются преступленія и противузаконія, что въ государствѣ существуютъ суды. Что дѣйствительно въ этомъ заключается мысль Бентама, приведемъ его собственныя слова: «Положимъ, напр., что на милліонъ жителей будетъ тысяча дѣлъ въ годъ. Безъ этихъ дѣлъ, безъ приговоровъ по нимъ, беззаконіе подняло бы голову; на него бы не было другой узды, кромѣ личной силы человѣка. Поэтому, въ равное продолженіе времени, могъ бы произойти милліонъ беззаконій; то изъ этого слѣдуетъ, что всякій, заводящій тяжбу, предупреждаетъ тысячу преступленій». Софизмъ этотъ

---

[1]) № 3 «Современника» 1858 г., статья: «о правильности дѣйствій чиновниковъ» и отвѣтъ мой въ томъ же Современникѣ № 1, 1859 г.

отвергаетъ общественную нравственность, представляетъ общество въ видѣ сборища преступниковъ, злодѣевъ, безсовѣстныхъ людей, которые не нарушаютъ законовъ единственно изъ страха наказанія. При этомъ Бентамъ совершенно упустилъ изъ виду, что не законы предшествуютъ обществу, а общество—законамъ; что изъ нуждъ и потребностей общества возникаютъ первоначально обычаи, изъ которыхъ образуется законодательство; общественная нравственность заступаетъ его мѣсто и караетъ преступленіе; самое учрежденіе судилищъ есть проявленіе общественной нравственности. Общество не есть явленіе случайное, его основа—природа человѣка и ея свойства; на этихъ двухъ данныхъ зиждутся всѣ его учрежденія.

Поэтому мысль, что будто бы общественная нравственность есть слѣдствіе существованія судилищъ—совершенно ложна; первая есть основаніе, второе же—послѣдствіе, а не наоборотъ. Вглядитесь въ общество, разсмотрите дѣла судебныхъ мѣстъ, и вы убѣдитесь на практикѣ въ ложности основаній Бентама. Къ какому-нибудь заключенію о предметѣ приходятъ обыкновенно въ томъ случаѣ, если въ пользу его больше данныхъ, нежели противъ него. Кто является карателемъ беззаконія, воиномъ правды въ обществѣ? По словамъ Бентама эту роль играютъ истцы. Это было бы дѣйствительно такъ, если бы истцы большею частью были совершенствомъ совѣстливости; на практикѣ же мы видимъ, что значительная часть тяжбъ начинаются истцами неправильно. Истцы часто бываютъ люди неблагонамѣренные, ябедники, ведущіе процессы съ своекорыстными цѣлями, а иногда даже отъ праздности или желанія вредить ближнему. Какъ же, послѣ этого, придавать тяжбѣ и процессамъ такой высокій характеръ, какъ это дѣлаетъ Бентамъ? У него истецъ — какой-то герой, который мечемъ правосудія караетъ преступленіе, между тѣмъ какъ на практикѣ выходитъ совсѣмъ иное: правда бываетъ у отвѣтчика или наравнѣ или больше, нежели у истцовъ. Но въ опроверженіе всего сказаннаго мною, многіе, можетъ быть, возразятъ: ваши показанія, что истцы по большей части неправы,—голословны. [1]) На это я отвѣчу: къ заключенію своему я пришелъ посредствомъ опыта и наблюденія на практикѣ; но если для васъ этого недостаточно, мы можемъ прійти къ такому заключенію путемъ философскимъ, вникнувъ въ сущность значенія истца.

---

[1]) Это подтверждается всѣми статистическими данными.

Что такое истецъ? Лицо, требующее отъ судилища возстановленія своего права, нарушеннаго другимъ лицомъ. Но чтобы нарушить чье нибудь право нужно имѣть на то средства, возможность и время; а это въ дѣлахъ гражданскихъ, по большей части, возможно только между людьми, находящимися въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ: людямъ незнакомымъ никто не даетъ денегъ, никто не вступаетъ съ ними въ договоры и обязательства, никто имъ не поручаетъ дѣлъ своихъ. Съ кѣмъ ведутся процессы за имущество?

По большей части съ родственниками, близкими или дальними, или съ людьми, которые пользовались нашимъ довѣріемъ. Поэтому, по большей части истцы до начатія тяжбы состоятъ въ дружбѣ съ отвѣтчиками. Случайныя столкновенія, наговоръ людей, подстреканіе адвокатовъ, гнѣвъ и другія дурныя страсти вооружаютъ другъ противъ друга обѣ стороны; по большей части обѣ онѣ и виноваты. Въ подобномъ случаѣ каждый добросовѣстный человѣкъ прежде, нежели онъ прибѣгаетъ къ защитѣ суда, обязанъ употреблять третейскій судъ: добросовѣстные люди, выбранные въ медіаторы спорящими, лучше всего могутъ разобрать дѣло, опредѣлить ихъ относительную виновность и согласовать ихъ интересы; но этого, по большей части, не бываетъ по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Раздраженный истецъ въ порывѣ гнѣва подаетъ въ судъ прошеніе въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, въ которомъ выставляетъ отвѣтчика отъявленнымъ негодяемъ и объявляетъ на него искъ въ самыхъ неумѣренныхъ и безсовѣстныхъ размѣрахъ. Отвѣтчикъ, раздраженный такою безсовѣстностью, сознавая даже свою виновность, считаетъ себя, по совѣсти, правымъ, если онъ не удовлетворяетъ истца. Послѣ этого, весьма позволительно усомниться, чтобы истецъ, по крайней мѣрѣ у насъ, могъ имѣть такое высокое значеніе, какое ему придаетъ Бентамъ.

В) Съ мнѣніемъ Бентама, что издержки на содержаніе суда не должны падать на невиннаго отвѣтчика, нельзя не согласиться; это такая истина, которую нечего доказывать. Основанія же Бентама относительно того, что издержки на содержаніе суда не должны падать на сторону обвиненную, неосновательны. Бентамъ говоритъ: «еслибъ хотѣли скинуть всѣ эти издержки на сторону, признанною несправедливою (хотя очень часто, по неясности факта или закона, нельзя открыть несправедливости ни съ одной стороны), то взысканіе могло бы имѣть мѣсто лишь по совершенномъ окончаніи ихъ дѣла. Въ такомъ случаѣ, подобный приговоръ будетъ наказаніемъ, которое рождаетъ вопросы: заслуженное ли это наказаніе,

въ состояніи ли подсудимый его перенесть, и не слишкомъ ли оно велико или мало?..»

1) Издержки по суду должны быть взысканы по окончаніи дѣла; судъ, составляя приговоръ, опредѣляетъ и мѣру взысканія со стороны обвиненной; иначе это и быть не можетъ:—виновность лица открывается только по окончаніи процесса. Что же касается до заключенія Бентама, что очень часто, по неясности факта или закона, нельзя открыть несправедливости ни съ одной стороны, то на это возразить можно слѣдующее: а) законы должны быть ясны, въ противномъ случаѣ судъ долженъ испрашивать отъ законодательной власти разрѣшенія вопроса; такъ это дѣлалось у насъ въ Россіи, по указу Петра Великаго, изображенному на зерцалѣ каждаго присутственнаго мѣста. Слѣдовательно, судъ не можетъ никого ни обвинить, ни оправдать, не имѣя на то яснаго закона. б) Неясности факта дѣйствительно часто случаются: предъ лицомъ суда — и преступленіе, и преступникъ; но доказательства того и другого хотя и ясны морально, но не формальны. Вообще нужно отличать доказательства юридическія отъ нравственныхъ: первыя облечены въ формальность и въ извѣстныя условія; вторыя заключаются въ совѣсти человѣка. Такъ напримѣръ, присяжныя показанія лишь двухъ свидѣтелей составляютъ совершенное юридическое доказательство; но бываютъ событія, гдѣ имѣется только одинъ свидѣтель, и это лицо, хотя бы оно было Сократомъ по добродѣтели, не имѣетъ юридическаго авторитета; законъ и судъ не приняли бы его показаній; а между тѣмъ по совѣсти, т. е. въ нравственномъ отношеніи, показанія и одного достовѣрнаго свидѣтеля составляетъ достаточное доказательство виновности даннаго лица. Но здѣсь рождается вопросъ: на кого въ подобномъ случаѣ должны падать расходы на содержаніе суда?

Мнѣніе Бентама такое, что расходы эти не должны падать ни на того, ни на другого; мнѣ же кажется, что въ этомъ случаѣ расходы должны падать на обѣ стороны. Истецъ, если и не достигаетъ юридическаго оправданія и вещественнаго удовлетворенія, то получаетъ удовлетвореніе моральное, за которое и обязанъ нести расходы по суду. Судъ не виноватъ въ томъ, что истецъ не облекъ своего праваго дѣла въ законныя формальности или что обстановка событія не имѣетъ въ себѣ этого характера. Не имѣя юридическихъ данныхъ къ обвиненію отвѣтчика, судъ, по крайней мѣрѣ, своею публичностью и формальнымъ слѣдствіемъ возбудилъ общественное мнѣніе въ пользу истца; слѣдовательно, если не принесена истцу веще-

ственная польза, то по крайней мѣрѣ—моральная. Отвѣтчикъ же, ускользнувшій, вслѣдствіе слабости уликъ, отъ наказанія, по всей справедливости долженъ нести расходы по суду, такъ какъ онъ нравственно все-таки виновенъ.

II) Справедливо ли то, чтобы юридически обвиненная сторона несла на себѣ всѣ издержки по суду? Безъ сомнѣнія — общество не нуждалось бы въ судилищахъ, если бы не было нарушителей закона и общественнаго порядка; поэтому всѣ издержки на содержаніе судилищъ должны падать на обвиненныхъ въ нарушеніи общественнаго порядка. Но при этомъ Бентамъ, считая подобный приговоръ наказаніемъ, предлагаетъ вопросъ: «заслуженное ли это наказаніе, въ состояніи ли будутъ подсудимые его нести, и не слишкомъ ли оно велико или мало»? Что это наказаніе справедливо, это я выше сказалъ; относительно же того, въ состояніи ли его перенести подсудимый или нѣтъ, — до того ни суду, ни обществу нѣтъ дѣла; если кому либо назначается наказаніе, его не спрашиваютъ, пріятно ли оно ему или непріятно? Каждое наказаніе, какъ бы оно незначительно ни было, имѣетъ жестокій характеръ; полной же соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ человѣческій умъ никогда не достигаетъ. Поэтому, если по ограниченности человѣческаго ума, всѣ наказанія несоразмѣрны преступленіямъ, то почему въ настоящемъ случаѣ дѣлать ограниченія?

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что по основаніямъ Бентама никакъ нельзя вывести, что повинность содержанія судилищъ должна лежать на обязанности цѣлаго государства. Но почему же эта система существуетъ во многихъ государствахъ? Сомнительнымъ кажется, чтобы общество руководствовалось началами, изложенными Бентамомъ, при введеніи этой системы; ближе всего, они принимаютъ для нея слѣдующія основанія:

1) Судилище есть потребность цѣлаго государства, и каждый гражданинъ можетъ имъ пользоваться. Это начало, хотя съ перваго взгляда и кажется основательнымъ, но, какъ я выше показалъ, мирные граждане невиновны въ томъ, что существуютъ нарушители порядка. 2) Нѣкоторыя законодательства имѣютъ въ виду, что содержаніе судей можетъ быть обезпечено въ томъ лишь случаѣ, когда оно опредѣленное, когда же оно будетъ зависѣть отъ количества и качества тяжбъ, то эта не опредѣленность можетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ то, что судьи останутся безъ куска хлѣба, если въ судъ поступитъ въ

теченіе года всего нѣсколько дѣлъ, и то несостоятельныхъ лицъ. [1]) Согласенъ съ этимъ, но въ подобномъ случаѣ каждый судъ долженъ имѣть свои штаты. Городъ городу рознь: въ одномъ жизнь дешевле, въ другомъ дороже; въ одномъ болѣе удобствъ къ жизни, въ другомъ менѣе; въ одномъ больше жителей, въ другомъ меньше. Но подобное опредѣленіе содержанія будетъ чрезвычайно стѣснительно для правительства; наконецъ, какими данными оно можетъ руководствоваться при опредѣленіи величины этого содержанія? Мнѣ кажется, что нѣтъ суда во всей русской имперіи, гдѣ было бы въ теченіе года меньше 100 дѣлъ; положительно же мнѣ извѣстно, что есть суды, въ которыхъ бываетъ въ годъ и нѣсколько тысячъ. Само собою разумѣется, что если бы существовали суды, которые, по малочисленности дѣлъ, не могли содержать себя, то въ этомъ случаѣ могутъ при министерствѣ юстиціи существовать особенныя суммы на приличную поддержку ихъ, большая же часть судовъ въ Россіи могла бы содержать себя изъ дѣлъ, ими производимыхъ. У насъ въ Россіи уѣздные суды, палаты и сенатъ получаютъ содержаніе отъ правительства изъ суммъ государственнаго казначейства, — изъ этого слѣдовало бы заключить, что эта повинность падаетъ на цѣлое государство? Этотъ вопросъ разрѣшается косвенно: а) истцы и отвѣтчики производятъ въ судахъ дѣла свои на гербовой бумагѣ, и сборъ съ нея довольно значителенъ; б) при подачѣ иска вносятся исковыя пошлины; в) штрафы, падающіе на сторону обвиненную, идутъ—одна половина въ пользу казны, другая въ пользу судей. По неимѣнію оффиціальныхъ данныхъ, мнѣ неизвѣстенъ бюджетъ прихода по этимъ статьямъ и расхода на содержаніе судовъ, а потому и не могу заключить о томъ—соразмѣрно ли одно другому; но если предположить, что эти статьи прихода соотвѣтствуютъ издержкамъ казны на суды, значитъ—у насъ расходы на содержаніе судовъ лежатъ на обязанности стороны обвиненной, потому что расходы на гербовыя и исковыя пошлины должна уплатить эта сторона; если же ни истецъ, ни отвѣтчикъ не оправдывается, то эти расходы несутъ оба. 3) Что если судьѣ не предоставлено право взыскивать съ тяжущихся судебныя пошлины, то граница между законнымъ и беззаконнымъ очевидна для каждаго и ее можно перейти, только явно нарушая свой долгъ. Если же существуютъ установленные закономъ сборы, то всегда бываетъ

---

[1]) Основываясь на этомъ, правительство назначаетъ, по судебной реформѣ, судьямъ опредѣленное жалованье.

трудно опредѣлить ту границу, гдѣ оканчивается *право* и начинается *вымогательство*.

Мы въ особенности послѣднее считаемъ чрезвычайно важнымъ поводомъ къ тому, чтобы содержаніе судовъ сдѣлать дѣломъ государственнымъ [1]) Причина тому слѣдующая: выше мы видѣли, что по справедливости сторона обвиненная должна бы нести судебныя издержки; поэтому подобная система могла бы существовать въ слѣдующемъ видѣ:

По дѣламъ гражданскимъ должно бы было ввести соразмѣрность штрафа съ виною тяжущихся; истецъ и отвѣтчикъ должны бы были уплатить суду извѣстный процентъ съ суммы иска, смотря потому кто обвиненъ—первый или второй; первый долженъ былъ бы въ этомъ случаѣ уплатить извѣстный процентъ искомой имъ суммы; а второй — съ той суммы, къ уплатѣ которой онъ обвиняется. *Въ уголовныхъ же дѣлахъ* должно было бы быть принято такое начало: чѣмъ выше преступленіе, тѣмъ больше штрафъ денежный въ пользу судей.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ не могъ ли бы имѣть искушеніе судья: по дѣламъ гражданскимъ не являлись ли бы обвиненными одни люди богатые, состоятельные, которые могутъ уплатить судебныя издержки?.. Во второмъ случаѣ не старались ли бы судьи увеличить наказанія, что бы какъ можно болѣе извлечь пользы изъ своихъ рѣшеній, и такимъ образомъ юстиція могла бы сдѣлаться общественнымъ бичемъ.

Это-то несовершенство системы личнаго взысканія судьями своего содержанія съ тяжущихся и вызываетъ удовлетвореніе ихъ на счетъ государства; но при всемъ томъ нельзя все-таки не сказать, что само государство должно это содержаніе восполнять не посредствомъ всеобщаго налога, а что гораздо справедливѣе—налогъ этотъ возлагать на сторону обвиненную.

Въ отношеніи самаго размѣра содержанія судей существуютъ различныя мнѣнія: одни требуютъ, ради сущности этихъ общественныхъ дѣятелей, чтобы это содержаніе было настолько значительно, чтобы положеніе

---

[1]) Въ Современникѣ, № 1, 1859 г. въ статьѣ: «взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство». *Я по тогдашнему положенію судебнаго нашего вопроса* и всего общественнаго нашего положенія предлагалъ временныя мѣры: 1) соединенія уѣздныхъ судовъ съ магистратами; 2) возложеніе содержанія судовъ на сторону обвиненную. Въ настоящее время мѣры эти потеряли свое значеніе.

судьи сдѣлалось наивозможно независимѣе и самостоятельнѣе, такъ какъ матерьяльное благосостояніе есть одно изъ существенныхъ условій самостоятельности человѣка. Другіе же, въ числѣ которыхъ должно считать и Бентама, [1]) требуютъ, чтобы жалованье давало судьѣ только одну возможность безбѣднаго существованія. Огромное жалованье, получаемое судьями Англіи, Бентамъ объясняетъ лишь тѣмъ, что тамъ верховные судьи назначаются изъ сословія адвокатовъ и, разумѣется, изъ числа тѣхъ, которые пользуются самою большою извѣстностью. Но доходы лучшихъ адвокатовъ очень значительны, и они не хотѣли бы принять должность, которая потребовала бы съ ихъ стороны слишкомъ большой жертвы. Чрезъ это необходимо было возвысить содержаніе судей, чтобы сравнить его съ доходами лучшихъ адвокатовъ.

И дѣйствительно мы находимъ, что содержаніе судей въ Англіи чрезвычайно высоко и доходитъ въ высшихъ должностяхъ отъ 100,000 франковъ до 350,000. Секретарь шахматной палаты получаетъ 30,000 франковъ; Лордъ-Канцлеръ 350,000 франковъ; предсѣдатели королевской скамьи и общаго апелляціоннаго суда—20,000 франковъ. Самое же маленькое жалованье нисшимъ магистраторамъ достигаетъ до 5,200 франковъ. Но въ этомъ отношеніи не можетъ похвалиться Франція: по бюджету ея въ 1860 году, ею ассигновано на все министерство юстиціи всего 31 милліонъ франковъ. [2]).

И неужели во Франціи менѣе получаютъ жалованья судьи, чѣмъ въ Англіи, только потому, что по словамъ Бентама, въ послѣдней верховные судьи изъ адвокатовъ? Значитъ, что можно только небрать этихъ судей изъ среды адвокатовъ и тогда можно достигнуть той цифры, которую получаютъ судьи Франціи. Но дѣло не такъ: во Франціи, въ послѣдніе годы, поднялись сильные голоса противъ системы малаго содержанія судей, и они видятъ въ этомъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ упадка правосудія въ нынѣшней Франціи. И естественно: въ Англіи необходимость назначать большое содержаніе судьямъ вытекало изъ того, что тамъ назначаются они изъ такого сословія, которое своею практикою зарабатываетъ огромныя деньги; но англичане избираютъ изъ этого сословія людей не по капризу или по прихоти, а ради желанія осуществить

---

[1]) См. о судопроизводствѣ Бентама, стр. 55.
[2])См. Revue de deux mondes за 1860 годъ.

правду въ своемъ отечествѣ, и самъ Бентамъ признаетъ этотъ выборъ крайнею необходимостью, по запутанности и многочисленности англійскихъ законовъ. Слѣдовательно, въ сущности, главнѣйшая причина и поводъ, какъ характера самаго избранія въ Англіи, такъ и огромнаго жалованья, назначаемаго судьямъ, есть потребность хорошаго суда. И если эта потребность вызываетъ въ Англіи возвышеніе содержанія судей, для привлеченія лучшихъ адвокатовъ; то эта же самая потребность должна побуждать и другіе народы, возвышать это содержаніе, для привлеченія къ судейскимъ должностямъ лучшихъ и талантливѣйшихъ общественныхъ своихъ дѣятелей. Но какая же причина побуждала Бентама къ мысли: что жалованье судьѣ должно быть умѣренное?..

Онъ говоритъ: «если принять въ соображеніе только однѣ необходимыя потребности, то требуетъ ли образъ жизни судьи большихъ издержекъ? Долженъ ли онъ гоняться за богатыми классами общества? Долженъ ли онъ имѣть обширный кругъ знакомства и держать открытый столъ? Гостепріимство, какъ бы оно ни было похвально въ другихъ случаяхъ, составляетъ почти порокъ въ судьѣ: оно влечетъ за собою потерю времени и денегъ; оно увеличиваетъ частныя связи; оно почти не избѣжно ведетъ къ пристрастію. Простота и даже суровость нравовъ скорѣе сдѣлаютъ судью почтеннымъ въ глазахъ народа, нежели весь блескъ пышности....»

Вотъ съ послѣднимъ-то мы и не согласны: богатство всегда, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, дѣлала въ глазахъ толпы людей болѣе почтенными, чѣмъ самыхъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ бѣдняковъ. Какъ уменъ, разсудителенъ и безпристрастенъ человѣкъ богатый и знатный, хотя бы въ головѣ его не было ни одной здравой идеи, а въ сердцѣ— ни одного возвышеннаго чувства. И обратно — какъ глупъ и пошлъ кажется бѣднякъ: правда, выходящая изъ его устъ, принимаетъ видъ злой ябеды и зависти; каждое сужденіе его—ложь, основанная на зависти или корыстолюбіи... И какое уваженіе оказывается поэтому человѣку знатному: начиная отъ уботой хижины, гдѣ его посадятъ подъ икону, до роскошнаго дворца, въ которомъ его усадятъ въ мягкое кресло,— вездѣ его слушаютъ съ открытымъ ртомъ, какъ оракула; вездѣ его слово имѣетъ вѣсъ и значеніе, какъ истина непреложная. И обратно: несносенъ и невыносимъ кажется невѣжа-бѣднякъ, и поэтому примутъ его въ

убогой хижинѣ въ передней, а въ палаты и не пустятъ, какъ человѣка глупаго, нестоющаго никакого уваженія...

Поэтому, если вы хотите, чтобы ваши судьи были умными, дѣльными и образованными, дайте имъ блескъ, и если вы неможете имъ доставить—если не богатства, то дайте имъ, по крайней мѣрѣ, матерьяльное благосостояніе, такъ какъ для толпы нужна мишура настолько же, насколько и золото. При такомъ же ихъ положеніи, какіе они будутъ умники, какіе нелицепріятные, безпристрастные люди, и какой почетъ будетъ имъ нетолько отъ бѣдняковъ, но и отъ богатыхъ и знатныхъ. Но поставьте только судью въ состояніе бѣдности: пусть—вмѣсто линейки, онъ употребитъ, для перенесенія своей особы въ судъ, плебейскія калоши... Съ какимъ презрѣніемъ отнесется объ немъ тогда богачъ, который въ это время, отправляясь въ судъ, обрызжетъ его съ ногъ до головы грязью копытъ своихъ рысаковъ; и какъ холодно поклонится въ это время ему бѣднякъ, пробирающійся тоже въ судъ, при чемъ невольно подумаетъ: «нашего поля ягода, такой же воробей, какъ и я, а сидитъ въ судѣ...» Ужь одно это несовершенство человѣческой природы и общественнаго нашего строя, во имя самаго правосудія, требуетъ, чтобы судья въ матерьяльномъ отношеніи былъ поставленъ наивозможно независимѣе, неивозможно выше толпы, дабы онъ сохранилъ среди нея мѣсто почетное, единственно чрезъ свое благосостояніе.

Бентамъ же дѣлаетъ судью какимъ-то аскетомъ, общежительность ставитъ ему въ порокъ и требуетъ отъ него суровость нравовъ... Идеалъ такого судьи былъ бы хорошъ развѣ въ древнемъ Лакедемонѣ, когда тамъ еще чтились законы Ликурга и когда другой монеты не было кромѣ мѣдной; но въ нашемъ обществѣ и при настоящихъ житейскихъ условіяхъ, идеалъ Бентама не только человѣкъ невозможный и не только неполезный, но положительно самый вредный. Невозможенъ этотъ типъ потому, что если судья пожертвуетъ собственными наслажденіями и самоотверженно предастся только своему дѣлу, а дома запрется въ кабинетѣ, то у него еще остаются жена и дѣти, которыми онъ не имѣетъ права жертвовать; и если онъ готовъ, ради идеи своей и принциповъ, пожертвовать условіями свѣта, то того же самаго онъ не имѣетъ права требовать отъ своего семейства. Какая женщина не охотно рѣшится выйдти замужъ за человѣка, который и въ домашнюю свою жизнь вноситъ суровость и сухость судьи; который погребетъ ея жизнь въ четырехъ стѣнахъ своего дома; который будетъ чуждаться всего живого и котораго будутъ чуж-

даться всѣ. И какія дѣти захотятъ, ради принциповъ отца, нигдѣ не бывать, никого не принимать и вести жизнь затворническую.

Положительно вреденъ подобный типъ потому, что затворническая жизнь и аскетизмъ развиваютъ не только ипохондрію и меланхолію, но дѣлаютъ вообще человѣка мизантропомъ, жолчнымъ, брюзгливымъ—качества, которыя составляютъ въ характерѣ судьи страшнѣйшее зло. Между тѣмъ какъ общежительность и гостепріимство дѣлаютъ человѣка радушнымъ, сниходительнымъ, кроткимъ и обходительнымъ—качества, составляющія главнѣйшую принадлежность судьи, его украшеніе, его крайнюю цѣль. Поэтому, вмѣсто того, чтобы закрыть судьѣ дорогу къ общежительности, напротивъ того слѣдуетъ открыть ему эту дорогу; вмѣсто того, чтобы считать ему въ осужденіе гостепріимство, слѣдуетъ поощрять его къ этому. Судья не долженъ ни подъ какимъ предлогомъ скрываться отъ глазъ толпы; напротивъ — онъ долженъ участвовать въ ея пирѣ, такъ какъ мы довѣряемъ только тѣмъ, кого мы близко знаемъ; чуждаемся и удаляемся тѣхъ, кто дальше отъ насъ, и, на этомъ основаніи, популярность такое же необходимое качество для судьи, какъ необходимо и для всякаго другого общественнаго дѣятеля. Но какъ же пріобрѣтетъ эту популярность судья, когда онъ закроетъ двери своего дома для всѣхъ и всего, за исключеніемъ только одного своего семейства... Не вправѣ ли тогда толпа сказать, что судья драпируется въ честность или что онъ боится искушеній. Дѣло же именно въ томъ, чтобы судья не боялся искушеній свѣта: не тотъ душою великъ, кто прячется отъ соблазновъ, а кто стоитъ среди соблазновъ и съ отвращеніемъ отъ нихъ отворачивается. Поэтому толпа не уважаетъ вовсе тѣхъ, которые, удаляясь отъ нея, безкорыстны; а чтитъ истинно только тѣхъ, которые, живя среди нея, не теряютъ своей чистоты. Человѣкъ, скрывающійся отъ соблазновъ, не прямо ли сознается передъ обществомъ въ немощности своей природы?.. Но возразите вы, быть можетъ, что общежительность нерѣдко есть поводъ къ подозрѣнію судьи въ пристрастіи или лихоимствѣ. На это отвѣчу: кто честенъ и чистъ, къ тому никакая клевета, никакое подозрѣніе не пристанетъ. Человѣкъ честный каждому глядитъ прямо въ глаза, никого не боится, никого не избѣгаетъ, не удаляется ни отъ какого честнаго знакомства и бѣжитъ только отъ одного —отъ безчестнаго поступка и отъ дурныхъ людей... Истинно честный человѣкъ не только не покривитъ душою ради знакомаго или пріятеля, но даже ради собственнаго отца своего; истинно честному человѣку дороже его убѣжденія всѣхъ богатствъ

и почестей земныхъ. Поэтому если вы предполагаете въ вашихъ судьяхъ истинно честныхъ людей, то не ставьте имъ въ укоръ ихъ общежительность, а напротивъ того припишите имъ это въ величайшую заслугу: честность не боится свѣта и гласности, а боится послѣднихъ или мизантропія, или лицемѣріе. Какъ будто бы затворникъ судья, чрезъ задній ходъ своего крыльца, во мракѣ ночи, не можетъ принимать посѣтителей и брать взятокъ?.. Развѣ мало мы подобныхъ примѣровъ видимъ? Развѣ не видимъ мы чиновниковъ, ведущихъ нищенскую жизнь, никого не принимающихъ, прослывшихъ чрезъ это у своихъ начальниковъ Сократами—по добродѣтели, а послѣ отставки покупающихъ большія имѣнія или большіе дома?.. Вотъ вамъ и идеалъ Бентама!.. Но мы обратно видѣли людей, бывшихъ знакомыми почти съ цѣлыми городами и которыхъ не только общественное мнѣніе не могло упрекать въ пристрастіи и лихоимствѣ, но которыхъ, послѣ ихъ смерти, хоронило общество на свой счетъ, такъ какъ они не оставляли даже себѣ на похороны. По этимъ причинамъ и фактамъ нельзя согласиться съ положеніемъ Бентама о необходимости дать судьѣ умѣренное жалованье, лишь бы онъ не былъ въ нуждѣ. Но съ однимъ мы согласны съ нимъ: что какъ бы вы ни увеличили содержаніе судьи, это не составитъ еще достаточной гарантіи; гласность, право апелляціи, сознаніе судьею важности своего призванія—вотъ истинное ручательство его хорошаго образа дѣйствій. Чтоже касается до мнѣнія Бентама, что жалованье имѣетъ свою практически—хорошую сторону, а именно: что опасеніе потерять его столь же дѣйствительно, какъ опасеніе потерять свое собственное состояніе,—то это пожалуй можно отнести къ тѣмъ людямъ, которые вообще потому только люди хорошіе, что надъ ними виситъ дамоклесовъ мечь. Поэтому, пожалуй, мы и готовы признать практическую пользу жалованья и вслѣдствіе этого полагаемъ даже, что чѣмъ оно болѣе, тѣмъ становится сильнѣе и опасеніе потерять его и тѣмъ болѣе поэтому гарантій для безпристрастія судьи и для уваженія имъ общественнаго мнѣнія.

Но какая система содержанія судовъ была у насъ и каковъ былъ размѣръ жалованья нашихъ судей?

Разсматривая историческое развитіе выборнаго начала въ нашемъ отечествѣ я уже единожды указывалъ, что судъ и расправа имѣли у насъ до Ивана IV скорѣе характеръ финансовый, чѣмъ характеръ народной юстиціи и что коренной реформѣ подверглась въ этомъ отношеніи судеб-

ная власть при царѣ Грозномъ. Поэтому историческій обзоръ содержанія нашихъ судовъ начнемъ съ этой эпохи.

Система судебныхъ сборовъ, по древнему русскому праву, временъ судебника основывалась на двухъ главныхъ началахъ: въ отношеніи количества сбора—на строгой соразмѣрности его съ цѣною тяжбы или иска; а въ отношеніи къ назначенію—на непосредственномъ обращеніи всего сбора судьямъ и дѣлопроизводителямъ, какъ платы за труды ихъ при разсмотрѣніи дѣла. По судебнику Ивана IV сборы состояли:

1) При подписаніи докладного списка, т. е., записки изъ дѣла, взыскивалось въ пользу: судьи—по 6 денегъ, дьяка—по 4 деньги, и подъячаго—по 2 деньги, съ каждаго рубля иска [1]).

2) При выдачѣ правой грамоты, т. е., копіи съ рѣшенія, служившей для оправданной стороны документомъ, для приведенія рѣшенія въ исполненіе; взымалось *въ пользу судьи* за приложеніе имъ печати по 10 денегъ; въ пользу дьяка, за подпись, по 6 денегъ и въ пользу подъячаго, за написаніе правой грамоты, по 3 деньги съ рубля [2]).

3) Наконецъ со всего производства дѣла вообще взыскивалось съ виновнаго въ пользу судьи (боярина, окольничаго, дворецкаго или казначея) по 11 денегъ, въ пользу дьяка—по 7 денегъ и въ пользу подъячаго—по 2 деньги съ рубля [3]).

4) За пересудъ, т. е., второе рѣшеніе, взыскивалось съ виновнаго 20 коп. съ рубля и сверхъ того взымалось 4 деньги и равно десятки въ пользу *подвойскихъ*, т. е., сторожей.

5) Независимо отъ исчисленныхъ пошлинъ взыскивалось въ пользу дьяковъ и подъячихъ съ отсрочныхъ отписей, т. е., бумагъ, которыми давались тяжущимся различныя отсрочки, по 8 коп. съ рубля въ пользу дьяка и по 2 въ пользу подъячаго; съ безсудныхъ грамотъ, т. е., неявочныхъ или заочныхъ рѣшеній—по 6 и 2 деньги съ рубля, и наконецъ съ приставныхъ грамотъ—по 6 и 2 деньги со всякаго рубля въ пользу судебныхъ приставовъ за доставленіе грамоты отвѣтчику.

6) Если судъ производился самимъ государемъ, то пошлины, положенныя при боярскомъ судѣ судившему боярину, обращались или къ государеву печатнику или къ другому лицу, по указанію самого государя; пош-

---

[1]) Судебникъ Ивана IV, § 34.
[2]) Ibid. § 33.
[3]) Ibid. § 8.

лины же, положенныя дьяку и подъячему, взыскивались въ ихъ пользу, какъ и при судѣ боярскомъ [1]).

7) Кромѣ этого взымался еще особый сборъ въ пользу судебныхъ приставовъ, или такъ называемыхъ *надѣльщиковъ*, за вызовъ къ суду тяжущихся или свидѣтелей. Сборъ этотъ былъ двоякаго рода, смотря по мѣсто жительству вызываемаго и именно — *хоженое*, если онъ жилъ въ городѣ, и для вызова его достаточно было сходить за нимъ, и *ѣздъ*, если вызываемый жилъ внѣ города. Перваго полагалось недѣльщику по 10 денегъ съ каждаго вызова, второго—по деньгѣ за каждую версту, по расчету разстоянія [2]).

Изъ этого открывается, что судебникъ Ивана IV установилъ систематическую таксацію судебныхъ издержекъ и вознагражденіе судей. За все уплачивалось: начиная съ вызова и кончая рѣшеніемъ. Судьи, чиновники, пристава и даже старосты не получали жалованья отъ казны и должны были довольствоваться сборами съ тяжущихся; и при этомъ было постановлено, чтобы никто изъ судей и дѣлопроизводителей ничего болѣе отъ просителей не требовалъ; въ случаѣ же если бы кто взялъ излишнее, то подвергался взысканію неправильно взятаго втрое.

Не смотря однакожъ на послѣднее запрещеніе, всѣ юридическія и лѣтописныя показанія до Алексѣя Михайловича свидѣтельствуютъ о томъ, что система эта, предоставивъ самимъ судьямъ возмѣщеніе своего содержанія, вызывала огромныя злоупотребленія и неправосудіе. Судьи и чиновники размножали съ умысломъ процессы; брали за каждый актъ тяжбы въ десятеро болѣе, чѣмъ было положено; словомъ обратили правосудіе въ торгъ и монополію дьяковъ и подъячихъ.

Такое положеніе дѣла вызывало ропотъ и неудовольствіе народа, и поэтому Алексѣй Михайловичъ рѣшился совершить радикальную реформу: оставивъ, по своему уложенію, соразмѣрность пошлинъ съ цѣною тяжбы или иска, онъ измѣнилъ самое назначеніе этихъ пошлинъ—всѣ они должны были поступать уже не къ судьямъ и дѣлопроизводителямъ, а въ казну государеву. [3])

Но еще радикальнѣе поступилъ Федоръ Алексѣичъ: во всѣхъ городахъ судебныя дѣла онъ подчинилъ непосредственному вѣдѣнію воеводъ; а

---

[1]) Ibid. §§ 37, 38, 39.
[2]) Ibid § 45.
[3]) Ул. глава X, ст. 124, 208, 210, 212.

должности губныхъ старостъ, осадныхъ, пушкарскихъ головъ и другихъ были уничтожены и предписано было изъ пошлинныхъ денегъ судныхъ и изъ неокладныхъ доходовъ выдавать *подъячимъ*, состоящимъ у дѣлъ воеводы, на годовое жалованье, а равно на свѣчи, бумагу, чернила, дрова и другіе мелкіе расходы. [1]) Изъ послѣдующихъ за тѣмъ указовъ видно, что, сверхъ положеннаго жалованья, подъячіе пользовались, *по издавна укоренившемуся обычаю*, доходами отъ дѣлъ частныхъ лицъ, *доброхотною дачею тяжущихся* [2]).

Въ 1715 году, Петръ I-й, именнымъ указомъ 28 января, повелѣлъ: «губернаторамъ, вице-губернаторамъ и прочимъ чинамъ и приказнымъ людямъ, у дѣлъ приставленнымъ, ландрихтерамъ, коммисарамъ, оберъ-инспекторамъ, приказнымъ дьякамъ и подъячимъ и пр. жалованье давать деньгами и хлѣбомъ, также *отъ рѣшенія* гражданскихъ *дѣлъ съ праваго и виноватаго.*»

Послѣднее выразилось въ видѣ всеобщаго налога и частнаго на тяжущихся: первое взымалось по гривнѣ съ двора; второе, во всѣхъ губерніяхъ со всякихъ исковъ. Въ *первой* инстанціи брали на канцелярію деньгами: *съ праваго*—по алтыну, съ *виноватаго*—по гривнѣ съ рубля; а въ дѣлахъ о земляхъ—по гривнѣ съ четверти. Во *второй* инстанціи пошлины взыскивались вдвое, но не только съ апелляторовъ, но и съ судей, когда рѣшеніе ихъ признавалось неправильнымъ. Въ *третей* инстанціи пошлины взыскивались вдвойне противъ 2-й инстанціи и въ такомъ же порядкѣ какъ въ этихъ послѣднихъ.

Этотъ указъ Петра I чрезвычайно характеристиченъ: онъ—съ одной стороны, указываетъ взглядъ законодателя на юстицію; съ другой—какъ было у насъ шатко правосудіе и какъ низко стояла юриспруденція въ нашемъ отечествѣ полтора вѣка тому назадъ. Всеобщность налога доказываетъ сознаніе законодателя, что правосудіе есть общая потребность государства; но правило о взыманіи пошлины съ праваго и виноватаго доказываетъ, что правосудіе обращалось въ такую оригинальную мѣру—которая можетъ быть оправдана только въ первобытныхъ обществахъ, когда еще не установились понятія о правдѣ и справедливости.

Этотъ же указъ доказываетъ также, какъ мало полагалось правительство на

---

[1]) Пол. соб. зак. т. 2. № 779.

[2]) Замѣчательно, что это выраженіе и этотъ обычай сохранились до настоящаго времени въ канцеляріи нашихъ судовъ.

нравственныя качества судей: пошлины во 2-ой и 3-ей степени взыскивались и съ судей за неправыя рѣшенія,—и этимъ правительство только и думало гарантировать правильность рѣшенія дѣлъ. Но указомъ этимъ были недовольны и судьи, и тяжущіеся. Какъ первые, такъ и вторые были подъ постояннымъ страхомъ: что въ случаѣ неправильнаго рѣшенія дѣла высшею инстанціею, они могутъ поплатиться своимъ карманомъ, и такъ какъ пошлина была чрезвычайно значительна, то становилось очень дорого быть судьею и апелляторомъ.

Но дѣйствіе этого закона пріостановлено въ 1726 году [1]) и предписано было: до учрежденія новыхъ штатовъ, выдавать жалованье изъ казны только президентамъ и членамъ юстицъ-и вотчинной коллегіи, надворныхъ судовъ и магистратовъ, приказнымъ же людямъ жалованья не давать, а пользоваться имъ «*добровольною дачею челобитчиковъ, по прежнему обыкновенію*». Неправда ли, что послѣднее очень, очень наивно?..

Въ 1727 году, петровскій законъ былъ совершенно отмѣненъ, и повелѣно было брать снова въ пользу казны съ истцовыхъ дѣлъ пошлины по уложенію Алексѣя Михайловича [2]). Только въ одномъ таможенномъ судѣ пошлины брались въ пользу судей, подъячихъ и другихъ судебныхъ чиновъ [3]).

Въ 1763 году Екатерина II, принявъ во вниманіе крайнее неустройство судебныхъ мѣстъ и приписывая это тому, что суды наполнены людьми недостойными, часто неимущими дневного пропитанія и притомъ неполучающими отъ казны никакого жалованья,—постановила штаты для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и для этого, не желая отягощать подушный окладъ, учредила новые сборы, которые долженствовали поступать въ штатъ—контору и *предназначались исключительно на жалованье* чинамъ по *опредѣленнымъ штатамъ* [4]).

Замѣчательно при этомъ то, что собственно для улучшенія юстиціи Екатерина II увеличила пошлину на вино, пиво и медъ; учредила акцизъ съ фабричныхъ станковъ, гостинницъ, мельницъ и другихъ оброчныхъ статей; установила сборъ съ паспортовъ, патентовъ и дипломовъ

---

[1]) П. соб. зак. № 4889 и 497. т. VII.
[2]) Ibid № 5177, т. VII.
[3]) Ibid № 5145, т. VII.
[4]) Манифъ. 1763 г. Дек. 15, т. XVI, пол. соб. зак. № 11988.

установила сборъ съ протестованныхъ векселей; возвысила пошлины съ крѣпостныхъ актовъ и установила пошлины съ прошеній: явочныхъ, исковыхъ и апелляціонныхъ.

Съ изданіемъ межевой инструкціи, въ 1766 году, установлены были штрафы за неправыя апелляціи и неправыя рѣшенія по межевымъ дѣламъ [1]).

Въ 1802 году постановлены штрафы и взысканія по дѣламъ вотчиннымъ, вексельнымъ и суднымъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ предшествовавшемъ указѣ [2]).

Въ 1808 году, именнымъ указомъ 28 окт., только окончательно отмѣнены на всегда всѣ *канцелярскіе сборы* и установлена канцелярская пошлина за письмо купчихъ крѣпостей.

Предшествовавшіе два указа, 1766 и 1802 годовъ, доказываютъ какъ плоха у насъ была юстиція и какъ шатко понималось у насъ право вообще, какъ гарантію правосудія, законодательство находило единственный путь— штрафованіе судей за неправыя рѣшенія. И эту гарантію второй указъ объясняетъ весьма оригинально: что число гражданскихъ дѣлъ превосходитъ число межевыхъ, такъ что ни одно дѣло *неправо-рѣшенное* не будетъ проходить безъ штрафа; и хотя не должно бы ожидать различныхъ мнѣній и рѣшеній, но какъ встрѣчаются таковыя безъ умысла, по неисправному только сношенію и заключенію разновидныхъ въ дѣлѣ обстоятельствъ, то взысканіе положенныхъ штрафовъ послужитъ *убѣжденіемъ для нихъ* (судей); а возвращеніе или замѣнъ имъ половиною—изъ штрафа съ неправаго на рѣшеніе ихъ жалобщика—послужитъ *одобреніемъ* и *подкрѣпленіемъ* къ внимательному и осторожнѣйшему разсмотрѣнію и рѣшенію дѣла по законамъ.

Эти самые указы знакомятъ насъ съ тогдашнею юридическою казуистикою: правило не основывается на справедливости, а только силится убѣдить другихъ въ справедливости своего начала, въ которомъ само законодательство сомнѣвается; а потому оно утѣшается мыслію, что штрафы съ судей послужатъ имъ *убѣжденіемъ* (т. е. вразумятъ ихъ) и нѣкоторымъ образомъ пополнется другими штрафами съ апелляторовъ.

Само собою разумѣется, что подобный казуистическій взглядъ долженъ

---

[1]) Т. XVII, № 12659.
[2]) П. соб. зак. т. XXVII, № 20127.

былъ вскорѣ пасть, при болѣе просвѣщенномъ взглядѣ на дѣло суда. И дѣйствительно, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государ. совѣта, 11 іюля 1828 года, отмѣнены штрафы съ судей ис екретарей, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ межевыхъ.

Такимъ образомъ установилась у насъ смѣшанная система содержанія судовъ: судьи стали получать жалованье отъ казны и получали еще половину штрафныхъ съ неправильныхъ апелляторовъ. Всѣ же судебные сборы стали поступать или въ пользу казны, или въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія. Всѣ сборы, установленные Екатериною II, въ послѣдующія царствованія стали поступать въ государственную казну и получили иное назначеніе, и судебныя мѣста пользовались только окладами жалованья изъ общихъ суммъ государственнаго казначейства. Неудовлетворительность же самыхъ окладовъ была такъ чувствительна, и судебныя мѣста находились въ такомъ плачевномъ и бѣдственномъ состояніи, что, въ 1845 году, Императоръ Николай I повелѣлъ: чтобы судебныя мѣста получили [1]), когда откроется къ тому возможность, нѣкоторое усиленіе въ способахъ содержанія *предпочтительно* предъ другими отраслями гражданскаго вѣдомства. Но это не могло быть приведено въ исполненіе по смѣтамъ 1846 и 1847 годовъ *отъ чрезвычайнаго усиленія расходовъ по другимъ вѣдомствамъ*. Въ 1847 году повелѣно было: соображенія о тѣхъ усиленіяхъ, которыя необходимы для приведенія судебныхъ мѣстъ въ лучшее положеніе, сообщить министру финансовъ и по соглашеніи съ нимъ внести въ государственный совѣтъ.

Высочайшая воля была бы исполнена, но тому воспрепятствовала венгерская война.

12 ноября 1851 года, Высоч. утв. мнѣніемъ госуд. совѣта, предоставлено министру юстиціи—проэктъ нормальныхъ штатовъ внести въ государственный совѣтъ въ началѣ 1852 г., *если министръ финансовъ не встрѣтитъ затрудненія въ отпускѣ требуемой на то суммы.*» По внесеніи этихъ штатовъ, государственный совѣтъ нашолъ сомнѣніе: можно ли ихъ утвердить при предполагаемой судебной реформѣ; поэтому онъ и препроводилъ все дѣло во II-ое отдѣленіе соб. кан. Госуд. Императора, для совмѣстнаго соображенія этого вопроса съ другими проэктами.

Между тѣмъ недостаточность средствъ министерства юстиціи все болѣе

---

[1]) См. т. VI, замѣчаній р. к. записку министра юстиціи 26 дек. 1858 г.

и болѣе дѣлалась замѣтною и оно было вынуждено, весьма часто, само *изыскивать* разные посторонніе источники для отнесенія расходовъ по необходимымъ издержкамъ. Такими источниками служили частью земскіе и городскіе доходы, частью жалованье самыхъ служащихъ [1]) и наконецъ добровольныя пожертвованія дворянства.

Такое крайне неудовлетворительное положеніе средствъ министерства юстиціи было въ подробности изложено во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министерства за 1856 годъ. На отчетѣ этомъ послѣдовала собственноручная Государя Императора надпись: «*читалъ съ любопытствомъ; на счетъ усиленія штатовъ необходимо снестись съ министерствомъ финансовъ*».

По этому поводу министерство юстиціи снеслось съ министромъ финансовъ, который отвѣтилъ, что въ 1857 году не только ничего нельзя прибавить къ смѣтамъ разныхъ вѣдомствъ, но даже необходимо сократить ихъ.

Въ 1858 году министръ юстиціи, принимая во вниманіе значительное увеличеніе питейныхъ доходовъ, получилъ согласіе министра финансовъ *прибавить* къ содержанію среднихъ и низшихъ инстанцій 1,013,768 р. 73½ к. [2]), внеся въ смѣту на 1859 годъ эту сумму и доложилъ о томъ Государю Императору, который соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: «*согласенъ и весьма радъ, что имѣемъ къ тому способы.*»

Добавочная сумма эта, по Высочайше утвержденному 15 декабря 1858 года журналу департ. экон. госуд. совѣта, внесена въ смѣту министерства юстиціи, за исключеніемъ изъ нея только суммы, причитавшейся кагульскому уѣздному суду [3]).

Затѣмъ министерство, 26 декабря 1858 года, вновь вошло съ докладомъ въ государственный совѣтъ объ утвержденіи нормальныхъ штатовъ судебныхъ мѣстъ; но государственный совѣтъ вопросъ этотъ соединилъ съ общею судебною реформою въ Россіи.

Въ 1859 году, когда я описалъ въ Современникѣ [4]) плачевное положеніе нашихъ судовъ, многіе усомнились въ истинѣ моихъ показаній.

---

[1]) Судьи жертвовали свое жалованье на содержаніе канцелярій.

[2]) Они получали 1,686,733 р. 65 к.

[3]) Кагулъ отошелъ къ Молдавіи и Валахіи по парижскому трактату 1856 г.

[4]) См. № 1 Современника за 1859 г. статью мою «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство», стр. 209.

Вотъ что я тогда говорилъ: «Матерьяльныя средства суда самыя ограниченныя: жалованье судей и канцелярскихъ чиновниковъ достаточно имъ едва на наемъ квартиры, а въ большихъ городахъ ихъ жалованье не можетъ удовлетворить и этой потребности. Поэтому неудивительно, что поступающій въ канцелярію суда или въ судьи разсчитываетъ на *доброхотныя приношенія* или прямо—на явное взяточничество и вымогательство. Тутъ—сколько ни проповѣдуйте ему про чистоту нравовъ, добросовѣстность, долгъ, онъ вамъ въ отвѣтъ скажетъ: у меня большая семья, а ее нужно прокормить; дайте мнѣ приличное жалованье, и тогда требуйте отъ меня безкорыстія.» Какъ ни гнусно въ моихъ глазахъ взяточничество, но я съ удовольствіемъ даю бѣдному чиновнику цѣлковый или даже болѣе за ускоренное исполненіе имъ моего ходатайства — сдѣлать своевременно справку или доставить своевременно докладъ по моему дѣлу; если въ этомъ случаѣ, при трудѣ и усердіи чиновника, судъ не вознаграждаетъ бѣдняка, то совѣсть мнѣ велитъ вознаградить его, хотя съ моей стороны.»

Эти слова нынѣ оправдываются двумя документами, распубликованными редакціонною комиссіею: справкою государственнаго совѣта, относительно возвышенія окладовъ содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства и докладомъ по тому же предмету министерства юстиціи государственному совѣту, отъ 26 декабря 1858 года [1]).

Изъ этихъ двухъ документовъ, я считаю необходимымъ указать на слѣдующіе факты:

Графъ Панинъ, въ своихъ представленіяхъ, ссылался на слѣдующіе примѣры: что въ 10 губерніяхъ—Казанской, Нижегородской, Псковской, Полтавской, Астраханской, Тульской, Саратовской, Пермской, Курской и Новгородской — ассигнуется въ годъ:

на губернскія правленія . . . . . отъ 16,369 р. до 20,120 р.
» казенныя палаты » » » » 19,465 » » 29,300 »

и въ томъ числѣ на нѣкоторыя отдѣленія болѣе 4, 5 и даже 6 тысячъ на губернію. Между тѣмъ на судебныя палаты, въ тѣхъ же губерніяхъ, ассигнуется: на уголовныя—отъ 3,508 до 4,722 р. сер., а на гражданскія—отъ 2,928 до 3,928 р. сер. Изъ этого видно, что на губернскія правленія ассигновалось въ 5 и даже 6 разъ болѣе, а на казенныя пала-

---

[1]) Замѣч. на осн. пол. Т. VI, стр. 1—149.

ты въ 6 и 7 разъ болѣе, чѣмъ на судебныя палаты и что на *нѣкоторыя отдѣленія казенныхъ палатъ* отпускалось болѣе денегъ, чѣмъ на палаты гражданскія и уголовныя. Та же несоразмѣрность замѣчается и въ распредѣленіи окладовъ содержанія служебнымъ лицамъ: вице-губернаторы получали въ годъ содержанія до 2,570 руб., предсѣдатели казенныхъ палатъ 4,406 руб., управляющіе палатами государственныхъ имуществъ 2,869 руб.; между тѣмъ какъ предсѣдатели судебныхъ палатъ— 1,143 руб. 65 коп. «Такое, говоритъ графъ Панинъ, — неуравнительное назначеніе окладовъ, существующее и въ отношеніи прочихъ должностей, необходимо должно имѣть весьма вредныя послѣдствія для мѣстъ судебныхъ, тѣмъ самымъ даже, что въ одной и той же губерніи, при одинаковомъ, сравнительно, значеніи служебныхъ обязанностей, отправляющіе эти обязанности пользуются не одинаковыми выгодами.»

Предсѣдатели палатъ вообще получали жалованья отъ 1,120 до 1,500 руб. сер. въ годъ; товарищи предсѣдателей—714 р. 80 к. сер., засѣдатели—285 р. 92 к. сер. и секретари 342 р. 86 коп. и столовыхъ 170 руб. 71 коп. Что же касается до прочихъ чиновниковъ канцеляріи, то на содержаніе канцелярій вообще отпускалось, по существующимъ штатамъ, круглымъ числомъ до 3,500 руб., *включая въ эту сумму отопленіе и освѣщеніе судебныхъ мѣстъ* и пріобрѣтеніе всѣхъ канцелярскихъ потребностей, безъ всякаго затѣмъ соображенія, сколько, за выполненіемъ этихъ расходовъ, будетъ оставаться собственно на производство жалованья канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ, *чиновники* канцеляріи получали жалованья *по 60 коп. сер. въ мѣсяцъ, т. е., по 2 коп. сер. въ день* [1]).

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, графъ Панинъ говоритъ: «Такое затруднительное положеніе судебныхъ мѣстъ не могло не обратить и обратило на себя вниманіе правительства. Судебныя мѣста исполняютъ важную и отвѣтственную обязанность—отправлять въ государствѣ правосудіе. Судья есть властитель правосудія въ подвѣдомственномъ ему мѣстѣ. Одна добросовѣстность въ судьѣ недостаточна, необходимы и знаніе и опытность, пріобрѣтающіяся только предварительнымъ изученіемъ и долговременною практикою; точно также необходимы люди способные и знаю-

---

[1]) Даже на сапоги не хватало это жалованье. Докладная записка графа Панина государственному совѣту отъ 3 апрѣля 1852 г. № 6662. Т. VI трудовъ редакціонной комиссіи, стр. 4—5.

щіе для состава канцелярій судебныхъ мѣстъ, ибо, въ противномъ случаѣ, усилія судей, *безъ достаточныхъ средствъ къ достиженію цѣли отправленія правосудія, будутъ всегда тщетны.* Между тѣмъ, по настоящему положенію канцелярій судебныхъ мѣстъ, служащіе тамъ *чиновники, не имѣя средствъ къ безбѣдному существованію*, должны, по необходимости, обратиться къ занятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ служебнымъ обязанностямъ, и *нерѣдко прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ*, недозволеннымъ законами, *оскорбляющимъ достоинство ихъ званія* и служащимъ поводомъ къ различнымъ притѣсненіямъ, оправдывая себя, очевидною для каждаго, необходимостью, въ которую они поставлены по своему положенію. Всѣ ревизоры, изслѣдовавъ на мѣстѣ причины допущенныхъ безпорядковъ, постоянно и единогласно отзывались, что пока чиновники будутъ имѣть основаніе оправдываться, въ неисполненіи своихъ обязанностей, очевидною *невозможностью существованія*,—трудно ввести желаемый порядокъ. Замѣщать мѣста эти людьми образованными, при скудости средствъ, невозможно: ибо люди образованные всегда могутъ отыскать себѣ мѣсто, удовлетворяющее необходимымъ потребностямъ ихъ жизни. Безпрестанные переводы и перемѣны должностныхъ лицъ лишаютъ судебныя мѣста людей опытныхъ. Отъ этого происходитъ, что большая часть чиновниковъ, служащихъ въ судебныхъ мѣстахъ и въ особенности въ низшихъ, соединяютъ въ себѣ, не смотря на всю важность ихъ званія, и *необразованность* и *неопытность.* Необходимо при этомъ принять во вниманіе, что низшія судебныя мѣста даютъ главное направленіе дѣлу и что неправильное начало дѣла, искаженіе и сокрытіе фактовъ и документовъ и незаконно произведенное слѣдствіе, — такъ запутываютъ дѣло и представляютъ иное въ столь превратномъ видѣ, что въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ весьма трудно, а иногда и невозможно исправить сдѣланныя упущенія, дойти до истины и возстановить нарушенную справедливость.»

Этотъ историческій путь выработалъ у насъ мысль, что правосудіе объусловливается настолько же хорошею системою сбора съ тяжущихся, какъ и самымъ размѣромъ содержанія судей и судебныхъ мѣстъ. Система, принятая судебникомъ Ивана VI, при чемъ содержаніе судей падало на тяжущихся и взымалось самими судьями, обратилась въ источникъ произвола и сдѣлала судилище общественнымъ бичемъ. Алексѣй Михайловичъ оставилъ сборы, но обратилъ ихъ въ казну; Петръ I велѣлъ брать пошлины съ праваго и виноватаго и штрафовать судей за непра-

выя рѣшенія, но за то опредѣлилъ имъ содержаніе. Екатерина II и Александръ I назначали штрафы подобно Петру I, но окончательно утвердили штаты и стали давать жалованье судьямъ. Николай I сознalъ всю неосновательность положенныхъ съ судей штрафовъ и уничтожилъ ихъ: въ настоящее же царствованіе восторжествовалъ окончательно принципъ— что хорошее содержаніе объусловливаетъ всесторонно юстицію...

Подъ вліяніемъ этого начала, государственный совѣтъ въ 1862 году, журналомъ своимъ о преобразованіи судебной части въ Россіи [1]), уничтожилъ штрафы за предъявленіе неправильныхъ исковъ и за подачу неправильной апелляціи, и такъ какъ половина этихъ денегъ отходила, по прежнимъ законамъ, судьямъ, то возникла еще большая необходимость, при реформѣ, дать имъ хорошее жалованье [2]).

Вотъ почему редакціонная комиссія и говоритъ: «доставленіемъ чинамъ судебнаго вѣдомства средствъ приличнаго существованія принадлежитъ къ важнѣйшимъ условіямъ правильнаго судоустройства и едва ли не болѣе всего можетъ содѣйствовать привлеченію хорошихъ людей. Мысль эта положительно выражена и въ Высочайшемъ повелѣніи 14 декабря 1859 года, по случаю преобразованія морского министерства, и въ соображеніяхъ государственнаго совѣта объ основныхъ положеніяхъ судоустройства, и принято въ руководство при начертаніи особыхъ предположеній о штатахъ новыхъ судебныхъ мѣстъ» [3]).

Положеніе 20 ноября 1864 года исполнило эти мысли прекрасно: содержаніе судей, не смотря на финансовыя затрудненія и крестьянскую реформу, положено, если не огромное, то, можно сказать, для настоящаго времени довольно значительное, въ особенности въ сравненіи съ другими вѣдомствами; такъ что одно уже содержаніе, помимо другихъ преимуществъ и высокаго положенія суда, привлечетъ вѣрнѣе всего къ дѣлу юстиціи лучшихъ нашихъ дѣятелей. Но при этомъ долгомъ считаю присовокупить, что редакціонная комиссія проэктировала прибавку предсѣда-

---

[1]) Стр. 52.

[2]) По собраннымъ министерствомъ свѣдѣніямъ, въ пользу судей отошло этихъ штрафныхъ денегъ: въ 1848 г. 116,829
» 1849 » 166,861
» 1850 » 187,870

[3]) См. объяснительную записку редакціонной комиссіи къ проэкту учреж. судеб. мѣстъ, стр. 138.

телямъ и членамъ окружныхъ палатъ и судовъ въ размѣрѣ $^1/_5$ ихъ содержанія, чрезъ каждые 7 лѣтъ — если кто-либо служитъ въ одной и той же должности. Проэтъ этотъ основывался на томъ, чтобы удержать на судебномъ поприщѣ людей способныхъ и опытныхъ; проэктъ этотъ утвержденъ соединенными департаментами государственнаго совѣта [1]), но отвергнутъ общимъ собраніемъ совѣта, а потому и исключенъ изъ положенія 20 ноября 1864 года. Къ увеличенію матерьяльнаго благосостоянія судей нужно отнести также ст. 244 положенія, по которой судьи, лица прокурорскаго надзора и чиновники судебныхъ канцелярій, при разъѣздахъ по дѣламъ службы, должны получать прогонныя деньги въ оба пути, а также суточныя и квартирныя деньги, по *классамъ* ихъ должностей. Здѣсь впервые отмѣнено правило о томъ, что квартирныя, суточныя и прогонныя отпускаются *по чинамъ*. Послѣднее было очень стѣснительно для должностныхъ лицъ и въ особенности было бы стѣснительно по судебному вѣдомству, такъ какъ должности будутъ въ немъ получаться независимо отъ чиновъ (ст. 236). И не будь правила, выраженнаго въ 244 статьѣ, то и сенаторы могли бы, впослѣдствіи времени, пользоваться только прогонными за пару лошадей.

---

[1]) Журналъ соед. депар. госуд. совѣта, ст. 17, 20, 24, 27 іюня 1864 г., № 48, стр. 31—35.

ГЛАВА XVIII.

О СУДЕБНОЙ КАРРЬЕРѢ.

Теоретическія основанія судебной каррьеры. Опроверженіе по этой теоріи положеній Бентама. Положеніе этого вопроса въ нашемъ отечествѣ.

Условія судебной каррьеры вытекаютъ отчасти изъ сущности судейскихъ обязанностей, отчасти—изъ сущности человѣческой природы.

Судейскія обязанности требуютъ, кромѣ честности, способностей и ума, образованности, еще—и опытности. Судьѣ необходимо не только знаніе жизни и ея условій, но еще—умѣнье примѣнять законы; эти же предметы требуютъ долговременной практики и спеціальности занятій. Только непосредственнымъ примѣненіемъ закона къ жизни, можно узнать его истинный смыслъ, его достоинства и недостатки. Обусловливаясь такими обстоятельствами, самая сущность обязанностей судьи вызываетъ потребность долговременнаго образованія судей—въ школѣ опыта и непосредственнаго приложенія закона къ жизни. Отсюда вытекаютъ два теоретическія начала: несмѣняемость судей и судебная каррьера.

Первое условіе, оставляя долговременно судью на одной каррьерѣ, вырабатываетъ въ немъ спеціальную судейскую способность, направляетъ умственныя его силы къ одной дѣятельности—разоблаченію истины, анализу фактовъ, примѣненію закона къ даннымъ случаямъ,—и этимъ самымъ вырабатываетъ въ немъ тѣ качества, которыя необходимы для хорошаго судьи.

Второе условіе является необходимымъ послѣдствіемъ перваго: если бы несмѣняемость не сопровождалась судебною карьерою, то она могла бы развить односторонность взгляда въ судьѣ, убила бы въ немъ энергію, не побуждала бы его къ усиленной дѣятельности, къ добросовѣстному исполненію имъ своихъ обязанностей... Эти выводы вытекаютъ изъ сущности человѣческой природы: если положеніе человѣка становится непреложнымъ, если онъ впереди ничего не видитъ, если никакія обстоятельства не могутъ болѣе измѣнить его положенія, то въ немъ потухаетъ тотъ внутренній жаръ, та энергія воли и мысли, которыя вызываются въ человѣкѣ его стремленіемъ впередъ, его постоянными надеждами, которыя присущи человѣку отъ его рожденія до могилы. Человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, человѣкъ умирающій, человѣкъ идущій на эшафотъ, — не теряютъ еще надежды; какъ же лишить этой надежды судью?.. Вотъ почему не преувеличенно пословица наша говоритъ: «плохъ тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ». И дѣйствительно, человѣкъ, не стремящійся впередъ, не надѣющійся и не ищущій болѣе ничего отъ жизни, пресыщенный ею, не можетъ создать ни истинно прекраснаго, ни истинно великаго. Происходитъ же это отъ того, что безнадежность убиваетъ въ человѣкѣ энергію воли и мысли; безъ этихъ же двухъ условій не можетъ быть ни глубины анализа, ни творческой фантазіи, ни усидчивости труда. Способности человѣка требуютъ постоянныхъ побудителей, и двигателей, и безъ нихъ мысль тупѣетъ, органы мышленія теряютъ свою способность, и самый умный человѣкъ, при такомъ бездѣйствіи, можетъ отупѣть и оглупѣть. Исторія представляетъ намъ это явленіе не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ цѣлыхъ народахъ.

Могучими же рычагами человѣческой воли и мысли являются вездѣ и всегда страсти человѣка, и безъ нихъ едва ли человѣчество достигло бы того высокаго умственнаго развитія, на которомъ оно находится въ настоящее время и къ которому оно стремится въ прогрессивномъ своемъ развитіи. Страсти побудили людей къ открытію всѣхъ великихъ истинъ и началъ въ области наукъ, искуствъ и художествъ; страсти побудили людей къ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ... Словомъ, если бы не эти нравственныя двигатели человѣка, онъ до настоящаго времени былъ бы въ состояніи естественнаго подбора и стоялъ бы на такой же низкой степени, какъ и прочія человѣкообразныя животныя. Изъ числа же страстей двѣ страсти составляютъ существенную принадлежность почти каждаго человѣка— страсть къ пріобрѣтенію и возвышенію. Оба эти двигатели вытекаютъ

изъ грубаго животнаго инстинкта самосохраненія и имѣютъ первоначальную основу въ стремленіи человѣка пріобрѣтать какъ можно болѣе матерьяльныхъ благъ, какъ можно болѣе власти—какъ продуктъ силы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прогрессивномъ своемъ развитіи эти страсти видоизмѣняются и проявляются въ видѣ стремленія къ изобрѣтенію и усовершенствованію своихъ способностей. Поэтому въ человѣкѣ не слѣдуетъ ни убивать, ни уничтожать естественныхъ двигателей всѣхъ его способностей; а напротивъ того, необходимо дать имъ благородное, разумное и плодотворное направленіе.

Убивать же страсти въ человѣкѣ, значитъ убить всю внутреннюю его жизнь, всю работу и энергію его мысли. Развивать же ихъ разумно — значитъ возбудить въ человѣкѣ всю силу его способностей, всю энергію его воли; значитъ дать постоянную работу его мысли и чувствамъ; значитъ побуждать его ко всему великому, прекрасному. Эти-то естественныя причины, имѣющія основу свою въ сущности человѣческой природы, и побуждаютъ теорію къ устраненію изъ должности судьи всего того, что могло бы убить въ судьѣ естественныхъ двигателей его способностей и его усовершенствованія: отсюда-то и вытекаетъ необходимость судебной каррьеры. Если бы этой каррьеры не было, или бы въ должности судьи были закрыты всѣ пути къ пріобрѣтенію и возвышенію, то само собою разумѣется, что съ ослабленіемъ и даже съ совершеннымъ уничтоженіемъ этихъ двухъ нравственныхъ двигателей человѣка, въ судьяхъ убито было бы стремленіе не только къ дальнѣйшему своему усовершенствованію, но и всѣ способности могли бы въ немъ отупѣть и не проявляли бы ни энергіи, ни силы. Поэтому-то, если несмѣняемость судей обусловливаетъ сущность судебной власти, то также точно и она, въ свою очередь, обусловливается судебною каррьерою.

Такимъ образомъ судебная каррьера, своею связью съ несмѣняемостью, является уже какъ одинъ изъ продуктовъ самой сущности судебной власти и обусловливаетъ ее настолько же, какъ и сама несмѣняемость. По этой причинѣ, такъ какъ періодичность избранія, препятствуя къ пріобрѣтенію судьями опытности, не можетъ быть не отвергнута наукою въ отношеніи общихъ судовъ, то точно также она должна быть отвергнута уже потому, что съ нею уничтожается понятіе о судебной каррьерѣ. При періодичности избранія, назначеніе судей въ зависимости отъ воли избирателей: сегодня избиратели поставили Ивана, завтра—Петра. И такъ какъ подобное избраніе и предпочтеніе Петра—Ивану не зависитъ вовсе

ни отъ степени опытности и превосходства перваго надъ вторымъ, а есть слѣдствіе только большаго расположенія къ нему толпы, то естественно въ судьяхъ можетъ, при такомъ порядкѣ, развиться не стремленіе къ усовершенствованію себя, а только—къ угожденію толпѣ. Слѣдовательно, идея Бентама о томъ, что именно періодичность избранія и можетъ навести человѣка къ усовершенствованію себя—совершенно ложна; каррьера же, дѣйствительно, можетъ побудить человѣка къ этому усовершенствованію, такъ какъ только послѣднее и можетъ быть основою судебной каррьеры. Поэтому-то мы и отвергаемъ положеніе Бентама о томъ: что каррьера судьи должна быть *безусловна* [1]).

Ставъ на положеніи Руссо о необходимости постепеннаго повышенія, Бентамъ говоритъ:

1) «что оно вообще благодѣтельно для суда, какъ и для войска. Но оно еще болѣе полезно при такомъ государственномъ устройствѣ, въ которомъ выборъ судей предоставленъ собранію, члены котораго не въ состояніи знать кандидатовъ и оцѣнить ихъ достоинства. При постепенномъ повышеніи, большая ошибка въ назначеніи судьи почти невозможна: она устраняетъ возможность интригъ, такъ какъ на мѣсто постояннаго судьи можно выбрать только человѣка, испытаннаго на мѣстѣ *уполномоченнаго*; а на мѣсто судьи апелляціоннаго суда только того, который доказалъ свои способности и свои хорошія правила, будучи постояннымъ судьею».

Но изъ послѣднихъ словъ Бентама видно, что и онъ согласенъ съ тѣмъ, что нужно же и, кромѣ безусловнаго права на повышеніе, еще доказать свои способности и хорошія правила; поэтому-то указаніе избирателямъ на кандидатовъ судей не можетъ быть также безусловно. Вслѣдствіе чего и правилу о постепенномъ повышеніи—нельзя придать и того характера, который приписываетъ ему Бентамъ, а именно: что оно въ особенности полезно для избирателей, которымъ, при его существованіи, нечего и знать о способностяхъ судьи. Знаніе послѣдняго также необходимо, какъ и необходима сама судебная каррьера: безъ этого знанія судебная каррьера, сдѣлавшись однимъ механическимъ возвышеніемъ судьи, потеряетъ свой внутренній смыслъ. Для чего допускается судебная каррьера? Для того, чтобы не потушить огня въ судьѣ; для того, чтобы побуждать его къ усовершенствованію себя. Но сдѣлавши каррьеру безу-

---

[1]) См. о судоустройствѣ Бентама, стр. 61—63.

словною, вы все-таки не будете питать ею страсти къ повышенію, такъ какъ это повышеніе должно прійти само по себѣ, рано или поздно. Иное же дѣло будетъ, когда судьѣ указывается блестящій путь, по которому онъ можетъ пойти, *если онъ окажется къ тому достойнымъ*; въ подобномъ случаѣ является и соревнованіе, и энергія, и напряженность мысли. Поэтому, если судебная каррьера и является необходимостью, то подъ единственнымъ условіемъ — необходимости и усовершенствованія судей; а послѣднее возможно въ томъ лишь случаѣ, когда вмѣстѣ съ каррьерою оставить еще и спеціальную *оцѣнку* судьи при каждомъ его повышеніи.

2) «Но, говоритъ далѣе Бентамъ, система постепеннаго повышенія, удобопримѣнимая къ людямъ обыкновеннымъ, задержитъ полетъ генія; изобрѣтенная для утѣшенія людей съ посредственными способностями, она сдѣлается гасильникомъ замѣчательныхъ талантовъ. Если она можетъ предотвратить иногда худой выборъ, самъ по себѣ мало вѣроятный, то, съ другой стороны, она, навѣрное, послужитъ препятствіемъ для хорошихъ назначеній. Это возраженіе имѣло бы большое значеніе въ примѣненіи къ военному принципу, гдѣ спасеніе государства можетъ иногда требовать исключеній изъ общаго правила. *Но требуетъ ли званіе судьи особыхъ дарованій?* Нѣтъ. Для него необходимы только здравый умъ, присутствіе духа, способность быстро схватывать, удерживать въ памяти, сравнивать между собою различныя сцены и различные характеры запутанной драмы, а также глубокое знаніе законовъ. Всѣ эти качества развиваются и зрѣютъ на практикѣ. Геній не нуженъ для судьи: онъ ничего не долженъ изобрѣтать; для него не нужно даже краснорѣчія, такъ какъ онъ не имѣетъ надобности дѣйствовать на страсти людей. Вся его обязанность ограничивается яснымъ представленіемъ вѣрнаго вопроса и изложеніемъ основаній, по которымъ онъ долженъ быть разрѣшонъ извѣстнымъ образомъ».

Бентамъ, силясь доказать свое положеніе, нарисовалъ идеалъ судьи, и воображалъ, что срисовалъ посредственность; но въ сущности онъ срисовалъ портретъ человѣка талантливаго.

Что такое талантливый юристъ? У кого есть здравый умъ, присутствіе духа, способность быстро схватывать и удерживать въ памяти факты, и въ комъ—глубокое знаніе законовъ? Въ особенности послѣднее — развѣ не требуетъ огромнаго таланта?.. Знать законы страны — значитъ знать основательно всю внутреннюю жизнь народа; а для этого развѣ

нужно мало способностей? Для того же, чтобы изобрѣтать, не нуженъ ли здравый и аналитическій умъ?.. Слѣдовательно, тѣ же элементы, которые необходимы для генія, Бентамъ совмѣщаетъ и въ условіяхъ, требуемыхъ имъ для судьи. Чего же ищетъ Бентамъ еще въ геніи?.. Геніи и таланты звѣздъ съ неба не хватаютъ; а они отличаются только отъ обыкновенныхъ смертныхъ способностью сосредоточить свои силы на изобрѣтательности; но эта изобрѣтательность также исключительно основана на совокупности тѣхъ фактовъ, которые почерпнуты уже геніемъ другими силами его души. Поэтому геній обусловливается, прежде всего, памятью, впечатлительностью, здравымъ смысломъ и способностью анализа, — безъ чего геній и немыслимъ. Эти же условія, совмѣщаясь въ понятіи хорошаго судьи, и не могутъ исключать изъ него и понятія о талантливости. Истины, дѣйствительно, сами по себѣ очень просты и вовсе не требуютъ какого нибудь особеннаго устройства человѣческой головы, для ихъ усвоенія; они требуютъ только, чтобы человѣкъ былъ развитъ и приближался къ нормѣ идеала, т. е., способности его должны быть такъ развиты, чтобы онѣ могли усвоить себѣ всякую истину и чтобы онѣ могли обнять сущность всякаго понятія. При этихъ же условіяхъ, истина, само собою разумѣется, становится очень проста, и Бентамъ поэтому мѣрилъ судей по своей мѣркѣ. Но такъ какъ рѣдкій человѣкъ приближается къ идеальной своей нормѣ, то и выходитъ такъ, что истина становится доступна тому небольшому кружку людей, которыхъ мы называемъ геніями и талантами, т. е., людямъ болѣе или менѣе приближающимся къ идеальной человѣческой нормѣ. И въ самомъ дѣлѣ: кажется, не трудно было Соломону разрѣшить споръ двухъ матерей за ребенка; не трудно было и Колумбу открыть Америки; но въ обоихъ случаяхъ требовался геній. Въ первомъ случаѣ Соломонъ, какъ нормальный человѣкъ, аналитическимъ умомъ своимъ, сообразивъ человѣческую природу, пришелъ къ выводу, что при его рѣшеніи: чтобы спорный ребенокъ былъ разорванъ на двѣ части,—настоящая мать согласится скорѣе лишиться своего права, чѣмъ видѣть разрѣзаннымъ свое дитя. Тотъ же аналитическій умъ привелъ и Колумба къ открытію Америки. Въ этомъ случаѣ самъ Колумбъ, какъ говоритъ преданіе, постановкою яйца на столъ доказалъ, что хотя каждая мысль проста сама по себѣ, но что она не дается легко каждому; что она обусловливается извѣстною сообразительностью, особеннымъ талантомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще, какъ сообразить факты и вывести изъ нихъ заключеніе; разложить ана-

литически предметъ, отбросить отъ него ложь и извлечь только одну истину... Однакоже, чтобы это сдѣлать, необходимо имѣть талантъ и если бы этого не было, то всѣ люди были бы Соломонами и Колумбами; мы же по большей части находимъ, что большинство людей не только положительно неспособно къ глубокому анализу предметовъ, къ систематическому изысканію истины, но даже къ усвоенію себѣ послѣдней при посторонней помощи. А такъ какъ послѣднія условія составляютъ необходимую принадлежность хорошаго судьи, то и большинство людей, по большей части, положительно неспособно принять на себя этихъ обязанностей, и должности судьи должны быть исключительно предоставлены людямъ талантливымъ.

Когда же такимъ образомъ разрушается главное положеніе Бентама о томъ, что обязанности судьи можетъ исполнять и блаженная посредственность, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушается положеніе Бентама о безусловности судебной карьеры: потому что если судебныя должности требуютъ талантливости, то, ради самой сущности судебной власти, нельзя и допустить къ этимъ должностямъ одну только посредственность.

Въ силу этого, признавая карьеру необходимымъ условіемъ судебныхъ должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ эту карьеру не дѣлать *безусловною*: потому что послѣднее покровительствуетъ посредственности, въ ущербъ таланту.

Безусловность судебной карьеры порождаетъ еще и другое зло: оно обращаетъ судейскую корпорацію въ касту, въ которую не могутъ вторгнутся ни новые свѣжіе элементы, ни свѣжія силы. При безусловности, необходимо установляется судебный рангъ, который опредѣляется старшинствомъ службы, и талантливѣйшій человѣкъ не можетъ получить возвышенія, если на пути его стоитъ бездарность, которая хоть однимъ днемъ поступила на службу раннѣе его. Чрезъ это каждый шагъ на судебномъ поприщѣ долженъ сопровождаться ожиданіемъ вакансій по старшинству и если линію вести по цѣлому судебному вѣдомству, то самое возвышеніе станетъ какимъ то миѳомъ: потому что оно будетъ въ зависимости только отъ большой или меньшей продолжительности жизни людей. И, при такомъ порядкѣ, въ сенаторское званіе достигали бы только самыя старыя, самыя маститыя бездарности... Но почему же, скажете вы, сенаторства достигали бы однѣ только бездарности?.. Потому что на судейскомъ поприще, требующимъ большой энергіи и дѣятельности; имѣющимъ столкновеніе ежедневно съ разными вопіющими общественными язвами и болѣзнями, — нужно имѣть

чорствую душу, чтобы сохранить свѣжесть и крѣпость до глубокой старости. И если европейскія статистическія свѣдѣнія указываютъ, что судьи довольно долговѣчны, въ сравненіе съ другими учеными классами, то это доказываетъ только бездарность и сухость нашихъ европейскихъ юристовъ. Основываясь на этихъ положеніяхъ, мы допускаемъ судейскую каррьеру въ такомъ видѣ, чтобы она, съ одной стороны, была правомъ каждаго судьи; съ другой стороны, чтобы она не исключала возможности таланту возвыситься надъ посредственностью. Поэтому тѣ формы судебной каррьеры, которыя требуютъ, чтобы судьи высшихъ судовъ пополнялись исключительно судьями изъ низшихъ,—есть форма самая лучшая, если при этомъ оставляется за обществомъ совершенная свобода выбора того или другого, не обращая вниманія на старшинство службы и на другія внѣшнія отличія. При такомъ порядкѣ, судьи низшихъ судовъ сохраняютъ право на повышеніе; а общество сохраняетъ право отличать талантъ отъ посредственности, и хотя ему предписывается избрать или Ивана, или Петра; но за нимъ еще остается право отдать преимущество одному предъ другимъ.

Въ отечествѣ нашемъ до настоящаго времени не было уяснено понятіе о судебной каррьерѣ, и это, можно сказать, независимо отъ другихъ причинъ, вызывало дурной составъ суда и отсутствіе правосудія въ нашемъ отечествѣ. Должности судей въ первыхъ двухъ инстанціяхъ замѣщались у насъ по выборамъ, и избраніе было періодичное; должности товарищей предсѣдателей вторыхъ инстанцій и сенаторовъ замѣщались чиновниками отъ правительства съ правомъ безсрочности, но безъ права безсмѣнности. Выборы, такъ какъ они были безусловны, то они каждый разъ вводили новыхъ лицъ, безъ образованія и опытности, въ судебныя мѣста, такъ какъ должности судей—ни по содержанію, ни по общественному ихъ положенію, не привлекали къ себѣ талантливѣйшихъ нашихъ дѣятелей. Возникло же послѣднее преимущественнѣе отъ того, что судьи наши не имѣли никакой каррьеры: если при слѣдующихъ выборахъ ихъ смѣняли, то они или избирали другую каррьеру или возвращались къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Долговременнымъ же служеніемъ по выборамъ можно было только достигнуть того чина, который полагался по должностямъ судей, и тѣмъ заканчивалась вся судейская каррьера. Безъ новаго выбора судья низшей степени не могъ сдѣлаться судьею высшей; а сенатъ былъ совершенно для нихъ закрытъ. Происходило это отъ того, что чины, пріобрѣтенные судьями на ихъ должностяхъ, не соотвѣтствовали званію сенаторовъ, въ которое избирались лица только изъ среды 1-хъ трехъ

классовъ чиновъ; между тѣмъ какъ должности предсѣдателей палатъ не превышали 5-го класса. Поэтому предсѣдатели, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, достигали 4-го класса; слѣдовательно и не могли пріобрѣсти права на сенаторство. Независимо отъ этого, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, судьи восходили изъ засѣдателей уѣздныхъ судовъ или магистрата до должности предсѣдателей палатъ; происходило это отъ того, что на должность предсѣдателей можно было выбирать только лицо извѣстнаго чина; а этого чина, въ рѣдкихъ случаяхъ, имѣли члены 1-хъ и 2-хъ степеней. Въ отношеніи же сената, на мѣсто вышеприведенныхъ мною основаній, принято было за правило: возводить въ сенаторы только заслуженныхъ губернаторовъ, директоровъ департаментовъ, министровъ и таварищей министровъ. Оттого—то весь бывшій институтъ нашихъ судей оставался безъ судебной карьеры, и такъ какъ, при этомъ, содержаніе судей не представляло большой поживы, то таланты удалялись отъ нея, чтобы на другихъ поприщахъ достигнуть благосостоянія и осуществить свои честолюбивыя цѣли; и на долю суда оставались—или посредственность, или люди, расчитывавшіе поправить свои дѣла *доброхотными приношеніями*.

Это зло нынѣ устраняется положеніемъ 20 ноября 1864 года.

Выше, говоря объ условіяхъ, необходимыхъ для судей, я уже коснулся вопроса о судебной карьерѣ и высказалъ свои мысли о тѣхъ гарантіяхъ, какія необходимы для устройства разумной судейской карьеры. Здѣсь же я присовокуплю: что при безусловномъ правѣ министерства отвергать кандидатовъ судебныхъ мѣстъ по предмету замѣщенія судебныхъ должностей, правило о судебной карьерѣ можетъ остаться мертвою буквою закона. И не сдѣлаются ли должности судей привиллегіею одной прокуратуры?.. Не видѣли ли мы подобное же явленіе въ недавнее время въ отношеніи замѣщенія лучшихъ должностей по министерству юстиціи правовѣдами?.. Вѣдь голоса противъ этого раздались и въ замѣчаніяхъ, присланныхъ въ редакціонную комиссію... Не можетъ ли, чрезъ подобный порядокъ, и самая юстиція принять одностороннее направленіе прокуратуры, со всѣми ея достоинствами и недостатками?.. А что подобное положеніе вещей возможно, то это вытекаетъ ужь изъ того, что министерство будетъ лучше знать своихъ прокуроровъ, чѣмъ судей; что первые, какъ ея чиновники, могутъ болѣе вліять на мнѣніе министерства при выборѣ кандидатовъ на должности, чѣмъ судьи, которые болѣе удалены отъ него и которые не всегда будутъ дѣйствовать въ его видахъ.

Такъ это по теоріи; но мы надѣемся, что министерство, во имя патріотизма, станетъ выше этихъ соображеній...

Но здѣсь возникаетъ еще одинъ вопросъ: вмѣстѣ съ судебною каррьерою должны ли судьи получать чины, ордена и другія награды?..

Вопросъ этотъ кажется съ разу очень простъ, но разрѣшеніе его, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, гораздо затруднительнѣе, чѣмъ полагать можно.

Если въ извѣстномъ государствѣ существуетъ система награжденій чинами, орденами, деньгами и арендами, то казалось бы—почему и почетное сословіе судей изъять отъ этихъ внѣшнихъ отличій и отъ того матерьяльнаго благосостоянія, которое получаютъ другія общественныя лица изъ денежныхъ и арендныхъ наградъ?.. Подобный вопросъ законенъ и весьма справедливъ; но дѣло въ томъ, что всякія награды, *по представленію*—для сословія судей совершенно не мыслимы. Судебная власть отдѣляется совершенно отъ властей—законодательный и исполнительной, она становится совершенно безконтрольна, независима и дѣйствуетъ, въ предѣлахъ своей автономіи, совершенно самостоятельно. Кто же можетъ и будетъ ее вознаграждать? Гдѣ предполагается оцѣнка, тамъ предполагается и контроль. Но гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нельзя и дѣлать оцѣнки; поэтому нѣтъ власти въ государствѣ, которая могла бы оцѣнить заслуги судей для того, чтобы наградить каждаго по достоинству. А если нѣтъ этой власти, то и исчезаетъ и самое понятіе о возможности для судей полученія наградъ, и при ихъ усердіи имъ остается одна судебная каррьера, пенсіоны и *народное благословеніе — лучшая изъ наградъ, которыхъ можетъ только пожелать честный гражданинъ.*

Если же предоставить администраціи и министерству награждать судей, то общество не вправѣ ли будетъ заподозрить ихъ въ пристрастіи къ дѣйствіямъ администраціи; не вправѣ ли будетъ общество глядѣть на каждую награду, какъ на подкупъ совѣсти судьи, какъ на явную измѣну ему и закону. Такимъ образомъ каждая награда, полученная судьею, будетъ источникомъ подрыва довѣрія общества къ суду; а только это довѣріе есть залогъ благополучія и общественнаго спокойствія. Вотъ почему теорія безусловно отвергаетъ полученіе судьями всякихъ наградъ, орденовъ и чиновъ отъ администраціи. Но быть можетъ возразятъ, что эти награды могутъ истекать изъ верховнаго судебнаго мѣста? Это невозможно по многимъ причинамъ: верховное судебное мѣсто вовсе не завѣдываетъ *средствами* и правами для раздачи наградъ; вездѣ во всѣхъ

государствахъ право это находится въ рукахъ верховной исполнительной и административной власти.

Независимо отъ этого, такъ точно, какъ нельзя допустить, чтобы верхній судъ назначилъ судей, также точно нельзя допустить, чтобы онъ награждалъ ихъ. Подобное положеніе вызываетъ подчиненность; а послѣднее влечетъ за собою угодливость и лицепріятіе. Послѣднія же условія, нарушая независимость судей, вредятъ самостоятельности ихъ мнѣнія: что имѣетъ гибельныя вліянія на юстицію. Поэтому нельзя допустить, чтобы въ отношеніяхъ низшихъ судебныхъ мѣстъ къ высшимъ, *внѣ судебной юрисдикціи*, могли существовать какія нибудь отношенія, которыя бы напоминали подчиненность. По этимъ причинамъ теорія отвергаетъ совершенно награжденіе судей, такъ какъ ни одна изъ формъ награжденія не соотвѣтствуетъ сущности судебной власти, какъ власти самостоятельной и независимой.

Но совсѣмъ иное дѣло когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы судьи пользовались высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Съ понятіемъ этимъ вовсе не ослабляется судебная власть, а напротивъ того возвышается, и это нетолько не противорѣчитъ ея сущности, но напротивъ того совершенно соотвѣтствуетъ ей. И если, въ извѣстномъ государствѣ, имѣютъ общественное значеніе чины, то само собою разумѣется, что вытекаетъ необходимость усвоить и судьямъ разные чины и права, съ ними сопряженные; такъ какъ этимъ судьи ставятся наравнѣ съ самыми высокими общественными дѣятелями; и такъ какъ это можетъ возвысить въ глазахъ народа самыхъ судей. Въ Англіи—гдѣ нѣтъ чиновъ, тамъ для возвышенія значенія судей верховный глава ихъ, или лордъ—канцлеръ, считается непремѣннымъ предсѣдателемъ палаты лордовъ; а два изъ верховныхъ судей засѣдаютъ, какъ перы, въ этой палатѣ. Независимо отъ этого, во всѣхъ церемоніалахъ двора и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ—корпорація судей занимаетъ при государѣ, у трона, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Эти внѣшнія отличія не могутъ не вліять на общественное положеніе судей и не возвышать ихъ въ глазахъ народа. Тоже самое должно сказать и въ отношеніи награжденія судей орденами: если общественное мнѣніе высоко ставитъ какого нибудь судью за его таланты, усердіе и самоотверженіе, то поощреніе орденомъ такого лица верховною исполнительною властью въ глазахъ народа можетъ быть только, какъ знакъ высокаго уваженія верховнаго правителя къ заслугамъ судьи. Этимъ же самымъ и самъ судья можетъ получить еще большій вѣсъ въ глазахъ народа. Но само собою разумѣется,

что подобный актъ не долженъ имѣть началомъ своимъ—*представленіе* администраціи, а долженъ истекать непосредственно отъ верховной исполнительной власти, потому что всякое представленіе въ этомъ случаѣ противорѣчитъ сущности судебной власти, какъ власти самостоятельной.

Но какъ же выразилось въ этомъ отношеніи у насъ общественное мнѣніе и законодательные труды?

Въ редакціонную комиссію были заявлены слѣдующія мнѣнія:

1) Уничтожить чины, какъ право получать ихъ по должности и оставить ихъ, какъ почетную награду [1]).

2) При новомъ судоустройствѣ чины не мыслимы и самое преимущество воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній исключаетъ ихъ [2]).

3) Давать судебнымъ дѣятелямъ чины лишь за отличіе и не иначе, какъ за поименованныя и исчисленныя заслуги; мало по малу же чины уничтожить совершенно [3]).

4) Члены судебныхъ мѣстъ не должны получать ни чиновъ, ни наградъ иначе, какъ по Высочайшему Государя Императора усмотрѣнію, или по ходатайству передъ государемъ общаго собранія сената, чрезъ посредство министра юстиціи; предоставленіе одному министру юстиціи права представленія къ наградамъ и повышеніямъ, неудобно [4]).

5) Представителямъ и членамъ судебныхъ мѣстъ необходимо обезпечить высокое и независимое служебное положеніе; для чего присвоить должностямъ ихъ высокіе классы [5]) и назначить имъ высокіе оклады содержанія [6]).

По поводу этихъ заявленій въ редакціонной комиссіи возникло разногласіе во взглядѣ меньшинства (2 голосовъ) и большинства (26 голосовъ).

Меньшинство требовало оставленія для судебнаго вѣдомства общаго порядка награжденія чинами и орденами; большинство было противнаго мнѣнія.

Меньшинство аргументировало свои положенія слѣдующими данными.

1) «Основаніе всѣхъ отличій есть удовлетвореніе чувству *чести*-

---

[1]) Замѣчанія т. III, стр 174.
[2]) Тамъ же стр. 171.
[3]) Т. I, стр. 1403.
[4]) Т. III, стр. 214.
[5]) Т. II, стр 251.
[6]) Т. I, стр. 225, т. II, стр. 286; т. III, стр. 554.

любія, вслѣдствіе того, что общество допускаетъ наглядное признаніе превосходства отдѣльнаго лица надъ массою. Необходимымъ спутникомъ этихъ отличій очевидно должно быть уваженіе къ нимъ со стороны общества, потому что, въ противномъ случаѣ, не имѣя значенія, они не могли бы и продержаться долгое время».

На это возразить можно: всѣ отличія вовсе не вытекаютъ изъ честолюбивыхъ стремленій человѣка, а изъ животнаго инстинкта — преобладанія сильнаго надъ слабымъ. Потому что въ каждомъ отличіи, выражается ли оно въ титулѣ, орденѣ, чинѣ или другомъ почетномъ званіи, проявляется извѣстное право, извѣстная привиллегія, извѣстное господство надъ толпою. Такой смыслъ имѣли всѣ внѣшнія отличія во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ и безъ этого смысла всѣ онѣ не имѣли бы своего историческаго значенія. Французскіе герцоги, маркизы и виконты; нѣмецкіе бароны; англійскіе лорды; нордманскіе конунги; русскіе князья и бояре, — не пустые титулы, а всѣ они имѣли общественное значеніе и выражали извѣстныя общественныя права. Ордена выражали также принадлежность къ извѣстной привиллегированной корпораціи. Поэтому, такъ какъ всѣ отличія вытекали изъ идеи преобладанія сильнаго надъ слабымъ и сами въ себѣ заключали такія права, въ которыхъ это преобладаніе вполнѣ выражалось, то само собою разумѣется, что люди, пользовавшіеся этими отличіями, или другими словами, аристократія и дворянство, господствовавшія во всѣхъ государствахъ надъ народамъ и отстаивали постоянно эти отличія. Этимъ только и объясняется то, что они такъ долго существуютъ въ Европѣ. На этомъ основаніи, меньшинство ошибалось, если полагало, что въ Европѣ внѣшнія отличія сохраняются, будто бы, вслѣдствіе теоретической своей разумности: въ разумности этой давно стало сомнѣваться не только наше чиновное дворянство, но даже гордая своимъ происхожденіемъ, англійская и нѣмецкая — аристократія.

2) Далѣе, меньшинство утверждаетъ, что будто бы: «общество наше во всемъ государствѣ дѣлится на многоразличные и весьма многочисленные слои. Къ каждому изъ этихъ слоевъ принадлежатъ люди, сходные по состоянію, уму, образованію и общественному положенію: Въ большей части случаевъ, въ каждомъ изъ нихъ существуютъ свои понятія о каррьерѣ и сопряженныхъ съ нею выгодахъ, и потому въ каждомъ кругу нѣкоторыя отличія, конечно сообразно общественному положенію отличаемаго, пользуются большимъ или меньшимъ значеніемъ. Въ особенности же чины играютъ до настоящаго времени большую роль».

Послѣднее показаніе не всегда справедливо: чины и ордена имѣли у насъ весьма важное значеніе для лицъ, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію и такъ какъ они давали возможность податнымъ сословіямъ пріобрѣтать право дворянства, то само собою разумѣется, что это и было единственно причиною, что люди *податные* домогались сильно пріобрѣтенія ихъ; но дѣлалось это вовсе не потому, чтобы имъ нравились кресты, какъ игрушки, или чины—какъ титулъ; а потому что съ послѣдними были сопряжены важныя права и преимущества. Чины и ордена давали дворянство; послѣднее же пользовалось правомъ—имѣть крѣпостныхъ, заниматься винокуреніемъ, имѣть заводы, и фабрики, опредѣлять дѣтей въ гражданскую и военную службу, съ правомъ производства въ первый офицерскій чинъ чрезъ два года; самое производство въ слѣдующіе чины, по гражданскому вѣдомству, значительно сокращалось для дворянина. Независимо отъ этого, всѣ кадетскіе корпуса и институты (мужскіе и женскіе), всѣ пансіоны при училищахъ, лицеяхъ и гимназіяхъ были исключительно дворянскіе, куда могли поступать на казенный счетъ исключительно дворяне. Кромѣ того, только дворянство было изъято отъ тѣлеснаго наказанія и самыя наказанія были для этого сословія легче, чѣмъ для другихъ сословій; оно же было изъято отъ подушной, рекрутской и другихъ земскихъ повинностей... Эти-то привиллегіи, распространявшіяся не только на дворянинѣ, но и на его потомствѣ и дававшія ему, и его потомству, право на благосостояніе, на воспитаніе и образованіе были такъ серьозны, что должны были дать—чинамъ, и орденамъ огромное значеніе въ глазахъ податныхъ сословій: такъ какъ, посредствомъ послѣднихъ, и эти сословія достигали отличій, дававшихъ такія огромныя права. Но само дворянство вовсе не гонялось особенно за этими отличіями: имѣя уже, по своему происхожденію, всѣ эти права, оно, по большей части, дослуживалось только первыхъ чиновъ военной и гражданской службы для того, чтобы перестать именоваться недорослемъ изъ дворянъ и для того, чтобы пріобрѣсти право на службу по выборамъ. Оставались только на службѣ и достигали высшихъ чиновъ одни дворяне очень богатые или тѣ, которые питали особенную страсть къ служебной карьерѣ. Меньшинство ред. ком. вѣроятно забыло, какія энергическія мѣры предпринимало правительство для удержанія дворянства на службѣ до Петра III и жалованная грамота дворянству послѣдняго именно и начиналась тѣмъ, что предоставила волѣ дворянства—служить или не служить. Восторгъ дворянства по поводу этой грамоты

былъ невыразимый... Жалованная грамота Екатерины II повторила тоже самое; но впослѣдствіи, такъ какъ дворянство не гонялось ни за чинами, ни за орденами, то постановлено было за правило—называть дворянъ недорослями, если они не имѣли никакого чина, и не допускать их къ выборамъ. Правило это сохранилось до настоящаго царствованія и не доказываетъ особенной любви дворянства къ чинамъ и орденамъ. Что же касается податныхъ сословій, то права, которыя пріобрѣтались чинами и орденами, утеряли въ настоящее время свое значеніе: въ гражданской и военной службѣ офицерскаго чина можно достигнуть только по экзамену и дворянину, и не дворянину; а дипломы и аттестаты учебныхъ заведеній уравниваютъ всѣ состоянія. Тѣлесныя наказанія и крѣпостное право уничтожены; владѣть недвижимыми землями и заводами могутъ и дворяне, и податные, когда у тѣхъ и у другихъ *есть деньги*. Остались за дворянствомъ только нѣкоторыя привиллегіи въ отношеніи принятія ихъ дѣтей исключительно на казенный счетъ въ учебныя заведенія, но эта привиллегія вовсе не такъ важна, чтобы чины и ордена могли имѣть прежнее свое общественное значеніе. Поэтому и сѣтованіе меньшенства на то, что дворянское сословіе будетъ, при уничтоженіи чиновъ, закрыто для лицъ *простого званія*, совершенно напрасно: если бы дворянство сохранило прежнія права, то это сѣтованіе имѣло бы основаніе; но такъ какъ въ словѣ *дворянинъ* въ настоящее время заключаются только пустыя привиллегіи, да остается еще за нимъ право не платить подушныхъ и свобода отъ рекрутской повинности, то эти всѣ привиллегіи сами уже стоятъ на пути къ паденію... Съ раскладною подушной повинности на имущества недвижимыя и на капиталы, и съ введеніемъ раціональнаго отбыванія рекрутской повинности, сами собою рушатся и эти привиллегіи; поэтому, по выраженію меньшинства, люди *простого званія* не будутъ и нуждаться въ открытіи имъ пути въ дворянское сословіе, тѣмъ болѣе, что не долго время, чтобы это почетное сословіе слилось въ одно цѣлое съ великимъ земствомъ. Такое положеніе чиновъ, орденовъ и дворянскаго званія не измышлено нами изъ головы, а глубоко пустило корни въ народномъ сознаніи; и всѣ внѣшнія отличія сохранили свое значеніе въ провинціяхъ, только въ тѣхъ невѣжественныхъ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ, которые играютъ роль *мѣщанства во дворянствѣ*... Дѣйствительно, намъ случалось видѣть во многихъ подобныхъ домахъ обѣды, балы, свадьбы, крестины и похороны съ чиновными лицами и даже съ генералами. И въ провинціяхъ

отставные офицеры и генералы играютъ иногда въ этихъ домахъ такую же роль, какую играетъ роль, напримѣръ, въ Петербургѣ *раззалоченная* карета и цугъ въ купеческихъ свадьбахъ... Должность, богатство и знатность дѣйствительно въ Россіи не утеряли своего значенія; но значеніе орденовъ и чиновъ навсегда утеряно.

3) Остальные же аргументы меньшинства о томъ, что, будто бы, безчиновность внесетъ *путаницу* въ отношенія лицъ судебнаго вѣдомства и что предположеніе о вредномъ вліяніи административной власти на личность судей страшно только *въ отвлеченномъ положеніи*, — ниже всякой критики.

4) Наконецъ, меньшинство сослалось на авторитетъ Бордо и дѣлаетъ выписку изъ его сочиненія «Philocophie de la procédure civile» гдѣ авторъ говоритъ: «и такъ члены судебныхъ мѣстъ (Франціи) не находятъ поощренія въ надеждѣ получать *повышеніе*. Посмотримъ предоставлено ли, по крайней мѣрѣ, право на какія либо почетныя отличія тѣмъ изъ числа судей, которые въ состояніи вынести, убивающую всякую энергію, тягость такого положенія и для которыхъ любви къ общественному благу и высокаго сознанія обязанностей, налагаемыхъ званіемъ судьи, достаточно, чтобы побуждать ихъ къ дѣятельности. Надо сознаться и въ этомъ отношеніи, что посвящающій себя изученію правъ—дѣлу, на выполненіе котораго мало жизни человѣческой — долженъ работать единственно изъ любви къ наукѣ. При раздачѣ орденскихъ знаковъ по всѣмъ вѣдомствамъ, раздачѣ, которая дѣлается болѣе и болѣе щедрою, одни лишь судьи остаются *почти*, а судьи низшей инстанціи, почти *всегда* забытыми. Одинъ развѣ предсѣдатель можетъ надѣяться, что, послѣ 25 и 30 лѣтъ службы, крестъ украситъ его грудь. Чиновники публичнаго министерства, служащіе подъ вѣдомствамъ финансовъ, путей сообщенія и полиціи, обезпечены въ томъ, что удостоятся этой награды, сдѣлавшейся почти обыденною; только судья, представитель одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, не можетъ имѣть на нее надежды».

«*Бордо* - присовокупляетъ къ этому *меньшинство*, въ этомъ поставляетъ одну изъ причинъ упадка французской магистратуры. *Грустно было бы если бы у насъ такой же упадокъ значенія должностей былъ послѣдствіемъ судебной реформы...*»

Это грустное расположеніе духа меньшинства и печальное его пророчество, касающееся нашей судебной реформы и вызываетъ меня утѣшить его. Начнемъ съ того, что *Бордо* вовсе не приписываетъ исключи-

тельно упадокъ неполученію судьями орденовъ французскою магистратурою, а *между прочимъ* только приводитъ и эту причину; главнѣе же всего онъ развиваетъ мысль о томъ, что во французской магистратурѣ не соблюдается правило о судебной карьерѣ и о постепенности повышенія. Сама выписка меньшинства начинается словами: «*Итакъ члены судебныхъ мѣстъ не находятъ поощренія въ надеждѣ—получить повышеніе*»; значитъ, это—основная мысль Бордо и нечего приписывать ему такую узкость взгляда, чтобы онъ въ одномъ неполученіи судьями орденовъ видѣлъ причину упадка французской магистратуры. Причины этого упадка—вовсе другія: какъ мировые судьи, такъ и судьи общихъ судовъ суть, по настоящему положенію ихъ во Франціи, простые чиновники: министерство овладѣло безгранично назначеніемъ судей и должности ихъ сдѣлались исключительною привиллегіею прокуратуры. При каждой вакансіи назначаются на судейскія должности не лица, пользующіяся общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ или заслугами—въ наукѣ и литературѣ, или на адвокатскомъ поприщѣ; а къ должностямъ опредѣляются чиновники министерства, особенно отличившіеся угодливостью теперешнему правительству и, своими жестокими преслѣдованіями французской свободы, давшіе окрѣпнуть нынѣшнему порядку вещей во Франціи. Независимо отъ этого, само небольшое матерьяльное вознагражденіе, положенное судьямъ во Франціи, служитъ къ чрезвычайному упадку юстиціи, и всѣ свободные и благородные ея голоса давно уже ропщутъ на то, что правительство мало жертвуетъ на дѣло суда. Самая нещедрость раздачи во Франціи наградъ судьямъ, относится не столько къ тѣмъ изъ нихъ, которые назначены нынѣшнимъ правительствомъ, а къ тѣмъ, которые получили мѣста до второй Имперіи. Большая часть судей, назначенныхъ Наполеономъ III, разукрашена орденами; не имѣютъ ихъ только тѣ судьи, которые не принадлежатъ къ бонапартистской партіи, а къ партіямъ—легитимистской, орлеанистской и республиканской; т. е. къ судьямъ, получившимъ должности за 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Само собою разумѣется, что эти судья, какъ лица, не покровительствующія нынѣшнему порядку вещей; какъ лица, которыя не ищутъ сами повышеній; какъ лица, которыя, быть можетъ, и сами не приняли бы орденовъ и торжественно бы отъ нихъ отказались, — не могутъ и попасть въ число тѣхъ, которыхъ удостоивало правительство Бонапарта наградами. Поэтому и сѣтованія Бордо доказываютъ только, что Франція еще богата людьми, которые во внѣшнихъ отличіяхъ, въ какомъ нибудь мундирѣ, орденѣ или чинѣ—ви-

дятъ всю цѣль своей жизни,—цѣль, къ которой направлены всѣ ихъ мечты и желанія... Но, къ счастью, у насъ, въ Россіи, эти внѣшнія отличія, потерявъ свое внутреннее значеніе, потеряли и свой смыслъ: «*что мнѣ честь, коли нечего ѣсть*», говоритъ русскій народъ и въ этихъ словахъ выражаетъ все равнодушіе свое къ внѣшнимъ отличіямъ.

Большинство же редакціонной комиссіи поэтому предмету аргументировало свои положенія, съ свойственнымъ ему благородствомъ.

1) «Для правильной организаціи суда, говорило оно,—необходимо, чтобъ значеніе судьи и въ собственныхъ его глазахъ, и въ мнѣніи общества зависило единственно отъ его *званія*, а не отъ какого-либо иного почета. Тогда только судья будетъ сознавать достоинство и важность своего призванія; а общество будетъ видѣть въ немъ судью въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поэтому члены каждаго суда должны быть совершенно равны между собою. Но если у нихъ останется и, посредствомъ постепеннаго производства, будетъ поддерживаемо различіе въ чинахъ, то это различіе не допуститъ установиться равенству судей, поставитъ ихъ въ неправильныя другъ къ другу отношенія; и даже иногда дастъ перевѣсъ мнѣнію старшаго чиномъ надъ мнѣніемъ младшаго, что можетъ быть не совсѣмъ согласно съ справедливостью».

2) «При неоспоримомъ значеніи у насъ чиновъ, *въ особенности же чиновъ высшихъ*, полученныхъ *въ скоромъ времени* и посему доказывающихъ, что начальстзо судью *особенно* отличаетъ, — такіе случаи не только возможны, но и почти неизбѣжны. Послѣдствія же такого порядка вещей очевидны: ибо если бы, къ нашему счастью, подобное вліяніе чиновъ на мнѣніе судей и было весьма рѣдкое, то достаточно нѣсколько такихъ примѣровъ, чтобы воспрепятствовать утвердиться въ обществѣ вѣрѣ въ правосудіе.»

3) «При производствѣ въ чины нужны *аттестація* и *представленіе*. Здѣсь встрѣчается довольно трудная задача: кто будетъ аттестовать и представлять по судебному вѣдомству? Но кому бы это ни было предоставлено, нѣтъ никакой возможности устранить вліяніе аттестующаго и представляющаго на представляемаго и нѣкоторую зависимость этого послѣдняго отъ перваго. Много ли можетъ найтись людей, которые бы не пожелали сравняться чиномъ съ равными имъ по званію товарищами, а это, враждебное человѣку желаніе, не обойдется безъ угодливости, разнаго рода искательствъ и протекцій. Притомъ, по судебному вѣдомству, первая и посему самая важная аттестація не можетъ исходить

отъ кого иного, кромѣ какъ отъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и состоящихъ при нихъ прокуроровъ. И кто можетъ ручаться въ томъ, что на заключенія ихъ по этому предмету не будетъ имѣть вліянія и личное ихъ отношеніе къ аттестуемымъ, и разные близкіе и знакомые тѣхъ и другихъ. Естественно ли, чтобъ, при всемъ этомъ, остались непоколебимы *самостоятельность* и *независимость* судей, столь громко провозглашаемыя главнѣйшими условіями правильнаго суда, и можно ли не опасаться, чтобы отъ одного этого не прошло и, на этотъ разъ, безуспѣшно намѣреніе правительства — создать судъ правый и внушающій къ себѣ довѣріе.»

«Вотъ почему большинство предполагало: допустивъ, по примѣру другихъ вѣдомствъ, опредѣленіе на судебныя должности, не стѣсняясь чинами опредѣляемыхъ, считать всѣхъ, состоящихъ въ одной и той же должности, совершенно равными между собою и затѣмъ не создавать искуственнаго между ними неравенства, посредствомъ поддержанія различія въ чинахъ; а раздачу орденовъ оставить непосредственному благоусмотрѣнію Императорскаго Величества.»

«Трудно, присовокупляло при этомъ большинство,—сомнѣваться въ томъ, что полученныя такимъ образомъ награды будутъ несравненно дороже для награждаемыхъ и поставятъ ихъ, въ общественномъ мнѣніи, гораздо выше, нежели если бы они получали эти отличія по повторяющимся періодически представленіямъ *начальства*. Противъ этого можно возразить, что Его Величеству трудно знать о всѣхъ судьяхъ въ такой мѣрѣ, чтобъ заключить, кто изъ нихъ достоинъ награды. Но и теперь многіе изъ служащихъ ни кѣмъ не представляются къ наградамъ и получаютъ ихъ по личному усмотрѣнію Государя Императора. Конечно, число судей будетъ гораздо значительнѣе; несмотря на то, однакожъ, Императорскому Величеству, изъ ежегодныхъ отчетовъ по судебному вѣдомству, будетъ всегда извѣстно о дѣятельности разныхъ судебныхъ мѣстъ и затѣмъ, если Ему угодно будетъ удостоить заслуженныхъ судей монаршей признательности, то отъ усмотрѣнія Его будетъ зависѣть потребовать свѣдѣнія объ отличнѣйшихъ изъ нихъ. *Важно то, чтобы никто изъ судей не разсчитывалъ на срочныя награды и не искалъ ихъ; чтобы законъ не указывалъ судьямъ начальниковъ, аттестующихъ и представляющихъ ихъ къ наградамъ; и чтобы всякому изъ нихъ было извѣстно, что инициатива въ награжденіи ихъ заслугъ зависитъ отъ одной верховной власти.*»

4) «Наконецъ можетъ представиться опасеніе, не помѣшаютъ-ли предлагаемыя большинствомъ комиссіи правила замѣщенію судебныхъ должностей людьми способными и достойными, такъ какъ многіе изъ нихъ готовы предпочесть иные роды службы, гдѣ они могутъ пользоваться чинами и легче получать другія награды. Такое опасеніе едва ли основательно, ибо если судьямъ будетъ обезпечена дѣйствительная самостоятельность и несмѣняемость; если, какъ разсуждалъ государственный совѣтъ [1]), всѣмъ, служащимъ по судебному вѣдомству, будетъ назначено такое содержаніе, которое обезпечивало бы ихъ средства къ жизни; если сверхъ того установленная эмеритальная касса обезпечитъ участь заслуженныхъ судебныхъ чиновъ и ихъ семейства,—то трудно допустить, что кто-либо изъ *положительныхъ людей*, какихъ должно только желать на судебныя должности, могъ пренебречь столь существенными средствами для добросовѣстной дѣятельности на пользу общества. Самое свѣжее доказательство тому мы видимъ по акцизному управленію, куда наперерывъ пошли весьма почтенные и почетные люди единственно изъ-за одного только хорошаго содержанія.»

Къ этимъ преисполненнымъ благородства и патріотизма словамъ большинства комиссіи мы можемъ только присовокупить, что приводимые ею факты доказываютъ, какъ сильно вообще потеряли свое значеніе чины и ордена: первые потому, что понятіе о чинахъ не совпадаетъ уже съ понятіемъ о должности; самыя же права, предоставляемыя чинами, потеряли существенный интересъ — достиженія дворянскаго званія и притомъ самое достиженіе это сдѣлалось затруднительнымъ, такъ какъ только чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника даетъ это право; вторые, т. е., ордена, потому потеряли свое значеніе (какъ и замѣтило меньшинство), что черезчуръ уже *обильны* [2]) и даются безъ всякаго разбора людямъ рѣшительно недостойнымъ ихъ носить.

Эти причины и вызываютъ вообще необходимость для первыхъ—совер-

---

[1]) Журн. соед. депар. 1862 г. № 65, стр. 335—337; журн. общ. собр. государ. совѣта 4 сент. 1862 г., стр. 14. Это и осуществлено штатами 20 ноября 1864 года.

[2]) Орденскихъ степеней у насъ: Станислава—3, Анны—4, Владиміра—4, Александра Невскаго—1, Бѣлаго орла—1, Андрея Первозваннаго—1; да для воевныхъ Георгія—4; для дамъ Екатерины—2. Итого 20 степеней, кромѣ коронъ.

шеннаго ихъ уничтоженія по всѣмъ вѣдомствамъ; а для вторыхъ, съ одной стороны, уничтоженія ихъ обилія, разнообразія и множества степеней; съ другой стороны, раздачу ихъ не за пустыя служебныя услуги и такъ называемое усердіе къ службѣ, а за особенныя услуги отечеству и за личныя достоинства, для возвышенія награждаемыхъ лицъ въ общественномъ мнѣніи. У насъ же не обращается вниманіе на общественное мнѣніе и нерѣдко удостоиваются награжденія орденами такія лица, которыя недостойны и прикасаться къ крестамъ. Само высокое достоинство орденовъ и идея, во имя которой они учреждены, требуютъ, чтобы раздача ихъ производилась очень осмотрительно. Въ Одессѣ я однажды на улицѣ встрѣтилъ моего бывшаго товарища, который былъ выгнанъ изъ бывшаго ришельевскаго лицея [1]) за дурное поведеніе, т. е., просто за пьянство и развратъ. Оборванный и пьяный видъ моего товарища нисколько не удивилъ меня, при встрѣчѣ моей, 10 лѣтъ спустя послѣ его изгнанія; но удивило меня то, что въ петличкѣ его была владимірская ленточка.

— Это что, спросилъ я, — развѣ ты получилъ Владиміра и за что?

— За поимку арестанта, сказалъ онъ,—когда я служилъ помощникомъ станового.

— Отчего же ты не продолжаешь службы?

— Оттого что начальство не возлюбило меня...

Изъ сожалѣнія къ нему я просилъ его зайти ко мнѣ, желая чѣмъ-нибудь помочь ему; но въ тотъ же день я встрѣтился съ роднымъ его братомъ, очень порядочнымъ человѣкомъ, который сообщилъ мнѣ, что братъ его выгнанъ изъ службы за взятки, пьянство и развратъ; что онъ въ какомъ-то кабакѣ заложилъ не только своего Владиміра, но даже свой указъ объ отставкѣ...

Давайте, послѣ этого, такимъ господамъ ордена. Видѣли мы также и такіе случаи, когда чиновники, отличавшіеся всякими неправдами, за то только, что они угождали своимъ начальникамъ, обвѣшивались, видимо и невидимо, орденами; между тѣмъ какъ общество, въ которомъ дѣйствовали эти чиновники, готово было, кажется, растерзать ихъ, если бы не боялось осужденія за бунтъ... Можно ли такъ профанировать значеніемъ орденовъ? Просимъ гг. начальниковъ подумать объ этомъ... Чиновни-

---

[1]) Я вначалѣ воспитывался въ этомъ лицеѣ, а потомъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ.

ковъ своихъ они дѣйствіями своими не возвышаютъ, а значеніе орденовъ уронили безвозвратно. Но мы бы этимъ ни сколько не возмущались, если бы въ самомъ орденѣ не видѣли болѣе нравственную эмблему, чѣмъ внѣшнее отличіе; если бы мы въ крестѣ не видѣли просто крестъ, на которомъ распятъ Христосъ,—крестъ, напоминающій намъ всѣ христіанскія добродѣтели: поэтому мы готовы даже повторить восклицаніе Пушкина, вышедшее у него—по поводу ордена—прямо изъ души... Поэтому мы не можемъ также не сочувствовать вполнѣ проекту комиссіи и, съ нѣкоторыми ограниченіями, слѣдующему постановленію государственнаго совѣта, который говоритъ [1]):

1) «Для правильнаго устройства судовъ необходимо, сверхъ присвоеннаго судьямъ основными положеніями права несмѣняемости, а слѣдовательно и независимости, доставить должности судьи такое значеніе, чтобы и въ глазахъ самихъ судей, и въ глазахъ всего общества важность оной зависѣла не отъ того или другого чина, пріобрѣтеннаго ими на службѣ, а *отъ сущности тѣхъ обязанностей*, которыя неразрывно связаны съ званіемъ судьи и которыя состоятъ въ огражденіи какъ частныхъ лицъ, такъ и всего общества отъ нарушенія ихъ правъ и въ охраненіи въ государствѣ общественной и частной безопасности, спокойствія и законнаго порядка.

2) Какъ посему обязанности каждаго судьи, независимо отъ того, состоитъ ли онъ членомъ низшаго или высшаго суда, носитъ ли онъ тотъ или другой чинъ, суть совершенно тождественныя, то необходимо, чтобы всѣ судьи были равны другъ другу и по званію, и по классу должности, кромѣ лишь предсѣдателей, которые по самому положенію и значенію ихъ въ составѣ судовъ, должны имѣть нѣкоторое первенство предъ прочими членами этихъ судовъ.

3) Какъ постоянное и продолжительное нахожденіе въ одной и той же должности способствуетъ пріобрѣтенію основательныхъ практическихъ познаній въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ, составляющихъ предметъ непрерывныхъ занятій должностного лица, то необходимо принять мѣры, чтобы судьи не имѣли никакого особенно важнаго побужденія къ частой перемѣнѣ мѣстъ или къ переходу съ одной должности на другую, и тѣмъ менѣе къ оставленію судебной службы.

---

[1]) См. журн. соед. департ. госуд. совѣта № 17, 20, 24, 27 іюня 1864 г. № 48, стр. 31—32.

Въ этихъ видахъ соединенные департ. государственнаго совѣта, утвердивъ весь проектъ редакціонной комиссіи — о допущеніи на судебныя должности всѣхъ, удовлетворяющихъ требуемымъ законами условіямъ, не смотря на ихъ чины; о правѣ судей, оставляющихъ это званіе на производство въ чины за всю ихъ службу въ судейскомъ званіи; а равно — о правѣ ихъ на полученіе, чрезъ каждые 7 лѣтъ службы въ этомъ званіи, прибавки къ ихъ содержанію [1]), — признали, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезнымъ выразить тѣ правила, которыя вошли въ положеніе 20 ноября 1864 г. въ ст. 237, 239, 240, 241, 242 уч. суд. уст. Текстъ этихъ статей въ положеніи 20 ноября 1864 года слѣдующій:

1) Лица, удовлетворяющія опредѣленнымъ въ этомъ учрежденіи условіямъ (ст. 200—211), могутъ быть назначаемы въ должности по судебному вѣдомству *независимо отъ ихъ чиновъ* (ст. 236).

2) Члены судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, за исключеніемъ судебныхъ слѣдователей, равно какъ и мировые судьи, состоятъ всѣ, по званіямъ и обязанностямъ судьи, въ одномъ и томъ же классѣ должности. Предсѣдателямъ палатъ и окружныхъ судовъ присвоиваются, по этому ихъ званію, высшіе противу членовъ классы должностей (ст. 237).

3) Предсѣдатели и члены судебныхъ палатъ, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены окружныхъ судовъ, а также мировые судьи, во все время служенія въ этихъ должностяхъ, пользуются *за урядъ* всѣми правами и преимуществами того чина, который соотвѣтствуетъ классу ихъ должности (ст. 239).

4) Въ случаѣ оставленія лицами, означенными въ предшедшей 239 статьѣ, судейскаго ихъ званія, они, съ тѣмъ вмѣстѣ, перестаютъ пользоваться присвоенными сему званію, по 239 статьѣ, правами и преимуществами. Но тѣ изъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, которые перейдутъ изъ сего званія прямо въ члены суда или въ мировые судьи, продолжаютъ и въ этихъ должностяхъ пользоваться правами и преимуществами, принадлежавшими классамъ должностей по прежнему ихъ званію предсѣдателей (ст. 240).

4) Лица, занимавшія должности предсѣдалей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, а также мировые судьи, при *оставленіи* су-

---

[1]) Это правило не было принято общимъ собраніемъ госуд. совѣта и не вошло въ положеніе 20 ноября 1864 г.

дейскаго званія, не теряютъ правъ на производство во всѣ тѣ чины, которые могутъ имъ слѣдовать, въ общемъ порядкѣ чинопроизводства, по разсчету времени ихъ службы въ означенныхъ должностяхъ, не выше однакоже чиновъ, соотвѣтствующихъ классамъ ихъ должностей (ст. 241).

5) Права и преимущества, присвоенныя должностнымъ лицамъ судейскаго званія, по предшедшей 239 статьѣ, принадлежатъ какъ и самимъ лично, такъ и семействамъ ихъ, и тѣ изъ ихъ дѣтей, которыя, на семъ основаніи, поступили въ государственную службу или въ учебныя заведенія, могутъ оставаться въ службѣ или заведеніяхъ послѣ оставленія ихъ отцами судейскаго званія (ст. 242).

6) Должностныя лица судебнаго вѣдомства, оставляющія службу, послѣ ихъ смерти и семейства ихъ получаютъ пенсіи изъ эмеритальной кассы по судебному вѣдомству, на основаніи особаго о томъ устава, независимо отъ пенсій, слѣдующихъ имъ изъ государственнаго казначейства, по разрядамъ должностей, на основаніи общаго устава о пенсіяхъ (ст. 247).

7) Предсѣдатели, товарищи предсѣдателей, члены судебныхъ мѣстъ и мировые судьи удостоиваются наградъ единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества (ст. 248).

Установляя разумное равенство судей и отнявъ отъ нихъ возможность переходить въ другія вѣдомства, такъ какъ при этомъ переходѣ они должны терять многія изъ своихъ преимуществъ,—эти законоположенія однакожъ имѣютъ нѣкоторые недостатки. Въ нихъ рѣзко бросаются въ глаза слѣдующія правила:

1) При *оставленіи* судьями своихъ должностей, они теряютъ права, усвоенныя ихъ должности. Это установлено для того, чтобы судьи неохотно оставляли своего поприща. Но такое оставленіе иногда бываетъ непроизвольное: разстроенное здоровье и сильные недуги отъ усиленныхъ трудовъ могутъ заставить судью выйти въ отставку, и если въ подобномъ случаѣ законодательство находитъ справедливымъ полагать судьѣ пенсіонъ, то справедливымъ оно должно найти также—оставлять за бывшимъ судьею и права, усвоенныя его должности.

2) При *оставленіи* судьею его судебной карьеры, ему предоставлено право получать чины по разсчету времени его службы; но эти чины не должны превышать чиновъ, соотвѣтствующихъ классамъ ихъ должностей. Правило это вызоветъ (при закрытіи вакансіи на высшія мѣста) къ переходу судей въ другія вѣдомства, если чины будутъ имѣть значеніе въ

государствѣ. Да и самая справедливость требуетъ, чтобы, при переходѣ судьи въ другое вѣдомство, ему засчитано было все время его службы: чего не будетъ, при существованіи вышеприведеннаго правила. Согласитесь, что если счетъ моей службы продолжается безпрерывно, то я могу оставаться на одной и той же должности десятки лѣтъ, разсчитывая, что, во всякомъ случаѣ, служба моя не пропадетъ даромъ: такъ какъ при переходѣ въ другое вѣдомство, я получу разомъ всѣ чины, которые мнѣ слѣдуютъ за мою прошедшую службу. Если же я не могу разсчитывать на это, то естественно при значеніи въ государствѣ чиновъ, я, поневолѣ, долженъ искать другой службы, чтобы получить возможность повышенія въ чинѣ.

3) 242 статья говоритъ только въ смыслѣ томъ, что права и преимущества судей распространяются на ихъ семейства въ теченіе его жизни, но на случай ихъ смерти ничего не сказано; желательно бы было, чтобы на основаніи справедливости и въ интересахъ возвышенія судейскихъ должностей, въ случаѣ смерти судьи. оставить за его семействами тѣ права, которыми они пользовались при его жизни.

4) Въ той же статьѣ говорится, что, при оставленіи судьею его званія, дѣти его, поступившія, на основаніи его правъ, въ государственную службу или въ учебныя заведенія, могутъ оставаться въ службѣ или заведеніяхъ и послѣ оставленія ихъ отцами судейскаго званія. Право это относится также только на случай жизни судьи, и теряется на случай его смерти. Намъ же кажется, что въ послѣднемъ случаѣ семейство судьи должно подлежать еще большей попечительности, нежели въ первомъ случаѣ. Семейство каждому человѣку дорого и уже ради одного того, что законъ принимаетъ его подъ свое покровительство, должность судьи получитъ особенный вѣсъ въ глазахъ общества, и одно ужъ это правило можетъ привлечь болшое количество соревнователей на должности судьи. Между тѣмъ, такъ какъ въ положеніи 20 ноября не выговорено, что въ случаѣ смерти судьи права и преимущества, ему присвоенныя, остаются за его семействомъ, то и дѣти его съ этой смертію теряютъ всѣ права свои и преимущества. Справедливо-ли это? Отецъ ихъ трудился для общества и можетъ быть, чрезъ свою дѣятельность, энергію и усиленный трудъ—потерялъ свою жизнь, и за это дѣти его должны лишаться правъ, которыхъ бы они имѣли при меньшей добросовѣстности судьи. Такимъ образомъ, за добросовѣстность и за самоотверженное исполнененіе своихъ обязанностей, воспослѣдуетъ какъ бы наказаніе судьи, которое падетъ на его дѣтей. Желательно бы было поэтому,

чтобы на случай смерти судьи на должности, всѣ права и преимущества его перешли къ его семейству.

Вообще же всѣ статьи отъ 235—248 положенія 20 ноября внесли новое, плодотворное начало въ наше законодательство: это начало — уничтоженіе чиновъ. Начало это будетъ велико по своимъ послѣдствіямъ: оно убѣдитъ наше, общество, что есть же возможность обходиться безъ чиновъ; получать значеніе и вѣсъ и внѣ этихъ внѣшнихъ отличій; что, по справедливому выраженію государственнаго совѣта, значеніе человѣка въ обществѣ зависитъ отъ сущности его обязанностей, а не отъ внѣшнихъ его аттрибутовъ. И если послѣднее можно сказать въ отношеніи къ суду, то почему тоже самое нельзя сказать и въ отношеніи другихъ общественныхъ должностей. Чинъ вообще есть большой тормозъ цивилизаціи; измышленъ онъ посредственностью, и это учрежденіе было настолько же вредно Китаю, какъ было оно вредно Германіи и Россіи. Не только въ дѣлѣ суда, какъ признано и государственнымъ совѣтомъ и редакціонною комиссіею, чины могли бы закрыть дорогу талантамъ; но на каждомъ шагу они закрываютъ дорогу въ администраціи людямъ способнымъ и выдвигаютъ, по большей части, на важнѣйшія общественныя должности, такъ называемыя, *заслуженныя* бездарности. Какому нибудь титулярному совѣтнику не дадутъ же ни мѣста директора департамента, ни мѣста товарища министра, ни должности министра. А если этотъ титулярный совѣтникъ или коллежскій регистраторъ или совсѣмъ неимѣющій чина — уважаемъ общественнымъ мнѣніемъ и заключаетъ въ себѣ таланты, не говорю уже Ришелье, или Кавура, или Пальмерстона, или Бисмарки, а хотя бы способности какого нибудь Рехберга,—то вопросъ: почему не дать имъ министерской портфели? Не лишается-ли само правительство, чрезъ чиновную іерархію, средствъ и возможности пользоваться, для своихъ законныхъ цѣлей, всѣми наличными талантами народа?.. Не есть-ли чиновная іерархія тоже самое мѣстничество, но только въ другой формѣ? И если мѣстничество было признано зловреднымъ для государства почти два вѣка тому назадъ, то тѣмъ болѣе оно должно быть отвергнуто въ настоящее время; и уничтоженіе чиновъ есть такая же настоятельная потребность настоящаго времени, какъ было потребно нѣкогда уничтоженіе перваго. Чины имѣли у насъ когда-то историческое значеніе: Петръ I хотѣлъ уничтожить и ослабить старую аристократію и образовать новую; вотъ почему онъ родовой доблести противупоставилъ чиновную и это, если хотите, въ свое время, было радикальною реформою: такъ какъ она обновляла весь обществен-

ный бытъ государства, разрушивъ его старые предразсудки. Но подобное устоновленіе въ настоящее время—анахронизмъ, такъ какъ чиновный аристократизмъ въ свою очередь, сдѣлался зломъ, которое правительство должно силится выкурить изъ нашего любезнаго отечества. Общественныя наши условія требуютъ радикальной реформы только не въ видѣ уничтожснія однихъ привиллегій и возсозданія и поддержанія другихъ, а въ видѣ совершеннаго уничтоженія всякихъ привиллегій, которыя прямо или косвенно тормозятъ общественное развитіе и вредятъ благополучію народа. Одною изъ такихъ привиллегій именно суть чины: не принося, по своей сущности, никакой пользы дѣлу администраціи, они служатъ посредственности главнѣйшими проводниками не только къ занятію низшихъ административныхъ мѣстъ, но и къ занятію высшихъ государственныхъ. Отъ того-то наше общество такъ долго спало летаргическимъ сномъ, такъ какъ эта посредственность не давала и неспособна была давать развиваться ни общественному сознанію, ни его молодымъ силамъ; и если же въ послѣднее время мы проснулись отъ долгаго сна и пошли путемъ прогресса, то этимъ мы обязаны только живучести нашей натуры и талантамъ, служащимъ въ высшемъ правительствѣ. Но и по силамъ ли высшаго правительства всегда принимать иниціативу во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ? Могутъ ли сдѣлать нѣсколько талантливыхъ людей то, что обязаны бы сдѣлать тысячи талантливыхъ людей въ совокупности? Въ правѣ ли общество даже требовать этого?.. И что можетъ сдѣлать министерство, когда оно обязано, при замѣщеніи каждой серьезной должности, соображаться: допускаетъ ли чинъ этого лица занять ему эту должность... И какъ ему назначить коллежскаго регистратора въ губернаторы, когда вице-губернаторъ какой нибудь дѣйствительный статскій совѣтникъ. И дѣйствительно, если вы хотите, то какъ-то намъ дико кажется — если посадить какого нибудь коллежскаго регистратора на мѣсто губернатора. Дико же намъ это кажется потому, что мы привыкли на высшихъ общественныхъ мѣстахъ видѣть все лицъ съ крупными чинами, а людей съ мелкими чинами—на низшихъ степеняхъ чиновной іерархіи. Поэтому въ лицѣ каждаго изъ насъ общество привыкло видѣть не личности, а коллежскихъ секретарей, надворныхъ, статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и стало оно поэтому отдавать почетъ не личностямъ, а только чинамъ и рангамъ. Поэтому дико не то, что, положимъ, Ивановъ сдѣлается министромъ, а то что сдѣлался такимъ важнымъ лицомъ *коллежскій регистраторъ* Ивановъ; но уничтожьте это коллежское реги-

страторство и нисколько не будетъ странно, что Ивановъ, лицо умное и почетное, сдѣлалось министромъ. Чины имѣютъ именно тотъ недостатокъ, что при нихъ теряется личность, и выплываетъ наружу одинъ титулъ. Другой недостатокъ чиновъ тотъ, что заключая въ своихъ степеняхъ идею превосходства, они ставятъ въ странныя отношенія лицъ неодинаковыхъ чиновъ и тѣ начинаютъ считаться чинами. Но уничтожьте сегодня чины, и вѣрьте мнѣ, чрезъ пять-шесть лѣтъ, а много чрезъ 10, титулованіе себя чинами сдѣлается также смѣшно и такимъ же анахронизмомъ, какъ званіе штыкъ-юнкера, секундъ-маіора и бригадира. Конечно, мы уже привыкли къ своимъ чинамъ. Но что это такое за коллежское регистраторство, секретарство, надворное совѣтничество и тому подобное?.. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, клеились еще эти названія въ прошломъ вѣкѣ при абшидахъ, гофгерихтахъ и тому подобныхъ словахъ; но теперь, въ нашъ положительный вѣкъ, они могутъ только вызвать улыбку. И имѣетъ ли какой нибудь смыслъ считаться чинами? Но уничтожьте ихъ и вице-губернаторъ не вправѣ будетъ сказать губернатору: я старше тебя, потому что я генералъ, а ты коллежскій регистраторъ. Тогда одна только должность дастъ значеніе и старшинство человѣку, и всѣ счеты о чиновномъ превосходствѣ—высшемъ и низшемъ—сами собою покончатся. Мѣра эта настолько же необходима обществу, какъ и самому правительству. Администрація не есть судъ и администраторамъ не нужна каррьера въ такомъ видѣ, какъ она требуется для судейскихъ обязанностей и если послѣднія требуютъ талантливости, то тѣмъ болѣе требуютъ ее администраторы, въ рукахъ которыхъ распорядительная власть. Здѣсь министерство можетъ и должно только разсчитывать на одни таланты и оно должно искать ихъ вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, для того, чтобы дѣло его шло успѣшно; для того, чтобы обществу дать истинно дѣльныхъ, истинно честныхъ людей. Безъ этого же правила, какъ вы можете сдѣлать министерство отвѣтственнымъ и требовать отъ него, чтобы оно исключительно назначало людей способныхъ и честныхъ на общественныя должности. Не вправѣ ли оно сказать вамъ: что именно между тѣми лицами, которыя, по закону, и обычаю, избираются въ высшіе администраторы, нѣтъ того количества способныхъ людей, которое ему потребно. Дайте мнѣ безусловное право назначать кого я найду достойнымъ, не по чину, не по долговременной его службѣ, а по его способности, и тогда вы вправѣ требовать отъ меня отвѣтственности за моихъ чиновниковъ. Поэтому, во имя самой популярности мини-

стерства, во имя общественнаго блага, съ которымъ тѣсно связано совершенство перваго, является крайняя и настоятельная потребность *наискорѣйшаго* совершеннаго уничтоженія чиновъ, и усвоенія лично правъ администраторамъ и другимъ органамъ министерства, по классу ихъ должности. Мѣра эта, признанная полезною для судебнаго вѣдомства, будетъ еще благодѣтельнѣе для другихъ вѣдомствъ: она выдвинетъ истинно способныхъ, достойныхъ людей и таланты на поприще общественной дѣятельности и отдастъ имъ въ руки все государственное управленіе. Она закроетъ посредственности пути къ возвышенію и торможенію цивилизаціи и прогресса; она поставитъ высоко само министерство, такъ какъ отдастъ въ его распоряженіе всѣ наличные таланты націи; она дастъ возможность правительству освободиться, разъ на всегда, отъ бездарности и отъ добровольно принятыхъ имъ на себя обязательствъ въ ея отношеніи: такъ какъ министерство вправѣ будетъ каждый разъ, безъ объясненія причинъ, обновить весь свой составъ. Поэтому-то на чины, какъ на внѣшнія отличія, нечего глядѣть легко: уничтоженіе этихъ отличій также важно для государственной жизни, какъ и уничтоженіе крѣпостного права и какъ судебная реформа. Пока будутъ существовать чины, до тѣхъ поръ не можетъ быть равноправности гражданъ, не можетъ быть и хорошаго состава ни министерствъ, ни администраціи...

Во имя этихъ-то великихъ общественныхъ началъ мы и не можемъ не сочувствовать великому дѣлу, положенному положеніемъ 20 Ноября, и мы можемъ только при этомъ пожелать одного—скорѣйшаго и дальнѣйшаго развитія этого великаго начала и въ отношеніи другихъ гражданскихъ вѣдомствъ. Развитіе это обновитъ совершенно нашъ общественный строй и внесетъ въ него новыя начала, которыя поведутъ нашъ народъ къ прогрессу и къ окончательному усвоенію имъ европейской цивилизаціи.

ГЛАВА IX.

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ.

Понятіе объ отвѣтственности судей вытекаетъ изъ сущности власти судебной. Власть судебная имѣетъ предметомъ своимъ возстановленіе нарушеннаго права, безразлично, кто бы ни нарушилъ его въ государствѣ—частное илиобщественное лицо. Судья есть только органъ этой власти, посредствомъ котораго она обнаруживаетъ свою дѣятельность, и если этотъ органъ препятствуетъ ея свободному отправленію или самъ становится нарушителемъ права, то судебная власть обязана или отсѣчь свой гнилой членъ, для того, чтобы онъ не препятствовалъ ей отправлять ея обязанности или должна направить его къ правильной дѣятельности; само же право должно быть возстановлено. Судебная власть сама по себѣ есть власть неограниченная, верховная; но она до тѣхъ только поръ сохраняетъ это право и этотъ характеръ, пока она дѣйствуетъ въ предѣлахъ своего уполномочія. Независимая отъ властей—законодательной и исполнительной, она такъ же державна, какъ и послѣднія. Но когда она выходитъ изъ предѣловъ своего уполномочія, автономія ея прекращается и дѣйствія ея—беззаконны; а органы, которые воспроизвели это, подлежатъ суду, какъ нарушители общественнаго спокойствія. Эту верховность, въ предѣлахъ своей автономіи, судебная власть проявляетъ въ различной степени и въ своихъ органахъ, и этимъ различнымъ органамъ она даетъ уполномочія — ограниченныя или неограниченныя. Вотъ почему, смотря по инструкціи, или иначе—по предѣлу подсудности, каждый органъ судеб-

ной власти проявляетъ въ себѣ извѣстныя отправленія *единой* верховной судебной власти.

Независимо отъ этого, каждому органу предписано—власть свою проявлять, въ извѣстной, законной формѣ, излагаемой подробно въ судопроизводствѣ. Эту инструкцію органы обязаны приводить въ исполненіе безпрекословно и не должны при этомъ выходить ни на шагъ изъ своего уполномочія или юрисдикціи. Но коль скоро какой нибудь органъ судебной власти вышолъ изъ предѣловъ инструкціи или изъ своего уполномочія и переступилъ тѣ формальности и условія, при которыхъ онъ долженъ проявлять свою дѣятельность, то судебная власть немедленно возстановляетъ нарушенное право; при чемъ подвергаетъ свой органъ взысканію, по мѣрѣ его вины.

Изъ этихъ-то естественныхъ отношеній верховной судебной власти къ своимъ органамъ и вытекаетъ понятіе объ отвѣтственности судей, которое есть ничто иное какъ отвѣтъ судей за неисполненіе ими своихъ обязанностей, за превышеніе ими своего уполномочія и за неисполненіе ими тѣхъ формальностей и условій, посредствомъ которыхъ они должны обнаруживать свою дѣятельность.

На этомъ основаніи, въ понятіи объ отвѣтственности судей не слѣдуетъ и нельзя искать отвѣтственности за *неправое* рѣшеніе, а можно искать только взысканія съ нихъ за неисполненіе или за превышеніе ими своего уполномочія, за явное нарушеніе ими своихъ обязанностей и за нарушеніе чужого права. Въ прежнія времена существовало убѣжденіе, что судьи должны отвѣствовать за неправыя рѣшенія, и этимъ правиломъ близорукіе юристы думали гарантировать безпристрастіе судей. Но дѣло въ томъ, что правосудіе обезпечивается только совершенною свободою мнѣнія; и судебная власть становится тогда только цѣлесообразна, когда она не зависитъ ни отъ кого; когда мнѣніе ея не стѣсняется одинаково ни прельщеніями, ни угрозами. Только при такихъ условіяхъ можно ожидать правильнаго приложенія закона къ жизни, правильнаго анализа фактовъ: потому что всякое стѣсненіе мысли влечетъ за собою робость сужденія и вслѣдствіе этого невѣрность или ошибочность взгляда. Человѣкъ, находящійся подъ страхомъ наказанія за высказанную имъ мысль, никогда не скажетъ вамъ ничего дѣльнаго: такъ какъ страхъ и боязнь возможнаго наказанія или перепутываетъ его понятія, или же ставитъ его въ необходимость рѣшить дѣло на двое, чтобы имѣть какой нибудь исходъ. Поэтому нелѣпы тѣ постановленія, которыя установляли штрафы за неправыя рѣ-

шенія. Современные подобнымъ постановленіямъ юристы, по узкости взгляда своего, обративъ судъ въ канцелярскую мертвую букву, въ безсмысленный формализмъ, и изыскивая мѣры, какъ бы поддержать свое ветхое зданіе,—вообразили: что неправосудіе есть хроническая болѣзнь, которую слѣдуетъ лечить сильными средствами, въ родѣ уголовныхъ наказаній или денежныхъ штрафовъ. Сущность дѣла была проще: неправосудіе вовсе не лежало въ организмѣ судей, а въ самихъ безсмысленныхъ системахъ тогдашняго судоустройства и судопроизводства; но юристамъ легче было взваливать вину на судей, нежели на свои дѣтища—бюрократическія судилища и слѣдственный секретный процессъ. Однакожь жизнь и прогрессъ мысли указали гдѣ зло, и неправосудіе не признается нынѣ органическимъ недостаткомъ судей: такъ какъ люди остаются въ нравственномъ отношеніи почти во всѣ вѣка одинаковы [1]). Поэтому и наука признаетъ за судьями совершенную свободу мысли, какъ одно изъ существеннѣйшихъ условій правосудія.

Отъ того то: какъ бы ни было нелѣпо и нелогично мнѣніе судьи, но онъ законной отвѣтственности не можетъ и не долженъ подлежать, если только его мнѣніе въ предѣлахъ его власти. Въ подобномъ случаѣ можетъ быть совершенно другая отвѣтственность: отвѣтственвость предъ общественнымъ мнѣніемъ, которое нравственнымъ осужденіемъ можетъ побудить судью къ болѣе правильнымъ рѣшеніямъ; а верхней инстанціи въ подобномъ случаѣ, остается только одно—отмѣнить неправое рѣшеніе. Неправосудчый судья, такимъ образомъ, своимъ неправосудіемъ не достигъ своей цѣли; публичность же процесса, уронивъ его въ общественномъ мнѣніи, лишила его возможности дальнѣйшаго повышенія. На этомъ основаніи, лучшими гарантіями правильности рѣшенія дѣлъ судьями являются—гласность процесса, апелляція и судебная каррьера: они лучше всѣхъ наказаній и штрафовъ дѣйствуютъ и направляютъ сужденія судьи къ правильности и законности.

Но иное дѣло—когда судья переступилъ предѣлъ своего уполномочія: здѣсь онъ является ужь не какъ судья, а какъ нарушитель чужого права, какъ похититель общественной власти: въ подобномъ случаѣ судъ и взысканіе должны немедленно воспослѣдовать — точно такъ, какъ бы

[1]) См. по предмету нравственнаго прогресса прекрасныя мысли Бокля, въ его «Исторія цивилизація Англіи».

судья не былъ вовсе органомъ судебной власти, а лицомъ частнымъ. Потому что, въ подобномъ случаѣ, вовсе не дѣйствуетъ судья—такъ какъ въ понятіи послѣдняго заключаются только извѣстныя права,—а дѣйствуетъ само лицо, Иванъ или Петръ, присвоившее себѣ высшую власть и это лицо ставится подъ судъ или подъ дисциплинарную отвѣтственность.

Но какими путями и какимъ образомъ долженъ судья подвергнуться этой отвѣтственности? Вопросъ этотъ весьма сложенъ: ненужно забывать, что независимость и самостоятельность судебной власти совершенно обусловливается независимостью и самостоятельностью своихъ органовъ; поэтому, по теоріи, всякая подчиненность судей какой бы то ни было власти—есть, по настоящему, нарушеніе коренного правила независимости ихъ. Но согласитесь также, что при безусловности этой независимости, кто же явится возстановителемъ того права, которое нарушилъ судья?.. Если не подчинить его никому, то дѣйствія его сдѣлаются безконтрольны и онъ вправѣ будетъ безнаказанно нарушать чужое право.

Изъ этого вытекаетъ необходимость—отвергнуть эту безусловность и при превышеніи судьею предѣловъ своихъ правъ и обязанностей, или при нарушеніи имъ чужого права, является потребность, чтобы онъ подчинился какой нибудь власти, которая бы подвергла его или наказанію, или взысканію и возстановила нарушенное имъ право.

Какой власти предоставить это право?... Ввѣрить его администраціи, значитъ подчинить ей судъ; это же противно идеѣ его независимости и самостоятельности. Предоставить эту власть непосредственно судебной же власти, такъ какъ вообще ей предоставлена власть возстановленія нарушеннаго права, то не можетъ ли возникнуть подозрѣніе въ пристрастіи ея къ своему члену?... Подозрѣніе это весьма логично и основательно: намъ извѣстно, что по природѣ человѣческой, свой своему, по неволѣ, братъ. Общность интересовъ, связей и наконецъ, нерѣдко, тѣснѣйшая пріязнь между сослуживцами, дѣйствительно, бываютъ важными причинами пристрастія ихъ другъ къ другу. Поэтому предоставленіе судамъ судить собственнаго своего члена имѣетъ въ себѣ много неудобствъ; но еще болѣе неудобствъ представляютъ другія системы дисциплинарныхъ взысканій. Еслибы судей подчинить другой посторонней власти, то, значитъ—уничтожить самостоятельность ея и подчинить ее или власти законодательной, или власти исполнительной: что имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе самой сущности судебной власти. Поэтому изъ двухъ золъ наука выбираетъ

меньшее: при нарушеніи судьями предѣловъ ихъ уполномочія, она подчиняетъ ихъ общей юрисдикціи судебной власти, какъ общей возстановительницѣ нарушеннаго права. Само собою разумѣется, что въ этой формѣ заключается множество неудобствъ; но эти неудобства ей присущи также точно, какъ присущи онѣ формѣ всякаго земнаго учрежденія. Безусловной истины и правды нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ; поэтому всѣ, самыя совершенныя, общественныя формы только, болѣе или менѣе, могутъ приближаться къ своему идеалу—правдѣ; но вполнѣ никогда онѣ не могутъ удовлетворить ее. Поэтому и въ формѣ отвѣтственности судей предъ самымъ же судомъ мы находимъ только меньше зла, чѣмъ въ другихъ формахъ и поэтому допускаемъ ее, какъ неизбѣжную необходимость.

Но допуская отвѣтственность и самую подсудность въ такомъ видѣ, необходимо еще опредѣлить: кто можетъ ее возбудить и какія должна она имѣть формы. Вопросъ этотъ очень важенъ, потому что, съ этимъ опредѣленіемъ, отвѣтственность судьи можетъ или сдѣлаться мертвою буквою закона, или слово его можетъ осуществиться. Обсуждая предметъ этотъ, теорія должна стать на сторонѣ безусловнаго права всякаго лица преслѣдовать судью за превышеніе имъ его власти или за неисполненіе имъ своихъ обязанностей. Вытекаетъ это понятіе изъ самой сущности правъ судьи: общество передаетъ ему права свои по отношенію возстановленія нарушенныхъ ея правъ и правъ ея членовъ; поэтому и обратно—общество и отдѣльные его члены должны мочь возстановить то право, которое нарушено судьею. Здѣсь право круговое: ты непосредственно возстановляешь право, когда я его нарушаю; а я, посредствомъ суда, возстановляю право, когда ты его нарушаешь. Разница, въ этомъ случаѣ, между понятіемъ судьи и частнаго лица лишь та, что судья собственною властью возстановляетъ нарушенное право; частное же лицо возстановляетъ его посредствомъ суда. Безъ этого кругового и взаимнаго отношенія правъ судьи и общества и отдѣльныхъ его членовъ не было бы надлежащаго обезпеченія правосудію; безъ этихъ отношеній власть судьи перевѣсила бы естественныя права отдѣльныхъ членовъ общества и приняла бы уродливыя формы абсолютности и безконтрольности. Это же соотношеніе правъ судьи къ правамъ общества держитъ судью въ предѣлахъ законности и служитъ обществу ручательствомъ, что власть его не сдѣлается произволомъ и будетъ только крайнимъ выраженіемъ законности. Поэтому теорія покровительствуетъ только безусловному праву всякаго лица (физи-

ческаго и юридическаго) [1]) преслѣдовать судомъ судью за его беззаконія, для торжества истины и возстановленія нарушеннаго права. При этой формѣ все общество является контролеромъ дѣйствій судей и побуждаетъ этимъ судебную власть не выходить изъ предѣловъ ея автономіи; и какъ скоро какой нибудь изъ ея органовъ вышелъ изъ этихъ предѣловъ, общество возстановляетъ тотчасъ законность, предавъ виновныхъ суду. Порядокъ этотъ тѣмъ важенъ, что судебная власть, въ подобномъ случаѣ, никогда не можетъ ни вторгаться въ предѣлы другой власти, ни выражать въ своихъ рѣшеніяхъ произвола, а обязана руководствоваться законами и обычаями страны. Съ другой стороны, изчезаетъ въ государствѣ понятіе о судебной власти, какъ о привиллегіи извѣстнаго класса людей — судей, а она является лишь какъ коллективная власть самаго общества, представителями или органами которой суть судьи; если же отправленія этихъ органовъ неправильны и незаконны, то общество сохраняетъ всегда право возстановить правильность ея проявленій. Оттого-то такъ важно, чтобы право привлеченія судьи къ отвѣтственности было предоставлено всякому, чье только право нарушено.

Незивисимо отъ этого, важно еще то: какимъ порядкомъ судья долженъ быть привлеченъ къ отвѣту или къ суду — долженъ ли онъ прямо стать подъ судъ, по требованію жалующагося или же требуется предварительное заключеніе по этому предмету какой нибудь посторонней власти?.. Если предоставить *привлеченіе* къ отвѣтственности судьи посторонней власти—внѣ суда, то—значитъ, подчинить ей судъ: что противорѣчитъ принципу отдѣленія ея отъ другихъ государственныхъ властей. Поэтому нужно предоставить заключеніе и постановленіе—о привлеченіи судьи къ суду, самой судебной власти. Но вопросъ: какъ можетъ судебная власть знать о томъ: слѣдуетъ ли судью привлечь къ суду или нѣтъ, если ей неизвѣстны всѣ обстоятельства дѣла, которыя возможно собрать только при выслушаніи всего процесса. Слѣдовательно—одно изъ двухъ: или судъ выслушаетъ неполное дѣло и сдѣлаетъ односторонее постановленіе; или же своимъ преждевременнымъ постановленіемъ о невинности судьи, закроетъ обвинителю всѣ пути къ обличенію судьи. И не можетъ ли подобная мѣра обратиться въ орудіе злоупотребленій, въ закрытіе обществу дороги къ

[1]) Физическимъ лицомъ называется личность отдѣльнаго члена общества; юридическимъ—общество, сословіе, государство.

преслѣдованію судьи? Но, скажете вы, состояніе подъ судомъ есть, само по себѣ, дѣло предосудительное; поэтому, какъ же можно поставить судью сразу по одному, нерѣдко, голословному и неосновательному обвиненію истца подъ судъ? По поводу этого вопроса мы должны оговориться: противозаконныя дѣянія судьи могутъ быть двоякаго рода—или онъ совершаетъ только противузаконный проступокъ; или онъ производитъ уголовное преступленіе; притомъ то и другое онъ можетъ совершить или внѣ своихъ служебныхъ обязанностей или же нарушить долгъ самой службы. Поэтому-то подраздѣляютъ отвѣтственность судьи: на отвѣтственность дисциплинарную и на отвѣтственность уголовную, и судья ставится *подъ судъ* (при мировомъ или окружномъ судѣ) только въ дѣлахъ уголовныхъ, а по проступкамъ онъ подвергается лишь отвѣтственности дисциплинарной и то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда онъ нарушилъ обязанности службы. Естественно, что, согласно этимъ двумъ родамъ проступковъ — менѣе важнымъ и болѣе серьезнымъ, должны и существовать двѣ различныя формы преслѣдованія: въ первомъ случаѣ — менѣе сложныя; во второмъ—болѣе сложныя. Вытекаетъ это изъ того, что проступки, влекущіе за собою меньшее наказаніе, требуютъ и меньше гарантій, чѣмъ проступки, влекущіе за собою болѣе серьезное наказаніе. Вотъ почему дисциплинарная отвѣтственность требуетъ менѣе сложныхъ формъ, уголовная—болѣе сложныхъ. Въ силу этого, дисциплинарная отвѣтственность и не вызываетъ преданія *судью суду*, съ понятіемъ котораго соединена форма ассизная, съ участіемъ присяжныхъ и по этимъ причинамъ въ дисциплинарномъ процессѣ нѣтъ даже и понятія о томъ, что судья преданъ суду. Послѣднее же понятіе только и заключается въ дѣлахъ уголовныхъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: можетъ ли каждое лицо привлечь судью и къ дисциплинарной и къ уголовной отвѣтственности?...

Можетъ и долженъ — отвѣтимъ; но формы этого привлеченія должны быть различны въ обоихъ этихъ случаяхъ. При дисциплинарной отвѣтственности судьи,—должны быть болѣе простыя формы; при уголовной—болѣе сложныя. Но, возразите вы, какія ни были бы формы этого преслѣдованія судьи частнымъ лицомъ, но состояніе подъ судомъ есть само по себѣ дѣло, бросающее тѣнь на судью; поэтому необходимо и судьѣ дать гарантію противъ пристрастныхъ преслѣдованій. Но дѣло въ томъ, что слово *подъ судъ* приняло только въ нашемъ отечествѣ такое страшное значеніе. И неудивительно: слѣдственно—бюрократическій процессъ нашъ подразумѣвалъ подъ словомъ *подъ судъ* безразлично и дисциплинар-

ную, и уголовную отвѣтственность судьи; кромѣ того процессъ продолжался нескончаемо, и участь его зависила не отъ справедливости и законности, а отъ множества другихъ причинъ. Человѣкъ, поставленный *подъ судъ*, лишался должности, получалъ или только половину жалованья, или, выпущенный въ отставку, совсѣмъ ничего не получалъ, и если, по прошествіи безчисленнаго множества лѣтъ, процессъ и кончался въ его пользу, то подсудимое лицо, опороченное, не имѣло уже ходу на службѣ: такъ какъ въ его формулярѣ значилось—состоялъ подъ судомъ или подъ слѣдствіемъ. Но слово *подъ судъ* потеряетъ свое страшное значеніе при гласномъ судопроизводствѣ и при сокращенныхъ его формахъ, и оно, при дисциплинарномъ преслѣдованіи, приметъ только значеніе простого разсмотрѣнія судомъ жалобы обвинителя на судью. При такой формѣ состояніе судьи подъ судомъ приметъ еще болѣе мягкія формы, чѣмъ имѣютъ въ настоящее время жалобы на чиновниковъ, потому что послѣднія разсматриваются секретно, а жалобы на судей должны бы разсматриваться публично. Но, возразите вы,—какъ же поступить тогда, когда въ жалобѣ заключается такой криминалъ, который превосходитъ предѣлъ дисциплинарныхъ взысканій?... Въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, судья долженъ уже преслѣдоваться общимъ уголовнымъ порядкомъ; но коль скоро въ процессѣ не заключается условія уголовности, и судъ самъ собою можетъ наложить на судью дисциплинарное взысканіе, то онъ и долженъ самъ, безъ предварительнаго постановленія о томъ—слушать ли дѣло или не слушать—приступить къ его рѣшенію. Въ Англіи по этому предмету существуетъ правило: что дисциплинарныя взысканія на судью возлагаетъ то мѣсто, которому приносится на судью апелляція; но если дѣло криминальное, то большое жюри (grand jury) составляетъ предварительный приговоръ о преданіи или непреданіи его суду, точно также какъ это дѣлается вообще по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ. Должна ли эта или подобная же форма существовать и у насъ?... Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, если какое нибудь законодательство признаетъ состояніе подъ уголовнымъ судомъ дѣломъ серьезнымъ и безчестнымъ и постановляетъ извѣстный порядокъ, по которому подсудимый долженъ стать *подъ судъ*, то этотъ же порядокъ долженъ быть установленъ и для судей. Однакожъ, такъ какъ форма эта есть уже предметъ судопроизводства, то о ней будетъ говорено мною въ слѣдующихъ томахъ настоящаго моего сочиненія; здѣсь же укажемъ только, какія формы отвѣтственности судей существовали у насъ и установлены въ настоящее время. По древнему нашему праву, за *не-*

правосудіе, въ понятіи котораго заключались и неправильныя рѣшенія, полагалась смертная казнь и конфискація всего имущества въ пользу доносчика.

Петръ I [1]) отмѣнилъ смертную казнь и наложилъ, по гражданскимъ дѣламъ, на судей денежные штрафы за неправыя рѣшенія. Въ 1726 г. было пріостановлено дѣйствіе постановленія Петра I, а въ 1727 году оно совсѣмъ уничтожено. Но возобновленъ этотъ законъ, для межевыхъ дѣлъ, Екатериною II [2]), для всѣхъ же остальныхъ гражданскихъ дѣлъ—въ 1802 году; послѣднее правило отмѣнено только въ 1828 году [3]). Выше говоря о мѣрахъ содержанія судей, я разсматривалъ уже всѣ эти законоположенія; а потому обратимся къ уложенію о наказаніяхъ и посмотримъ, какой взглядъ имѣлъ нашъ сводъ законовъ на вопросъ о неправосудіи.

Мы не коснемся здѣсь всѣхъ законовъ нашихъ по этому предмету, такъ какъ большая часть ихъ говоритъ о неправосудіи по *корыстнымъ* или *инымъ личнымъ* видамъ судей, а потому это относится уже къ лихоимству; мы же должны говорить только о тѣхъ законахъ, которые собственно касаются *свободнаго мнѣнія* судей.

Къ такимъ статьямъ принадлажали: 410 и 475, т. XV изд. 1857 г.

1) Первая говоритъ: если по окончательному судебному приговору, впрочемъ безумышленнаго со стороны судей (изъ какихъ либо корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ) нарушенія закона, обвиненный или обвиненные подвергнуты наказанію, хотя и того-же рода, но выше или ниже той степени и мѣры онаго, которая долженствовала за вину ихъ быть опредѣлена по точному содержанію законовъ, то постановившіе приговоръ подвергаются, смотря по степени вины ихъ, *выговорамъ* болѣе или менѣе строгимъ, со внесеніемъ или безъ внесенія оныхъ въ послужные ихъ списки.

2) Вторая статья установляетъ тоже самое для губернатора, утвердившаго подобный приговоръ.

Спрашиваемъ—можно ли дѣлать выговоры судьѣ за выраженное имъ *свободное* мнѣніе и слѣдуетъ ли его за это подвергать дисциплинарному

---

[1]) Указомъ 28 января 1715 года. См. выше главу о содержаніи судовъ.

[2]) Межевою инструкціею.

[3]) Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 11 іюля 1828 года.

взысканію?.. само собою разумѣются, что здѣсь отвѣтъ долженъ быть отрицательный, такъ какъ мнѣніе судьи не должно подвергаться ни искушенію и прельщенію ни наградами, ни угрозою наказаніямъ: какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ мнѣніи судьи становится несвободнымъ; а потому и исчезаетъ самое понятіе о правосудіи. При введеніи настоящей судебной реформы приведенныя мною статьи закона, какъ, анохранизмъ, отмѣнены?..

Но иное дѣло когда судья превыситъ власть свою или беретъ взятки. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ законодательство наше полагаетъ болѣе или менѣе строгія наказанія; но такъ какъ послѣднія не суть предметъ настоящаго моего сочиненія, [1]) то обратимся къ другому вопросу: о существовавшемъ въ нашемъ законодательствѣ порядкѣ преданія суду судей.

Въ древней руси, когда излюбленные люди, старосты, головы и цѣловальники судили неправо, они отвѣчали за свои проступки предъ народнымъ вѣче; тоже самое было и въ отношеніи посадника, въ Новгородѣ, которому принадлежала власть судебная: онъ подлежалъ отвѣту вѣча. Въ Московскомъ же государствѣ намѣстники и воеводы. къ которымъ перешла власть судебная подлежали отвѣту предъ царемъ и судилнсь въ Расправной палатѣ. При царѣ Иванѣ IV, когда общинамъ представленъ былъ выборъ губныхъ старостъ, они подчинены были Разбойному приказу Такъ было до реформъ Петра I-го, который судей областныхъ и городскихъ подчинилъ суду правительствующаго сената. Реформы Екатерины II-ой измѣнили этотъ порядокъ: по преступленіямъ должностей уголовная палата сдѣлалась первою судебною инстанціею и этотъ порядокъ остался неизмѣненнымъ и по своду законовъ.

За противузаконные поступки, по сводамъ 1832, 1842 и 1857 годовъ, судьи, подобно тому какъ и другіе губернскіе чиновники, судились по преступленіямъ службы при уголовныхъ палатахъ, которыя были для нихъ первою инстанціею. Непосредственно подвергались эти лица суду, когда на этотъ предметъ было или Высочайшее повелѣніе, или указъ правительствующаго сената. Въ остальныхъ случаяхъ требовалось *предварительное заключеніе* о томъ губернскаго правленія. Отсюда возникало то, что если министерство, или губернаторы, или генералъ-губернаторы предлагали губернскому

---

[1]) Это есть предметъ уголовнаго права.

правленію составить опредѣленіе о преданіи судьи суду, то правленіе обыкновенно заключеніе свое основывало только на полученномъ имъ предписаніи. [1]) Если же жалоба возникала на судью въ палатахъ или въ сенатѣ и если послѣдніе препровождали для производства слѣдствія дѣла въ губернскія правленія или къ губернаторамъ и если тѣ и другіе покровительствовали судьѣ, то истецъ никогда не могъ добыться преданія судьи суду. [2]) Тоже самое было, когда до правленій и до губернаторовъ доходили непосредственно жалобы на судью: они или назначали надъ судьями слѣдствіе или же совсѣмъ ихъ не назначали, или давали заключенія въ пользу судьи или совсѣмъ отказывались отъ дѣла. Это же самое дѣлала и уголовная палата и сенатъ, и они въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, обращали вниманія на жалобы, касавшіяся явнаго пристрастія судьи и превышенія судьями власти своей. Поэтому, въ строгомъ смыслѣ, можно сказать, что у насъ дисциплинарной и уголовной отвѣтственности для судей, по жалобамъ *частныхъ лицъ*, вовсе не было. Были же и уголовныя преслѣдованія, и дисциплинарныя взысканія въ двухъ случаяхъ: когда палата или сенатъ находили упущеніе какой нибудь пустой формальности въ дѣлѣ; или когда губернаторъ или губернское правленіе почему бы то ни было хотѣли освободиться отъ судьи или отъ секретаря судебнаго мѣста. Тогда являлись и удаленіе отъ должности, и выговоры, и преданіе суду. Съ подобнымъ порядкомъ, или лучше безпорядкомъ, нужно было покончить; но такъ какъ форма отвѣтственности судей была въ связи съ системою всего судоустройства и судопроизводства, поэтому государственный совѣтъ, разсматривая основныя положенія судебной реформы и призналъ единогласно принципъ необходимости этой отвѣтственности.—Не состоялось единогласія только по вопросу о порядкѣ принесенія жалобъ на судей. [3]) Присланные, по этому поводу, въ редакціонную комиссію мнѣнія не столько касались вопроса о самой необходимости отвѣтственности судей, сколько порядка этой отвѣтственности; и только я одинъ, въ присланномъ

---

[2]) Во всѣхъ замѣчаніяхъ, присланныхъ въ редакціонную комиссію, гдѣ только говорилось объ этомъ предметѣ, указано также это обстоятельство.

[3]) Выше мною уже было замѣчено, что можно было быть подъ судомъ и за проступки.

[1]) *См. жур. соединенныхъ департаментовъ о судебной реформѣ* стр. 109 и 110. О порядкѣ подсудности будетъ говорено мною ниже въ своемъ мѣстѣ.

мною мнѣніи [1]) въ комиссію, заявилъ о необходимости отвѣтственности—дисциплинарной и уголовной, въ отношеніи мирового суда. Остальныя же мнѣнія, въ заявленіяхъ [2]) своихъ, или предлагали вопросъ: какъ поступать въ случаѣ нерадѣнія или превышенія власти судей; или въ ихъ мнѣніяхъ проглядывала мысль: что привлечь судью къ отвѣту могутъ только или министръ юстиціи, или прокуроръ, или предсѣдатель суда. Но объ этомъ болѣе подробно мы поговоримъ, когда коснемся вопроса о надзорѣ за судебными мѣстами.

Редакціонная же комиссія, имѣя—съ одной стороны, въ виду важность принципа отвѣтственности судей за ихъ упущенія; съ другой стороны—сохраненіе при этомъ полной независимости суда,—особенно тщательно занялась разсмотрѣніемъ вопросовъ, относящихся до надзора за судами и судьями и о порядкѣ какъ дисциплинарной, такъ и уголовной отвѣтственности судей.

Прежній порядокъ этой отвѣтственности редакціонная комиссія характеризируетъ слѣдующими чертами [3]).

«Вслѣдствіе допускаемаго дѣйствующими нынѣ законами вмѣшательства разныхъ административныхъ и исполнительныхъ властей въ производство судебныхъ дѣлъ, нѣтъ почти ни одного вѣдомства или установленія, которое бы не имѣло извѣстной доли вліянія на судебныя мѣста, а нерѣдко и нѣкотораго надъ нимъ наблюденія и контроля. Вліяніе это проявляется: частью исполненіемъ разными несудебными властями чисто судебныхъ дѣйствій и передачею въ судебныя мѣста дѣлъ, хотя и подлежащихъ ихъ вѣдомству, но возникшихъ внѣ установленнаго законами о судопроизводствѣ порядка; частью заявленіемъ заключеній по дѣламъ, рѣшаемымъ судебными мѣстами и какъ бы оффиціальною критикою судебныхъ рѣшеній, безъ чего они даже не вступаютъ въ законную силу. Но главнымъ образомъ надзоръ за судебными мѣстами въ настоящее время принадлежитъ одновременно тремъ властямъ: *губернскому начальству*—въ отношеніи судебныхъ установленій, въ губерніи состоящихъ; *высшимъ судебнымъ мѣстамъ*—въ отношеніи къ низшимъ,

---

[1]) См. сводъ замѣчаній ст. 22.

[2]) О мировомъ судѣ. См. 2 т. замѣчаній. Но еще въ 1859 году я писалъ объ этой отвѣтственности (см. Современникъ № 1 1859 г.).

[3]) См. объяснительную записку р. к. къ проэкту учрежденій судеб. мѣстъ стр. 171—215.

и министру юстиціи — въ отношеніи всѣхъ судебныхъ установленій. Изъ этихъ трехъ видовъ надзора, ближайшій, и безъ сомнѣнія самый сильный въ своихъ послѣдствіяхъ, тотъ, которымъ пользуется губернское начальство. Оно ревизуетъ находящіяся въ губерніи судебныя мѣста; отъ него зависитъ аттестація о службѣ чиновъ судебнаго вѣдомства, представленіе ихъ къ наградамъ, *наложеніе на нихъ легкихъ взысканій по службѣ* и *преданіе ихъ уголовному суду*. Губернское начальство утверждаетъ въ должностяхъ и даже опредѣляетъ многихъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Очевидно, что вслѣдствіе всего этого судебные чины въ губерніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самыя судебныя установленія находятся въ большой зависимости отъ губернскаго начальства и почти въ прямомъ у него подчиненіи. Неудобства этого порядка, имѣющаго вредное вліяніе на судебную организацію и на самое отправленіе правосудія, были поводомъ къ постановленію статьи 1-й части основныхъ положеній, по силѣ которой *власть судебная отдѣляется отъ исполнительной и административной*».

Имѣя это въ виду, комиссія признала необходимымъ начертать въ проэктѣ учрежденій мѣстъ, положительныя правила *о надзорѣ* по судебному вѣдомству, съ устраненіемъ всякаго участія въ этомъ надзорѣ какихъ либо властей, кромѣ судебныхъ, и установить особый порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства *за служебныя упущенія меньшей важности*, не подвергающія ихъ суду по правиламъ уголовнаго судопроизводства.

1) *О надзорѣ за судебными мѣстами.*

Сущность и понятіе *надзора* надъ судебными мѣстами и лицами вытекаетъ изъ понятія объ обязанностяхъ судей и судебныхъ мѣстъ, и изъ понятія объ ихъ отвѣтственности. Если на кого нибудь возлагаются обязанности, то является и право со стороны общества требовать исполненія этихъ обязанностей; а если существуетъ это право, то является необходимость установленія власти, которая могла бы это право возстановить при его нарушеніи. Независимо отъ этого, каждый судъ и каждый судья дѣйствуютъ по извѣстному уполномочію; слѣдовательно, возникаетъ потребность установленія такой власти, которая бы наблюдала за точнымъ исполненіемъ этого уполномочія. Власть эта можетъ проявиться только въ органахъ судебной же власти, по отношенію высшихъ мѣстъ къ низшимъ; самое же понятіе о высшихъ и низшихъ инстанціяхъ вытекаетъ единственно изъ того круга уполномочія, какое дано тѣмъ и другимъ.

Низшія инстанціи имѣютъ власть только возстановлять право въ извѣстной сферѣ, высшія имѣютъ уполномочіе наблюдать не только за правильностью рѣшеній послѣднихъ, но и за тѣмъ, чтобы они не переступали предѣлы своихъ инструкцій и исполняли свои обязанности. Такимъ образомъ, возникаетъ понятіе о подчиненности низшихъ мѣстъ высшимъ и о надзорѣ послѣднихъ надъ первыми.

Всякій надзоръ поэтому, какъ справедливо сказала редакціонная комиссія, состоитъ въ наблюденіи, чтобы подчиненныя этому надзору мѣста и лица исполняли въ точности свои обязанности, не отступая ни въ чемъ предписаній отъ закона, при возстановленіи нарушеннаго порядка; когда же нарушеніе произошло по чьей нибудь винѣ, то надзоръ заключается и въ преданіи виновныхъ законной отвѣтственности.

Изъ самой сущности этого опредѣленія и изъ отношенія предсѣдателей судовъ къ своимъ сочленамъ, и изъ отношеній министерства юстиціи къ судебной власти вытекаютъ понятія:

а) О надзорѣ высшихъ судебныхъ мѣстъ за низшими.

б) О внутреннемъ надзорѣ въ каждомъ судебномъ мѣстѣ со стороны его предсѣдателя или первоприсутствующаго.

в) О прокурорскомъ надзорѣ въ каждомъ судебномъ мѣстѣ.

г) Объ общемъ надзорѣ со стороны министра юстиціи.

а) *О надзорѣ высшихъ судебновъ за низшими.*

Понятіе о правѣ надзора высшихъ инстанцій надъ низшими вытекаетъ отчасти изъ того уполномочія, которое имѣютъ тѣ и другія, отчасти же изъ самой сущности тѣхъ и другихъ. Выше уже говорено мною, что, въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, всякая подчиненность одного суда другому есть покушеніе на самостоятельность того суда, который подчиняется; но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя также сдѣлать низшія инстанціи безконтрольными и нельзя ихъ, во имя независимости судебной власти, подчинять власти посторонней, то необходимость побуждаетъ устроить надзоръ высшихъ инстанцій суда надъ низшими. Самое понятіе инстанцій высшихъ и низшихъ имѣетъ оправданіе въ томъ, что въ высшихъ судахъ: 1) полагается болѣе гарантій правосудію— личнымъ его составомъ; 2) въ самомъ понятіи, что дѣло, разсмотрѣнное въ двухъ инстанціяхъ, будетъ лучше обсуждено,—лежитъ обезпеченіе самому правосудію.

Личный составъ верхняго суда требуетъ болѣе условій, болѣе испытанности качествъ и способностей судей, и эти-то качества даютъ имъ есте-

ственное право имѣть и болѣе власти, чѣмъ дано судьямъ низшихъ инстанцій, и даютъ имъ право самого надзора за менѣе опытными судьями. По теоріи и по положительнымъ законамъ, для того чтобы быть судьею низшей инстанціи требуется и меньше опытности со стороны судьи, и меньшій срокъ его испытанія; въ высшія инстанціи сроки эти увеличиваются; поэтому теорія и допускаетъ право высшихъ судовъ надзирать за исполненіемъ уполномочій низшихъ инстанцій. По основнымъ положеніямъ судебной реформы въ Россіи кассаціонный судъ или правительствующій сенатъ, куда должны будутъ поступать самые испытанные судьи— какъ по честности, такъ по опытности и по познаніямъ, будетъ имѣть въ рукахъ своихъ высшее наблюденіе за правильнымъ и единообразнымъ исполненіемъ законовъ во всей имперіи; поэтому, кассаціонному суду должно принадлежать и верховное право надзора за всѣми судебными мѣстами и лицами въ государствѣ, такъ какъ сущность этого надзора заключается въ возстановленіи порядка отступленій отъ закона и предѣловъ власти. Судебныя палаты, какъ вторыя степени суда, по личному составу своему, заключая въ себѣ болѣе гарантій, чѣмъ суды первой инстанціи, должны имѣть надзоръ, въ предѣлахъ ихъ округа, чтобы послѣднія исполняли въ точности предписанія закона. Низшія инстанціи, имѣя съ своей стороны нѣкоторые органы, какъ то: слѣдователей, приставовъ и другихъ чиновниковъ, должны имѣть надзоръ за правильностью ихъ дѣйствій. Тоже самое должно сказать въ отношеніи мирового съѣзда къ мировымъ судьямъ Но здѣсь возникаетъ вопросъ: должны ли мировыя учрежденія также подчиняться общей верховной судебной власти или нѣтъ?.. Если право верховнаго надзора допускать олько въ лицѣ правительствующаго сената, то само собою разумѣется, что и мировыя учрежденія должны подчиняться ему, такъ какъ они суть, совмѣстно съ общими судами, только различные органы одной и той же единой судебной власти. И если бы мировыя учрежденія совершенно изъять изъ вѣдомства правительствующаго сената, то значило бы, что въ государствѣ существуютъ двѣ судебныя власти: одна общая, другая—мировая,—что противно идеѣ о томъ, что власть судебная есть власть *единая* [1]). Поэтому является необходимость подчинить мировой судъ не только по отношенію кассаціи, но и въ отношеніи судебнаго надзора общей верховной судебной власти, и если законодательство предоставляетъ безусловное

[1]) Ниже будетъ доказана необходимость единства судебной власти.

право надзора правительствующему сенату, то несомнѣнно, что послѣднему должно принадлежать право наблюденія и за мировыми учрежденіями.

Редакціонная же комиссія, имѣя въ виду, чтобы судьи могли быть самостоятельны, то необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности, такъ чтобы надъ ними не было другого начальства, кромѣ судебной власти; поэтому она, полагала принять за правило: что надзоръ за судебными мѣстами и судьями, съ правомъ исправлять замѣченныя упущенія и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, принадлежитъ *исключительно* суду, въ порядкѣ подчиненности. Самый порядокъ надзора долженъ заключаться, по ея мнѣнію, въ томъ что надзору кассаціонныхъ департаментовъ сената подчиняются всѣ судебныя мѣста и должностныя лица судебнаго вѣдомства; что судебнымъ палатамъ принадлежитъ надзоръ за состоящими въ округѣ каждой изъ нихъ судебными мѣстами и должностными лицами, не исключая мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ [1]); что окружные суды имѣютъ надзоръ за всѣми, принадлежащими къ нимъ и при нихъ состоящими должностными лицами, а мировые съѣзды—за принадлежащими къ ихъ округамъ мировыми судьями и состоящими при съѣздахъ чинами. Каждому изъ надзирающихъ судовъ вмѣняется въ обязанность, обнаруживъ неправильныя дѣйствія подвѣдомаго ему мѣста или лица судебнаго вѣдомства или же какіе либо безпорядки, или злоупотребленія, принимать мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, а когда нужно, то и предавать виновныхъ отвѣтственности.

б) О внутреннемъ надзорѣ въ каждомъ судебномъ мѣстѣ.

Если судебное мѣсто имѣетъ коллегіальное устройство, то естественно, что возникаетъ при этомъ понятіе о раздѣленіи труда между его сочленами, о порядкѣ подачи ими голосовъ, о сохраненіи между ними равенства отношеній, о точномъ исполненіи каждымъ его обязанностей и о сохраненіи того порядка, на которомъ основано достоинство суда. Вслѣдствіе этого, возникаетъ понятіе о необходимости установленія власти, которая наблюдала бы за всѣми этими предметами. Предоставить эти права высшему суду неудобно: такъ какъ высшій судъ не находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ низшій; притомъ подобное наблюденіе требуетъ, чтобы шагъ-за-шагомъ слѣдить за дѣйствіями канцелярій, для

[1]) Ниже мы увидимъ, что это отвергнуто государственнымъ совѣтомъ.

того, чтобы мочь своевременно открыть безпорядокъ и противузаконіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ своевременно возстановить нарушенное право. На этомъ основаніи, является необходимость установленія такой власти внутри самого суда. Передать же эту власть всему суду неудобно, потому что во многихъ случаяхъ могутъ возникать въ судѣ такіе безпорядки, которые вызваны именно *ненормальностью* отношеній его членовъ; поэтому, скажете вы, быть можетъ, что въ подобномъ случаѣ можно бы было изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія общаго состава судовъ, а другіе предметы предоставить его вѣдѣнію. Но дѣло въ томъ, что трудно въ дѣлахъ, касающихся внутренняго состава суда, положить тѣсныя границы между частными нарушеніями, касающимися отдѣльныхъ его членовъ, и нарушеній, относящихся къ цѣлому составу суда; вотъ почему возникали бы постоянныя столкновенія между цѣлымъ составомъ суда и тою властью, которой предоставлено бы было наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ въ судахъ. Это-то и вызываетъ необходимость — наблюдательное право передать одной какой нибудь власти. Съ передачею его лицу, принадлежащему не къ судебной корпораціи, уничтожается достоинство суда; съ передачею этого права прокуратурѣ—значитъ подчинить ей судъ: поэтому вытекаетъ понятіе о наблюдательной власти предсѣдательствующаго лица въ судѣ. Предсѣдатель суда избирается изъ самыхъ опытныхъ, честныхъ и образованныхъ членовъ того суда, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, и это-то естественное превосходство его надъ своими сочленами даетъ ему естественное право наблюдать за исполненіемъ всѣми членами того присутствія, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ. Но эта власть предсѣдателя надъ членами суда не должна являться въ видѣ права непосредственнаго взысканія съ нихъ, а только въ видѣ или направленія и напоминанія имъ объ ихъ обязанностяхъ, или, въ серьезныхъ случаяхъ, гдѣ право уже нарушено, возстановленіемъ законнымъ, порядкомъ посредствомъ суда, этого права. Но все таки самое возбужденіе дисциплинарнаго производства должно быть передано иниціативѣ цѣлаго состава суда, а не непосредственно предсѣдателю, для того чтобы въ понятіи предсѣдателя уничтожить всякое понятіе о подчиненіи ему членовъ суда. Такимъ образомъ, въ этихъ отношеніяхъ, предсѣдателя къ членамъ нѣтъ вовсе ничего такого, что заключало бы въ себѣ идею подчиненности судей и вредило бы понятію о самостоятельности суда. Члены, исполняющіе точно свои обязанности, равноправны съ предсѣдателемъ; равноправность эта является даже и при правѣ предсѣдателя преслѣдовать своего сочлена: потому что въ сущности предсѣда-

тель является лишь обвинителемъ члена; цѣлый же составъ суда имѣетъ ужь власть возбуждать дѣло и возстановляетъ нарушенное право. На этомъ основаніи, предсѣдатель есть возстановитель нарушеннаго права внутри суда, точно также какъ каждое частное лицо сохраняетъ это право внѣ суда. Слѣдовательно, предсѣдатель получаетъ только внутри суда, въ отношеніи обязанностей послѣдняго, то, что имѣетъ каждое частное лицо. Такъ напримѣръ: если судья медлитъ дѣлопроизводствомъ, то каждое частное лицо сохраняетъ право привлекать за это нерадиваго судью къ отвѣту. Это право передается и предсѣдателю суда, внутри присутственнаго мѣста: потому что если частное лицо само не радѣетъ о своемъ дѣлѣ, то это право предоставляется предсѣдателю: для сохраненія достоинства суда, который долженъ быть дѣятеленъ безъ побужденій. При этомъ не слѣдуетъ также забывать, что нерадивое дѣлопроизводство распложаетъ дѣла и накопляетъ ихъ въ судѣ; вслѣдствіе чего самое отправленіе правосудія замедляется и вызываетъ, при такомъ наполненіи, потребность содержанія огромныхъ канцелярій.

Вотъ почему мы находимъ, что редакціонная комиссія весьма разумно ограничила предсѣдателей властью наблюденія только за тѣми мѣстами, гдѣ они предсѣдательствуютъ и самое наблюденіе должно заключаться лишь въ надзорѣ за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей. Въ случаѣ замѣченныхъ предсѣдателемъ или первоприсутствующимъ какихъ либо упущеній со стороны подвѣдомыхъ имъ чиновъ судебнаго вѣдомства, предсѣдатель и первоприсутствующій обязаны распорядиться объ отвращеніи ихъ; а когда упущеніе сдѣлано кѣмъ либо изъ лицъ, прямо имъ неподчиненнымъ, то принимаютъ мѣры для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Но право привлеканія судей къ отвѣтственности предоставлено цѣлому составу суда, а предсѣдатель можетъ быть только обвинителемъ.

Но въ редакціонной комиссіи возникло разногласіе по вопросу: не слѣдуетъ ли предоставить предсѣдателю апелляціоннаго суда право надзора за всѣми состоящими въ округѣ той палаты должностными лицами судебнаго вѣдомства?.. Въ пользу этого права было меньшинство (10 голосовъ); отвергало это право большинство (15 голосовъ).

Первые основывали свои аргументы на слѣдующемъ: 1) что для дѣйствительности надзора необходимо, чтобы власть, имѣющая право надзора, имѣла также и средства къ безотлагательному отвращенію замѣченныхъ

ею безпорядковъ или злоупотребленій. Между тѣмъ, судебная палата имѣя въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько губерній, едва ли будетъ въ состояніи исправлять своевременно своими распоряженіями безпорядки, возникающіе во всѣхъ мѣстностяхъ подвѣдомаго ей, иногда весьма обширнаго, округа; 2) быстротѣ же распоряженій палаты воспрепятствуетъ ея коллегіальность; 3) такимъ образомъ, если надзоръ за судебными чинами, состоящими на пространствѣ всего округа судебной палаты, будетъ принадлежать самой палатѣ, то, въ продолженіе времени, необходимаго для полученія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ распоряженій палаты объ отвращеніи извѣстныхъ ей безпорядковъ, они могутъ продолжаться не малое время и произвести неисправимыя вредныя послѣдствія.

Поэтому меньшинство проектировало: «чтобы старшій предсѣдатель палаты имѣлъ право надзора за всѣми должностными лицами, состоящими въ округѣ предсѣдательствуемой имъ палаты, принимая безотлагательно мѣры для возстановленія нарушеннаго этими лицами порядка посредствомъ предсѣдателей тѣхъ судовъ, къ которымъ принадлежатъ эти лица, и сообщая палатѣ о всѣхъ, сдѣланныхъ имъ на этомъ основаніи, распоряженіяхъ».

Большинство на это возразило:

1) Что и такъ уже установляется много лицъ и мѣстъ, имѣющихъ право надзора. 2) Что предсѣдатель палаты не имѣетъ никакихъ средствъ къ подобному надзору и что о безпорядкахъ судебныхъ мѣстъ и лицъ онъ можетъ судить только по ихъ рѣшеніямъ и по жалобамъ на нихъ; но послѣдніе подлежатъ разсмотрѣнію всей палаты. 3) Для того, чтобы сдѣлать надзоръ предсѣдателя дѣйствительнымъ, необходимо ему дать агентовъ, которые доносили бы съ мѣста о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ. Но едва ли кто нибудь изъ нихъ признаетъ подобную мѣру *желательною*. 4) Присвоеніе же предсѣдателю правъ, основываясь на донесеніяхъ, поступающихъ чрезъ его руки въ палату, дѣлать помимо ея отъ своего лица распоряженія, которыя притомъ должны состоять ни въ чемъ иномъ, какъ только въ *предложеніи* предсѣдателю суда низшей степени, принять мѣры для возстановленія порядка, не обѣщая никакой существенной пользы для дѣла,—можетъ только извратить значеніе предсѣдателя и сдѣлать его какимъ-то судебно-административнымъ чиновникомъ. 5) Что если не признается возможнымъ, за исключеніемъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ судовъ, нарушать условіе коллегіальности ни для какихъ дѣлъ, то нѣтъ повода отступать отъ него и въ дѣлахъ о надзорѣ. 6) Что

хотя надзоръ за мѣстами и лицами судебнаго вѣдомства имѣетъ своимъ назначеніемъ обезпечить правильное отправленіе правосудія, но не въ немъ должно искать главныхъ гарантій быстраго и справедливаго суда; а для достиженія этой цѣли, служитъ преимущественно—хорошій составъ судовъ, гласное судопроизводство и право тяжущихся отыскивать съ судей убытки, причиненные ихъ неправильными дѣйствіями.

Соглашаясь вполнѣ съ аргументами большинства, нельзя не присовокупить также: 1) если бы предоставить предсѣдателю палаты право непосредственнаго возстановленія порядка, то это противорѣчило бы понятію о самостоятельности низшихъ мѣстъ, такъ какъ въ подобномъ правѣ заключается ужь идея о зависимости ихъ отъ этого магистратора. 2) Предсѣдатель палаты, въ подобномъ случаѣ, былъ бы обремененъ огромнымъ количествомъ дѣлъ и такъ какъ въ большей части жалобъ, подаваемыхъ на рѣшенія судовъ, заключаются и жалобы на неправильныя дѣйствія мѣстъ и лицъ, то каждая изъ нихъ должна бы была подвергнуться его предварительному рѣшенію, прежде даже выслушанія дѣла общимъ присутствіемъ: что замедлило бы значительно теченіе дѣлъ послѣдняго. 3) При такомъ порядкѣ, предсѣдатель не могъ бы судить односторонно, по однимъ жалобамъ тяжущихся; а долженъ былъ бы требовать отъ подлежащихъ лицъ объясненія; а потому онъ долженъ былъ бы для этихъ предметовъ имѣть особыя канцеляріи. 4) Наконецъ слѣдуетъ сказать, что въ судахъ вовсе не могутъ происходить какіе бы то ни было *экстренные* безпорядки, которые бы требовали чрезвычайности мѣръ; обыкновенныя же нарушенія формъ или превышеніе власти могутъ быть возстановляемы и обыкновеннымъ процессуальнымъ порядкомъ. Экстренность мѣръ хороша только въ крайнихъ случаяхъ въ администраціи, гдѣ иногда неурядица можетъ повлечь за собою огромныя послѣдствія для государственнаго и общественнаго организма; въ дѣлѣ же суда могутъ быть частныя уклоненія суда отъ его инструкцій и не можетъ быть такихъ общихъ уклоненій, которыя грозили бы пѣлости государственнаго тѣла.

Истина послѣдняго доказывается нашимъ прежнимъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ: у насъ было совершенное отсутствіе правосудія; мы отъ этого сильно страдали, развитіе наше на долго было пріостановлено, однако же и мы и государственный организмъ остались цѣлы. Поэтому въ дѣлѣ суда нѣтъ и той экстренности, которая бываетъ нерѣдко причиною необходимости установленія диктатуры въ администраціи; на этомъ основаніи, этой диктатуры нельзя предоставить и предсѣдателямъ па-

латъ; безъ этой же диктатуры надзоръ предсѣдателя теряетъ свой смыслъ и, обратившись въ формальность, обременитъ лишь предсѣдателей палатъ и излишними правами, и излишнею отвѣтственностью.

в) *Надзоръ прокуратуры и министерства юстиціи.*

Если въ извѣстномъ государствѣ министерство и прокуратура являются, какъ преслѣдователи всѣхъ нарушеній публичнаго права, то необходимо отсюда вытекаетъ и потребность — предоставить имъ право преслѣдовать и судей законнымъ порядкомъ, когда они переступятъ за предѣлы своего уполномочія или не исполнятъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Самый вопросъ—о полезности или вредности установленія прокуратуры и во главѣ ихъ министерства юстиціи,—я разсмотрю ниже, гдѣ буду говорить о прокуратурѣ вообще; здѣсь же разсмотримъ вопросъ о томъ: не вредитъ ли самостоятельности суда надзоръ за правильностью его дѣйствій прокуратурою и министерствомъ.

Если бы предоставить послѣднимъ право ревизій, рѣшеній и дѣйствій судей, право пріостановленія ихъ и право непосредственнаго взысканія съ чиновъ судебнаго вѣдомства или преданія ихъ суду,—то подобнымъ вторженіемъ прокуратуры въ область суда, дѣйствительно, самостоятельность суда могла бы поколебаться: такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ правъ заключается идея подчиненности. Если бы предоставлено было прокуратурѣ ревизовать рѣшенія и дѣйствія судей, то она могла бы препятствовать не только свободному отправленію правосудія, но и сама была бы обременена такимъ огромнымъ количествомъ дѣлъ, что не могла бы осуществлять своихъ прямыхъ обязанностей. Это мы уже испытали при прежнемъ судоустройствѣ, когда это право лежало въ обязанностяхъ прокуратуры: она вынуждена была, при этомъ порядкѣ, просматривать всѣ судебные протоколы, всѣ дѣлопроизводства, и поэтому прокуроры и стряпчіе становились адвокатами и частныхъ лицъ, вмѣшивались въ совершенно постороннія дѣла и наконецъ обременялись чрезъ это такимъ множествомъ дѣлъ, что, въ большей части случаевъ, надпись ихъ на журналѣ суда—«*читалъ*»,—становилась простою формальностью.

Независимо отъ этого, такое вмѣшательство прокуратуры компрометируетъ достоинство суда, ставя цѣлый судъ подъ контроль одного лица. Предоставленіе прокуратурѣ права ревизіи дѣйствій судебныхъ мѣстъ и лицъ, безъ права ихъ направленія, можетъ безъ всякой существенной пользы только обременить ее излишними дѣлами; предоставить же ей право направленія судовъ, значитъ—дать ей право вмѣшиваться и вліять на самыя рѣшенія:

что противорѣчитъ самостоятельности суда. И если этого права нельзя предоставить прокуратурѣ, то тѣмъ болѣе ей нельзя предоставить права непосредственнаго взысканія съ виновныхъ или же преданія ихъ суду, такъ какъ въ этихъ дѣйствіяхъ выражается ужь прямая подчиненность. Поэтому, при существованіи прокуратуры, теорія допускаетъ надзоръ ея за судебными мѣстами и лицами только въ такомъ смыслѣ, какъ она допускаетъ это въ отношеніи частныхъ лицъ, т. е., въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ прокуроръ имѣетъ право вмѣшиваться, при явномъ отступленіи судебнаго мѣста или лица отъ предѣловъ его уполномочія, прокуратура имѣетъ право преслѣдовать ихъ формою суда. Но само собою разумѣется, что это право прокурора не должно быть безусловно и такъ какъ въ главѣ прокуратуры находится министръ юстиціи, то они, по предмету преслѣдованія судей, должны каждый разъ испрашивать его согласія и уполномочія, для того, чтобы прокуратура своими неосновательными преслѣдованіями не могло препятствовать свободному отправленію правосудія. Въ отношеніи же лицъ, не пользующихся правомъ несмѣняемости, преслѣдованія прокуратуры, для той же цѣли, должны производиться чрезъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ. Въ подобномъ смыслѣ прокуроръ является только, каждый разъ, по особому уполномочію министра, *обвинителемъ* предъ судомъ члена суда или же цѣлаго присутствія, а не ревизоромъ того и другого; въ отношеніи же лицъ, не пользующихся несмѣняемостью, онъ является обвинителемъ чрезъ посредство предсѣдателя суда. Съ подобнымъ же характеромъ, прокуратура не можетъ принести ущерба ни самостоятельности суда, ни своимъ обязанностямъ: такъ какъ, по теоріи, обязанности ея могутъ только и заключаться въ правѣ преслѣдованія въ предѣлахъ своей юрисдикціи, всякаго противузаконія, нарушающаго публичное право.

Редакціонная комиссія, разсматривая вопросъ о существѣ надзора прокуратуры и министра юстиціи, нашла: «1) что, въ замѣчаніяхъ на основныя положенія, нѣкоторые наши юристы возражали *противъ самой мысли* о надзорѣ прокуроровъ за судебными мѣстами, находя, что право надзора можетъ имѣть только высшій надъ низшимъ и что допущеніе прокурорскаго надзора за судебными мѣстами поставило бы прокуроровъ выше суда. 2) Что возраженія эти возникли собственно по недоразумѣнію, возбужденному неопредѣлительностью употребляемыхъ у насъ, въ видѣ техническаго термина, словъ: *прокурорскій надзоръ*. Этому термину основными положеніями вовсе не присвоивается понятіе о надзорѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова; онъ употребилъ въ смыслѣ общей обязанности

прокуроровъ — наблюдать, чтобы законъ не былъ никѣмъ нарушаемъ и въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній, принимать мѣры къ его возстановленію. Въ силу этой обязанности, они не могутъ оставлять безъ вниманія замѣченныхъ ими по судебному вѣдомству отступленій отъ законнаго порядка. Дабы не было *сомнѣнія* насчетъ власти прокуроровъ, въ подобныхъ случаяхъ, комиссія признала нужнымъ означить положительно въ проектѣ: что прокуроры о замѣченныхъ ими упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, смотря по важности случая, или сообщаютъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, или же доносятъ въ порядкѣ подчиненности прокурорамъ палатъ, а сіи послѣдніе министру юстиціи.»

Въ порядкѣ подобнаго надзора нѣтъ еще ничего нарушающаго самостоятельности суда и прокуроръ является и здѣсь простымъ обличителемъ, какъ бы въ этомъ случаѣ явилось и частное лицо. Но не таковымъ обнаруживается, по характеру своему, надзоръ министра юстиціи: его иниціатива получаетъ, по проекту комиссіи, въ дѣлѣ суда болѣе положительныя формы...

Комиссія не объясняетъ ни причинъ такого распространенія правъ министерства, ни самой полезности этихъ правъ, а говоритъ только:

«Что касается до надзора за мѣстами и лицами судебнаго вѣдомства со стороны министра юстиціи, то сму, *какъ начальнику* судебной администраціи, должно быть предоставлено *высшее наблюденіе* за всѣмъ происходящимъ въ судебномъ вѣдомствѣ, съ правомъ принимать отъ своего лица мѣры къ устраненію всякихъ отступленій отъ установленныхъ закономъ правилъ и порядка, и къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности. Главными органами дѣятельности министра юстиціи, въ этомъ отношеніи, будутъ чины прокурорскаго надзора, которые во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, обнаруженное ими, упущеніе по судебной части не можетъ быть исправлено властью предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, обязаны доносить объ упущеніяхъ въ порядкѣ подчиненности. Но дабы ввѣряемый министру юстиціи надзоръ [1]) былъ дѣйствительный, а принимаемыя имъ мѣры соотвѣтствовали настоятельности каждого случая, необходимо предоставить ему, не ограничиваясь свѣдѣніями, получаемыми отъ чиновъ прокурорскаго надзора, повѣрять и пополнять ихъ, по мѣрѣ надобности,

---

[1]) Прежде всего нужно было доказать необходимость самого надзора.

и даже удостовѣряться, помимо прокуроровъ, о положеніи и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Съ этою цѣлью комиссія признала необходимымъ постановить слѣдующія правила:

1) Въ случаѣ замѣченныхъ въ какомъ либо судебномъ мѣстѣ накопленія дѣлъ, медленности или остановки въ движеніи дѣлъ, министръ юстиціи предлагаетъ предсѣдателю того судебнаго мѣста принять мѣры къ отвращенію сего и представить объясненіе о причинахъ.

2) Министръ юстиціи можетъ, для открытія настоящихъ причинъ замѣченной неисправности въ дѣлопроизводствѣ, производить ревизіи судебныхъ мѣстъ лично, или же, когда нужно обревизованіе окружныхъ судовъ или мировыхъ учрежденій, поручить это членамъ судебной палаты.

3) Въ важныхъ случаяхъ, министръ юстиціи можетъ предлагать общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ сената о необходимости командировать, на ревизію судебныхъ мѣстъ, сенаторовъ этихъ департаментовъ и о заключеніяхъ общаго собранія представлять на Высочайшее усмотрѣніе.

4) Въ случаѣ обнаруженной неисправности какого либо судебнаго мѣста, министръ юстиціи возбуждаетъ дисциплинарное о томъ производство.

5) Для отвращенія замѣченнаго нарушенія правилъ внутренняго устройства и дѣлонроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, министръ юстиціи можетъ предписывать циркулярно, состоящимъ при сихъ мѣстахъ, чинамъ прокурорскаго надзора о принятіи законныхъ мѣръ къ отклоненію этихъ нарушеній.

6) Въ случаѣ полученія свѣдѣній о противузаконныхъ поступкахъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, министръ юстиціи, посредствомъ надлежащихъ предсѣдателей или прокуроровъ, возбуждаетъ дисциплинарное производство».

Каждое учрежденіе, имѣетъ ли оно значеніе первостепенной или второстепенной важности, требуетъ, чтобы оно вытекало изъ крайней необходимости и изъ сущности тѣхъ предметовъ, которые оно обнимаетъ. Поэтому, если комиссія предоставила, въ приведенныхъ мною правилахъ, извѣстныя права министерству и не объяснила ни вызвавшихъ ихъ причинъ, ни ихъ полезности, а только сослалась на единогласное свое рѣшеніе и на то, что эти права должны министру юстиціи принадлежать, какъ *начальнику* судебной администраціи, то я долгомъ считаю сказать, что послѣднее обстоятельство нисколько не служитъ поводомъ къ предоставленію министерству юстиціи установленныхъ комиссіею правъ.

Что такое министръ юстиціи?.. Онъ — посредникъ между судебною и верховною исполнительною властью, и въ этомъ смыслѣ ему предоставлено право представлять судей на утвержденіе въ должностяхъ верховной исполнительной власти; онъ же, какъ начальникъ прокуратуры, т. е., обвинительной корпораціи, имѣетъ и высшее право обличенія: что онъ можетъ производить непосредственно лично или чрезъ своихъ органовъ.

Отъ этой сущности обязанностей министра юстиціи возникаетъ для него двоякаго рода правъ: *первое*— объизслѣдованіе качествъ судей и ихъ способностей, для того, чтобы, при представленіи ихъ верховной исполнительной власти, знать, какъ рекомендовать ихъ; *второе*—право преслѣдовать, въ дисциплинарномъ или уголовномъ порядкѣ, непосредственно или чрезъ своихъ органовъ, всѣхъ членовъ судебныхъ мѣстъ, если только они превысили свою власть или злоупотребляли ею, или не исполняли своихъ обязанностей. Но это преслѣдованіе не есть *безусловное*, а находится только въ предѣлахъ публичнаго права, или другими словами: преслѣдованіе это можетъ простираться только на тѣ предметы, которые касаются или общественнаго спокойствія и здравія, или общественныхъ и государственныхъ правъ; но ни въ какомъ случаѣ право это не можетъ простираться на предметы, касающіеся частнаго права и частныхъ интересовъ.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ—министръ юстиціи можетъ собирать свѣдѣнія чрезъ прокуратуру или чрезъ своихъ чиновниковъ; слѣдовательно, ему нѣтъ надобности въ производствѣ *ревизій*. Что можно узнать изъ послѣднихъ? Въ порядкѣ ли или въ безпорядкѣ дѣла канцелярій; внесены ли бумаги въ настольные реэстры, во входящіе и исходящіе журналы; докладываются ли дѣла по очереди или—нѣтъ. Но этотъ внѣшній канцелярскій безпорядокъ имѣетъ тѣсное соотношеніе съ самымъ дѣлопроизводствомъ, и контроль этого безпорядка ввѣренъ частной иниціативѣ тяжущихся. Секретность прежняго, бюрократическаго, слѣдственнаго процесса, при чемъ тяжущіяся лица не имѣли права даже заглянуть въ настольные реэстры и журналы, — минула, и въ настоящее время торжественно провозглашено судопроизводство гласнымъ; поэтому тяжущіяся стороны будутъ имѣть право сами слѣдить за тѣмъ, чтобы бумаги ихъ записывались аккуратно въ книги, и чтобы дѣла ихъ докладывались въ очередь; и при неисполненіи судомъ ихъ законныхъ требованій, они вправѣ будутъ жаловаться высшему суду, который, по мѣрѣ важности упущенія, можетъ произвести взысканіе. Но если тяжущіеся или адвокаты сами не слѣдятъ за своимъ дѣломъ и имъ всеравно —

какъ бы оно ни производилось, то кому какое дѣло не только ставить неаккуратность въ вину судебному мѣсту или лицу, но еще и подвергать его и взысканію?.. Ревизіи имѣли смыслъ при прежнемъ дѣлопроизводствѣ: можно сказать, что одна только боязнь ревизій побуждала судебныя мѣста къ скорѣйшему окончанію дѣлъ и къ веденію ихъ по установленной формѣ; но въ настоящемъ процессѣ тяжущіеся и подсудимые имѣютъ столько гарантій и безъ этихъ ревизій, что они рѣшительно оказываются излишними, и ревизіи были, можно сказать, порожденіемъ одного только слѣдственно-секретнаго судопроизводства [1]). При томъ, ревизіи представляютъ для министерства еще и другое неудобство: они втянутъ его снова въ ревизію дѣлъ частныхъ лицъ и сдѣлаютъ его ихъ адвокатомъ, и если эта роль прокуратуры вообще была признана несовмѣстною съ ея сущностью, то тѣмъ болѣе этого нельзя признать и въ отношеніи министерства. Какая надобность министерству вмѣшиваться въ то: ведется ли частное дѣло въ порядкѣ или въ безпорядкѣ? Развѣ законъ лишаетъ частное лицо права возстановить порядокъ посредствомъ жалобы?.. При прежнемъ порядкѣ, хотя на медленность и безпорядокъ дѣлопроизводства существовали также частныя жалобы, но все судоустройство и судопроизводство покровительствовали тому, чтобы эти жалобы не достигали цѣли; поэтому дѣйствительно только ревизіи, нѣкоторымъ образомъ, были противуядіемъ общей хронической болѣзни судовъ—заволакиванію дѣлъ въ длинный ящикъ. Но, при всемъ томъ, законодательство вынуждено было, для побужденія тижущихся къ ходатайству по ихъ дѣламъ, установить 10 лѣтній срокъ давности, и если втеченіе этого времени не было *хожденія* по дѣлу, то оно защитывалось въ судѣ оконченнымъ и передавалось въ архивъ. Слѣдовательно, даже при прежнемъ несовременномъ порядкѣ нужна была мѣра для побужденія тяжущихся къ ходатайству по ихъ дѣламъ, вотъ почему тѣмъ болѣе эта мѣра необходима при судебной реформѣ и тутъ нечего взваливать успѣхъ движенія дѣлъ на ревизіи; сами истцы и отвѣтчики должны за этимъ имѣть неослабное наблюденіе, тѣмъ болѣе что законодательство дало всевозможныя къ тому гарантіи. Другое дѣло, если бы министерство при ревизіяхъ своихъ коснулось только однихъ *публичныхъ* дѣлъ: въ подобномъ случаѣ ревизія

---

[1]) Какъ мы ниже увидимъ инициатива сенаторскихъ ревизій принадлежитъ Павлу I, который установилъ ихъ въ видѣ комплимента сенаторамъ.

была бы даже въ кругу дѣятельности министерства. Но и въ этомъ даже случаѣ можно замѣтить, что прокуратурѣ предписывается закономъ слѣдить за ходомъ этихъ дѣлъ и побуждать законнымъ путемъ судебныя мѣста и лица къ скорѣйшему ихъ движеніе; и поэтому министерство, имѣя право *частной* ревизіи, по каждому дѣлу порознь, ненуждается вовсе въ *генеральныхъ* ревизіяхъ, которыя по большей части, коснувшись только реэстровъ и журналовъ, никогда не приносили и не приносятъ существенной пользы. Скорѣе можно ожидать успѣха и пользы въ правѣ прокуратуры—слѣдить за внутреннимъ ходомъ каждаго публичнаго дѣла: въ этомъ случаѣ ревизія можетъ быть всестороннѣе со стороны министерства Слѣдя шагъ за шагомъ за теченіемъ дѣла, министерство можетъ видѣть не только законность его хода, но и добросовѣстность и способность судей, и этотъ порядокъ въ тысячу разъ дѣйствительнѣе всѣхъ возможныхъ министерскихъ ревизій. Поэтому и нельзя вовсе придавать особенное значеніе вообще всякимъ ревизіямъ: такъ какъ они обременятъ только министерство разсмотрѣніемъ дѣлъ частныхъ, что вовсе не должно и не можетъ входить въ кругъ дѣйствій публичнаго министерства.

Независимо отъ этого, правила, предложенныя комиссіею, имѣютъ еще и другіе существенные недостатки: 1) они обременятъ министерство жалобами частныхъ лицъ на образъ дѣйствій и превышеніе власти судебныхъ мѣстъ и судей, такъ какъ въ правилахъ не обозначено, что министерство можетъ только начинать и возбуждать дисциплинарныя и уголовныя дѣла—*по представленіямъ* лишь прокуроровъ или по непосредственному своему усмотрѣнію. Поэтому общество и практика вѣроятнѣе всего выработали бы понятіе: что на неправильное производство, превышеніе власти и другіе противузаконные поступки судей можно жаловаться министерству, и это породило бы огромное количество дѣлъ въ послѣднемъ.

2) Право министерства циркулярно предлагать прокурорамъ о принятіи законныхъ мѣръ къ отклоненію *нарушеній*, слишкомъ неопредѣленно, такъ какъ нарушенія могутъ вовсе и не касаться публичнаго права. Кромѣ того, самыя нарушенія могутъ быть только видоизмѣненіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ закона, вслѣдствіе практической необходимости; и могутъ основываться или на рѣшеніяхъ апелляціонныхъ палатъ, или на рѣшеніяхъ департаментовъ кассаціоннаго суда, который имѣетъ единственное право наблюдать за единообразнымъ примѣненіемъ закона. Приведенное же мною правило, нѣкоторымъ образомъ, дѣлаетъ и министерство истолкова-

телемъ закона; истолкователемъ, который имѣетъ право даже подвергать судебному преслѣдованію лицъ, которыя не понимаютъ закона, *такъ какъ онъ его понимаетъ* [1]). Такой порядокъ можетъ образовать антагонизмъ между кассаціоннымъ судомъ и министерствомъ; между практикою и теоретическимъ взглядомъ послѣдняго. Поэтому желательно бы было, при допущеніи ревизій и высшаго надзора министерства, чтобы, по крайней мѣрѣ, то и другое обнимало только предметы публичнаго права, и чтобы министерство руководствовалось при своихъ преслѣдованіяхъ и тѣми *правилами, которыя установятся судебными обычаями и практикою.*

Но видно, что послѣдняя мысль и руководила нѣкоторымъ образомъ большинствомъ членовъ редакціонной комиссіи, такъ какъ одинъ членъ предложилъ: чтобы министру юстиціи предоставить право ревизіи не только непосредственно и чрезъ членовъ палатъ, но и чрезъ своихъ чиновниковъ. Возражая противъ этого, большинство выразилось: «что оно вообще глядитъ на ревизію судебнаго мѣста, какъ на мѣру *чрезвычайную*, всегда болѣе или менѣе для него предосудительную; поэтому оно считаетъ необходимымъ устранить изъ обряда ревизіи все то, что не соотвѣтствуетъ настоящей ея цѣли или можетъ оскорбить достоинство суда. Цѣль ревизіи есть точное удостовѣреніе о положеніи дѣлъ въ судебномъ мѣстѣ и о причинахъ замѣченной или предполагаемой неисправности въ движеніи сихъ дѣлъ или въ дѣлопроизводствѣ вообще. *Очевидно, что правильное розысканіе* о томъ и другомъ можетъ быть сдѣлано только такимъ лицомъ, которому хорошо извѣстенъ *судебный механизмъ, со всѣми его спеціальностями и подробностями, однимъ словомъ, лицамъ практически знающимъ весь судебный порядокъ.* Здѣсь важно не столько личное довѣріе министра юстиціи къ ревизующему лицу, сколько довѣріе, внушенное положеніемъ этого лица въ обществѣ и особенно въ судебной іерархіи».

---

[1]) Такъ это было въ 1870 году по вопросу о томъ: слѣдуетъ ли прокурорамъ, давая свои заключенія въ судѣ, сидѣть или стоять. Кассаціонный департаментъ сената, основываясь на томъ, что прокуроръ въ судѣ занимаетъ такое же мѣсто, какъ вообще всѣ защитники, рѣшилъ, что они должны стоять; министерство же велѣло подвергнуть дисциплинарному преслѣдованію кишиневскаго предсѣдателя мирового съѣзда за то, что онъ просилъ прокурора давать заключеніе свое стоя... Спасовичъ замѣчательно защищалъ дѣло мирового съѣзда.

Основываясь на этихъ положеніяхъ большинство отвергло право министра ревизовать судебныя мѣста посредствомъ своихъ чиновниковъ; такимъ образомъ право министерства производить ревизіи, непосредственно или чрезъ членовъ палатъ, устраняетъ, нѣкоторымъ образомъ, неудобства, которыя могли бы быть вызваны въ практикѣ правилами комиссіи.

Въ связи со всѣмъ сказаннымъ мною имѣетъ также вопросъ о томъ: можно ли предоставить министру право требовать отъ судей объясненія по возникшимъ на нихъ жалобамъ. Выше я уже говорилъ, что практика можетъ понять, что на дѣйствія судей и на противузаконныя ихъ поступки могутъ возникнуть жалобы министру не только отъ прокуратуры, но и отъ частныхъ лицъ. Мысль эта, вѣроятно, возникла также и у членовъ редакціонной комиссіи; поэтому 7 членовъ требовали принятія правила: что министерство имѣетъ право требовать объясненія по жалобамъ отъ всѣхъ судей, кромѣ отъ сенаторовъ; а 18 членовъ — отвергали это правило.

«Министръ юстиціи, говорило меньшинство,—можетъ иногда признать нужнымъ, прежде принятія оффиціальныхъ мѣръ, имѣть въ виду ближайшія о дошедшихъ до него обстоятельствахъ свѣдѣнія. Онъ можетъ, конечно, собраніе ихъ поручать мѣстнымъ лицамъ прокурорскаго надзора; но возможны и такіе случаи, въ которыхъ министръ юстиціи найдетъ это средство или ненадежнымъ, или же неблаговиднымъ въ отношеніи къ должностному лицу, противъ котораго поступили къ нему *жалоба, донесеніе* или *извѣтъ*, и предпочелъ бы непосредственное со стороны этого лица объясненіе».

Далѣе, меньшинство говоритъ: „имѣя въ виду, что *первый* изъ этихъ исходовъ не согласенъ съ положеніемъ министра юстиціи и самыхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства; а *второй* противорѣчилъ бы обязанностямъ и интересу начальника судебной администраціи — заботиться объ отвращеніи *всякаго нарушенія существующихъ по судебному вѣдомству правилъ*,—семь членовъ признаютъ необходимымъ предоставить министру право требовать отъ нихъ объясненія.

Но дѣло въ томъ, что меньшинство и не замѣчало: во 1-хъ, что предоставленіе такихъ правъ министерству обременило бы его только обязанностью принимать *жалобы, извѣты* и *доносы* на судей отъ всѣхъ частныхъ лицъ, по всѣмъ частнымъ ихъ дѣламъ; такъ какъ меньшинство придаетъ ему право отвращать *всякія нарушенія существующихъ по*

судебному вѣдомству правилъ,—что вовсе не входитъ въ программу министерства.

2) Что право это можетъ принадлежать только кассаціонному суду и если это право предоставить и министру, то между ними неминуемо произошолъ бы антагонизмъ, во вредъ правосудію.

Въ опроверженіи своемъ, большинство не обратило вниманія на эти главнѣйшіе доводы, а разсматриваетъ только право министра на требованіе объясненія и находитъ, что это право противорѣчило бы главному изъ принятыхъ основными положеніями преобразованія судебной части принципу,—отдѣленія судебной власти отъ административной.

«Судъ, говоритъ большинство,—получивъ отъ министра юстиціи поданую ему жалобу на должностное лицо, и имѣя въ виду, что она уже разсмотрѣна, въ совокупности съ объясненіемъ обжалованнаго, и что передача ея къ судебному разсмотрѣнію есть доказательство признанія ея министромъ уважительною [1]), а оправданіе обжалованнаго не заслуживающимъ уваженія,—будетъ поставленъ въ затрудненіе произнести оправдающій приговоръ, хотя бы и признавалъ жалобу основательною».

Нельзя вполнѣ не раздѣлять этого мнѣнія по его логичности; но послѣдствія самого неограниченнаго права министра вмѣшиваться *во всякія* нарушенія судебныхъ правилъ были бы еще болѣе серьезныя, *такъ какъ сдѣлали бы министерство центральнымъ мѣстомъ всѣхъ жалобъ частныхъ* лицъ на судей и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали бы его истиннымъ истолкователемъ судебныхъ законовъ, правилъ, и судебныхъ обычаевъ.

О дисциплинарной отвѣтственности судей [2]).

Отвѣтственность судей, какъ мы выше видѣли, смотря по роду ихъ проступка, можетъ быть дисциплинарная и уголовная; первая, въ отношеніи служебной ихъ дѣятельности — обнимаетъ проступки и дѣянія незначительные, вторая проступки уголовные. И такъ какъ положительныя законодательства вообще, по роду дѣяній и соразмѣр-

---

[1]) Не нужно забывать, что меньшинство проэктировало, чтобы непосредственному усмотрѣнію министра было предоставлено требовать или не требовать по жалобамъ объясненія.

[2]) Предметъ этотъ принадлежитъ отчасти уголовному праву, отчасти судопроизводству; но такъ какъ *порядокъ* дисциплинарной отвѣтственности изложенъ въ уставѣ судебныхъ учрежденій, то и я излагаю этотъ предметъ въ настоящемъ томѣ.

ности съ ними наказаній и полагаютъ различное дѣлопроизводство и подсудность этихъ дѣлъ, то и въ отношеніи отвѣтственности судей они, смотря по роду ихъ нарушеній, полагаютъ — или дисциплинарную отвѣтственность или уголовную; и смотря по этимъ двумъ родамъ отвѣтственности, самая подсудность и самое дѣлопроизводство раздѣляются: на дисциплинарное и уголовное. Какъ подсудность, такъ и порядокъ уголовной отвѣтственности судей, касаясь уголовнаго судопроизводства, будутъ разсмотрѣны мною въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же мы разсмотримъ только дисциплинарную отвѣтственность судей и самое дѣлопроизводство, такъ какъ этотъ родъ отвѣтственности тѣсно связанъ со всею системою судоустройства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ отъ совершенства или несовершенства его болѣе или менѣе сохраняется самостоятельность и независимость судей.

По предмету этому большая часть постановленій редакціонной комиссіи превосходны, и всѣ разсужденія ея по этому предмету носятъ въ себѣ характеръ строгой научности.

«Въ каждомъ установленіи, говоритъ она,—правильная внутренняя дисциплина есть первое условіе хорошей его организаціи. Внутренняя дисциплина, побуждая всякого исполнять въ точности свои обязанности, ни въ чемъ не отступать и не уклоняться отъ установленныхъ правилъ,—служитъ вернѣйшимъ залогомъ прочнаго порядка. Она слѣдитъ съ равнымъ вниманіемъ за всякою, даже самою малозначительною виною каждаго члена установленія; но собственно не для того, чтобы преслѣдовать его и наказать, а единственно для того, чтобы благовременнымъ взысканіемъ за малую вину не дать развиться наклонности къ пренебреженію обязанностями и чрезъ то предупредить болѣе важныя упущенія и самыя преступленія».

Вслѣдствіе этого комиссія занялась разработкою двухъ предметовъ: а) опредѣленіемъ разныхъ видовъ дисциплинарныхъ взысканій; б) опредѣленіемъ порядка дисциплинарнаго производства.

а) О дисциплинарныхъ взысканіяхъ.

Первое основное правило въ отношеніи судей, для сохраненія ихъ самостоятельности, должно быть: что они административнымъ порядкомъ не могутъ быть подвергнуты никакимъ взысканіямъ по службѣ, какъ бы ничтожны ни были эти взысканія, такъ какъ всякое взысканіе, налагаемое однимъ лицомъ на другое, выражаетъ извѣстную подчиненность; а при послѣднемъ условіи нарушается понятіе о самостоятельности судьи,

одного изъ существенныхъ условій свободнаго сужденія. Поэтому нельзя не сочувствовать принятому основными положеніями судебной реформы въ Россіи началу: «что на судей никакое взысканіе не можетъ быть наложено иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла особымъ дисциплинарнымъ порядкомъ: въ отношеніи мировыхъ судей, предсѣдателей и членовъ окружныхъ судовъ — въ общемъ собраніи департаментовъ судебной палаты; а въ отношеніи предсѣдателей и членовъ сихъ палатъ—въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ сената.»

При дальнѣйшемъ же развитіи этого основного начала, редакціонная комиссія, при разсмотрѣніи самыхъ видовъ дисциплинарнаго взысканія, нашла, что указанная въ этомъ отношеніи основными положеніями ст. 73 улож. о наказ. не можетъ вполнѣ быть принята въ отношеніи судей.

Статья эта къ наказаніямъ, *безъ преданія суду*, относитъ: замѣчанія, выговоры—безъ внесенія въ послужной списокъ, вычетъ изъ жалованья, арестъ не болѣе какъ на 7 дней, перемѣщеніе съ высшихъ должностей на низшую и удаленіе отъ должности.

Изъ этихъ родовъ наказаній комиссія, въ отношеніи *судебнаго вѣдомства*, отвергла:

1) «*Вычетъ изъ жалованья*, такъ какъ онъ оставляетъ человѣка совершенно безъ средствъ къ существованію. Вмѣсто этого, для лицъ, не пользующихся несмѣняемостью, комиссія предполагала установить: устраненіе совершенно отъ должности до 6 мѣсяцевъ, съ потерею устраненнымъ за это время своего содержанія.»

2) «*Арестъ*, который можетъ быть примѣненъ развѣ къ низшимъ чинамъ судебнаго вѣдомства, да и въ отношеніи этихъ лицъ эта мѣра представляетъ много неудобствъ, по небольшому штату лицъ суда.» Мы же присовокупимъ еще то, что *арестъ* есть дѣло позорное и правомъ ареста не слѣдуетъ злоупотреблять: какъ будто бы и низшіе чины судебнаго вѣдомства не имѣютъ ни самолюбія, ни чувства чести.

3) Перемѣщеніе съ высшей должности на низшую, также непримѣнимое ни къ судьямъ, ни къ чинамъ прокурорскаго надзора, ни даже къ оберъ-секретарямъ и секретарямъ,—представляетъ и въ отношеніи къ низшимъ судебнымъ чинамъ то неудобство, что, подвергая ихъ чувствительному пониженію, оскорбляетъ ихъ самолюбіе [1]) и слѣдовательно составляетъ наказаніе, несоотвѣтсвующее цѣли дисциплинарнаго исправленія.

---

[1]) Эти благородныя слова комиссіи не могутъ не возбудить полнѣйшаго

Поэтому редакціонная комиссія проектировала только слѣдующіе виды взысканій:

Предостереженіе, какъ показываетъ и прямой смыслъ этого слова, собственно не составляетъ взысканія. Это самая легкая дисциплинарная мѣра, состоящая лишь въ постановленіи на видъ должностному лицу, что его неисправность сдѣлалась извѣстною начальству и какъ бы въ совѣтѣ—воздержаться отъ подобныхъ упущеній. *Замѣчанія* и *выговоры*, согласно нынѣ дѣйствующему порядку, различаются большею или меньшею степенью *укора* за упущеніе по службѣ и составляютъ уже родъ угрозы болѣе строгаго взысканія. Предостереженія, замѣчанія и выговоры могутъ быть дѣлаемы на словахъ и письменно. Временное устраненіе отъ должности, какъ о томъ упомянуто выше, сопровождается потерею жалованья за все время устраненія; оно можетъ быть назначаемо не болѣе какъ 6 мѣсяцевъ и опредѣляется письменными постановленіями.

Наконецъ, совершенное удаленіе отъ должности влечетъ за собою потерю званія по судебному вѣдомству, а также права на пенсію изъ эмеритальной кассы этого вѣдомства, но не лишаетъ права поступать на службу по другимъ вѣдомствамъ.

Эти мѣры, по своей гуманности и разумности, не могутъ не быть одобряемы: они, съ одной стороны, не даютъ поблажки нерадивымъ судьямъ и чинамъ судебнаго вѣдомства; съ другой стороны, они исключаютъ все то, что можетъ вредно вліять не только на матерьяльное благосостояніе провинившагося лица, но даже на его *самолюбіе*. Редакціонная комиссія, въ этомъ случаѣ, вполнѣ сознала, что лицо провинившееся — еще не совершенно потерянно для общества; что полученное имъ наказаніе должно лишь служить ему урокомъ — быть исправнѣе на предбудущее время. Поэтому комиссія обращается съ нерадивымъ судьею и чиновникомъ какъ съ больнымъ, котораго она беретъ подъ покровительство закона и даетъ ему только урокъ какъ вести себя. Такое гуманное начало впервые проявляется въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, въ которомъ преобла-

---

сочувствія автора... Ему извѣстенъ недавній случай по *морскому министерству*, гдѣ послѣднее рѣшило: что предсѣдатель (суднаго учрежденія) имѣетъ право перевести сочлена своего съ высшей должности на низшую *за неповиновеніе*. Вотъ въ какую трущобу еще многіе у насъ заходятъ, примѣняя военную дисциплину къ учрежденіямъ, гдѣ требуется свобода мнѣній членовъ и дѣлопроизводителей.

даетъ такъ называемый элементъ *справедливаго возмездія*; здѣсь же рѣчи вовсе нѣтъ о наказаніи, а лишь объ *исправленіи* нерадиваго судьи: поэтому, исключивъ его изъ судебной корпораціи, комиссія оставляетъ за нимъ все-таки право поступить на службу по другимъ вѣдомствамъ.

Подобный же гуманный характеръ носитъ на себѣ и опредѣленіе комиссіею самыхъ *упущеній*, за которыя слѣдуютъ дисциплинарныя взысканія.

Оставивъ дѣйствующими только слабѣйшія наказанія, комиссія примѣнила ихъ къ упущеніямъ, за которыя по уложенію полагалось: вычетъ съ жалованья, удаленіе отъ должности, и вычетъ изъ времени службы, дающей право на полученіе наградъ, пенсій и знаковъ отличій безпорочной службы.

Въ отношеніи послѣдняго въ особенности замѣчательны слова комиссіи: «вычетъ, съ одной стороны, весьма неудобенъ по своей неравномѣрности — ибо для начинающаго службу онъ не имѣетъ почти никакого значенія, тогда какъ для служившаго долгое время всякое отдаленіе права на пенсію было бы чрезвычайно чувствительно; а съ другой стороны несоотвѣтствуетъ условіямъ службы по судебному вѣдомству, между прочимъ потому, что съ установленіемъ особой по этому вѣдомству эмеритальной кассы, едва ли можетъ быть оставленъ такъ *часто примѣняемый уложеніемъ* вычетъ изъ времени службы, дающей право на эмеритальную пенсію.»

Нельзя вполнѣ не сочувствовать этимъ исполненнымъ любви словамъ комиссіи: въ нихъ выразилось то благодѣтельное вѣянье прогресса, которое проникло во всѣ слои нашего общества и которое такъ неудержимо рвется подчинить весь нашъ общественный строй строгой логикѣ здраваго смысла... Да и пора покончить съ старымъ понятіемъ о наказуемости въ видѣ *справедливаго возмездія* за проступки и пора наконецъ юристамъ убѣдиться, что крайняя цѣль наказанія должна быть — только предупрежденіе проступка на будущее время и исправленіе, если возможно, самого преступника... Но кромѣ ссылки на уложеніе, комиссія полагаетъ подвергать взысканію судей еще за тѣ проступки, за которые постановленіями учрежденій судебныхъ мѣстъ и уставами гражданскаго и уголовнаго судопроизводства положены взысканія.

Однакожъ въ комиссіи произошло разногласіе по вопросу: о распространеніи дисциплинарной отвѣтственности *на всякіе* предосудительные поступки должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

10 членовъ были за эту мѣру, 15—противъ нея.

Первые, во имя высокаго достоинства суда и значенія судьи, аргументировали свое положеніе слѣдующими доводами: 1) обязанности судьи такъ разнообразны, что ни одно законодательство не въ состояніи ихъ перечислить, и поэтому никакой кодексъ не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ нарушеній. Оставлять же такія дѣйствія безъ вниманія было бы тоже, что поощрять къ небреженію и всякими другими обязанностями. 2) Достоинство судьи зависитъ не только отъ его способностей и юридическихъ познаній, но и отъ нравственныхъ его качествъ. 3) Всякій поступокъ судьи, могущій подвергнуть сомнѣнію его честность, безпристрастіе, чистоту нравовъ, или въ чемъ-либо иномъ предосудительный, подрываетъ должное къ нему уваженіе, оскорбляетъ достоинство его званія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и достоинство всего суда. Этотъ судъ, оскорбленный поступками своего члена, долженъ имѣть неотъемлемое право требовать отъ него отчета въ этомъ оскорбленіи. Но если проступками, оскорбляющими нравственное достоинство званія судьи, считать только тѣ, которые въ законѣ о наказаніяхъ признаются преступленіями противъ общественной нравственности и нарушеніемъ ограждающихъ ее постановленій, то, при нѣкоторомъ умѣньи скрывать преступные признаки самыхъ безнравственныхъ поступковъ, нашъ будущій судъ былъ бы лишенъ всякой возможности охранять въ своей средѣ одну изъ важнѣйшихъ своихъ принадлежностей—добрую нравственность. 4) Можно бы сказать, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ чью-либо частную жизнь до тѣхъ поръ, пока въ ней нѣтъ ничего запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія или взысканія; но это воззрѣніе въ отношеніи къ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства не совсѣмъ вѣрно. Характеръ частной жизни непремѣнно отразится и въ жизни публичной. Легкомысліе, невоздержность, заносчивость, расточительность, привычка дѣлать долги и тому подобныя, хотя и непризнаваемыя преступленіями, житейскія слабости, едва ли когда-либо могутъ мириться съ требуемыми отъ судьи: внимательностью, зрѣлостью сужденія, безпристрастіемъ и безкорыстіемъ. 5) Основываясь на этихъ главныхъ началахъ, меньшинство проектировало — предоставить право высшему суду, въ общемъ собраніи своихъ департаментовъ, привлекать къ дисциплинарной отвѣтственности должностныя лица судебнаго вѣдомства за такіе поступки, *которые хотя и не предусмотрѣны по уголовнымъ законамъ, но въ общемъ мнѣніи, раздѣляемымъ этимъ многочисленнымъ присутствіемъ суда*

признаются предосудительными. 6) Въ заключеніе же меньшинство присовокупляло: что если самъ судъ не будетъ имѣть высшаго надзора за тѣмъ, что можетъ служить къ поддержанію достоинства судебнаго сословія, то надзоръ этотъ перейдетъ, въ силу необходимости, къ министерству юстиціи, которое вслѣдствіе этого и получитъ значеніе *начальства* надъ лицами судебнаго вѣдомства, а не высшей по этому вѣдомству администраціи, чѣмъ оно должно быть по самой цѣли этого учрежденія.

Сущность отвѣта большинства заключается въ слѣдующемъ:

«Всѣ положительныя законодательства согласны въ томъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, непредусмотрѣнное закономъ. Это мудрое правило ограждаетъ личность каждаго гражданина отъ несправедливыхъ преслѣдованій. При его отсутствіи каждый могъ бы опасаться, что его дѣйствія будутъ признаны преступными и что онъ подвергнется наказанію. Очевидно, что дополненіе, предлагаемое меньшинствомъ, по которому поступки, противные добрымъ нравамъ, благопристойности и приличію, подвергаются взысканію, нарушаетъ приведенное правило: такъ какъ въ законахъ не опредѣлено, что должно понимать подъ такими поступками. Подведеніе того или другого поступка подъ предлагаемое дополненіе вполнѣ зависитъ отъ личнаго, субъективнаго взгляда человѣка и мѣняется, смотря по времени и мѣсту. Такъ, иной можетъ считать *несоблюденіе постовъ, занятіе торговлею, знакомство съ людьми другого класса* или *другой вѣры, посѣщеніе театровъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ, несоблюденіе моды* и пр. — поступками, противными добрымъ нравамъ, благопристойности и приличію. Исторія представляетъ много разительныхъ примѣровъ, до какихъ странностей доходили люди, увлекавшіеся религіозными, національными или сословными предразсудками. Правила добрыхъ нравовъ, благопристойности и приличія столь неопредѣленны, что наказывать за ихъ нарушеніе, значитъ—освящать полный произволъ, значитъ предоставлять каждаго судью на жертву его товарищей. Но независимо отъ этого, это предположеніе не можетъ быть принято потому, что *законодатель не имѣетъ права вмѣшиваться въ частную жизнь гражданъ* [1]). До тѣхъ поръ, пока чьи-либо дѣй-

[1]) Однакожъ мы не можемъ этого сообразить съ постановленіемъ комиссіи, вошедшемъ въ положеніи 20 ноября 1864 года, что люди, состоящіе подъ опекою *за расточительность*, не могутъ быть судьями... Развѣ расто-

ствія не нарушаютъ правъ другого лица, дѣйствія эти не подлежатъ карательному закону. Если дѣйствія человѣка безнравственны, то онъ отвѣчаетъ предъ *совѣстью*, можетъ отвѣчать предъ *общественнымъ мнѣніемъ*, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ отвѣчать предъ *государствомъ*. Говорятъ, что дисциплинарныхъ взысканій не должно смѣшивать съ уголовными наказаніями, и что дисциплинарное производство есть ничто иное, какъ *домашній судъ*. Но что такое домашній судъ?... Законъ не установляетъ его. Если отецъ наказываетъ проступки своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и если это называть домашнимъ судомъ, то судьи представляются уже людьми взрослыми и находятся между собою не въ родственныхъ отношеніяхъ, а въ отношеніяхъ служебныхъ, чистовнѣшнихъ. Конечно между судьями, какъ и въ каждомъ сословіи, можетъ образоваться свое общественное мнѣніе, порицающее тотъ или другой поступокъ кого-либо изъ ихъ среды, но мнѣніе это должно дѣйствовать только нравственными средствами, а не наказаніями положительнаго закона.»

Мы раздѣляемъ вполнѣ это мнѣніе въ отношеніи того, что называется *добрыми нравами* и *благопристойностью*: понятіе того и другого дѣйствительно весьма относительно... Квакеры, напримѣръ говорятъ всѣмъ «*ты*», да и у насъ въ Россіи многіе употребляютъ это слово вовсе не въ смыслѣ обидномъ. Въ Америкѣ дѣвицы непосредственно не только посѣщаютъ всѣ общественныя мѣста и дѣлаютъ визиты, но разѣзжаютъ съ однихъ концовъ штатовъ до другихъ безъ компаньонокъ и даже *кавалеровъ*, и это не считается предосудительнымъ. У насъ же, даже въ Петербургѣ, женщина не можетъ показаться на улицу безъ проважатаго, иначе она подвергается оскорбленію. И когда стали публиковывать о такихъ оскорбителъях, то нашлись еще господа, вопіявшіе противъ этого.... Въ жизни домашней иногда встрѣчаются различные взгляды на нравственность, зависящіе нестолько отъ безнравственности человѣка, какъ отъ взгляда его на бракъ и на женщину: такъ напримѣръ, Руссо только въ глубочайшей старости женился на своей Терезѣ и то не по принципу, а единственно для того, чтобы передать ей права на изданія своихъ

чительность не есть частное дѣло каждаго лица?... Кому какое дѣло; какое употребленіе я дѣлаю моимъ имуществомъ?

сочиненій. [1]) Переписка Мирабо съ своей «Sophie» [2]), его страсть къ игрѣ и мотовству, вслѣдствіе чего онъ содержался даже нѣкоторое время въ тюрмѣ, — также весьма поучительны въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ ни Руссо, ни Мирабо [3]) не могутъ получить упрека, чтобы ихъ общественная дѣятельность страдала отъ образа ихъ жизни и взгляда на такъ называемые добрые нравы. Человѣкъ можетъ быть самой безукоризненной честности, такъ что онъ не пожертвуетъ ни общественнымъ благомъ, ни своими убѣжденіями, ни своими обязанностями, ради самыхъ высшихъ земныхъ благъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него могутъ быть свои слабости, которыя не имѣютъ ничего общаго съ его долгомъ къ обществу... Кому же какое дѣло не только вникать въ эти слабости, но даже взыскивать или наказывать его за нихъ. И поэтому большинство комиссіи весьма справедливо говоритъ, что за эти слабости человѣкъ можетъ только отвѣчать предъ своею совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ... Но какъ поступать съ судьею въ томъ случаѣ, когда онъ внѣ служебныхъ обязанностей совершилъ поступокъ, который самъ по себѣ въ высшей степени предосудителенъ и который бросаетъ не только на него тѣнь, но который подрываетъ совершенно общественное къ нему довѣріе и за который, по закону, опредѣляется наказаніе *легкое*, такъ что онъ по закону не можетъ быть исключенъ изъ судебнаго вѣдомства?.. Такъ напримѣръ, по уложенію о наказаніяхъ: кто найдетъ чужую вещь или чужія деньги и *утаитъ* ихъ, тому слѣдуетъ въ наказаніе только уплата вдвое; [4]) лица, отдающія въ наемъ или въ пользованіе кому либо *чужое* имущество, не имѣя на то права или уполномочія, подвергаются только аресту на 3 недѣли... А вѣдь оба эти поступка очень предосудительны... Вообще же наше законодательство налагаетъ наказанія — заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до одного года въ смирительномъ домѣ или въ тюрьмѣ, или въ крѣпости, безъ потери *особыхъ* правъ, (куда и относятся право по *службѣ*), — за очень серьезные поступки, которые совершенно несовмѣстны

---

[1]) См. «исповѣдь» Руссо.

[2]) См. полное собранія сочиненій Мирабо. Указаніе на эту связь Мирабо мы находимъ въ каждой обстоятельной біографіи его.

[3]) Послѣдняго еще упрекаютъ въ томъ, что будто бы *онъ* былъ при концѣ жизни подкупленъ правительствомъ Людовика XVI; но это еще совсѣмъ не доказано (см. исторію жирондистовъ Ламартина).

[4]) ст. 2273, т. XV. изд. 1857.

съ общественнымъ положеніемъ судьи. Какъ же въ подобныхъ случаяхъ поступать?..

Еще состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ не можетъ быть такимъ настоятельнымъ поводомъ къ лишенію человѣка добраго имени и права быть судьею, такъ какъ то и другое можетъ быть еще послѣдствіемъ лживаго доноса, неосновательнаго подозрѣнія; но если кто-либо уже обвиненъ судомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ въ предосудительномъ поступкѣ и если онъ даже получилъ наказаніе, то само собою разумѣется, что онъ болѣе не можетъ оставаться судьею. Не вправѣ-ли въ этомъ случаѣ сказать общественное мнѣніе: самъ судъ раскрылъ гласно предъ обществомъ виновность судьи, показалъ всю грязь его души и совѣсти; какъ же, послѣ этого, судъ можетъ его оставить сочленомъ своимъ и ввѣрять ему все наше благосостояніе, всю нашу внутреннюю и внѣшнюю жизнь! И подобныя слова будутъ совершенно логичны и разумны: нельзя имѣть довѣрія къ рѣшеніемъ того человѣка который оказался безнравственнымъ и безсовѣстнымъ; поэтому удаленіе такого человѣка изъ суда есть дѣло крайней необходимости: иначе можетъ пострадать достоинство суда, можетъ быть поколеблено спокойствіе общества, можетъ нарушиться самое правосудіе въ государствѣ.

Но еще одинъ вопросъ: какъ вы опредѣлите случаи, при которыхъ судья долженъ быть удаленъ, по проступкамъ внѣ службы, отъ должности?..

Если мы отвѣтимъ на это разграниченіемъ *преступности* по наказуемости, опредѣляемой нашимъ законодательствомъ, то мы впадемъ въ такую же ошибку, какъ впала комиссія, опредѣливъ ту мѣру наказанія, при которой гражданинъ лишался права быть судьею...

Сказать, подобно положенію 20 ноября, при постановленіи имъ условій для опредѣленія къ должностямъ судьи, что лица, приговоренныя къ вообще *тюремному заключенію*, не могутъ быть судьями, то мы впадемъ также въ большія ошибки, такъ какъ тюремное заключеніе можетъ заключать и проступки, которые противузаконны, но не предосудительны и не имѣютъ ничего общаго ни съ добрыми нравами, ни съ понятіямъ о сущности судьи. Поэтому ближе всего было бы при проступкѣ судьи внѣ служебныхъ его обязанностей, предоставить соединеннымъ кассаціоннымъ департаментамъ сената опредѣлять: можетъ-ли судья оставаться на должности при полученномъ имъ наказаніи или — нѣтъ [1]). Въ этомъ случаѣ, если

[1]) Въ такомъ смыслѣ и разрѣшонъ вопросъ законодательствомъ. См. ниже.

законъ опредѣляетъ лишь, по политическому своему принципу, сильное наказаніе за проступокъ, не заключающій въ себѣ ничего безчестнаго, то сенатъ оставитъ судью на должности даже при наказаніи его; если же законъ за поступокъ предосудительный налагаетъ наказаніе болѣе слабое, то кассаціонный судъ, не смотря на это, устранитъ отъ должности судью.

Наконецъ, могутъ быть случаи, когда въ проступкѣ судьи ничего не будетъ по закону преступнаго; между же тѣмъ онъ будетъ сильно окомпрометированъ своими дѣйствіями въ общественномъ мнѣніи, и цѣлое общество или цѣлая корпорація обратитъ—просьбою или въ печати—вниманіе кассаціоннаго суда на публичное попраніе судьею своего достоинства и общества,—то въ подобномъ случаѣ нельзя не предоставить кассаціонному департаменту права—предложить судьѣ удалиться изъ судебнаго вѣдомства.

Не нужно забывать, что право *несмѣняемости* судей установлено не какъ привиллегія судей, а во имя правосудія, и во имя того же правосудія нельзя также закрыть и обществу всѣ пути избавиться отъ дурного человѣка. Судья не существуетъ съ правомъ несмѣняемости *самъ по себѣ*, а для общества и единственно для блага послѣдняго дается судьѣ это право. Но обратно: нельзя же сдѣлать это право безусловнымъ или ставить его въ такіе предѣлы, чтобы не было возможности не формальнымъ порядкомъ его избавиться... Читатели мои видѣли, какъ подробно я объизслѣдовалъ тѣ положенія Бентама, по которымъ онъ отрицалъ совершенно несмѣняемость, и что я на сторонѣ самой строгой несмѣняемости; но нельзя же и обществу закрыть всѣ пути къ тому, чтобы освободиться отъ суда, который не уважаетъ его нравственнаго чувства, его обычаевъ и который явно попираетъ общепринятыя правила чести... Такъ напримѣръ: что вы скажете о человѣкѣ, который въ публичномъ мѣстѣ позволяетъ себѣ, положимъ, браниться, драться и безчинствуетъ ради того только, что онъ занимаетъ серьезный и высокій общественный постъ и потому только, что онъ можетъ показать, что онъ *сильный міра сего*. Согласитесь, что въ подобномъ поступкѣ проглядываетъ ужь совершенное неуваженіе его къ общечеловѣческимъ правамъ, и подобный господинъ не заслуживаетъ не только оставаться судьею, но даже быть пущеннымъ на порогъ порядочнаго дома. На подобные же поступки у насъ обращается очень мало вниманія и даже если за подобные поступки цѣлая корпорація изгоняетъ иногда изъ своего общества такого господина, то онъ все-таки остается на своей должности...

А вѣдь это ужь—попраніе общественнаго мнѣнія, попраніе всего, что дорого обществу...

Затѣмъ комиссія, имѣя въ виду: 1) что постановленія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства не достигнутъ предположенной цѣли, если виновные въ упущеніяхъ, подвергающихъ этимъ взысканіямъ, не будутъ удерживаемы отъ повторенія упущеній этого рода страхомъ болѣе чувствительной для нихъ отвѣтственности, а потому она постановила: что судьи, которые втеченіе трехъ лѣтъ подвергнутся три раза дисциплинарному взысканію строже предостереженія и замѣчанія, за новое послѣ того нарушеніе, хотя бы также подлежащее лишь дисциплинарному взысканію, предаются уголовному суду. 2) Что когда судья за преступленіе и проступокъ, хотя и не относящіеся къ службѣ, будетъ приговоренъ *уголовнымъ судомъ* ко взысканію или наказанію, даже и не влекущему за собою потерю права на службу, то оставленіе такого лица на службѣ могло бы весьма неблагопріятно дѣйствовать на всю судебную часть, подрывая въ обществѣ довѣріе къ судебнымъ чинамъ: а посему комиссія полагала, чтобы о каждомъ подобномъ случаѣ министръ юстиціи предлагалъ на обсужденіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ сената, которое, истребовавъ объясненіе отъ должностного лица, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, постановить объ удаленіи его отъ должности.

Соглашаясь вполнѣ въ разумности этихъ правилъ, мы однакоже не можемъ не сказать,—что дѣло, преслѣдуемое порядкомъ гражданскимъ и дисциплинарнымъ, можетъ быть, по содержанію своему, иногда болѣе предосудительнымъ, чѣмъ дѣло, преслѣдуемое порядкомъ уголовнымъ: поэтому, съ одной стороны, нельзя не одобрить того, что комиссія предоставила непосредственно усмотрѣнію правительствующаго сената удаленіе судьи отъ должности, если будетъ приговоръ уголовнаго суда; съ другой стороны, желательно бы было, чтобы это правило было отнесено и на дѣла, рѣшаемыя порядками—дисциплинарнымъ и гражданскимъ.

б) *О порядкѣ дисциплинарнаго производства.*

1) *Особенности дисциплинарнаго производства и порядокъ вчинанія этихъ дѣлъ.*

Дисциплинарное производство, по сущности своей, можетъ возникать по иниціативѣ частныхъ и офиціальныхъ лицъ: въ первомъ случаѣ упущенія судей могутъ касаться непосредственно интересовъ первыхъ; во второмъ — хотя они также могутъ ихъ касаться, послѣдніе же, однакожъ,

могутъ и не обратить на нихъ вниманіе; но такъ какъ отъ этихъ упущеній можетъ пострадать достоинство суда, то возникаетъ необходимость возстановить порядокъ по иниціативѣ самого суда. Независимо отъ этого, нарушенія могутъ касаться собственно порядка, установленнаго въ судѣ; поэтому возникаетъ необходимость предоставленіе суду непосредственно возстановить нарушенное право.

Изъ этой двойственности возникновенія дисциплинарнаго дѣлопроизводства и вытекаетъ понятіе о необходимости установить двѣ различныя его формы: гдѣ частныя лица начинаютъ сами дѣлопроизводство, тамъ форма должна быть сложнѣе; гдѣ же начинаетъ дѣло непосредственно судъ, тамъ дѣлопроизводство должно быть проще. То и другое основывается на томъ, что если страдаютъ интересы частныхъ лицъ, и если законодательство полагаетъ для нихъ извѣстныя формы, то эти формы должны безразлично простираться на всякія дѣла. Отсюда возникаетъ потребность дать дисциплинарному дѣлопроизводству, возникающему по начинанію частныхъ лицъ, тѣ же самыя гарантіи, какія полагаются вообще для правильнаго отправленія правосудія. Но иной характеръ могутъ имѣть дѣла, возникающія непосредственно изъ иниціативы суда: здѣсь частное лицо не выступаетъ съ своими интересами, и здѣсь рѣчь идетъ только о сохраненіи судомъ своего порядка и своего достоинства; поэтому судъ имѣетъ полное право возстановить у себя порядокъ домашнимъ образомъ, не разглашая самаго дѣла, дабы не подрывать къ себѣ довѣрія общества. И дѣйствительно, внутренній распорядокъ суда — есть его домашнее дѣло и если безъ огласки онъ можетъ возстановить у себя порядокъ, то никому нѣтъ дѣла—какъ и какимъ путемъ онъ этого достигъ, лишь бы сохранилось достоинство суда, интересы правосудія и не страдало общественное спокойствіе. Разглашеніе же, въ этомъ случаѣ, своего дѣла судомъ, могло бы только повести къ скандалу, не принося самому дѣлу никакой пользы. Поэтому, по теоріи, слѣдуетъ дисциплинарному производству, начатому по иниціативѣ частнаго лица, дать болѣе сложныя формы; а дѣлопроизводству, начатому судомъ — менѣе сложныя, такъ что второй долженъ имѣть форму *суда домашняго*.

Редакціонная же комиссія, имѣя только въ виду, что вообще по дисциплинарному производству основныя положенія [1]) даютъ процессу харак-

---

[1]) Ст. 59 и 61, ч. I.

теръ домашняго суда, а потому установила это дѣлопроизводство вообще безъ формальнаго слѣдствія, безъ публичности засѣданія и гласности, съ предоставленіемъ непосредственно суду установить процессуальную форму. Право же вчинанія самаго иска въ отношеніи судей предоставила она судебнымъ мѣстамъ или министру юстиціи; а въ отношеніи частныхъ лицъ, то они должны бы были обращаться къ прокурору съ просьбою о начатіи дѣла и только въ случаѣ отказа послѣдняго они вправѣ бы были сами начинать искъ [1]).

При этомъ комиссія говоритъ: «имѣя, однакожъ, въ виду, что правила судебной дисциплины установляются *исключительно* для охраненія порядка судебной службы и огражденія достоинства магистратуры, а не *въ интересѣ* частныхъ лицъ, которыя, въ случаѣ нарушенія судебными чинами ихъ правъ или причиненія имъ убытковъ, могутъ отыскивать ихъ способами, указанными въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ»; а потому комиссія признала нужнымъ установить:

1) Что убытки, причиненные упущеніями, за которыя судебные чины подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, могутъ быть отыскиваемы общимъ гражданскимъ порядкомъ [2]).

2) Что дисциплинарное производство, начатое вслѣдствіе жалобы частнаго лица, не можетъ быть прекращено, хотя бы это лицо и желало потомъ отказаться отъ своей жалобы.

3) Наконецъ, для отвращенія въ дисциплинарномъ производствѣ несогласной съ его простотою сложности и всякихъ затрудненій въ разборѣ давно случившихся упущеній,— необходимо принять за правило, что дисциплинарное производство можетъ быть возбуждаемо только до истеченія *одного года* со времени учиненія нарушенія, подлежащаго дисциплинарному взысканію.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить: что взглядъ комиссіи на то, что будто бы сущность дисциплинарнаго производства установляется лишь для исключительнаго поддержанія порядка службы, а *не въ интересахъ частныхъ лицъ*,—не совсѣмъ согласно съ понятіемъ о сущности суда и отвѣтственности его членовъ. По взгляду комиссіи: служебная дѣятельность суда есть что-то особенное, отличающееся отъ обязанностей судей

---

[1]) Ст. 247 и 248 проэкта редакц. комиссіи.
[2]) Это правило отвергнуто госуд. совѣтомъ. См. ниже.

къ обществу. Мы же находимъ то и другое въ такой тѣсной и нераздѣльной связи, что понятіе одного совершенно совпадаетъ съ понятіемъ о другомъ. Судъ всецѣло существуетъ для общества, и всякое его проявленіе имѣетъ такую тѣсную связь съ общественными интересами, что понятіе о судебной *службѣ*, внѣ этихъ условій, немыслимо. Поэтому всякая отвѣтственность судей только и можетъ допускаться въ видахъ общественныхъ интересовъ, и безъ этого понятіе о послѣднемъ и самая отвѣтственность теряютъ всякій смыслъ.

На этомъ основаніи, отдѣленіе дисциплинарной отвѣтственности судей отъ ихъ отвѣтственности гражданской допущено быть не можетъ: если допустить вторую, то слѣдуетъ допустить и первую. Если же ихъ отдѣлить, то значитъ уничтожить самое понятіе о дисциплинарной отвѣтственности, по иниціативѣ частныхъ лицъ, въ дѣлахъ гражданскихъ. И дѣйствительно, тогда дисциплинарное дѣлопроизводство приметъ видъ одного лишь домашняго суда, и то единственно для сохраненія внутренней дисциплины въ судебномъ мѣстѣ. По начинанію же частныхъ лицъ будутъ возникать одни лишь взысканія уголовныя и гражданскія съ судей. Но можно ли допустить, чтобы въ дѣлахъ гражданскихъ судьи не подвергались преслѣдованію дисциплинарному?.. Выше мы видѣли, что комиссія постановила, что если кто-нибудь подвергнется втеченіе трехъ лѣтъ три раза взысканію, то кассаціонный судъ имѣетъ право его удалить отъ должности [1]). Мѣра эта въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ была бы весьма благотворна: она бы, съ одной стороны, постоянно держала судью въ предѣлахъ его власти и законности; съ другой стороны, при обширности правъ судей по дѣламъ гражданскимъ [2])—такъ какъ въ послѣднихъ выражается вся внутренняя жизнь народа и весь его экономическій бытъ,—нужны же существенныя гарантіи для обезпеченія правильности дѣйствій судей. Одно право искать убытки съ судей въ этомъ случаѣ недостаточно, такъ какъ нерѣдко вознагражденіе убытковъ есть мѣра недостаточная для вознагражденія человѣка за нарушенное его право. Чѣмъ вы вознаградите, напримѣръ, человѣка, котораго неправильно судья посадилъ въ тюрьму?.. Иного вы не вознаградите за подоб-

---

[1]) Государственный Совѣтъ сократилъ этотъ срокъ до одного года. См. ниже.

[2]) Въ особенности мировыхъ судей.

ное дѣйствіе и милліонами. Поэтому, при каждомъ нарушеніи судьею права частныхъ лицъ, какъ бы оно ничтожно ни было, имъ должно быть предоставлено безусловное право преслѣдовать судью или дисциплинарнымъ, или гражданскимъ, или уголовнымъ порядкомъ. Но установивъ это правило, не нужно забывать, что тѣ же обезпеченія, которыя законъ полагаетъ вообще въ огражденіе права частныхъ лицъ, при процессѣ, должны быть положены въ основаніи и этого порядка преслѣдованія. Мы же видимъ, что дисциплинарное производство вообще, по проэкту комиссіи, имѣетъ одну лишь общую форму— суда домашняго, и въ единственномъ случаѣ она принимаетъ форму гражданскаго процесса, когда того пожелаетъ и потребуетъ самъ обвиняемый судья. Намъ же кажется, что эту форму слѣдовало бы установить вообще, *по требованію какой бы то ни было стороны*. Никому нельзя отказывать въ тѣхъ мѣрахъ, какія законодательство полагаетъ вообще для правильнаго отправленія правосудія въ государствѣ, и предоставленіе только одному обвиненному судьѣ этихъ мѣръ есть привиллегія, не имѣющая прочныхъ юридическихъ основаній. Чего можно бояться при предоставленіи права частнымъ лицамъ, за маловажные проступки судей, привлекать ихъ къ отвѣту публично?.. Что подобный порядокъ стѣснитъ судью?.. Или что это повредитъ его достоинству?.. Дѣйствительно, сложная форма публичнаго процесса немного стѣснительна; но кто же будетъ виноватъ, если судья самъ вызоветъ этотъ процессъ; если же противникъ его будетъ обвиненъ, то кто воспрепятствуетъ ему обратно — искать и свои убытки со стороны противной? Гласность же ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ повредить достоинству судьи или суда, такъ какъ публичное оправданіе судьи сдѣлаетъ еще больше чести ему. Секретное же дѣло-производство въ отношеніи судьи, при закрытыхъ дверяхъ суда, можетъ всегда навлечь подозрѣніе общества въ пристрастіи суда къ своему сочлену.

Эти причины и побуждаютъ меня сказать, что было бы справедливѣе предоставить частнымъ лицамъ, во всѣхъ данныхъ случаяхъ, преслѣдовать судью дисциплинарнымъ порядкомъ, публично; но съ тѣмъ, чтобы судьѣ было предоставлено обратно — искать свои убытки со стороны обвиненной. Въ этомъ случаѣ право было бы круговое: судья, нарушившій чужое право, былъ бы подвергнутъ отвѣту; и обратно—лицо, нарушившее право судьи, отвѣчало бы ему въ его убыткахъ. Съ предоставленіемъ же права частнымъ лицамъ, въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій судей, искать

съ нихъ одни убытки, дисциплинарная отвѣтственность судей сдѣлается дѣйствительно только предметомъ одной *внутренней судебной дисциплины*: что въ понятіи объ отвѣтственности судей составляетъ предметъ второстепенной важности. И такимъ образомъ, по проэкту комиссіи, цѣль дисциплинарной отвѣтственности судей, заключающаяся преимущественно въ томъ, чтобы предупреждать нарушенія правъ частныхъ лицъ,—не достигнетъ своего назначенія, а будетъ лишь служить однимъ административнымъ орудіемъ внутри суда, безъ всякаго соотношенія къ правамъ общества и отдѣльныхъ его членовъ.

2) *Предварительное обсужденіе дисциплинарныхъ дѣлъ.*

Если дисциплинарное производство принимаетъ характеръ и значеніе суда домашняго, то само собою разумѣется, что всѣ сложныя формы процесса, какъ то: письменность дѣлопроизводства, осмотры, формальныя слѣдствія и т. п. становятся излишними; поэтому въ домашнемъ судѣ можно допускать, вмѣсто всѣхъ формальностей, *предварительное обсужденіе дисциплинарныхъ* дѣлъ, которое должно заключаться въ томъ, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія и приготовить его такимъ образомъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію и рѣшенію.

Согласно этому комиссія и проэктировало:

1) При предварительномъ обсужденіи дисциплинарнаго дѣла, судъ требуетъ объясненій отъ обвиняемаго должностного лица, которое можетъ быть имъ преставлено письменно или словесно. Въ случаѣ надобности, судъ дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ изслѣдованія, означая съ точностью предметы, по которымъ оно должно быть произведено.

2) По надлежащемъ объясненіи, оно вносится на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе общаго собранія департементовъ или отдѣленій суда. Такимъ образомъ дѣлопроизводство предоставляется отдѣленію суда, а ужь самый судъ—общему его собранію. Но удобна ли эта форма? Вѣдь объясненія судьи могутъ быть и словесныя; поэтому не должно ли и *предварительное* обсужденіе дѣла производиться въ общемъ собраніи. Это было бы согласнѣе и съ достоинствомъ судьи.

3) *Порядокъ окончательнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дисциплинарныхъ дѣлъ.*

По мнѣнію комиссіи: «привлекаемому къ дисциплинарному процессу должно быть предоставлено средство доказать предъ судомъ свою невинность и для этого надлежитъ поставить его въ извѣстность о времени, назначенномъ для разсмотрѣнія дѣла и допустить къ представленію

суду своихъ объясненій; но объясненія эти должны быть представляемы имъ *лично*: ибо неумѣстно было бы допускать объясненія чрезъ кого либо другого по вопросамъ, *которые касаются личныхъ поступковъ обвиняемаго*».

Хорошо, въ подобныхъ случаяхъ должно вообще требовать личной явки всѣхъ тяжущихся, такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ заключаются *извѣстные личные поступки*... Послѣднее, поэтому, никакъ не можетъ быть поводомъ къ требованію отъ судьи личной явки...

Но комиссія тутъ же оговаривается, что въ дисциплинарномъ процессѣ вообще нѣтъ основанія требовать *безусловной* явки обвиняемаго къ суду: ибо эта обязанность, въ нерѣдкихъ случаяхъ, была бы для подсудимаго гораздо тягостнѣе ожидающаго его дисциплинарнаго взысканія, не говоря уже о тѣхъ, которые будутъ оправданы. Но если судъ, по *важности обвиненія* или *по неясности дѣла*, не можетъ рѣшить его безъ отобранія отъ обвиняемаго подробныхъ по его дѣлу объясненій, то необходимо предоставить суду право—требовать личной явки подсудимаго и даже подвергать его, за неисполненіе требованія суда, особому дисциплинарному взысканію, напримѣръ: замѣчанію или выговору».

Важность или *неясность* дѣла никакъ не могутъ быть поводами къ требованію личной явки судьи: 1) для правосудія всѣ нарушенія одинаково важны, такъ какъ они всѣ одинаково нарушаютъ ея сущность и если наказуемость за разные проступки имѣетъ различныя степени, то это скорѣе зависитъ отъ политическихъ взглядовъ, чѣмъ отъ началъ безусловной правды. Да и самое понятіе о большей или меньшей важности дѣла,—весьма относительно: то что мнѣ можетъ казаться нарушеніемъ не только моего частнаго права, но и общественнаго спокойствія, то другому можетъ представиться въ менѣе серьезномъ видѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ играетъ роль та точка зрѣнія, съ которой разсматривается предметъ. 2) Неясности дѣла не должно и не можетъ быть: если фактъ самъ собою неясенъ, то нѣтъ повода суду начинать непосредственно дисциплинарнаго дѣла; если же оно начато прокуроромъ или частнымъ лицомъ, то, по общему состязательному духу процесса, они должны представлять такія ясныя доказательства, которыя бы служили къ обвиненію судьи; а послѣдній обратно—долженъ представлять такія ясныя доказательства, которыя бы его совершенно оправдали. И по этимъ-то даннымъ судъ долженъ войти въ разсмотрѣніе дѣла, не вдаваясь непосредственно ни въ какія розысканія. Если же допустить послѣднее, то

законодательство по дисциплинарнымъ дѣламъ сойдетъ съ *состязательнаго* пути, и процессъ приметъ характеръ слѣдственный.

Такимъ образомъ судъ по дѣламъ дисциплинарнымъ сдѣлается адвокатомъ и частныхъ лицъ по гражданскимъ дѣламъ, и каждый разъ, если преслѣдованіе обратится въ дисциплинарное, то процессъ потеряетъ свой состязательный характеръ и приметъ видъ слѣдственный... Не выработаетъ ли поэтому практика особыя дѣлопроизводства въ тѣхъ случаяхъ, когда адвокаты захотятъ сойти съ пути состязательнаго процесса? Подобныя послѣдствія, могущія вредно вліять на правильное отправленіе правосудія, заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

Далѣе комиссія говоритъ: «главное основаніе къ недопущенію гласности въ дисциплинарномъ процессѣ состоитъ въ томъ, что было бы несправедливо подвергать должностныя лица судебнаго вѣдомства, за маловажныя вины, всей тягости публичнаго суда.» Но дѣло въ томъ, чѣмъ обширнѣе, права данныя кому либо, тѣмъ строже должна быть и его отвѣтственность, и для того, чтобъ судья не дѣлалъ никакихъ упущеній или по крайней мѣрѣ воздерживался отъ нихъ—какъ можно осторожнѣе, и слѣдовало бы его подвергать всей тягости гласнаго суда. Въ этомъ случаѣ всякая уступка въ пользу судьи есть послабленіе ему, въ ущербъ интересамъ правосудія и самого достоинства суда.

«Но какъ, продолжаетъ далѣе комиссія,—могутъ быть случаи, въ которыхъ подсудимый, считая возводимое на него обвиненіе или подозрѣніе слишкомъ для него оскорбительнымъ, пожелаетъ, для полнаго возстановленія своей чести, публичнаго суда, то справедливость не дозволяетъ отказать ему въ этомъ требованіи, и при томъ для удобствъ тѣхъ обвиняемыхъ, которые могутъ опасаться, чтобы, защищаясь публично, не прійти въ смущеніе или замѣшательство, предполагается дозволить ему имѣть защитниковъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Порядокъ ближайшаго объясненія дѣлъ, когда случай того потребуетъ, должно предоставить усмотрѣнію самого суда. Но, по обязанности чиновъ прокурорскаго надзора наблюдать за охраненіемъ установленнаго законами, въ томъ числѣ и судебнаго, порядка, необходимо постановить, что по всѣмъ дисциплинарнымъ дѣламъ судъ выслушиваетъ предварительныя заключенія прокурора».

Мы со всѣмъ сказаннымъ комиссіею согласны, но не можемъ не замѣтить только, что прокурорское заключеніе не оказывается ли излишнимъ: 1) въ дѣлахъ, начатыхъ частными лицами и касающихся личныхъ ихъ

интересовъ; 2) въ дѣлахъ, касающихся непосредственно канцелярскаго порядка и начатыхъ непосредственно судомъ.

Прокурору, по нашему мнѣнію, должна принадлежать лишь власть и право вмѣшиваться въ тѣ дѣла и давать по тѣмъ изъ нихъ свое заключеніе, гдѣ предметъ непосредственно касается публичнаго права и нарушаетъ права общества или государства; но если дать ему право и возложить на него обязанность преслѣдованія всякаго нарушенія, хотя бы оно имѣло и значеніе частное,—то значитъ втянуть его въ нескончаемый лабиринтъ частнаго права и сдѣлать его въ большей части случаевъ адвокатомъ частныхъ лицъ, такъ какъ съ рѣдкою жалобою не будутъ соединены вопросы, которые должны будутъ разсматриваться въ порядкѣ дисциплинарномъ.

Чтобы охранить самолюбіе тѣхъ, которые сочтутъ слишкомъ для себя тягостнымъ быть подъ судомъ, хотя и въ дисциплинарномъ порядкѣ, комиссія постановила за правило: «что если должностное лицо, противъ котораго начато дисциплинарное дѣло, до постановленія рѣшенія, подаетъ просьбу объ отставкѣ, *то дальнѣйшее производство этого дѣла прекращается*».

Правило это слишкомъ безусловно, такъ какъ при дисциплинарномъ преслѣдованіи могутъ открыться обстоятельства, по которымъ дѣло можетъ принять характеръ уголовный; правило это безусловно освободило бы въ подобномъ случаѣ судью отъ отвѣта, подъ однимъ лишь условіемъ его отставки. Могъ ли бы подобный порядокъ всегда совпадать съ интересами частныхъ лицъ, такъ какъ, въ большей части случаевъ, право на отысканіе убытковъ, единственно можетъ лишь быть основано на предварительномъ дисциплинарномъ дѣлопроизводствѣ и рѣшеніи?.. И естественно, прежде должно быть признано самое нарушеніе, а потомъ ужь можно на этомъ основывать искъ объ убыткахъ. Но коль скоро закроется путь къ признанію факта, то какой же успѣхъ можетъ имѣть дѣло основанное на этомъ фактѣ.

Независимо отъ этого, нѣтъ сомнѣнія, что большая часть дѣлъ по проступкамъ судей будетъ первоначально начинаться дисциплинарнымъ порядкомъ и уже, по разъясненіи ихъ, они будутъ принимать форму уголовную: потому что о большей или меньшей важности и значенія факта можно судить тогда лишь, когда всѣ обстоятельства дѣла разъяснены. И комиссія это предвидѣла, когда постановила, что если при дисциплинарномъ производствѣ откроются обстоятельства, по которымъ дѣло не мо-

жетъ быть рѣшено этимъ порядкомъ, то судъ дѣлаетъ постановленіе о преданіи судьи уголовному суду.

Безусловность же правила о прекращеніи дисциплинарнаго дѣла, при подачѣ судьею въ отставку, сдѣлало бы такимъ образомъ преданіе судью уголовному суду, въ большей части случаевъ, одною мертвою буквою. Если бы еще отставка судьи могла влечь за собою какія-нибудь невыгодныя для него послѣдствія по судебному вѣдомству, то можно бы было еще допустить это правило, съ грѣхомъ пополамъ; но такъ какъ съ подобною отставкою не соединено никакихъ послѣдствій, то сегодня можно уволиться отъ службы для избѣжанія скандальнаго процесса, а на завтра можно вновь поступить въ судебное вѣдомство. Поэтому, если допускать ужь отставку, какъ мѣру, прекращающую дисциплинарное дѣло, то необходимо, чтобы, при подобной отставкѣ, судья, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ никакого права поступить вновь по судебному вѣдомству, пока онъ не оправдается. И то отставку допускать въ тѣхъ лишь случаяхъ, какъ мѣру прекращенія дисциплинарнаго преслѣдованія: 1) если на это будетъ согласіе прокурора и частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ; 2) если судъ, по своему усмотрѣнію, не найдетъ препятствій къ этой отставкѣ.

При этихъ условіяхъ отставка не сдѣлалась бы орудіемъ прекращенія уголовныхъ преслѣдованій судей и путемъ для избѣжанія отвѣта по уликамъ частныхъ лицъ.

4) *Объявленіе рѣшеній, постановленныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ.*

Относительно объявленія рѣшеній, состоявшихся въ дисциплинарномъ порядкѣ, комиссія приняла за правило: что рѣшеніе должно быть выслушано подсудимымъ лично въ судѣ, постановившемъ рѣшеніе.

«Этого, говоритъ комиссія, требуетъ самая *дисциплина* и соединенная съ нею необходимость въ особенномъ, со стороны судебныхъ чиновъ, уваженіи къ состоявшимся о нихъ рѣшеніямъ суда.»

Мы съ этимъ несогласны: въ судѣ и рѣчи быть не можетъ о понятіи дисциплины, въ особенности въ отношеніи *членовъ суда*. Сущность суда — осуществлять правду, возстановлять нарушенное право; самое же понятіе суда совершенно расходится съ понятіемъ дисциплины... Въ правѣ суда — судить членовъ своей корпораціи, заключается вовсе не понятіе о подчиненіи послѣднихъ первому, а только осуществляется общее его право — возстановлять силу закона и не допускать нарушеній. Слѣдовательно, это

есть разумное но—*условное* право; между тѣмъ какъ въ понятіи дисциплины заключается неограниченное, *безусловное* повиновеніе. Поэтому самое понятіе о дисциплинѣ немыслимо даже въ дѣлѣ суда, въ особенности въ отношеніи его членовъ. На этомъ основаніи, если судъ, дисциплинарнымъ порядкомъ, возстановилъ нарушенное судьею право, то и дѣло имъ сдѣлано; къ чему же еще эта торжественность въ объявленіи рѣшеній?... Если бы еще сами рѣшенія не влекли за собою сильныхъ послѣдствій, то эту торжественность, пожалуй, можно бы было еще допустить; а то нѣсколько дисциплинарныхъ постановленій влекутъ за собою преданіе уголовному суду, да и само по себѣ они заключаютъ въ себѣ наказаніе. Къ чему еще присовокуплять сюда и торжественность объявленія рѣшенія? Гуманно ли это?... Не могутъ ли дорого обойтись подобныя объявленія многимъ судьямъ. Развѣ мы не знаемъ такіе факты, когда подобныя объявленія оканчивались апоплексическими ударами?... Согласитесь, что могутъ быть случаи, когда судья сдѣлаетъ что-нибудь противузаконное неумышленно, по необдуманности и по неосторожности. Судъ, само собою разумѣется, не можетъ ему простить проступка; но грѣшно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наказывать его строже, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Могутъ быть такіе случаи, что почтенный судья, прослужившій десятки лѣтъ безпорочно, уважаемый обществомъ старецъ, сдѣлаетъ неумышленно какой-нибудь промахъ, то недостаточно ли будетъ, если онъ получитъ замѣчаніе или выговоръ на письмѣ. Къ чему же еще требовать его въ полное присутствіе суда и придавать этому выговору особенную торжественность. И развѣ достоинство суда или его автономія ослабляются, если рѣшенія его приводятся въ исполненіе неторжественно?... Если такъ полагать, то въ подобномъ случаѣ, приведеніе въ исполненіе всѣхъ рѣшеній суда вообще, даже по дѣламъ гражданскимъ, должно бы облекать въ особенную обрядность. Но сущность правосудія требуетъ вовсе не обрядности, а только непремѣннаго и точнаго исполненія рѣшенія. Если же глядѣть на торжественность объявленія рѣшеній, какъ на мѣру устрашительную, то мы должны сказать: 1) что мѣра эта, какъ особое наказаніе и наказаніе серьезное, превосходитъ не только самый выговоръ, но даже и другія болѣе серьезныя взысканія; 2) что, по большей части, всѣ такъ называемыя устрашительныя мѣры скорѣе возбуждаютъ негодованіе свидѣтелей, чѣмъ исправленіе ихъ.

Поэтому я позволяю себѣ спросить: какое впечатлѣніе вынесли бы судьи изъ присутствія, если бы имъ пришлось объявить выговоръ почтен-

ному, всѣми уважаемому, члену?... Каково было бы имъ глядѣть ему въ глаза?... Неужели его смущеніе, болѣзненное выраженіе лица, его почтенный видъ, могли бы возбудить какія-нибудь иныя чувства, кромѣ самаго глубокаго сожалѣнія къ нему? Развѣ не бываютъ случаи, что, при торжественности наказанія, если общество признаетъ, по своимъ убѣжденіямъ, преступника невиннымъ, оно забрасываетъ его цвѣтами. Не будутъ ли представлять подобное же явленіе и судебныя мѣста?... И не можетъ ли это же, вмѣсто того, чтобы возвысить достоинство суда, напротивъ того сильно ему вредить?... Не странно ли будетъ, если послѣ подобнаго выговора, сочлены наказаннаго или общество сдѣлаютъ осужденному обѣдъ, или какъ-нибудь иначе выразятъ ему свое глубокое уваженіе и сочувствіе: въ этомъ случаѣ неокомпрометируется ли дѣйствительно достоинство суда. Причины эти и побуждаютъ меня сказать, что непосредственное объявленіе рѣшенія судомъ своего рѣшенія съ особенною торжественностью, какъ не всегда справедливое, неимѣющее никакого соотношенія съ понятіемъ о достоинствѣ суда,—и не можетъ быть признано безусловно теоріею; а эта торжественность можетъ быть допущена какъ *особый видъ наказанія* и то только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда цѣлая судебная корпорація возмущена какимъ-нибудь проступкомъ судьи или когда проступокъ послѣдняго компрометируетъ дѣйствительно достоинство суда; поэтому непосредственное объявленіе рѣшенія судьѣ должно быть не иначе, какъ по постановленію общаго собранія соединенныхъ департаментовъ сената.

Редакціонная же комиссія постановила: «если подсудимый находится въ судѣ при расмотрѣніи его дѣла, то рѣшеніе объявляется ему немедленно. Отсутствующіе должны быть для сего требуемы въ судъ; но когда они состоятъ въ другомъ судѣ, то, для освобожденія ихъ отъ издержекъ на явку иногда изъ отдаленныхъ мѣстъ, рѣшеніе можетъ быть объявлено имъ на мѣстѣ, *не иначе однакожъ*, какъ въ общемъ собраніи суда. Исключеніе можетъ быть только допущено въ отношеніи судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей, присутствіе которыхъ на мѣстѣ столь нужно, что безъ особенной надобности было бы неудобно отвлекать ихъ отъ занятій. Поэтому комиссія проэктировала: предоставить судамъ рѣшенія, которыми эти лица присуждаются неболѣе какъ къ предостереженіямъ, или замѣчаніямъ, объявлять имъ въ мѣстѣ ихъ жительства».

По этимъ правиламъ выходитъ то: что судебные слѣдователи и мировые судьи, при совершеніи ими такихъ же проступковъ, какъ судьи общихъ

судовъ, будутъ подвергаться меньшимъ наказаніямъ, нежели послѣдніе, такъ какъ всякій выговоръ и замѣчаніе, ими получаемые, не будутъ облекаться въ форму особенной торжественности. Будетъ-ли это справедливо? но подчинить слѣдователей и мировыхъ судей общему порядку объ явленій дисциплинарныхъ рѣшеній неудобно, какъ то и признала комиссія; поэтому ужь одно условіе равномѣрности наказаній, за одни и тѣ же проступки вызываютъ установленіе объявленій рѣшеній безъ торжественности.

5) *О жалобахъ на рѣшенія суда, постановленныя въ дисциплинарномъ порядкѣ.*

По предмету этому возникло разногласіе въ комиссіи: меньшинство проэктировало, чтобы дисциплинарныя рѣшенія не подлежали ни жалобамъ, ни протестамъ; большинство было противнаго мнѣнія.

Основанія перваго заключалось въ слѣдующемъ:

1) Наложеніе дисциплинарныхъ взысканій представляется въ видѣ *домашней* расправы. При такомъ же характерѣ дисциплинарнаго процесса, рѣшенія суда, постановленныя въ этомъ порядкѣ, очевидно во многихъ случаяхъ не могутъ подлежать разсмотрѣнію суда высшей инстанціи, который не имѣетъ возможности стать на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ низшій судъ при обсужденіи дѣла; а поэтому не въ состояніи повѣрить правильности дисциплинарнаго рѣшенія.

2) Для того, чтобы административное управленіе имѣло дѣйствительную силу и вліяніемъ своимъ на должностныя лица приносило пользу, существенно необходимо—предоставленіе ему и дѣйствительной власти въ наложеніи взысканій. Между тѣмъ право жаловаться на дисциплинарныя рѣшенія имѣло бы прямымъ послѣдствіемъ—уменьшеніе вліянія суда на подвѣдомственныя ему должностныя лица и попытки со стороны послѣднихъ—противодѣйствовать его мѣрамъ; отъ этого очевидно послѣдовалъ бы упадокъ значенія административнаго управленія, а упадокъ этотъ отразился бы на нравственности всего судебнаго вѣдомства.

3) Дѣйствительная власть суда въ наложеніи дисциплинарныхъ взысканій должна быть извѣстнымъ образомъ ограничена; и потому въ случаѣ нарушенія коренныхъ правилъ дисциплинарнаго производства, должно быть допущено право жалобы въ высшую инстанцію. Но какъ судъ остается въ предѣлахъ предоставленной ему административной дѣятельности по управленію личнымъ своимъ составомъ, то допущеніе жалобъ представляется, по указаннымъ выше основаніямъ, не только излишнимъ, но и невозможнымъ.

Большинство на это возразило: 1) въ проектѣ, жалобы допускаются только противъ рѣшеній, которыми назначаются строжайшія дисциплинарныя взысканія, именно: временное устраненіе отъ должности (до 6 мѣсяцевъ) и совершенное удаленіе отъ нея. Недопущеніе жалобъ противъ такихъ рѣшеній сдѣлало бы дисциплинарный процессъ строже общаго уголовнаго; такъ какъ въ послѣднемъ дозволяется всякому приносить жалобу на рѣшеніе, осуждающее его къ штрафу болѣе 15 руб., тогда какъ большая часть чиновъ судебнаго вѣдомства могла бы въ дисциплинарномъ порядкѣ быть, безапелляціоннымъ рѣшеніемъ, лишены 6-ти мѣсячнаго содержанія; при совершенномъ же ихъ удаленіи отъ должности — надолго потерять средства къ существованію. 2) Хотя этимъ взысканіямъ подлежатъ въ дисциплинарномъ порядкѣ только тѣ судебные чины, которые не пользуются несмѣняемостью, но къ этому числу принадлежатъ лица, занимающія довольно важныя мѣста, какъ напримѣръ: оберъ-секретари и лица прокурорскаго надзора. 3) Жалобы допускаются не столько по недовѣрію къ судебнымъ рѣшеніямъ, сколько для доставленія возможности исправить ошибочныя или слишкомъ строгія рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, для убѣжденія недовольныхъ осужденныхъ въ справедливости приговоровъ. 4) Предполагаемое въ проектѣ допущеніе жалобъ нисколько не уменьшитъ власть судебныхъ мѣстъ, такъ какъ, по проекту, присуждаемый къ временному устраненію или къ удаленію отъ должности не можетъ, и въ случаѣ принесенія имъ жалобы, продолжать свои судебныя занятія, до окончательнаго рѣшенія дѣла. Слѣдовательно, если обжалованное рѣшеніе будетъ утверждено, то распоряженіе низшаго суда ни въ чемъ не можетъ быть жалобою парализовано; когда же рѣшеніе будетъ измѣнено, то значитъ, что оно было неправильное, и жалоба послужила только къ достиженію справедливости. 5) Проектъ допускаетъ не только жалобы осужденныхъ, но и протесты прокуроровъ. Такимъ образомъ постановленія проекта имѣютъ цѣлью—отвращеніе не только излишней строгости, но и неправильнаго послабленія.

Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ большинства, мы однакожъ не можемъ не сказать, что главнѣйшіе и важнѣйшіе аргументы, служащіе къ опроверженію меньшинства, суть слѣдующіе: 1) съ дисциплинарными взысканіями сопряжены важныя послѣдствія, могущія лишить чиновника права на дальнѣйшую службу по судебному вѣдомству; поэтому нечего глядѣть такъ легко на эти взысканія, такъ какъ они въ отношеніи судебнаго вѣдомства, повторившись троекратно, равняются состоявшимся

по уголовнымъ дѣламъ рѣшеніямъ, приговоривающимъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію. 2) Допущеніе жалобъ на дисциплинарное рѣшеніе потому уже необходимо, что съ этимъ рѣшеніемъ нерѣдко будутъ сопряжены интересы казны, обществъ и частныхъ лицъ; и если этимъ лицамъ предоставить право жалобы, то и обратно—это же право должно быть предоставлено и подсудимому лицу. 3) Поэтому вообще слѣдуетъ предоставить право жалобы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ приговоритъ подсудимаго къ однимъ предостереженіямъ, потому что послѣдствіемъ этого *укора* можетъ быть иногда очень чувствительный для судьи или для другого лица судебнаго вѣдомства искъ на него объ убыткахъ того лица, по дѣлу котораго состоялось дисциплинарное взысканіе. Итакъ, иногда одинъ *простой укоръ* можетъ, по послѣдствіямъ своимъ, больше стоить судьѣ, нежели болѣе серьезное дисциплинарное взысканіе. Такъ, напримѣръ, судья сдѣлаетъ какое-нибудь неумышленное упущеніе въ формальностяхъ по какому-нибудь большому процессу. Въ дисциплинарномъ порядкѣ онъ подвергается за это замѣчанію или предостереженію; а тяжущійся, въ дѣлѣ котораго сдѣлано упущеніе, основываясь на томъ, что *фактъ упущенія* признанъ ужь судомъ, — взводитъ на судью такой огромный искъ объ убыткахъ, что сдѣлаетъ судью несостоятельнымъ къ ихъ уплатѣ. Несостоятельность судьи, по проекту комиссіи и по положенію 20 ноября, есть ужь поводъ къ удаленію судьи отъ должности. Оттого-то жалобы должны быть безусловно допущены по всѣмъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, какъ бы они ничтожны ни были. 4) Какъ бы судъ дисциплинарный ни былъ въ формахъ своихъ упрощенъ, однако же въ рѣшеніи своемъ онъ долженъ же будетъ обстоятельно сказать: за что, почему и по какимъ основаніямъ виновное лицо подвергается взысканію. Слѣдовательно, высшая инстанція всегда будетъ въ состояніи судить, за что извѣстное лицо подверглось взысканію. 5) Если бы не допускать жалобъ на дисциплинарныя рѣшенія, то такъ какъ они всегда будутъ касаться предметовъ подсудности, обрядовъ и формальностей судебныхъ—какъ по уголовному, такъ и по гражданскому праву, то можетъ возникнуть въ судахъ не общее пониманіе извѣстнаго судебнаго правила, а пониманіе такое, какое захочетъ ему придать судъ: что противорѣчитъ правамъ кассаціоннаго департамента сената— единственнаго истолкователя судебныхъ уставовъ. Согласитесь, что если, положимъ, мнѣ судъ сдѣлаетъ замѣчаніе или выговоръ: зачѣмъ я употреблялъ въ данномъ случаѣ ту формальность, какую я полагалъ необходимою, а не ту, какую полагалъ нуж-

ною судъ, то я въ другомъ случаѣ буду уже остерегаться примѣнять законъ такъ—какъ я это дѣлалъ прежде. Если же мое толкованіе правильнѣе, нежели толкованіе суда и впослѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ, кассаціонный судъ сдѣлаетъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я неправильно дѣйствую,—то спрашивается: кого же я долженъ былъ слушаться и за что я вдвойнѣ наказанъ?... Но хорошо еще, если подобныя дѣла обойдутся однимъ выговоромъ; а если съ этимъ будетъ сопряжена еще уплата убытковъ частному лицу?... Эти обстоятельства одни уже вызываютъ, чтобы въ дисциплинарныхъ дѣлахъ разрѣшаемы были жалобы для того, чтобы дѣла эти, восходя до кассаціоннаго суда, получали единство, для направленія имъ судовъ къ единству пониманія и толкованія судебныхъ уставовъ, на которыхъ будутъ основываться всецѣло всѣ дисциплинарныя постановленія.

6) О послѣдствіяхъ взысканій и наказаній, понесенныхъ должностными лицами судебнаго вѣдомства.

«Постановленія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, говоритъ редакціонная комиссія, — съ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства не достигнутъ предположенной пѣли, если виновные въ упущеніяхъ, подвергающихъ этимъ взысканіямъ, не будутъ удерживаемы отъ повторенія упущеній этого рода страхомъ болѣе чувствительной для нихъ отвѣтственности. Было бы крайне неудобно и несогласно съ достоинствомъ суда оставлять возможность частаго со стороны судебныхъ чиновъ нарушенія своихъ обязанностей: ибо тогда правила судебной дисциплины въ сущности не имѣли бы никакого дѣйствія. Для отвращенія этого слѣдуетъ постановить: что судьи, которые въ теченіе трехъ лѣтъ подвергнутся три раза дисциплинарному взысканію *строже предостереженія* и *замѣчанія* за новое послѣ того покушеніе, хотя бы также подлежащее лишь дисциплинарному взысканію, *предаются уголовному суду*. Мѣра эта будетъ весьма сильнымъ *устрашеніемъ*, ибо: 1) самое преданіе уголовному суду составляетъ для судьи большой укоръ и чувствительное возмездіе за его неисправимость; а во 2) судъ уголовный можетъ, не выходя изъ предѣла дисциплинарныхъ взысканій, подвергнуть неисправимаго судью временному устраненію или даже удаленію отъ должности.»

Съ этими положеніями комиссіи нельзя вполнѣ согласиться: 1) устрашительное начало вообще не можетъ быть признано ни въ какомъ уголовномъ законодательствѣ, а тѣмъ болѣе въ отношеніи судей: плохъ тотъ судья, совѣсть котораго требуетъ, чтобы была поставлена на ея стражѣ

кара закона. 2) Поэтому мы выводимъ необходимость послѣдствій дисциплинарныхъ взысканій изъ самаго понятія объ обязанностяхъ судей и права общества. Если судья нерадиво исполняетъ возложенныя на него обязанности, то общество сохраняетъ право лишить его предоставленныхъ ему правъ. Самое достоинство суда требуетъ, чтобы нерадивый его членъ былъ исключенъ изъ его состава. На этомъ основаніи, послѣдствіемъ неоднократныхъ дисциплинарныхъ взысканій съ судей должно быть преданіе ихъ уголовному суду. 3) Но при этомъ, съ преданіемъ судьи уголовному суду, должно быть предоставлено право суду: или временно устранить его отъ обязанностей службы, или совсѣмъ удалить отъ должности, и это необходимо выразить положительнымъ закономъ. Но само собою разумѣется, что здѣсь разсмотрѣнію и анализу суда должны быть предоставлены обстоятельства, вызвавшія всѣ предшествовавшія дисциплинарныя взысканія, и въ такомъ только случаѣ должно быть суду предоставлено право совершеннаго отрѣшенія судьи отъ должности, когда проступки его умышлены и когда они, въ совокупности, унижаютъ достоинство суда и заключаютъ въ себѣ покушеніе на нарушеніе общественнаго спокойствія.

Если же не постановить послѣднихъ условій, то многіе судьи могутъ быть отрѣшаемы отъ должностей, по проступкамъ, которые вытекаютъ не столько отъ преступности и недобросовѣстности, какъ отъ несогласнаго съ толкованіемъ кассаціоннаго суда пониманія ими правилъ и инструкцій судебныхъ уставовъ. А практика, въ особенности въ самомъ началѣ судебной реформы, вѣрнѣе всего непремѣнно вызоветъ большое разнообразіе въ примѣненіи и пониманіи новыхъ законовъ. Въ отношеніи же лицъ судебнаго вѣдомства, подвергшихся личному задержанію за долги или же впавшихъ въ несостоятельность,—комиссія нашла, что оставленіе такихъ лицъ на службѣ могло бы весьма неблагопріятно дѣйствовать на всю судебную часть, подрывая въ обществѣ уваженіе и довѣріе къ судебнымъ чинамъ и распространяя дурной примѣръ между прочими должностными лицами. Но какъ иногда можно навлечь на себя долги или несостоятельность нестолько по винѣ, сколько по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, то для соблюденія должной осмотрительности и справедливости, по мнѣнію комиссіи, не безполезно бы принять за правило, что о каждомъ подобномъ случаѣ министръ юстиціи предлагаетъ на обсужденіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, которое, истребовавъ объясненіе отъ должностного лицу, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, постановить объ удаленіи его отъ должности.»

По поводу этихъ постановленій говорено уже мною выше: также въ тѣхъ случаяхъ, когда судья, внѣ службы, будетъ подвергнутъ наказанію по уголовному суду; здѣсь же я только присовокуплю, что редакція ст. 294 и 295 положенія 20 ноября, по вышеозначеннымъ прецедентамъ, не совсѣмъ ясна: тамъ сказано, что, въ подобныхъ случаяхъ, дѣло *передается* на обсужденіе кассаціонныхъ департаментовъ сената; но не объяснено: кѣмъ должна производиться эта передача—министромъ ли юстиціи, какъ предполагала комиссія, или непосредственно судомъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта по предмету надзора и отвѣтственности судей.

По предмету надзора за судебными мѣстами, государственный совѣтъ [1]) отвергъ проектъ комиссіи о подчиненіи въ этомъ отношеніи мировыхъ съѣздовъ апелляціоннымъ палатамъ: такъ какъ, по основнымъ положеніямъ, мировыя учрежденія не поставлены въ зависимость отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, а поэтому государственный совѣтъ полагалъ: что непосредственный надзоръ за мировыми судьями принадлежитъ ихъ съѣздамъ; высшій же надзоръ вообще за всѣми мировыми судьями, равно какъ и за ихъ съѣздами, сосредоточивается въ кассаціонныхъ департаментахъ сената и въ лицѣ министра юстиціи.

Правила эти въ высшей степени логичны и показываютъ какое высокое понятіе имѣетъ государственный совѣтъ о мировыхъ съѣздахъ... Мировая юстиція должна быть совершенно независима и должна подчинятся единому верховному кассаціонному суду. Не будь этого, въ государствѣ былъ бы постоянно антагонизмъ между общими и мировыми судами. Антагонизмъ этотъ вытекалъ бы изъ того положенія, въ какомъ находятся тѣ и другіе: общіе суды, составляя замкнутую корпорацію, которая должна руководствоваться строго буквальнымъ смысломъ закона, вѣрнѣе всего выработаетъ извѣстныя формы и извѣстный взглядъ на вещи. Мировой же институтъ есть учрежденіе, основанное на періодичности избранія и при каждыхъ новыхъ выборахъ будетъ мѣнять свой характеръ и направленіе; и кромѣ того, при упрощенной формѣ его дѣлопроизводства и при предоставленіи ему права, во многихъ случаяхъ, руководствоваться обычаями,—онъ, естественно, по большей части, будетъ расходиться въ своихъ принципахъ съ строго-юридическою корпораціею... Послѣднее обстоятельство можетъ вытекать ужь изъ одного того обстоятельства,

[1]) Журн. госуд. совѣта 17, 20, 24, 27 іюня 1864 г. стр. 37—43.

что въ мировомъ судѣ не будетъ ни преданій, ни судебныхъ обычаевъ; между тѣмъ общіе суды будутъ на столько же основываться на законахъ, какъ и на установившихся у нихъ въ теченіе времени правилахъ. Послѣднія могутъ вовсе и не быть извѣстны мировымъ дѣятелямъ, такъ какъ юридическое образованіе не есть безусловная для нихъ потребность. Поэтому подвергнуть мировой судъ надзору общихъ судовъ, значитъ подчинить свободный институтъ институту, строго очерченному законами и юридическими правилами. Независимо отъ этого, мировой съѣздъ будетъ заключать въ себѣ такой обширный составъ, въ который войдетъ цвѣтъ нашего общества, и притомъ странно бы было, предоставивъ ему право 2-ой степени или, другими словами, право апелляціонныхъ палатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинить его послѣднимъ. Подчиненіе равнаго равному — немыслимо; тѣмъ болѣе когда еще неизвѣстно, кто станетъ выше въ общественномъ мнѣніи— палаты или мировые съѣзды, и весьма неосторожно поступило бы законодательство, подчинивъ послѣдніе первымъ, такъ какъ впослѣдствіи вторые могутъ стать въ общественномъ мнѣніи выше первыхъ. Будущность общихъ и мировыхъ судовъ еще неизвѣстна... Кто знаетъ, быть можетъ, современемъ, при дальнѣйшемъ нашемъ общественномъ развитіи, вся юстиція сосредоточится въ рукахъ мирового суда. Поэтому для свободнаго его развитія и для того, чтобы сдѣлать его истинно народнымъ, необходимо было сразу поставить его въ возможно высокое и независимое положеніе. Такъ и сдѣлано государственнымъ совѣтомъ: мировой судъ организованъ на такихъ свободныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великихъ началахъ, что онъ есть, можно сказать, вѣнецъ законодательныхъ трудовъ по судебной реформѣ въ Россіи. Свободный и независимый, подчиняясь единственно кассаціонному верховному суду, мировой судъ сдѣлается истиннымъ народнымъ учрежденіемъ и полнѣйшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и общественной нравственности. Направленіе его, не завися отъ юридическихъ преданій, свободное отъ юридическихъ тенденцій, будетъ идти шагъ за шагомъ за наукой и общественнымъ прогрессомъ и будетъ вносить въ жизнь свѣжія начала, вырабатываемыя цивилизаціею. Одно только при этомъ желательно,—чтобы въ мировомъ судѣ сохранилась періодичность избранія для того, чтобы этотъ судъ не заразился формализмомъ, тормозящимъ, во всѣхъ государствахъ, сильно общественный прогрессъ, и если мы этой періодичности отвергли въ судахъ общихъ, то единственно потому, что понятіе о судахъ общихъ совершенно несовмѣстно съ періодичностью избранія и такъ какъ необходимость общихъ судовъ оправдывается толь-

ко низкою степенью нашего юридическаго образованія и несовершенствомъ нашихъ общественныхъ формъ...

Но ниже мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе; а здѣсь перейдемъ къ дальнѣйшимъ положеніямъ нашего законодательнаго сословія. Ревизію судебныхъ мѣстъ министерствомъ юстиціи государственный совѣтъ предоставилъ не только непосредственно и чрезъ членовъ палатъ, но и чрезъ товарища министра; за то отвергнуто имъ правило комиссіи, о томъ, что министръ вправѣ предлагать кассаціонному суду о командированіи на ревизію одного изъ сенаторовъ. Послѣднее обстоятельство государственный совѣтъ основывалъ на томъ 1) что по отношеніямъ, въ которыхъ министръ юстиціи будетъ поставленъ къ кассаціоннымъ департаментамъ сената, едва ли удобно, чтобы онъ дѣлалъ имъ *предложенія* о ревизіи судебныхъ мѣстъ чрезъ сенаторовъ; 2) что департаменты эти могутъ и сами усмотрѣть необходимость обревизовать судебныя мѣста.

О значеніи вообще ревизій говорено мною выше; здѣсь же я присовокуплю,—что послѣднее постановленіе государственнаго совѣта доказываетъ ясно какъ сознанъ у насъ вполнѣ принципъ независимости суда, такъ что все, что только ни напоминаетъ подчиненность суда администраціи, исключалось изъ проектовъ—отчасти редакціонною комиссіею, отчасти же законодательнымъ нашимъ сословіемъ. Но одно непонятно: почему государственный совѣтъ постановилъ, что кассаціонные департаменты сената въ случаѣ опредѣленія о томъ, чтобы командировать одного изъ сенаторовъ на ревизію, обязаны, *чрезъ министра юстиціи*, испрашивать о томъ Высочайшаго соизволенія. Не противорѣчитъ ли это торжественно провозглашенному принципу: совершеннаго отдѣленій судебной власти отъ исполнительной. Поэтому рѣшенія и опредѣленія кассаціоннаго суда въ предѣлахъ его юрисдикціи не подлежатъ ничьему контролю и они во всѣхъ своихъ моментахъ—касаются ли они предметовъ первостепенныхъ или второстепенныхъ, должны быть верховны... И не можетъ ли правило государственнаго совѣта вызвать антагонизма между кассаціоннымъ судомъ и министерствомъ? Кассаціонный судъ можетъ по своимъ убѣжденіямъ находить, что сенаторская ревизія необходима для приданія единства дѣйствіямъ судовъ или для уничтоженія укоренившихся въ судахъ злоупотребленій; министерство же не можетъ ли иногда противиться этимъ мѣрамъ, вслѣдствіе неправильныхъ донесеній прокуратуры. И не будетъ ли прокуратура противодѣйствовать такимъ ревизіямъ, такъ какъ нерѣдко и они будутъ замѣшаны въ безпорядкахъ суда. Нельзя также не пред-

полагать, чтобы министерство входило съ докладомъ къ Императорскому Величеству о предполагаемой ревизіи сенатомъ, безъ предварительнаго спроса о томъ прокуроровъ тѣхъ судовъ, которые подлежатъ ревизіи; и нельзя не предполагать, чтобы прокуроры, въ видахъ поддержки судей, съ которыми вѣрнѣе всего они будутъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не стали отклонять министерство всѣми силами отъ предполагаемой ревизіи. И такимъ образомъ—съ одной стороны, опредѣленія сената о ревизіяхъ станутъ подъ контроль прокуратуры; съ другой—правило это можетъ много вредить единству дѣйствій судовъ, мѣшая правительствующему сенату искоренять злоупотребленія и направлять суды къ единству пониманія судебныхъ уставовъ.

Разсматривая проэктъ комиссіи о непримѣненіи къ судебному вѣдомству вычета изъ жалованья, ареста и перемѣщенія съ высшей должности на низшую, государственный совѣтъ отвергъ это предположеніе комиссіи по двумъ причинамъ: 1) что комиссія, отмѣнивъ эти два вида наказаній, вводила новый видъ гораздо значительнѣе этихъ двухъ видовъ—*временное устраненіе отъ должности*; 2) что, при непримѣненіи вышеозначенныхъ двухъ видовъ наказаній къ судебному вѣдомству, лица, состоящія на государственной службѣ, однѣ подвергались бы нынѣ установленнымъ взысканіямъ, а другія, за такія же точно вины, подлежались бы взысканіямъ совершенно иного рода и вида.

Съ первымъ основаніемъ государственнаго совѣта нельзя не согласиться; но второе недостаточно и слабо для оставленія — въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, вычета изъ жалованья, ареста и перемѣщенія съ высшей должности на низшую: такъ какъ въ существѣ государственный совѣтъ не опровергъ гуманныхъ и разумныхъ основаній комиссіи. Неудобство же, приводимое государственнымъ совѣтомъ могло бы быть исправлено измѣненіемъ, въ подобномъ же смыслѣ, ст: 73, 458, 459 и 460 т. XV. Но вслѣдъ за тѣмъ самъ государственный совѣтъ впадаетъ, нѣкоторымъ образомъ, въ противорѣчіе самому себѣ исключая изъ числа дисциплинарныхъ взысканій удаленіе отъ должности, *въ видахъ возвышенія службы по судебному вѣдомству*. Итакъ, если послѣднее было возможно допустить, то почему же нельзя было допустить и проэктированное комиссіею исключеніе изъ устава и другихъ видовъ дисциплинарныхъ взысканій, и если судебнымъ чинамъ предоставлена такая серьозная привиллегія и найдено, что она не можетъ противорѣчить

общимъ государственнымъ интересамъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ отношеніи привиллегій меньшей важности.

Государственнымъ совѣтомъ отмѣнено также правило комиссіи: что судьи въ дисциплинарномъ порядкѣ могутъ подвергаться *замѣчаніямъ* и *выговорамъ*. Правило это законодательное сословіе нашло несовмѣстнымъ съ достоинствомъ суда; поэтому предоставлено, въ этомъ порядкѣ, судей подвергать однимъ *предостереженіямъ*.

Затѣмъ изъ болѣе характеричныхъ правилъ комиссій, отмѣнено государственнымъ совѣтомъ—почти по тѣмъ же самымъ основаніямъ, по которымъ и я отвергалъ: 1) правило о недопущеніи жалобъ на рѣшенія, которыми положено сдѣлать подсудимому лишь предостереженія, замѣчанія или выговоръ. 2) Правило о дозволеніи судьѣ отставкою прекращать дисциплинарное производство.

Но если государственный совѣтъ отвергъ два эти правила и находилъ невозможными ихъ принять, потому что эти законы могли бы вредить частнымъ интересамъ, то основываясь на этихъ же данныхъ и глядя на дисциплинарныя взысканія съ этой точки зрѣнія, нужно было бы также отмѣнить и *домашній характеръ* всего дисциплинарнаго производства: что впрочемъ не сдѣлано.

Мы же вправѣ поэтому сказать, что этотъ домашній характеръ, предоставляя усмотрѣнію и произволу суда установленіе формъ и порядка всего дѣлопроизводства и собиранія справокъ и фактовъ,—почти равносиленъ тому, какъ бы жалобы и протесты не допускались... На что, вопросъ, вы будете жаловаться при дисциплинарномъ дѣлопроизводствѣ? Что судъ не обращаетъ вниманія на указанные вами факты и обстоятельства? когда же суду предоставлено эти аргументы собирать—какъ и въ какой формѣ ему угодно. Можно ли допустить подобный порядокъ въ дисциплинарномъ дѣлопроизводствѣ, на которомъ иногда будетъ основываться все «быть или не быть» частныхъ лицъ и все ихъ достояніе. Не нужно забывать, что иногда съ отступленіемъ судей отъ установленнаго порядка судопроизводства и отъ другихъ гражданскихъ формъ будетъ зависить участь и благосостояніе отдѣльныхъ членовъ общества, цѣлыхъ обществъ и казны, и что дисциплинарное производство нерѣдко будетъ рѣшать вопросъ о фактѣ,—вопросъ, съ которымъ будетъ соединенъ весь послѣдующій за тѣмъ процессъ объ убыткахъ или даже самое возстановленіе нарушеннаго права.

По предмету вопроса о послѣдствіяхъ, какія должно влечь за собою

повтореніе, въ извѣстный періодъ времени, упущеній по службѣ, влекущихъ за собою дисциплинарныя взысканія, — государственный совѣтъ нашолъ, что если судья подвергнется три раза предостереженію въ теченіи одного года, то необходимо въ такомъ случаѣ представить (кому?) на усмотрѣніе кассаціонныхъ департаментовъ, не признаютъ ли они нужнымъ предать виновнаго уголовному суду. Самыя послѣдствія этого уголовнаго суда государственнымъ совѣтомъ опредѣлены ссылкою на ст. 455, т. XV.

Въ статьѣ этой сказано: «за медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности дѣлаются виновнымъ, по усмотрѣнію начальства, замѣчанія или выговоры, болѣе или менѣе строгіе. Когда же чиновникъ втеченіе одного года подвергнется за медленность или нерадѣніе многократнымъ замѣчаніямъ, или тремъ строгимъ выговорамъ, и потомъ въ томъ же году снова окажется виновнымъ въ упущеніи, то онъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ его вину, подвергается: или выговору, съ внесеніемъ въ послужной его списокъ, или вычету отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы, или перемѣщенію съ высшей должности на низшую.»

По поводу этого постановленія государственнаго совѣта могутъ на практикѣ возникнуть вопросы: 1) какому же наказанію долженъ подвергнуться виновный, если онъ совершитъ проступокъ въ пятый разъ въ слѣдующемъ году... Должно ли его вновь предать уголовному суду или для судьи долженъ начаться новый счетъ и онъ за каждый новый проступокъ долженъ подвергаться вновь три раза дисциплинарному преслѣдованію. 2) Ссылка государственнаго совѣта на ст. 455 соразмѣрна ли одинаково для всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства? Всѣ чины судебнаго вѣдомства, не пользующіеся правомъ несмѣняемости, и въ дисциплинарномъ порядкѣ подвергаются тѣмъ взысканіямъ, которыя обозначены въ ст. 455; между тѣмъ какъ судьи этимъ порядкомъ могутъ подвергаться только однимъ предостереженіямъ. Какъ же послѣ этого тѣ и другіе подводятся, при уголовномъ судѣ, къ одной и той же статьѣ? Отсюда выходитъ то, что судьи дѣйствительно получатъ наказаніе высшее, чѣмъ постановлено для дисциплинарнаго порядка; остальные же чины только получатъ дисциплинарныя взысканія *порядкомъ уголовнымъ*. Поэтому я нахожу, что для сохраненія послѣдовательности, если ужь оставить въ отношеніи судей ст. 455 т. XV, то въ отношеніи остальныхъ чиновъ слѣдовало бы примѣнить 456 статью того же тома. 3) Вообще же я нахожу, что перемѣщеніе съ выс-

шей должности на низшую несовмѣстно и несогласно съ достоинствомъ судьи: лучше, какъ проектировала комиссія, совсѣмъ удалить судью отъ должности, съ предоставленіемъ ему права служить по другимъ вѣдомствамъ, чѣмъ судью обращать въ простого чиновника суда... Въ послѣднемъ случаѣ страдаетъ самый принципъ о высокомъ значеніи судьи и если послѣдній компрометируетъ судебную власть своимъ нерадѣніемъ, то судъ можетъ его исключить изъ своей среды, но не имѣетъ права его оскорблять. Вѣрьте, ни одинъ порядочный человѣкъ, при перемѣщеніи его съ высшей должности на низшую, не останется больше служить въ судѣ: законодательство имѣетъ право наказывать, а не оскорблять... Удаленіе отъ должности дисциплинарнымъ порядкомъ, говоритъ государственный совѣтъ въ своемъ журналѣ, — было неудобно и несправедливо: ибо это наказаніе въ сущности равносильно лишенію права на службу, и во всякомъ случаѣ налагаетъ на осужденнаго такое пятно, что ему потомъ почти нѣтъ никакой возможности поступить вновь на службу...» Мы согласны съ этимъ, но дѣло въ томъ, что при перемѣщеніи судьи съ высшей должности на низшую, едва ли министерство вновь дастъ ему когда-либо повышеніе и приметъ его кандидатуру; поэтому перемѣщенный, съ приговоромъ судебнымъ, потеряетъ навсегда свою каррьеру. Спрашиваемъ: кто же можетъ остаться на дальнѣйшей службѣ при такихъ условіяхъ? Или человѣкъ лишенный всякаго самолюбія (или лучше сказать чести), или же человѣкъ крайне обремененный семействомъ и крайне нуждающійся. Въ первомъ случаѣ законодательству и судебному вѣдомству нечего дорожить людьми пренебрегающими своимъ именемъ; во второмъ — негуманно пользоваться нуждою и крайнею нуждою человѣка. Всякое униженіе достоинства человѣка вообще возмутительно; въ особенности же оно должно быть возмутительно, когда оскорбленію подвергается человѣкъ порядочный; а въ судьяхъ слѣдуетъ, по большей части, предполагать послѣднее. Съ другой стороны, если подвергшійся перемѣщенію судья, имѣя независимое состояніе, пожелаетъ болѣе не служить по судебному вѣдомству, то развѣ не закрыта ему служебная каррьера: такъ какъ ему это перемѣщеніе внесется въ формуляръ... Поэтому, я полагаю, что проектированное комиссіею правило о совершенномъ удаленіи судьи отъ должности, съ предоставленіемъ ему права службы по другимъ вѣдомствамъ, причемъ надобности не будетъ включать ему судебный приговоръ въ формуляръ,— болѣе справедливо и болѣе человѣколюбиво. Въ одномъ отношеніи, правило это удовлетворяетъ вполнѣ достоинству судебной власти и су-

дебной корпораціи, потому что исключаетъ изъ ея вѣдомства нерадивыхъ членовъ; въ другомъ отношеніи, предостереженіямъ могутъ подвергаться лица весьма почтенные вовсе не вслѣдствіе преступности ихъ воли или злонамѣренности, а вслѣдствіе неправильнаго уясненія ими своихъ правъ и обязанностей или же неправильнаго приложенія ими закона; поэтому было бы несправедливо подвергать ихъ черезчуръ сильному наказанію, или наказанію, оскорбляющему ихъ самолюбіе и ихъ унижающее, или лишающее ихъ права на службу по другимъ вѣдомствамъ. Развѣ одно удаленіе отъ должности не есть ужь само по себѣ сильное наказаніе: человѣкъ лишается судебной карьеры и хорошаго содержанія?... Но во всякомъ случаѣ это наказаніе не сильнѣе перемѣщенія съ высшей должности на низшую: въ первомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго — судъ говоритъ нерадивому или неспособному судьѣ: «ты для насъ негодишься, иди во всѣ четыре стороны»; причемъ ему не закрываются другія пути къ службѣ; между тѣмъ какъ второе лишаетъ человѣка всего и оставляетъ только за *бѣднякомъ* черствый кусокъ хлѣба, купленный имъ цѣною своего униженія.

Текстъ положенія 20 ноября 1864 года по предмету судебнаго надзора, отвѣтственности судей и дисциплинарныхъ взысканій. [1]).

1) О надзорѣ за судебными установленіями.

1) Надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства, за исключеніемъ чиновъ прокурорскаго надзора, принадлежитъ высшимъ, въ порядкѣ подчиненности, судебнымъ мѣстамъ, а именно:

а) *Кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената*— за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ имперіи.

б) *Судебнымъ палатамъ* — за состоящими въ округѣ каждой изъ нихъ судебными вѣдомствами и должностными лицами, кромѣ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ.

в) *Окружнымъ судамъ* — за всѣми должностными лицами, принадлежащими къ симъ судамъ и при нихъ состоящими (ст. 249). Законъ этотъ поясненъ слѣдующимъ образомъ: «Надзоръ кассаціонныхъ департаментовъ сената относится лишь *къ теченію дѣлъ*; но 249 ст. не

[1]) Статьи, здѣсь обозначенныя, относятся къ уставу судебныхъ установленій.

уполномочиваетъ ихъ вмѣшиваться въ производство дѣлъ, не поступившихъ въ сенатъ въ порядкѣ, опредѣленномъ уставами судопроизводства» (рѣш. угол. кассац. депар. № 140). Поясненіе это дѣлаетъ честь кассаціонному департаменту: оно доказываетъ все уваженіе его къ независимости и самостоятельности первыхъ двухъ инстанцій, безъ чего немыслимъ правый судъ.

2) Непосредственный надзоръ за мировыми судьями принадлежитъ мировому съѣзду ихъ округа. Высшій надзоръ за всѣми вообще мировыми судьями, также какъ и за ихъ съѣздами, сосредоточивается въ кассаціонныхъ департаментахъ сената и въ лицѣ министра юстиціи (ст. 64).

3) Судебное мѣсто, обнаружившее неправильное дѣйствіе или же какіе либо безпорядки, или злоупотребленія подвѣдомаго ему установленія, или должностного лица судебнаго вѣдомства,—принимаетъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, а когда признаетъ нужнымъ привлечь виновныхъ къ отвѣтственности, то и возбуждаетъ дисциплинарное о томъ производство (ст. 250, 270 и слѣд.).

3) Въ каждомъ судебномъ мѣстѣ ближайшій надзоръ за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей принадлежитъ первоприсутствующему или предсѣдателю, которые, замѣтивъ какія либо упущенія, или отвращаютъ ихъ собственными распоряженіями, или же принимаютъ мѣры къ преданію виновныхъ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства (ст. 251).

4) Ни судебныя мѣста, ни предсѣдательствующіе въ оныхъ не входятъ въ обсужденіе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, но о неправильныхъ или противузаконныхъ ихъ поступкахъ сообщаютъ высшимъ чинамъ этого надзора, по принадлежности, или доводятъ до свѣдѣнія министра юстиціи (ст. 252).

5) Чины прокурорскаго надзора, по праву наблюденія за охраненіемъ законовъ, о всѣхъ замѣченныхъ ими упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ, или должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, смотря по важности случая, или сообщаютъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, или же доносятъ, въ порядкѣ подчиненности, прокурорамъ палатъ, которые, съ своей стороны, представляютъ о томъ министру юстиціи (ст. 253).

6) Общій надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства сосредоточивается у министра юстиціи, какъ ге-

неральъ-прокурора, въ предѣлахъ настоящимъ учрежденіемъ установленныхъ (ст. 254).

7) Министръ юстиціи, усмотрѣвъ въ какомъ либо судебномъ установленіи накопленіе дѣлъ, медленность или остановку въ движеніи оныхъ, предлагаетъ предсѣдателю того судебнаго установленія принять мѣры къ отвращенію сего и представить объясненіе о причинахъ (ст. 255).

8) Министръ юстиціи можетъ производить ревизію судебныхъ установленій лично или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій поручать членамъ судебныхъ палатъ (ст. 256).

9) Если кассаціонные департаменты сената признаютъ нужнымъ произвести ревизію судебныхъ установленій чрезъ сенаторовъ этихъ департаментовъ, то заключеніе о семъ общаго ихъ собранія представляется на усмотрѣніе Императорскаго Величества чрезъ министра юстиціи (ст. 257).

10) Когда министръ юстиціи убѣдится, что накопленіе дѣлъ или медленность въ движеніи оныхъ произошли отъ неисправности самаго судебнаго установленія, то возбуждаетъ о томъ дисциплинарное производство. (ст. 258) [1]).

11) Министръ юстиціи можетъ, посредствомъ частныхъ или циркулярныхъ предписаній, поручить состоящимъ при судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ или оберъ-прокурорамъ принятіе законныхъ мѣръ къ отклоненію нарушенія правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ (ст. 259).

2) *Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.*

1) Должностныя лица судебнаго вѣдомства подвергаются отвѣтственности: или въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, или по приговорамъ уголовнаго суда. Правило о взысканіяхъ дисциплинарныхъ и порядкѣ наложенія оныхъ излагаются въ уставѣ учрежденій (ст. 262 — 296); Порядокъ уголовнаго суда опредѣленъ въ уставѣ уголовномъ (ст. 261) [2]).

---

[1]) Какимъ порядкомъ?.. По смыслу ст. 265 должно бы полагать, что дѣлопроизводство противъ цѣлаго состава суда можетъ быть начато также только въ правительствующемъ сенатѣ, такъ какъ ст. 270 относится къ отдѣльнымъ членамъ суда, а не къ полному его составу. Впрочемъ не излишнимъ было бы это пояснить законодательнымъ путемъ.

[2]) О немъ будемъ говорить въ 3 томѣ настоящаго сочиненія. Законъ

а) *О взысканіяхъ дисциплинарныхъ.*

1) Взысканія, коимъ должностныя лица судебнаго вѣдомства могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, безъ преданія удоловному суду, суть: предостереженіе, замѣчаніе, выговоръ—безъ внесенія въ послужной списокъ, вычетъ изъ жалованья, на основаніи статей 458, 359 и 460 уложенія о наказаніяхъ, арестъ не болѣе какъ на 7 дней и перемѣщеніе съ высшей должности на низшую. (ст. 262).

Примѣчаніе. Улож. о нак. ст. 458, 459, 460, по изданію 1866 года, замѣнены ст. 413, 414, 415.

Ст. 413. Неявившійся, безъ особыхъ, законныхъ на то причинъ, къ должности нѣсколько дней сряду, но однакожъ не далѣе недѣли, подвергается за сіе вычету изъ жалованья въ первый разъ—за недѣлю, во второй разъ—за двѣ недѣли, а въ третій—за мѣсяцъ; въ четвертый разъ—онъ удаляется отъ должности.

Ст. 414. Чиновникъ, который, безъ особыхъ законныхъ на то причинъ, не является къ должности болѣе семи дней сряду, подвергается за сіе: въ первый разъ—вычету изъ жалованья за мѣсяцъ; во второй разъ—за три мѣсяца; въ третій—отрѣшенію отъ должности.

Ст. 415. Неявившійся на срокъ изъ отпуска и не представившій законныхъ въ томъ оправданій, чиновникъ подвергается за сіе вычету изъ жалованэя за все просроченное имъ время. Просрочившій болѣе 4 мѣсяцевъ, безъ законныхъ на то причинъ, удаляется отъ должности.

2) Взысканіямъ, означеннымъ въ прошедшей 262-й статьѣ, должностныя лица судебнаго вѣдомства подлежатъ: а) за тѣ упущенія по службѣ, за которыя въ уложеніи о наказаніяхъ опредѣлены такія же взысканія, а также вычетъ изъ времени службы; б) во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ настоящимъ учрежденіемъ и уставами уголовнаго и гражданскаго судопроизнодства положено передавать сіи лица дисциплинарной отвѣтственности (ст. 263).

3) Въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности, предсѣдатели, това-

---

этотъ поясненъ рѣшеніемъ касс. департ. 1866 № 33 — тѣмъ, что онъ относится лишь опредѣленія порядка отвѣтственности должностныхъ лицъ судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864.

рищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ, а также мировые судьи, подлежатъ только предостереженіямъ, и не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла надлежащимъ судомъ на основаніи правилъ, постановлённыхъ ниже въ статьяхъ 270—291. (ст. 264).

4) Право дѣлать предостереженіе или замѣчаніе какому-либо судебному вѣдомству въ цѣломъ его составѣ, или въ составѣ присутствія, принадлежитъ исключительно кассаціоннымъ департаментомъ сената (ст. 265).

5) Предостереженія, замѣчанія и выговоры дѣлаются или на словахъ, или письменно (ст. 269) [1]).

б) *О порядкѣ дисциплинарнаго производства.*

1) Дѣла, подлежащія дисциплинарному производству, вѣдаются:

а) О предсѣдателяхъ и членахъ судебныхъ палатъ, оберъ-прокурорахъ, прокурорахъ судебныхъ палатъ и товарищахъ ихъ — кассаціонными департаментами правительствующаго сената.

б) О предсѣдателяхъ, товарищахъ предсѣдателей и членахъ окружныхъ судовъ, судебныхъ слѣдователяхъ и мировыхъ судьяхъ, а также прокурорахъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищахъ — судебными палатами.

в) О прочихъ чинахъ судебнаго вѣдомства—тѣми судебными мѣстами, при которыхъ они состоятъ (ст. 270).

2) Если дѣло, подлежащее дисциплинарному производству, касается двухъ или болѣе должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, изъ коихъ одни подсудны высшему, а другія низшему суду, то всѣ они судятся совокупно въ высшемъ изъ сихъ судовъ (ст. 271).

3) Дисциплинарное производство возбуждается: относительно судей, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей или опредѣленіемъ самихъ судовъ и съѣздовъ мировыхъ судей по принадлежности, или же предложеніями министра юстиціи; относительно прочихъ чиновъ судебнаго вѣдомства—или распоряженіями предсѣдателей, или предложеніями лицъ прокурорскаго надзора. (ст. 272) [2]).

---

[1]) Но въ отношеніи судей слѣдуетъ понимать, что предостереженія дѣлаются имъ всегда на письмѣ, такъ какъ эти предостереженія составляются опредѣленіемъ суда.

[2]) По смыслу этой статьи дисциплинарное производство о судьяхъ окружныхъ судовъ могутъ быть *возбуждены* опредѣленіями окружныхъ же судовъ;

4) Дисциплинарное производство не можетъ быть начато по истеченіи *одного года* со времени учиненія дѣйствія или упущенія, подлежащаго дисциплинарному взысканію (ст. 273) [1]).

5) О поводахъ къ начатію дисциплинарнаго производства, вмѣстѣ со всѣми относящимися къ сему бумагами и свѣдѣніями, первоприсутствующій или предсѣдатель того суда, которому, на основаніи предшедшей 270 статьи, подвѣдомо дисциплинарное дѣло, предлагаетъ на предварительное обсужденіе въ распорядительномъ засѣданіи суда. (ст. 274).

6) Дисциплинарное производство, начатое вслѣдствіе разсмотрѣнія жалобы частнаго лица, не можетъ быть прекращено, хотя бы это лицо и просило потомъ объ оставленіи его жалобы безъ послѣдствій (ст. 275).

7) При предварительномъ обсужденіи дисциплинарнаго дѣла судъ собираетъ необходимыя по дѣлу справки и требуетъ объясненій отъ обвиняемаго должностного лица, которое имѣетъ право представить оныя словесно или письменно (ст. 276) [2]).

8) По надлежащемъ объясненіи дѣла, оное вносится на разсмотрѣніе и рѣшеніе общаго собранія департаментовъ или отдѣленій суда (ст. 277).

9) О времени разсмотрѣнія дѣла въ общемъ собраніи суда извѣщается обвиняемый, который имѣетъ право явиться къ этому времени въ судъ для личныхъ объясненій; присылка повѣреннаго не допускается (ст. 278) [3]).

10) Судъ можетъ, буде признаетъ нужнымъ, потребовать обвиняемаго къ назначенному сроку, посредствомъ письменнаго вызова. Неявка вызываемаго въ срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла (ст. 279).

а о членахъ палатъ—опредѣленіемъ палатъ. Частныя же лица для возбужденія дисциплинарныхъ дѣлъ должны подавать жалобы въ тотъ судъ, которому подвѣдомственно дѣло.

[1]) Но доказывать самый *фактъ*, для сохраненія права на возстановленіе имущественныхъ правъ,—должно бы сохраниться: иначе нарушится, въ большей части случаевъ, право земской давности. Я уже единажды указалъ, что Высоч. утвер. мнѣніемъ госуд. сов. отъ 17 іюня 1867 г. объяснено, что частныя лица могутъ привлекать къ отвѣту мировыхъ судей лишь въ томъ случаѣ, когда тѣ причинили частнымъ лицамъ убытки.

[2]) Намъ кажется, что это право должно бы было быть предоставлено суду, а не обвиняемому: такъ какъ второй, чувствуя себя виновнымъ, можетъ нарочно уклоняться отъ письменнаго объясненія.

[3]) См. также ст. 281.

11) Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ устраненіе судей допускается на общемъ основаніи (ст. 280) [1]).

12) Дѣла дисциплинарныя слушаются *при закрытыхъ дверяхъ*, за исключеніемъ случая, когда обвиняемый будетъ просить о докладѣ дѣла его въ публичномъ засѣданіи. Въ этомъ случаѣ обвиняемый вправѣ имѣть защитника изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 281) [2]).

13) При разсмотрѣніи дисциплинарныхъ дѣлъ *судъ не подчиняется никакимъ особеннымъ формамъ*, кромѣ указанныхъ въ предшедшихъ 274—281 статьяхъ, и порядокъ объясненія дѣла зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія суда; но, предъ постановленіемъ рѣшенія, судъ выслушиваетъ заключеніе прокурора или оберъ-прокурора по принадлежности, а за тѣмъ окончательныя объясненія подсудимаго или его защитника (сл. 282).

14) Если при дисциплинарномъ производствѣ обнаружится какое-либо другое нарушеніе или упущеніе обвиняемаго, то судъ, смотря по обстоятельствамъ, или рѣшитъ оба дѣла совокупно, или же даетъ новому дѣлу особый ходъ, порядкомъ, указаннымъ выше сего въ статьяхъ 272 и 274 (ст. 283).

15) Рѣшеніе суда объявляется наличному подсудимому немедленно. Для выслушанія рѣшенія, постановленнаго въ отсутствіе подсудимаго, онъ требуется въ судъ, а если находится на службѣ въ судѣ другого города, то рѣшеніе объявляется ему въ общемъ собраніи сего послѣдняго суда, *при закрытыхъ дверяхъ* (ст. 284).

16) Рѣшенія, коими положено сдѣлать мировымъ судьямъ или судебнымъ слѣдователямъ предостереженіе, могутъ, по усмотрѣнію суда, быть объявляемы имъ и въ мѣстѣ ихъ жительства (ст. 285).

17) Противъ рѣшеній окружныхъ судовъ, а также постановленныхъ въ 1-ой степени рѣшеній судебныхъ палатъ, осужденнымъ предоставляется право жалобы втеченіе одной недѣли со времени объявленій рѣшеній (ст. 286).

18) По дѣламъ, рѣшеннымъ въ дисциплинарномъ порядкѣ окружными судами и судебными палатами въ первой степени, протесты прокуроровъ

---

[1]) См. также ст. 600.
[2]) См. также ст. 161.

допускаются въ 7 дневный срокъ со времени постановленія рѣшеній (ст. 287) [1]).

19) Жалобы и протесты представляются предсѣдателю суда, рѣшившаго дѣло, и, вмѣстѣ со всѣми относящимися къ оному бумагами, препровождаются въ высшій судъ, для рѣшенія въ общемъ собраніи департаментовъ онаго. Противу рѣшенія сего суда жалобы и протесты не допускаются (ст. 288).

20) При разсмотрѣніи дѣлъ по жалобамъ и протестамъ наблюдаются правила, постановленныя выше въ (ст. 278—285).

21) О всякомъ *окончательномъ рѣшеніи*, состоявшемся въ дисциплинарномъ порядкѣ, сообщается министру юстиціи для свѣдѣнія (ст. 290).

22) Просьбы объ отмѣны окончательныхъ рѣшеній судебной палаты, постановленныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, допускаются, втеченіе *одной недѣли* со времени объявленія рѣшеній, только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда рѣшеніе постановлено не надлежащимъ судомъ, или не въ надлежащемъ составѣ присутствія;

2) Когда рѣшеніе состоялось безъ истребованія отъ подсудимаго объясненій;

3) Когда судомъ назначено наказаніе свыше предоставленной ему закономъ власти и

4) Когда къ дѣлу примѣненъ законъ съ нарушеніемъ прямаго смысла онаго (ст. 241).

23) Если при разсмотрѣніи дѣла дисциплинарнымъ порядкомъ будутъ обнаружены такія обстоятельства, по коимъ виновный подлежитъ суду уголовному, то дисциплинарное производство прекращается, и подсудимый предается уголовному суду по правиламъ устава уголовнаго судопроизводства (ст. 292) [2]).

---

[1]) О частныхъ лицахъ ничего не сказано; между тѣмъ какъ государственный совѣтъ самъ въ журналѣ своемъ призналъ, что дисциплинарныя дѣла тѣсно связаны съ интересами частныхъ лицъ, а потому право жалобы должно быть вообще допущено.

[2]) См. также ст. 76 и уст. угол. суд. ст. 1077. Къ сожалѣнію въ законѣ этомъ не пояснено, что на подобное опредѣленіе суда можно жаловаться; по смыслу же 286 ст. можно жаловаться только на тѣ рѣшенія суда, гдѣ опредѣлено уже дисциплинарное взысканіе. Право же жалобы и протеста должно быть до-

24) Если судья втеченіе одного года подвергся *три раза* предостереженію, то въ случаѣ новой въ томъ же году, считая со времени перваго предостереженія, вины, подлежащей тому же взысканію, представляется на усмотрѣніе кассаціонныхъ департаментовъ сената, не признаютъ ли они нужнымъ предать виновнаго уголовному суду (ст. 293).

25) Всѣ прочія должностныя лица судебнаго вѣдомства, подвергшіяся втеченіе *одного года* три раза дисциплинарному взысканію строже предостереженія и замѣчанія, за новыя послѣ того нарушенія, хотя бы подлежащія также лишь дисциплинарному взысканію, предаются уголовному суду, который при опредѣленіи имъ взысканія, руководствуется статьею 455 уложенія о наказаніяхъ (ст. 294) [1]).

Примѣчаніе. Уложеніе о наказаніяхъ ст. 455, (по изданію 1866 г. ст. 410) постановляетъ: за медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности дѣлаются виновнымъ, по усмотрѣнію начальства, замѣчанія или выговоры, болѣе или менѣе строгіе. Когда же чиновникъ втеченіе одного года подвергнется за медленность и нерадѣніе многократнымъ замѣчаніямъ или строгимъ выговорамъ, и потомъ въ томъ же году снова окажется виновнымъ въ упущеніи, то онъ—смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его, подвергается: или выговору, съ внесеніемъ онаго въ послужный его списокъ, или вычету отъ 3 мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы, или перемѣщенію съ высшей должности на низшую.

26) Когда судья, за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ, будетъ въ уголовномъ порядкѣ подвергнутъ какому либо взысканію или наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерею права на службу, то обстоятельство это передается *(кѣмъ?)* на обсужденіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ сената, которое, истребовавъ

ищено и на этого рода опредѣленія, такъ какъ состояніе подъ уголовнымъ судомъ есть уже само по себѣ тяжелое положеніе.

[1]) Мы видѣли выше, что соединенные департаменты госуд. совѣта хотѣли примѣнить 455 ст. уложенія вообще ко всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства; но въ редакціи положенія 20 ноября (разсмотрѣнной об. соб. государ. совѣта) оно отнесено только къ лицамъ, непользующимся правомъ несмѣняемости. Относительно же послѣднихъ осталось непзвѣстнымъ: какою статьею уложенія долженъ будетъ уголовный судъ руководствоваться для опредѣленія *мѣры* взысканія.

объясненіе отъ сего судьи, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, постановить объ удаленіи его отъ должности (ст. 295) [1]).

27) Правило предшедшей 295 статьи распространяется также на судей, подвергшихся личному задержанію за долги, или же объявленныхъ, въ установленномъ порядкѣ, несостоятельными должниками (ст. 296).

---

[1]) Отчего бы это правило не распространить и на прочихъ чиновъ судебнаго вѣдотства, только съ подчиненіемъ ихъ общей подсудности по дѣламъ дисциплинарнымъ.

ГЛАВА X.

Единство судебной власти. Теоретическое развитіе этого вопроса. Значеніе какъ по теоріи, такъ и по дѣйствующему законодательству судовъ: военныхъ и морскихъ, гражданскихъ, уголовныхъ, верховныхъ, чрезвычайныхъ, духовныхъ и административныхъ.

Понятіе объ *единствѣ* судебной власти въ государствѣ вытекаетъ изъ понятія о государственной власти вообще и судебной въ частности. Государственная власть есть колективное право народа проявлять извѣстнымъ образомъ свою индивидуальность и ея органическія внутреннія и внѣшнія отправленія. Существенныя же условія этихъ отправленій суть разумность и систематичность, которыя, въ свою очередь, обусловливаются единствомъ: такъ какъ безъ послѣдняго не можетъ быть ни систематичности, ни послѣдовательности, ни разумности. Для того, чтобы въ государствѣ господствовалъ порядокъ; для того, чтобы всѣ силы народа были уравновѣшены; для того, чтобы все было въ нихъ цѣлесообразно, — для этого необходимо, чтобы всѣ матерьяльныя и духовныя его силы были направлены къ одной высшей духовной цѣли — усовершенствованію и прогрессу, и къ одной высшей матерьяльной цѣли — пользѣ и благу. Такое же направленіе народъ можетъ получить тогда лишь, когда руководящая его духовными и матерьяльными силами власть есть власть по праву единая. Самая форма этой власти можетъ быть единоличная или коллегіяльная; но въ томъ и другомъ случаѣ она должна имѣть свойство единства. Безъ послѣдняго условія верховная государ-

ственная власть немыслима: цѣль ея — руководить всѣми внутренними и внѣшними отправленіями государственнаго организма; и для того, чтобы это съ успѣхомъ исполнить, она требуетъ, чтобы никто и ничто не вторгался въ предѣлы ея автономіи,—иначе неминуемо воспослѣдуетъ антагонизмъ между ею и вторгающеюся къ ней постороннею властью; отъ этого же противудѣйствія можетъ разстроиться не только государственный организмъ, но и всѣ его отправленія могутъ перемѣшаться.

Такимъ образомъ одно изъ существеннѣйшихъ условій государственной власти есть, кромѣ верховности и самостоятельности, еще и единство. Но государственная власть по предметамъ своей юрисдикціи распадается на три отдѣла: законодательный, судебный, исполнительный и административный. Наука и историческая жизнь всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ выработали понятіе о самостоятельности и отдѣльности этихъ трехъ моментовъ государственной власти. Въ началѣ настоящаго сочиненія мы уже имѣли случай видѣть и убѣдиться въ необходимости отдѣленія власти судебной отъ властей законодательной, исполнительной и административной; а потому здѣсь намъ придется только разсмотрѣть вопросъ объ единствѣ власти судебной. Власть судебная есть одинъ изъ моментовъ общей верховной государственной власти, и такъ какъ существенное условіе послѣдней есть единство, а потому не только судебная власть, но и законодательная, исполнительная и административная, когда онѣ отдѣляются другъ отъ друга и составляютъ независимыя другъ отъ друга государственныя учрежденія, то онѣ должны сохранять это же самое условіе. И такъ какъ безъ послѣдняго исчезаетъ вообще понятіе о власти государственной, то, также точно, и исчезаетъ безъ этого понятіе и объ отдѣльныхъ моментахъ власти государственной. Вотъ почему нельзя допустить двѣ законодательныя или двѣ исполнительныя, или двѣ административныя власти въ одномъ и томъ же государствѣ; а потому также точно нельзя въ государствѣ допустить двѣ или три, или болѣе судебныя власти. При подобныхъ учрежденіяхъ народъ не зналъ бы кому повиноваться, что дѣлать и куда направлять свои нравственныя и матерьяльныя силы: одна власть тянула бы народъ направо, другая — налѣво; словомъ, выходила бы чепуха во всемъ государственномъ управленіи. На этомъ основаніи, теорія и жизнь требуютъ, чтобы каждая и изъ отдѣльныхъ частей власти государственной — кромѣ верховности и самостоятельности, имѣла бы еще своимъ существеннымъ условіемъ и—единство. Многія же законодательства, признавая это единство необходимымъ условіемъ для властей законодательной, исполнитель-

ной и административной, не признаютъ этого условія за властью судебною. Этотъ послѣдній взглядъ происходитъ отъ того ложнаго убѣжденія, что единство необходимо первымъ тремъ по сущности ихъ правъ и цѣли существованія, и что послѣдняя вовсе не нуждается въ этомъ, такъ какъ, будто бы, юрисдикція двухъ или трехъ различныхъ судебныхъ властей въ одномъ и томъ же государствѣ можетъ быть въ точности опредѣлена. Послѣднее понятіе совершенно ложно: судебная власть для цѣлесообразности своей должна быть безъусловно самостоятельна, верховна и едина; потому что безъ совокупности этихъ условій отправленія ея могутъ подвергнуться большой опасности. Если допустить двѣ или три различныя судебныя власти въ государствѣ, съ различною подсудностью и одинаковыми верховными правами, то кто можетъ поручиться, что, при ихъ верховности и самостоятельности, онѣ не будутъ вторгаться одна въ область другой и что между ними не будетъ происходить постоянныхъ столкновеній? Наконецъ, не оскорбительно ли для достоинства верховной судебной власти, когда ей довѣряются только дѣла извѣстнаго рода, а другія изъемлются изъ ея вѣдѣнія и передаются другой власти. Поэтому ни сущность судебной власти, ни достоинство ея не допускаютъ понятія о томъ, что въ государствѣ могутъ быть, смотря по предметамъ, различныя судебныя власти; поэтому подраздѣленіе судебныхъ властей на—гражданскія, уголовныя, военныя, духовныя, коммерческія, межевыя и административныя,—допущены быть не могутъ, а можно допустить лишь единую верховную судебную власть, съ различными органами или отдѣленіями: гражданскими, уголовными, военными, морскими, коммерческими, межевыми и административными. Между тѣмъ не вездѣ это правило еще сознано; а потому займемся подробнымъ его анализомъ, по важности предмета.

1. Военные и морскіе суды.

Съ введеніемъ регулярныхъ войскъ въ Европѣ и съ систематическимъ развитіемъ военнаго права, возникло понятіе о военномъ судѣ въ арміи и во флотѣ. Учрежденіе это вытекало изъ понятія о военной дисциплинѣ. Отъ послѣдней всецѣло зависитъ совершенство и несовершенство арміи: ея организація, мужество воиновъ, единство дѣйствія, безропотное перенесеніе трудовъ, исправное продовольствіе арміи, хорошая выправка и развитость солдатъ,—словомъ, что дѣластъ и отдѣльнаго воина искуснымъ, добрымъ и мужественнымъ гражданиномъ, и что ведетъ цѣлую

армію къ побѣдѣ—все это сосредоточено въ понятіи о дисциплинѣ. Дисциплина же требуетъ, чтобы воины безпрекословно исполняли волю начальства, хотя бы они лично и не уважали его, потому что въ сущности они исполняютъ не его приказанія, а повелѣнія коллективной власти народа, въ лицѣ верховной исполнительной власти. «О военныхъ судахъ, говоритъ Бентамъ, — я замѣчу, что въ арміи и во флотѣ дисциплина основывается вполнѣ на повиновеніи солдатъ, которые тогда только послушны въ надлежащей мѣрѣ, когда они видятъ въ приказывающемъ имъ офицерѣ судью, *имѣющаго право ихъ наказывать*; и когда для нихъ нѣтъ никакой надежды избѣгнуть наказанія, нѣтъ никакого промежутка между преступленіемъ и наказаніемъ. Кромѣ того, необходимо быть знакомымъ съ военнымъ дѣломъ, чтобы быть въ состояніи хорошо судить о преступленіяхъ такого рода; только военные могутъ составить себѣ справедливое понятіе обо всемъ, относящемся къ дисциплинѣ и о всѣхъ оттѣнкахъ ея нарушеній» [1]). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя безусловно согласиться, такъ какъ *безусловное* право наказывать—нельзя никому предоставить. Но въ одномъ отношеніи мы не можемъ не согласиться съ защитниками военныхъ и морскихъ судовъ, что воинъ не служитъ своему начальству, а своему отечеству, которое дало только извѣстныя уполномочія, начиная отъ главнокомандующаго въ военное время и военнаго министра въ мирное до простого суболтернъ-офицера; поэтому въ лицѣ этихъ начальниковъ воинъ повинуется державной волѣ цѣлаго народа и не повинуясь имъ, онъ оказываетъ тѣмъ неуваженіе своему отечеству. Независимо отъ этого самое свойство и назначеніе арміи требуетъ неограниченнаго повиновенія воиновъ своимъ начальникамъ: назначеніе арміи—защищать отечество отъ его внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, сохранять цѣлость государственнаго организма и предохранять его отъ всякихъ насилій. Эти предметы требуютъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ; а потому, по самому свойству своему, они исключаютъ изъ себя всякое понятіе о вмѣшательствѣ военнаго сословія въ мотивы, вызывающіе ту или другую правительственную мѣру. Это невмѣшательство не только необходимо въ видахъ сохраненія дисциплины въ арміи, но также въ видахъ охраненія государства отъ военнаго деспотизма. Въ арміи не было бы ни порядка, ни единства, если бы каждый воинъ или на-

---

[1]) См. о судоустройствѣ Бентама. Переводъ Книрима, стр. 13 и 14.

чальникъ обсуживалъ причины и основанія, вызывающія то или другое распоряженіе и шолъ бы только въ такое военное дѣло, какое ему нравится и которому онъ сочувствуетъ. Да и государство находилось бы, при такихъ условіяхъ, въ большой опасности: независимо отъ того, что, въ подобномъ случаѣ, оно могло бы легко подвергнуться нападеніямъ внѣшнихъ враговъ; но сама армія, какъ матерьяльная сила, могла бы, съ оружіемъ въ рукахъ, производить въ государствѣ перевороты. То и другое явленіе мы встрѣчаемъ не только въ исторіи древнихъ, но и новѣйшихъ народовъ: вмѣшательство римскихъ легіоновъ въ правительственныя дѣла Рима; вмѣшательство янычаръ въ гаремныя интриги и политику оттоманскаго правительства; историческая картина польскихъ смутъ; несогласія, господствовавшія въ нашихъ арміяхъ до Петра I и вмѣшательство въ политику стрѣлецкихъ полковъ; наконецъ событія во Франціи 1848 года — ясно доказываютъ, что вмѣшательство арміи во внутреннюю политику страны вездѣ, во всѣхъ государствахъ, на какой бы степени развитости она ни стояла, влечетъ за собою насильственные перевороты и военный деспотизмъ. Поэтому въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военная сила состоитъ изъ большой массы воиновъ, тамъ необходимымъ условіемъ, для внѣшняго и внутренняго спокойствія страны, является самая строгая и безусловная дисциплина. Потребность эта была сознана, какъ только явилось сознаніе потребности регулярныхъ войскъ. Поэтому, съ развитіемъ понятія о дисциплинѣ, явилось и понятіе о томъ: что въ случаѣ ея нарушенія, нарушитель долженъ немедленно же, для сохраненія порядка и повиновенія въ арміи, подвергнуться суду и наказанію. При этомъ, естественно, должно было возникнуть и понятіе о судѣ военномъ: такъ какъ арміи нерѣдко дѣйствуютъ внѣ предѣловъ своего отечества. По этимъ причинамъ, отсылка виновнаго въ отечество, для суда и наказанія, оказывается неудобною, такъ какъ пресѣченіе зла въ дѣйствующей арміи не должно замедляться. Вотъ почему и возникла потребность предоставить во время войны самому военному сословію право—судить и наказывать нарушителей военной дисциплины. Такимъ образомъ, появились вначалѣ военные судьи, во время походовъ, за границею; потомъ, съ усиленіемъ составовъ армій и съ развитіемъ бродяжничества или мародерства, явилась необходимость—военные суды оставить и внутри государства за арміями, для сохраненія дисциплины вообще между воинами и для охраненія самаго государства отъ ихъ насилій. Но возникнувъ и развившись на такихъ началахъ, военный судъ во многихъ государствахъ и въ томъ числѣ

и у насъ, сталъ вторгаться въ неподлежащую ему юрисдикцію: 1) вначалѣ его стали примѣнять къ дѣламъ политическимъ; 2) потомъ — къ другимъ родамъ и видамъ преступленій, имѣющимъ общій характеръ преступленій уголовныхъ.

Впервые военный и морской судъ появились у насъ во время Петра I, съ изданіемъ его уставовъ—военнаго и морского. Окончательно же судъ этотъ организованъ Павломъ I и, съ учрежденіемъ военнаго министерства, онъ вошелъ въ сводъ военныхъ постановленій. Въ прошлое же царствованіе къ военному суду отнесены многія дѣла, разсматривавшіяся въ обыкновенныхъ уголовныхъ судахъ.

Въ отношеніи послѣдняго мы должны сказать, что въ XV томѣ исчислены болѣе 40 случаевъ, когда общія преступленія судятся военнымъ судомъ; указаны они также въ военно-уголовномъ уставѣ кн. 2, ст. 5, пунк. 7, 13, 21, 22 и 25 и ст. 6, пунк. 2—4, 8—40; а въ сводѣ морскихъ уголовныхъ постановленій кн. 2, ст. 4, пунк. 3, 6, 7, 10, 17—21.

Но порядокъ этотъ, какъ несовмѣстный съ настоящимъ положеніемъ нашего общества и вызванный въ свое время чрезвычайностью обстоятельствъ, не могъ остаться въ силѣ. Существенные его недостатки заключались въ слѣдующемъ: 1) принятая сводомъ военныхъ постановленій система, лишала судъ всякой самостоятельности, сосредоточивая судебную часть въ рукахъ военныхъ начальниковъ, которые—возбуждали обвиненія, распоряжались производствомъ слѣдствія, нарядомъ суда и сами же утверждали приговоры военныхъ судовъ; 2) поставляя себѣ главною заботою преслѣдованіе и обвиненіе нарушителей закона, система эта отвергала начало справедливости, требовавшее, чтобы обвинительная власть и обвиняемый въ защитѣ себя предъ судомъ пользовались одинаковыми правами; вслѣдствіе чего послѣдній былъ одинокъ и безоруженъ передъ судьями; 3) въ письменной и *тайной* процедурѣ. Порядокъ этотъ, весь основанный на воинскомъ уставѣ Петра I (30 марта 1716 года) и получившій окончательное развитіе только въ послѣдующія царствованія, нашелъ себѣ охужденіе уже въ наказѣ Екатерины II. Выше, въ главѣ VI, я указалъ, что мысли ея въ отношеніи суда были самыя либеральныя и основныя ея положенія нисколько не отступали отъ главныхъ основъ разумнаго судоустройства. Изъ § же 117 наказа видно, что эти начала она хотѣла ввести и въ *военныхъ* учрежденіяхъ. Вотъ что говоритъ она: «есть люди, которые думаютъ, что молодшій членъ во всякомъ мѣстѣ по должности своей могъ

бы защищать отвѣтчика, какъ напримѣръ, *прапорщикъ въ ротѣ*. Изъ сего послѣдовала бы еще другая польза, въ томъ состоящая, что судіи чрезъ то во своемъ званіи сдѣлались бы гораздо искуснѣе». Такимъ образомъ система военнаго суда, введенная у насъ Петромъ I, оказывалась еще въ прошломъ вѣкѣ несостоятельною; но, по свидѣтельству редакціонной комиссіи, по составленію проектовъ военно-морского судебнаго устава [1]), недостатки этой системы обратили на себя вновь вниманіе правительства въ 1837 году. Но военно-судебной реформѣ суждено было воспослѣдовать только въ настоящее царствованіе: Высочайше повелѣно 29 октября 1859 года, чтобы, по окончаніи воинскаго устава и по внесеніи въ государственный совѣтъ проекта *общаго уголовнаго* судопроизводства, приступить къ составленію и устава военно-уголовнаго судопроизводства. Вслѣдствіе этого военное министерство въ 1861 году доложило государственному совѣту, что [2]):

«По существующимъ военно-уголовнымъ законамъ, наравнѣ съ военными и гражданскими чинами, состоящими въ военномъ вѣдомствѣ, подлежатъ военному суду и многіе разряды лицъ гражданскаго вѣдомства, поименованные въ 5 статьѣ 2 книги военно-уголовнаго устава. Военная подсудность распространена на эти лица вслѣдствіе *случайныхъ* обстоятельствъ, при которыхъ правительство находило необходимымъ подавлять развивавшіяся по временамъ въ извѣстномъ сословіи преступленія страхомъ военныхъ наказаній, болѣе тяжкихъ, чѣмъ наказанія, положенныя за тѣ же преступленія общими уголовными законами».

«Сознавая ту несомнѣнную истину, что *не столько страхъ жестокихъ наказаній* [3]), отъ которыхъ, при существующихъ у насъ формахъ *инквизиціоннаго* процесса, могутъ удобно ускользать опытные и искусные преступники, сколько неизбѣжность правомѣрнаго наказанія, достигаемая лишь при условіи болѣе совершенныхъ формъ уголовнаго судопроизводства, въ состояніи удержать преступную волю отъ совершенія преступле-

---

[1]) Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава 1867 года стр. XI.

[2]) См. журн. соед. депар. госуд. совѣта 1862 г. о преобразованіи судебной части въ Россіи стр. 214—246.

[3]) Эти слова дѣлаютъ особенную честь военному министерству. Но эта истина была уже ясно понята Екатериною II (см. ея наказъ, главу о наказаніяхъ). Изъ этого видно, какъ медленъ прогрессъ идей...

ній, и притомъ, имѣя въ виду коренныя преобразованія, предпринятыя по судебной части въ гражданскомъ вѣдомствѣ, нельзя не убѣдиться въ возможности ограничить военно-уголовную подсудность лицами, принадлежащими *исключительно* военному вѣдомству, а потому желательно было бы:

а) «всѣхъ лицъ, къ оному не принадлежащихъ, предаваемыхъ нынѣ военному суду, обратить къ подсудности общаго уголовнаго суда за всѣ роды преступленій»;

б) «лицъ всякаго званія и чиновъ, принадлежащихъ къ составу иррегулярныхъ войскъ, предавать военному суду лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія ихъ будутъ касаться нарушенія обязанностей военной службы»;

в) «равнымъ образомъ предавать *обыкновенно* суду нижнихъ чиновъ и офицеровъ, находящихся въ безсрочномъ отпуску или занимающихъ въ гражданскомъ быту какія-либо общественныя должности, если только преступленія ихъ не имѣютъ никакого отношенія къ нарушенію обязанностей военной службы»;

г) «въ тѣхъ случаяхъ, когда въ преступленіи участвовали лица, изъ коихъ одни подлежатъ военному суду, а другія гражданскому, если только преступленіе это не касается нарушенія дисциплины и какихъ-либо обязанностей службы, тѣхъ и другихъ предавать уголовному суду *обыкновенному* (какъ это принято во французскомъ и другихъ иностранныхъ военно-уголовныхъ законодательствахъ), съ тѣмъ, чтобы судъ этотъ назначалъ преступникамъ военнаго званія наказанія по военно-уголовнымъ законамъ [1]) и обратно, если преступленіе относится до нарушенія военной дисциплины и обязанностей военной службы, то обвиняемыхъ того и другого вѣдомства судить военнымъ судомъ».

Независимо отъ этого, военный министръ, въ присутствіи государственнаго совѣта, объяснилъ, что, по его мнѣнію, преданіе военному суду должно быть допускаемо только въ трехъ случаяхъ: 1) когда въ мѣстѣ совершенія преступленія нѣтъ другихъ судовъ, кромѣ военнаго, напримѣръ, въ арміи во время войны; 2) когда преступленія такого рода, что

---

[1]) Это намъ кажется неудобнымъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ лица гражданскаго вѣдомства по однимъ и тѣмъ же приговорамъ будутъ присуждаемы къ слабѣйшимъ, а ихъ соучастники военные—къ сильнѣйшимъ. Справедливо ли это?...

не могутъ быть правильно обсуждены никѣмъ, кромѣ военныхъ судей; 3) когда судъ общій становится невозможнымъ, напримѣръ, потому что весь край въ такомъ волненіи, что нельзя положиться даже на мѣстные суды.

По этому поводу государственный совѣтъ, въ своемъ журналѣ (1862 г.), говоритъ:

«Устройство военнаго суда, не смотря на всѣ усовершенствованія, никогда не можетъ сравняться съ достоинствами хорошо устроеннаго общаго суда, потому что въ общемъ судѣ производство и рѣшеніе дѣлъ возлагается на опытныхъ постоянныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, избранныхъ изъ лучшихъ гражданъ всего народонаселенія, а военный судъ составляется временно изъ лицъ, не могущихъ вполнѣ оцѣнить значеніе преступленія противъ обязанностей военнаго званія, и по большей части не обладающихъ такими юридическими свѣдѣніями, которыя необходимы судьѣ, при разсмотрѣніи разнородныхъ преступленій, встрѣчающихся въ гражданской жизни. Вслѣдствіе сего въ новомъ уставѣ судопроизводства должно быть постановлено общимъ правиломъ: «*что какъ лица гражданскаго вѣдомства вообще, такъ и гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ сухопутномъ и морскомъ вѣдомствѣ, подлежатъ за всѣ преступленія общему уголовному суду*».

Правило это не исчерпало всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ военнымъ министромъ, и недостаточно удовлетворяло теоретическому значенію военнаго суда:

1) военный судъ можетъ быть оправданъ только, какъ мѣра удержанія во время войны дисциплины; поэтому, гдѣ рѣчь идетъ о послѣдней, тамъ только долженъ допускаться военный судъ. Но есть проступки и преступленія, которые, составляя простыя нарушенія частнаго или публичнаго права, не имѣютъ ничего общаго съ дисциплиною; поэтому въ подобныхъ случаяхъ всѣ чины военнаго вѣдомства должны бы подлежать подсудности общихъ судовъ. Въ воинѣ должно видѣть двѣ личности—военнаго и гражданина; какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ отношеніи онъ имѣетъ извѣстныя права и обязанности; но тѣ и другія имѣютъ свое существенное отличіе. Человѣкъ—какъ воинъ, обязанъ исполнять положительныя предписанія воинской дисциплины; какъ гражданинъ, онъ имѣетъ свои частныя обязанности въ отношеніи къ обществу, какъ его сочленъ; потому что воинъ, исполняя свои частныя обязанности, не только не перестаетъ быть гражданиномъ, но напротивъ того, первая

его обязанность и первое его украшеніе — быть истиннымъ гражданиномъ и патріотомъ. Такой взглядъ на воина имѣетъ гражданское право и поэтому оно подчиняетъ его совершенно положительнымъ своимъ постановленіямъ и юрисдикціи гражданскихъ судовъ. Такой же взглядъ на него должно имѣть и право уголовное: какъ гражданина, оно должно подчинять, его въ мирное время, своимъ условіямъ и подсудности уголовнаго суда, по тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ заключалось бы даже понятіе о нарушеніи дисциплинарномъ. Послѣдняя мѣра потому еще справедлива и разумна, что военное сословіе, жертвующее своею жизнію отечеству, не должно быть изъято отъ общей привилегіи гражданъ — *имѣть возможно совершенный и правый судъ*. Общій же и военный судъ, какъ признано и государственнымъ совѣтомъ, значительно разнятся по своему составу и по своимъ формамъ и насколько въ этихъ отношеніяхъ первый совершененъ, настолько второй отличается своимъ несовершенствомъ. На этомъ основаніи, въ мирное время, нѣтъ причинъ не предоставить почетному сословію воиновъ права, при обвиненій ихъ въ проступкахъ и преступленіяхъ, подчиняться общимъ гарантіямъ суда и расправы. Но то, что можно сказать въ отношеніи мирнаго времени, того же самаго нельзя желать во время войны: въ послѣднемъ случаѣ всякій проступокъ и преступленіе получаютъ видъ нарушенія дисциплины, и это вызываетъ потребность—предавать виновнаго военному суду. Въ мирное же время, съ подчиненіемъ военныхъ—суду военному, они подвергаются сильнѣйшимъ наказаніямъ, чѣмъ за подобные же проступки подвергаются другіе ихъ сограждане.

По собственнымъ же словамъ военнаго министра, *неустрашительное начало* дѣйствуетъ благодѣтельно на юстицію, а *начало равномѣрности*, которое можетъ и должно проявляться не только въ одинаковости формъ, но и въ подобіи и сходствѣ самыхъ наказаній.

2) Этой равномѣрности нѣтъ также въ правилѣ о томъ, чтобы подчинить однихъ *гражданскихъ чиновниковъ* военнаго и морского вѣдомства общимъ судамъ. Законъ этотъ установилъ неравномѣрность какъ въ гарантіяхъ справедливости рѣшеній, такъ и въ самыхъ наказаніяхъ, которымъ должны подчиняться лица военныя и гражданскія, состоящія въ однѣхъ и тѣхъ же должностяхъ. Въ министерствѣ военномъ и морскомъ большая часть должностей по канцеляріямъ, интендантс вамъ, комиссаріату, комитетамъ, занята настолько же гражданскими, насколько и военными чинами. Однѣ и тѣ же должности (независимо отъ

того, занимаетъ ли его гражданскій чиновникъ или военный офицеръ), вызываютъ *одинаковыя обязанности*; поэтому и у нихъ должна бы быть и *одинаковая отвѣтственность*. Но подчиняя гражданскаго чиновника по его общимъ преступленіямъ общему суду, и военнаго—военному,—законъ налагаетъ на послѣдняго не только большее наказаніе, но еще даетъ въ военномъ сословіи гражданскимъ чиновникамъ *по общимъ* преступленіямъ исключительную *привилегію* на правый судъ.

3) Самыя заявленія министра о случаяхъ преданія военному суду не безусловно справедливы и раціональны. Министръ предполагаетъ преданіе военному суду, когда: а) «преступленія такого рода, что не могутъ быть правильно обсуждены никѣмъ, кромѣ военныхъ судей». Подобные случаи, дѣйствительно, возможны только въ военное время, когда рѣчь идетъ объ исполненіи распоряженій начальства, имѣющихъ стратегическое или тактическое значеніе. Но такъ какъ этихъ случаевъ нѣтъ въ мирное время, то они къ нему не могутъ и не должны относиться, потому что иначе, пожалуй, можно каждый извѣстный случай подсудности военной объяснять необходимостью разсмотрѣнія дѣла спеціалистами. Если же въ дѣлахъ военныхъ встрѣчается иногда техническая часть, то техника встрѣчается и въ частныхъ дѣлахъ и въ дѣлахъ другихъ вѣдомствъ; равно *въ отношеніи и гражданскихъ чиновниковъ военнаго и морскаго вѣдомства*; однако же законодательство передаетъ всѣ эти дѣла и лица общей судебной власти, для техническаго же разсмотрѣнія вопроса установляетъ особый порядокъ. Поэтому, въ мирное время, нѣтъ достаточныхъ причинъ для военнаго и морского вѣдомства дѣлать исключенія, такъ какъ техническая часть дѣла можетъ быть объизслѣдована судомъ общимъ, процессуальнымъ порядкомъ. б) Второй случай допущенія военнаго суда—когда весь край, по выраженію министра, въ такомъ волненіи, что нельзя положиться даже на мѣстные суды, — также не выдерживаетъ критики: если край находится не въ спокойномъ, а въ тревожномъ состояніи; когда волнуются умы, и проявляются вспышки политическихъ страстей,—тогда *законность* еще болѣе необходима, чѣмъ когда-либо: такъ какъ одна законность можетъ только отрезвить народъ, между тѣмъ какъ всякое насиліе можетъ, напротивъ того, еще болѣе озлобить людей, уже и безъ того разгоряченныхъ. Исторія Англіи, Франціи и Германіи представляютъ тому безчисленное множество примѣровъ. Въ то время, когда умы въ этихъ государствахъ волновались и когда правительства, не выходя изъ предѣловъ законности, преслѣдовали возмутителей путемъ законнымъ, тогда обще

ство глядѣло на эти дѣйствія, какъ на право правительства; но едва выходили они изъ своихъ предѣловъ, какъ дѣйствія ихъ возбуждали укоръ современниковъ и потомства. Что такое военный судъ? Не есть-ли это простое употребленіе силы, съ самымъ слабымъ участіемъ права. Развѣ военный судъ, находящійся подъ страхомъ дисциплины и подъ вліяніемъ страстей, возбужденныхъ экстренностью положенія края, можетъ быть безпристрастенъ? Развѣ общество этого не понимаетъ и не сознаетъ ясно, что военный судъ есть, въ строгомъ смыслѣ, не судъ, а произвольное наказаніе, облеченное только въ форму военнаго приговора? И къ чему прибѣгать къ такой мѣрѣ, когда общій судъ, по своей организаціи, исключаетъ всякое вѣроятіе въ пристрастіи и если не оказывать ему довѣрія въ такія торжественныя минуты, когда народное волненіе грозитъ потрясти весь государственный организмъ, то ему не слѣдуетъ оказывать довѣрія и въ другихъ случаяхъ. Общій судъ долженъ быть возстановителемъ нарушеннаго права во всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, и только при такихъ условіяхъ значеніе судебной власти въ государствѣ не компрометируется и стоитъ на твердой почвѣ. Стоитъ прочитать исторію Англіи и можно убѣдиться, что со временъ Генриха VIII [1]) мировой судъ оказывалъ тамъ государству огромныя услуги, являясь, во время народныхъ волненій, главнымъ дѣйствующимъ, во имя закона и порядка, учрежденіемъ. И съ XVI вѣка, если правительство въ подобныхъ случаяхъ прибѣгало къ насилію безъ содѣйствія мирового суда, то народъ всегда враждебно относился къ этому. Въ послѣднемъ случаѣ народъ былъ совершенно правъ, такъ какъ и путемъ законности правительство Англіи всегда достигало успокоенія края. Поэтому нельзя, безъ исторической необходимости, устанавливать какія бы то ни было чрезвычайныя мѣры, куда отнести слѣдуетъ и военные суды. Установленные впервые для нѣкоторыхъ дѣлъ (грабежей), во время первой французской имперіи, суды эти вызываютъ постоянный ропотъ французской націи и лица, осужденныя этими судами, во время диктатуры Каваньяка и послѣ декабрскаго переворота Наполеона III, находятъ до настоящаго времени самое глубокое сочувствіе общества.

Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ *меньшинства* го-

---

[1]) См. «Исторію Англіи» Маколея и «Исторію государств. учрежденій Англіи» Фишеля.—Объ въ русскомъ переводѣ.

сударь. совѣта: «чтобы во всякой мѣстности, хотя бы она и не была объявлена въ военномъ положеніи, если въ ней только произошло возстаніе или возмущеніе противъ правительства, сопротивленіе, съ насиліемъ, распоряженіямъ его и подстрекательство военно-служащихъ къ нарушенію ихъ обязанностей,—виновные были бы судимы военнымъ судомъ».

Основанія меньшинства заключаются лишь въ томъ: «что ничѣмъ такъ легко и скоро не можетъ быть прекращено возстаніе и остановлено распространеніе возмущенія на сосѣднія мѣстности, какъ быстрымъ и скорымъ судомъ, а военные суды, при предстоящемъ ихъ преобразованіи, будутъ соединять въ себѣ условія правильнаго суда съ быстротою, которой никакое другое судопроизводство, какъ бы облегчено и упрощено ни было, достигнуть не можетъ. Для обсужденія степени вины въ тѣхъ преступленіяхъ, кои подлежали бы, на указанномъ выше основаніи, военному суду, не требуется долговременнаго навыка въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, ни глубокихъ юридическихъ познаній, и приговоры въ опредѣленныхъ заранѣе случаяхъ могутъ быть подвергнуты ревизіи генералъ—аудиторіата. Объявленіемъ, что нѣкотораго рода преступленія подлежатъ военному суду, будутъ по всей вѣроятности, нерѣдко, предупреждены покушенія на сіи преступленія, и этимъ будетъ ограждено общественное спокойствіе».

Большинство государственнаго совѣта возразило на это съ свойственною всѣмъ его разсужденіямъ—объ основныхъ положеніяхъ судебной реформы въ Россіи, послѣдовательностью:

1) Если бы и дѣйствительно нужно было подавлять нѣкоторыя преступленія страхомъ болѣе тяжкихъ наказаній, чѣмъ положенныя за тѣ же преступленія общими уголовными законами, то лучше сдѣлать соотвѣтствующія этому измѣненія въ уложеженіи о наказаніяхъ, нежели допускать изъятія изъ общаго порядка подсудности. *Такія изъятія признавались всегда и вездѣ не только не раціональными,* но и *несправедливыми, и возбуждали недовѣріе къ судамъ особеннымъ или чрезвычайнымъ.*

2) У насъ преданіе лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду вызвано было не столько потребностью усилить наказанія за нѣкоторыя преступленія, сколько *недостатками нашего общаго уголовнаго суда,* сложностью его формъ, развившихъ излишнюю письменность, и нескончаемою его медленностью, вовсе нетерпимою тамъ, гдѣ, для скорѣйшаго по-

давленія преступленій какого-либо рода, требуется и скорѣйшая по нимъ расправа.

3) Но если приняты будутъ предначертанныя для уголовнаго судопроизводства новыя начала, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и поводы къ изъятію преступниковъ гражданскаго вѣдомства отъ общей уголовной подсудности; потому что, по этимъ началамъ, общій уголовный судъ, производимый въ важныхъ преступленіяхъ съ участіемъ присяжныхъ предсѣдателей, потребуетъ менѣе времени, чѣмъ нынѣшній военный судъ, и будетъ оканчиваться въ одной инстанціи.

4) Даже въ тѣхъ *чрезвычайныхъ случаяхъ*, въ которыхъ правительство вынуждено бываетъ назначить на производство суда самый краткій срокъ, а именно—24 часа, предначертанный порядокъ устнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, представить возможность къ принятію этой мѣры, безъ отступленія отъ общаго порядка судопроизводства и безъ лишенія подсудимыхъ обезпеченій, предоставленныхъ имъ законами. При новомъ порядкѣ судопроизводства большую часть дѣлъ, неимѣющихъ особенной сложности, можно будетъ оканчивать въ одно засѣданіе, а если бы встрѣтилось дѣло спѣшное, требующее для разсмотрѣнія его болѣе времени, нежели продолжается обыкновенное присутствіе, то ничто не препятствуетъ продолжать засѣданіе.

5) Кромѣ того нельзя не принять во вниманіе, что съ мыслію *о спѣшномъ судѣ* всегда соединяется, болѣе или менѣе, мысль о судѣ неправедномъ; нареканія не можетъ быть только тогда, когда скорость суда происходитъ вслѣдствіе *простоты сю формъ*, а не торопливости судей, когда опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ возложено на представителей общества—присяжныхъ засѣдателей«.

И такъ изъ этихъ словъ журнала соединенныхъ депар. государственнаго совѣта слѣдовало бы заключить, что въ дѣлахъ, заключающихъ въ себѣ явный *бунтъ* и *возстаніе*, не только отмѣняется военный судъ, но устанавливается и *судъ присяжныхъ*; но обращаясь къ разрѣшенію тѣмъ же журналомъ вопроса: о судопроизводствѣ по государственнымъ преотупленіямъ, означеннымъ въ ст. 275—280 и 282—287 уложенія о наказаніяхъ, куда включены возстаніе и бунтъ, мы находимъ, что государственный совѣтъ установилъ для этого рода дѣлъ особую форму суда, *безъ участія присяжныхъ*. Но по предмету этому мы будемъ подробнѣе говорить, разсматривая уставъ уголовнаго судопроизводства; здѣсь же мы скажемъ только, что нельзя не одобрить, по крайней мѣрѣ, того пра-

вила, что дѣла политическія въ мирное время изъяты отъ суда военнаго. Но объ одномъ нельзя не пожалѣть, что это не установлено безусловно: когда же страна будетъ объявляться въ военномъ положеніи, тогда будутъ дѣйствовать военные суды... Выше я ужь опровергъ ложность мысли, что, будто бы, взволнованное состояніе умовъ края можно успокоить военными судами; здѣсь же присовокуплю, что нерѣдко военное положеніе страны вызывается не столько дѣйствительною потребностью и опасностью отъ народнаго волненія, сколько робостью, трусливостью и преувеличеннымъ взглядомъ на нихъ администраторовъ,—взглядомъ, который вызываетъ съ ихъ стороны объявленіе края въ военномъ или осадномъ положеніи... И ради этого, нельзя же отступить отъ законности и справедливости, и немедленно же прибѣгать къ насилію. И не можетъ ли каждый разъ администрація намѣренно объявлять край въ военномъ положеніи, для того, чтобы обойти общую подсудность и для того, чтобы пріобрѣсти право суда. Согласно ли это съ достоинствомъ правительства, націи и суда?.. Нужно отдать справедливость нашему правительству, съ уничтоженіемъ тайной канцеляріи и ея застѣнокъ, военному суду предавались только одни польскіе ажитаторы; въ отношеніи же русскихъ принято было правило: что дѣла, смотря по важности ихъ, разсматривались общими уголовными судами, правительствующимъ сенатомъ или *верхонымъ* уголовнымъ судомъ, и всѣ приговоры этихъ судовъ восходили на Высочайшее усмотрѣніе. Нынѣ же дано только дальнѣйшее развитіе этому предмету, и верховная исполнительная власть, передавъ эти дѣла непосредственному вѣдѣнію судебной власти имперіи, оставила за собою только право *помилованія.*

Въ отношеніи морскихъ судовъ слѣдуетъ сказать, что они подраздѣляются на два разрада: судъ вообще морского вѣдомства и на судъ на кораблѣ. Въ отношеніи перваго мы можемъ повторить только то, что мы сказали вообще о военномъ судѣ *въ мирное время*; въ отношеніи же второго необходимо сказать: что правила дисциплины на кораблѣ должны быть самыя строгія, такъ какъ только отъ точнаго и буквальнаго исполненія командою и всѣми находящимися на кораблѣ лицами, предписаній и приказаній начальствующаго на кораблѣ лица, зависитъ жизнь и участь мореплавателей и цѣлость самого корабля. Поэтому всѣ находящіяся лица на кораблѣ должны быть въ неограниченномъ подчиненіи главнаго его начальника и въ случаѣ проступка или преступленія кого либо, въ которомъ заключается бунтъ, возстаніе или явное нарушеніе

правилъ морской полиціи, начальникъ корабля не только обязанъ не медля принять всѣ зависящія мѣры къ возстановленію порядка, но въ экстренныхъ случаяхъ имѣетъ право—употребить судъ и наказаніе виновныхъ, хотя бы они не принадлежали морскому вѣдомству.

Но въ подобныхъ случаяхъ, для уничтоженія произвола со стороны начальствующихъ на судахъ лицъ, слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить за правило: что по прибытіи въ отечество, начальникъ корабля, прибѣгнувшій къ суду и къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, обязанъ отдать отчетъ не только своему начальству, но и суду. Если послѣдняго не допускать, то при чрезвычайной обширности правъ начальствующихъ лицъ на кораблѣ, они не рѣдко могутъ или обращать ихъ въ орудіе своихъ цѣлей, или просто злоупотреблять своею властью. Самый судъ на кораблѣ долженъ быть организованъ такъ, чтобы онъ исключалъ всякое понятіе о пристрастіи; а начальствующему на кораблѣ лицу должна быть предоставлена власть непосредственнаго дѣйствія только въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, когда для него безусловно закрыты всѣ пути къ возстановленію порядка, и опасность такъ велика, что каждое мгновеніе дорого. Поэтому мы согласны совершенно съ мнѣніемъ Бентама: что на частныхъ кораблях (мы прибавимъ на судахъ и пароходахъ) необходима власть, имѣющая право приказывать, судить и наказывать—этого требуетъ безопасность судна и пассажировъ. Нѣтъ однакожъ надобностя давать капитанамъ деспотической власти: она должна быть ограничена правомъ заинтересованныхъ лицъ *жаловаться* на произнесенные капитанами приговоры въ обыкновенные суды» [1]).

Затѣмъ, въ 1862 г., въ разсмотрѣніи государственнаго совѣта былъ еще одинъ вопросъ о смѣшанной подсудности военной и гражданской, и законодательное сословіе постановило [2]): приговоръ о всѣхъ соучастникахъ въ преступленіи, для сохраненія единства въ сужденіи о нихъ, какъ существеннаго условія правосудія, долженъ быть непремѣнно поставленъ въ одномъ и томъ же судѣ; посему въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ преступленіи участвовали лица разныхъ вѣдомствъ, гражданскаго и военнаго, необходимо подсудность дѣла опредѣлять *свойствомъ* *преступ-*

---

[1]) См. о судоустройствѣ Бентама, переводъ Книрима, стр. 12.

[2]) Журн. соед. депар. госуд. совѣта б. основ. начал. суд. рефор. въ Россіи 1862 г. стр. 249—250.

ленія. Если преступленіе состоитъ въ нарушеніи *общихъ гражданскихъ обязанностей*, то всѣ соучастники въ преступленіи должны быть судимы въ общемъ уголовномъ судѣ; если же оно состоитъ въ нарушеніи военной дисциплины и обязанностей военнаго званія, то всѣ соучастники въ преступленіи должны быть судимы военнымъ судомъ. *Въ первомъ случаѣ* общій уголовный судъ долженъ опредѣлять наказаніе преступникамъ военнаго званія по военно-уголовнымъ законамъ, отъ дѣйствія которыхъ лица сего званія не могутъ быть изъяты, при существованіи для нихъ особыхъ уголовныхъ законовъ не только по преступленіямъ служебнымъ, но даже и по преступленіямъ *общихъ* гражданскихъ обязанностей. Во второмъ случаѣ, военный судъ долженъ назначить наказаніе преступникамъ гражданскаго вѣдомства по общимъ уголовнымъ законамъ».

Постановленіе это не вполнѣ согласно ни съ теоретическимъ значеніемъ военно-уголовныхъ законовъ, ни съ самою справедливостью: военно-уголовное законодательство можетъ быть только оправдано правомъ войны и строгостью дисциплины, необходимою какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Поэтому, что только ни относится до дисциплины, то можетъ и должно основываться въ мирное время на военно-уголовномъ уложеніи о наказаніихъ; все же неимѣющее соотношенія съ дисциплиною должно подлежать общему уложенію о наказаніяхъ. Спрашиваемъ, что имѣетъ общаго, напримѣръ, подлогъ частныхъ документовъ и обязательствъ съ дисциплиною?.. Составитель фальшиваго векселя или другого акта есть простой нарушитель частнаго права, безразлично, военный ли онъ или гражданскій, чиновникъ или купецъ. Поэтому-то военные только на случай войны должны вообще подлежать военному суду и военно-уголовному законодательству; въ мирное же время они могли бы имъ только подлежать въ тѣхъ сдучаяхъ, когда въ нарушеніи заключается понятіе о нарушеніи дисциплины. По этому законодательство должно съ большою точностью обозначить предѣлъ того и другого, и исчислить въ точности признаки нарушенія дисциплины. Съ установленіемъ же правила, что военные чины во всѣхъ данныхъ случаяхъ должны подлежать дѣйствію военно-уголовнаго уложенія о наказанія, значитъ—въ отношеніи военныхъ установить болѣе строгія наказанія по всѣмъ дѣламъ, неимѣющимъ ничего общаго съ дисциплиною. Такимъ образомъ, въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ возникнутъ для лицъ гражданскаго вѣдомства менѣе слабыя наказанія, для лицъ военныхъ—болѣе сильныя. Военно-уголовный уставъ

всегда строже, чѣмъ гражданскій: вытекаетъ это изъ того понятія, что въ отношеніи военныхъ требуются болѣе рѣшительныя и строгія мѣры, чѣмъ въ отношеніи другихъ лицъ для сохраненіи въ арміи дисциплины. Хотя мы не совсѣмъ согласны съ этимъ началомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не сказать, что и не всѣ проступки могутъ однакожь подходить подъ него и поэтому военно-уголовный уставъ можетъ употребить строгость въ тѣхъ лишь случаяхъ, гдѣ проступокъ имѣетъ соотношеніе съ нравственнымъ состояніемъ арміи; въ другихъ же случаяхъ примѣненіе къ военнымъ болѣе умѣренныхъ началъ общаго уложенія было бы не только возможно, но и совершенно справедливо. По правилу же государственнаго совѣта лица гражданскаго вѣдомства и въ общемъ и въ военномъ судѣ должны быть судимы по общему уложенію; военные же въ томъ и другомъ—по военно-уголовному. Поэтому и тѣ и другіе—и въ общемъ, и въ военномъ судѣ, будутъ подлежать неравнымъ наказаніямъ.

Далѣе государственный совѣтъ говоритъ:

«Когда кто либо обвиняется въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ коихъ одни подсудны общему уголовному суду, а другія—суду военному, то дѣло, по общему основному закону, должно, во всемъ его объемѣ, подлежатъ разсмотрѣнію въ томъ судѣ, коему подсудно важнѣйшее изъ приписываемыхъ обвиняемому преступленій, и наказаніе осужденному слѣдуетъ опредѣлять по правиламъ о совокупности преступленій».

Нельзя согласиться вполнѣ съ этими началами даже и въ томъ случаѣ, когда вообще военные суды допускаются въ законодательствѣ.

По принятому порядку въ нашемъ отечествѣ въ мирное время, военный нашъ судъ состоялъ изъ первой инстанціи, такъ называемыхъ временныхъ или постоянныхъ «военно-судныхъ комиссій», приговоры которыхъ или утверждались начальниками мѣстныхъ войскъ, или же, смотря по роду дѣла, съ ихъ заключеніями восходили во вторую инстанцію — «генералъ-аудиторіатъ», откуда дѣло предостовлялось на Высочайшее усмотрѣніе. Въ военное же время при главнокомандующемъ находился генералъ-аудиторъ, замѣняющій генералъ-аудиторіатъ, и дѣла восходили на окончательную конфирмацію къ главнокомандующему... Считаемъ неумѣстнымъ въ настоящемъ сочиненіи излагать подробно порядокъ и составъ прежняго дѣлопроизводства этихъ судовъ, равно ихъ видоизмѣненія въ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскахъ; также права военнаго суда генералъ-губернаторовъ и командующихъ войсками... Теорія можетъ только вынести изъ всѣхъ этихъ

предметовъ одно лишь убѣжденіе въ ихъ несостоятельности, а замѣтимъ только, что начиная отъ состава этого рода судовъ до дѣлопроизводства, все въ немъ было крайне несовершенно. Судьями назначалась неопытная молодежъ, едва только попавшая въ офицеры, и военнымъ судомъ овладѣвали обыкновенно аудиторы или дѣлопроизводители; въ генералъ-адиторіатѣ— хотя и не сидѣла молодежъ, но встрѣчалось тоже самое явленіе—отчасти по неопытности судей, отчасти потому, что положеніе ихъ было не независимое. Минихъ, поэтому, безъ преувеличенія сказалъ еще Екатеринѣ II: «что вся Россія управляется секретарями». [1]) Независимо отъ этого обѣ инстанціи имѣли дѣлопроизводство слѣдственно-секретное, и вторая степень настолько же была судомъ ревизіоннымъ, какъ и кассаціоннымъ... Эти недостатки вызывали законное желаніе и требованіе, чтобы въ *мирное время* военные суды, хотя бы въ отношеніи кассаціи, подлежали общему вѣдѣнію кассаціоннаго суда, какъ верховному наблюдателю единообразнаго примѣненія, толкованія и исполненія всѣхъ законовъ имперіи... Мы готовы, даже, съ грѣхомъ по поламъ, согласиться съ тѣмъ (въ чемъ согласенъ и Бентамъ), что случаи нарушенія дисциплины имѣютъ свои особенности и тонкости, о которыхъ могутъ судить одни лишь военные; поэтому, пожалуй, можно допустить особые спеціальные, военные суды; можно даже допустить, чтобы вопросъ о фактѣ рѣшали присяжные изъ сословія военныхъ. Но при этомъ во 1) дайте же какъ составу суда, такъ и дѣлопроизводству его тѣже гарантіи, которыя имѣютъ общій уголовный судъ; 2) подчините этотъ судъ, въ отношеніи надзора и кассаціи, верховному кассаціонному суду, тѣмъ болѣе, что по многимъ дѣламъ и частныя лица будутъ подлежатъ военному суду. Если же послѣдняго не допускать, то можно сказать, что торжественно провозглашенный принципъ—объ отдѣленіи администраціи отъ суда, не вполнѣ осуществленъ; такъ какъ одно лишь гражданское вѣдомство передается общей судебной власти, а военное и морское остаются за администраціею. Такимъ обрдзомъ въ государствѣ будутъ въ сущности три власти судебныя: одна гражданская, другая морская, третья военная, и такъ какъ послѣдняя всегда можетъ овладѣть краемъ, при первомъ объявленіи администраціею объ осадномъ или военномъ ея положеніи, то могутъ между обѣими этими властями происходитъ столкновенія, и въ

---

[1]) Эту истину, высказанную Минихомъ, повторилъ и государ. совѣтъ. См. журналъ соед. департаментовъ о судеб. реформѣ Россіи.

подобномъ случаѣ антагонизмъ неминуемъ. Поэтому то, такъ какъ сущность и достоинство судебной власти въ государствѣ требуетъ, чтобы она была едина и такъ какъ самый интересъ правосудія требуетъ усовершенствованія судовъ военныхъ, то и вытекаетъ необходимость—допускать ихъ—или лишъ въ видѣ спеціальныхъ органовъ общаго суда, съ подчиненіемъ ихъ кассаціонному суду, къ которому и присоединитъ генеральный военной и морской судъ при чемъ первымъ степенямъ, (если ужежелаютъ имѣть особые суды) дать форму и дѣлопроизводство судовъ общихъ, безъ всякихъ изъятій; или же въ мирное время, оставивъ морскихъ и военныхъ чиновъ подсудными общимъ судамъ, допустить только участіе присяжныхъ изъ военныхъ — если дѣло касается нарушеній дисциплины и обязанностей службы. Въ этомъ случаѣ военные явятся такими же присяжными экспертами, какимъ вообще являются экспертизмъ въ спеціальныхъ вопросахъ.

Исторически же военные суды у насъ возникли слѣдующимъ образомъ. Въ то время, когда возникло приказное начало, и каждый разрядъ служилыхъ людей сталъ требовать особаго суда, то возникли приказы: стрѣлецкій, иноземный и рептарскій. Первый вѣдалъ дѣла стрѣльцовъ, *опричь* разбоя и татьбы съ поличнымъ. Въ 1700 году всѣ дѣла второго приказа повелѣно было вѣдать боярину—князю Якову Федоровичу Долгорукову; но приказъ продолжалъ существовать и 23 Іюня 1701 года переименованъ въ приказъ военныхъ дѣлъ и существовалъ подъ этимъ названіемъ до учрежденія коллегій. Кромѣ того преображенскій приказъ, между прочимъ, вѣдалъ также уголовными и гражданскими дѣлами чиновъ гвардіи [1]).

Съ учрежденіемъ же военной коллегіи къ ней перешли всѣ дѣла, бывшія въ вѣдѣніи военнаго приказа, а потому къ ней перешли и дѣла судебныя, и она имѣла характеръ высшаго военно-уголовнаго апелляціоннаго суда [2]).

---

[1]) Объ этомъ приказѣ положительно уже говорится въ указѣ 25 сент. 1703 г.; закрытъ онъ по указу 4 апрѣля 1789, и военныя дѣла перешли въ военную коллегію.

[2]) Гагенмейстеръ полагаетъ, что военная коллегія первоначально ие имѣла судебнаго характера и только получила его при Минихѣ, но приписываетъ это значеніе адмиралтействъ-коллегіи съ самого ея учрежденія. См. Ж. М. Н. Просв. 1836 г. іюль и августъ.

Въ отношеніи же морского вѣдомства въ 1870 году судъ надъ морскими чинами былъ ввѣренъ адмиралтейскому приказу, который существовалъ до 1719 года. По отсутствію историческихъ источниковъ, степень его власти неизвѣстна; а потому я долженъ обратить вниманіе читателя на адмиралтейлтвъ-коллегію, которая вѣдала также военно-морскимъ судомъ.

Верховный же судъ по дѣламъ военнымъ и морскимъ принадлежалъ правительствующему сенату.

Но военно-судебная часть подверглась реформѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

Военно-морская судная часть была преобразована 24 января 1797 года и организованъ генералъ-аудиторіатъ [1]), для высшаго суда надъ лицами военнаго и морского званія—по всѣмъ ихъ дѣламъ уголовнымъ и *гражданскимъ*. Первоначально онъ состоялъ изъ генералъ-аудитора, 2 оберъ-аудиторовъ. Но болѣе подробную организацію получило это учрежденіе при Императорѣ Александрѣ I, указомъ 8 сент. 1805 года. По этой реформѣ генералъ-аудиторіатъ состоялъ изъ 7 особъ: генералъ-аудиторъ, *яко* президентъ, 4 генералъ-лейтенанта или генералъ-маіора (2 отъ арміи и 2 отъ флота) и 2 военныхъ совѣтника.

Всѣ дѣла о нижнихъ чинахъ генералъ-аудиторіатъ рѣшалъ окончательно и приводилъ свои рѣшенія въ исполненіе чрезъ военную или адмиралтейскую коллегію; но по дѣламъ офицеровъ онъ составлялъ всеподданнѣйшій докладъ и представлялъ его на Высочайшее утвержденіе.

Въ такомъ соединенномъ видѣ оставался военно-морской судъ, пока не образовались самостоятельно министерства: военное и морское, съ особыми генералъ-аудиторіатами. Поэтому съ изданіемъ свода военныхъ постановленій, по отношенію организаціи суда внесены въ него всѣ начала преобразованій 1805 года; и если были въ немъ измѣненія, то не въ началахъ, а въ подсудности, т. е., то ее съуживали, то расширяли. Такимъ образомъ, съ начала нынѣшняго вѣка, военные суды ожидали реформы и она дождалась настоящаго царствованія.

---

[1]) Бюшингъ въ т. XVI, стр. 557 и др. дѣлаетъ исчисленіе присутственныхъ мѣстъ въ Россіи, послѣ Петра I. При Минихѣ, во время регентства Анны Леопольдовны, когда онъ управлялъ военной коллегіею, состоялъ уже генералъ-аудиторіатъ, но онъ упраздненъ Елисаветою Петровною и объ немъ мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. Извѣстіе объ немъ даетъ Гагенмейстеръ, какъ я уже выше говорилъ въ своихъ цитатахъ.

Съ реформою общаго суда и съ провозглашеніемъ принципа отдѣленія судебной власти отъ административной, ясно было, что и военно-морской судъ долженъ быть преобразованъ и притомъ на тѣхъ же началахъ, какъ и судъ общій. Такъ всѣ надѣялись и ожидали...

I. Проектъ редакціонной комиссіи морского и военнаго вѣдомства.

И дѣйствительно, комиссія, образовавшаяся подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, по Высочайшему указу 2 ноября 1862 года, для обсужденія основныхъ положеній военно-судной реформы, — положила себѣ слѣдующую программу:

1) Основныя положенія будущаго военно-уголовнаго судопроизводства, по возможности, согласовать съ Высочайше утвержденными 29 сентября 1862 г. основными положеніями преобразованія судебной части въ Россіи, *допуская отступленія отъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они оправдываются необходимостью или пользою военной и морской службы.*

2) При составленіи означенныхъ основныхъ положеній, по возможности, не отступать и отъ тѣхъ главныхъ началъ будущаго военно-уголовнаго судопроизводства, которыя изложены во всеподданнѣйшемъ докладѣ военнаго министра, представленномъ въ январѣ 1862 г. и удостоенныхъ предварительнаго Высочайшаго одобренія.

Независимо отъ этого, комиссія приглашала въ свои засѣданія и юристовъ: гг. Плавскаго, Заруднаго и Спасовича... [1]) Намъ неизвѣстно въ какой степени наши лучшіе юристы принимали участіе въ этихъ трудахъ военно-морской комиссіи; но дѣло въ томъ, что второй пунктъ приведеннаго положенія комиссіи значительно противорѣчилъ первому пункту. Въ докладѣ 1862 г. военнаго-министра введены многія новыя начала, а именно: публичность, гласность суда, право имѣть защитниковъ, учрежденіе

---

[1]) См. Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава, 1867 г. Введеніе, стр. XV См. также статьи за 1864 г.: Московскихъ вѣдомостей № 198; Голоса № 300, Лохвицкаго; отвѣтъ на его статью въ Русскомъ Инвалидѣ, № 253; «о соотношеніи властей въ военно-окружномъ управленіи», Р. Инвалидъ № 266, 284, 290; Голосъ № 141, «военно-окружная система»; Биржевыя вѣдомости № 101, «прогрессъ морского права» Военный сборникъ 1863, № 9, стр. 109—122.

прокуроровъ, лишь условная обязанность представленія дѣлъ на ревизію (въ случаѣ протеста прокурора или жалобы) и понятіе о кассаціи; но однакожъ, хотя въ 3-мъ пунктѣ его доклада и сказано, что слѣдуетъ предоставить военнымъ судамъ полную самостоятельность, но это вовсе не отнесено къ изъятію судей отъ вліянія начальства, а относилось только къ судебнымъ приговорамъ. Поэтому исполнить свое порученіе, т. е., устроить военно-морской судъ на основаніяхъ общихъ и мировыхъ судовъ, комиссія уже не могла; между же тѣмъ юрисдикція военно-морскихъ судовъ получила у нея весьма обширное приложеніе.

а) По вопросу о подсудности.

а) Выше мы видѣли, что въ Высочайше утвержденномъ положеніи 29 сент. постановлено было: «въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ будетъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ уголовнаго судопроизводства, лица гражданскаго вѣдомства предаются суду только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ *на военномъ положеніи.*» Но за всѣ-ли проступки и преступленія или только за исключительныя?.. Если понимать въ первомъ смыслѣ, то для прекращенія дѣйствія и юридикціи общихъ судовъ стоитъ только объявить область или городъ, что они находятся въ военномъ положеніи... б) Чѣмъ именно обусловливается вообще военная подсудность? Составляетъ ли она принадлежность только военнаго званія или чина или же при этомъ необходимо также исполненіе обязанностей, военному званію свойственныхъ? Второй вопросъ разрѣшенъ редакціонною комиссіею удовлетворительно: [1]) и очевидно, говоритъ она,—что одно только военное званіе и ношеніе военнаго мундира, *безъ исполненія*, вмѣстѣ съ тѣмъ, *обязанностей, этому званію свойственныхъ*, не вызываетъ еще необходимости въ военномъ судѣ, предназначенномъ собственно только къ охраненію инсересовъ службы. Въ этомъ случаѣ важно не лицо, носящее военный мундиръ, но свойство обязанностей, которыя имъ при этомъ исполняются. На этомъ основаніи военному суду должны подлежать всѣ, безъ изъятія, военные чины, какъ собственно въ сухопутномъ войскѣ и флотѣ служащіе, такъ и состоящіе на службѣ по военному и морскому вѣдомствамъ, въ разныхъ частяхъ сихъ управленій, къ какому бы ору-

[1]) Тамъ же, стр. 3—12.

жію они не принадлежали, за преступныя дѣянія, *совершенныя во время дѣйствительнаго состоянія ихъ на службѣ*". Казалось бы послѣ этихъ положеній, что комиссія придетъ къ единогласному рѣшенію, что военные должны судиться военнымъ судомъ только по проступкамъ и преступленіямъ, относящимся къ нарушенію долга службы и дисциплины, но, къ крайнему удивленію, она пришла единогласно къ совершенно противоположному заключенію: что лица, состоящія въ дѣйствительной военной службѣ, должны подлежить военному суду *за всѣ роды преступныхъ дѣяній*.

Мотивы комиссіи заключались въ слѣдующемъ:

1) «*Подобное правило принято всѣми европейскими военно-уголовными законодательствами, кромѣ англійскаго*». Это дѣйствительно такъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы теоретическое основаніе этого правила было разумно, справедливо и исчерпывало бы все, на чемъ должно быть основано общественное учрежденіе: потому что ошибка или заблужденіе, существующее повсемѣстно, вовсе не должно быть принято за истину, во вниманіе лишь къ тому, что они *повсемѣстны*. Но спрашиваемъ, почему же Англія не усвоила себѣ такое, повидимому, разумное учрежденіе, непреложность котораго признана цѣлымъ континентомъ Европы? Неужели это простая случайность или неразвитость англійской націи и прогрессивность остальной Европы, или же, быть можетъ, условія континента требуютъ особенности въ дѣлахъ военныхъ?.. На это одинъ отвѣтъ: обстоятельство это доказываетъ, напротивъ, высокую юридическую развитость англійской націи и отсталость въ этомъ отношеніи остальной Европы. Въ Англіи, въ мирное время, существуетъ одинъ только судъ—это общая судебная власть; въ военное время устаповляется особый спеціальный судъ, съ степенью, властью и правами, опредѣляемыми каждый разъ особыми парламентскими актами и уполномочіями, которыя получаетъ главнокомандующій. Мѣра эта имѣетъ основаніе—историческую почву: права свои на свободу и на самосудъ англичане имѣютъ съ отдаленнѣйшей древности, и эти права не могли сокрушить никакія перемѣны въ общественной европейской жизни, и этихъ коренныхъ основъ гражданской свободы не могло поколебать и устройство регулярныхъ войскъ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ съ поступленіемъ въ военную службу мы перестанемъ быть гражданами, и если это сказать въ отношеніи военныхъ и моряковъ, то это же самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи вообще всѣхъ лицъ, служащихъ по разнымъ министерствамъ. И та-

кимъ образомъ, дѣлая исключенія для военныхъ и моряковъ, слѣдуетъ дѣлать исключенія для чиновъ вѣдомства и другихъ министерствъ — иностранныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ и т. д.

Мнѣ кажется, что если военные и морскіе чины считаютъ, что ихъ обязанности заключаютъ въ себѣ спеціальность, то почему же нельзя сказать, чтобы и служащіе въ другихъ министерствахъ не ссылались бы на ту же спеціальность. Развѣ обязанность солдата сложнѣе обязанности дипломата или финансиста, управляющаго кредитнымъ учрежденіемъ или цѣлою областью, или обширными государственными имуществами? Намъ кажется, что обязанности солдата проще и менѣе сложны, чѣмъ обязанности другихъ вѣдомствъ, потому что вся сущность обязанностей солдата зиждется на безусловномъ повиновеніи начальству. Поэтому, поручая общимъ судамъ болѣе сложное, можно и слѣдуетъ, по простой логикѣ, не исключать изъ ихъ юрисдикціи менѣе сложное. Но подчиненіи военныхъ и морскихъ чиновъ спеціальнымъ ихъ судамъ основано еще на томъ: что будто бы, въ интересахъ же военныхъ и моряковъ, они должны быть судимы лицами того же званія, такъ какъ эти лица могутъ быть болѣе компетентными судьями въ опредѣленіи того или другого служебнаго явленія. Съ этимъ можно было бы согласиться по принципу; но при слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы военные и морскіе судьи заключали въ себѣ тѣже условія, какія требуются отъ судей въ общихъ судахъ; 2) чтобы формы и обряды судопроизводства заключали въ себѣ общія гарантіи правосудія. Слѣдовательно, принципъ этотъ былъ бы возможенъ, если бы морскіе и военные суды были организованы на началахъ — избирательномъ и несмѣняемости, и если бы возможно было между моряками и военными найти просвѣщенныхъ, опытныхъ юристовъ. Но послѣднее едва ли возможно: теоретическое и практическое юридическое образованіе, по сложности и обширности предмета, требуетъ многолѣтняго его изученія, по университетской программѣ, и затѣмъ практическаго примѣненія законовъ или на адвокатскомъ поприщѣ, или въ судахъ. А это ужь трудно совмѣстить съ званіемъ военнымъ и морскимъ, которое съ своей стороны требуетъ также спеціальнаго изученія въ теченіе годовъ. Поэтому въ военной и морской службѣ едва-ли можно будетъ находить такихъ людей; и если они будутъ встрѣчаться тамъ, то развѣ какъ исключеніе изъ общаго правила. Юридическая же военная академія, имѣющая цѣлью—образовывать военныхъ юристовъ, едва ли когда-нибудь можетъ достигнуть того же значенія, какъ университетскіе юридическіе факультеты. Причинъ тому много, но главнѣйшія заключаются въ слѣдующемъ: 1) универси-

тетскія программы болѣе обширны, и теоретическое образованіе ихъ болѣе правильно; 2) въ военныя академіи могутъ поступать люди пожилые и молодые. Пожилые люди, какъ извѣстно, уже менѣе способны усвоивать себѣ и начала науки, и идеалъ права; а между тѣмъ за ними то преимущество, что они лучше, чѣмъ молодые офицеры, усвоили себѣ обязанности военной службы. На этомъ основаніи преимущественно изъ этихъ лицъ должны были бы избираться прокуроры и будущіе судьи военнаго суда. Но въ этомъ случаѣ погрѣшность будетъ почти несомнѣнна: потому что этимъ судьямъ будетъ чуждъ тотъ *идеалъ* права, который только *одинъ*, въ нравственномъ отношеніи, служитъ гарантіею суда праведнаго. Если же принять за правило—давать судейскія должности молодымъ офицерамъ, вышедшимъ изъ академіи [1]), то спрашивается—какая разница будетъ между ими и окончившими курсъ въ университетахъ?.. А въ томъ, что они, какъ плохіе знатоки военнаго дѣла, будутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плохими юристами,.. Въ особенности, когда будетъ принятъ принципъ обязательности военной службы для всѣхъ гражданъ, то почти каждый окончившій курсъ университета будетъ имѣть такія же познанія военной службы, какъ каждый молодой офицеръ военно-юридической академіи. Слѣдовательно и члены общихъ судовъ, какъ воспитанники университета, будутъ имѣть ясныя понятія о военной дисциплинѣ и о военныхъ законахъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько знаютъ это и офицеры военно-юридической академіи. Наконецъ, можно сказать, что вовсе нѣтъ надобности въ основаніи и учрежденіи военно-юридическихъ академій: если присовокупить къ университетскому курсу и знаніе военнаго права, которое вовсе не такъ обширно, то въ циклѣ юридическихъ наукъ будетъ едва-ли замѣтное и рѣзкое приращеніе, такъ какъ начала, правоотношенія военнаго права и его исторія весьма несложны. Къ тому же я долженъ присовокупить, что чтеніе военнаго права потому ужь въ университетахъ необходимо: 1) что обязательность военной службы, становясь необходимымъ условіемъ каждаго гражданина, дѣлаетъ необходимымъ знаніе военнаго права каждымъ изъ нихъ; 2) самое военное право отъ этого выиграетъ, потому что университетская наука освѣтитъ его своими изслѣдованіями и своими живи-

[1]) Это дѣлается ужь теперь; потому что изъ академіи выпущено болѣе лицъ, чемъ есть вакансій. Вотъ почему только эти лица и зачисляются нынѣ въ кандидаты на должность по военно-морскому судебному вѣдомству.

тельными началами—началами прогресса идей. Въ Англіи мы находимъ эти явленія, т. е., университетская наука не исключаетъ изъ своей программы военнаго права; поэтому она не находитъ надобности ни въ образованіи постоянныхъ военно-уголовныхъ судовъ, ни военно-юридическихъ академій. Каждый адвокатъ, каждый судья въ Англіи, если онъ только юридически образованъ, знаетъ въ совершенствѣ и право военное. Но чѣмъ это было вызвано? Тѣмъ, что въ Англіи военные, хотя войска были организованы и по образу регулярныхъ войскъ въ Европѣ, никогда не составляли *сословія* и никогда не отдѣлялись отъ народа; поэтому и не было надобности англичанамъ организовать особые, спеціальные суды. Но не то мы видимъ въ остальной Европѣ, и въ Россіи: регулярныя войска составляли здѣсь какую-то касту, сословіе, по образцу Египта и Индіи. Сословіе воиновъ считало себя чѣмъ-то избраннымъ, чѣмъ-то особеннымъ въ государствѣ, и къ неимѣющему военнаго чина или эполетовъ относились какъ-то презрительно. Этотъ милитаризмъ проникъ не только Россію, но даже Германію и въ послѣднее время Францію. Военные опредѣлялись къ должностямъ въ государственный совѣтъ и въ сенатъ; къ должностямъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, полиціймейстеровъ и т. д. Словомъ и законодательная, и верховная судебная, и административная власть—все, почти исключительно, находилось въ рукахъ военныхъ. Поэтому-то и установилась въ Европѣ идея фактивнаго превосходства военныхъ, и поэтому имъ понадобился свой собственный сословный судъ; судъ, по ихъ мнѣнію единственно достойный и приличный для военнаго... Быть осужденному *штафиркой* — да это было бы верхомъ позора для меченосца... И въ самомъ дѣлѣ, меченосецъ вздумалъ потрепать жида за пейсы или выстрѣлить въ него изъ пистолета горохомъ,—ну что за важность, зачѣмъ военному человѣку не побаловаться; а тутъ, пожалуй, судья—штафирка присудилъ бы за это посидѣть въ тюрьмѣ годикъ, другой. Нельзя попустить такого соблазна, и хотя военный судъ, за подобную же продѣлку, пожалуй, осудилъ бы построже, напримѣръ, къ разжалованію въ солдаты; но за то осудили молодца свои же люди. Эти понятія давно ужь отжили свое время въ Европѣ, а между тѣмъ военные суды продолжаютъ тамъ царствовать... говорю царствовать, потому что вся Европа донынѣ исполнена милитаризма и военнаго деспотизма. Всѣ правительственныя системы и даже династіи держатся тамъ только этимъ путемъ. У насъ же этихъ явленій нѣтъ, и народъ, безъ всякихъ военныхъ вліяній, знаетъ

свои обязанности къ престолу; поэтому намъ нѣтъ и надобности обращать военныхъ въ сословіе и затѣмъ измышлять въ мирное время особые *сословные* суды. Да и наши военные такъ далеки, въ настоящее время, отъ сословности, какъ отъ прошлаго трепанья жидовъ за пейсы. Какая же необходимость въ настоящее время въ спеціальныхъ военныхъ судахъ?... Учрежденія эти отжили свое время и были порожденіемъ временнымъ, для возвышенія значенія военныхъ. Въ свое время это было дѣйствительно необходимо, такъ какъ правительственная власть опиралась противъ феодаловъ только на регулярномъ войскѣ, поэтому послѣднее должно было имѣть свой судъ, чтобы быть независимымъ; но феодализмъ давно изчезъ и теперь задача правительства — слить войско съ народомъ; по этой причинѣ рождается необходимость — уравнить съ нимъ войско и въ правахъ. Теперь мощь правительства возможна только въ томъ случаѣ, когда оно слѣдуетъ законности и исполняетъ требованія народа, а въ противномъ случаѣ не могутъ его спасти никакія регулярныя войска и никакіе военные суды... Притомъ же, справедливо ли, при паденіи идеи превосходства и сословности военныхъ, подчинить ихъ суду менѣе совершенному, нежели остальныя массы народа?... Что было своевременно и прекрасно при невѣжествѣ военнаго сословія и при господствѣ идеи его превосходства, то оказывается несостоятельнымъ при образованности войскъ и ясномъ сознаніи ими, что ученые юристы, по профессіи, могутъ ограждать ихъ скорѣе отъ неправосудія, чѣмъ юристы — военные, которые или вовсе не получили никакого юридическаго образованія, или же въ военно-юридической академіи нахватались только верховъ. Слѣдовательно, во имя самого военнаго сословія и принципа всеобщей обязательности военной службы, слѣдуетъ желать, чтобы, въ мирное время, всѣ чины военнаго и морского вѣдомства были подсудны общимъ судамъ, и если защитники военныхъ судовъ желаютъ ихъ осуществленія, то оставить ихъ только по дѣламъ, касающимся нарушенія дисциплины; и то, чтобы формы суда и расправы военныхъ судовъ заключали въ себѣ общія гарантіи правосудія. Эти-то основанія и вызвали Англію воздержаться въ мирное время подчинить военныхъ и моряковъ военнымъ судамъ, и это было вполнѣ раціонально; учрежденіе же послѣднихъ въ Европѣ мы приписываемъ только средневѣковой борьбѣ королевской власти съ феодалами; слѣдовательно, этотъ остатокъ средневѣковыхъ учрежденій даже смѣшно поддерживать, какъ принципъ разумный, и если въ Европѣ онъ уцѣлѣлъ,

о лишь вслѣдствіе ложно принятаго понятія, что будто бы вся мощь и крѣпость правительства заключается въ арміи. Послѣднія событія во Франціи доказали шаткость этого принципа: вмѣстѣ съ седанскою капитуляціею пала не только династія Бонапарта, но вся его система, со всѣмъ ея мишурнымъ блескомъ и мнимою силою. Въ какихъ бы желѣзныхъ броняхъ, латахъ и цѣпяхъ вы ни сковали народъ, но рано или поздно онъ разобьетъ эти цѣпи. Исторія всѣхъ временъ и народовъ представляетъ множество фактовъ въ подтвержденіе этой истины.

2) Второй мотивъ комиссіи заключался въ слѣдующемъ: «неудобство смѣшанной подсудности военно-служащихъ, состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что большая часть преступленій военно-служащихъ, соединена съ нарушеніемъ порядка службы, охраненіе котораго составляетъ цѣль учрежденія военнаго суда; притомъ едва ли предстоитъ возможность провести рѣзкую черту между преступленіями, подлежащими вѣдѣнію военнаго суда и тѣми, которыя будутъ разсматриваться судомъ общимъ, гражданскимъ, а потому и нельзя будетъ избѣгнуть вмѣшательства общихъ судовъ въ разстотрѣніе обстоятельствъ, собственно до военной службы относящихся и имъ въ подробности неизвѣстныхъ».

Что трудно провести рѣзкую черту между общими преступленіями и нарушеніемъ дисциплины, — совершенно справедливо; но въ томъ случаѣ, если разсматривать каждое преступленіе, совершенное военнымъ, какъ на нарушеніе дисциплины. Поэтому, если опредѣлить въ точности, въ чемъ заключается нарушеніе дисциплины, то само собою разумѣется, что въ точности опредѣлится и спеціальный характеръ этого рода проступковъ и преступленій. Такъ напримѣръ: солдатъ отлучился изъ казармы или дезертировалъ и совершилъ кражу. Здѣсь, такимъ образомъ, онъ совершилъ два проступка: одинъ—противъ дисциплины; другой—противъ общества. Другой случай—солдатъ отпущенъ пройтись по городу и совершилъ кражу: здѣсь нѣтъ никакого проступка противъ дисциплины, а здѣсь — обыкновенная кража, при которой званіе солдата не играетъ ужь никакой роли. Вообще подъ нарушеніемъ дисциплины слѣдуетъ подразумѣвать неисполненіе военно-служащими спеціальныхъ военныхъ ихъ обязанностей, какъ въ отношеніи къ государству, такъ и въ отношеніи ихъ къ начальству; все же, выходящее изъ этого круга ихъ обязанностей, составляетъ предметъ или гражданскаго, или уголовнаго права. Поэтому и опредѣлить нетрудно нарушенія дисциплины, если только уяснить себѣ самое понятіе

если же оно смѣшано съ понятіемъ общей преступности, то естественно, что въ подобномъ случаѣ невозможно провести между этими двумя родами проступковъ рѣзкой черты. Самое же смѣшеніе этихъ понятій произошло не вслѣдствіе теоретической необходимости, а отъ установившейся мысли: что каждый проступокъ и преступленіе солдата есть нарушеніе дисциплины. Такъ напримѣръ: грубость обращенія солдата съ частными лицами считалась за важный проступокъ противъ дисциплины... Въ отношеніи же кражи, разбоя и убійства — уже нечего говорить: эти преступленія наказывались, по военнымъ законамъ, въ большей части государствъ — смертью. Строгость наказаній въ этомъ случаѣ основывалась на исторической почвѣ: солдаты набирались изъ разнаго сброда. Европейскіе кондотьеры должны были быть обуздываемы строгостью наказаній: однѣ только висѣлицы, плахи и одно только разстрѣляньe служили средствами для обузданія ихъ самоволія и насилій надъ мирными жителями. Но съ прогрессомъ цивилизаціи и образованности европейскихъ войскъ, съ введеніемъ правильныхъ наборовъ, когда армія стала пополняться людьми честными и порядочными,—тогда строгость этихъ мѣръ сдѣлалась анохронизмомъ. Вслѣдствіе этого нѣтъ уже надобности глядѣть на общую преступность лицъ военнаго званія, какъ на нарушеніе дисциплины. Если солдатъ, не нарушая дисциплины, т. е., военныхъ своихъ обязанностей въ отношеніи государства и начальства, совершаетъ проступокъ или преступленіе, то онъ долженъ разсматриваться какъ обыкновенный преступникъ и долженъ судиться общими законами и судами. Слѣдовательно остается только военно-уголовному законодательству опредѣлить въ точности, что подразумѣвается подъ дисциплиною и ея нарушеніемъ, и тогда разграниченіе этого рода преступности отъ общей будетъ весьма незатруднительно. Что же касается до замѣчанія комиссіи о томъ, что гражданскіе суды могутъ вторгаться, при смѣшанной подсудности, въ область военнаго суда, то если въ этомъ случаѣ для общихъ судовъ нѣтъ этого опасенія, а потому его не можетъ быть и въ отношеніи военныхъ судовъ. Для огражденія же этого вторженія установленъ основными положеніями судебной реформы въ Россіи порядокъ разсмотрѣнія пререканій военнаго и гражданскаго вѣдомства въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментомъ правительствующаго сената [1]). На этомъ основаніи, все зависитъ отъ правильнаго уясненія себѣ понятія о дисциплинѣ, и если въ какомъ-нибудь законодательствѣ

[1]) См. ст. 237 устава угол. судопроиз.

она не ясно опредѣлена, то ее слѣдуетъ обозначить болѣе точно, тогда уже и рѣчи быть не можетъ о вторженіи общихъ судовъ въ дѣла военнаго суда [1]).

3) Далѣе комиссія сознаетъ сама, что военный судъ не можетъ быть оправданъ теоретическими соображеніями; но оправдаетъ это учрежденіе тѣмъ, «что смѣшанная подсудность *неудобна*, а для лицъ военнаго вѣдомства она будто бы *вредна*: потому что военно-служащіе должны будто бы составлять *корпорацію*, которой вся сила и значеніе обусловливается преимущественно этимъ корпоративнымъ характеромъ, проникающимъ всю внѣшную дѣятельность членовъ ея. Военные *составляютъ* и должны составлять какъ бы отдѣльное сословіе въ государствѣ, а потому и всѣ преступленія ихъ должны подлежать разсмотрѣнію спеціальнаго военнаго суда».

Мы готовы бы были остановиться на этой точки зрѣнія комиссіи, если бы было доказано ею:

а) какіе именно *неудобства*, кромѣ пререканій судовъ, можетъ вызвать смѣшанная подсудность?.. Странное понятіе о юрисдикціи судовъ и о правахъ гражданъ на судъ и расправу! Въ общихъ судахъ мы видимъ, что юрисдикція судовъ коммерческихъ, мировыхъ, гражданскихъ и уголовныхъ имѣетъ свои особенности; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы отъ этого произошло замѣшательство въ дѣлахъ этихъ судовъ, и чтобы, напримѣръ, присяжные рѣшали вопросы о наслѣдствѣ въ имуществахъ, а коммерческіе суды дѣлали бы постановленія объ убійствѣ. Каждый изъ судовъ отправляетъ совершенно самостоятельно свои функціи, и вопросъ о подсудности есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ при возникновеніи каждаго дѣла. Такъ точно было бы и въ отношеніи военныхъ и можно быть убѣжденнымъ, что такъ какъ коммерческіе суды не вторгаются въ область судовъ общихъ и мировыхъ, то точно также и подобныя явленія были бы и въ отношеніи судовъ военныхъ. Слѣдовательно всякія опасенія по этому предмету болѣе фиктивны, чѣмъ дѣйствительны.

б) Вредности для военныхъ въ смѣшанной подсудности мы также не видимъ. Комиссія не объяснила въ чемъ она заключается, а потому намъ

---

[1]) По предмету пререканій общихъ и мировыхъ судовъ съ военными см. а) рѣшеніе общаго собранія 1-го и кассаціоннаго департам. сената 1867 г. № 185; б) рѣшеніе того же общаго собранія 1866 г. № 94; в) рѣшенія уголов. кассац. депар. 1868 г. №№ 124 и 227; г) того же департамента 1867 г. № 384.

приходится догадываться, что подразумѣвала она подъ этою вредностью. Мысль комиссіи заключалась вѣроятно въ томъ, что наказуемость, исходя отъ общей судебной власти, а не отъ власти военной, начальствующей, почему то, будто бы, будетъ вліять на ослабленіе дисциплины. Словомъ, въ идеѣ о вредности смѣшанной подсудности въ отношеніи военныхъ скрывается мысль Бентама: что будто бы интересъ дисциплины требуетъ, чтобы вслѣдъ за проступкомъ наказаніе немедленно воспослѣдовало *отъ начальствующаго*, и въ подобномъ случаѣ, будто бы, только и возможна правильная организація арміи. Съ этимъ можно согласиться въ военное, а не въ мирное время, и въ послѣднемъ случаѣ можно допускать только дисциплинарныя взысканія, а не уголовныя. Военное время, требующее неограниченнаго повиновенія военно-служащихъ, дѣйствительно, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ немедленнаго уничтоженія безпорядка въ арміи и возстановленія самой строгой дисциплины. Того же самого, однакожъ, нельзя сказать, въ смыслѣ теоретическомъ, въ отношеніи дисциплинарныхъ взысканій за проступки въ мирное время; но слѣдуетъ сказать, что одна лишь практическая необходимость оправдываетъ подчиненіе въ мирное время дисциплинарныхъ взысканій военному суду. И дѣйствительно, крайне неудобно было бы предоставить мировымъ судамъ разборъ тѣхъ мелкихъ нарушеній, которыя совершаются военно-служащими. Войска постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто; а потому пришлось бы оставлять подсудимыхъ въ мѣстахъ нахожденія судовъ. И для чего? Для того, чтобы военно-служащій подвергся по рѣшенію суда или кратко-временному аресту, или выговору, или денежному штрафу. Уже одно это неудобство вызываетъ крайнюю необходимость въ дѣлахъ дисциплинарныхъ подвергать военныхъ собственному ихъ спеціальному суду. Независимо отъ этого, если бы отнять отъ военныхъ право взысканія по маловажнымъ нарушеніямъ съ виновныхъ, то этимъ нарушится та моральная связь, которая въ военномъ сословіи необходима, какъ гарантія подчиненности; но того же самаго нельзя сказать въ отношеніи дѣлъ о преступленіяхъ. Главнѣйшія тому причины слѣдующія: *во первыхъ* преступниковъ военно-уголовныхъ обыкновенно неслишкомъ много [1]) поэтому

---

[1]) Комиссія показываетъ, что будто бы проступковъ и преступленій по военному вѣдомству совершается, по статистическимъ даннымъ, *одинаковое* количество. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ этомъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому что количество проступковъ обыкновенно уменьшается

оставленіе ихъ въ мѣстахъ нахожденія судовъ не можетъ служить помѣхою для передвиженія войскъ, тѣмъ болѣе, что и при существованіи военныхъ судовъ преступники оставляются арестованными или на гауптвахтахъ, или въ тюремныхъ замкахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится постоянный военный судъ. *Во вторыхъ*. Интересы самого военнаго сословія требуютъ, чтобы они не были судьями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наказаніе бываетъ *строгое*, потому что въ подобномъ случаѣ, какъ бы ни былъ законенъ приговоръ, но на него войско можетъ взглянуть не всегда сочувственно; между же тѣмъ, если приговоръ этотъ постановитъ незаинтересованная въ дѣлѣ власть и притомъ власть обще-государственная, то каждый солдатъ пойметъ, что его осуждаетъ не корпорація, не начальство, а самъ законъ. Поэтому, намъ кажется, что въ подобномъ случаѣ еще тверже можетъ укорениться въ солдатѣ идея о необходимости исполненія имъ своихъ обязанностей, потому что онъ будетъ видѣть въ наказаніи нарушителей дисциплины не произволъ и не строгость начальства, а требованіе закона и государства. Мы рѣшительно не понимаемъ почему именно полагаютъ, что повиновеніе и исполненіе долга лишь возможно тогда, когда начальствующій вправѣ наказывать непосредственно подчиненнаго. Намъ кажется взглядъ этотъ ошибочнымъ: если бы дѣйствительно это было такъ, то слѣдуетъ вообще вновь допускать право личной мести, то есть, другими словами, слѣдуетъ признать, что преступленія тогда лишь будутъ предупреждены, если допустить, что каждый обиженный можетъ расправиться непосредственно съ обидчикомъ. Если даже допустить въ наказуемости одно устрашительное начало, то развѣ не все равно—обиженный ли самъ расправился съ обидчикомъ или же что это сдѣлала общественная власть. Намъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ цѣль достигнута—преступникъ за свое дѣяніе наказанъ. И какъ общество не могло допустить личной мести, также точно теорія не можетъ допустить права для военныхъ имѣть свой судъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ самосудъ будетъ имѣть характеръ личной мести.

Но видите ли чего боятся военные, что могутъ быть случаи, когда начальствующіе явятся обвинителями и что подчиненные, обвиненные въ общихъ судахъ, могутъ быть оправданы. Вотъ тутъ-то, говорятъ почита-

---

начальствующими лицами, чтобы показать, что въ войскахъ отличный порядокъ; 2) потому что при опредѣленіи количества преступленій принято во вниманіе количество обвиненій, а не обвинительныхъ приговоровъ.

тели военныхъ судовъ, и произойдетъ антагонизмъ двухъ властей—администраціи военной и общаго суда, отчего будто бы можетъ пострадать дисциплина. Но на это отвѣтить можно: что если подчиненный неправильно обвиненъ, то его оправданіе именно необходимо во имя твердости дисциплины; потому что строгое и притомъ несправедливое, пристрастное наказаніе можетъ только ослабить, а не укрѣпить дисциплины. Поэтому въ этомъ смыслѣ антагонизмъ общей судебной власти съ военною именно можетъ только убѣдить солдата, на случай его виновности, что онъ неизбѣжно будетъ наказанъ. Начальствующіе же съ своей стороны вынуждены будутъ прибѣгать только къ обвиненіямъ справедливымъ и основательнымъ. Справедливость ни въ какихъ случаяхъ не можетъ никому вредить, и если она будетъ постоянно руководить обвиненіями начальствующихъ лицъ, то само собою разумѣется, что не будетъ антагонизма между ими и общею судебною властью. Если же военные серьезно думаютъ, что самосудъ будетъ гарантировать ихъ отъ противудѣйствія законности и справедливости, то значитъ, что они сознаютъ, что этотъ самосудъ будетъ поддерживать обвиненія начальствующихъ, во имя дисциплины. Въ подобномъ случаѣ, однакожъ, ненуженъ и судъ, а удобнѣе было бы обвиненіе обратить прямо въ приговоръ и незачѣмъ облекать его еще въ судебную процедуру и образовывать особые суды, только для ущерба государственной казны. Если же предположить, что между обвиненіемъ начальствующаго и военнымъ судомъ произойдетъ разнорѣчіе, то чѣмъ же въ этомъ случаѣ будетъ лучше? значитъ одно изъ двухъ: или антагонизмъ всегда долженъ быть между администраціею и судомъ; или же первая дѣйствуетъ несправедливо и незаконно, и поэтому этого противорѣчія нельзя избѣгнуть какія бы формы вы не придали суду; или же предполагаемое противорѣчіе только фиктивная причина и никогда не можетъ ослабить дисциплины. Послѣдняго мнѣнія и мы придерживаемся, потому что дисциплина вовсе не держится на началахъ *боязни*, а она должна быть основана на сознаніи *дома* и на *патріотизмѣ*. Это напоминаетъ мнѣ эпизодъ изъ войны Техаса за независимость. Одинъ изъ командующихъ отрядами дѣйствовалъ незаконно. Армія его находила, что онъ ведетъ войско на вѣрную гибель: а потому, во время отдыха, воины, сложивъ оружіе, собрались на митингѣ и составили протоколъ, въ которомъ изложили свои обвинечія и опредѣлили: ходатайствовать о преданіи его суду. Но едва окончился митингъ, и на сборный сигналъ командующаго войсками немедленно собралась его армія и по первому его приказанію пошла въ огонь, на вѣрную смерть. Вотъ это, по нашему мнѣ-

нію дисциплина: идти въ огонь, при полномъ сознаніи безполезности отваги: а это возможно не тогда, когда мечь виситъ надъ шеею солдата, а когда въ немъ говорятъ чувства потріотизма и сознаніе долга. Слѣдовательно, въ мирное время, не на военныхъ судахъ основана дисциплина, а это зависитъ всецѣло отъ аргинизаціи арміи, отъ того воспитанія, которое получаютъ офицеры и солдаты, отъ способа укомплектованія арміи, и отъ множество другихъ причинъ, о которыхъ здѣсь неумѣстно распространятся, такъ какъ это несоставляетъ предмета моего сочиненія. *Въ третьихъ*, что же касается до мысли комиссіи о томъ, что военные должны составлять сословіе и что будто бы только на карпоративности зиждется превосходство арміи, то, это мнѣніе едвали могло бы выдержать критики даже и въ томъ случаѣ, если бы было справедливо показаніе комиссіи, что будтобы военные и нынѣ составляютъ у насъ сословіе. Дѣйствительно до настоящаго царствованія военные играли какъ будто бы исключительную роль въ общественной нашей жизни, потому что ихъ сажали на всѣ возможныя административныя мѣста, и что поэтому военные играли болѣе блистательную роль, чѣмъ штатскіе; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы военные составляли сословіе или корпорацію—ни того, ни другого не было у насъ никогда, кромѣ въ казачьихъ земляхъ. Тамъ, дѣйствительно, все войско было связано взаимными интересами. Армія же и гвардія не только во всемъ своемъ составѣ никогда не составляли ничего цѣлаго, систиматическаго, но этого же самаго нельзя было даже сказать и въ отношеніе одной дивизіи или бригады. Даже въ полкахъ общество офицеровъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, имѣло опредѣленные взаимные интересы. Въ отношеніи же войскъ различнаго и даже тогоже оружія, не только была разрозненность интересовъ, но въ нихъ всегда царствовалъ прямой или открытый антагонизмъ. Тамъ во флотѣ фрунтовые или флотскіе презирали ластовыхъ и штурмановъ; а послѣдніе считали невѣжами первыхъ. Гвардія превозносилась предъ арміею, конные—предъ пѣшими, гусары—предъ уланами, а послѣдніе глядѣли свысока на казаковъ и т. д.

Слѣдовательно никогда не могло и быть, въ подобномъ случаѣ, рѣчи ни объ единствѣ интересовъ, ни о сословности или о корпоративности военныхъ. Поэтому въ отношеніи временъ минувшихъ эта корпоративность чистѣйшее измышленіе; а въ отношеніи настоящаго времени идея эта становится непримѣнима и притомъ она ужь не въ духѣ времени. Вотъ почему мы можемъ сказать, что если въ то время, когда военные, составляя привиллегированный классъ, не смотря на свою отсталость, не мог-

ли образовать изъ себя ни корпораціи, ни сословія, то тѣмъ болѣе это невозможно нынѣ. И дѣйствительно, кто прежде поступалъ въ военную службу?... Кто только не хотѣлъ учиться ни дома, ни въ училищѣ; кто не хотѣлъ трудиться и работать, тотъ становился военнымъ. Вотъ почему въ прежнія времена въ полкахъ рѣдко была вакансія не только на офицерскія должности, но даже и на званіе юнкеровъ. Главнѣйшая же причина этого милитаризма вовсе не заключалась въ патріотизмѣ, а въ стремленіи щегольнуть эполетами и дослужиться до тепленькаго мѣстечка. Въ былыя времена для того, чтобы быть начальствующимъ, командующимъ и администрующимъ нужно было только имѣть густые эполеты или ботфорты. Послѣднее условіе открывало даже счастливцамъ двери сената или сажало ихъ на кресла губернаторскія. Поэтому не нужно было вовсе учиться, а умѣть только, съ грѣхомъ пополамъ, подписывать свою фамилію, а тамъ шагистика, ружистика и знаніе ротнаго и бальоннаго ученья могли любого молодца довести до самой блистательной каррьеры. А въ кавалеріи и гвардіи и этого не требовалось: необходимо было умѣть только проматывать родительское наслѣдіе, имѣть хорошихъ лошадей, танцовать элегантно,—и дѣло въ шляпѣ... Теперь настали иныя времена: военная служба требуетъ образованныхъ, солидныхъ людей; требуетъ отъ молодежи и начальствующихъ знанія, труда и таланта; невѣжеству же и солдатничеству или, по выраженію же военныхъ, бурбонизму, нѣтъ уже хода. Нынѣ послѣднему не только нельзя дослужиться густыхъ эполетъ и получить красные лампасы, но трудно попасть даже въ ротные и эскадронные командиры. Оттого-то въ полки поступаетъ уже мало тунеядцевъ, и девизомъ всѣхъ молодыхъ людей сдѣлались—знаніе и трудъ. При такомъ же взглядѣ на военное поприще, само собою разумѣется и не мыслима идея корпоративности, потому что послѣдняя подразумѣваетъ невѣжество и привиллегіи ради привиллегіи; между тѣмъ какъ знаніе и трудъ обращаютъ военную каррьеру въ профессію, какъ и всякую другую служебную каррьеру. Становясь же на этой точкѣ зрѣнія, военнослужащіе не могутъ ужь и думать о корпоративности и о привиллегіяхъ, такъ какъ въ одномъ лишь знаніи, трудѣ и талантѣ они видятъ всю силу и мощь общественную; потому что эти три двигателя вездѣ и повсюду одни лишь прокладываютъ себѣ дорогу къ матерьяльному и нравственному благу. Поэтому и спасенье ихъ вовсе не въ корпоративности, а также въ этихъ трехъ силахъ. При такомъ же направленіи нашей арміи и гвардіи изчезаетъ сама собою не только идея сословности, но ру-

шится и тотъ рубежъ, который отдѣлялъ военныхъ отъ народа. Это и естественно: если привиллегія рушится и благо можетъ пріобрѣтаться только трудомъ и познаніями, то идея превосходства бывшаго привиллегированнаго класса сама собою уничтожается и послѣдствіемъ этого должно быть — слитіе привиллегированнаго класса съ остальною массою народонаселенія. Это же слитіе должно еще болѣе воспослѣдовать, когда военная служба сдѣлается обязательною повинностью для каждаго гражданина: въ подобномъ случаѣ конкурренція талантовъ въ военной службѣ сдѣлается еще обширнѣе, потому что всѣ наличные таланты націи будутъ призваны къ отправленію военной повинности. Такимъ образомъ всякая идея о привиллегіи военнаго сословія сама собою рушится, такъ какъ вся нація должна преобразоваться въ одну армію. Иначе и быть не можетъ: идея вооруженныхъ армій въ послѣднее время доказала всю свою несостоятельность, и теперь восторжествовалъ принципъ вооруженной націи; въ послѣднемъ же случаѣ немыслимо ужь домогаться ввести корпоративность въ армію, гвардію и во флотѣ. Слѣдовательно и та крайняя цѣль, во имя которой установляется военный судъ, въ мирное время, оказывается чистофиктивною, такъ какъ въ настоящее время она потеряла все свое значеніе и самую современность, прямо противорѣча принципу всеобщей обязательности службы. Вотъ почему въ настоящее время, вмѣстѣ съ всесторонниимъ обсужденіемъ вопроса о всеобщей обязательности военной службы, слѣдуетъ подвергнуть также обсужденію и вопросъ объ уничтоженіи военныхъ судовъ въ мирное время и оставленіе ихъ въ арміяхъ только на время войны; самое же разрѣшеніе этого вопроса по нашему мнѣнію, составляетъ одно изъ conditio sine qua non всеобщей обязательности военной службы. Потому что подвергнуть цѣлую націю неудобствамъ и несовершенствамъ военнаго суда едва ли можетъ не только быть одобрено теоретическими, но даже и практическими соображеніями. Наконецъ, въ заключеніе, я долженъ сказать, что если комиссія нашла вреднымъ для военнаго сословія смѣшанную подсудность и если она боялась при этомъ вторженія общихъ судовъ въ дѣла военныхъ судовъ, то почему же допущены военнымъ вѣдомствомъ слѣдующія постановленія Высочайше утвержденнаго положенія о судебной реформѣ въ Россіи, вошедшія въ составъ 20 ноября 1864 года, а именно: § 117 «гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ (сухопутномъ или морскомъ) вѣдомствѣ, подсудны общему уголовному суду за всѣ преступленія, не относящіяся до нарушенія военной дисциплины и военной службы, а за нарушенія сего послѣдняго рода подлежатъ военному суду».

Спрашиваемъ, если общая подсудность возможна въ отношеніи лицъ не носящихъ эполеты, но тѣмъ не менѣе занимающихъ постъ въ военномъ или морскомъ министерствѣ, то почему же это невозможно и въ отношеніи военныхъ? Такъ, напримѣръ, гражданскій чиновникъ занимаетъ должность начальника отдѣленія въ министерствѣ; онъ совершаетъ общій проступокъ, его приглашаютъ къ мировому судьѣ и послѣдній налагаетъ на него пустое наказаніе. Военный офицеръ занимаетъ ту же самую должность и совершаетъ тотъ же проступокъ—его подвергаютъ военному суду и наказываютъ строже [1]). Почему послѣднему такая благодать?... И это, вѣроятно, тоже въ видахъ возвышенія духа арміи и увеличенія благополучія военныхъ. Но, вмѣсто того, чтобы остановиться на этомъ явномъ противорѣчіи интересовъ лицъ, служащихъ въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ, комиссія нашла только необходимымъ пояснить вышеприведенный параграфъ тѣмъ, что гражданскіе чины военнаго и морского вѣдомства подлежатъ военному суду не только за нарушеніе дисциплины, но вообще за всѣ преступленія по должности и по службѣ [2])... Это напоминаетъ мнѣ одинъ фактъ съ близкимъ мнѣ человѣкомъ: онъ служилъ въ Николаевѣ, въ одной морской комиссіи, членомъ; и за то, что онъ не хотѣлъ безусловно подписывать беззаконныя рѣшенія предсѣдателя комиссіи, то *оный* предсѣдатель, по власти, дарованной ему, подвергъ его дисциплинарному взысканію, т. е., перемѣстилъ его съ высшей должности на низшую; когда же строптивый членъ подалъ въ отставку, то предсѣдательствующій посовѣстился помѣстить это обстоятельство въ его указѣ объ отставкѣ... Послѣ этого, оставляйте въ рукахъ начальствующихъ лицъ дисциплинарныя взысканія... Если бы мы могли вызвать тѣнь Бентама, то и этотъ почитатель военнаго суда отрекся бы вѣроятно отъ провозглашеннаго имъ же принципа и назвалъ бы его нелѣпостью... §§ 146, 147 и 148 основныхъ положеній судебной реформы также мозолятъ глаза почитателямъ военнаго суда: «когда общее преступленіе совершено лицами гражданскаго вѣдомства и военными, то всѣ они предаются общему суду, только преступникамъ военнаго вѣдомства полагается наказаніе по военнымъ законамъ. Когда въ пре-

[1]) Подобный случай былъ съ маіоромъ Германовскимъ оскорбившемъ г-жу Диксенъ—онъ преданъ военно-уголовному суду (см. рѣшеніе общ. соб. касс. депар. сената, 1866 г. № 94).

[2]) Ст. 225, уст. уголов. судопр. и безъ того разъяснила въ такомъ смыслѣ этотъ предметъ.

ступленіи, касающемся нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, вмѣстѣ съ лицами военнаго вѣдомства сухопутнаго или морскаго, обвиняются и лица гражданскаго вѣдомства, то дѣло о тѣхъ и другихъ подлежитъ обсужденію военнаго суда, по сухопутному или морскому вѣдомству, но преступникамъ гражданскаго вѣдомства наказаніе опредѣляется по общимъ уголовнымъ законамъ. Когда кто-либо обвиняется въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ коихъ одни подсудны общему уголовному, а другіе подлежатъ вѣдѣнію суда военнаго, то дѣло во всемъ его объемѣ подвергается разсмотрѣнію въ томъ судѣ, коему подсудно *важнѣйшее изъ приписываемыхъ обвиняемому преступленій*, и наказаніе осужденному опредѣляется *по правиламъ о совокупности преступленій.*» Отстаивая ревниво права военнаго суда, комиссія сдѣлала поясненіе: что общій судъ, если оправдаетъ военнаго, по обвиненію въ общемъ проступкѣ, и останется обвиненіе въ нарушеніи дисциплины и военной службы, то онъ не долженъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ обвиненій военно-служащихъ, но слѣдуетъ передать дѣло военному начальству для зависящаго распоряженія по установленному порядку. Мы же присовокупимъ, что вообще редакція § 148 неясна: опредѣлить, какое есть важнѣйшее изъ приписываемыхъ обвиняемому преступленій, будетъ весьма затруднительно, такъ какъ не пояснено: какимъ уложеніемъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться — военнымъ или — общимъ уголовнымъ. И въ этомъ случаѣ постоянно будутъ возникать пререканія: военный судъ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія своего уложенія, будетъ признавать соразмѣрность его наказанія съ степенью преступности; а общій судъ будетъ разсматривать дѣло съ точки зрѣнія общаго уложенія. Поэтому яснѣе была бы реакція § 148, еслибы она выговорила: что въ этомъ случаѣ преступность должна разсматриваться или согласно одному общему уложенію, или согласно одному военному. Кромѣ этого, слѣдовало бы пояснить, по какому уложенію слѣдуетъ опредѣлять наказаніе обвиненному по отношенію совокупности преступленій. Независимо отъ этого, въ приведенныхъ мною параграфахъ мы находимъ: во-первыхъ, такую смѣшанную подсудность, отъ которой долженъ отшатнуться любой любитель таковой подсудности; во вторыхъ, несоразмѣрность наказаній тамъ разительная: гражданскія и частныя лица должны наказываться по общему уложенію, а военные — по военному; въ-третьихъ, важнѣе-же всего, что §§ 446 и 448 допускаютъ принципъ, что и общіе суды могутъ примѣнять военно-уголовные законы; значитъ, что *они обязаны ихъ знать.*

Да еще въ какихъ случаяхъ разрѣшается имъ примѣнять военно-уголовные законы! Въ дѣлахъ наиболѣе серьезныхъ, когда преступленіе совершено въ сообществѣ или въ шайкѣ, или по заговору. Значитъ, если общимъ судамъ оказано довѣріе въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ, то почему же этого не сдѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено однимъ человѣкомъ?.. А потому §§ 146 и 148 основныхъ положеній судебной реформы въ Россіи не противорѣчатъ-ли всѣмъ псевдо-теоріямъ военно-уголовнаго суда?..

4) Затѣмъ остается, по крайней мѣрѣ, быть довольнымъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что не всѣ военные чины подвержены суду военному. Такъ, эти изъятія относятся къ слѣдующимъ лицамъ:

1) Чины Донского, Азовскаго, Новороссійскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ судились военнымъ судомъ за всѣ преступленія, совершенныя ими на полевой службѣ, и находясь внѣ службы, въ быту гражданскомъ, они подлежали военному суду только за преступленія, заключающія въ себѣ нарушенія военныхъ обязанностей. Напротивъ того, въ казачьихъ войскахъ—Кубанскомъ, Терскомъ, Сибирскомъ, Оренбургскомъ, Башкирскомъ, Уральскомъ, Забайкальскомъ, Амурскомъ, въ Тобольскомъ пѣшемъ казачьемъ баталіонѣ, Иркутскомъ и Енисейскомъ казачьихъ конныхъ полкахъ, подлежали военному суду, какъ служащіе, такъ и отставные чины за всѣ роды уголовныхъ преступленій; а въ Кубанскомъ, Терскомъ, Забайкальскомъ и Амурскомъ судятся военнымъ судомъ *даже женщины* [1]).

Комиссія, имѣя въ виду подобную несообразность закона даже съ принципомъ ея о подчиненіи военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, полагала въ отношеніи казачьихъ сословій ввести правила о подсудности, существующія для чиновъ войска Донского, которые подлежатъ военному суду за преступленія, совершенныя въ бытность ихъ только въ полевой службѣ; а внѣ ея лишь за преступленія, заключающія въ себѣ нарушеніе воинскихъ обязанностей. Но принимая во вниманіе, что приведеніе этого предположенія въ исполненіе можетъ встрѣтить непреодолимыя пре-

---

[1]) Военно-уголовный уставъ не пояснилъ: подлежатъ-ли и женщины военному суду; данный случай подходитъ подъ § 147 основныхъ положеній судебной реформы; впрочемъ, такъ какъ въ законѣ говорится вообще о лицахъ гражданскаго вѣдомства, безъ поясненія пола, то слѣдуетъ отнести сюда и женщинъ.

пятствія по мѣстнымъ условіямъ быта и устройства нѣкоторыхъ казачьихъ войскъ, комиссіи, въ подробности неизвѣстныхъ, она нашла необходимымъ оставить покуда безъ измѣненія существующія въ казачьихъ войскахъ правила о подсудности военному суду, предоставивъ мѣстному начальству казачьихъ войскъ и управленію иррегулярныхъ войскъ военнаго министерства войти въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса о распространеніи на всѣ вообще казачьи войска правилъ подсудности, для войска Донского постановленныхъ.

2) Изъяты комиссіею изъ военнаго суда, за обыкновенные проступки и преступленія, слѣдующія лица:

а) Безсрочно и временно-отпускные офицеры и нижніе чины военно-сухопутнаго вѣдомства, состоящіе по запаснымъ войскамъ или числящіеся по гвардіи, армейской пѣхотѣ, кавалеріи, артиллеріи, инженерному вѣдомству и корпусу внутренней стражи, равно какъ находящіеся въ безсрочномъ или временномъ безъ срока отпускѣ чины морского вѣдомства, а также состоящіе въ резервномъ флотѣ и зачисленные на службу на коммерческихъ судахъ.

б) Военные, занимающіе вообще гражданскія, общественныя или частныя должности.

Что же касается чиновъ: корпуса путей сообщеній, арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, таможенной стражи, корпуса лѣсничихъ, горныхъ, вѣдомства государственныхъ конскихъ заведеній, карантинной стражи, служительскихъ полицейскихъ командъ,—то комиссія полагала: что во всякомъ случаѣ, офицеры и нижніе чины этихъ вѣдомствъ, хотя и не состоятъ *въ военномъ вѣдомствѣ*, должны подлежать военному суду за преступленія противъ *военной* дисциплины и службы [1]).

Въ послѣднихъ словахъ двусмыслица: о какой дисциплинѣ говорила комиссія: объ участіи-ли этихъ лицъ въ нарушеніи военно-служащимъ дисциплины, или о непосредственномъ нарушеніи ими дисциплины? Но какая же дисциплина можетъ быть у лѣсничаго и горнаго инженера и тому подобныхъ? Здѣсь большая несообразность, тѣмъ болѣе, что комиссія ратовала за военный судъ, объясняя, что армія можетъ погибнуть безъ него; но во имя чего же можно хлопотать о военномъ судѣ въ отношеніи

[1]) Здѣсь говорится вообще *о службѣ;* между тѣмъ ст. 224 уст. угол. судопроизводства предметъ этотъ объясняется немного иначе: она подвергаетъ этихъ лицъ военному суду при нарушеніи ими обязанностей *военной* службы.

лѣсничихъ, инженеровъ и другихъ военныхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства?.. Ради эполетъ только; но вѣдь вся суть не въ эполетахъ, а въ обязанностяхъ этихъ лицъ и если эти обязанности находятся въ мирномъ положеніи, то нечего ставить ихъ дѣйствія на военную ногу.

Въ отношеніи рекрутъ, коммисія постановила—подвергать ихъ военному суду только по принятіи ихъ рекрутскимъ присутствіемъ; а въ отношеніи военноплѣнныхъ, въ томъ случаѣ, когда они состоятъ въ вѣдѣніи военномъ [1]).

Б.) Военно-уголовное судоустройство [2]).

Обращаясь къ разрѣшенію вопроса о военно-уголовномъ судопроизводствѣ, комиссія нашла, что организація военныхъ судовъ должна быть соображена такъ, чтобы она одновременно удовлетворяла многимъ условіямъ, отвѣчающимъ требованіямъ какъ обще-государственнымъ, такъ и спеціально-военнымъ. Еслибы требованія обще-государственныя и спеціально-военныя сходились во всѣхъ точкахъ, то вопросъ объ устройствѣ спеціально-военныхъ судовъ разрѣшился бы принятіемъ для войскъ того же устройства, какое предполагается для гражданскаго вѣдомства. Но такъ какъ въ дѣйствительности требованія военныя суть нерѣдко слѣдствія правилъ и отношеній *далеко несходныхъ съ общими житейскими условіями и отношеніями* (?), и какъ существованіе подобнаго рода спеціальныхъ требованій поддерживается только искуственно, между тѣмъ какъ строгое поддержаніе ихъ составляетъ жизненный вопросъ для арміи, то и выходитъ, что принятіе для спеціально-военныхъ судовъ, безъ измѣненія, устройства обще гражданскихъ судилищъ совершенно невозможно.»

---

[1]) Въ отношеніи военно-плѣнныхъ она повторила только ст: 227, уст. угол. суд., которая постановила: «военно-плѣнные, за преступленія и проступки, совершенные ими послѣ обращенія ихъ въ вѣдомство гражданскаго начальства. судятся уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства». Но законъ этотъ неясенъ; такъ какъ неизвѣстно, что должно подразумѣвать подъ передачею военно-плѣнныхъ гражданскому вѣдомству: потому что даже въ уѣздныхъ городахъ есть инвалидные военные начальники, которымъ военноплѣнные подчинены.

[1]) Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава стр. 13—36.

Для насъ рѣшительно непонятно, какую связь имѣютъ *соотношенія* или иначе—взаимныя между собою отношенія военныхъ—къ судоустройству?.. И если эти соотношенія должны вліять на составъ военнаго суда, то почему же общегражданскія соотношенія не должны вліять на составъ общаго суда?.. Такъ, напримѣръ, какую связь имѣетъ *выборное начало* съ тѣмъ, что столоначальникъ Иванъ Ивановичъ долженъ повиноваться директору своего департамента; или какую связь имѣетъ *право несмѣняемости* съ тѣмъ, что тотъ же Иванъ Ивановичъ, поступивъ въ солдаты, оставилъ свой постъ?.. Слѣдовательно ни соотношенія военныхъ, ни свойство военныхъ нарушеній вовсе не вызываютъ особенностей военнаго судоустройства, а вызывается послѣднее ложно-усвоеннымъ себѣ понятіемъ о дисциплинѣ. Подъ дисциплиной у насъ понимается вообще не только обязанность подчиненнаго повиноваться приказанію начальствующаго, но *и право послѣдняго наказывать неповинующихся.* Такимъ образомъ понятіе о дисциплинѣ получаетъ обширный смыслъ и съ подобнымъ значеніемъ, естественно оно исключаетъ всякую возможность поставить между подчиненнымъ и начальствующимъ посредствующую власть, для возстановленія нарушеннаго военнаго права. Поэтому слѣдуетъ прежде доказать необходимость оставленія за начальствующими права наказывать, и если это не доказано, то нѣтъ и надобности дѣлать изъятія въ судоустройствѣ военномъ. Есть-ли въ самомъ дѣлѣ необходимость, для значенія дисциплины, предоставить начальствующимъ право наказывать?.. При рѣшеніи этого вопроса, необходимо прежде всего уяснить себѣ, для чего существуетъ вообще наказаніе? По предмету этому существуетъ множество теорій и кому угодно съ ними познакомиться, того прошу обратиться къ любому курсу уголовнаго права; мы же скажемъ здѣсь, что *военное наказаніе* имѣетъ въ себѣ, безъ всякихъ теоретическихъ основаній, одно-лишь устрашительное начало. Допустимъ, что въ этомъ отношеніи военно-уголовный законъ правъ; но спрашиваемъ: развѣ для подсудимаго не все равно, кто его накажетъ за нарушеніе дисциплины—самъ ли начальствующій или судъ?.. Наказуемость въ первомъ и второмъ случаѣ остается одинаковою; слѣдовательно устрашительное начало ничего не теряетъ и если за оставленіе солдатомъ своего поста слѣдуетъ смерть, то этотъ приговоръ произнесетъ надъ нимъ и начальствующій, и судъ. По этимъ причинамъ, съ этой точки зрѣнія не предвидится необходимости предоставлять начальствующимъ—быть, единовременно, и обвинителями, и судьями. Но, быть можетъ, скажутъ, что если начальствующему не пре-

доставить этого права, то подчиненные будутъ боятся суда, а не начальника; что интересъ дисциплины требуетъ послѣдняго условія, и что поэтому нельзя допускать посредствующей власти между подчиненными и начальствующими. На это я возражу, что дисциплина должна покоиться вовсе не на боязни къ начальствующимъ, а на сознаніи своего долга и на патріотизмѣ. Для солдатъ должно быть безразлично—строгъ ли или милосердъ его командиръ; солдатъ долженъ знать, что онъ обязанъ безусловно повиноваться тому, кто поставленъ начальникомъ; долженъ онъ это дѣлать не по боязни къ своему начальнику, а по долгу службы—изъ боязни строгости наказанія по закону. Здѣсь долженъ уважаться законъ, а не начальникъ, и если дисциплину основывать на боязни или на уваженіи къ начальнику, то ее совсѣмъ не существовало бы. Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что войска были совершенно деморализованы, не смотря на всю строгость и жестокость своихъ начальниковъ. Происходило же это отъ того, что излишняя строгость и неумѣренность, бывающія всегда послѣдствіемъ самосуда, всегда ожесточаютъ только подчиненныхъ и вмѣсто того, чтобы побудить ихъ исполнять свои обязанности, мѣры эти ведутъ только къ тому, что нарушеніе ихъ считается героизмомъ. Иное же дѣло бываетъ, когда наказывающая власть есть власть посторонняя: въ подобномъ случаѣ подсудимый въ наказаніи своемъ не видитъ строгости начальника, а строгость закона. Поэтому, даже въ видахъ усиленія дисциплины, слѣдуетъ между военноначальниками и ихъ подчиненными поставить посредствующую власть, которая бы судила и наказывала преступниковъ, для того, чтобы войска сохраняли къ своимъ начальникамъ любовь и уваженіе; тѣмъ же болѣе это необходимо въ военной службѣ, потому что военно-уголовные законы строги; поэтому одна какая-нибудь ошибка военноначальствующаго въ дѣлѣ суда можетъ наложить на него неизгладимое пятно, которое можетъ отнять отъ него сочувствіе арміи. Если, такимъ образомъ, нѣтъ необходимости предоставлять военноначальствующимъ права наказывать, то нѣтъ надобности давать и составу военнаго суда иныя формы, чѣмъ суду общему.

Но комиссія находила эту необходимость, вслѣдствіе войсковыхъ требованій, сохраненіе которыхъ, по мнѣнію ея, должно быть соблюдено нерушимо; самыя же войсковыя требованія заключаются, по ея соображенію, въ слѣдующемъ:

1) Не только сохраненіе, но если можно, и усиленіе воинской дисциплины и *чинопочитанія*.

2) Оставленіе за непосредственными военными начальниками не только надзора, но и отвѣтственности за соблюденіе въ частяхъ должнаго порядка и наблюденія.

3) Обезпеченіе личности каждаго отъ произвола и несправедливости высшихъ, и, съ другой стороны обезпеченіе, высшихъ отъ происковъ подчиненныхъ.

4) Невмѣшательство лицъ посторонняго вѣдомства въ служебныя отношенія *и въ самую жизнь военныхъ*.

Со всѣми этими положеніями нельзя согласиться безусловно. Комиссія смѣшала понятія дисциплины и чинопочитанія. Я уже единажды объяснялъ, что подъ дисциплиною должно понимать только тѣ обязанности, которыя вытекаютъ изъ существа военной службы; существенное же условіе послѣдней заключается въ неограниченномъ повиновеніи подчиненныхъ своему непосредственному начальству; но изъ этого, однако же, не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ низшихъ чиновъ военной іерархіи обязанъ былъ безусловно подчиняться высшему. Если бы послѣднее условіе требовалось на основаніи теоретическихъ или практическихъ соображеній, то мы бы противъ него не возражали; но намъ кажется, что если чинопочитаніе смѣшивать съ понятіемъ о дисциплинѣ, то нерѣдко между ними можетъ произойти антагонизмъ, въ прямой ущербъ дисциплинѣ.

Такъ напримѣръ: солдатъ стоитъ на часахъ; къ нему подходитъ офицеръ, не его полка, словомъ— не начальствующій надъ нимъ, и велитъ ему оставить постъ или хочетъ отъ него отнять оружіе, или наноситъ ему побои... По долгу дисциплины, солдатъ обязанъ подобнаго офицера взять на штыкъ или застрѣлить, въ особенности, когда тотъ покушается отобрать, отъ него оружіе: такъ какъ солдатъ не имѣетъ права, безъ сопротивленія отдавать свое оружіе. Если же нарушеніе чинопочитанія считать за нарушеніе дисциплины, то въ подобномъ случаѣ каждый высшій офицеръ имѣлъ бы право заставлять низшаго не исполнять его обязанностей. Допустить это было бы нелѣпо: поэтому, если полагается, что солдатъ обязанъ *повиноваться* безусловно только непосредственному своему начальству, то исчезаетъ идея о чинопочитаніи. Слѣдовательно, чинопочитаніе слѣдуетъ оставить только въ видѣ взаимной вѣжливости, но послѣднее условіе требуется всегда въ общежитіи между сношеніями всѣхъ вообще гражданъ; поэтому это не есть вовсе особенная принадлеж-

ность военнаго сословія. Солдатъ обязанъ быть вѣжливымъ не только съ военными офицерами, но со всѣми гражданами. Особенная же, спеціальная обязанность солдата, заключающаяся въ томъ, что онъ обязанъ отдавать честь старшему по чину, не есть вовсе необходимое условіе дисциплины. Эта обязанность нисколько не тягостна, если она поставлена въ умѣренныя формы; но еще лѣтъ 10 тому назадъ, она положительно становилась для военныхъ невыносимою. Напримѣръ, что могла выиграть военная служба отъ того, что солдатъ, дѣлая фронтъ офицеру, не имѣлъ права сойти съ мѣста и обязанъ былъ, вытянувшись въ струнку, безъ шапки, на морозѣ, стоять неподвижно и глядѣть въ ту сторону, гдѣ стоитъ офицеръ. Были такіе молодцы, которые, для того чтобы показать, что они *власть имущіе*, держали невыносимо долго солдатъ въ такомъ положеніи. Но выигрывала ли отъ этого военная служба?.. Намъ кажется, что она отъ этого положительно теряла, потому что, вмѣсто того, чтобы полюбить свою профессію, военнослужащіе, вслѣдствіе чинопочитанія, получали къ ней отвращеніе. По этимъ причинамъ здѣсь чинопочитанію прямо жертвовалась польза военной службы. Вслѣдствіе этого, въ отношеніи чинопочитанія должно быть весьма осторожнымъ и, оставляя его въ войскахъ лишь какъ вѣжливость, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ его поставить въ такія узкія рамы, чтобы оно не обратилось въ тягость низшимъ чинамъ. Въ былыя времена старшій начальникъ—въ отношеніи даже низшихъ офицеровъ, позволялъ себѣ, во имя чинопочитанія, всякія дерзости и грубости; офицеры и даже унтеръ-офицеры позволяли себѣ бить солдатъ, не только своихъ подчиненныхъ, но и другого оружія и вѣдомства. Развѣ это было чинопочитаніе? Это было безобразіе; а между тѣмъ это признавалось необходимымъ условіемъ дисциплины. Но между мордобитіемъ, чинопочитаніемъ и дисциплиною такая же разница, какъ между землею и небомъ.

Вообще намъ кажется, что если требовать отъ солдата вѣжливости вообще, и въ частности—къ начальству, то та же самая вѣжливость должна быть въ отношеніи старшихъ къ младшимъ. Въ правѣ же старшаго быть дерзкимъ съ младшимъ вовсе не заключается сила дисциплины. Развѣ сила приказа заключается въ грубости его формъ?.. Спрашиваемъ: развѣ сила моего приказа—о томъ, чтобы солдатъ шолъ въ огонь,—увеличится, если я это приправлю бранью. Да пойдетъ-ли еще, въ подобномъ случаѣ, солдатъ въ огонь?.. Намъ кажется, что скорѣе солдаты повинуются тому, кого они уважаютъ и любятъ, чѣмъ тѣмъ, кого

они боятся. Еще въ мирное время послѣдніе, пожалуй съ грѣхомъ пополамъ, могутъ удержать въ войскахъ порядокъ; но въ критическія минуты войны, голосъ ихъ можетъ быть и неуслышанъ. Вспомнимъ Суворова: онъ былъ строгъ, но справедливъ; поэтому солдаты его любили. Послѣднее они доказали въ Швейцаріи, во время знаменитаго суворовскаго похода. Когда войска, утомленныя переходами чрезъ непроходимыя горы, отказались идти дальше, Суворовъ не прибѣгъ ни къ растрѣляньямъ, ни къ другимъ дисциплиннымъ взысканіямъ, а подѣйствовалъ на войско нравственно: онъ велѣлъ вырыть могилу и потребовалъ отъ него, чтобы войско его похоронило, если не хочетъ далѣе слѣдовать за нимъ... Эта мѣра подѣйствовала на истомленную его армію такъ сильно, что она безропотно послѣдовала за своимъ обожаемымъ генераломъ. Вѣра воиновъ въ способности своего генерала и офицеровъ, и любовь къ нимъ—вотъ что исторія представляетъ намъ всегда и во всѣ времена залогомъ побѣдъ армій. Излишняя же дрессировка войскъ ведетъ только къ истощенію силъ солдата; а чинопочитаніе—къ кажущемуся благоустройству войскъ въ мирное время. «Пудра не порохъ, коса не штыкъ», говорилъ нѣкогда Суворовъ и былъ правъ. Въ Швейцаріи положеніе его было самое плачевное: солдаты были оборваны, за то у нихъ былъ въ рукахъ штыкъ и во главѣ ихъ—геніальный Суворовъ.

Для войны все равно какъ солдатъ ни побѣдитъ, по теоріи ли Карла Карловича или Онуфрія Демьяновича, лишь бы онъ побѣдилъ. Для дѣла войны также безразлично: обязанъ ли каждый солдатъ снимать шапку и дѣлать фронтъ всѣмъ вообще военнымъ офицерамъ или только своему начальнику; потому что сущность дѣла войны заключается лишь въ томъ, чтобы солдатъ повиновался своему *непосредственному* начальнику, когда онъ его ведетъ въ битву противъ враговъ отечества. И если послѣдняя цѣль достигнута, то для государства все равно: снимали ли эти воины свои шапки предъ всѣми офицерами, или только предъ своими непосредственными начальниками. Поэтому, оставляя чинопочитаніе въ войскахъ, какъ вѣжливость, понятіе объ немъ не слѣдуетъ, однакожъ, смѣшивать съ дисциплиною, такъ какъ между ними нѣтъ ничего общаго и такъ какъ они нерѣдко даже противорѣчатъ другъ другу. Поэтому чинопочитаніе вовсе нельзя дѣлать такимъ безусловнымъ требованіемъ войска, безъ котораго, будто бы, исчезаетъ самое понятіе объ его существѣ; слѣдовательно нельзя на немъ и строить цѣлой системы судоустройства и судопроизводства.

О необходимости невмѣшательства лицъ *посторонняго* вѣдомства въ военно-служебныя отношенія, мы также понимаемъ лишь въ томъ смыслѣ, какъ это мы понимаемъ это въ отношеніи другихъ вѣдомствъ, т. е., что каждое вѣдомство должно имѣть свой опредѣленный кругъ дѣятельности и что въ эту сферу никакая другая административная власть не должна вмѣшиваться. Но судебная власть вовсе не есть власть и вѣдомство постороннія, а въ ней выражается державная воля народа по отношенію возстановленія нарушеннаго права, нарушенныхъ обязанностей.

Въ такомъ смыслѣ судебная власть нисколько не вторгается въ область администраціи и, разсматривая ея правонарушенія, она этимъ нисколько не вмѣшивается въ ея юрисдикцію и нисколько не мѣшаетъ ея отправленіямъ; напротивъ же того, при ея содѣйствіи, администрація еще свободнѣе отправляетъ свои функціи. Такъ напримѣръ, судебная власть не вмѣшивается въ распоряженія министерства иностранныхъ дѣлъ; но если какой-нибудь чиновникъ не исполняетъ по этому вѣдомству полученныхъ имъ отъ министра инструкцій, то судъ является на помощь послѣднему и налагаетъ на виновнаго взысканіе. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы судъ въ этомъ дѣйствіи своемъ выражалъ вмѣшательство въ дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ. Но, быть можетъ, возразятъ, что это такъ, когда судъ по обвиненію министра осуждаетъ его подчиненнаго; если же онъ оправдываетъ его, то въ этомъ случаѣ судъ становится въ противорѣчіе съ администраціею, чего, будто бы, не должно быть въ отношеніи военныхъ. На это я возражу, что начальствующій, кто бы онъ ни былъ—военный или гражданскій—человѣкъ и не болѣе; слѣдовательно, онъ можетъ ошибаться, и если судъ оправдываетъ его подчиненнаго, то этимъ вовсе не унижается *званіе* министра, а доказывается только, что Ивановъ или Петровъ могли ошибаться. Поэтому теорія и практика находятъ не только возможнымъ, но и необходимымъ подчинить всѣ нарушенія по государственнымъ должностямъ суду и въ этомъ никто вовсе не думаетъ видѣть вторженія суда въ вѣдомство администраціи; напротивъ же того, каждый понимаетъ, что содѣйствіемъ суда, администрація становится еще самостоятельнѣе, потому что, при этомъ соучастіи, всѣ ея дѣйствія не приписываются ужь произволу, а закону. Такъ точно слѣдовало бы глядѣть на отношеніе суда и къ военно-служащимъ; но, по установившемуся предразсудку, полагаютъ, что при оправданіи подсудимаго общимъ судомъ, будто бы можетъ поколебаться дисциплина войскъ. Но дѣло въ томъ, что подобное же оправ-

даніе подсудимаго можетъ быть и со стороны военнаго суда; если же вы этого оправдан я не допускаете, то вы прямо сознаетесь, что обвиненія высшихъ военныхъ офицеровъ будутъ поддерживаться и судами... Но въ подобномъ случаѣ вовсе ненуженъ и военный судъ, а можно ограничиться однимъ голословнымъ приговоромъ начальствующаго. По этимъ причинамъ, если вы не боитесь, что пострадаетъ дисциплина, если военный судъ оправдаетъ подсудимаго, то нечего боятся въ этомъ отношеніи и общихъ судовъ. Страдающіе же военнымъ предразсудкомъ воображаютъ себѣ, что военный судъ будетъ прибѣгать къ оправданію, только въ случаѣ дѣйствительной невинности подсудимаго; а что общіе суды могутъ прибѣгать къ оправданію изъ антагонизма къ военному сословію. Взглядъ этотъ ошибоченъ и если его относитъ къ военному вѣдомству, то его слѣдуетъ относить тоже ко всѣмъ остальнымъ вѣтвямъ администраціи. Мы же полагаемъ, что въ этомъ отношеніи менѣе всего можетъ опасаться этого противорѣчія морское и военное министерство, потому что предметы ихъ суть дѣло народное и такъ какъ эти двѣ вѣтви администраціи менѣе всего непосредственно соприкасаются внутренней жизни обществъ. Скорѣе, въ этомъ случаѣ, должно бы было бояться суда министерство внутреннихъ дѣлъ, которое касается всѣхъ внутреннихъ сторонъ общественной жизни и коль скоро этого опасенія нѣтъ, то тѣмъ болѣе его не должно быть въ отношеніи министерствъ—морского и военнаго. Мы не понимаемъ, что можетъ уменьшить авторитетъ этихъ двухъ вѣдомствъ, если бы даже по ихъ обвиненіямъ подсудимые были оправданы? Въ подобномъ случаѣ не компрометировалось бы вовсе министерство, а тотъ, кто явился бы обвинителемъ. Впрочемъ министерства вовсе не обязаны являться въ судѣ обвинителями; и во всѣхъ государствахъ, для избѣжанія нареканій на лицо министра, обвинителями ихъ подчиненныхъ являются адвокаты правительства, въ лицѣ прокуроровъ или юрисъ-консультовъ. Слѣдовательно, въ случаѣ оправданія подсудимаго, ни въ какомъ случаѣ не можетъ пострадать не только званіе министра, но даже лицо министерское. Такъ въ Англіи мы постоянно видимъ, что отъ имени короны являются обвинителями или генералъ-атторней или генералъ-солисаторъ, и на эти обвиненія очень часто судъ даетъ отрицательный отвѣтъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этимъ компрометировалось правительство. Тоже самое могло бы быть и въ отношеніи военныхъ: здѣсь вовсе не было бы надобности, чтобы военно-начальники являлись лично, отъ своего имени, обвинять подчиненныхъ или подсудимыхъ, а эту обязанность могли бы исполнять общіе про-

куроры или, пожалуй, особые спеціальные военные прокуроры. Въ подобномъ случаѣ не было бы и тѣни того, что можетъ считаться неблагопріятнымъ для значенія военно-начальника, потому что въ случаѣ оправданія подсудимаго оно было бы принято лишь какъ признакъ неправильности и неосновательности обвиненія прокурора. Поэтому мы не находимъ—съ одной стороны, чтобы содѣйствіе общаго суда военному и морскому вѣдомствамъ можно было считать за вмѣшательство въ дѣла этихъ вѣдомствъ; съ другой стороны, чтобы это содѣйствіе могло повредить высокому значенію военно-начальниковъ. Напротивъ того, намъ кажется, что авторитетъ послѣднихъ будетъ еще сильнѣе и голосъ самостоятельнѣе, когда онъ будетъ опираться на законѣ и на той судебной власти, которая въ государствѣ представляетъ коллективную, державную волю цѣлаго народа.

Еще менѣе понятно для насъ требованіе комиссіи, чтобы никакая посторонняя власть не вмѣшивалась въ самую жизнь военныхъ... Положеніе это возникло изъ ложно принятаго принципа, что будто бы сила арміи заключается въ томъ, чтобы военные составляли сословіе. Если глядѣть съ этой точки зрѣнія на военныхъ, то само собою разумѣется, что корпоративность должна быть присуща всей ихъ жизни. Но выше я уже говорилъ, что корпоративности у насъ въ войскахъ никогда не было и что она не составляетъ вовсе силу армій. Взглядъ этотъ, какъ отсталый, давно ужъ отжилъ свое время и нынѣ сознана истина, что сила государства не въ вооруженныхъ арміяхъ, а—въ вооруженныхъ народахъ. При послѣднемъ же условіи исчезаетъ идея о корпоративности военнаго сословія, со всѣми сопряженными съ нею послѣдствіями. Вотъ почему исчезаетъ потребность невмѣшательства общаго суда не только въ служебныя отношенія военныхъ, но и въ самую ихъ жизнь. Если вся нація обращается въ одну армію, и государство—въ одинъ лагерь, то нарушеніе дисциплины въ этотъ случаѣ становится такимъ же правонарушеніемъ, какъ и другіе роды и виды правонарушеній. Въ особенности же мы не видимъ, въ подобномъ случаѣ, причинъ для изъятія частной жизни военныхъ отъ подсудности общаго суда; такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы всю націю подчинить военному суду. Да и въ самомъ подчиненіи, по выраженію комиссіи, *всей жизни* военныхъ начальству, есть-ли, дѣйствительно, та польза, о которой говоритъ комиссія?.. Ея тенденція заключается въ слѣдующемъ: «безпрекословное повиновеніе подчиненныхъ начальнику, а—съ другой стороны, *постоянный бдительный* и *строгій* надзоръ начальника надъ подчиненными не только въ отно-

шеніи служебной исполнительности, но и въ отношеніи *нравственности* и *образа жизни*, должны сковать всѣ элементы, армію составляющіе, въ одну цѣль, коей звенья, не взирая на различную степень развитія каждаго, никогда не должны отрываться однъ отъ другого.» И для какой надобности, спросите вы, если офицеръ исполнителенъ по службѣ, т. е., если онъ исполняетъ въ точности свои обязанности, подвергать еще контролю начальства его домашнюю, внѣ служебную жизнь?.. Да вѣдь это инквизиція, потому что только въ подобной формѣ можетъ выразиться постоянный, бдительный и строгій надзоръ начальника. И скажите, какая польза службѣ и государству въ томъ, что мой начальникъ знаетъ, что у меня варится и сколько разъ въ день я дерусь съ моею женою; а если я не охотникъ до дракъ, то сколько разъ обнимаюсь съ нею... Какъ хотите, а это—чепуха: цѣль военной службы вовсе не заключается въ исправленіи людей, а въ томъ, чтобы защищать отечество въ минуты опасности; поэтому нужно образовывать въ воинахъ людей энергическихъ и рѣшительныхъ; нравственность же и домашнюю ихъ жизнь слѣдуетъ предоставить контролю общественнаго мнѣнія и общей судебной власти, которая въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ энергически и въ отношеніи не военныхъ. Поэтому забота о нравственности и объ образѣ жизни военныхъ есть забота совершенно излишняя для военнаго начальства въ мирное время, и, не принося никакой существенной пользы военному дѣлу, ставить только подчиненныхъ къ начальнику въ щекотливыя отношенія, потому что разность между ними должна быть только въ служебныхъ отношеніяхъ, но не въ частной жизни. Въ частной жизни каждый долженъ быть самъ себѣ господинъ и обязанъ отдавать въ своихъ поступкахъ и въ поведеніи отчетъ своей совѣсти, общественному мнѣнію и общему суду; вмѣшательство же въ этомъ случаѣ какой бы то ни было другой власти или силы, есть коренное нарушеніе нашей личности, коренное нарушеніе нашей самостоятельности и независимости.

Неправильность взгляда комиссіи произошла отъ того, что она видитъ въ воинѣ одного человѣка, а мы видимъ въ немъ два субъекта: воина и гражданина. Какъ воинъ, солдатъ обязанъ исполнять безпрекословно все то, что отъ него требуетъ служба; какъ гражданинъ, онъ долженъ исполнять всѣ обязанности свои въ отношеніи общества. И по двойственности этихъ обязанностей, онъ имѣетъ неотемлемое право участвовать, независимо отъ службы, во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни: вотъ почему отъ военныхъ и не должно быть отнято право—участвовать въ выборахъ на обще-государственныя должно-

сти, и они же не могутъ быть лишены права—считаться и гражданскими членами общества. Военный не долженъ быть оторванъ отъ гражданской почвы и онъ, во всѣхъ фазахъ своей служебной каррьеры, долженъ оставаться неизмѣнно гражданиномъ: иначе вы изъ него сдѣлаете безсмысленную машину... Такіе результаты возникаютъ неизбѣжно при замкнутости военнаго сословія, да и оно, по словамъ комиссіи, этого «домогается:» иначе, говоритъ она, въ тѣ трудныя для государства минуты, когда единодушное напряженіе всѣхъ силъ должно быть обращено волею одного къ одной общей цѣли, достиженіе успѣха будетъ невозможно.» Но мы невидимъ—почему бы военно-служащій, оставаясь гражданиномъ, непремѣнно терялъ бы способность исполнять свой долгъ, въ трудныя для отечества минуты. Напротивъ того, намъ кажется, что тогда онъ еще ревностнѣе станетъ исполнять свои обязанности, потому что онъ будетъ это дѣлать сознательно и съ полнымъ пониманіемъ всей ихъ важности. Исторія войны сѣвера и юга соединенныхъ штатовъ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ: Ли и Грандтъ, въ короткое время, изъ свободныхъ гражданъ организовали такія арміи, которыя производили такіе марши, такія передвиженія и переносили такія трудности, подобно которымъ исторія европейскихъ войнъ не представляетъ ни одного примѣра. А между тѣмъ тамъ не было ни постоянныхъ армій, ни регулярныхъ войскъ, въ смыслѣ европейскомъ; ни—сословія военныхъ. Тоже самое мы видимъ теперь во Франціи: она ведетъ отчаянную борьбу на жизнь и смерть съ цѣлою Германіею и посредствомъ кого?.. Только посредствомъ національной гвардіи, мобилей, волонтеровъ и вольныхъ стрѣлковъ. А что сдѣлала ея нѣкогда образцовая для Европы армія и гвардія?.. Позорно они капитулировали подъ Седаномъ и Мецомъ. Сила государства не въ томъ, чтобы армія была замкнутымъ сословіемъ и безсознательною машиною; а она должна быть проникнута сознаніемъ высокости своего долга и святости своихъ обязанностей; поэтому чувство гражданственности не составляетъ вовсе роскоши, а она есть крайняя потребность военнаго сословія: иначе при первой неудачѣ ея военно-начальника, она деморализуется, и отечество гибнетъ. Во вниманіе къ этимъ серьезнѣйшимъ изъ серьезныхъ государственныхъ мотивовъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ комиссіи—ни о необходимости образовать изъ военно-служащихъ сословія, ни о необходимости подчинить всю жизнь военныхъ этой же сословности, безъ всякаго вмѣшательства въ эти отношенія общественнаго мнѣнія и общей государственной судебной власти.

Но остановясь на точкѣ зрѣнія, что послѣднее положеніе будто бы вытекаетъ изъ сущности воинскихъ обязанностей, комиссія пришла къ заключенію, что всѣ *предметы общаго мирового суда* въ отношеніи военно-служащихъ слѣдуетъ *возложить на непосредственныхъ войсковыхъ начальникахъ*. Но рубежомъ между предметами подсудности военнаго суда и предметами вѣдомства послѣднихъ, приняты не основанія уставовъ 20 ноября 1864 года, а комиссія положила между ними слѣдующія границы: «всѣ проступки нижнихъ чиновъ, которые влекутъ за собою наказаніе не соединенное съ отсылкою въ арестантскія роты и болѣе тяжкія взысканія, должны быть отнесены къ разбору судовъ *дисциплинарныхъ* или вѣрнѣе *исправительныхъ*, зависящихъ отъ административной власти начальниковъ, исправляющихъ въ войскѣ ту же обязанность, какую въ гражданскомъ быту должны исполнять мировые суды».

И такъ мы видимъ, что юрисдикція этихъ исправительныхъ судовъ еще болѣе обширна, чѣмъ судовъ мировыхъ, и что самая идея ихъ заключается вовсе не въ возстановленіи нарушеннаго права,—а въ цѣли исправительной; поэтому они, уже однимъ этимъ характеромъ своимъ, рѣзко отличаются отъ судовъ мировыхъ... Такимъ образомъ, по проекту комиссіи, весь институтъ военно-уголовный распадается *въ мирное время* на: 1) *дисциплинарный судъ*, къ которому отнесены, съ одною и тою же юридикціею, суды: полковые, артиллерійскихъ бригадъ, отдѣльныхъ батальоновъ и вообще суды при тѣхъ строевыхъ и нестроевыхъ частяхъ, коихъ начальники пользуются правами полковыхъ командировъ; а потому они и могутъ быть называемы просто—полковыми, бригадными, батальонными, экипажными и т. д. Суды эти должны быть учрежденія постоянныя и составлять, такимъ образомъ, необходимую принадлежность всякаго полка и другой равной ему части войскъ. 2) Судъ военно-окружной,—судъ, вѣдающій всѣ военно-уголовныя дѣла, превышающія власть судовъ дисциплинарныхъ. 3) Генеральный военный судъ, замѣняющій кассаціонные департаменты сената.

Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности:

1) Суды дисциплинарные или исправительные суды.

«Названіе «дисциплинарный судъ», говоритъ комиссія, или еще вѣрнѣе, военно-исправительный судъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ бы *назначенію* проектированнаго ею суда, но она полагала назвать его по имени той строевой части, при которой судъ состоять будетъ, *собственно потому*, что не русское слово «дисциплинарный» трудно понятно нижнему чину, а имя

«исправительный» какъ бы предпосылаетъ идею о неизбѣжности наказанія во всякомъ случаѣ».

По крайней мѣрѣ комиссія откровенно сознаетъ самую цѣль и значеніе ея судовъ; поэтому намъ остается вновь повторить, что судъ вовсе не долженъ имѣть характера исправительнаго, а его единственная цѣль, всегда и вездѣ, должна заключаться—въ возстановленіи нарушеннаго права. Вслѣдствіе этого судъ обязанъ возстановлять право, не обращая вниманія ни на какія послѣдствія, то есть, какая существуетъ система наказаній—исправительная или устрашительная: такъ какъ система суда не можетъ совпадать съ системою наказаній. Совпаденіе это не существуетъ ни въ одномъ законодательствѣ. Даже французское законодательство, дѣлающее различіе между проступкомъ (delit) и преступленіемъ (crime) и раздѣляющее поэтому юрисдикцію суда—на трибуналы полиціи исправительной (вѣдающихъ проступки) и на ассизы (вѣдающихъ преступленія), нисколько этимъ не опредѣляетъ самый характеръ наказаній и самое названіе трибуналовъ полиціи исправительной есть названіе случайное. Изъ выводовъ же комиссіи видно, что французское названіе уголовныхъ судовъ, вѣдающихъ проступки, ввело ее въ заблужденіе въ отношеніи самой цѣли ихъ. Цѣль ихъ обще-теоретическая — возстановить нарушенное право; а имѣютъ ли опредѣляемыя ими наказанія цѣль исправительную или устрашительную, это другой вопросъ. не входящій въ кругъ настоящаго моего сочиненія. Самая же исправительность, въ цѣли наказанія, подлежитъ большому сомнѣнію, и несовершенство французскаго уголовнаго кодекса, въ этомъ отношеніи, можетъ поспорить съ нашимъ. Поэтому мы находимъ вообще, что по цѣли наказаній нельзя основывать ни состава, ни формы суда, потому что послѣдніе не имѣютъ съ нимъ, въ принципѣ, ничего общаго; общаго же съ самою цѣлью имѣютъ только пенитенціарныя учрежденія. И въ самомъ дѣлѣ, что есть общаго, напримѣръ, въ томъ, кто и какъ судить будетъ о моемъ проступкѣ, съ тѣмъ, какія послѣдствія возникнутъ отъ возложеннаго на меня наказанія?... Слѣдовательно, комиссія избрала неюридическій путь, основавъ организацію дисциплинарнаго суда на идеѣ исправительной—принципѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ системою судоустройства и судопроизводства. Но, остановившись на этой точкѣ зрѣнія, комиссія проектировала: а) «что полковой судъ долженъ состоять изъ предсѣдателя и двухъ членовъ».

Значитъ комиссія ясно сознала, что этотъ судъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравняться съ судомъ мировымъ; иначе она дала ему форму

единоличности, а не коллегіальности. Но послѣднее условіе тогда лишь можетъ служить гарантіею праваго суда, когда, кромѣ коллегіальности, судьи совмѣщаютъ въ себѣ тѣ условія, какія теорія требуетъ отъ суда праваго. Комиссія же проектировала опредѣлить составъ этого суда слѣдующимъ образомъ: предсѣдатель и члены суда *назначаются* изъ числа офицеровъ, прослужившихъ въ строю не менѣе 2 лѣтъ и неопороченныхъ судомъ; предсѣдатель—на годъ, а члены—на $^1/_2$ года, при чемъ члены выбываютъ по очереди такъ, чтобы судъ не обновлялся въ одно и тоже время всѣми новыми членами». Изъ этого можно видѣть, что здѣсь гарантіи довольно плохія, такъ какъ нахожденіе въ *строю* 2 года вовсе не можетъ обогатить полкового судью ни юридическими познаніями, ни практическою опытностью; а штабъ-офицерскіе эполеты предсѣдателя нисколько не могутъ придать особенную прочность, солидность и кредитъ этому учрежденію. Самое выбываніе членовъ суда чрезъ $^1/_2$ года не можетъ даже пріучить ихъ дѣлопроизводству, и право на судъ сдѣлается аттрибутомъ почти каждаго офицера.

б) „Выборъ предсѣдателя, 2 членовъ и офицера для дѣлопроизводства долженъ быть предоставленъ *командиру* той части, при которой состоитъ судъ. О лицахъ, назначенныхъ въ составъ полкового суда, полковой командиръ доноситъ начальнику дивизіи, который можетъ устранить избранныхъ отъ присутствія въ судѣ. Вмѣсто лицъ, такимъ образомъ, устраненныхъ командиры избираютъ другихъ.“ И здѣсь плохія гарантіи правосудію, такъ какъ ревизія списковъ начальникомъ дивизіи подчиняетъ окончательно судъ не только полковому командиру, но и начальнику дивизіи; поэтому, въ строгомъ смыслѣ, назначеніе судей отдается въ руки начальника дивизіи. Но что же руководило комиссіею проектировать эти правила?... Вотъ что она говоритъ въ оправданіе свое:

«Подобный порядокъ назначенія членовъ полковыхъ судовъ властію начальниковъ тѣхъ частей войскъ, при которыхъ полковой судъ будетъ состоять, комиссія признаетъ самымъ правильнымъ и удобнымъ. Выборное начало едва ли примѣнимо въ военномъ быту и не согласуется вполнѣ съ условіями военной службы, какъ это доказывается и опытомъ (?); притомъ если даже допустить выборное начало при назначеніи членовъ полковыхъ судовъ, предназначаемыхъ собственно для разбора дѣлъ о нижнихъ чинахъ, то справедливость требовала бы допустить къ выбору и сихъ послѣднихъ. Предоставить же нижнимъ чинамъ,—избирать офицеровъ, такъ явно *противорѣчитъ основаніямъ военной* дисциплины и соеди-

нено съ такими огромными практическими неудобствами (?), что останавливаться на этой мысли комиссія находитъ излишнимъ».

Мы же находимъ, что въ правѣ выбора судей нѣтъ ни практическихъ неудобствъ, ни противорѣчія основаніямъ дисциплины. Такъ мы видимъ, что въ Америкѣ все военное и морское не только начальство, но и нижніе чины не были изъяты изъ выборовъ на государственныя должности; тоже самое было и во Франціи, при вотированіи плебисцита Наполеона III. Въ послѣднемъ случаѣ болѣе 32,000 голосовъ было противъ династическихъ стремленій правительства, однакоже это нисколько не ослабило дисциплины арміи и гвардіи; а если послѣднія были деморализованы, то не оппозиціею, а бонапартистами же и измѣною послѣднихъ. Изъ этого заключить слѣдуетъ, что дисциплина вовсе не ослабляется свободно выраженнымъ мнѣніемъ арміи и гвардіи въ дѣлахъ общественныхъ, а деморализуется она вслѣдствіе неисполненія военно-начальниками ихъ обязанностей къ государству и въ отношеніи націи. Мысль же о лишеніи солдатъ права подавать голосъ не только въ учрежденіяхъ общественныхъ, но и по тѣмъ предметамъ, которые непосредственно относятся къ нимъ, возникла единственно вслѣдствіе смѣшенія понятій дисциплины съ понятіемъ чинопочитанія. Выше я говорилъ, что это не только два разныхъ понятія, но что они нерѣдко даже, прійдя въ столкновеніе, другъ другу противорѣчатъ. Поэтому, не имѣя ничего общаго между собою, ихъ и не слѣдуетъ такъ связывать, чтобы изъ понятій одного прійти къ выводамъ по другому предмету, какъ это дѣлаетъ комиссія. Такъ, остановясь на мысли о томъ, что избраніе изъ среды офицеровъ судей ставитъ солдата въ положеніе критики ихъ, и что это противорѣчитъ идеѣ чинопочитанія, комиссія пришла къ заключенію о томъ, что право это противорѣчитъ, будто бы, дисциплинѣ. Мы же не находимъ вовсе этого противорѣчія. Спрашиваемъ, что есть общаго между мнѣніемъ солдата, что извѣстный офицеръ—опытный и храбрый начальникъ и съ мнѣніемъ его же, что онъ въ тоже время—плохой судья?... Развѣ эти понятія совпадаютъ?... Можно отлично вести солдатъ въ аттаку и брать пушки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣть разобрать самого пустого дѣла. Опытъ убѣждаетъ насъ въ послѣднемъ на каждомъ шагу. Поэтому мы не находимъ вреда для дисциплины въ правѣ солдатъ—избирать себѣ судей, такъ какъ въ правѣ этомъ нѣтъ никакихъ элементовъ, могущихъ поколебать въ воинахъ вѣру въ храбрость, отвагу и опытность ихъ военно-начальниковъ. Самая же необходимость дарованія солдатамъ этого права вытекаетъ изъ того, что въ подобномъ случаѣ

они будутъ безропотно подвергаться постановленіямъ собственнаго своего суда. Не забудьте, что большинство солдатъ изъ крестьянскаго сословія, которому даровано право избранія судей; поэтому они знакомы не только съ этою формою, но понимаютъ, что лучшею гарантіею правосудія есть выборное начало. На этомъ основаніи, переводя крестьянина въ другое сословіе, не лишайте же его того права, которымъ онъ пользовался у себя дома. Независимо отъ этого, не слѣдуетъ забывать, что, при обязательности службы для всѣхъ сословій, положеніе солдата сдѣлается весьма почетнымъ, и въ составъ солдатъ войдетъ значительная часть представителей народной интелигенціи; поэтому судъ надъ солдатами долженъ, въ свою очередь, стать въ возможно совершенныя формы, иначе самое званіе солдата сдѣлается для народа тяжелымъ бременемъ. Между тѣмъ, съ предоставленіемъ солдатамъ избирать судей изъ офицеровъ, можетъ дисциплина только выиграть, а не проиграть, потому что въ подобномъ случаѣ каждое военное правонарушеніе будетъ возстановлено и самый судъ не будетъ считаться произволомъ, а законнымъ органомъ судебной власти. Такимъ образомъ, всякое правонарушеніе поведетъ за собою неизбѣжность наказанія, постановленное не только въ законной формѣ, но и постановленное тѣми судьями, которыхъ призвали къ этой обязанности сами солдаты; слѣдовательно, въ случаѣ несправедливости или неумѣренности наказаній, они должны будутъ быть недовольны своими выборами, а не начальствомъ. Самая форма выбора могла бы быть слѣдующая: 1) каждый солдатъ долженъ написать на бумагѣ имя избранныхъ имъ членовъ суда и кандидатовъ къ нимъ, безъ подписи на избирательномъ листѣ своей фамиліи; 2) лица, получившія, такимъ образомъ, абсолютное большинство голосовъ, суть избирательные кандидаты; фамиліи ихъ выставляются у избирательныхъ ящиковъ и затѣмъ перебаллотировывается каждое лицо, посредствомъ шаровъ; 3) избирательные листы и самая провѣрка избирательныхъ шаровъ производится комиссіею, назначенною командующимъ полкомъ или отдѣльною частью.

Можно было бы предложить еще одну избирательную форму: чтобы кандидатовъ на должность судьи представлялъ командиръ полка или общество офицеровъ; но въ подобномъ случаѣ, дѣйствительно, подобные выборы могли бы окомпрометировать тѣхъ и другихъ, если бы солдаты прокатили ихъ кандидатовъ, по выраженію нашихъ помѣщиковъ, на вороныхъ. Поэтому, лучше всего, выборы предоставить непосредственному усмотрѣнію солдатъ; начальникамъ же дивизій предоставить право—

утвердить или не утвердить этихъ выборовъ. При такомъ порядкѣ, отъ высшаго начальства вовсе не былъ бы отнятъ контроль надъ назначеніемъ членовъ судовъ. Но, во весь періодъ времени избранія, члены суда должны пользоваться полною несмѣняемостью: удаленіе ихъ отъ должности иначе не можетъ быть, какъ по суду. Практическія же неудобства, сопряженныя съ выборнымъ началомъ, о которыхъ комиссія упоминаетъ, вѣроятно заключаются въ томъ, что выборы требуютъ, чтобы войска были въ сборѣ, между тѣмъ они, по большей части, занимаютъ квартиры въ разныхъ мѣстахъ. Но неудобства этого не будетъ, если судьи будутъ избираться не на $^1/_2$ года, а по крайней мѣрѣ—на 1 годъ; въ подобномъ случаѣ можно выборы назначать въ то время, когда, лѣтомъ, войска бываютъ въ сборѣ, въ лагеряхъ. Наконецъ, считая мнимо-опаснымъ предоставить право выбора солдатамъ, комиссія, вмѣсто произвольнаго назначенія судей командиромъ полка и начальниками отдѣльныхъ частей, могла бы, по крайней мѣрѣ, облечь въ какую нибудь законность назначеніе судей; вотъ почему она бы могла установить или очередь между офицерами, или же, вмѣсто баллотировки ихъ—установить жребій. О послѣднемъ способѣ комиссія не упоминаетъ, а первый она отвергаетъ — по слѣдующимъ основаніямъ: «не говоря уже о томъ, какъ трудно обезпечить строгое соблюденіе очереди при томъ вліяніи, которое имѣетъ и должно имѣть начальство во всемъ, что касается до ввѣренныхъ имъ частей, легко можетъ случиться, что очередь падетъ на офицера, который будетъ въ это время находиться въ командировкѣ [1]) и какъ наступленіе очереди ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить препятствіемъ къ исполненію прямыхъ обязанностей его по службѣ, то этимъ самымъ очередь будетъ безпрерывно нарушаться. Независимо отъ сего, при существованіи очереди, членами полковыхъ судовъ могутъ быть офицеры, которые еще недостаточно приготовлены къ этому званію и даже по какимъ-либо причинамъ, всего лучше извѣстнымъ непосредственному ихъ начальству, совершенно неспособны къ исполненію подобныхъ обязанностей».

Послѣдній аргументъ весьма силенъ и говоритъ противъ очереди и жребія, и мы согласны съ комиссіею, что формы эти не выдерживаютъ строгой критики, но въ нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ того произвола, какъ

---

[1]) Это весьма рѣдкій случай.

это мы видимъ въ назначеніи судей полковымъ командиромъ. Поэтому, предпочитая выборную форму очереди и жребію, мы послѣднимъ даемъ преимущество предъ тою формою, которую проектировала комиссія.

в) Дѣло начинается въ полковомъ судѣ неиначе, какъ по предписанію командира той части, при которой судъ состоитъ. Засѣданія полкового суда должны происходить при открытыхъ дверяхъ, исключая тѣхъ случаевъ, которые означены въ законѣ. Заключенія полкового суда должны быть представляемы на утвержденіе командира той части, при которой судъ состоитъ. Подсудимому предоставляется приносить жалобу, въ видѣ апелляціи, какъ на рѣшеніе полкового командира, такъ и на неправильныя его дѣйствія во время производства дѣла. Командиръ или утверждаетъ рѣшеніе суда, причемъ можетъ смягчить степень опредѣленнаго наказанія, *въ предѣлахъ закономъ установленныхъ* [1]) или не соглашается съ мнѣніемъ суда. Въ первомъ случаѣ, по распоряженію командира, рѣшеніе приводится въ исполненіе; о чемъ каждый разъ онъ объявляетъ въ приказѣ по полку, съ изложеніемъ вины совершившаго проступокъ. Во второмъ случаѣ, т. е., если командиръ не соглашается съ мнѣніемъ полкового суда, онъ передаетъ дѣло въ ближайшій военный судъ, гдѣ подобнаго рода дѣла и разрѣшаются окончательно.

«Съ юридической точки зрѣнія, [2]) говоритъ комиссія, было бы справедливо дозволить и подсудимому апеллировать въ военный судъ на рѣшеніе полкового суда; такое дозволеніе, безъ сомнѣнія, могло бы обезпечить вполнѣ подсудимаго отъ несправедливаго рѣшенія суда, коего члены суть *подчиненные* командира, отдающаго провинившагося подъ судъ, назначающаго судей и конфирмующаго приговоръ. Но—съ другой стороны, неудобства такого дозволенія очевидны. Военныхъ судовъ не можетъ быть много, такъ что нерѣдко суды эти будутъ удалены на весьма большое разстояніе отъ мѣста совершенія проступка. Значитъ — въ случаѣ дозволенія переноситъ дѣло изъ полковыхъ судовъ въ военные, произойдутъ тѣ же крайнія неудобства, о которыхъ говорено выше и которыя заключаются въ пересылкѣ по этапамъ подсудимыхъ и въ обремененіи военныхъ судовъ множествомъ маловажныхъ дѣлъ».

Но дѣло въ томъ, что при апелляціи подсудимаго въ окружной судъ вовсе не было бы пересылки его туда по этапу, потому что на случай

[1]) Это—фраза, потому что заключеніе полкового командира не подлежитъ ни чьему контролю.

[2]) Какъ будто бы въ дѣлѣ праваго суда можетъ быть иная точка зрѣнія'..

неправильнаго дѣлопроизводства полкового суда, окружной судъ могъ бы обращать къ нему дѣло на новое производство; а на случай неправильнаго рѣшенія дѣла по существу, окружной судъ, и безъ бытности подсудимаго, могъ бы постановить рѣшеніе. Слѣдовательно, единственною причиною лишенія солдата права апелляціи остается — боязнь обременить военно-окружные суды маловажными судами, и ради этой боязни измышлено правило, не только не могущее быть оправданнымъ съ юридической, но съ какой угодно точки зрѣнія; правило, по которому апелляторомъ является полковой командиръ, единовременно—обвиняющій, конфирмующій и апеллирующій!! учрежденіе, не могущее вынести критики даже китайской или японской юриспруденціи... Но намъ кажется, что вмѣсто подобнаго salte mortale по части юриспруденціи, короче было бы при военно-окружныхъ судахъ открыть особыя отдѣленія, для разсмотрѣнія апелляцій на полковые суды. Сама комиссія сознается, что окружныхъ судовъ будетъ немного въ имперіи, слѣдовательно они не слишкомъ много обременили бы своимъ расходомъ военное и морское вѣдомство. Многіе же окружные суды, какъ напримѣръ—военно-морской въ г. Николаевѣ, по малочисленности своихъ дѣлъ, безъ ущерба своей дѣятельности, могъ бы принять эти дѣла. Наконецъ, если одна боязнь обремененія окружныхъ судовъ маловажными дѣлами, руководила составителей проекта, то такъ какъ они назначеніе судей опредѣлили изъ общества офицеровъ, то апелляція могла бы идти къ *общему собранію* всѣхъ офицеровъ полка или отдѣльной части. Но на это отвѣтятъ, что встрѣтились бы затрудненія въ сборѣ офицеровъ. На это возражу, что достаточно было бы собираться офицерамъ 1 разъ въ недѣлю при полковомъ штабѣ, чтобы выслушать апелляціонныя жалобы на рѣшенія полкового суда; а для того, чтобы общее собраніе могло безпрепятственно открывать свои засѣданія, то постановить, что подъ предсѣдательствомъ полкового командира, или, за отсутствіемъ его, старшаго штабъ-офицера, засѣданія открываются при сборѣ простого большинства штабъ и оберъ-офицеровъ; но члены полкового суда не могутъ входить въ счетъ голосовъ при рѣшеніи дѣла, хотя имъ не должно быть возбранено присутствовать и даже объяснять дѣло при докладѣ. Такимъ образомъ, отсутствіе больныхъ, командированныхъ и оставшихся по экстренности дѣлъ при своихъ частяхъ штабъ и оберъ-офицеровъ не было бы помѣхою теченія дѣлъ общаго собранія. Подобныя собранія принесли бы двойную пользу: въ 1-хъ, они бы оказывали подсудимому правосудіе и

уничтожали бы произволъ; во 2-хъ, они пріучали бы молодыхъ офицеровъ къ судебнымъ пріемамъ и приготовляли бы ихъ къ судебнымъ должностямъ. Но не стѣснили-ли бы подобныя собранія офицеровъ?.. Намъ кажется, что они даже необходимы, потому что способствовали бы къ передачѣ офицерами другъ другу идей и выработали бы въ нихъ способность говорить публично; равно такія собранія заставили бы ихъ изучить основательно всѣ обязанности военной службы и всѣ ея требованія. Да и самъ полковой командиръ, въ подобныхъ собраніяхъ, познакомился бы не только съ умственными способностями своихъ подчиненныхъ, но и съ ихъ знаніемъ военнаго дѣла и его условій.

Но видно, что проектъ комиссіи выработался случайно; открывается это изъ того, что вопросъ о лишеніи права апелляціи нижнихъ чиновъ не встрѣтилъ всеобщаго сочувствія...

Большинство, т. е., 7 членовъ,—откровенно высказалось, что предложенное ими правило было основано на томъ: что полковые суды похожи на дисциплинарные комитеты, создаваемые для облегченія командирамъ справедливаго и правильнаго употребленія ими довольно обширной ихъ власти *въ наложеніи административныхъ взысканій*, чѣмъ на суды, облеченные всею обстановкою и всѣми атрибутами дѣйствительнаго суда. Смѣшивать въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ такіе два разнородные элемента юридическіе, дѣйствующіе съ различныхъ исходныхъ точекъ, было бы неудобно. Допустить такое смѣшеніе было бы равносильно—или отклоненію командировъ отъ всякаго вліянія *на рѣшеніе* дѣлъ, возникающихъ по маловажнымъ проступкамъ, или подченіе мнѣнія командировъ, по каждому изъ сихъ дѣлъ, рѣшенію военнаго суда. Въ обоихъ случаяхъ значительно пострадало бы нравственное вліяніе командировъ на нижнихъ чиновъ, а слѣдовательно—и воинская дисциплина. [1])

Выше я уже опровергъ тотъ взглядъ, по которому многіе, подобно Бентаму, полагаютъ, что вся сила дисциплины заключается въ правѣ военно-начальника судить и наказывать. Взглядъ этотъ даже у насъ въ Россіи устарѣлъ и нашолъ себѣ охужденіе уже въ наказѣ Екатерины II: потому что дисциплина держится на всей организаціи арміи, на чувствѣ долга и патріотизмѣ, который долженъ быть присущъ каждому

---

[1]) Члены, подавшіе это мнѣніе, были: Крыжановскій, кн. Оболенскій, Дрентельнъ, Беренсъ, Философовъ, Варрандъ, Горковенко.

военному; и такъ какъ страхъ наказаній скорѣе деморализуетъ арміи, чѣмъ вноситъ въ нихъ благоустройство, энергію и отвагу, ведушія арміи къ побѣдамъ... Но если остановиться на взглядѣ комиссіи, что условія дисциплины требуютъ, чтобы власть командира была безконтрольна въ отношеніи наложенія дисциплинарныхъ наказаній, то спрашивается, къ чему же тогда служитъ форма полкового суда?.. Въ подобномъ случаѣ судъ этотъ становится только одною комедію или фарсомъ, и—больше ничего. Но на это вы, быть можетъ, возразите, что все же въ формѣ этой заключается та гарантія для солдата, что если полковой судъ пойдетъ противъ мнѣнія полкового командира, то этотъ долженъ будетъ—одно изъ двухъ: или согласиться съ мнѣніемъ суда, или перенести дѣло въ окружной судъ. На это я возражу, что сомнительно, чтобы члены суда, назначаемые на эти должности полковыми командирами и находящіеся въ совершенной его зависимости, рѣшились бы идти противъ его мнѣнія; поэтому рѣшенія ихъ, вѣроятно, по большей части согласуются съ его взглядами, а это равносильно тому, что суда этого вовсе нѣтъ.

Одинъ съ членовъ комиссіи, г. Глѣбовъ, находилъ также несправедливымъ лишать солдатъ права апелляціи и въ протестѣ своемъ объяснилъ, что по мнѣнію его, полковые и экипажные суды не имѣютъ и отнюдь не должны имѣть характера дисциплинарнаго установленія, такъ какъ они учреждаются для разбора не тѣхъ маловажныхъ проступковъ, которые разбираютъ и рѣшаютъ начальники *лично*, по принадлежащей имъ дисциплинарной власти, но тѣхъ именно дѣлъ, которыя по большей ихъ важности требуютъ наказанія свыше того, какое, на основаніи положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, можетъ быть налагаемо начальниками, по собственному ихъ усмотрѣнію. Въ виду этого, полковые суды вѣрнѣе сравнить съ окружными судами, рѣшающими дѣла безъ участія присяжныхъ; а такъ какъ на всѣ рѣшенія послѣднихъ допускаются отзывы въ областную палату, то, сколько для приданія полковымъ судамъ истиннаго судебнаго значенія, столько же и въ предусмотрѣніи дѣйствительно могущихъ случаться ошибокъ или неправильностей въ рѣшеніи полковыхъ судовъ, крайне полезно предоставить подсудимымъ, во всѣхъ случаяхъ, когда это возможно, жаловаться на полковые суды военнымъ судамъ. Съ мнѣніемъ этимъ большинство не согласилось, а 2 члена [1]) согласились только—предоставить нижнимъ чинамъ право апелляціи на рѣшенія полковыхъ

[1]) Фриде, Томсенъ.

судовъ, когда они приговорены къ переводу въ разрядъ *штрафныхъ*. Но 7 членовъ на это возразили, «что если у полкового командира будетъ отнято право окончательно утверждать переводъ изъ одного разряда въ другой нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему полка, то командиры упустятъ изъ рукъ своихъ всякую возможность поддерживать въ частяхъ, подъ ихъ начальствомъ состоящихъ, строгую нравственность и утратятъ все моральное вліяніе на подчиненныхъ. Отнявъ у командировъ средства налагать это строгое взысканіе за безнравственные поступки, справедливость требуетъ снять съ нихъ отвѣтственность за дурное поведеніе подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ; а въ такомъ случаѣ войско перестанетъ быть защитою мирныхъ гражданъ и сдѣлается само первымъ и опаснѣйшимъ нарушителемъ общественнаго спокойствія и всеобщей безопасности».

Взглядъ этотъ совершенно ошибоченъ, потому что если поступокъ нижняго чина будетъ дѣйствительно безнравственъ и доказанъ, то его не спасутъ никакія апелляціи и онъ попадетъ, по рѣшенію суда, въ штрафные; слѣдовательно цѣль законодателя будетъ достигнута, и безнравственные нижніе чины выйдутъ изъ полка. Поэтому, съ отнятіемъ отъ полкового командира права наказывать, вовсе не отнимается отъ него право—удалять изъ полка безнравственныхъ людей, а уничтожается лишь произволъ и вводится справедливость и законность — предметы, которые не только не могутъ повредить значенію начальствующихъ, но напротивъ того возвысятъ еще болѣе ихъ значеніе.

Затѣмъ въ заключеніе, о полковыхъ судахъ, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли допускать въ полковые суды и унтеръ-офицеровъ, голоса раздѣлились на половину: одни находили необходимымъ допустить ихъ, другіе—нѣтъ. *Первые* аргументировали свои положенія слѣдующимъ образомъ: 1) лучшій и справедливѣйшій судья въ проступкахъ солдатскихъ есть конечно товарищъ его—нижній чинъ. Въ нашей арміи офицеры отличаются отъ нижнихъ чиновъ не только болѣе высокимъ чиномъ, но и сословными различіями, а потому офицерамъ и невозможно знать во всѣхъ, такъ сказать, изгибахъ тѣ нравственныя, психологическія причины и побужденія, которыми руководятся въ интимной жизни своей нижніе чины. Офицеры конечно могутъ опредѣлить, что дѣйствіе, совершенное нижнимъ чиномъ, преступно предъ закономъ; но они не въ состояніи оцѣнить всѣхъ побудительныхъ причинъ, побудившихъ нижняго чина совершить такое преступное дѣйствіе. Обстоятельство это особенно важно въ оцѣнкѣ при-

чины побѣговъ: ибо офицеры поступаютъ на службу по доброй волѣ, а нижній чинъ—по неволѣ. Между тѣмъ за первый и второй побѣгъ нижніе чины будутъ, согласно вышеизложенному, судимы въ полковыхъ судахъ. 2) Присутствіе унтеръ-офицера въ полковомъ судѣ будетъ служить важнымъ пособіемъ для разъясненіи дѣла, возвысить довѣріе къ этому дѣлу нижнихъ чиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подниметъ въ глазахъ ихъ званіе унтеръ-офицера. 3) Назначеніе унтеръ-офицера членомъ полкового суда, едва ли можетъ быть опасно въ отношеніи военной дисциплины, по крайней мѣрѣ на практикѣ мы видимъ противное: ротные командиры и другіе начальники частей весьма часто совѣтуются по дѣламъ о нижнихъ чинахъ съ своими старшими унтеръ-офицерами, и дисциплина отъ этого не страдаетъ. 4) Но при этомъ было бы *опасно* въ числѣ членовъ полковыхъ судовъ допускать болѣе одного унтеръ-офицера; потому что нижній чинъ, могущій быть весьма полезнымъ при разъясненіи обстоятельствъ дѣла и побудительныхъ причинъ совершеннаго проступка, при окончательномъ рѣшеніи дѣла, по положенію своему, въ большей части случаевъ, не рѣшится противорѣчить предсѣдателю полкового суда. Если при такихъ обстоятельствахъ въ числѣ судей будетъ не одинъ, а нѣсколько унтеръ-офицеровъ, то они придадутъ предсѣдателю значительный перевѣсъ надъ прочими членами полкового суда.

Мы нарочно выписали все мнѣніе, такъ какъ оно противорѣчитъ всѣмъ основнымъ положеніямъ проэкта комиссіи въ отношеніи полкового суда; чѣмъ доказывается, что она составила его съ предвзятыми идеями, безъ серьезнаго теоретическаго обсужденія его системы. Половина членовъ комиссіи сознаетъ, что офицеры едва ли въ состояніи будутъ быть судьями тѣхъ психическихъ явленій и той внутренней жизни, которую нижній чинъ переживаетъ на службѣ и которыя побуждаютъ его иногда совершать проступокъ, безъ яснаго сознанія его преступности. Поэтому вообще полковой судъ, назначенный изъ офицеровъ, оказывается неудовлетворительнымъ; но онъ становится крайне несовершеннымъ еще вслѣдствіе лишенія нижнихъ чиновъ права выбора судей. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ общаго теоретическаго своего несовершенства, онъ—съ одной стороны, лишаетъ еще нижняго чина того права, которымъ онъ внѣ службы пользовался, т. е., права избирать себѣ судей; съ другой стороны, самый судъ является какимъ-то произвольнымъ учрежденіемъ, вовсе не въ видѣ суда, а въ видѣ—собранія начальниковъ. Поэтому-то другая половина комиссіи была послѣдовательна, когда отвергла мнѣніе первой половины, чтобы

допустить въ присутствіе суда одного унтеръ-офицера. Спрашивается, какую роль могъ бы играть этотъ нижній чинъ, въ обществѣ офицеровъ—его начальниковъ, которые обязаны свои рѣшенія согласовать съ мнѣніемъ командира полка? Если бы допустить участіе и унтеръ-офицеровъ въ судѣ, то необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустить подсудимаго апеллировать на рѣшеніе полкового суда; необходимо допустить, чтобы онъ имѣлъ защитника; необходимо самимъ судьямъ дать тѣ гарантіи независимости, которыя существуютъ для судовъ мировыхъ и общихъ.

Но послѣднее трудно или лучше—невозможно осуществить въ отношеніи судовъ полковыхъ. Между же тѣмъ существованіе ихъ необходимо для предметовъ дисциплинарныхъ, потому что войска, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, не могутъ подчиниться суду мировому. Вслѣдствіе этого является необходимость по дѣламъ этимъ имѣть спеціальный судъ и если въ немъ невозможно, для независимости и самостоятельности судей, дать имъ форму судовъ мировыхъ или общихъ, то по крайней мѣрѣ: а) слѣдуетъ предоставить нижнимъ чинамъ право выбора; б) слѣдуетъ предоставить имъ—право имѣть защитниковъ и право апеллировать или въ общіе или въ военно-окружные суды (въ мѣстахъ ихъ существованія), или общему собранію офицеровъ полка, и отдѣльной части; в) слѣдуетъ предоставить имъ право подачи кассаціонной жалобы — или въ главный военный судъ, или въ военно-морской кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, о которомъ будетъ говорено мною ниже.

II. О составѣ военныхъ судовъ.

Разсматривая проектъ комиссіи о составѣ и условіяхъ военныхъ и морскихъ судовъ, невольно убѣждаешься въ томъ, что они совершенно излишни. Одно изъ существенныхъ условій каждаго государственнаго учрежденія заключается въ томъ, чтобы оно: 1) возникало вслѣдствіе крайней необходимости и общественной потребности; 2) чтобы оно не обходилось дорого государству.

Если же учрежденіе не имѣетъ этихъ необходимыхъ условій, то оно несостоятельно.

Выше я уже доказалъ, что существованіе военныхъ судовъ не составляетъ вовсе необходимаго условія дисциплины, и что поэтому нѣтъ и на-

добности замѣнять въ мирное время совершенный общій уголовный судъ, судомъ менѣе совершеннымъ. Но такъ какъ комиссія остановилась на предположеніи, что будто бы необходимость военнаго суда вытекаетъ изъ требованія войска: а) чтобы военные были судимы военными же; б) и что различіе жизни военныхъ отъ жизни гражданскихъ лицъ вызываетъ такія условія состава военнаго суда, какихъ нѣтъ въ судахъ общихъ,—а потому я считаю долгомъ замѣтить, что въ первоначальномъ проектѣ комиссіи нѣтъ тѣхъ элементовъ, которые доказали бы справедливость основныхъ положеній комиссіи.

Такъ по первоначальному ея проекту: 1) военные суды должны быть постоянные; 2) члены суда раздѣляются на двѣ категоріи—постоянныхъ и временныхъ; вторые по совѣсти рѣшаютъ вопросъ о фактѣ, первые прилагаютъ къ ихъ вердикту законъ; 3) назначеніе постоянныхъ членовъ предоставляется военному министру и одного изъ нихъ изъ гражданскаго вѣдомства, не исключая даже и предсѣдателя, но съ правомъ смѣняемости; а составленіе списковъ временныхъ членовъ предоставляется высшему воинскому начальнику; 4) въ судѣ есть прокуроръ-обвинитель и адвокатъ-защитникъ; 5) кассаціонная жалоба разрѣшается и подсудимому, и прокурору.

Изъ этого мы видимъ, что по этому проекту разница военнаго суда отъ общаго заключалась бы только въ слѣдующихъ чертахъ: 1) что преданіе суду было бы не въ рукахъ судебныхъ палатъ, а начальства; 2) что постоянные члены не пользовались бы правомъ несмѣняемости.

Съ грѣхомъ пополамъ мы готовы были бы согласиться, что эти два условія будто бы вытекаютъ изъ требованія и сущности воинской дисциплины; но спрашиваемъ, какая же разница была бы между военнымъ судомъ и общимъ, когда предполагалось, что и въ первомъ 1 членъ и даже предсѣдатель будутъ невоенные?.. Развѣ только въ меньшемъ его совершенствѣ, чѣмъ суды общіе: потому что одинъ гражданскій членъ ничего не подѣлаетъ съ 2 голосами военными.

«Неоспоримый, говоритъ комиссія, недостатокъ вполнѣ подготовленныхъ юристовъ, для замѣщенія должностей предсѣдателей и членовъ суда, заставляетъ предполагать, что въ первое время военное супопроизводство будетъ ведено далеко несовершенно. Найдется, конечно, не малое число лицъ, которыя, привлеченныя хорошимъ денежнымъ окладомъ, пожелаютъ быть предсѣдателями и членами военныхъ судовъ, но будутъ ли достаточно къ тому подготовлены, въ томъ можно усомниться».

Мы же къ этому присовокупимъ, что мы вообще сомнѣваемся въ томъ, чтобы эти недостатки были лишь временные; вѣрнѣе же всего, что они будутъ присущи всегда военнымъ судамъ. Причина заключается въ томъ, что военные люди, какъ уже говорено мною выше, никогда не могутъ, въ военно-юридическихъ академіяхъ и за тѣмъ въ судебной своей практикѣ, получить такія твердыя теоретическія начала и такой ясный практическій взглядъ, какъ это мы находимъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ; поэтому несовершенство военныхъ судовъ, сравнительно съ общими судами—останется навсегда ихъ существеннымъ недостаткомъ. Это и имѣло въ виду большинство комиссіи; а потому 7 членовъ и проэктировали—смѣняемость судей. Но 3 члена [1]) находили несправедливымъ лишать воиновъ, жертвующихъ жизнію своею отечеству, общихъ гарантій праваго суда, а потому они полагали — несмѣняемость (inamoviBilité) установить и въ военныхъ судахъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ отношеніи общихъ судовъ.

Эти разнорѣчія въ основныхъ принципахъ проекта военныхъ судовъ—съ одной стороны, доказываютъ невозможность самостоятельнаго существованія этихъ судовъ; съ другой—обнаруживаютъ убѣжденіе большинства знатоковъ дѣла, что устроенные на менѣе совершенныхъ началахъ, чѣмъ суды общіе, суды военные нарушатъ, безъ всякой существенной пользы дѣлу, естественное право военно-служащихъ—имѣть совершенный и правый судъ [2]).

III. О составѣ генеральнаго военнаго суда [3]).

Назначеніе генеральнаго суда, по проекту комиссіи, не будетъ состоять въ рѣшеніи дѣлъ по существу, а только въ наблюденіи за охраненіемъ точной силы законовъ и за единообразнымъ его примѣненіемъ всѣми военными судами и въ завѣдываніи вообще всею военно-судебною частью.

---

[1]) Беренсъ, Горковенко и Томсенъ.

[2]) О военныхъ прокурорахъ, защитникахъ и слѣдователяхъ я буду говорить во 2-ой части настоящаго тома, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я буду разсматривать спеціально эти предметы.

[3]) Ниже мы увидимъ, что названіе генеральнаго суда неодобрено высшимъ правительствомъ.

Установленіе же для военнаго и морского вѣдомства одного общаго кассаціоннаго суда, съ назначеніемъ въ него военныхъ и морскихъ членовъ, было бы, по мнѣнію комиссіи, сопряжено съ большими практическими неудобствами.

Неудобства эти, по ея мнѣнію, суть слѣдующія:

1) «Что, по спеціальности военной и въ особенности морской службы, многія дѣла, касающіяся преимущественно преступленія по службѣ, требуютъ для разрѣшенія основательнаго знанія быта и всѣхъ вообще условій военной и морской службы, и по такимъ дѣламъ половина членовъ кассаціоннаго суда, т. е., къ вѣдомству коихъ разрѣшаемыя дѣла не относятся, не имѣя надлежащихъ по сему предмету спеціальныхъ знаній, будетъ устранять себя отъ обсужденія этихъ дѣлъ или подчинится мнѣнію прочихъ членовъ, и слѣдовательно, фактически, въ одномъ общемъ кассаціонномъ судѣ—дѣла морского вѣдомства будутъ разсматриваться одними членами, а дѣла военнаго вѣдомства—другими».

Но на это можно возразить, что, въ подобномъ случаѣ, исправить зло нетрудно: правила морской дисциплины ничѣмъ не отличаются отъ требованій службы военной и если между ними есть разность, то она относится лишь къ сущности самой службы. Но разсмотрѣніе сущности самой службы вовсе не есть предметъ кассаціоннаго суда. Судъ кассаціонный неразсматриваетъ вовсе вопросы по существу, т. е., совершенно-ли преступное дѣяніе или—нѣтъ; слѣдовательно ему нѣтъ и надобности знать о существѣ тѣхъ нарушеній, которыя составляли предметъ суда, а онъ обязанъ лишь наблюдать—правильно ли окружной судъ производилъ дѣло и правильно ли онъ приложилъ законъ военно-уголовнаго уложенія къ данному случаю. Вопросы же эти—чисто юридическіе и не имѣютъ ничего общаго съ спеціальными условіями ни военной, ни морской службы. Такъ напримѣръ, командиръ парохода обвиняется судомъ въ постановкѣ его на мель, по неосмотрительности и нерадѣнію. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, необходимъ экспертизмъ, для опредѣленія силы и значенія самаго факта: потому что судъ, для постановленія своего рѣшенія, обязанъ разсмотрѣть въ подробности всѣ обстоятельства дѣла, сопровождавшія постановку парохода на мель: что требуетъ знанія морского дѣла, весьма сложнаго и требующаго много техническихъ знаній. Но спрашивается, если, на основаніи этого экспертизма, судъ пришолъ уже къ опредѣленному заключенію и произнесъ опредѣленный приговоръ, неподлежащій отмѣнѣ, о томъ, «что такой то Х... обвиняется въ умышленной или не-

осторожной постановкѣ парохода на мель»,—то кассаціонному суду ничего неостается только, какъ справиться съ уложеніемъ о наказаніяхъ, для объясненія—правильно ли или не правильно окружной судъ приложилъ законъ. Въ этомъ случаѣ ненужно ужь спеціальныхъ знаній морского и военнаго дѣла, а нужны только—юридическая опытность и теоретическое знаніе законовъ. Поэтому мы вообще находимъ, что генеральный судъ могъ бы состоять вообще изъ однихъ юристовъ, нежели изъ военныхъ и морскихъ чиновъ; потому что цѣль кассаціоннаго суда чисто формальная и юридическая, безъ всякаго соотношенія къ тому или другому отдѣлу техники. Это значеніе кассаціоннаго суда мы находимъ и въ общихъ судахъ, по предметамъ касающимся экспертизма вообще: такъ напримѣръ, въ дѣлахъ уголовно-судебной медицины и въ другихъ случаяхъ, гдѣ судъ свое постановленіе основываетъ на присяжныхъ показаніяхъ экспертовъ. Это же значеніе долженъ сохранять и военно-морской кассаціонный судъ—иначе онъ будетъ не судомъ кассаціоннымъ, а судомъ ревизіоннымъ: что уже несовмѣстно съ идеею о кассаціи вообще и въ особенности—съ идею о кассаціонномъ судѣ. Наконецъ мы, въ заключеніе, должны сказать, что военно-морской генеральный судъ могъ бы быть раздѣленъ на два самостоятельныхъ отдѣленія, на подобіе кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената: слѣдовательно и исчезли бы сами по себѣ тѣ причины, о которыхъ говоритъ комиссія.

2) Далѣе комиссія говоритъ: «кромѣ того, учрежденіе одного кассаціоннаго суда какъ для морского, такъ и для военнаго сухопутнаго вѣдомства, влечетъ за собою разрѣшеніе вопроса о томъ—въ вѣдѣніи какого именно министерства долженъ состоять этотъ судъ, т. е., военнаго или морского, и какъ бы этотъ вопросъ ни былъ разрѣшонъ, нельзя будетъ избѣгнуть столкновеній между этими двумя министерствами, другъ-другу неподчиненными и дѣйствующими во всемъ самостоятельно.» Но на это возразить можно, что вообще никакой судъ недолженъ состоять ни въ вѣдѣніи министерства, ни быть ему подчиненнымъ: иначе, и торжественно провозглашенный, принципъ—объ отдѣленіи власти исполнительной отъ судебной, оказывается только условнымъ; между тѣмъ какъ, для осуществленія праваго суда, это отдѣленіе должно быть безусловно. Въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ—какъ, напримѣръ, въ Англіи, для совершеннаго устраненія министерства отъ вліянія на судъ, посредникомъ между короной и судомъ является предсѣдатель палаты Лордовъ, Лордъ-Канцлеръ. Онъ представляетъ королевѣ объ избранныхъ кандида-

тахъ въ мировые судьи, въ государственные суды и онъ же представляетъ коронѣ кандидатовъ на избраніе изъ государственныхъ судей въ члены парламента. Такимъ образомъ, такъ какъ коронѣ изъ 2 кандидатовъ предоставлено отвергнуть только одного, то и подобное участіе администраціи въ назначеніи судей не можетъ имѣть никакого вреднаго вліянія на самостоятельность суда. Въ континентальныхъ же европейскихъ государствахъ, гдѣ только администрація принимаетъ участіе въ назначеніи судей, тамъ рекомендація судей верховному главѣ государства предоставляется первому министру—главѣ кабинета. Слѣдовательно аргументы комиссіи не могутъ относиться къ государствамъ конституціоннымъ. Наконецъ, можно избѣгнуть столкновеній министерствъ—военнаго и морского, если раздѣлить генеральный военный судъ на два отдѣленія. Но въ подобномъ случаѣ, скажете вы, все равно, что образовать два самостоятельныхъ суда. На это я отвѣчу, что—не все равно:

а) Независимо отъ того, что, при самостоятельности этихъ обоихъ судовъ, потребуются лишніе расходы—какъ въ отношеніи помѣщенія, такъ и въ отношеніи многихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: экзекуторовъ, казначеевъ, курьеровъ и т. д. б) но самая идея о существованіи трехъ кассаціонныхъ судовъ: правительствующаго сената и генеральныхъ судовъ—военнаго и морского,—несовмѣстна съ идеею о томъ, что судебная власть въ государствѣ — едина и что верховныя ея права переданы правительствующему сенату, въ лицѣ его департаментовъ. Поэтому было бы болѣе согласно съ достоинствомъ судебной власти, если бы при правительствующемъ сенатѣ былъ открытъ военно-морской департаментъ, съ раздѣленіемъ, пожалуй, этого департамента на два самостоятельныхъ отдѣленія: военное и морское. Такимъ образомъ проблемма разрѣшилась бы сама собою: военно-морской генеральный судъ, подчиняясь условіямъ назначенія сенаторовъ и условіямъ ихъ несмѣняемости, былъ бы вполнѣ самостоятельнымъ представителемъ военно-судной власти въ государствѣ. Необходимость послѣдняго не только основана на теорттическихъ соображеніяхъ, но имѣетъ основанія и историческія: потому что, какъ мы ниже увидимъ, въ теченіи всего прошлаго вѣка правительствующему сенату принадлежала верховная военно-судная уголовная власть; слѣдовательно, съ возвращеніемъ правительствующему сенату этой власти, законодательство стало бы только на историческую почву и осуществило бы только основную идею Петра I-го— о судебномъ значеніи правительствующаго сената.

3) Но видно, что комиссія глядѣла не съ надлежащей юридической точки зрѣнія на военно-морской кассаціонный судъ. Это доказывается слѣдующимъ:

а) Допустивъ полнѣйшее вмѣшательство въ его дѣла администраціи, комиссія допускаетъ вторженіе этого суда въ дѣла законодательства. Государственный совѣтъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, призналъ, въ числѣ органическихъ недостатковъ прежняго нашего суда, вмѣшательство его въ дѣла законодательныя; поэтому одно изъ первыхъ постановленій основныхъ положеній судебной реформы есть предписаніе суду—рѣшать дѣла на точномъ основаніи законовъ, безъ всякаго вмѣшательства его въ дальнѣйшее его развитіе, что уже составляетъ предметъ другой отрасли государственной власти, а именно, предметъ законодательнаго сословія. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ отношеніи общихъ судовъ, мы по этому предмету находимъ слѣдующія законоположенія: *во первыхъ*, ст. 9, уст. граж. судопр., въ которой постановлено: «всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ». Законъ этотъ разъясненъ рѣшеніемъ кассац. гражд. депар. сената въ 1867 № 47, слѣдующимъ образомъ: что суды обязаны всякій споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшать силою того закона, которымъ опредѣлено и охранено право, подвергшееся спору.» 10 ст. того же устава постановляетъ: «что воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. За нарушеніе этого правила виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи». Гражданскій (кассаціонный департаментъ, въ 1866 г. № 32-мъ, пояснилъ этотъ законъ тѣмъ, что возбужденіе вопросовъ о неполнотѣ законовъ не входитъ въ кругъ обязанностей судебныхъ установленій, а исключительно предоставлено лицамъ прокурорскаго надзора (ст.: 136 учреж. судеб.; окончательное же сужденіе по симъ вопросамъ принадлежатъ законодательной власти». *Во вторыхъ*, такимъ образомъ мы видимъ, что въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ не только законъ устраняетъ судебную власть отъ вопросовъ законодательность; но и самъ сенатъ устраняетъ себя отъ этого предмета. Тоже самое повторено и въ ст.: 12 и 17 устава уголовн. судопр. Комиссія сознаетъ необходимость этого же самого; но почему то находитъ полезнымъ, на будущее время, предоставить генеральнымъ военнымъ судамъ обсужденіе всѣхъ зако-

нодательныхъ вопросовъ по военно-судной части и по законамъ о наказаніяхъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣнія этихъ судовъ вносились военнымъ министромъ или генералъ-адмираломъ, установленнымъ порядкомъ, въ государственный совѣтъ. Участіе не только высшихъ, но и низшихъ судебныхъ мѣстъ, при теоретической и практической разработкѣ права, вообще полезно; поэтому законодательныя комиссіи, составляющія проэкты статутовъ, уставовъ и уложеній, всегда, во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, запрашиваютъ мнѣнія всѣхъ вообще судебныхъ учрежденій; потомъ составляются своды этихъ мнѣній, по отдѣльнымъ предметамъ, и докладываются законодательному сословію. Въ подобномъ смыслѣ участіе судебныхъ учрежденій, или иначе, судебныхъ практиковъ-юристовъ можетъ принести огромную пользу законодательной власти; но если кассаціонному суду предоставить право входить, непосредственно, по каждому данному случаю, съ представленіемъ къ законодательному сословію для разъясненія или пополненія законовъ, то—съ одной стороны, введется въ судебныя рѣшенія произволъ; съ другой стороны, кассаціонному суду откроется обширное поприще вторгаться въ область власти законодательной: что, какъ уже говорено мною, составляетъ такой же органическій недостатокъ суда, какъ и обратно—вторженіе администраціи въ область суда.

б) Комиссія допускаетъ возможность существованія въ государствѣ 3 военныхъ кассаціонныхъ судовъ: въ Петербургѣ, въ Сибири и на Кавказѣ. Необходимость этого дробленія она объясняетъ не только отдаленностью этихъ мѣстъ отъ Петербурга, но и тѣмъ, что, по статистическимъ даннымъ, въ этихъ краяхъ нерѣдко встрѣчаются преступленія, которыя имѣютъ свойственный этимъ только мѣстностямъ характеръ... Если на этихъ причинахъ основывать учрежденіе особыхъ кассаціонныхъ судовъ, то значитъ, что каждая данная мѣстность можетъ сослаться на особенность свойства возникающихъ тамъ проступковъ и преступленій, и поэтому можетъ требовать учрежденія для себя спеціальнаго кассаціоннаго суда. Но подобныя требованія были бы неосновательны: потому что, если въ какомъ нибудь государствѣ существуетъ одно общее уложеніе, то и долженъ быть одинъ общій кассаціонный судъ, наблюдающій за правильнымъ исполненіемъ этого уложенія. Притомъ, хотя различныя экономическія и мѣстныя условія и вызываютъ въ разныхъ мѣстностяхъ проявленіе преступности воли въ различныхъ сферахъ, но тѣмъ не менѣе преступность вездѣ сохраняетъ общій свой

типъ и приложеніе къ нему закона поэтому весьма просто. Такъ напримѣръ: жизнь китайца или японца и ихъ міросозерцаніе совершенно отличаются отъ европейскаго, и вслѣдствіе этого тамъ проявляются такіе роды и виды преступности, которые не могутъ возникнуть, положимъ, въ Россіи. Однако же, тѣмъ не менѣе, если бы тамошній мѣстный судъ сказалъ, что такой-то виноватъ въ совершеніи такого-то проступка, то, справясь по китайскому уложенію — какое наказаніе опредѣляетъ за этотъ родъ проступковъ законъ, не трудно было бы, не только въ Петербургѣ, но даже на лунѣ опредѣлить родъ наказанія. Слѣдовательно, приложеніе закона вовсе не зависитъ отъ причинъ, вызывающихъ спеціальность проступковъ или преступленій, а отъ большаго или меньшаго знанія законовъ страны и отъ большаго или меньшаго умѣнья прилагать ихъ къ даннымъ случаямъ. Сама комиссія, ратовавшая, въ началѣ проэкта своего, даже въ отношеніи окружныхъ судовъ, чтобы, во имя спеціальности воинскихъ обязанностей, допустить гражданскій элементъ въ окружномъ судѣ только въ количествѣ 1 члена—на весь составъ суда, та же комиссія, въ отношеніи генеральнаго суда, допускаетъ ужь возможность назначить туда всѣхъ членовъ изъ гражданскаго вѣдомства, кромѣ предсѣдателей... Итакъ, все сводится на то, что при недостаткѣ военныхъ и морскихъ чиновъ, способныхъ присутствовать въ генеральныхъ судахъ, составъ ихъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената; поэтому какая же надобность въ самостоятельности этихъ судовъ?.. Не для того ли, чтобы они, нерѣдко, противорѣчили судамъ общимъ и не для того ли, чтобы они вторгались одинъ въ область другого, въ особенности по прекаціямъ морского и военнаго вѣдомства?.. Даже въ отношеніи одного и того же военнаго предмета могутъ быть не только прекаціи генеральныхъ судовъ—петербургскаго, кавказскаго и сибирскаго; но неизвѣстно будетъ — чьимъ заключеніямъ дать перевѣсъ и какъ понимать одни и тѣ же военные законы. Такъ что, безъ преувеличенія можно сказать, что въ Россіи, на Кавказѣ и въ Сибири иначе будутъ пониматься и иначе прилагаться одни и тѣ же законы. Независимо отъ этихъ теоретико-практическихъ неудобствъ, учрежденіе на Кавказѣ и въ Сибири независимыхъ генеральныхъ судовъ нельзя было уже потому допустить, что это же пришлось бы сдѣлать и въ отношеніи гражданскаго и уголовнаго права, потому что отдаленность этихъ мѣстъ отъ Петербурга и особенность право—нарушеній остаются и по этимъ предметамъ. Но коль скоро законодатель-

ство не допустило изъятія по гражданскому и уголовному праву, то этого нельзя не допустить и по военно-морскому праву. Въ заключеніе же долгомъ считаю присовокупить, что, какъ мы ниже увидимъ, хотя и опредѣлено въ основныхъ положеніяхъ военно-судной реформы, что отдѣленія главнаго военнаго суда на Кавказѣ и Сибири должны руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ тѣмъ толкованіемъ закона, какой придастъ послѣднему главный С.-Петербургскій военный судъ, но такъ какъ оба отдѣленія будутъ *независимы*, то законъ этотъ едвали будетъ имѣть практическое примѣненіе.

IV. *Военно-уголовное судоустройство для военнаго времени* [1]).

Понятіе о полевыхъ уголовныхъ судахъ не можетъ имѣть теоретическаго оправданія, а основано оно отчасти на практическихъ началахъ, отчасти—на историческихъ воспоминаніяхъ и вытекаетъ, непосредственно, изъ понятія о правѣ войны.

Практическія основанія полевого суда суть: а) существенныя условія дисциплины во время войны, которыя необходимы не только для правильныхъ маневровъ арміи и для единодушнаго ея дѣйствія противъ непріятеля, но и для удержанія порядка въ ней и уничтоженія мародерства; б) дѣйствіе армій внѣ отечества, въ отдаленности, а потому затруднительность отсылки туда воиновъ для суда; в) бездѣйствіе гражданскихъ судовъ въ мѣстахъ, находящихся въ осадномъ положеніи и занятыхъ непріятелемъ, потому что, въ подобномъ случаѣ, никто не можетъ заставить судей общихъ судовъ не покидать этихъ мѣстъ; г) необходимость—быстро удалять изъ арміи и въ мѣстахъ, ею занятыхъ, всѣхъ лицъ, препятствующихъ ей совершать ея дѣйствія, и лицъ, производящихъ въ ней и между жителями безпорядокъ; д) наконецъ многіе юристы, и въ томъ числѣ Бентамъ, находятъ въ этомъ судѣ еще и устрашительное начало, а именно—что судъ этотъ, страхомъ наказаній, удерживаетъ дисциплину въ войскѣ. Хотя я мало вѣрю въ устрашительное начало не только поле-

---

[1]) См. сборн. законодательныхъ работъ по сост. военно-судеб. устав. 1867, стр. 74—84.

выхъ судовъ, но и—строгихъ и жестокихъ наказаній, однако въ одномъ отношеніи нельзя съ почитателями этого начала не согласиться, что полевой судъ убѣждаетъ солдата въ необходимости подчиниться условіямъ дисциплины и если преступникъ на глазахъ войска получаетъ наказаніе, то является въ солдатѣ, если не полное убѣжденіе, то, по крайней мѣрѣ, страхъ неизбѣжности этого наказанія. Страхъ этотъ, конечно, дѣйствуетъ не на всѣхъ одинаково, но, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Устрашительное начало недѣйствительно тамъ, гдѣ между кровавымъ наказаніемъ и вновь задуманнымъ преступленіемъ проходитъ значительный промежутокъ времени—какъ это бываетъ въ наказаніяхъ, опредѣлямыхъ общими или чрезвычайными судами. Въ этихъ случаяхъ жестокія наказанія только озлобляютъ, а не устрашаютъ общество. Но во время войны, когда періодъ времени коротокъ, въ подобномъ случаѣ устрашительное начало всегда достигаетъ цѣли. Если же война продолжительна, какъ, напримѣръ, у насъ было на Кавказѣ, то полевой судъ и его устрашительныя начала ослабѣваютъ. Такъ, всѣмъ извѣстенъ фактъ, что не смотря на запрещеніе, подъ страхомъ смертной казни, солдаты и казаки постоянно продавали черкесамъ порохъ и пули; шпіонство со стороны непріятеля было также развито въ высшей степени, и тутъ не помогало наказаніе—разстрѣливанье. Слѣдовательно, полевой уголовный судъ можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда война кратковременна; иначе онъ порождаетъ только напрасную трату людей и служитъ лишь для самаго несправедливаго и вопіющаго истребленія человѣческаго рода.

Полевой судъ имѣетъ еще историческія основанія. Вездѣ и у всѣхъ народовъ воины были почетнѣйшимъ сословіемъ въ государствѣ, и во главѣ войска стоялъ глава государства; поэтому, у всѣхъ народовъ воинство и глава государства имѣли въ рукахъ своихъ и въ мирное время судебную власть. На этомъ основаніи и въ военное время эта власть тѣмъ болѣе оставалась за ними, что она служила имъ орудіемъ для удержанія въ войскѣ дисциплины. Съ введеніемъ же регулярныхъ войскъ въ Европѣ и съ переходомъ къ главнокомандующимъ арміями верховныхъ правъ главы государства на командованіе арміями, къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стала переходить и власть судебная. Власть эта, при небольшихъ отрядахъ, сосредоточивалась иногда въ коллективной власти всего отряда; а съ увеличеніемъ армій, она сосредоточивалась—или въ рукахъ спеціальныхъ постоянныхъ или временныхъ судовъ, организованныхъ изъ

чиновъ арміи, по каждому дѣлу особо. Въ послѣднемъ видѣ практическая потребность вызвала и у насъ учрежденіе полевого суда.

Но по теоріи, полевой судъ не можетъ быть оправданъ: *это насиліе во имя насилія*. Понятіе полевого суда вытекаетъ изъ понятія о правѣ войны. Что такое война—какъ не самое грубое, жестокое, безчеловѣчное употребленіе силы?.. Всеобщая исторія человѣчества всѣхъ временъ и мѣстъ, начиная отъ первобытнаго человѣка, представляетъ намъ войну въ видѣ—борьбы за существованіе, за идеи, за религію, за свободу, за независимость, за династическіе и народные интересы, за территоріи, за оскорбленія и за множество другихъ матерьяльныхъ и нравственныхъ причинъ; но во всей этой борьбѣ право всегда находилось на сторонѣ простого преобладанія силы. Съ древнѣйшихъ временъ до настоящей второй половины XIX вѣка, народы возвышались, падали и исчезали; религіи исчезали и торжествовали; цивилизація принимала ту или другую форму,—вовсе не вслѣдствіе какихъ либо принциповъ и духовныхъ силъ, а лишь вслѣдствіе того, что то или другое духовное начало проявлялось при болѣе или менѣе благопріятныхъ *матерьяльныхъ* обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что успѣхъ исламизма и обширность его пропаганды вовсе не обязаны внутреннему достоинству этой религіи, а тому, что воинственныя племена Аравіи распространяли его съ оружіемъ въ рукахъ. Тоже самое было и съ греческою и римскою цивилизаціею: въ началѣ греки, а потомъ римляне, съ оружіемъ въ рукахъ вносили плоды своей цивилизаціи въ Азію, Африку, внутрь Европы и на ея окраины. Ниневія, Вавилонъ, Персидское, Іудейское и Египетское царства, греческія государства, Карѳагенъ и Римъ — падаютъ и исчезаютъ вовсе не вслѣдствіе какого-либо внутренняго разложенія, а они гибнутъ подъ гнетомъ грубой силы другихъ народовъ. На развалинахъ этихъ государствъ и цивилизацій наростаютъ новые элементы, съ новыми началами; но и эти новыя народности ведутъ между собою кровавую борьбу, и вездѣ торжествуютъ не какія-либо идеи, а грубая сила, подъ названіемъ права войны. Даже въ настоящее время мы не освободились отъ этого кошемара; но только съ тѣмъ различіемъ противу среднихъ вѣковъ, что нынѣ въ Европѣ причинъ къ войнѣ сдѣлалось менѣе, чѣмъ было это прежде. Но тѣмъ не менѣе народныя отношенія находятся еще въ хаотическомъ состояніи вслѣдствіе стремленій искуственныхъ государствъ къ удержанію своего историческаго значенія, и вслѣдствіе стремленій

національностей къ слитію и образованію государствъ изъ народовъ Послѣдній принципъ вѣроятно восторжествуетъ и когда народы успѣютъ объединить разрозненныя свои части, то тогда лишь сдѣлается возможною мирная федерація народовъ, безъ вооруженій, армій и войны, и тогда, само собою разумѣется, падетъ и право войны, какъ продуктъ грубой, физической силы.

До того же времени, идеи Генриха IV, великіе принципы 1789 г., манифестъ Оуэна о всеобщемъ мирѣ и пропоганда о томъ же швейцарскаго международнаго конгресса, останутся однѣми утопіями, безъ всякаго практическаго примѣненія: потому что тогда лишь извѣстная идея можетъ восторжествовать, когда ей не препятствуетъ физическая сила. Поэтому нужно прежде устранить тѣ элементы, которые даютъ физической силѣ преобладаніе и которые, приводя въ столкновеніе матерьяльныя силы препятствуютъ осуществленію идей прогресса и цивилизаціи. Пока же этого не будетъ, до тѣхъ поръ нечего и мечтать объ уничтоженіи права войны.

Такимъ образомъ право войны, опираясь единственно на правѣ силы, не можетъ имѣть никакихъ теоретическихъ оправданій, потому что разореніе и истребленіе людей, и плодовъ ихъ многовѣковыхъ трудовъ не могутъ быть оправданы никакими тенденціями... Вотъ почему и полевой судъ, вытекая изъ такого грубаго понятія, какъ право войны, не можетъ имѣть также никакихъ теоретическихъ основаній. Такъ напримѣръ, право войны повелѣваетъ мнѣ—умерщвлять въ бою непріятеля, и если я не хочу этого сдѣлать и оставляю полѣ битвы, то является полевой судъ, который растрѣливаетъ меня, какъ нарушителя дисциплины. Здѣсь, очевидно, для осуществленія силы употребляется сила, безъ всякаго ея соотношенія къ требованіямъ разума и человѣческой природы. На этомъ основаніи, наука допускаетъ полевой судъ только какъ совершившійся фактъ, необходимый по теперешнему положенію международныхъ отношеній; но отвергаетъ его по принципу, какъ продуктъ грубой силы, проистекающій отъ несовершенства международныхъ отношеній.

Поэтому теоріи остается только наблюдать, чтобы полевой судъ, по возможности, былъ усовершенствованъ, т. е., чтобы, по возможности, сдѣлать его безпристрастнымъ и поставить его внѣ тѣхъ вліяній, которыя вообще составляютъ несовершенство суда.

Переходя къ обсужденію правилъ военноуголовнаго судоустройства и судопроизводства для военнаго времени, военно-морская комиссія, прежде

всего, находила необходимымъ уяснить себѣ настоящее значеніе *постановленія арміи или части ея на военное положеніе*.

Въ большей части случаевъ подъ выраженіемъ «постановить армію на военное положеніе» разумѣютъ—привести извѣстныя части ея въ полную готовность двинуться въ походъ и открыть военныя дѣйствія, или принять участіе въ начатой уже другими войсками компаніи; иначе говоря—укомплектовать армію людьми, лошадьми и матерьяльною частью по штатамъ военнаго времени. Но армія или части ея укомплектовываются, по штатамъ военнаго времени, не тогда уже, когда война объявлена, а—въ предвидѣніи ея, такъ что нерѣдко, если предвидѣніе не сбывается, армія, поставленная въ боевую готовность, остается въ такомъ положеніи, болѣе или менѣе долгое время, безъ военныхъ дѣйствій. Въ этихъ случаяхъ армія, хотя и приведенная, по обще-принятому выраженію, въ военное положеніе, не нуждается еще въ немедленномъ примѣненіи къ ней всѣхъ правилъ и условій дѣйствительной войны. Поэтому-то комиссія нашла нужнымъ допускать полевой судъ, когда войска будутъ поставлены «*въ боевое положеніе*». Это мнѣніе совершенно логично, потому что если допускать полевой судъ какъ необходимое зло, то допускать его какъ крайность и на случай лишь неотразимой необходимости; иначе каждая фальшивая политическая тревога и дипломатическая передряга, вызывающія нерѣдко постановку арміи на военную ногу, вводили бы полевой судъ, въ ущербъ интересамъ человѣчества и вопреки здравому смыслу.

2) «На ряду такихъ условій, продолжаетъ комиссія—одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ—необходимость введенія болѣе строгой, чѣмъ въ мирное время, системы наказаній и нѣкоторыхъ измѣненій въ правилахъ о подсудности и порядка производства суда».

Съ этимъ уже нельзя согласиться, потому что: а) вовсе не жестокость наказаній удерживаетъ въ военное время дисциплину армій, а вся ея организація и устройство такого суда, который бы быстро возстановилъ нарушенный порядокъ, такъ чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, для примѣра другихъ—преступникъ получилъ наказаніе. Слѣдовательно, мысль о неизбѣжности суда въ мѣстѣ совершенія проступка можетъ быть достаточнымъ устрашительнымъ началомъ; поэтому нѣтъ никакой надобности увеличивать самыя наказанія.

3) «Полное примѣненіе къ арміи, поставленной въ боевое положеніе правилъ подсудности, по мнѣнію комиссіи, оказывается неисполнимымъ.

Армія въ военное время состоитъ не изъ однихъ военныхъ. Ее сопровождаютъ и при разныхъ отдѣльныхъ частяхъ ея находятся не только гражданскіе чиновники, но и лица гражданскаго вѣдомства, какъ-то: вольные художники, составители газетныхъ статей, ученые и иностранцы, мастера оружейные и разныхъ издѣлій, вольные люди, служащіе по найму, подрядчики, поставщики, маркитанты и т. п. Всѣ эти лица могутъ совершать преступленія и притомъ вредить успѣху арміи, а потому необходимо подчинить ихъ тѣмъ же строгимъ правиламъ, какимъ подчиняются военные».

Это совершенно справедливо, потому что если частное лицо добровольно вступаетъ въ составъ арміи, то оно этимъ добровольно подчиняется всѣмъ его условіямъ; иначе армія вправѣ не принять его въ свой составъ, изъ опасенія, что частное лицо будетъ препятствовать его дѣйствіямъ.

4) Обращаясь затѣмъ къ организаціи судоустройства и судопроизводства полевого суда, комиссія остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) что онъ долженъ слѣдовать за дѣйствующею арміей; б) что если его устроить при дивизіонныхъ штабахъ, то составъ его обременитъ эти штабы при ихъ передвиженіяхъ, и что военное министерство не можетъ располагать потребнымъ для этого числомъ людей, достаточно подготовленныхъ для исполненія важныхъ обязанностей по судебной части, и что нельзя разсчитывать на возможность командированія въ армію значительнаго числа лицъ изъ постоянныхъ судовъ мирнаго времени; в) что потребность въ военныхъ судахъ мирнаго расположенія войскъ можетъ нѣсколько уменьшиться, но не вовсе уничтожиться: потому что вмѣсто дѣйствующихъ войскъ, ушедшихъ въ компанію, будутъ сформированы запасныя и мѣстныя войска; слѣдовательно, если и можно надѣяться въ военное время позаимствовать отъ постоянныхъ судовъ мирнаго времени нѣкоторое число служащихъ въ нихъ лицъ, то все же въ числѣ недостаточномъ для сформированія того количества военныхъ судовъ, какое окажется нужнымъ по числу дивизій въ арміи.

Эти показанія комиссіи для насъ чрезвычайно важны. Вообще устройство военныхъ судовъ въ мирное время она основывала на томъ, чтобы, на случай войны армія имѣла готовый судебный институтъ; [1]) а тутъ

---

[1]) «Система судоустройства должна быть примѣнима безъ особыхъ затрудненій къ военному времени». Докладъ ком. въ сборникѣ закон. работъ по составленіи военно-суд. устава изд. 1867 г. стр. 14.

все сведено къ тому, что, на случай войны, армія останется все-таки безъ правильно организованнаго суда... Но для насъ непонятно, почему бы общіе суды не могли надѣлять, на случай войны, военное министерство судьями?.. Если бы каждый окружной судъ уступилъ ей по 1 члену, 1 товарищу прокурора и 1 судебному слѣдователю, судебный штатъ общихъ судовъ нисколько не потерпѣлъ бы въ краткій періодъ военнаго времени, а военное министерство пріобрѣло бы только образованныхъ и дѣльныхъ судей; кромѣ этого, и мировой институтъ могъ бы снабдить министерство огромнымъ количествомъ судей. Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что военные суды, на случай войны, въ цѣломъ своемъ составѣ, могли бы слѣдовать за арміями, а общіе суды могли бы ихъ замѣнить для запасныхъ войскъ и резервовъ. Но комиссія не проэктировала ни того, ни другого, и вышло, что военные суды существуютъ сами по себѣ для мирнаго времени и не принесутъ никакой пользы для военнаго времени. Спрашивается, послѣ этого, къ чему же повелъ весь крикъ о необходимости военныхъ судовъ, причемъ ссылались на требованія дисциплины etc... и къ чему военнымъ, въ мирное время, подчиняться дорогому несовершенному суду?.. [1]) Для того, отвѣчу я, что подобный судъ учрежденъ и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ благоразумныя европейскія правительства вмѣстѣ съ дѣйствующею арміею, отправляютъ и ея судъ. У насъ же, военный судъ, будучи драгоцѣннымъ перломъ для мирнаго времени, снабдитъ въ военное время армію, быть можетъ, только слѣдователями, прокурорами и генеральными судьями, да и то—я сомнѣваюсь, чтобы и на это у него достало средствъ: потому что, по обширной его юрисдикціи, для него останется работа по резервамъ и запаснымъ войскамъ. А между тѣмъ судъ этотъ крайне дорого обходится правительству. Такъ, одинъ почитатель этихъ судовъ, сдѣлалъ вычисленіе, что по николаевскому морскому суду онъ нашелъ. что если разложить стоймость его на тѣ предметы, которые онъ преслѣдовалъ, то выйдетъ, что розысканіе виновнаго въ покражѣ матроской

---

[1]) Полевой судъ, какъ мы ниже увидимъ отвергнутъ основными положеніями военно-судной реформы; поэтому постоянные судьи должны будутъ послѣдовать за арміею. Въ подобномъ же случаѣ, войска, находящіяся въ Имперіи, останутся безъ военныхъ судовъ; слѣдователяно ихъ и нельзя будетъ трогать на случай войны. Какой же судъ будетъ имѣть дѣйствующая армія?..

шинели стоитъ казнѣ 360 руб. сер. Въ какой мѣрѣ вѣрна вообще эта цифра въ отношеніи военныхъ судовъ, и въ частности николаевскаго морского, предоставляю судить болѣе компетентнымъ лицамъ въ этомъ дѣлѣ, я же съ своей стороны могу только замѣтить, что если военный судъ, въ полномъ своемъ составѣ, не можетъ быть употребленъ въ военное время, то не было и надобности ни сочинять его, ни расходовать на него огромныя суммы. Войска же на мирное время слѣдовало бы подчинить общимъ судамъ, а на случай войны—составить полевой судъ изъ готоваго уже института общихъ судовъ. Такимъ образомъ и деньги государства пошли бы на другія надобности арміи и флота; да и судъ былъ бы совершеннѣе, чѣмъ онъ нынѣ окажется.

Комиссія же найдя, что постоянные военные суды останутся только для мирнаго времени и не могутъ снабдить судебнымъ институтомъ армію и флотъ въ военное время, остановилась на мысли: не удержать ли на военное время прежнюю *систему комиссіи?..*

Но система эта, по мнѣнію редакціонной комиссіи, представляла слѣдующія неудобства:

1) Отсутствіе въ судѣ этомъ людей, юридически подготовленныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей, потому что большинство членовъ военно-судныхъ комиссій, наряжаемыхъ изъ строевыхъ офицеровъ, до такой степени мало знакомо какъ съ существомъ судебныхъ дѣлъ, такъ и съ формами судопроизводства, что изъ боязни нарушенія ихъ, суды, въ большей части случаевъ, слѣдуютъ указаніямъ аудитора, который въ одно и тоже время исполняетъ должности обвинителя, судьи и секретаря.

2) Зависимость этого суда отъ административной власти. Кромѣ общей зависимости этого суда отъ высшихъ начальниковъ, есть еще нѣкоторая связь болѣе тѣсная и вредная между мнѣніемъ начальника и заключеніемъ суда, такъ какъ отъ начальника зависитъ назначеніе извѣстныхъ ему судей для разбора извѣстнаго ему дѣла. Наконецъ и аудиторъ, главный руководитель суда и обвинитель, лично подчиненъ высшему начальнику.

Въ виду этихъ, сознанныхъ комиссіею недостатковъ, она сочинила тѣ же самые военносудныя комиссіи, только переименовавъ ихъ въ *полевой военный судъ*. Вотъ его начала:

1) Въ каждой дивизіи пѣхотной и кавалерійской въ арміи, поставленной въ боевое положеніе, учреждается одинъ *полевой военный судъ*—

изъ предсѣдателя штабъ-офицера и шести судей оберъ-офицеровъ, въ числѣ которыхъ могутъ быть и штабъ-офицеры. Предсѣдатель и члены должны назначаться начальникомъ дивизіи или отряда изъ наличнаго состава офицеровъ, состоящихъ въ войскахъ.

Значитъ—судей назначитъ главный начальникъ изъ числа своихъ подчиненныхъ... Какая же разница съ прежнимъ порядкомъ назначенія членовъ военносудныхъ комиссій?.. Какое же тутъ устраненіе вліяній?.. А видите ли, чтобы изъять членовъ суда отъ вліянія начальства, комисія проэктировала, что бы предсѣдатель суда оставался на своей должности 1 годъ, а члены 4—мѣсяца; но вмѣстѣ съ тѣмъ—проэктъ не освобождаетъ ни предсѣдателя, ни членовъ отъ строевой службы... Прошу покорно сообразить, что это за мудреная гарантія безпристрастія и самостоятельности судей: на нихъ возлагаются двойныя обязанности, и если въ отношеніи суда они не подчинены непосредственнымъ своимъ начальникамъ, то—въ отношеніи строевой службы. Поэтому членъ суда, выходя изъ суда, можетъ подвергнуться всѣмъ условіямъ воинской дисциплины и если онъ не угодитъ въ судѣ начальнику, то онъ можетъ всегда и во всякое время притиснуть его по строевой его службѣ... Но для какой надобности комиссія проэктировала двойность этихъ обязанностей и дѣйствительно ли они возможны?.. Мы понимаемъ такъ, что сама комиссія вѣроятно сомнѣвалась въ возможности исполненія судьями двойственныхъ ихъ обязанностей; но такъ какъ она остановилась на предположеніи, что постоянные суды при дивизіяхъ могутъ обременять ихъ штабы во время передвиженій, то ей пришлось проэктировать непостоянные суды. Но дѣло въ томъ, что—съ одной стороны, развѣ проэктируемый его судъ не постоянный?.. Назначеніе предсѣдателя на 1 годъ и членовъ на 4 мѣсяца—вовсе не дѣлаютъ его судомъ непостояннымъ, а только, въ извѣстный періодъ времени, можетъ измѣниться составъ членовъ суда. Да и самое это измѣненіе гадательное, потому что не легко найти людей способныхъ къ занятію судейскихъ должностей, и начальство, единожды найдя ихъ, едва ли рѣшится, при окончаніи термина ихъ службы, замѣнить ихъ менѣе способными людьми. Мысль же, что эти судьи, будто бы, необременятъ дивизіонные штабы, также едва ли осуществима: потому что судьи едва ли въ состояніи были бы исполнять и строевыя обязанности. Спрашиваемъ: есть ли малѣйшая вѣроятность, чтобы въ военное время, когда глазъ офицера необходимо долженъ слѣдить шагъ-за-шагомъ за солдатомъ, чтобы онъ могъ, кромѣ непосредственной своей обязанности, испол-

нять еще—судейскую. При томъ извѣстно, что дивизіи, въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣйствуютъ въ полномъ своемъ составѣ и во время войны не только дивизіи, но иногда и полки, раздѣляются и дѣйствуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ, смотря по ходу военныхъ операцій. Какъ же, въ подобныхъ случаяхъ, совмѣщать эту двойственность обязанностей: обязанность судьи будетъ удерживать меня при штабѣ; обязанность строевого офицера заставитъ меня идти съ ротою, эскадрономъ или батальономъ въ другую мѣстность. Наконецъ, штабъ дивизіи бываетъ иногда расположенъ на десятки верстъ далѣе своихъ частей. За примѣрами нечего идти: крымская война подтверждаетъ справедливость словъ. Пѣхотные и кавалерійскіе полки были такъ разрознены, что одни находились подъ Силистріею подъ начальствомъ князя Паскевича; а другіе, въ Севастополѣ, подъ начальствомъ князя Меньшикова. Какъ же вы, въ подобномъ случаѣ, осуществили бы идею о совмѣстимости двойственныхъ обязанностей членовъ суда?.. Независимо отъ этихъ практическихъ неудобствъ, мы находимъ, что дивизіонные судьи были бы, по судной своей части, обременены такимъ огромнымъ количествомъ занятій, что они должны были бы оставаться постоянно при судахъ: иначе военносудныя дѣла были бы всецѣло въ рукахъ секретарей; судьи же, прибывъ на короткое время въ дивизіонный штабъ, не читая, подписывали бы накопившіяся бумаги. Поэтому нѣтъ надобности и въ судьяхъ, а слѣдовало бы оставить однихъ секретарей, въ рукахъ которыхъ будетъ вся военносудная власть. Но имѣетъ ли это хоть какой нибудь смыслъ?.. На этомъ основаніи, пришлось бы судей оставлять при штабахъ и освобождать ихъ отъ строевой службы; но въ подобномъ случаѣ исчезаютъ и тѣ причины, по которымъ комиссія проэктировала, на случай войны, учрежденіе менѣе совершенныхъ судовъ, чѣмъ въ мирное время. Но комиссія вмѣсто того, чтобы прійти къ этому заключенію, единственною гарантіею правильности полевого суда постановила: а) что судьи полевого суда должны удовлетворять условіямъ, требуемымъ отъ *временныхъ* членовъ мирнаго времени, т. е., должны быть неопороченные судомъ и имѣть служебную опытность *для правильнаго сужденія* о преступленіяхъ, требующихъ спеціальныхъ знаній военной службы; б) что судьями могутъ быть только тѣ офицеры, которые прослужили не менѣе 4 лѣтъ въ строевой службѣ...

Какъ видите гарантіи очень слабыя для правосудія, такъ какъ по нашему мнѣнію, несостояніе подъ судомъ и слѣдствіемъ и 4 лѣтнее про-

хожденіе строевой службы—есть плохая школа и слабая аттестація не только для юриспруденціи, но и вообще въ отношеніи развитости...

2) При обсужденіи затѣмъ вопроса: слѣдуетъ ли въ составъ военныхъ полевыхъ судовъ по дѣламъ о генералахъ командировать лицъ генеральскихъ чиновъ, мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились: *одни* [1]) находили не только по дѣламъ о генералахъ, но и что о штабъ-офицерахъ слѣдуетъ командировать въ полевой судъ лицъ, по званію равныхъ послѣднимъ, именно: по дѣламъ генераловъ—3 генераловъ, а по дѣламъ штабъ-офицеровъ—3 штабъ-офицеровъ, съ тѣмъ, чтобы старшій изъ нихъ занималъ мѣсто предсѣдателя, а три младшихъ члена выбывали. Это мнѣніе они подтвердили тѣмъ соображеніемъ, «что правильное сужденіе о дѣйствіяхъ этихъ лицъ могутъ имѣть лица въ одинаковыхъ съ подсудимымъ положеніяхъ, способные оцѣнить и судить объ основательности обвиненія, чего нельзя ожидать отъ обыкновенныхъ судей полевого суда, въ числѣ которыхъ, за исключеніемъ предсѣдателя, могутъ быть одни оберъ-офицеры, *по молодости* лѣтъ незнакомые съ особыми обязанностями начальствующихъ лицъ въ военное время. Въ огражденіе положенія старшихъ и устраненія преобладанія младшихъ офицеровъ надъ старшими, установленіе вышеприведеннаго правила оказывается необходимымъ».

По мнѣнію другихъ членовъ комиссіи [1]), «выраженное выше начало имѣетъ свое справедливое основаніе, но принятіе его въ томъ видѣ, какъ оно предложено, явно противорѣчитъ другому началу, вслѣдствіе котораго отвергнуто назначеніе судей на извѣстное дѣло: такъ какъ при подобномъ назначеніи начальникъ можетъ руководствоваться личными своими видами, дабы дѣло получило желаемый имъ исходъ. Съ другой стороны, выраженное опасеніе—объ отсутствіи элемента старшинства въ полевомъ военномъ судѣ по этимъ дѣламъ, устраняется *ревизіею* дѣлъ въ высшей инстанціи, которую предполагается образовать преимущественно изъ генераловъ и старшихъ чинами лицъ, а потому, признавая необходимымъ, чтобы по дѣламъ о генералахъ присутствовало, въ качествѣ предсѣдателя, лицо, по положенію своему, соотвѣтствующее важному, въ военномъ быту, званію подсудимаго генерала,—они, 4 члена, полагаютъ, но

---

[1]) 6 членовъ: князь Оболенскій, Дрентельнъ, Берепсъ, Глѣбовъ, Варрандъ, Горковенко.

[1]) Крыжановскаго, Философова, Фриде и Томсена.

дѣламъ о генералахъ, командировать—для исполненія обязанностей предсѣдателя, одного генерала, причемъ предсѣдатель суда, штабъ-офицеръ, обращается въ судью, а младшій изъ судей выбываетъ».

Съ обѣими этими мнѣніями нельзя согласиться безусловно: первое мнѣніе, прикрываясь *молодостью* судей, заключаетъ въ себѣ совершенно раціонально ту идею, что подчиненные не должны быть судьями своихъ начальниковъ. Такъ какъ теорія не допускаетъ возможности безпристрастія, когда начальники становятся судьями своихъ подчиненныхъ, то она же не можетъ допустить и обратнаго отношенія; потому что въ обоихъ случаяхъ могутъ дѣйствовать личности и эгоистическія чувства, несовмѣстныя съ условіями самостоятельности и безпристрастности мнѣнія. Поэтому мы согласны съ мнѣніемъ большинства, что предоставленіе младшимъ судить старшихъ весьма опасно, даже еще болѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда дѣлается обратное. Начальникъ имѣетъ меньше мотивовъ питать злобу къ подчиненному, чѣмъ эти — къ своему начальнику: первый можетъ быть угнетателемъ, вторые — угнетенные; слѣдовательно вторые могутъ еще имѣть гарантіею безпристрастнаго суда—совѣсть своего начальника и общественное мнѣніе; злоба же вторыхъ противъ начальствующаго, который ихъ угналъ, можетъ повести ихъ Богъ знаетъ къ какой несправедливости и жестокости. Исторія человѣчества представляетъ множество тому примѣровъ. Но на это меньшинство возражаетъ, что судъ дивизіонный неокончательно рѣшаетъ дѣло, а что высшій генеральный полевой судъ будетъ ревизовать его рѣшенія; но на это я отвѣчу, что дѣлопроизводство первой степени суда всегда важнѣе дѣлопроизводства второй степени: потому что первая степень по горячимъ слѣдамъ производитъ дѣло, а потому она, собирая, такъ сказать, весь матерьялъ, входящій въ составъ ея рѣшенія, можетъ, при пристрастіи, не только упустить все то, что служитъ къ оправданію подсудимаго, но искажать даже самые факты. Поэтому вообще на первую степень суда не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто переходное, а какъ—на судъ, который собираетъ и обнаруживаетъ предварительно весь процессуальный матерьялъ. На этомъ основаніи, хотя ревизія дѣла высшею инстанціею, во многихъ случаяхъ, и можетъ быть гарантіею правильности судебныхъ приговоровъ, но во многихъ случаяхъ упущенія первой инстанціи сдѣлаются невознаградимыми, для возстановленія истины и правосудія. Въ особенности, въ военное время, малѣйшее упущеніе первой степени суда можетъ совершенно измѣнить значеніе всего процесса. Такъ напримѣръ: я могу ссылаться на мѣстныхъ жителей

непріятельской страны, временно занятой дѣйствующими войсками или я могу сослаться на своихъ подчиненныхъ. Военный судъ съ умысломъ не допрашиваетъ тотчасъ тѣхъ и другихъ; между тѣмъ на завтра—походъ обратно домой или же—сраженіе, въ которомъ погибаютъ свидѣтели моей невинности... Какъ будетъ судить о моемъ дѣлѣ ревизіонный судъ, когда тѣхъ лицъ, которыя могли бы свидѣтельствовать по моему дѣлу нельзя уже допросить. Подобныхъ случаевъ можетъ быть множество; поэтому дѣйствія первой степени суда, въ особенности въ военныхъ судахъ, имѣютъ огромное значеніе. Но на это меньшинство возражаетъ, что предсѣдательствующій генералъ можетъ оградить подсудимаго генерала отъ пристрастія младшихъ членовъ; на это я отвѣчу, что предсѣдательствующій генералъ будетъ обыкновенный смертный, могущій стать подъ вліяніе своихъ младшихъ членовъ, тѣмъ болѣе, что мнѣніе его будетъ только 1 голосъ, а остальныхъ будетъ 5 голосовъ. Поэтому я нахожу обѣ проэктированныя формы крайне несовершенными и вообще полагаю, что генераловъ арміи, флота и гвардіи не слѣдуетъ вовсе подчинять обыкновенному полевому суду, дивизіонному, а ихъ бы слѣдовало подчинять въ военное время полевому суду генеральному, какъ первой инстанціи, съ правомъ апелляціи въ генеральный военный судъ — существуетъ ли онъ въ настоящемъ видѣ или въ видѣ кассаціоннаго департамента правительствующаго сената.

Предположеніе мое основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) преданіе генераловъ суду есть дѣло весьма рѣдкое, а потому подобныхъ дѣлъ бываетъ немного за все время компаніи; слѣдовательно генеральный полевой судъ нисколько не обременится этими дѣлами, если они будутъ переданы ему какъ первой инстанціи. б) Хотя послѣдствія нарушенія дисциплины и долга службы генераломъ, ведутъ за собою значительнѣйшія послѣдствія, чѣмъ проступки и преступленія нижнихъ чиновъ, оберъ и штабъ-офицеровъ; но безпорядокъ, сдѣланный генераломъ, можетъ быть прекращенъ однимъ лишь немедленнымъ удаленіемъ его отъ должности и командованія; между тѣмъ какъ безпорядокъ въ арміи требуетъ немедленнаго суда и взысканія, потому что въ противномъ случаѣ армія можетъ быть деморализована. Или другими словами: легче отдѣлаться отъ одного нарушителя порядка, чѣмъ отъ многихъ. Вотъ почему, при совершеніи преступленій многими лицами, слѣдуетъ принимать болѣе энергическія мѣры, чѣмъ при совершеніи проступка однимъ лицомъ. По этимъ основаніямъ тѣ причины, которыя вызываютъ необходимость военнаго суда

при совершеніи преступленій нижними чинами, оберъ и штабъ-офицерами, не могутъ имѣть мѣста въ отношеніи генераловъ, преступленія которыхъ могутъ быть, поэтому, судимы совершенно въ другихъ формахъ и не такъ поспѣшно, какъ преступленія первыхъ. При томъ, сужденіе объ извѣстномъ распоряженіи генерала требуетъ болѣе хладнокровнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія, нежели проступки и преступленія лицъ подчиненныхъ или, лучше сказать — второстепенныхъ въ арміи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя Суворовскія дѣйствія во время второго турецкаго похода могли бы вызвать со стороны полеваго суда не только осужденіе, но и разстрѣляніе Суворова; между тѣмъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ геніемъ Суворова, оказывалось, что онъ обязанъ былъ той быстротѣ своихъ движеній, которыя вызывали во многихъ случаяхъ охужденія, своимъ побѣдамъ. По этимъ причинамъ я полагалъ бы, что дѣйствія генераловъ могли бы быть обсуждаемы генеральнымъ полевымъ судомъ только какъ первою инстанціею. Въ этомъ случаѣ полевой судъ могъ бы принести ту существенную пользу, что онъ на мѣстѣ дѣйствій генерала могъ бы объизслѣдовать всесторонно всѣ обстоятельства дѣла; военный же генеральный судъ явился бы здѣсь только посредникомъ между имъ и подсудимымъ.

3) Ревизіонный судъ, по мнѣнію комиссіи, подъ именемъ полевого генеральнаго суда долженъ состоять при главной квартирѣ арміи. Имѣя назначеніемъ блюсти за правильностью рѣшеній, дабы никто не понесъ наказанія свыше вины, а равнымъ образомъ, чтобы совершенное преступленіе не осталось безъ должнаго преслѣдованія и кары, генеральный полевой военный судъ долженъ вѣдать поступающія изъ полевого военнаго суда дѣла, по которымъ подсудимый не оправданъ или по которымъ послѣдовалъ протестъ со стороны прокурора. Вслѣдствіе этого въ составъ членовъ этого суда должны быть назначаемы лица достаточно свѣдущія и практически знакомыя съ судебною частью и при томъ не на извѣстный періодъ времени, а на все время продолженія войны. Судъ этотъ, по мнѣнію комиссіи, долженъ состоять изъ предсѣдателя и 6 членовъ, назначенныхъ высочайшею властью. Предсѣдатель и три члена должны преимущественно назначаться изъ членовъ генеральнаго военнаго суда и должны быть въ генеральскихъ чинахъ, а другіе члены могутъ быть назначаемы и изъ штабъ-офицеровъ...

И такъ, все сведено было на то, что изъ всего военнаго института полевой судъ можетъ пріобрѣсти только судей въ генеральный полевой

судъ; но какъ хотите, а для этого не стоитъ издерживать мильоны руб. сереб. на содержаніе въ мирное время цѣлаго штата военно-морскихъ судовъ.

II Заключенія о военно-морскомъ судоустройствѣ соединеннаго присутствія военнаго и морского генералъ-аудиторіатовъ, генералъ-адмирала, военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ [1]).

При разсмотрѣніи проэкта военно-морского судоустройства соединенное присутствіе военно-морского аудиторіата пришло къ разногласію, которое касается или главныхъ основаній составленнаго комиссіею проэкта преобразованія военносудной части или лишь подробностей развитія этихъ главныхъ началъ.

Поэтому и мы коснемся только первыхъ, такъ какъ они одни лишь важны для теоріи. Самыя же разногласія воспослѣдовали по слѣдующимъ предметамъ:

а) О временныхъ членахъ военныхъ судовъ.

б) Объ отмѣнѣ на будущее время теоріи доказательствъ.

в) Объ установленіи при производствѣ военно-судныхъ дѣлъ, вмѣсто ревизіоннаго, кассаціоннаго порядка.

а) *О временныхъ членахъ военныхъ судовъ.* Выше мы видѣли, что комиссія подсластила свою микстуру о военныхъ судахъ раздѣленіемъ членовъ его—на временныхъ и постоянныхъ; что первые должны разсматривать вопросъ о фактѣ, а вторые должны прилагать къ дѣлу законъ. Это, какъ видите — нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ, рѣшающихъ дѣла по совѣсти. Но 12 членовъ соединеннаго аудиторіата, вообразивъ, что это въ самомъ дѣлѣ — судъ присяжныхъ, испугались этого либеральнаго учрежденія, основываясь на томъ, что судъ присяжныхъ, введенный учредительнымъ собраніемъ 1789 года во Франціи, будто бы, по

---

[1]) См. высочайше утвержденный всеподданнѣйшій ихъ докладъ отъ 25 окт. 1865 г., въ сборникѣ закон. работъ по составленію военно-судебнаго устава, стр. 137—162.

его неудобопримѣнимости къ свойству военныхъ преступленій и вреднымъ послѣдствіямъ для дисциплины, отмѣненъ національнымъ конвентомъ, въ 1796 году. Мы же на это замѣтимъ, что уничтоженіе для арміи суда присяжныхъ національнымъ конвентомъ вовсе не доказываетъ, чтобы великіе принципы 1789 года были непрактичны, а доказываютъ только, что національный конвентъ шолъ назадъ, а не впередъ. Что же касается до замѣчанія почтенныхъ членовъ аудиторіата о томъ, что временные члены военныхъ судовъ суть нововведеніе и что это тотъ же судъ присяжныхъ, то большинство членовъ аудиторіата (19) весьма логично возразило: что они рѣзко отличаются отъ нихъ—какъ по способу назначенія, такъ и тѣми условіями, которыя должны соединять въ себѣ временные члены военныхъ судовъ. Присяжные избираются изъ всѣхъ сословій и классовъ общества и единственнымъ условіемъ для нихъ постановляется—достиженіе извѣстнаго возраста и неопороченность судомъ. Между тѣмъ временныхъ членовъ военныхъ судовъ не предполагается избирать изъ числа всѣхъ военнослужащихъ, а они должны быть *назначаемы начальствомъ* изъ офицеровъ... Такимъ образомъ иллюзія о томъ, что будто бы проэтированный военный судъ есть тотъ же судъ присяжныхъ сама собою рушится, въ виду логическаго опредѣленія того и другого большинствомъ соединеннаго аудиторіата. Министерство [1]) же, соображая вышеизложенныя два мнѣнія, нашло, что какъ меньшинство, такъ и большинство членовъ соединеннаго присутствія не отвергаютъ пользы составленія военныхъ судовъ изъ членовъ постоянныхъ и временныхъ, и затѣмъ произшедшее разногласіе относится лишь къ опредѣленію круга обязанностей, которыя должны быть возложены на тѣхъ и другихъ членовъ военныхъ судовъ. Въ этомъ отношеніи большинство полагаетъ полезнымъ предоставить временнымъ членамъ военнаго суда разрѣшеніе одного только вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, съ тѣмъ чтобы примѣненіе закона предоставлено было однимъ постояннымъ членамъ. Напротивъ, меньшинство находитъ необходимымъ возложить исполненіе тѣхъ и другихъ обязанностей какъ на временныхъ, такъ и на постоянныхъ членовъ военнаго суда. По правиламъ, принятымъ большинствомъ, къ каждому періоду засѣданія военнаго суда должны быть

---

[1]) Подъ именемъ министерства я здѣсь подразумѣваю общее заключеніе министровъ: военнаго и морского, и Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала.

назначаемы четыре штабъ и восемъ оберъ-офицеровъ, изъ коихъ въ рѣшеніи дѣла должны участвовать, въ качествѣ временныхъ членовъ военнаго суда, по жребію, два штабъ и четыре оберъ офицера. Такой порядокъ состава временныхъ членовъ, при возложеніи на нихъ обязанности рѣшать одни только вопросы о винѣ или невинности подсудимыхъ, даетъ поводъ къ *уподобленію* временныхъ членовъ военнаго суда съ присяжными засѣдателями, установленными по гражданскому вѣдомству. Хотя постановленныя условія для избранія временныхъ членовъ изъ ограниченнаго числа извѣстныхъ своею службою офицеровъ и самый способъ назначенія ихъ начальствомъ, показываютъ существенное различіе между этимъ установленіемъ и присяжными, но тѣмъ не менѣе это различіе не устраняетъ возможности сравненія временныхъ членовъ съ учрежденіемъ присяжныхъ, такъ какъ на тѣхъ и на другихъ возлагается одна только обязанность—рѣшать вопросъ о винѣ или не винѣ подсудимаго [1]). Между тѣмъ раздѣленіе судейскихъ обязанностей мы не встрѣчаемъ въ военныхъ судахъ западной Европы. Во всѣхъ этихъ государствахъ, кромѣ Швейцаріи, офицеры, назначаемые для исполненія судейской должности, рѣшаютъ какъ вопросы о винѣ или невинности подсудимыхъ, такъ и вопросы о наказаніи виновныхъ по законамъ [2]). Въ виду такого указанія не представляется основанія, безъ видимой необходимости, дѣлать въ этомъ случаѣ у насъ исключеніе изъ общепринятаго правила [3]). Въ подкрѣпленіе мнѣнія о необходимости представленія временнымъ членамъ только рѣшенія фактическаго вопроса, приводится то соображеніе, что

---

[1]) Если бы у кого нибудь была охота дѣлать это сравненіе, то это имѣло бы такой же смыслъ, какъ сравненіе турецкаго кадія съ нашимъ мировымъ судьею; но изъ того, что у кого нибудь есть охота дѣлать подобныя сравненія, не слѣдуетъ еще, чтобы самое учрежденіе имѣло характеръ, который желаютъ ему придать.

[2]) Но во всей Европѣ военныя лица подсудны военнымъ судамъ только по дѣламъ нарушенія дисциплины, а у насъ—по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ; слѣдовательно положеніе вопроса совершенно другое.

[3]) Неужели мы вѣчно должны дѣлать только то, что дѣлаютъ нѣмцы и французы?.. И если у нихъ есть учрежденія, давно отжившія свой вѣкъ, несостоятельность которыхъ и тамъ давно признана, то все же мы должны ихъ принимать и не потому, чтобы они были разумны, а потому только, что они тамъ существуютъ. Существованіе же извѣстнаго факта еще не доказываетъ его раціональности, а доказываетъ только нерѣдко, что и об-

отъ временныхъ членовъ, какъ служащихъ въ войскахъ, нельзя ожидать юридическихъ познаній, требуемыхъ для рѣшенія вопроса о примѣненіи закона и потому, въ случаѣ распространенія на нихъ одинаковой съ постоянными членами обязанности и рѣшенія дѣлъ по закону, временные члены неминуемо подчинятся взглядамъ и мнѣнію постоянныхъ членовъ, какъ болѣе опытныхъ въ дѣлѣ примѣненія закона. Но это опасеніе едва ли не преувеличено. Если по дѣлу представится необходимымъ разъяснить важность вины и доказать, что къ ней примѣняется извѣстный законъ, то мнѣніе постоянныхъ членовъ конечно будетъ имѣть больше и при томъ полезное вліяніе на разъясненіе закона.

Если же въ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ у лихъ къ обвиненію подсудимаго или имѣются въ виду обстоятельства, уменьшающія его вину, то нѣтъ сомнѣнія, что большинство, которое на сторонѣ временныхъ членовъ, склонится къ оправданію обвиненнаго или къ смягченію его участи. Отъ взаимнаго обмѣна мыслей по всѣмъ предметамъ можно ожидать правильнаго разрѣшенія дѣла скорѣе, нежели въ случаѣ раздвоенія обязанностей,—нѣтъ болѣе, что если постоянные члены, какъ болѣе свѣдующіе съ формальною стороною судебнаго дѣла, будутъ въ этомъ отношеніи руководителями временныхъ членовъ; то—съ другой стороны, временные члены, какъ командируемые отъ войска, будутъ представителями тѣхъ понятій и воззрѣній, кои существуютъ въ арміи и въ этомъ отношеніи будутъ имѣть преобладающее вліяніе на опредѣленіе свойства вины и обстоятельствъ, уменьшающихъ или увеличивающихъ оную. Принимая, сверхъ того, во вниманіе, что духъ арміи долженъ выражаться въ мнѣніяхъ какъ старшихъ, такъ и младшихъ по службѣ, но уже довольно опытныхъ, и что временные члены будутъ назначаться изъ числа офицеровъ, имѣющихъ уже надлежащую опытность (въ чемъ?), нѣтъ повода предполагать, чтобы они были неспособны или равнодушны къ рѣшенію вопроса о примѣненіи наказанія по мѣрѣ дѣйствительной вины и что они будутъ увлекаться

разованные народы не легко освобождаются отъ предразсудковъ и рутины. Въ отношеніи же насъ мы должны замѣтить, что со временъ Петра 1., все отжитое въ Европѣ и признанное тамъ, какъ негодный хламъ, принималось у насъ съ особенною любовью. Такъ это было со всѣми учрежденіями Петра 1., начиная отъ его табели о рангахъ до его коллегій; такъ это было и съ губернскими и уѣздными учрежденіями Екатерины II... Но исторія ни какъ не можетъ, при всѣхъ ея усиліяхъ раскрыть намъ глаза и вывести насъ на путь раціональный и народный.

мнѣніемъ постоянныхъ членовъ. Напротивъ есть основаніе думать, что сліяніе судейскихъ обязазанностей послужитъ къ правильному и соотвѣтственому требованіямъ военной службы разрѣшенію военно-судныхъ дѣлъ. На основаніи этихъ соображеній, министерство полагало полезнымъ— *возложить на временныхъ членовъ, одинаковую съ постоянными членами военныхъ судовъ, обязанность рѣшенія вопросовъ какъ о винѣ подсудимаго, такъ и о примѣненіи наказанія, и, согласно этому, для производства дѣлъ въ военныхъ судахъ, принять тѣже правила, какія установлены для производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ, безъ участія присяжныхъ».*

Въ сущности это мнѣніе министерства есть опроверженіе того принципа, который установленъ для суда присяжныхъ. Теореотико-практическое основаніе послѣдняго заключается въ томъ, что вопросъ о фактѣ долженъ безусловно разрѣшаться присяжными; а вопросъ о примѣненіи закона— судьями. Первая потребность вызвана слѣдующими соображеніями: а) что вся сущность обвиненія, и оправданія а потому и всего-уголовнаго процесса заключается въ разрѣшеніи вопроса о фактѣ; б) что, поэтому, законодательство обязано, во имя правосудія, изъять эту сторону процесса отъ всякихъ вліяній и поставить судей въ возможно—самостоятельное и независимое положеніе, такъ—чтобы рѣшеніе этой стороны вопроса было, въ полномъ смыслѣ этого слова, приговоромъ совѣсти и справедливости. в) что, въ силу этого, опытъ и разумъ привели всѣхъ къ убѣжденію, что подобный судъ можетъ только проявиться въ формѣ суда присяжныхъ, избираемыхъ, по очереди, изъ всѣхъ классовъ народа и стоящихъ, по этому, внѣ всякихъ политическихъ партій.

Изъятіе же постоянныхъ судей изъ рѣшенія вопроса о фактѣ основано на томъ: а) что судьи, вслѣдствіе многолѣтней практики, становятся крайне подозрительными и въ каждомъ подсудимомъ начинаютъ видѣть не—обвиненнаго, а виноватаго; вслѣдствіе чего они, съ предубѣжденіемъ и предвзятыми идеями, производятъ все формальное слѣдствіе, а потому каждый незначительный, совершенно случайный, самый слабый намекъ на преступность они принимаютъ за явную улику, служащую имъ основаніемъ къ обвинительному приговору. Вотъ почему всѣ законодательства, которыя рѣшеніе вопроса о фактѣ, предоставляли оффиціальнымъ судьямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и постановляли, что осужденіе должно быть основано на теоріи формальныхъ доказательствъ. Иначе и быть не могло, потому что судейскому предубѣ-

жденію и формализму слѣдовало противупоставить, для огражденія подсудимыхъ, равную силу, и эта сила заключалась въ требованіи закономъ формальныхъ доказательствъ. Самое же предубѣжденіе судей имѣло источникомъ одни самолюбивыя и эгоистическія основанія: если судья примѣняетъ къ дѣлу одинъ только законъ, онъ не имѣетъ случая блистать ни умомъ, ни своимъ искуствомъ; если же онъ рѣшаетъ и вопросъ о фактѣ, то онъ можетъ блеснуть и тѣмъ, и другимъ. Согласитесь, что если судья, рѣшающій вопросъ о фактѣ, ведетъ такъ процессъ, что онъ ровно ничего неразъясняетъ и розысканіе его не можетъ служить къ обвиненію подсудимаго, то само собою разумѣется, что никто—если и не осудить его, то и не похвалитъ. Но если судья собираетъ искустно улики и такъ хитро сплететъ ихъ, что выводитъ на чистоту виновность подсудимаго, то это—верхъ искуства. Таковъ былъ, и у насъ и вездѣ въ Европѣ, характеръ приговоровъ тѣхъ оффиціальныхъ судей, которые рѣшали вопросъ о фактѣ. Поэтому то, розыскиваніе уликъ и хитростное ихъ сплетеніе, для вывода виновности подсудимыхъ, доходило у нихъ до виртуозности. Такъ, напримѣръ, согласное показаніе свидѣтелей принималось за явную стачку; малѣйшее противорѣчіе ихъ, хотя бы не по главному вопросу—за явную улику и т. п. До какихъ крайностей доходитъ судейское предубѣжденіе, это мы видимъ даже въ гражданскихъ судахъ: такъ, по судебному уставу предоставлено (въ явное противорѣчіе состязательному началу нашего процесса [1]) суду право—*непосредственно* отвести тяжбу по неподсудности и если довѣренность недостаточна. По поводу этого закона, нужно видѣть съ какимъ явнымъ *злорадствомъ* многіе судьи придираются, не смотря на то, что противная сторона не заявляетъ отводовъ, къ малѣйшей неясности въ довѣренности, не желая даже углубиться въ смыслъ ея. Происходитъ это отъ ложно понятыхъ ими своихъ обязанностей и закона: они воображаютъ себѣ, что законъ написанъ для того, чтобы они—судьи выказывали свое искуство въ отысканіи неясностей въ довѣренностяхъ; между тѣмъ какъ основная мысль законодателя, чтобы повѣренные не превышали своей власти. Но спрашиваемъ: какое же тутъ превышеніе власти, если я предоставилъ вамъ дѣйствовать въ моемъ дѣлѣ, какъ полному хозяину, неограниченно и упустилъ изъ виду оговорить, что вы имѣете право, напримѣръ, отвести свидѣтелей...' Но ступайте, вы съ присяжными судьями не сговоритесь: они имѣютъ

---

[1]) Объ этомъ будетъ говорено много подробно во 2-мъ томѣ настоящаго моего сочиненія.

право, то почему же имъ не пользоваться, не все же играть роль пасивную, а въ вопросѣ о довѣренностяхъ и о подсудности можно порисоваться и предъ высшею инстанціею, и предъ публикою. И дѣйствительно, мнѣ случалось слышать о строгихъ бракователяхъ довѣренностей слѣдующій отзывъ: это голова, ничего не упуститъ!.. Между тѣмъ какъ хваленая голова, дальше тонкостей въ подсудности и довѣренностяхъ не доходила... Эти явленія встрѣчаются сплошь и рядомъ вездѣ, гдѣ законодательство даетъ только человѣку возможность порисоваться умомъ и талантомъ; и ни въ одной отрасли общественной дѣятельности такъ болѣзненно не отзываются эти явленія, какъ въ судѣ. Вездѣ и всегда они обращали гражданскую юстицію въ безсмысленный, безтолковый формализмъ, а уголовную юстицію—въ схоластическую казуистику: «*понеже куръ овца сильнѣй* и т. д.». Такимъ образомъ, недопущеніе оффиціальныхъ судей къ рѣшенію вопроса о фактѣ не есть явленіе случайное, а вытекаетъ изъ сущности человѣческой природы и изъ того многовѣкового зла, которое это уродливое учрежденіе принесло человѣчеству.

б) Смѣшанная же форма, т. е., допущеніе постоянныхъ и временныхъ судей при рѣшеніи вопроса о фактѣ также исторически отвергнуто жизнію и наукою. Вездѣ, гдѣ только эта форма ни проявлялась, она имѣла самые гибельные плоды. Причины тому суть слѣдующія: 1, временные судьи всегда и вездѣ, какъ лица неопытныя и временныя, мало заинтересованы въ дѣлѣ суда; а потому для нихъ эти обязанности тягостны, и, мало занимаясь въ судѣ, они становятся, подъ непосредственное вліяніе постоянныхъ судей. Такъ, это явленіе мы находили въ нашихъ коммерческихъ судахъ: они состояли изъ юристовъ, постоянныхъ членовъ,—предсѣдателя и его товарища, и изъ членовъ отъ купечества. Послѣдніе въ этихъ судахъ являлись только подписывать журналы суда. Тоже самое было даже въ администраціи, какъ напримѣръ—въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Вообще же вездѣ новобранецъ и непостоянный членъ чуждъ интересамъ того учрежденія, куда онъ является, и поэтому голосъ его несамостоятеленъ. 2, Если же предположить, что временные члены могутъ имѣть голосъ рѣшительный, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о приложеніи закона, тамъ они перевѣсомъ своихъ голосовъ могутъ прямо вредить дѣлу. По этимъ основаніямъ, согласный обмѣнъ мыслей, о которомъ говоритъ министерское заключеніе, болѣе—идеальное и воображаемое, чѣмъ дѣйствительное; потому что этотъ обмѣнъ можетъ повести къ установленію антагонизма, а не въ установленіи гармоніи въ правосудіи. Потому

что оффиціальные судьи внесутъ въ рѣшеніе временныхъ членовъ судейскую казуистику и предубѣжденіе; а вторые, по неопытности своей, внесутъ въ приложеніе закона произволъ...

По этимъ основаніямъ я нахожу, что введеніе временныхъ членовъ, безъ предоставленія имъ права рѣшать одинъ только вопросъ о фактѣ, есть— введеніе совершенно излишняго элемента въ судъ, безъ всякой существенной пользы не только для юстиціи, но въ явный ея ущербъ, при чемъ строевые офицеры совершенно напрасно будутъ отклонены отъ своихъ служебныхъ обязанностей и отъ прямого ихъ назначенія.

б) *О теоріи доказательствъ*. Большинство членовъ соединеннаго присутствія генералъ-аудиторіата [1]), согласно Высочайше утвержденнымъ основнымъ положеніямъ для гражданскаго судопроизводства, полагало и въ военно-уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнить теорію доказательствъ, предоставивъ обсужденіе силы уликъ и доказательствъ внутреннему убѣжденію и совѣсти судей. Меньшинство же членовъ [2]) находило необходимымъ сохранить теорію доказательствъ, внося обязательныя правила о силѣ доказательствъ въ составъ самаго закона.

Министерство же, принявъ во вниманіе, что вопросъ о сохраненіи или отмѣнѣ теоріи доказательствъ, при будущемъ судопроизводствѣ, есть вопросъ чисто теоретическій, положительно разрѣшенный Высоч. утвержденными положеніями о преобразованіи судебной части въ Россіи, и имѣя въ виду, что въ мнѣніи меньшинства членовъ соединеннаго присутствія не указаны основанія, по которымъ теорію доказательствъ было бы необходимо оставить собственно для военнаго вѣдомства,—согласилось съ мнѣніемъ большинства, тѣмъ болѣе, что и эти члены, предполагая отмѣнить теорію доказательствъ, признаютъ, однако же, необходимымъ издать *особыя правила* о силѣ судебныхъ доказательствъ, которыя бы служили *руководствомъ* при опредѣленіи вины или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда. Къ тому же теорія доказательствъ, нынѣ существующая въ нашихъ уголовныхъ законахъ, долговременнымъ опытомъ доказала свою несостоятельность, такъ какъ, во многихъ случаяхъ, подсудимые, при совершенно ясныхъ уликахъ, потому только, что онѣ не соотвѣтствуютъ теоріи доказательствъ, остав-

---

[1]) **25 членовъ.**
[2]) **4 члена.**

ляются въ подозрѣніи и тѣмъ избѣгаютъ заслуженнаго наказанія. Между тѣмъ, съ отмѣною означенной теоріи для гражданскаго вѣдомства, не предвидится никакихъ вредныхъ послѣдствій принять тѣ же правила и для военныхъ судовъ, что подтверждается примѣромъ другихъ армій Европы, въ которыхъ военно-судныя дѣла разрѣшаются не по теоріи доказательствъ, а по внутреннему убѣжденію судей».

Наука дѣйствительно отвергаетъ теорію формальныхъ доказательствъ по дѣламъ уголовнымъ и даетъ, въ этомъ случаѣ, преимущество внутреннему убѣжденію судей и—ихъ совѣсти. Но при этомъ наука требуетъ, чтобы: во первыхъ, суды стояли внѣ всякихъ посторонніхъ вліяній; во вторыхъ, чтобы оправданіе или обвиненіе заключались въ одномъ отвѣтѣ—*да* или *нѣтъ*, безъ объясненія причинъ своего оправданія или обвиненія. Если же судьи не изъяты, по организаціи суда, отъ сторонніхъ вліяній или если они рѣшаютъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о фактѣ, и вопросъ о примѣненіи закона къ дѣлу,—тогда является потребность, для огражденія подсудимаго, установить высшій ревизіонный судъ, который провѣрялъ бы дѣйствія и постановленія низшаго суда; въ подобномъ же случаѣ рождается потребность, чтобы низшій судъ объяснилъ обстоятельства дѣла и мотивы, на которыхъ основывался его приговоръ. По этимъ же причинамъ является уже и потребность въ регламентаціи доказательствъ. Поэтому, теорію формальныхъ доказательствъ и ихъ юридическую силу наука отвергаетъ въ одной лишь формѣ — въ судѣ присяжныхъ; въ другихъ же формахъ суда она предпочитаетъ—оставлять эту теорію, какъ существенную гарантію праваго суда. Даже и въ судѣ присяжныхъ юридическимъ доказательствамъ дается многими законодательствами довольно значительное вліяніе, такъ, напримѣръ, въ Англіи—если приговоръ жюри не согласенъ съ юридическими доказательствами виновности подсудимаго, то судьи имѣютъ право кассировать этотъ приговоръ и собрать новое жюри для рѣшенія дѣла, и только этого второго жюри рѣшеніе вступаетъ въ окончательную законную силу. Въ другихъ законодательствахъ только оправдательный приговоръ жюри не подлежитъ кассаціи; обвинительный же можетъ быть кассированъ судьями, если юридическія докасательства служатъ къ оправданію подсудимаго и въ этомъ случаѣ только второй обвинительный приговоръ присяжныхъ становится обязательнымъ для суда. И такъ, мы видимъ, что, и при судѣ присяжныхъ, теорія доказательствъ является защитницею подсудимаго; какъ же, послѣ этого, можно отвергнуть эту теорію въ судѣ менѣе совершенномъ?.

Большинство же соединеннаго присутствія аудиторіата, отвергая теорію доказательствъ, было совершенно послѣдовательно: въ временныхъ членахъ военныхъ судовъ оно видѣло подобіе присяжнымъ, и такъ какъ проэктировалось—передать имъ вопросъ о фактѣ, на этомъ основаніи было и логично съ его стороны—отвергнуть теорію доказательствъ. Но коль скоро измѣнено значеніе временныхъ членовъ, и они обязаны рѣшать не только вопросъ о фактѣ, но и о приложеніи закона, то вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣніе большинства, въ отношеніи теоріи доказательствъ, теряло свою силу и значеніе. Основныя положенія судебной реформы въ Россіи въ этомъ случаѣ также не могли служить указаніемъ, потому что они уничтожили теорію доказательствъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы внутреннее убѣжденіе судей проявилось въ формѣ лишь приговора присяжныхъ засѣдателей. По этимъ причинамъ теорія доказательствъ не отвергается ни наукою, ни законодательствами безусловно, и внутреннее убѣжденіе тогда лишь является наивозможно—совершенною судебною формою, когда оно соединено съ такимъ судебнымъ институтомъ, который стоитъ внѣ всякихъ сторонніхъ вліяній, въ особенности же административныхъ. Большинство же соединеннаго аудиторіата и само министерство находятъ, что этихъ элементовъ не можетъ быть въ судѣ военномъ: потому что и постоянные, и временные члены суда нетолько назначаются и увольняются военною и морскою администраціею, но связаны еще между собою дисциплиною, да и вся служебная ихъ каррьера находится въ рукахъ начальства. Какъ же, послѣ этого, возможно предоставить имъ рѣшать дѣла по внутреннему лишь убѣжденію?.. Тѣ гарантіи, которыя, въ подобномъ случаѣ, могли бы служить къ оправданію подсудимаго, т. е., теорія доказательствъ отвергается, и я вправѣ сказать, что участь военно-подсудимаго отдается совершенно произволу военнаго суда. Но на это возразятъ, быть можетъ, что министерство утверждаетъ, что приговоръ долженъ быть основанъ на совокупности доказательствъ и внутренняго убѣжденія. Дѣйствительно, это правило введено въ уставѣ; но оно становится мертвою буквою, потому что оно могло бы имѣть значеніе въ томъ лишь случаѣ: 1) если бы сдѣлали обязательнымъ для судей излагать мотивы, послужившіе къ обвиненію подсудимаго; но уставъ мотивы облекъ *тайною*, и отвѣтъ судей, въ отношеніи опредѣленія виновности, долженъ быть въ формѣ вердикта суда присяжныхъ; 2) если бы высшая инстанція имѣла право, кромѣ кассаціи, и—ревизіи дѣла.

Но при отсутствіи этихъ двухъ условій, форма военно-суднаго устава становится совершеннымъ произволомъ, тѣмъ болѣе, что правило, принятое во всѣхъ законодательствахъ, гарантирующее подсудимыхъ отъ произвольныхъ обвиненій присяжныхъ, а именно: что судьи имѣютъ право кассировать рѣшенія присяжныхъ, если они находятъ, что *обвиненіе* явно противорѣчитъ юридическимъ доказательствамъ, — въ судѣ военномъ не имѣетъ уже мѣста. Поэтому, въ военномъ судѣ, и нѣтъ законнаго критеріума внутренняго убѣжденія судей, проявляющагося, при формѣ суда присяжныхъ, въ совѣсти и образованности постоянныхъ судей,—и поэтому внутреннее убѣжденіе является здѣсь несовершенною формою и какимъ то неотразимымъ произволомъ, опроверженіе котораго становится невозможнымъ.

III. Объ установленіи кассаціоннаго порядка производства военно-судныхъ дѣлъ. По этому вопросу большинство членовъ соединеннаго присутствія [1]) аудиторіата полагало: «принять при производствѣ военно-судныхъ дѣлъ, согласно основнымъ положеніямъ, Высочайше утвержденнымъ для гражданскаго вѣдомства, порядокъ кассаціонный, т. е., предоставивъ приговорамъ военныхъ судовъ полную самостоятельность, допускать жалобы на нихъ подсудимыхъ и протесты прокуроровъ только на несоблюденіе формъ и неправильное примѣненіе законовъ; а въ случаѣ отмѣны приговоровъ генеральнымъ военнымъ судамъ—передавать дѣла на разсмотрѣніе другого военнаго суда. Меньшинство же [2]) членовъ признаетъ порядокъ этотъ неудобнымъ потому, что возвращеніе дѣлъ изъ генеральнаго военнаго суда на разсмотрѣніе въ другой судъ будетъ замедлять дѣлопроизводство, а предоставленіе, въ дѣлахъ о нарушеніи дисциплины, приговорамъ военныхъ судовъ полной самостоятельности и устраненіе по этимъ дѣламъ ревизіи начальства, легко можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія для дисциплины».

Разсматривая эти два діаметрально противуположныхъ мнѣнія, мы находимъ, что большинство было послѣдовательно, предлагая установленіе кассаціоннаго порядка въ дѣлахъ военно-судныхъ: потому что, предположивъ, что временные члены военнаго суда будутъ исполнять обязанности присяжныхъ засѣдателей и что они будутъ рѣшать вопросъ о фактѣ, не основываясь на законныхъ доказательствахъ, а лишь на внутреннемъ убѣжденіи,—оно

---

[1]) 24 члена.
[2]) 6 членовъ.

иначе не могло и проэктировать, какъ только порядокъ *кассаціонный*. По этому мнѣніе меньшинства—объ установленіи порядка *ревизіоннаго*, не имѣло теоретическаго основанія; приводимая же имъ практическая причина, т. е., ослабленіе въ подобномъ случаѣ дисциплины, болѣе—фиктивная, нежели—дѣйствительная и основана вся на томъ, что будто бы судъ присяжныхъ ослабляетъ дисциплину. Слѣдовательно, какъ мы видимъ, большинство проэктировало кассаціонный порядокъ условно, т. е., признало полезнымъ установленіе этого порядка въ томъ лишь случаѣ, когда рѣшеніе вопроса о фактѣ предоставлено внутреннему убѣжденію временныхъ членовъ суда. Но, какъ мы выше видѣли, министерство, хотя отвергло теорію доказательствъ, но на временныхъ членовъ возложило тѣ же обязанности, какъ и на членовъ постоянныхъ, т. е., рѣшеніе не только вопроса о фактѣ, но и вопроса о примѣненіи закона. На этомъ основаніи, само собою разумѣется, что министерству слѣдовало бы: 1) обязать уже судъ—излагать мотивы своихъ рѣшеній; 2) установить порядокъ ревизіонный, а не кассаціонный.

Но этого не сдѣлано, а потому уничтоженіе теоріи доказательствъ и примѣненіе министерствомъ кассаціоннаго порядка, безъ суда присяжныхъ и безъ тѣхъ гарантій, которыя дѣлаютъ судъ самостоятельнымъ и независимымъ,—обратили военный судъ въ одну изъ уродливѣйшихъ и несовершеннѣйшихъ общественныхъ формъ.

Мотивы же министерства къ оставленію порядка кассаціоннаго заключались въ слѣдующемъ:

1) „ежели въ военные суды будетъ введено публичное и словесное производство дѣлъ, то судъ не иначе можетъ постановить приговора, какъ по выслушаніи подсудимаго, свидѣтелей и экспертовъ, вызовъ которыхъ снова въ ревизіонное судебное мѣсто представляется рѣшительно невозможнымъ. Слѣдовательно, при установленіи ревизіоннаго порядка т. е., обязательнаго перехода военно-судныхъ дѣлъ изъ военнаго суда въ генеральный военный судъ, всѣ учрежденія, обезпечивающія справедливость судебнаго приговора, какъ-то—словесное и публичное производство, присутствіе свидѣтелей и т. д.—утратили бы всякое значеніе».

Взглядъ этотъ совершенно ошибоченъ, потому что и при гласномъ словесномъ судѣ, всѣ показанія подсудимыхъ, свидѣтелей и всѣ рѣчи—обвинительныя и защитительныя вносятся, въ протоколъ суда, по стенографическимъ спискамъ; поэтому высшая инстанція можетъ имѣть все дѣло со всѣми его обстоятельствами. Поэтому въ высшей инстанціи дѣло мо-

жетъ быть также докладываемо словесно, какъ это дѣлается въ судебныхъ палатахъ и въ кассаціонныхъ департаментахъ сената, причемъ могутъ быть прочитываемы всѣ показанія подсудимыхъ, свидѣтелей и т. д. Кромѣ этого, могутъ быть выслушиваемы защитительныя и обвинительныя рѣчи; вотъ почему нѣтъ никакой надобности ревизіонному суду вызывать вновь подсудимаго и свидѣтелей, развѣ въ томъ лишь случаѣ, когда дѣло низшею инстанціею недостаточно разъяснено. Но подобные случаи могутъ быть весьма рѣдки и если они встрѣтятся, то верхній судъ можетъ потребовать отъ окружного суда, чтобы онъ, дополнивъ дѣло, представилъ его вновь на ревизію. Кассаціонный же порядокъ, въ отношеніи военнаго суда, представляетъ болѣе неудобствъ: кассируя рѣшеніе суда, постановившаго приговоръ, кассаціонный судъ долженъ бы былъ передать дѣло другому окружному суду, который обязанъ произвести все дѣло такъ, какъ бы дѣло производство прежняго суда не существовало. Поэтому новый судъ обязанъ бы былъ вызвать къ себѣ не только подсудимыхъ, но и всѣхъ свидѣтелей, и все это должно производиться на счетъ казны. Форма эта представляетъ тѣмъ болѣе неудобствъ, что военно-окружныхъ судовъ не можетъ быть много, такъ что, за сотни и даже болѣе верстъ, приходилось бы требовать всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ въ публичное засѣданіе суда.

Такъ приведу два примѣра:

а) Одинъ рядовой подарилъ какой-то бабѣ платокъ, цѣною въ 20 к. Баба эта ему измѣнила, поэтому, встрѣтивши ее однажды на улицѣ, подъ веселую руку, онъ отнялъ у нея платокъ. Солдата обвинили въ грабежѣ и переслали его за 200 верстъ въ окружной судъ. Здѣсь, ожидая очереди для рѣшенія дѣла, онъ просидѣлъ 3 мѣсяца въ тюрьмѣ; затѣмъ вызвали *на счетъ казны* цѣлый десятокъ свидѣтелей и другихъ прикосновенныхъ лицъ, и судъ оправдалъ рядового. Но представьте себѣ такой случай, что послѣдній былъ бы обвиненъ, и если бы онъ, по несоблюденію окружнымъ судомъ какой нибудь формальности, принесъ бы кассаціонную жалобу. Вѣдь въ подобномъ случаѣ пришлось бы всѣхъ этихъ лицъ переслать въ другой военный округъ; или же выслать на мѣсто совершенія проступка цѣлое судебное отдѣленіе.

б) Одинъ рядовой, зайдя съ каптинармусомъ въ цехгаузъ, стащилъ, для смазки сапоговъ, 3 свѣчи. Объ этомъ производился довольно обширный процессъ, который окончился осужденіемъ солдата и назначеніемъ его въ штрафные. Такимъ образомъ, казнѣ обошлись эти три свѣчи весьма до-

рого, такъ что, пожалуй, она могла бы купить, на израсходованныя ею судебныя издержки — для вызова подсудимаго, свидѣтелей и т. п., — не одинъ десятокъ пудовъ свѣчей. Къ счастію казны, въ послѣднемъ случаѣ, не было упущено судомъ ни одной формальности; а то, при новомъ производствѣ дѣла, въ другомъ окружномъ судѣ, роковыя три свѣчи обошлись бы казнѣ весьма дорого: такъ что, при пожертвованіи ею 10% этихъ свѣчей, она могла бы снабдить цѣлый полкъ матерьяломъ для смазки сапоговъ, и тогда само собою уничтожился бы поводъ къ кражѣ свѣчей.

Но на это вы возразите, что въ обоихъ, приведенныхъ мною примѣрахъ, рѣчь вовсе не шла о матерьяльномъ вредѣ, а вопросъ былъ гораздо серьознѣе — о преступности подсудимыхъ. Я совершенно согласенъ съ этимъ; но дѣло въ томъ, что если можно, чтобы вопросъ о 3 свѣчахъ и 20 копеечномъ платкѣ разрѣшался проще и дешевле, то какая же надобность установлять дорогую форму. Ниже, гдѣ я буду говорить о судѣ мировомъ, читатель увидитъ — какъ англійская юридическая практика, (гдѣ ассизная форма весьма дорога) постоянно прибѣгаетъ къ суммарной (мировой) юстиціи, лишь бы удешевить веденіе уголовныхъ дѣлъ. Объ этомъ должно заботиться каждое законодательство такъ какъ: обременять государство излишними расходами нераціонально, такъ какъ государство должно нести только тѣ расходы, которые неизбѣжны и безъ которыхъ немыслимо его существованіе. Только подобные расходы можетъ оправдать наука, всѣ же остальные ею отвергаются. Вотъ почему кассаціонный порядокъ допускается въ общихъ судахъ только на томъ основаніи, что при кассаціи, въ столицахъ, передается дѣло только изъ одного отдѣленія суда въ другое, а въ провинціяхъ разстояніе окружныхъ судовъ также не очень значительное; поэтому кассація рѣшеній въ гражданскомъ вѣдомствѣ не обходится дорого. Но условій этихъ нѣтъ въ военномъ вѣдомствѣ, потому что военно-окружныхъ судовъ немного, такъ напримѣръ, въ настоящее время они открыты только въ столицахъ, въ Одессѣ, Кіевѣ и на Кавказѣ. На этомъ основаніи пересылка подсудимыхъ, свидѣтелей и т. д. изъ одного суда въ другой обходится военному вѣдомству непомѣрно дорого, безъ всякой существенной пользы дѣлу; отсылка же отдѣленій суда на мѣсто совершенія проступка обходится казнѣ также не дешево.

2) Далѣе министерство оправдываетъ кассаціонный порядокъ тѣмъ, «что члены военныхъ судовъ, зная, что приговоры ихъ могутъ быть отмѣнены, не будутъ смотрѣть на исполненіе обязанностей своихъ со-

отвѣтственно важному ихъ значенію; а при установленіи ревизіи не представляется никакого обезпеченія, чтобы члены высшаго суда постановляли приговоръ правильнѣе, нежели члены низшаго суда, потому что они будутъ лишены возможности изучить всѣ обстоятельства дѣла по изустнымъ объясненіямъ подсудимаго, и свидѣтелей и должны будутъ постановлять окончательный приговоръ, основываясь на одномъ письменномъ производствѣ».

Основанія министерства прямо противорѣчатъ общей теоріи о необходимости существованія апелляціонныхъ судовъ, т. е., судебныхъ палатъ Но опытъ и наука выработали такой взглядъ, что вопросъ о фактѣ лучше провѣрять двумя инстанціями, чѣмъ предоставить рѣшеніе дѣла по существу одной инстанціи. Одинъ умъ, говоритъ и наша народная пословица,—хорошъ, а два—еще лучше. Это совершенно вѣрно съ природою человѣка и особенно справедливо въ отношеніи суда и правосудія; въ особенности же важно это въ тѣхъ судахъ, гдѣ строгость наказаній требуетъ особенную осмотрительность со стороны судей. Военные законы вообще строги и суровы и во многихъ случаяхъ установляютъ даже смертную казнь. Поэтому военный судъ долженъ быть еще осмотрительнѣе, чѣмъ общіе суды, которые лишь по преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ опредѣляютъ смертную казнь. Между тѣмъ, въ отношеніи общихъ судовъ, подсудимые имѣютъ ту гарантію, что судъ, при неправильномъ обвинительномъ приговорѣ присяжныхъ, можетъ кассировать его рѣшенія; между тѣмъ какъ тотъ же подсудимый, поставленный, по менѣе серьезнымъ преступленіямъ, подъ военный судъ, т. е., подъ судъ менѣе совершенный, лишонъ всякаго пути къ достиженію правосудія. Справедливо-ли это, не говоря уже о гуманности. Притомъ же если въ гражданскихъ дѣлахъ находятъ крайне необходимымъ установить двѣ судебныя инстанціи, то какъ же можно отвергнуть это въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ. Но на это, быть можетъ, отвѣтятъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ провѣрка потому необходима, что тамъ рѣчь идетъ о формальномъ правѣ, основанномъ на законѣ, а въ дѣлахъ уголовныхъ дѣло по существу рѣшается по совѣсти. Это совершенно справедливо, но въ томъ лишь случаѣ, когда эта совѣсть ставится въ совершенную независимость отъ всякихъ вліяній, какъ это мы видимъ въ судѣ присяжныхъ, но и въ этомъ даже случаѣ рѣшеніе ихъ поставлено подъ контроль суда. Вслѣдствіе этого, хотя при формѣ суда присяжныхъ и не существуетъ двухъ инстанцій для провѣрки вопроса о фактѣ, но тѣмъ не менѣе, однакоже, если приговоръ его явно

несправедливъ, то подсудимый имѣетъ еще опору въ мнѣніи суда. Въ военномъ же судѣ этой опоры нѣтъ, а потому онъ лишонъ всякихъ гарантій; на этомъ основаніи, желательно бы было, чтобы законодательство допустило, по крайней мѣрѣ, ревизію дѣла высшимъ судомъ. Замѣчаніе же министерства, что въ предположеніи, что приговоры ихъ будутъ отмѣнены, члены окружныхъ судовъ будутъ пренебрегать своими обязанностями, — не имѣетъ никакого практическаго значенія; потому что если бы это было справедливо, то это явленіе мы нашли бы и въ мировомъ судѣ, и въ общихъ судахъ. Напротивъ же того, мы видимъ въ тѣхъ и въ другихъ полнѣйшую добросовѣстность и самостоятельность, и если рѣшенія ихъ уничтожаются вторыми степенями, то въ исключительныхъ и сомнительныхъ лишь случаяхъ, гдѣ самый фактъ недостаточно разъясненъ или тдѣ юридическій вопросъ споренъ. Происходитъ же это оттого, что первыя инстанціи стараются настолько быть справедливыми и законными, чтобы какъ можно меньше было поводовъ къ перерѣшенію ихъ постановленій, потому что чѣмъ болѣе приговоровъ этихъ судовъ уничтожено верхнимъ судомъ, тѣмъ невыгоднѣе объ нихъ мнѣніе не только общества, но и начальства. Поэтому уже одно желаніе отличиться побудитъ судей быть наивозможно внимательными къ исполненію ими ихъ обязанностей. На замѣчаніе же министерства, что едва ли можно разсчитывать, чтобы высшая ревизіонная инстанція постановила болѣе правильный приговоръ, чѣмъ первая инстанція, если она будетъ лишена возможности выслушать словесныхъ объясненій подсудимыхъ и свидѣтелей, долгомъ считаю сказать, что ревизія дѣла установляется вовсе не для того, чтобы дѣло было рѣшено правильно, а для того, чтобы подсудимому не было закрыто прибѣжище къ правосудію и къ оправданію. Поэтому я вовсе не предлагаю ревизію дѣла, когда подсудимый оправданъ, а лишь тогда, когда онъ *обвиненъ*. Въ послѣднемъ случаѣ для обвиненнаго, какъ для утопающаго, важна и соломенка: поэтому никому нѣтъ дѣла — найду ли я въ высшемъ судѣ опору или нѣтъ; и если вся моя надежда на эту опору, то кто же можетъ ее отнять отъ меня? Но допустимъ даже, что изъ ста дѣлъ, перенесенныхъ на ревизію въ высшій судъ, только одно будетъ перерѣшено въ пользу подсудимаго, то и въ подобномъ случаѣ цѣль суда будетъ достигнута—правосудіе восторжествуетъ. Поэтому, если для торжества правосудія, ради 20 к. платка и 3 сальныхъ свѣчей, государство расходуетъ огромныя суммы, то въ болѣе серьезныхъ вопросахъ, гдѣ рѣчь идетъ объ имени, благосостояніи и

жизни человѣка, государство должно бы было быть еще болѣе щедрымъ и осмотрительнымъ.

Само министерство даже усмотрѣло, что передача въ другой окружной судъ дѣлъ, кассированныхъ верховнымъ судомъ, будетъ сопряжена съ большими неудобствами, и вотъ что оно по этому предмету говоритъ:

«Нельзя не принять въ соображеніе, что при новомъ военно-уголовномъ судоустройствѣ число военныхъ судовъ не можетъ быть весьма значительнымъ и при огромныхъ разстояніяхъ, ихъ отдѣляющихъ, и затруднительности путей сообщенія, пересылка дѣлъ и переѣздъ всѣхъ прикосновенныхъ лицъ изъ одного военнаго суда въ другой будутъ иногда невозможны и во всякомъ случаѣ замедлятъ окончаніе военно-судныхъ дѣлъ, въ особенности въ первое время, когда, по новизнѣ дѣла, случаи отмѣны приговоровъ военнаго суда будутъ, безъ сомнѣнія, весьма нерѣдки. Къ тому же не представляется основанія лишать генеральный или главный военный судъ права, *въ извѣстныхъ случаяхъ*, когда нѣтъ надобности въ новомъ производствѣ дѣла, постановлять приговоры по существу, какъ это въ настоящее время соблюдается при производствѣ военно-судныхъ дѣлъ въ Пруссіи, гдѣ также установленъ кассаціонный порядокъ».

Казалось бы, послѣ этого, что главный военный судъ долженъ былъ бы получить характеръ настолько же суда ревизіоннаго, какъ и кассаціоннаго; но обращаясь къ основнымъ положеніямъ военно-судной реформы, мы находимъ, что вѣдомство его опредѣляется въ слѣдующихъ чертахъ [1]):

а) ст. 94.

Главный военный судъ вѣдаетъ:

1) дѣла по жалобамъ и протестамъ на явное нарушеніе прямого смысла законовъ, при постановленіи окончательныхъ приговоровъ военныхъ судовъ;

2) просьбы и представленія о пересмотрѣ *по вновь открывшимся обстоятельствамъ* приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, и

3) дѣла о наложеніи взысканій за упущенія по службѣ, объ удаленіи отъ должностей лицъ военно-судебнаго вѣдомства и о преданіи суду въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ.

---

[1]) См. Сборникъ закон. работъ по составленію военно-судебнаго устава, 1867 г., стр. 254—256.

б) ст. 95.

Окончательные приговоры военныхъ судовъ подвергаются разсмотрѣнію *кассаціоннымъ* порядкомъ въ главномъ военномъ судѣ, по просьбамъ осужденныхъ и потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, или по протестамъ и представленіямъ лицъ, коимъ ввѣренъ прокурорскій надзоръ.

в) ст. 97.

Поводами къ отмѣнѣ (кассаціи) приговоровъ судовъ могутъ быть только:

1) нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ производства;

2) явное нарушеніе прямого смысла закона и неправильное толкованіе его при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, и

3) *вновь открытыя* обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ.

г) ст. 101.

Послѣдствіемъ отмѣны приговора суда главнымъ военнымъ судомъ должно быть: или постановленіе имъ самимъ, въ извѣстныхъ, *опредѣленныхъ закономъ* случаяхъ, новаго рѣшенія о наказаніи осужденнаго, вмѣсто отмѣняемаго; или обращенія дѣла къ новому рѣшенію, въ тотъ же судъ, коего приговоръ признанъ недѣйствительнымъ, или въ другой военный судъ, который обязанъ въ изъясненіи *точнаго разума закона* подчиниться сужденіямъ главнаго военнаго суда. Жалобы противу постановленнаго на семъ основаніи вторымъ судомъ рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не допускаются.

По смыслу этихъ статей основныхъ положеній, главный военный судъ можетъ непосредственно рѣшать дѣло только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о приложеніи закона; въ остальныхъ же случаяхъ дѣло должно разсматриваться вновь или тѣмъ же самымъ судомъ, который постановилъ приговоръ, или другимъ судомъ, и по существу жалоба можетъ быть только разрѣшена въ случаѣ открытія *новыхъ обстоятельствъ*. Но послѣднее не есть еще ревизія дѣла, а допускается даже и въ гражданскихъ дѣлахъ [1]); мы же говоримъ о ревизіи дѣла не по новымъ, а по прежнимъ обстоятельствамъ. Слѣдовательно министерство, не сдѣлавъ никакой существенной поправки, оставило порядокъ кассаціонный и не допустило никакой ревизіи дѣла по существу.

---

[1]) См. ст. 750, уст. гражд. суд.

Независимо отъ этого, министерство не согласилось еще съ слѣдующими началами, принятыми комиссіею и соединеннымъ присутствіемъ генералъ-аудиторіата:

а) О томъ, чтобы назвать военно-кассаціонный судъ *генеральнымъ*, а потому проектировало назвать его: *главнымъ военнымъ судомъ и главнымъ военно-морскимъ судомъ*.

б) правила по дѣламъ смѣшанной подсудности, во избѣжаніе недоразумѣній, министерство проектировало изложить согласно уставамъ 20 ноября 1864 года.

в) Въ отношеніи же полевого суда министерство нашло: «что въ проектированныхъ правилахъ допущены такого рода отступленія и измѣненія противъ правилъ, проектированныхъ для мирнаго времени, которыя едва ли вызываются крайнею необходимостью и особымъ положеніемъ арміи во время войны. Система, признанная однажды соотвѣтственною для военнаго суда въ мирное время, должна быть сохранена, по возможности, и въ военное время: что встрѣчается и во всѣхъ законодательствахъ: западной Европы, гдѣ въ порядкѣ производства военнаго суда, въ военное время, допускаются лишь самыя незначительныя измѣненія и исключенія. Между тѣмъ въ составленномъ проектѣ основныхъ положеній для военнаго времени,—не говоря уже о томъ, что изъ состава военнаго суда исключены вовсе постоянные члены, — нарушено коренное основаніе будущаго военно-уголовнаго судопроизводства, такъ какъ, вмѣсто кассаціоннаго порядка, предоставляющаго полную самостоятельность приговорамъ военныхъ судовъ, принятъ за общее правило порядокъ ревизіонный, по которому почти всѣ приговоры полевыхъ военныхъ судовъ должны быть представляемы на ревизію полевого генеральнаго или главнаго военнаго суда. Ежели, для достиженія правильнаго и скораго суда, въ мирное время, признано необходимымъ принять порядокъ кассаціонный, то нѣтъ основанія не признать, чтобы порядокъ этотъ былъ менѣе полезенъ въ военное время. Напротивъ, во время войны еще нужнѣе избѣгнуть тѣхъ невыгодъ, которыя сопряжены съ производствомъ дѣла въ двухъ инстанціяхъ, а потому министерство полагало бы всѣ, предположенныя въ проектѣ основныхъ положеній, правила о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, для военнаго времени, исключить, съ тѣмъ чтобы, при составленіи подробнаго проекта новаго военно-уголовнаго судопроизводства, были опре-

дѣлены въ точности тѣ исключенія, которыя необходимо допустить для военно-уголовнаго судопроизводства въ военное время».

г) Такимъ образомъ, проектированный полевой судъ отмѣненъ министерствомъ и затѣмъ въ 13 пунктахъ выражена имъ вся система военнаго судопроизводства:

1) Въ каждомъ военномъ округѣ учреждается одинъ постоянный военный судъ, въ составъ котораго входятъ: предсѣдатель и два или болѣе военныхъ судей, число которыхъ опредѣляется штатомъ; секретарь суда съ помощниками; прокуроръ съ помощниками; военно-судебные слѣдователи.

2) На первое время, въ случаѣ могущаго встрѣтиться затрудненія въ замѣщеніи постоянныхъ членовъ суда военно-служащими, могутъ быть назначаемы въ эти должности и чиновники военнаго вѣдомства.

3) Присутствіе военнаго суда для рѣшенія военно-судныхъ дѣлъ составляется изъ временныхъ членовъ, назначаемыхъ изъ офицеровъ отъ войскъ, по распоряженію начальства и не менѣе какъ изъ одного постояннаго члена суда, т. е., предсѣдателя или одного военнаго судьи.

4) При каждомъ производствѣ военно-суднаго дѣла долженъ находиться въ судѣ прокуроръ или его помощникъ и секретарь или его помощникъ.

5) Въ мѣстѣ пребыванія постояннаго военнаго суда, судъ дѣйствуетъ постоянно, открывая засѣданія по мѣрѣ поступленія военно-судныхъ дѣлъ.

6) Для рѣшенія военно-судныхъ дѣлъ въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ того города, гдѣ учрежденъ постоянный военный судъ, какъ-то—въ другихъ губернскихъ городахъ или уѣздныхъ и мѣстечкахъ, смотря по расположенію войскъ и по возникающимъ дѣламъ, открываются, по распоряженію начальника военнаго округа, временные суды.

7) Временной судъ составляется изъ временныхъ членовъ и слѣдующихъ судебныхъ чиновъ: не менѣе какъ изъ одного военнаго судьи или предсѣдателя суда, прокурора или его помощника, секретаря или его помощника.

8) Вмѣстѣ съ откомандированіемъ судебныхъ чиновъ, дѣлается командующимъ войсками въ округѣ распоряженіе о назначеніи въ составъ временнаго военнаго суда временныхъ членовъ изъ офицеровъ отъ ближайшихъ войскъ.

9) Временные суды открываются, по распоряженію командующаго войсками въ округѣ, по мѣрѣ надобности, или для рѣшенія всѣхъ военно-

судныхъ дѣлъ, готовыхъ къ разсмотрѣнію ко времени прибытія онаго, или же для рѣшенія того только дѣла или нѣсколькихъ, для немедленнаго окончанія которыхъ, по особенной важности ихъ, учреждается судъ.

10) Кассаціонныя жалобы отъ осужденныхъ и протесты прокуроровъ приносятся на дѣйствія и постановленія какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ судовъ, на общемъ основаніи и разсматриваются, по принадлежности, въ главномъ военномъ судѣ или отдѣленіяхъ его—въ Сибири и на Кавказѣ.

11) Въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ главнаго военнаго суда, въ особенно важныхъ случаяхъ, явнаго нарушенія военной дисциплины, требующаго неотложнаго наказанія виновныхъ, предоставляется начальникамъ военныхъ округовъ учреждать особое присутствіе, для разсмотрѣнія могущихъ возникнуть протестовъ прокуроровъ, а равно отзывовъ и жалобъ подсудимыхъ.

12) Присутствіе сіе учреждается, вмѣстѣ съ назначеніемъ военнаго суда, подъ предсѣдательствомъ генерала, изъ двухъ штабъ-офицеровъ, одного изъ постоянныхъ членовъ военнаго суда и военнаго прокурора, по назначенію командующаго войсками въ округѣ

13) Означенному въ предшедшемъ пунктѣ присутствію предоставляется—въ порядкѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія протестовъ, отзывовъ и жалобъ, та же степень власти, какая принадлежитъ въ судебныхъ дѣлахъ главному военному суду, съ тѣмъ лишь, что въ случаѣ неуваженія поступившихъ протеста или отзыва, доводится о семъ до свѣдѣнія военнаго министра.

Эти основныя положенія военно-судебной реформы, при докладѣ министерства, съ проэктомъ 134 статей, были повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора, который, 25 октября 1865 года, Высочайше утвердивъ ихъ, повелѣлъ: приступить немедленно къ составленію подробнаго проэкта, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министерства.

Вслѣдствіе этого былъ составленъ проэктъ полнаго военносуднаго устава и, по Высочайшему повелѣнію, 11 марта 1866 года, онъ внесенъ въ соединенное присутствіе военнаго и морского генералъ-аудиторіатовъ, которое, разсмотрѣвъ весь проэктъ, по Высочайшему же повелѣнію, 4 іюля

1861 года внесло его въ особый Высочайше-утвержденный комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала.

III. Всеподданнѣйшій докладъ Высочайше-учрежденной комиссіи.

I-е. *Объ учрежденіи полковыхъ судовъ.*

Система устройства по округамъ особыхъ военныхъ судовъ, на развитыхъ въ проэктѣ основныхъ положеніяхъ, не встрѣтила въ комитетѣ никакихъ возраженій, въ общемъ смыслѣ удобопримѣнимости къ военному вѣдомству главныхъ коренныхъ началъ, на коихъ предположено совершить преобразованіе нынѣшнихъ военныхъ судовъ, но опредѣленныя основными положеніями правила объ учрежденіи особыхъ полковыхъ судовъ вызвали различныя въ комитетѣ сужденія, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ. Два члена [1]) комитета замѣтили, что полковой судъ, учреждаясь при начальникѣ извѣстной части (полка, артиллерійской бригады, отдѣльнаго баталіона и проч)., долженъ быть единственно дисциплинарнымъ судомъ и въ такомъ значеніи сего учрежденія, несоставляющаго прямой военносудебной инстанціи, не слѣдуетъ вовсе упоминать въ военносудебномъ уставѣ о полковыхъ судахъ, а надлежитъ издать о нихъ особое положеніе—по примѣру того, которое дѣйствуетъ относительно дисциплинарныхъ судовъ, нынѣ существующихъ при полкахъ. Принявъ за основаніе, что полковой судъ есть ничто иное, какъ совѣщательный комитетъ при полковомъ командирѣ, слѣдовало бы предоставить полковому командиру право—рѣшать всѣ дѣла, производимыя въ полковомъ судѣ, не представляя въ военный судъ тѣ дѣла, по которымъ онъ не согласится съ опредѣленіемъ полкового суда. Право это, хотя бы съ усиліемъ власти полкового командира, было бы дѣйствительнымъ охраненіемъ военной дисциплины, которую необходимо въ настоящее время поднять и которая получитъ дѣйствительную силу только съ большею самостоятельностію непосредственныхъ начальниковъ войскъ. Между тѣмъ

---

[1]) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ.

протестъ противу совѣщанія, составленнаго изъ подчиненныхъ лицъ и и можетъ быть рѣшеніе высшей инстанціи, согласное съ сими послѣдними, будутъ неминуемо подрывать значеніе тѣхъ начальниковъ въ глазахъ подвѣдомственныхъ имъ частей. За симъ, по опредѣленіи новаго круга дѣйствій полкового командира, всѣ дѣла, превышающія власть, которая ему предоставится, должны подлежать рѣшенію военныхъ судовъ. Опроверженіе, что, при такомъ порядкѣ, число военныхъ судовъ должно быть увеличено, и что такое увеличеніе потребуетъ большихъ издержекъ, не можетъ поколебать двухъ членовъ въ ихъ убѣжденіяхъ: ибо они находятъ, что всякое новое устройство должно вести къ результатамъ вполнѣ удовлетворительнымъ; если же, для достиженія этой цѣли, не достаетъ средствъ, то лучше отложить новое устройство до болѣе удобнаго времени, нежели предпринимать что либо несоотвѣтственное требуемымъ условіямъ, въ особенности военнаго быта.

Предсѣдатель [1]) и 9 членовъ [2]) объявили, что, для правильнаго разрѣшенія вопроса о значеніи и пользѣ полковыхъ судовъ, необходимо разсмотрѣть предположенное учрежденіе съ двухъ сторонъ: со стороны воонно-дисциплинарной и со стороны военно-судебной. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы можно было опасаться, что учрежденіе полковыхъ судовъ можетъ повести къ ослабленію дисциплины и къ уменьшенію личной власти полкового командира, то, вырботанныя въ проэктѣ, правила, о полковомъ производствѣ дѣлъ, должны бы подвергнуться совершенному измѣненію, но едва ли возможно придти къ такому заключенію. Не стѣсненіе и не уменьшеніе личной власти полкового командира имѣлось въ виду, при выработкѣ положенія о полковыхъ судахъ, а напротивъ, учрежденіе полковыхъ судовъ ведетъ прямо къ значительному разширѣнію сей власти и къ сосредоточенію въ рукахъ непосредственнаго начальника

---

[1]) Его Императорское Высочество, Константинъ Николаевичъ.

[2]) Его Императорское Высочество Николай Николаевичъ старшій, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, графъ Егоръ Васильевичъ Путятинъ, князь Александръ Аркадьевичъ Италійскій графъ Суворовъ Рымникскій, Федоръ Михайловичъ Новосильскій, Дмитрій Николаевичъ Замяткинъ, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ 2-й, Николай Карловичъ Краббе.

Статсъ секретарь графъ Панинъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, но при дальнѣйшемъ ходѣ работъ, объявилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе предсѣдателя и 9-ти членовъ.

части большинства дѣлъ, случающихся между подчиненными ему нижними чинами, какъ сіе оказывается изъ ближайшаго разъясненія основной идеи о полковыхъ судахъ и настоящаго, дѣйствительнаго значенія ихъ по проэкту. Всѣ дѣла по преступнымъ дѣяніямъ лицъ, подлежащихъ военному суду, подраздѣляются на двѣ, такъ сказать, категоріи, существенно различествующихся между собою—по роду и относительной важности ихъ, и допускающія поэтому разныя условія въ разслѣдованіи и обрядахъ производства, коими обезпечивается правильность постановляемыхъ приговоровъ. Этимъ естестественнымъ основаніемъ, для раздѣленія дѣлъ—на болѣе и менѣе важныя, воспользовались для устройства скоротечнаго суда, при полкахъ, и согласно сему опредѣлено, что изъ числа дѣлъ по преступнымъ дѣяніямъ нижнихъ чиновъ только важнѣйшія, а именно тѣ, по коимъ могутъ подвергаться они отдачѣ въ арестанскія роты и другимъ болѣе тяжкимъ наказаніямъ, должны быть отнесены къ вѣдомству военныхъ судовъ; всѣ же прочія дѣла о нижнихъ чинахъ предоставляются вѣдѣнію полковыхъ судовъ. На этомъ основаніи построется вся экономія преобразованія военносудебной части, съ возможностію совершить сіе преобразованіе безъ требованія отъ государства излишнихъ денежныхъ пожертвованій и съ поддержаніемъ власти и достоинства начальниковъ отдѣльныхъ частей. По важности дѣлъ, поручаемыхъ рѣшенію военныхъ судовъ, производство въ нихъ обстановляется извѣстными формальностями; дѣйствію сихъ судовъ дается, возможная въ военномъ вѣдомствѣ, самостоятельность; участіе военныхъ начальниковъ въ дѣлахъ сего рода ограничивается преданіемъ суду обвиняемыхъ, съ устраненіемъ дальнѣйшаго ихъ непосредственнаго вліянія на приговоръ суда. Напротивъ того, устройство полковыхъ судовъ и порядокъ разбирательства и рѣшенія въ нихъ дѣлъ установляется самымъ упрощеннымъ образомъ, съ отступленіемъ всякихъ излишнихъ формальностей. Все устройство полкового судебнаго разбирательства приспособлено къ тому, что дѣйствительнымъ орудіемъ власти является полковой командиръ: онъ назначаетъ членовъ суда изъ подчиненныхъ ему офицеровъ,—безъ вѣдома полковаго командира судъ не можетъ приступить ни къ одному разбирательству; онъ же наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ полковаго суда и никакой приговоръ суда не имѣетъ силы безъ утвержденія полкового командира. Такимъ образомъ, по духу сего учрежденія, нельзя смотрѣть на полковую комиссію 3-хъ офицеровъ, какъ на особое, самостоятельное судебное мѣсто, но она есть только одна изъ составныхъ частей полкового суда, образующагося изъ

двухъ элементовъ: изъ заключенiи комиссiи по предварительному разбору дѣла, и изъ мнѣнiя полкового командира, окончательно утверждающаго сiе заключенiе. На этотъ двойственный, такъ сказать, составъ полковаго суда обращено проэктомъ особенное вниманiе, въ видахъ охраненiя личной власти полковаго командира и при опредѣленiи правилъ о порядкѣ утвержденiя послѣдними опредѣленiй суда: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ назначаемое подсудимому наказанiе, не превышаетъ мѣры взысканiя, предоставленной дисциплинарной власти полковаго командира, ему предоставляется—утверждать или измѣнять приговоръ суда, по собственному усмотрѣнiю, не стѣсняясь мнѣнiемъ комиссiи; но когда дѣло идетъ о такомъ наказанiи, по уголовному закону, наложенiе котораго не зависитъ отъ власти полкового командира, какъ наприм. о заключенiи въ военную тюрьму, съ коимъ соединяется всегда и лишенiе нѣкоторыхъ правъ, то приговоръ полкового суда считается состоявшимся лишь тогда, когда оба элемента, составляющiе сей судъ, приходятъ къ одинаковому заключенiю о виновности подсудимаго. Въ противномъ случаѣ, т. е., при несогласiи полковаго командира съ заключенiемъ полковой комиссiи, не можетъ не являться уже сомнѣнiе въ нѣкоторой важности сего дѣла, требующаго поэтому болѣе основательнаго судебнаго разбора и, въ этихъ видахъ, основныя положенiя открываютъ для полкового командира полновластное, ничѣмъ не ограничиваемое, право протеста противу опредѣленiя комиссiи, т. е., въ сущности даютъ ему право,—перенесенiя дѣла въ военный судъ, или право—преданiя обвиняемаго военному формальному суду. Смотря на предметы съ этой точки зрѣнiя, нельзя не согласиться, что предположенное учрежденiе полкового суда не только не ограничиваетъ принадлежащей нынѣ полковымъ командирамъ личной ихъ власти надъ подчиненными, но значительно разширяетъ, какъ сказано выше, на полкового командира, предоставляя ему извѣстную долю судебной уже власти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда между нимъ и комиссiею, разбиравшею дѣла, нѣтъ разномыслiя во взглядѣ на оное [1]). За симъ если бы призналось, что принадлежащая нынѣ полковому командиру личная дисциплинарная власть недостаточна, что необходимо ее усилить и вслѣдствiе этого измѣнить дѣйствующее положенiе о дисциплинарныхъ взы-

[1]) Это разномыслiе будетъ рѣдкимъ случаемъ, такъ какъ члены суда въ совершенной зависимости отъ полкового командира: что находитъ и само большинство.

сканіяхъ, то все сіе составляетъ предметъ особыхъ соображеній [1]), не входящихъ въ область сужденій по проекту военносудебнаго устава, который по отношенію къ настоящему вопросу составленъ въ такомъ смыслѣ, что если бы дѣйствительно увеличена была личная дисциплинарная власть полковаго командира, то вмѣстѣ съ этимъ разширилась бы безъ всякаго измѣненія статей проекта военносудебнаго устава, и власть полкового командира по дѣламъ подлежащимъ вѣдѣнію полкового суда. Изложенныя объясненія показываютъ, что въ кругъ дѣйствія полковыхъ судовъ входятъ двоякаго рода дѣла: 1) такія дѣла, которыя, вслѣдствіе разъяснившихся обстоятельствъ при разбирательствѣ оныхъ, не привышаютъ личной дисциплинарной власти полкового командира, и 2) такія дѣла, которыя по роду ихъ могутъ быть окончены не иначе, какъ на основаніи военно-уголовныхъ законовъ. Въ дѣлахъ перваго рода проектъ военносудебнаго устава не усвоиваетъ порядку окончанія ихъ никакого судебнаго характера, оставляя рѣшеніе дѣла на полное усмотрѣніе полкового командира, какое бы ни состоялось мнѣніе въ полковой комиссіи. Въ дѣлахъ второго рода окончательное рѣшеніе дѣла, въ порядкѣ полкового разбирательства, обусловливается утвержденіемъ приговора суда со стороны полкового командира, съ тѣмъ, что въ случаѣ несогласія его съ постановленнымъ въ полковой комиссіи опредѣленіемъ, дѣло должно поступать на пересмотръ въ военный судъ. Требовать чтобы и въ дѣлахъ этого рода полковой командиръ имѣлъ безусловное право постановлять рѣшенія по своему усмотрѣнію, когда несогласенъ съ заключеніемъ комиссіи, значило бы—съ одной стороны, измѣнить положеніе о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, присоединяя къ симъ взысканіямъ такія наказанія, которыя опредѣляются уже военноуголовными законами и налагались всегда не иначе, какъ по суду; а съ другой стороны, отнять отъ полкового производства дѣлъ всякій характеръ судебнаго, хотя и упрощеннаго до крайнихъ предѣловъ, разбирательтва. И то, и другое едва ли совмѣстно съ общимъ духомъ нашихъ законовъ и всѣхъ вообще военныхъ законодательствъ; а если сіе справедливо, то необходимо было бы или вовсе упразднить учрежденіе полковыхъ судовъ, или ограничить кругъ

---

[1]) Едва ли это усиленіе возможно, по тѣмъ теоретико-практическимъ соображеніямъ, которыя заключаются въ настоящемъ сочиненіи; тѣмъ болѣе, что и проэктъ большинства предоставляетъ полковымъ и равнымъ имъ командирамъ огромныя права.

дѣятельности ихъ тѣми дѣлами, окончаніе которыхъ зависитъ отъ дисциплинарной власти полкового командира. Въ обоихъ случаяхъ представилась бы необходимость или передать всю массу дѣлъ по незначительнымъ преступнымъ дѣяніямъ нижнихъ чиновъ въ военные суды, или же учредить особыя среднія судебныя инстанціи между военными судами и разбирательствомъ дѣлъ въ полкахъ. Въ обоихъ этихъ предположеніяхъ, при необходимости имѣть суды въ возможно-близкомъ разстояніи къ мѣсту совершенія преступныхъ дѣяній и при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, пришлось бы учреждать громадное число военныхъ судовъ, для содержанія которыхъ потребовались бы такія издержки, какихъ военное вѣдомство не въ правѣ требовать отъ государственнаго казначейства, тѣмъ болѣе, что издержки сіи нельзя признать и полезными, въ виду возможности устроить полковое разбирательство дѣлъ, въ предѣлахъ вѣдомства каждаго полка, безъ всякаго неудобства для личной власти военныхъ начальниковъ. Поэтому не только въ настоящее время, *при затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ*, но и на будущее время; нѣтъ ни повода, ни возможности къ излишнему увеличенію военносудебныхъ мѣстъ; а замѣчаніе, что лучше отложить реформу военносудебной части до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ образовывать полковые суды на предположенномъ основаніи, едва ли справедливо, такъ какъ невозможность совершенія ея на какихъ либо иныхъ основаніяхъ зависитъ отъ особыхъ нашихъ территоріальныхъ условій и разбросанности вслѣдствіе этого войскъ, при чемъ, слѣдовательно, освобожденіе полковыхъ командировъ отъ участія въ судебно-полковомъ разбирательствѣ будетъ всегда требовать созданія такого числа особыхъ военносудебныхъ мѣстъ, которое не въ силахъ содержать государственное казначейство [1]).

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ предсѣдатель и 9-ть членовъ находятъ: 1) что такъ какъ полковое разбирательство распространяется на такого рода дѣла, которыя, превышая личную дисциплинарную власть полковаго командира, входитъ въ область военно-судебной власти, то по сему и по тѣсной связи полкового разбирательства въ нѣкоторыхъ слу-

---

[1]) По этимъ причинамъ слѣдуетъ, дѣйствительно, допустить полковые суды, съ юрисдикціею судовъ мировыхъ; но преступкамъ же, превышающимъ эту юрисдикцію, слѣдуетъ подчинить военнослужащихъ общимъ военнымъ судамъ.

чаяхъ съ производствомъ дѣлъ въ военныхъ судахъ, а именно, когда дѣла изъ полкового суда должны переноситься въ военный судъ, правила о полковомъ разбирательствѣ составляютъ существенную часть военно-судебнаго устава и должны быть изложены именно въ немъ, а не въ положеніи о дисциплинарныхъ взысканіяхъ; 2) что основныя положенія объ учрежденіи полкового разбирательства не только не ослабляютъ ни въ чемъ личной дисциплинарной власти принадлежащей нынѣ полковому командиру, но напротивъ, сохраняя ее неприкосновенно, распространяютъ значительно, согласно съ требованіями военной организаціи, власть полкового командира и на такія дѣла, которыя доселѣ не въ входили кругъ его вѣдѣнія; 3) что могущее послѣдовать въ военномъ судѣ рѣшеніе дѣла, несогласное съ мнѣніемъ полкового командира, ни сколько не можетъ умалять достоинства военнаго начальника, ибо пересмотръ и рѣшеніе судебнаго дѣла въ коллегіальномъ мѣстѣ всегда имѣетъ перевѣсъ предъ единоличнымъ мнѣніемъ; 4) что образованіе судовъ въ средѣ самыхъ командъ при начальникахъ, облегчая значительно военное начальство въ порядкѣ разбора дѣлъ по нарушеніямъ нижними чинами обязанностей службы и по незначительнымъ общимъ преступнымъ дѣяніямъ ихъ, будетъ во многомъ содѣйствовать возвышенію власти полкового командира въ глазахъ подчиненныхъ; и 5) что осуществленіе военно-судебной реформы возможно у насъ единственно, при условіи образованія судовъ при командахъ съ устраненіемъ излишнихъ формальностей производства. Вслѣдствіе всего этого предсѣдатель и 9-ть членовъ полагаютъ, что польза дѣла и антересы военной службы требуютъ безусловно, чтобы полковые суды образованы были въ такомъ видѣ, какъ начертано учрежденіе ихъ въ основныхъ положеніяхъ преобразованія военно-судебной части.

По окончаніи преній объэтомъ предметѣ генералъ-адъютанты,—князь Долгорукій 1-й и Гринвальдъ, объявили, что они поставили себѣ долгомъ выразить искренно свое мнѣніе, но такъ какъ прочіе члены не сочли возможнымъ его принять, то не желая производить разногласія, они рѣшились подчиниться мнѣнію большинства.

Согласно съ симъ заявленіемъ, вышеизложенное мнѣніе предсѣдателя и 9-ть членовъ признано за единогласно - состоявшееся заключеніе и за симъ Комитетъ обратился къ подробному разсмотрѣнію проектированныхъ правилъ о полковыхъ судахъ.

II. Разсмотрѣніе критическихъ замѣчаній на проектъ военно-судебнаго устава, по вопросу о самостоятельномъ значеніи военно-судебной части.

Разрѣшивъ вопросъ объ устройствѣ полковыхъ судовъ, комитетъ, хотя и призналъ уже, какъ упомянуто выше, что не представляется никакихъ препятствій для примѣненія къ военнымъ судамъ тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ утверждается новый порядокъ производства суда въ государствѣ, — тѣмъ не менѣе счелъ своею обязанностію, для точнѣйшаго исполненія Высочайшихъ указаній прослѣдить *существенныя возраженія и критическія замѣчанія, какія слышатся въ обществѣ* противу предположенной реформы военно-судебной части, дабы при цѣльномъ взглядѣ на сей предметъ, возможно было, безъ сомнѣнія, взвѣсить означенныя возраженія и придти къ положительному заключенію — даютъ ли они серьезный поводъ къ опасеніямъ за возможность потрясенія новою реформою дисциплины и власти военныхъ начальниковъ. Всякое новое, болѣе значительное дѣло, а въ особенности дѣло столь многосложное, какъ военная реформа, соприкасающаяся со всѣми частями управленія, не можетъ не вызывать различныхъ взглядовъ, вопросовъ и сомнѣній, проистекающихъ отчасти отъ привычки къ дѣйствующему порядку и отъ боязни, что всякая перемѣна въ немъ должна повести къ худшему, отчасти же отъ недостаточнаго пониманія того, что предполагается сдѣлать, и вслѣдствіе этого отъ недостаточнаго уясненія настоящаго значенія и круга дѣйствій новыхъ учрежденій. Различныя замѣчанія, по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ, что опасенія высказываются тамъ, гдѣ, при надлежащемъ общемъ соображеніи всей системы предположеннаго преобразованія, онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли бы имѣть мѣста и упадаютъ сами собою при сознательной оцѣнкѣ той идеи, которая послѣдовательно проводится по всему проекту.

Такъ, многіе, видя, что рѣчь идетъ о примѣненіи къ производству дѣлъ въ военныхъ судахъ начала самостоятельности, представляютъ себѣ сіе въ видѣ той независимости, какая присвоена судамъ гражданскаго вѣдомства и, становясь на эту точку, замѣчаютъ весьма справедливо, что *начало самостоятельности судебной части немыслимо въ военномъ вѣдомствѣ* и что оно, ведя къ ограниченію личной власти военныхъ

начальниковъ, безъ которой невозможно сохраненіе порядка и повиновенія въ командахъ [1]), будетъ имѣть самое разрушительное вліяніе на военную дисциплину въ нашей арміи. Дѣйствительно, начало самостоятельности, понятое въ смыслѣ совершеннаго отдѣленія судебной отъ административной власти, несовмѣстно съ организаціею военнаго вѣдомства, но въ проектѣ военно-судебнаго устава положена прежде всего рѣзкая черта между собственно судебною властью, или властью постановлять судебныя приговоры, и судебно-распорядительною, или преслѣдовательною властью. Проведя сію черту, проектъ допускаетъ начало самостоятельности, и *то въ извѣстной лишь мѣрѣ* [2]), единственно относительно судебныхъ приговоровъ военныхъ судовъ. Что же касается до судебно-распорядительной, или преслѣдовательной власти, то по проекту устранено вовсе не только непосредственное участіе въ семъ военныхъ судовъ, но и прямое дѣйствіе въ этомъ отношеніи обвинителей-прокуроровъ—вся судебно-распорядительная власть *сосредоточена* проектомъ въ рукахъ военныхъ начальниковъ: къ нимъ должны поступать всѣ дознанія о преступныхъ дѣяніяхъ военно-служащихъ, и имъ однимъ, безъ всякаго участія военно-судебныхъ должностныхъ лицъ, предоставляется *право взвѣшивать* важность произшедшаго для рѣшенія вопроса—надлежитъ ли приступить къ законному слѣдствію или же дѣло, по неважности его, можетъ быть окончено административнымъ порядкомъ; а за симъ въ проектѣ установляется, что слѣдователь ни въ какомъ случаѣ, даже и при совершеніи преступленія въ виду его (flagrant délit), не можетъ приступить къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ иначе, какъ по требованію военнаго начальника; всѣ же жалобы, какія могутъ возникать на оставленіе дѣла безъ послѣдствій, на неназначеніе слѣдствія, обращаются проектомъ не къ судебному разсмотрѣнію, а по начальству, въ порядкѣ военной іерархіи. Такимъ образомъ слѣдователь въ военномъ вѣдомствѣ является не самостоятельнымъ дѣятелемъ, но исключительно *органомъ личной власти военныхъ начальниковъ* [3]), который можетъ и обязанъ

---

[1]) Эта мысль выше опровергнута мною, такъ какъ дисциплина вовсе не зиждется на произволѣ, а на одной лишь законности.

[2]) Комитетъ ясно созналъ значеніе военно-судной реформы: въ ней и тѣни нѣтъ того, что теорія называетъ самостоятельностью и независимостью суда.

[3]) Намъ кажется, что слѣдователь долженъ быть органомъ публичной, а не личной власти.

дѣйствовать лишь тогда, когда военный начальникъ признаетъ, что совершившееся дѣяніе требуетъ, по важности его, строгаго законнаго разбора; независимо отъ этого, предоставляется военнымъ начальникамъ, въ случаѣ очевиднаго совершенія преступленій по службѣ, отсылать виновныхъ къ суду и немедленно безъ производства предварительнаго слѣдствія. А изъ всего этого, оказывается, что нѣтъ ничего общаго между самостоятельною дѣятельностью прокурора и слѣдователя въ гражданскомъ вѣдомствѣ и дѣятельностію прокурора [1]) и слѣдователя въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ вся инціатива и вся, слѣдовательно, главнѣйшая доля преслѣдовательной власти, принадлежащая въ гражданскомъ вѣдомствѣ исключительно прокурорамъ и судебнымъ слѣдователямъ, усвоивается по проекту военнымъ начальникамъ, чѣмъ и охраняется неприкосновенно принадлежащая имъ лично власть.

III. Сосредоточеніе въ рукахъ военныхъ начальниковъ власти предавать обвиняемыхъ суду.

Далѣе проектъ ограждаетъ столь же заботливо личную власть военныхъ начальниковъ и въ разрѣшеніи крайне важныхъ вопросовъ о преданіи обвиняемыхъ суду: здѣсь также вся главная власть предоставляется военнымъ начальникамъ, а военные прокуроры поставлены въ положеніе, такъ сказать, докладчиковъ, знакомыхъ съ дѣловою законною процедурою и обязанныхъ облегчать первыхъ въ правильномъ направленіи дѣлъ. Существенныя по сему предмету положенія проекта заключаются въ слѣдующемъ: 1) ни одно слѣдственное дѣло не можетъ поступить въ военный судъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія его военнымъ начальникомъ; 2) голосъ военнаго начальника о преданіи обвиняемаго суду имѣетъ всегда *рѣшительное* значеніе [2]). На этомъ основаніи, въ проек-

---

[1]) Поэтому, какъ мы увидимъ въ 3-мъ томѣ настоящаго сочиненія, военные слѣдователи и прокуроры теряютъ свое теоретическче значеніе.

[2]) Состояніе подъ военнымъ судомъ еще болѣе тягостно, чѣмъ состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ общихъ судовъ; поэтому безграничная власть начальниковъ—безотвѣтственно предавать суду, заключаетъ въ себѣ право—наказывать подчиненныхъ безъ суда, потому что, во многихъ случаяхъ, одно уже состояніе подъ судомъ — есть тяжкое наказаніе.

тѣ поставлено, что если военный прокуроръ придетъ, по слѣдственному дѣлу, къ заключенію, что обвиненіе не подтвердилось и что вслѣдствіе этого нѣтъ повода для производства надъ нимъ суда, а военный начальникъ признаетъ необходимымъ судить обвиняемаго, то мнѣніе военнаго прокурора оставляется безъ всякихъ послѣдствій, и дѣло вносится, по указаніямъ военнаго начальника, на разсмотрѣніе военнаго суда. Здѣсь, слѣдовательно, предоставлена каждому военному начальнику та же степень власти, какая въ гражданскомъ вѣдомствѣ принадлежитъ только высшей судебной инстанціи—судебной палатѣ. Единственное ограниченіе власти военныхъ начальниковъ, при рѣшеніи сихъ вопросовъ, допущено проектомъ на тотъ лишь случай, когда военный прокуроръ, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло, укажетъ на необходимость преданія обвиняемаго суду, а военный начальникъ, не соглашаясь съ симъ, найдетъ нужнымъ оставить дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Интересы закона и требованія правосудія, а равно самые интересы военной службы обязываютъ предусматривать, что со стороны военнаго начальника могутъ въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчаться иногда пристрастные взгляды на дѣло, въ желаніи, можетъ быть—не допустить раскрытія обнаруживающихся безпорядковъ въ подвѣдомственной ему части; и потому заключеніе прокурора о важности открытаго слѣдствіемъ не можетъ быть оставлено безъ послѣдствій по одному личному усмотрѣнію военнаго начальника. Обращая вниманіе на такіе случаи, проектъ не даетъ однако голосу военнаго прокурора рѣшительнаго, самостоятельнаго значенія; но ограничивается постановленіемъ, что такое разномысліе по слѣдственнымъ дѣламъ между прокурорами и военными начальниками должно быть доводимо до свѣдѣнія высшаго начальства и разрѣшаемо главнымъ военнымъ судомъ. Такое постановленіе проекта, хотя и ограничиваетъ до нѣкоторой степени произвольную власть военныхъ начальниковъ послѣ формальнаго, по ихъ же требованію, объисслѣдованія дѣла, но сіе представляется конечно не ослабленіемъ военнаго начала, а установлено напротивъ для тщательнѣйшаго охраненія самыхъ интересовъ военной службы.

Изъ вышеизложенныхъ объясненій, можно усмотрѣть, что военно-судебная власть отнюдь не изъемлется проектомъ изъ рукъ военныхъ начальниковъ *въ силу начала самостоятельности*, и что начало сіе отнюдь не коснулось личной распорядительной и наблюдательной власти начальниковъ въ командахъ; напротивъ, по предположеніямъ проекта *не было и мысли* о примѣненіи сего начала къ личной власти военныхъ на-

чальниковъ, которые во всей экономіи новой системы военнаго судоустройства поставлены посредственными участниками и главными дѣятелями военно-судебной власти до самой передачи дѣла на разсмотрѣніе суда.

Вопросъ о возможномъ примѣненіи начала самостоятельности судовъ относится по проекту единственно къ послѣднему періоду дѣятельности судебной власти, а именно — къ постановленію приговоровъ и сосредоточивается лишь на томъ: возможно и полезно ли установить, что приговоры военнаго суда суть окончательные, не подвергаясь ревизіонному пересмотру начальниками въ существѣ, или же подлежитъ сохранить ревизію приговоровъ суда начальствующими лицами; но ограничиваясь этими предѣлами, согласно усвоенной нашимъ новымъ законодательствомъ формы кассаціоннаго производства, вопросъ о началѣ самостоятельности судебныхъ приговоровъ не имѣетъ далеко и здѣсь того значенія и того объема, на которые, при сравненіи сего съ судопроизводствомъ по гражданскому вѣдомству, указываютъ нѣкоторые, какъ на правило, лишающее будто бы будущіе военные суды того существеннаго характера, какой должны имѣть особые спеціально-военные суды, нося въ себѣ истинный духъ и понятія, преобладающія въ арміи [1]).

IV О ревизіи судебныхъ приговоровъ.

Послѣднее замѣчаніе разъясняется правилами о личномъ составѣ суда, съ коимъ тѣсно соединенъ вопросъ о той или иной степени самостоятельности суда, и о чемъ будетъ изложено ниже; но въ отношеніи собственно того — должна ли быть сохранена ревизія судебныхъ приговоровъ высшею инстанціею, или начальствующими лицами, комитетъ пришелъ къ заключенію, что сіе было бы совершенно несовмѣстно съ новымъ порядкомъ производства суда, такъ какъ съ введеніемъ въ военные суды словеснаго, вмѣсто письменнаго, производства дѣлъ, судъ не иначе можетъ постановить приговора, какъ по выслушаніи подсудимаго, свидѣтелей и экспертовъ, вызовъ которыхъ снова въ ревизіонное судебное мѣсто представляется рѣшительно невозможнымъ. Слѣдовательно, при установленіи ревизіоннаго

---

[1]) Въ этихъ словахъ заключается полнѣйшая критика военно-судной организаціи и доказывается вся ея произвольность и вся обширность развитія принципа единоначалія.

порядка, т. е., обязательнаго переноса военно-судныхъ дѣлъ изъ военнаго суда въ главный военный судъ. для повѣрки правильности рѣшеній о виновности подсудимаго, все, что ни обезпечиваетъ справедливость судебнаго приговора, утратило бы всякое значеніе, примѣняясь исключительно къ производству такого рода, приговоръ котораго лишенъ всякой самостоятельности. [1]) Подобный порядокъ имѣлъ бы, кромѣ того, невыгодную сторону и потому еще, что члены военныхъ судовъ, зная, что приговоры ихъ могутъ быть измѣняемы, не будутъ смотрѣть на исполненіе судейскихъ обязанностей своихъ столь же свято, какъ тогда, когда знаютъ, что приговоръ ихъ о винѣ или невинности подсудимаго есть послѣднее слово; а между тѣмъ не представляется никакого обезпеченія къ тому, что члены военнаго суда будутъ постановлять приговоръ правильнѣе, нежели первая инстанція, ибо они лишены возможности изучить всѣ обстоятельства дѣла по изустнымъ объясненіямъ подсудимаго и свидѣтелей и должны будутъ рѣшать дѣла, основываясь на одномъ письменномъ производствѣ. Что касается до подчиненія приговоровъ военныхъ судовъ ревизіи начальствующихъ лицъ, то ревизія эта, кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ неудобствъ, неизбѣжна соединяется еще съ главнымъ недостаткомъ нашего военно-уголовнаго судопроизводства, по которому участь подсудимаго находится нерѣдко во власти того же начальника, который предаетъ суду обвиняемаго и постановляетъ окончательную о немъ конфирмацію. Съ военной же точки зрѣнія нѣтъ никакого основанія опасаться, чтобы означенный порядокъ, относящійся исключительно къ формѣ судопроизводства, могъ имѣть какое либо вредное вліяніе на военную дисциплину, такъ какъ онъ не составляетъ такого рода нововведенія, которого бы мы не встрѣчали въ другихъ арміяхъ Европы; напротивъ, во Франціи порядокъ сей принятъ уже съ давняго времени при производствѣ военно-судныхъ дѣлъ, и дисциплина французской арміи не подвергается чрезъ то ни малѣйшей опасности [2]).

Въ виду всего этого и принявъ въ соображеніе, что неудобно было бы установить совершенно иное для производства дѣлъ въ военныхъ судахъ

---

[1]) Это было уже выше опровергнуто мною, гдѣ я доказывалъ, что кассаціонная форма возможна только при усовершенствованной формѣ суда присяжнаго и что, при другихъ менѣе совершенныхъ формахъ, одна ревизіонная форма является лишь слабою гарантіею правосудія.

[2]) Здѣсь вовсе не идетъ рѣчь объ этомъ, а о совершенствѣ самой формы.

коренное начало, чѣмъ то, на коемъ, по общимъ законамъ имперіи, зиждется все отправленіе правосудія, комитетъ призналъ, что предпринимаемая судебная реформа по военному вѣдомству можетъ быть совершена съ пользою лишъ на началѣ кассаціоннаго производства дѣлъ въ военныхъ судахъ, какъ сіе опредѣлено въ Высочайше одобренныхъ основныхъ положеніяхъ преобравованія военно-судебной части.

О законной теоріи доказательствъ.

Въ связи съ вопросомъ о кассаціонномъ производствѣ находится и вопросъ *о законной теоріи доказательствъ*, которая по военно-судебной практикѣ, какъ и по гражданскому вѣдомству, оказывается вполнѣ несостоятельною, ибо во многихъ случаяхъ подсудимые, не смотря на совершенно ясныя улики, но потому только, что онѣ не соотвѣтствуютъ буквѣ теоріи доказательствъ, оставляются въ подозрѣніи и тѣмъ избѣгаютъ заслуженнаго наказанія. Военныя законодательства другихъ государствъ служатъ намъ и въ настоящемъ случаѣ полезнымъ указаніемъ, что отъ предоставленія судьямъ рѣшать дѣла по внутреннему ихъ убѣжденію нельзя предовидѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій для дисциплины и посему комитетъ заключилъ, что правило это должно быть принято за основаніе при установленіи новаго порядка военнаго судопроизводства. [1])

VI. Объ учрежденіи постоянныхъ военныхъ судовъ по военнымъ округамъ или при штабахъ дивизіи.

Устройство *военныхъ судовъ* по округамъ и *личный составъ* военныхъ судовъ вызываютъ также критическія замѣчанія, по коимъ, относительно перваго предмета, заявляется, что полезнѣе было бы не сосредо-

---

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться въ томъ лишь случаѣ, если бы военные суды имѣли тѣ гарантіи, которыя имѣетъ судъ присяжныхъ; но не имѣя ихъ, приговоры военныхъ судовъ, безъ теоріи законныхъ доказательствъ, обращаются въ произволъ. Ссылка же въ этомъ случаѣ на законы Франціи или другихъ государствъ не имѣетъ никакого значенія; потому что если въ одномъ мѣстѣ есть что нибудь несовершенное, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и мы должны это принять.

точивать судебнаго управленія при штабахъ командующихъ войсками въ военныхъ округахъ, а учредить постоянные военные суды при каждой дивизіи.

Вопросъ этотъ подвергался всестороннему обсужденію при самомъ началѣ соображеній о возможно-лучшемъ и удобнѣйшемъ для насъ устройствѣ военно-судебной части и по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ особенныхъ условій, въ какихъ мы находимся въ территоріальномъ отношеніи, а равно въ отношеніи нашихъ способовъ и средствъ, какъ матерьяльныхъ, такъ и личныхъ, признано, что установить безостановочное и возможно-удовлетворительное отправленіе уголовнаго правосудія по военному вѣдомству, на началахъ новаго суда, возможно у насъ единственно при допущеніи двоякой системы устройства военныхъ судовъ, а именно, при образованіи *немногихъ постоянныхъ* военныхъ судовъ, съ дозволеніемъ отряжать отъ нихъ судебно-должностныя лица для открытія, по мѣрѣ надобности, *временныхъ* военныхъ судовъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по сосредоточенію войскъ, окажется въ этомъ преимущественно необходимость. Наша особая организація мѣстныхъ войскъ по губерніямъ и наши громадныя разстоянія не позволяютъ, съ практической точки зрѣнія, остановиться на иной какой-либо системѣ. Образованіе постоянныхъ военныхъ судовъ по дивизіямъ, не говоря о другихъ соединенныхъ съ симъ неудобствахъ, затруднителено у насъ потому, что наши дивизіи располагаются иногда на такомъ пространствѣ, при которомъ производство всѣхъ дѣлъ въ дивизіонныхъ судахъ оказывается рѣшительно невозможнымъ, вслѣдствіе различныхъ затрудненій для собранія всѣхъ свидѣтелей и другихъ лицъ, показанія и объясненія которыхъ необходимы по правиламъ новаго словеснаго судопроизводства; а если допустить, что и отъ дивизіонныхъ судовъ могутъ быть отряжаемы временные или разъѣзжіе суды, то сіе потребовало бы значительнаго усиленія личнаго состава военно-судебныхъ должностныхъ лицъ, а слѣдовательно, и тѣхъ громадныхъ издержекъ на содержаніе излишняго комплекта ихъ при штабѣ дивизіи, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать отъ государства по незначительности даже числа дѣлъ, какое пришлось бы рѣшать дивизіоннымъ судамъ.

Вопросъ о содержаніи военно-судебныхъ должностныхъ лицъ разрѣшается легко лишь повидимому при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, но ближайшія соображенія предмета убѣждаютъ, что отъ сего вопроса зависитъ самая возможность осуществленія кореннаго преобразованія

военно-судебной части. Новый порядокъ суда представляется, безъ сомнѣнія, болѣе упрощеннымъ и болѣе способнымъ, чѣмъ порядокъ письменнаго производства, для обезпеченія правильности судебныхъ приговоровъ; вмѣстѣ съ этимъ, порядокъ этотъ требуетъ извѣстныхъ свѣдѣній, опытности и способности для надлежащаго, вполнѣ достаточнаго разъясненія дѣла на судѣ и для безошибочныхъ дѣйствій въ главнѣйшихъ условіяхъ судебнаго процесса, которыя составляютъ существенныя формы и обряды, обезпечивающіе правильность и законность приговора. Тамъ, гдѣ общество свыклось съ этими требованіями новаго порядка; гдѣ выработались ясныя пониманія объ основныхъ началахъ суда; гдѣ при этомъ является съ избыткомъ и много достаточно-образованныхъ лицъ, желающихъ посвятить себя дѣятельности по судебной части,—тамъ конечно нельзя особенно опасаться излишняго увеличенія личнаго состава судебно-должностныхъ лицъ и самые оклады по военно-судебному вѣдомству могутъ быть весьма ограничены. Но мы находимся въ совершенно иномъ еще положеніи: успѣшный ходъ военно-судебной части связанъ у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, съ удовлетворительнымъ личнымъ составомъ военно-судебныхъ должностныхъ лицъ, а такъ какъ мы далеко не обладаемъ еще огромнымъ числомъ лицъ, приготовившихъ себя для этой дѣятельности, то никакъ не можемъ расчитывать на пріисканіе способныхъ и благонадежныхъ дѣятелей за незначительное денежное вознагражденіе по образцу, напримѣръ, Франціи, на которую указываютъ въ этомъ случаѣ многіе [1]). Какъ по гражданскому вѣдомству признано необходимымъ опредѣлить вдвое, втрое и болѣе оклады судебныхъ чиновъ, сравнительно съ окладами въ судахъ Франціи, такъ равнымъ образомъ и военное вѣдомство вынуждено назначить оклады содержанія по военно-судебной части, примѣняясь не къ французскимъ окладамъ, а къ содержанію, опредѣленному для соотвѣтствующихъ должностей въ нашихъ гражданскихъ судахъ; иначе военное вѣдомство лишено было бы всякой возможности пріискать достойныхъ благонадежныхъ дѣятелей на поприщѣ военно-уголовной юстиціи. Примѣняя же сіи оклады къ составу судовъ въ каждой дивизіи, окажется такая потребность въ числѣ лицъ и въ общей суммѣ издержекъ на содержаніе ихъ, удовлетвореніе которой рѣшительно немыслимо

---

[1]) Выше въ главѣ «о содержаніи судей» я указывалъ уже, что во Франціи эти причины вызвали упадокъ правосудія въ этомъ государствѣ.

при настоящихъ нашихъ средствахъ, да и при большихъ средствахъ — было бы не возможно [1]).

Соображая все это, комитетъ не могъ не признать, что единственно система устройства военныхъ судовъ по округамъ, Высочайше одобренная, при установленіи основныхъ положеній преобразованія военно-судебной части, можетъ удовлетворить всѣмъ нашимъ особымъ потребностямъ въ этомъ дѣлѣ, не возлагая на государство чрезмѣрныхъ значительныхъ расходовъ: личный составъ 15-ти постоянныхъ военныхъ судовъ въ городахъ, гдѣ помѣщаются штабы командующихъ войсками въ округахъ, можетъ быть составленъ удовлетворительно, съ полною надеждою имѣть благонадежныхъ дѣятелей за приличное вознагражденіе, при чемъ, сосредоточенные при штабѣ командующаго войсками судебные чины будутъ находиться постоянно подъ главнымъ надзоромъ высшаго мѣстнаго военнаго начальства, а пребываніе въ городахъ, гдѣ существуютъ и главныя мѣстныя судебныя установленія по гражданскому вѣдомству, даетъ имъ возможность слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ новаго порядка суда и направлять надлежащимъ образомъ развитіе военно-уголовнаго законодательства; — поочередные же періодическіе, или, по мѣрѣ надобности, разъѣзды ихъ въ тѣ пункты, куда окажется нужнымъ, по усмотрѣнію военнаго начальства, для открытія временныхъ военныхъ судовъ—вмѣстѣ съ строевыми офицерами, назначаемыми отъ войскъ на мѣстѣ находящихся,—представляютъ, даже для быстроты суда, несравненно болѣе удобствъ, чѣмъ образованіе многихъ разбросанныхъ по дивизіямъ судовъ [2]).

---

[1]) Уже одни эти финансовыя затрудненія должны бы были убѣдить всѣхъ что военно-судная реформа введетъ государство только въ излишніе расходы, безъ всякой крайней общественной потребности.

[2]) Однако же и это стоитъ нѣсколько милльоновъ, кромѣ суммъ, ассигнуемыхъ на разъѣзды судей, слѣдователей, прокуроровъ, на содержаніе подсудимыхъ, на требованіе въ судъ защитниковъ, свидѣтелей и экспертовъ. Послѣдніе расходы едва-ли не составляютъ половину того, что составляетъ содержаніе самыхъ судовъ. Между тѣмъ самъ комитетъ говоритъ о финансовыхъ нашихъ затрудненіяхъ. При томъ нужно обратить вниманіе на то, что расходы на содержаніе общихъ судовъ возмѣщаются нѣкоторымъ образомъ существующими пошлинами съ тяжущихся и гербовымъ сборомъ; слѣдовательно расходъ этотъ возмѣщается косвеннымъ налогомъ, между тѣмъ какъ военные суды содержатся изъ суммъ *прямыхъ* налоговъ и тяготѣютъ поэтому надъ всѣмъ государственнымъ организмомъ.

Взвѣшивая, такимъ образомъ, всѣ выгоды сей системы, сообразно нашимъ особымъ условіямъ сколько съ финансовой стороны, столько же и съ военной точки зрѣнія, а равно въ виду новости дѣла, требующаго особенной осторожности при началѣ осуществленіи реформы,—комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что предположенное устройство военныхъ судовъ по округамъ, съ допущеніемъ открытія отъ нихъ отдѣленій или временныхъ судовъ, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ удобства учрежденія благопорядочно - составленныхъ военныхъ судовъ вблизи мѣста совершенія преступныхъ дѣяній, устраняя всѣ невыгоды образованія слишкомъ значительнаго числа постоянныхъ военныхъ судовъ по разнымъ частямъ войскъ.

О составѣ военныхъ судовъ изъ постоянныхъ и временныхъ членовъ.

Личный составъ военныхъ судовъ критикуется главнѣйше въ томъ отношеніи, что независимо отъ временныхъ членовъ, назначаемыхъ изъ офицеровъ отъ войскъ періодически на 6 мѣсяцевъ, предположено проектомъ ввести въ составъ военныхъ судовъ *постоянныхъ* членовъ, а именно предсѣдателя и военныхъ судей.

Постоянные члены, занимая штатную судебную должность, хотя бы и носили военные чины, отрѣшаются, говорятъ, отъ всякой связи съ арміею, забываютъ преобладающія въ ней возрѣнія на порядокъ службы и отношенія и могутъ имѣть своими рѣшеніями, несогласными со взглядами военнаго человѣка, вредное вліяніе на поддержаніе въ арміи дисциплины. При чемъ замѣчаютъ, сверхъ того, что проводимая будто бы проектомъ идея о несмѣняемости постоянныхъ судей, ставя ихъ въ совершенно независимое, новое въ военномъ быту положеніе, несовмѣстна съ требованіями военной службы.

Вопросъ о личномъ составѣ военныхъ судовъ подвергался, при послѣдовательномъ совершеніи настоящей работы, столь же подробному и всестороннему разсмотрѣнію, какъ и вопросъ объ устройствѣ военныхъ судовъ по округамъ или при дивизіяхъ. Приговоры военныхъ судовъ должны имѣть на будущее время рѣшительное значеніе для участи подсудимаго. Такой приговоръ суда составляется изъ двухъ частей: изъ рѣшенія вопросовъ о винѣ или невиновности и о самой степени вины, въ различныхъ случаяхъ однороднаго повидимому преступнаго дѣянія; а затѣмъ

изъ рѣшенія вопросовъ о наказаніи виновнаго по закону или о примѣненіи, къ признанной винѣ подсудимаго, уголовныхъ законовъ. Правильное, рѣшеніе первыхъ вопросовъ обусловливается надлежащимъ веденіемъ дѣла на судѣ, съ неупустительнымъ разъясненіемъ на судебномъ слѣдствіи всего того, что можетъ и должно быть раскрыто предъ судьями о дѣйствіяхъ подсудимаго, составляющихъ предметъ преступленія или ведущихъ къ заключенію о признакахъ преступнаго, совершеннаго имъ дѣянія. Въ большинствѣ случаевъ нѣтъ сознанія подсудимаго и не бываетъ столь очевидныхъ безсомнѣнныхъ фактовъ о преступности, по которымъ можно бы съ перваго взгляда заключить о винѣ подсудимаго, а имъ употребляются всѣ мѣры для защиты себя, для сокрытія своего преступленія, или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія, въ ущербъ уголовнаго правосудія, своей виновности; прокуроры же обвинители, сосредоточиваясь нерѣдко на извѣстныхъ обстоятельствахъ, подрываемыхъ или ослабляемыхъ объясненіями со стороны защиты, упускаютъ иногда другія обстоятельства, которыя всего болѣе служатъ къ изобличенію преступника, а иногда, въ усиліяхъ поддержать обвиненіе, прокуроры представляютъ нѣкоторыя улики совершенно односторонне и тѣмъ затмѣваютъ лишь истину. При такомъ живомъ сопоставленіи предъ судьями обвиненія и защиты, уравновѣшивающая обѣ стороны, сила должна быть въ самой средѣ судей, взвѣшивающихъ безошибочно все происходящее на судѣ и способствующихъ своими вопросами и направленіемъ судебнаго процесса къ безсомнѣнному выясненію истины.

Въ виду сего и при новости у насъ дѣла, при невыработанности еще общихъ взглядовъ и пониманій о главномъ значеніи и образѣ дѣйствій новаго суда, что утверждается въ обществѣ единственно привычкою къ сему порядку при болѣе продолжительномъ его дѣйствіи, не только небезопасно, но и едва-ли возможно образовать наши военные суды исключительно изъ однихъ временныхъ членовъ, назначаемыхъ на короткое время изъ строевыхъ офицеровъ.

Далѣе, судьи, послѣ окончанія судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній, должны остаться одни и безъ помощи прокурора; обязаны рѣшить вопросы о наказаніи признаннаго виновнымъ на точномъ основаніи законовъ. При связи военныхъ законовъ съ общими уголовными законами и при многосложности нашего уголовнаго законодательства, правильное примѣненіе закона къ винѣ подсудимаго представляется дѣломъ далеко не такъ легкимъ, какъ оно кажется съ перваго взгляда, а въ весьма мно-

гихъ случаяхъ уголовной подсудности, сіе требуетъ неизбѣжно усиленнаго вниманія, извѣстнаго навыка и знакомства съ законами, чего конечно нельзя ожидать отъ строевыхъ офицеровъ, сколь ни добросовѣстно относились бы они къ исполненію судейскимъ обязанностей. Могущіе между тѣмъ случаться, вслѣдствіе этого, многія ошибки въ примѣненіи закона будутъ имѣть послѣдствіемъ справедливыя кассаціонныя жалобы и частую отмѣну рѣшеній, а нерѣдкое повтореніе сего, не говоря ужь объ излишнемъ промедленіи въ ходѣ дѣлъ, можетъ умалять значеніе и достоинство судебныхъ приговоровъ.

Таковая потребность—облегчить военныхъ фронтовыхъ офицеровъ въ исполненіи судейской обязанности, побудила остановиться на мысли о введеніи въ составъ военныхъ судовъ *постоянныхъ* членовъ, и комитетъ съ своей стороны находитъ, что этимъ только можетъ быть у насъ обезпечено правильное отправленіе правосудія въ военныхъ судахъ, а потому считаетъ сіе мѣрою столь существенной необходимости, въ настоящее время, что безъ нея едва ли возможно и приступить къ совершенію преобразованія военно-судебной части на выработанныхъ основаніяхъ. Не отрицая за симъ, что военные суды должны всегда служить вѣрнымъ выраженіемъ тѣхъ здравыхъ и строгихъ взглядовъ, которые преобладаютъ въ арміи, комитетъ постановляетъ себѣ въ обязанность, что правило это не упущено изъ виду при составленіи проэкта, по которому составъ суда опредѣляется такимъ образомъ, что должно быть всегда болѣе *временныхъ членовъ* отъ войскъ, чѣмъ *постоянныхъ*; коренное правило проэкта по сему предмету заключается въ томъ, что для состава присутствія суда достаточно *одного постояннаго члена*, а временныхъ членовъ должно быть всегда *не менѣе шести*—двухъ штабъ и четырехъ оберъ-офицеровъ. Имѣя въ виду, что постоянные члены окружного суда будутъ находиться почти всегда въ командировкахъ для образованія на мѣстахъ временныхъ судовъ, можно сказать утвердительно, что, въ большей части случаяхъ, присутствіе военнаго суда будетъ имѣть означенный составъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ составѣ суда будутъ присутствовать два или три постоянныхъ члена. При сихъ условіяхъ образованія присутствія военнаго суда нельзя конечно имѣть опасенія, что военно-судныя дѣла будутъ рѣшаться лицами, отрѣшившимися отъ строевой службы и чуждыми преданій и духа, присущихъ арміи, а тѣмъ болѣе, нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ дѣлахъ, касающихся нарушенія дисциплины и порядка военной службы, постоянные судьи могли имѣть вредное вліяніе на временныхъ членовъ

судовъ; напротивъ, въ дѣлахъ сего рода, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ по общимъ преступленіямъ, постоянный членъ можетъ быть нерѣдко весьма полезенъ для послѣднихъ, предостерегая ихъ своими объясненіями со стороны закона и обрядныхъ правилъ судебнаго процесса отъ невольныхъ ошибокъ, въ какія могли бы впадать строевые офицеры по незнакомству съ законами [1]). Изъ сего обзора о предположенномъ составѣ военныхъ судовъ усмотрѣть можно, что и самое начало *о самостоятельности приговоровъ суда* имѣетъ по проэкту военно-судебнаго устава лишь условное, ограниченное значеніе; ибо приговоры сіи будутъ постановляться временными членами суда, а такъ какъ временные члены избираются изъ *строевыхъ* офицеровъ военноначальствующими лицами и назначаются лишь на 6-ти-мѣсячный срокъ, продолжая оставаться въ подчиненіи и зависимости военныхъ начальниковъ, то нельзя сказать, чтобы военно-начальствующія лица устранены были вовсе отъ непосредственнаго вліянія на рѣшенія военно-судныхъ дѣлъ.

О личномъ самостоятельномъ положеніи постоянныхъ членовъ военныхъ судовъ.

Обращаясь къ упомянутому выше замѣчанію, что проэктомъ вводится, несовмѣстное для военнаго вѣдомства, правило *о несмѣняемости судей*, оказывается, что указаніе это не имѣетъ серьезнаго основанія. Въ силу начала несмѣняемости, судья пользуется по закону полною личною независимостью въ его служебномъ положеніи,—судья не можетъ быть переводимъ, безъ его согласія, изъ одной мѣстности въ другую и не можетъ быть совершенно удаленъ или отрѣшаемъ отъ должности иначе, какъ *по приговору уголовнаго суда послѣ преданія его суду*. Ничего подобнаго не встрѣчается въ проэктѣ военно-судебнаго устава относительно правъ постоянныхъ членовъ военнаго суда; напротивъ, въ проэктѣ постановлено, что предсѣдатели военныхъ судовъ и военные судьи *могутъ*

---

[1]) Поэтому, слѣдовало бы отъ строевыхъ офицеровъ отнять право рѣшенія вопроса о законѣ и предоставить имъ право рѣшенія только вопроса о фактѣ, или другими словами, установить тѣже отношенія между временными и постоянными членами суда, какія существуютъ въ судахъ общихъ.

быть переводимы изъ одного суда въ другой по распоряженію Военнаго Министра и *могутъ быть* равнымъ образомъ *удаляемы отъ должности и увольняемы отъ службы* безъ прошенія въ административномъ порядкѣ по постановленіямъ главнаго военнаго суда, а затѣмъ, въ отношеніи дисциплинарномъ, не касаясь судейскихъ обязанностей, чины сіи находятся въ томъ же положеніи *зависимости* и *подчиненности* командующему войсками въ округѣ, какъ и члены отъ военнаго министерства въ военно-окружныхъ управленіяхъ, которые, подчиняясь лично командующему войсками, въ порядкѣ дисциплинарномъ вообще, изъяты отъ зависимости его во всемъ томъ, что касается исполненія служебныхъ по должности ихъ обязанностей. Дѣйствія судей въ направленіи и рѣшеніи военно-судныхъ дѣлъ должны быть всегда и во всемъ основаны на законахъ, а какъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ въ судахъ законовъ относится, при кассаціонномъ порядкѣ производства дѣлъ, къ кругу дѣйствій главнаго военнаго суда, то очевидно, что по силѣ самыхъ вещей, дисциплинарныя взысканія на судей за нарушенія ими своихъ обязанностей могутъ быть назначаемы лишь тою высшею инстанціею, которой предоставляется блюсти за неупустительнымъ охраненіемъ постановленій закона. На семъ основаніи, а не въ силу начала несмѣняемости, установлено въ проэктѣ, что предсѣдатель и военные судьи могутъ быть удаляемы отъ должностей и увольняемы отъ службы въ административномъ порядкѣ, но не иначе, какъ по постановленіямъ главнаго военнаго суда. Такія правила проэкта о личномъ положеніи постановленныхъ членовъ не имѣютъ ничего опаснаго для военной дисциплины [1]), но недостаточно понятыя, вслѣдствіе новости всего дѣла, какъ и многія другія, онѣ возбуждаютъ различные толки и неосновательныя замѣчанія о введеніи въ проэктъ такихъ правилъ, какія дѣйствительно были бы несовмѣстны съ требованіями военной службы.

Объ учрежденіи главнаго военнаго суда въ С.-Петербургѣ.

Учрежденіе въ составѣ военнаго министерства *главнаго военнаго суда*, вмѣсто нынѣшняго генералъ-аудиторіата, служитъ также пред-

---

[1]) Но дѣло въ томъ, что, какъ объяснено уже мною единожды, дисциплина вовсе не зиждется на произволѣ, а на—законности, патріотизмѣ и правильной организаціи арміи.

метомъ критики, указывающей, что этимъ ослабляется и ограничивается будто-бы власть и значеніе главныхъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ и что посему, вмѣсто одного центральнаго кассаціоннаго суда, лучше-бы, по примѣру Франціи, образовать таковые суды по военнымъ округамъ при штабахъ командующихъ въ нихъ войсками.

Центральное военно-судебное управленіе существуетъ во многихъ государствахъ Европы, какъ-то—Пруссіи, Австріи, Англіи; но если бы мы и не имѣли сего въ виду, то при нашихъ особыхъ потребностяхъ и слѣдуя историческому ходу нашей военной организаціи, нельзя бы отказаться отъ сосредоточенія при военномъ министерствѣ высшаго наблюденія за движеніемъ и правильнымъ рѣшеніемъ военно-судныхъ дѣлъ. Если во Франціи признано возможнымъ обходиться нѣсколькими кассаціонными судами при главныхъ центрахъ военнаго управленія, то не нужно забывать, что при ограниченной территоріи Франціи,— тамъ никогда не было высшаго центральнаго военно-судебнаго мѣста,—и при извѣстномъ распространеніи въ обществѣ понятій о правильномъ производствѣ суда на утвердившихся давно началахъ, нѣтъ тамъ и опасности раздѣлить надзоръ за военными судами между разными ревизіонными судами; но у насъ, съ развитіемъ военныхъ силъ, существуетъ издавна центральное высшее судебное мѣсто по военному вѣдомству, и учрежденіе его объясняется именно тѣмъ, что при отдаленіи отъ центральнаго управленія мѣстныхъ военныхъ управленій и при разбросанности нашихъ военныхъ силъ по обширному пространству имперіи, опасно было бы не имѣть особаго центральнаго установленія для постояннаго наблюденія за военно-судебною частью и для повѣрки чрезъ сіе дѣйствій мѣстныхъ управленій. Всѣ сіи соображенія, оставаясь теперь въ той же силѣ, какъ и прежде, вызываютъ нынѣ, при коренномъ преобразованіи военно-судебной части на началѣ кассаціоннаго производства, еще болѣе потребность установить такое учрежденіе, чрезъ которое могъ бы повсемѣстно утвердиться правильно новый порядокъ суда и обезпечилось бы правильное однообразное пониманіе законовъ. Не теоретическія такимъ образомъ разсужденія, но практическія наши потребности вызываютъ необходимость учрежденія одного главнаго кассаціоннаго военнаго суда въ С.-Петербургѣ, и въ этомъ отношеніи комитетъ не могъ не признать, что учрежденія французскихъ военно-ревизіонныхъ или кассаціонныхъ судовъ вовсе не примѣнимы къ намъ, и что подобное устройство у насъ могло бы, вмѣсто ожи-

даемой пользы, повести къ весьма вреднымъ для управленія военнымъ вѣдомствомъ послѣдствіямъ.

Объ отдѣленіяхъ главнаго военнаго суда въ Сибири и на Кавказѣ.

Предлагая учрежденіе главнаго военнаго суда въ С.-Петербургѣ, какъ высшей кассаціонной инстанціи, проектъ не оставилъ безъ вниманія другихъ, въ этомъ отношеніи, нашихъ практическихъ потребностей и въ виду ихъ, наряду съ главнымъ военнымъ судомъ, предполагается учредить особыя отдѣленія сего суда въ Сибири и на Кавказѣ. Отдаленность сихъ окраинъ отъ столицы и значительная численность кавказской арміи побуждаютъ отступить здѣсь отъ принципа *единства* надзора за охраненіемъ правильнаго толкованія законовъ; но допуская сіе, постановлено однако сохранить связь между главнымъ военнымъ судомъ и отдѣленіями его въ Сибири и на Кавказѣ, которая установляется чрезъ подчиненіе прокуроровъ при сихъ отдѣленіяхъ главному военному прокурору и чрезъ выраженіе въ уставѣ, что рѣшенія главнаго военнаго суда, объясняющія настоящій смыслъ законовъ, должны быть принимаемы въ руководство какъ военными судами, такъ и отдѣленіями главнаго военнаго суда [1]).

О допущеніи особаго порядка кассаціоннаго производства для чрезвычайныхъ случаевъ, требующихъ неотложнаго исполненія судебныхъ приговоровъ.

Независимо учрежденія отдѣленій главнаго военнаго суда въ Сибири и на Кавказѣ, въ проектѣ предусматриваются особенно важные случаи явнаго нарушенія военной дисциплины, требующіе неотложнаго наказанія виновныхъ, и для сихъ случаевъ командующіе войсками въ округѣ уполномочиваются учредить на мѣстѣ, при преданіи обвиняемаго суду, особыя присутствія для разсмотрѣнія могущихъ быть протестовъ прокурора и жалобъ подсудимаго. Присутствія сіи будутъ, въ означенныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, замѣнять главный военный судъ, и опредѣленія ихъ долж-

[1]) Этотъ взглядъ совершенно правиленъ и не нарушитъ, по крайней мѣрѣ, понятіе объ единствѣ судебной власти.

ны считаться окончательными въ той же силѣ, какъ и опредѣленія главнаго военнаго суда.

При такихъ дополнительныхъ постановленіяхъ, сообразно нашимъ особеннымъ потребностямъ и при дарованной главному военному суду и отдѣленіямъ его власти, въ отличіе отъ кассаціоннаго производства по гражданскому вѣдомству, постановлять новый приговоръ о наказаніи виновнаго, если наказаніе опредѣлено въ приговорѣ военнаго суда несогласно съ законами—не должно, по мнѣнію комитета, встрѣчаться затрудненій къ утвержденію выработанныхъ въ проектѣ правилъ о военно-кассаціонной инстанціи на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, какія удостоились Высочайшаго одобренія [1]).

IV. Общее заключеніе о военныхъ судахъ.

15-го мая 1867 года докладъ этотъ, совмѣстно съ военно-морскимъ судебнымъ уставомъ, получилъ Высочайшее утвержденіе и почти повсемѣстно введенъ...

Но въ 1870 году торжественно провозглашенъ принципъ всеобщей обязательности службы, безъ права замѣны личной службы рекрутскими квитанціями или наемщиками. Поэтому возникаетъ крайняя необходимость пересмотра вновь военно-уголовнаго устава и согласованія его съ новыми потребностями. Въ рядахъ арміи, вмѣстѣ съ прежними нижними чинами, станетъ не только высшее сословіе, но вообще всѣ образованные люди имперіи. Такимъ образомъ, возникаетъ потребность, не ослабляя дисциплины, положить болѣе прочныя основанія военнаго суда и расправы.

Пока въ рядахъ арміи были въ нижнихъ чинахъ люди необразованные, а въ офицерскихъ званіяхъ—люди, посвятившіе себя добровольно военной службѣ, то предоставленіе начальствующимъ лицамъ большой власти и несовершенство самого военнаго суда, хотя и отзывались болѣзненно на государственномъ организмѣ, но не въ такой степени, какъ это слѣдуетъ ожидать при всеобщей обязательности службы. Въ первомъ случаѣ, въ отношеніи нижнихъ чиновъ, такъ какъ они формировались по набору и поступали

---

[1]) Докладъ этотъ отъ 29 марта 1867 года и Высочайше утвержденъ, совмѣстно съ уставомъ военно-морского судоустройства и судопроизводства.

большею частью изъ крестьянскаго сословія, а потому они, при бывшей крѣпостной зависимости, привыкнувъ вообще къ угнетающей власти и къ неправосудію, были равнодушны и къ формамъ того суда, которому они подвергались въ военной службѣ. Да и въ настоящее время едва ли они чувствуютъ улучшеніе въ тѣхъ формахъ, которыя представляютъ имъ преобразованные суды. Иное же дѣло, когда тотъ же нижній чинъ будетъ изъ образованнаго класса; тогда несовершенныя формы суда могутъ сильно противорѣчить всему его міросозерцанію и идеалу того права, которое онъ вынесъ изъ университета. Какъ взглянетъ онъ, напримѣръ, на то, что въ мирное время его начальнику предоставлено непосредственное право предавать его уголовному суду; а въ отношеніи проступковъ, что его, безапелляціонно, будетъ судить въ полковомъ судѣ лицо, которое въ полнѣйшей зависимости отъ полкового командира. И этимъ тяжкимъ испытаніямъ долженъ подвергнуться неотразимо каждый гражданинъ... Иное дѣло, если я добровольно поступаю на службу, тогда я добровольно и подчиняюсь тѣмъ условіямъ, которыя мнѣ предписываетъ начальство. Если же я недобровольно *обязанъ* служить, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, по возможности, облегчать мою участь и не лишать меня тѣхъ гарантій правосудія, которыя вообще государство признаетъ справедливыми и раціональными.

Во имя чего установляются военные суды? Во имя *сословности* военной?... Но этой сословности давно ужь нѣтъ въ нашей арміи, и если первоначально Минихъ, а потомъ императоръ Павелъ I ввели ауditоріаты, какъ спеціальные военные суды, то въ то время сословность была у насъ типомъ и идеаломъ гражданской жизни; въ особенности же она была провозглашена наказомъ Екатерины II главнымъ принципомъ хорошо организованнаго суда. Нынѣ же, съ паденіемъ вообще идеи сословности, падаетъ идея и сословности военной, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ въ настоящее время уже не о вооруженной арміи, а—о вооруженной націи. Слѣдовательно все *великое* земство обратится въ одну армію.

Однако же, не во имя ли дисциплины создаются военные суды? Дѣйствительно, во имя ея многіе полагаютъ, что если въ рукахъ высшаго начальства заключается и власть судебная, то эта власть, будто бы, крѣпче; другіе же думаютъ, что между общею судебною властью и военною администраціею произойдетъ антагонизмъ, который можетъ подорвать дисциплину арміи.

Но оба эти начала болѣе воображаемыя, нежели дѣйствительныя. Если вообще полагать силу всякой администраціи въ томъ, когда въ ней сосредоточена и власть судебная, то въ подобномъ случаѣ образцовыми администраторами слѣдуетъ считать турецкаго пашу или бывшихъ нашихъ намѣстниковъ и воеводъ. Но наука и жизнь доказали всю несостоятельность этой теоріи; равно то, что администрація сильнѣе, если власть возстановленія ея нарушеннаго права предоставлена другому вѣдомству. Въ подобномъ случаѣ ни одно изъ дѣйствительныхъ нарушеній ея права не проходитъ безнаказаннымъ; вслѣдствіе чего и самая власть административная становится сильнѣе и самостоятельнѣе: потому что тогда дѣйствуетъ не она, собственнымъ своимъ произволомъ, а дѣйствуетъ законъ. Вообще же произволъ вызываетъ всегда желаніе его нарушить; между тѣмъ какъ законность заставляетъ уважать всякую власть. Вотъ почему законность въ дисциплинѣ ни въ какомъ случаѣ никому не можетъ вредить. Напротивъ того, она же дастъ ей еще большую крѣпость и силу. Разница большая, когда меня за нарушеніе дисциплины наказываетъ мое непосредственное начальство, которое можно еще заподозрить въ пристрастіи; или же, когда на меня налагаетъ наказаніе судъ.

Въ отношеніи же боязни, что общая судебная власть можетъ, противодѣйствіемъ своимъ власти военной, ослабить дисциплину арміи, то на это можно возразить: развѣ общая судебная власть имперіи останется бездѣятельна и не исполнитъ своего долга, если пойдетъ рѣчь о такомъ серьезномъ предметѣ, отъ котораго зависитъ благоденствіе государства? Заподозрить ее въ этомъ случаѣ, значитъ вообще недовѣрять ея безпристрастію, и если законодательство довѣрило этой власти болѣе серьезные предметы, какъ, напримѣръ, преступленія *политическія*, то ей же можно довѣрить и менѣе серьезныя. Притомъ скорѣе тенденціозность проявляется въ политическихъ преступленіяхъ, чѣмъ въ нарушеніи дисциплины. Потому что первыя зависятъ отъ образа мыслей преступника; вторыя же суть простыя нарушенія обязанностей службы, имѣющія такой же характеръ, какой вообще носятъ на себѣ всѣ служебныя нарушенія. Поэтому мы не видимъ причинъ, почему бы въ мирное время изъять и военное вѣдомство отъ общей подсудности.

Но, возражаютъ почитатели военныхъ судовъ, общіе суды не могутъ судить о проступкахъ дисциплины; потому что они по этому предмету не компетентны. На это можно отвѣтить, что дисциплина, заключаясь въ томъ, чтобы исполнять безпрекословно приказанія начальства, вовсе не

такъ мудренна, чтобы, для опредѣленія того—есть ли въ данномъ фактѣ нарушеніе или нѣтъ,—требовать еще экспертицизмъ. И если суду присяжныхъ предоставлено рѣшеніе вопросовъ *судебно-медицинскихъ*, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ допустить при менѣе спеціальныхъ и научныхъ предметахъ. Наконецъ, если вы не довѣряете суду *общихъ* присяжныхъ рѣшеніе вопроса о фактѣ, при нарушеніи военной дисциплины, — то предоставьте рѣшеніе этого вопроса присяжнымъ изъ военнаго сословія. При новой организаціи арміи, она будетъ состоять изъ дѣйствующихъ войскъ, резервовъ и запасовъ. Поэтому послѣдніе при окружныхъ судахъ могли бы быть, во всякое время, источникомъ для пополненія въ окружныхъ судахъ штата присяжныхъ засѣдателей. Рѣшеніе же вопроса—о примѣненіи закона къ приговору присяжныхъ, можетъ быть скорѣе довѣрено опытнымъ юристамъ общихъ судовъ, чѣмъ неопытнымъ военнымъ судьямъ.

Итакъ общій нашъ выводъ по этому заключается въ слѣдующемъ:

1) Что въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, въ мирное время, военнослужащіе должны быть подсудны, по всѣмъ преступленіямъ вообще, общимъ судамъ;

2) и что военные суды должны существовать только во время войны.

Если же желаютъ внести, *во что бы то ни стало*, военный элементъ въ составъ общаго суда, то здѣсь могутъ быть двѣ формы:

1) или назначить по дѣламъ о нарушеніи дисциплины присяжныхъ изъ военнаго сословія, а рѣшеніе вопроса о примѣненіи закона предоставить общей судебной власти:

2) или же въ кассаціонный сенатъ по этого рода дѣламъ внести элементъ военный, но съ тѣмъ, чтобы сенаторы *изъ военныхъ* были несмѣняемы и назначались пожизненно на эти должности.

Наконецъ, если и это для военнаго сословія считается черезъ чуръ либеральнымъ, то по крайней мѣрѣ: а) подсудность военныхъ судовъ ограничить одними преступленіями противъ дисциплины и долга службы; б) постояннымъ членамъ военныхъ судовъ предоставить право несмѣняемости; в) временнымъ членамъ суда предоставить рѣшеніе вопроса только о фактѣ, въ противномъ случаѣ оставить теорію законныхъ доказательствъ и ревизію дѣла; г) военный кассаціонный судъ присоединить къ правительствующему сенату, какъ къ верховному судебному мѣсту.

Полковой же судъ, какъ вызываемый постояннымъ передвиженіемъ войскъ, оставить, только не въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ, а какъ я проэктирую его въ томъ мѣстѣ, гдѣ я разсматриваю проэктъ комиссіи. [1])

[1]) О военныхъ прокурорахъ и слѣдователяхъ я буду говорить во 2-й части 1-го тома настоящаго моего сочиненія.

II. Гражданскіе и уголовные суды.

Понятіе о гражданскихъ и уголовныхъ судахъ есть понятіе новѣйшаго времени: въ немъ выражается уже извѣстный, опредѣленный взглядъ на право и на его нарушенія,—словомъ, только отдѣленіе предметовъ права частнаго отъ предметовъ права общественнаго или публичнаго могло вызвать это раздѣленіе. Вотъ почему въ первобытныхъ обществахъ мы не встрѣчаемъ ни раздѣленія предметовъ права и его нарушеній, ни отдѣленія властей гражданской отъ уголовной. Но это не есть плодъ одной неразвитости первобытныхъ обществъ; вытекаетъ же это изъ самой сущности правоотношеній ихъ членовъ. Въ первобытныхъ обществахъ право собственности, съ одной стороны, ограничивается, по большей части, только движимыми и движущимися предметами, а право недвижимой собственности есть уже плодъ установившейся осѣдлости и довольно высокой цивилизаціи; поэтому, напримѣръ, у насъ въ Россіи понятіе о недвижимой собственноэти появляется только съ XII вѣка, русская же правда указываетъ только на споръ о межахъ между общинами. Право же движимой собственности въ первобытныхъ обществахъ такъ тѣсно связано съ личностью человѣка, что вещь составляетъ принадлежность его индивуальности: вотъ почему, я уже имѣлъ случай сказать, [1]) что первобытныхъ людей хоронятъ даже съ ихъ движимыми имуществами. Съ другой стороны, въ первобытныхъ обществахъ нарушеніе права однимъ изъ членовъ рода или общины падаетъ на отвѣтственность всего рода [2]). По этимъ основаніямъ, всякое нарушеніе права собственности въ первобытныхъ обществахъ, хотя бы оно составляло и предметъ частнаго права, становится дѣломъ общественнымъ, т. е., дѣломъ публичнаго права. Поэтому въ обществахъ мало развитыхъ смѣшиваются понятія частнаго и публичнаго права, отчего и юрисдикція судей смѣшивается. Но это смѣшеніе не есть недостатокъ, а, напротивъ, достоинство суда: потому что, въ сущности, правонарушенія, относятся ли они къ частному или публичному праву, должны быть возстановлены тою властью, которая наблюдаетъ за нена-

---

[1]) См. выше *введеніе* въ настоящее сичиненіе.

[2]) Такъ у насъ *дикая* вира взыскивалась съ верви, т. е., съ общественнаго союза: (см. по этому предмету интересныя розысканія *Лешкова* въ его сочин. «Русскій народъ и государство»).

рушимостью господствующаго права—обычнаго или писаннаго, въ данномъ обществѣ. Въ силу этого, смѣшеніе юрисдикціи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ вытекаетъ, первоначально, изъ смѣшаннаго понятія о правонарушеніяхъ и изъ понятія о той власти, которая должна возстановить нарушенное право. По этимъ причинамъ въ первобытныхъ обществахъ и нѣтъ существенной потребности въ разграниченіи судовъ—на уголовные и гражданскіе. Съ развитіемъ же цивилизаціи и съ усложненіемъ правоотношеній, когда въ обществахъ появляются судилища въ нѣсколькихъ инстанціяхъ и притомъ еще съ письменною инструкціею дѣла и канцелярскою тайною, то является потребность и отдѣленія судовъ уголовныхъ отъ гражданскихъ, въ интересахъ же правосудія—для ускоренія теченія и рѣшенія дѣлъ уголовныхъ. Даже при гласномъ, изустномъ уголовномъ процессѣ и при существованіи формы суда присяжныхъ, является потребность, чтобы единая верховная судебная власть имѣла различныя спеціальныя формы, для разсмотрѣнія и разрѣшенія особо дѣлъ уголовныхъ отъ гражданскихъ. Въ этомъ случаѣ нисколько не нарушается принципъ единства судебной власти; потому что это свойство выражается вовсе не въ ея органахъ, а въ правительствующемъ сенатѣ, верховномъ наблюдателѣ за точнымъ исполненіемъ господствующаго въ государствѣ права.

Въ подобномъ случаѣ и не можетъ быть вреда отъ раздѣленія дѣлъ на уголовныя и гражданскія, потому что различныя отдѣленія одного и того же суда не могутъ ужь потому вторгаться одинъ въ юрисдикцію другого, что правительствующій сенатъ наблюдаетъ строго, чтобы этого вторженія не было, и опредѣляетъ каждому въ точности предѣлъ его подсудности. Даже раздѣленіе сената на департатенты—уголовные и гражданскіе, не противорѣчитъ идеѣ объ единствѣ судебной власти; такъ какъ каждый изъ департаментовъ имѣетъ опредѣленную юрисдикцію, и по этимъ предметамъ у него сосредоточивается верховный надзоръ за всѣми судебными органами имперіи. На этомъ основаніи, въ видахъ ускоренія рѣшенія дѣлъ, даже департаменты кассаціонныхъ департаментовъ сената могли бы быть раздѣлены на отдѣленія. Такъ, уголовный департаментъ могъ бы раздѣлить свои дѣла на 2 отдѣленія: а) по кассаціямъ по мировымъ учрежденіямъ; б) по кассаціямъ по общимъ судамъ. Департаментъ гражданскій могъ бы раздѣлиться на 2 отдѣленія: а) по договорамъ и обязательствамъ и по спорамъ о движимости; б) по спору о недвижимости и о правахъ наслѣдства. Самое раздѣленіе по этимъ предметамъ осно-

вано на слѣдующихъ теоретико-практическихъ соображеніяхъ: первый раздѣлъ основанъ на томъ, что дѣлъ по договорамъ и обязательствамъ болѣе, чѣмъ дѣлъ о движимости; второй раздѣлъ основанъ на томъ, что дѣлъ о наслѣдствахъ болѣе, нежели споровъ о недвижимости. Но въ совокупности оба отдѣла количествомъ дѣлъ уравновѣсились бы. Впрочемъ, по недостатку статистическихъ данныхъ, нельзя прійти къ положительному выводу по этому предмету; но здѣсь важенъ принципъ, а распредѣленіе исковъ есть дѣло второстепенное.

Самое же раздѣленіе это на практикѣ можетъ принести существенную пользу, потому что спеціальность всегда предполагаетъ въ судьяхъ болѣе опытности и знанія дѣла, чѣмъ смѣшанность предметовъ; при томъ легче свыкаться съ однородными дѣлами, чѣмъ съ разнородными. Вообще же спеціальность является всегда въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ энциклопедичность знаній; поэтому всѣ науки, художества и искуства только и обязаны своимъ прогрессомъ тому, что нынѣшній вѣкъ выработалъ *принципъ спеціальности*.

По этимъ причинамъ, при всемъ высокомъ уваженіи нашемъ къ сословію сенаторовъ, мы, однакоже, не можемъ не сказать, что спеціальность нисколько не повредила бы тому учрежденію, на которое народное наше право, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, возлагаетъ все свое упованіе, всѣ свои надежды. Вслѣдствіе же неспеціальности докладчиковъ, кассаціонные департаменты нерѣдко впадаютъ въ противорѣчія въ основныхъ принципахъ права; отчего естественно право становится шаткимъ, и не знаешь чего держаться.

Такъ, для примѣра, возьму одинъ случай: № 43, 1867 г. рѣшенія гражд. кассаціоннаго департамента къ личному найму относитъ и *ходатаевъ по дѣламъ*; а № 298, того же департамента и того же года, постановилъ, «что исполненіе обязанностей повѣреннаго, *ходатая по дѣламъ* и вообще разныхъ порученій частнаго лица ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ *личному услуженію*...

Какъ теперь понимать и чего держаться?... Слѣдовательно, во имя правосудія, прогресса и ненарушимости права, должно и въ сенатѣ принять принципъ спеціальности.

Но какое историческое развитіе имѣлъ у насъ вопросъ объ единствѣ судебной власти, его самостоятельности, независимости и раздѣленія ея на суды уголовные и гражданскіе?..

Въ древнія времена у насъ право гражданское не отдѣлялось рѣзко отъ права уголовнаго; поэтому гражданскіе правонарушенія едва ли имѣли особыхъ органовъ.

Такъ мы находимъ, что—наряду съ убійствомъ умышленнымъ и неосторожнымъ, за которое платилась вира—гривнами и кунами, Русская Правда указываетъ: какимъ образомъ возстановляется чье нибудь право, когда кто либо потерялъ коня, оружіе, порты и челядинца [1]). И во всѣхъ случаяхъ обиженный имѣетъ право непосредственно обращаться къ общинамъ или верви [2]). Значитъ, что въ древности община и вервь были отвѣтственны при всякомъ правонарушеніи; поэтому въ рукахъ ихъ и находилось право—понудить нарушителя и возстановить это право. На этомъ основаніи слѣдуетъ предполагать, что въ рукахъ верви и общины находилась и власть не только судебно-уголовная, но и власть гражданская [3]). Но Соловьевъ, по началамъ его «Исторіи Россіи», защищаетъ совершенно противуположное мнѣніе и говоритъ о случайности происхожденія земскаго элемента въ судѣ, повторяя, по никоновской лѣтописи, разсказъ о томъ, какъ царь Иванъ IV повелѣлъ—быть на судѣ и сидѣть, при судѣ волостелей,—старостамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ отъ подсудимыхъ [4]). Но тотъ же Соловьевъ говоритъ далѣе, что, еще въ малолѣтствѣ Ивана IV, жители городовъ и селъ получили право избирать изъ среды себя, для производства слѣдствій, пытокъ и суда выборныхъ головъ, губныхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ [5]). О томъ же, что это не было нововведеніемъ, то это доказывается Новгородскою судною грамотою 1471 г. [6]) предписывающею: и сажать въ суду по 2 человѣка; а кто кого посадитъ, тотъ съ тѣмъ и вѣдается.» Эти права и обязанности узаконяются и судебникомъ Ивана III въ словахъ: „безъ дворского, безъ старостъ и лучшихъ людей, цѣловальниковъ, суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити.“ Неужели, говоритъ, по этому по-

---

[1]) Русская правда ст. 73, 75—78.

[2]) Изслѣдованіе о верви сдѣлано превосходно, какъ выше сказано, въ соч. Лешкова—«Русскій народъ и государство». 1858. стр. 97—110.

[3]) См. въ Русской Бесѣдѣ, № 3, 1857 г. прекрасную статью Иванишева «о древне-сельскихъ общинахъ».

[4]) Исторія Россіи, т. VII, 81—85

[5]) Тамъ же, стр. 37, 39.

[6]) Акт. Арх. Экспед. 1, № 92.

воду почтенный юристъ нашъ Лешковъ,—и монастыри и духовныя власти дѣйствуютъ случайно, только по мысли Ивана IV, предписывая своимъ сельскимъ приказщикамъ творить судъ надъ крестьянами, въ присутствіи священника и выборныхъ отъ крестьянъ—5 или 6 человѣкъ [1]). Неужели судъ надъ тѣмъ *помѣщикомъ* [2]), который жаловался на скудость помѣстья и невозможность нести съ него назначенную службу,—судъ, долженствовавшій указать причину оскудѣнія, отъ небрежности ли помѣщика или отъ другихъ обстоятельствъ, и поручавшійся приговору окружныхъ жителей и крестьянъ, былъ случаемъ исключительнымъ?»

Нѣкоторые же писатели повальный обыскъ признаютъ остаткомъ судной власти общины [3]).

Въ виду этихъ фактовъ мы должны полагать, что судъ гражданскій и уголовный въ древней Руси не отдѣлялся и былъ въ рукахъ общины. Но съ древнѣйшихъ же временъ князья на нѣкоторыя преступленія глядятъ, какъ на дѣла, подлежащія ихъ собственному разбирательству, и съ самаго начала наказаніе преступника, т. е., выдача его князю на потокъ и на *разграбленіе* предоставлено было ему или его намѣстнику [4]), а также взысканіе *дикой* виры онъ ввѣрялъ особенному чиновнику [5]).

Впрочемъ я послѣднее понимаю въ такомъ смыслѣ, что не самый уголовный судъ принадлежалъ князю, а лишь *исполненіе* приговора вѣча или общины. На это указываетъ и, саллическій законъ, по которому графъ подвергался смертной казни, если онъ не производилъ захвата имущества, на основаніи судебнаго приговора, составленнаго подъ его предсѣдательствомъ. [6]) Общность же государственнаго устройства и уголовнаго права франковъ, германцевъ и славянъ видна изъ сравненія историческихъ и законодательныхъ памятниковъ этихъ народовъ: что

---

[1]) Соловьевъ, т. VII, стр. 117.

[2]) Тамъ же, стр. 17.

[3]) См. поэтому предмету замѣчательный, талантливый трудъ — «развитіе понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ Россіи» *Богдановскаго*, 1857 г., стр. 109. См. также *Чичерина* — «обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», помѣщенный въ его «опытахъ по исторіи русскаго права», М. 1858 г.

[4]) См *Андреевскаго* «о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ» стр. 24.

[5]) См. Лешкова, стр. 97—110.

[6]) Беко — «организація уголовной юстиціи» переводъ Рождественскаго, стр. 160.

оправдывается ихъ общимъ индо-кавказскимъ происхожденіемъ. Сама Русская Правда указываетъ скорѣе на то, что князю принадлежала власть *исполнительная*, а не судебная; потому что въ ней не говорится о правѣ князя налагать непосредственно взысканія, а въ ней указаны только случаи, когда преступникъ *выдавался* князю на потокъ и на разграбленіе. [1]) Большая же часть преступленій, какъ у насъ, такъ и въ Германіи и у франковъ, имѣла характеръ частный и разсматривалась какъ явленія, наносящія вредъ только частному лицу, или его фамиліи, которымъ обидчикъ долженъ былъ доставить вознагражденіе. Поэтому вся уголовная юстиція первоначально у насъ сосредоточивалась въ общинахъ, также точно какъ и у Германцевъ и у Франковъ. Этотъ характеръ сохраняетъ уголовная и гражданская юстиція во весь удѣльно-вѣчевой укладъ и измѣненія въ немъ начинаютъ проявляться съ возрастаніемъ лишь московскаго государства и поглощеніемъ имъ сосѣднихъ удѣльныхъ княжествъ. По изслѣдованіямъ Неволина [2]) и Бѣляева [3]), деревни, сельца села, какъ и дворы, въ древней Руси, соединялись въ волости и станы, которые въ правительственномъ отношеніи смыкались, на извѣстномъ пространствѣ, въ уѣзды и *присуды*. Волости и станы, какъ соединенія сельскихъ общинъ, имѣли во главѣ—волостеля, посельскаго или тіуна и собственныхъ излюбленныхъ старшинъ, занимаясь съ общаго согласія раскладкою податей, поборовъ, повинностей и особеннымъ внутреннимъ судомъ, даже уголовнымъ: что видно изъ сбора дикой виры. Присуды же и уѣзды составляли цѣлыя области, приписанныя *судомъ* и данью къ ихъ средоточенному городу, который вмѣщалъ въ себѣ всѣ власти, управлявшія уѣздомъ. «Въ этотъ городъ, говоритъ Бѣляевъ,—представлялись на рѣшеніе и утвержденіе всѣ уголовныя дѣла уѣзда, равно какъ въ немъ производился высшій судъ по другимъ дѣламъ». Далѣе онъ продолжаетъ: «эти раздѣленія образовались изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ въ московскомъ государствѣ и даже, по уничтоженіи удѣловъ, составляли самостоятельныя области, получавшія впослѣдствіи намѣст-

---

[1]) Будетъ ли сталъ на разбои, безъ всякой свады, за разбойника людье не платятъ *къ выдадятъ* и самаго всего и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе. Русская Правда, ст. 71. Поджигатель и конокрадъ выдавался князю также на потокъ.

[2]) Пятины, стр. 112.

[3]) «О поземельномъ владѣніи» стр. 42—48.

никовъ и воеводъ изъ Москвы, *но сохранившихъ свое внутреннее устройство*». [1])

И дѣйствительно мы находимъ, что, права намѣстниковъ первоначально, по уголовнымъ дѣламъ, заключались только въ томъ, что бы взять виру или продажу. Кромѣ того ему принадлежала слѣдственная часть: онъ распоряжался о сыскѣ преступника. Если находили мертвое тѣло, тотчасъ должны были давать знать намѣстнику. [2]) Намѣстникъ заключаетъ въ темницу, освобождаетъ изъ нея, казнитъ, но для казни смертію отписываетъ въ Москву; [3]) исполняетъ и приговоры царской думы, приказовъ или великаго князя, если ему это поручается. При томъ намѣстники имѣли постоянною обязанностью вести надзоръ за изысканіемъ и поимкою лихихъ людей.

По дѣламъ же гражданскимъ власть намѣстниковъ была обширна, потому что она давала въ этомъ отношеніи огромный доходъ князю, намѣстнику и его подчиненнымъ, въ особенности тіунамъ и дьякамъ и доводчикамъ. Присоединяя къ себѣ какой нибудь удѣлъ, великій князь немедленно отправлялъ туда намѣстника, который тотчасъ принималъ финансовое участіе въ дѣлѣ суда. Въ тѣхъ же областяхъ, которыя раздѣлялись на волости, тамъ намѣстникъ составлялъ вторую инстанцію, а первую составляли волости.

Суду намѣстника подлежали: тяжбы объ имуществахъ, особенно о межахъ; тяжбы по займамъ, по завладѣнію чужою собственностію и иски о всякаго рода обидахъ. Эта-то власть намѣстниковъ возрасла до уродливыхъ формъ произвола, насилія и грабежа; чему способствовало ихъ невѣжество, во имя котораго дьяки заправляли правосудіемъ. Бывали припримѣры, говоритъ Андреевскій,—что въ случаѣ отсутствія намѣстника покакой либо причинѣ, напримѣръ войны, отправленіе суда возлагалось прямо на дьяковъ. [4])

Этотъ произволъ и дороговизна веденія тяжбъ у намѣстника вызвали въ XIV вѣкѣ со стороны частныхъ лицъ, селъ и обществъ домагательствъ

---

[1]) Мнѣніе это вполнѣ раздѣляетъ и Лешковъ. См. указанное мною сочиненіе его стр. 256 и 257.

[2]) Доп. къ А. И. I. № 190, стр. 348.

[3]) Акты А. Э. I, № 13, стр. 8; № 123, стр. 93. Судебникъ Ивана III, акт. истр. I, № 105, стр. 154. *Андреевскій*—«о намѣстникахъ и т. д.» стр. 24—25

[4]) Андреевскій ссылается на слѣдующіе документы: доп. къ А. И. т. I, № 87, стр. 140; тамъ же №№ 86, 106, 109.

объ освобожденіи ихъ отъ власти намѣстниковъ, и наконецъ Иванъ III въ судебникѣ своемъ повелѣваетъ: чтобы намѣстники, назначаемые *съ судомъ боярскимъ*, не отправляли суда одни, но чтобы при нихъ находились *дворскій* и избранные отъ мѣстныхъ жителей старосты и лучшіе люди.

Но это ни къ чему не повело, потому что изъ сохранившихся историческихъ актовъ видно, что намѣстники до того во зло употребляли своею судебною властью, что народъ не рѣдко даже изгонялъ ихъ [1]), или же общины и города приносили на нихъ горькія жалобы. Лѣтописи представляютъ нерѣдко такія свидѣтельства по этому предмету, что можно поставить ихъ на ряду съ погромами Половцевъ. Великій князь Василій Ивановичъ обращаетъ на это вниманіе и въ 1519 году, въ удовлетвореніе жалобы новгородцевъ, повелѣваетъ избрать въ Новгородъ 48 лучшихъ людей, привести ихъ къ присягѣ и сдѣлать ихъ участниками суда; именно: съ намѣстниками назначено судить избранному для этого купеческому старостѣ Василью Тараканову, а при каждомъ тіунѣ быть цѣловальникамъ, смѣняясь каждый мѣсяцъ. Иванъ IV, какъ я уже единожды говорилъ, возвращаетъ общинамъ право суда и учреждаетъ земскихъ дьяковъ, которые должны быть избираемы общинами и обязаны производить дѣла при излюбленныхъ головахъ и цѣловальникахъ. Эти земскіе дьяки, равно какъ излюбленные головы и старосты могли только подлежать суду царя. [2]) Такимъ образомъ юстиція—какъ гражданская, такъ и уголовная, вновь перешла въ руки народа; но это не продолжалось долго. Приказное и воеводское начала вскорѣ вытѣснили этотъ порядокъ: первые концентрировали высшую судебную власть въ москвѣ; вторые—въ провинціяхъ.

Губные старосты и цѣловальники, въ руки которыхъ перешли, при Иванѣ IV, всѣ уголовныя дѣла, сохраняли ту самостоятельчость, какую они имѣли прежде. Общество избирало непосредственно этихъ должностныхъ лицъ; но въ XVII вѣкѣ, хотя уложеніе Алексѣя Михайловича [3]) и указываетъ на порядокъ ихъ избранія, но мы видимъ случаи назначенія ихъ

---

[1]) А въ л. 1316 выгнаша отъ себя отъ Новгорода намѣстника, княже Михаила Тверскаго (Ник. лѣтопись III) смр. еще стр. 172, 173, IV; стр. 31—34. Псковъ и Лучане также обращались съ жалобами къ князю на намѣстника.

[2]) А. А. эк. т. III, № 37.

[3]) XXI глава уложенія повелѣваетъ избирать всѣми сословіями губныхъ старостъ изъ грамотныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

воеводами; впрочемъ это скорѣе было произволомъ, чѣмъ правомъ воеводъ, которые дѣйствовали въ провинціяхъ въ родѣ турецкихъ пашей. Уложеніе же нетолько изъяло губныхъ старостъ изъ подсудности воеводамъ такъ что по *истцовымъ искамъ* они судились въ Разбойномъ приказѣ, [1]) но даже въ случаѣ жалобъ со стороны жителей на воеводу правительство поручало произведеніе слѣдствія губному старостѣ [2]). Но воеводы все же въ дѣлахъ уголовныхъ имѣли надзоръ за правильнымъ производствомъ слѣдствій губными старостами и цѣловальниками и имъ даж принадлежалъ самый судъ въ дѣлахъ *татиныхъ*, *разбойныхъ* и *убійственныхъ*. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ губныхъ старостъ не было, обязанности, производства слѣдствія и суда поручались воеводѣ, подъ надзорамъ разбойнаго приказа. Уничтоженіе и возстановленіе по городамъ губныхъ старостъ было частое: въ 1676 г. они были уничтожены, а чрезъ нѣсколько времени опять возстановлены, и воеводы отъ уголовныхъ дѣлъ устраненны; съ совершеннымъ же уничтоженіемъ въ 1700 году губныхъ старостъ, уголовныя дѣла возложены на воеводъ. [3])

Такимъ образомъ мы видимъ, что уголовныя дѣла, перешедшія со временъ Ивана IV къ излюбленнымъ людямъ, губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, въ теченіе XVI вѣка вновь мало по малу начинаютъ переходить въ руки правительственныхъ лицъ и наконецъ въ мѣстномъ управленіи окончательно сосредоточиваются, въ началѣ XVIII вѣка, въ рукахъ послѣднихъ.

Гражданскія же дѣла не имѣютъ этого характера: въ удѣльно-вѣчевой укладъ они находятся въ рукахъ общины; съ образованіемъ же московскаго государства они переходятъ къ намѣстникамъ; съ уничтоженіемъ судебныхъ правъ послѣднихъ Иваномъ IV, гражданскія дѣла раздѣляются между воеводами и приказами.

---

[1]) Уложеніе, глава XXI, ст. 6.

[2]) См. Дмитріева — «исторію судебныхъ инстанцій» стр. 165. и Андреевскаго «о намѣстникахъ и т. д.» стр. 100,101.

[3]) Пол. собраніе закон. №№ 779, 1900. *Вицынъ* утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ, что губные старосты упразднены царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ; въ другомъ, что они уничтожены въ 1702... Калачевъ говоритъ: «изъ памятниковъ XVII вѣка видно, что въ распоряженіяхъ правительства не было ясно-проведеннаго начала въ разграниченіи правъ и обязанностей губныхъ старостъ и воеводъ по дѣламъ уголовнымъ». См. стр. 41, разборъ Калачевымъ сочиненія Андреевскаго: «о намѣстникахъ и т. д.» 1867 г.

Но нѣкоторые города и отдѣльныя мѣстности сохраняли, по гражданскимъ дѣламъ, право избирать своихъ судей и не состоять въ зависимости отъ суда воеводскаго [1]). Подробный же разборъ началъ, по которымъ нѣкоторыя лица, какъ-то: духовенство, архіерейскіе и монастырскіе слуги и крестьяне, крестьяне вотчинниковъ и помѣщиковъ, гости иноземные, служилые люди и откупщики были освобождаемы отъ воеводскаго суда, — сдѣланъ превосходно Дмитріевымъ [2]). Самая власть воеводъ по дѣламъ гражданскимъ не была одинакова; напротивъ различные воеводы въ этомъ отношеніи были поставлены весьма различно. Не имѣется прямыхъ и точныхъ постановленій относительно ограниченія власти воеводъ по рѣшенію тяжбъ въ воеводствахъ большихъ и отдаленныхъ, гдѣ при воеводѣ дѣйствуетъ дьякъ [3]); но относительно воеводствъ менѣе важныхъ такія ограниченія постановлялись съ опредѣленною точностью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указывалось воеводамъ рѣшать дѣла окончательно до десяти, въ другихъ — до двадцати руб. По дѣламъ на большую сумму можно было приносить жалобы въ тотъ или другой приказъ по принадлежности. По изслѣдованіямъ Вицына [4]) предѣлъ власти воеводъ въ дѣлахъ гражданскихъ означался въ полученныхъ ими инструкціяхъ, но по обычаю бывало такъ, что воеводы большихъ и среднихъ городовъ давали судъ по дѣламъ, въ которыхъ цѣна иска не превышала 10,000 руб. Воеводы же малыхъ городовъ рѣшали дѣла цѣнностью не свыше 20 руб. «Впрочемъ, прибавляетъ Вицынъ, — въ искахъ, превышавшихъ 1,000 руб. воеводы не могли никого обвинить безъ царскаго указа» Но если принять во вниманіе бѣдность нашего государства и дороговизну денегъ почти до $^1/_2$ девятнадцатаго вѣка, то оказывается, что 1,000 руб. въ XVI и XVII вѣкѣ значила почти тоже, что теперь 100,000 р

---

[1]) См. рецензію *Калачова* въ Архивѣ ист. и прак. свѣдѣній, книга III, отдѣленіе IV, стр. 17, 43—47.

[2]) Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 97—103, 118, 119, 161.

[3]) Этотъ фактъ многознаменателенъ; гдѣ при воеводахъ были дьяки, тамъ они захватывали власть безгранично. См. «Очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра и т. д.», стр. 234—235.

[4]) О приказахъ см. Древне-русскую библіоѳ. ч. XX, 1791, стр. 271—421; *Неволина* «образованіе управ. въ Россіи отъ Ивана III до Петра I,» его сочин. 1859 г. Т. VI. *Кавелина* «Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства» 1844 г; *Есиповича* «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія», помѣщенная въ ж. м. юстиціи 1859 г. іюль.

Поэтому можно сказать, что почти вся гражданская юстиція была въ рукахъ воеводъ, за исключеніемъ дѣлъ о помѣстьяхъ, которыми вѣдалъ помѣстный приказъ.

Высшую же ступень судебную, послѣ воеводъ, составляли приказы. Впервые они являются у насъ въ московскомъ государствѣ, со временъ Ивана III, и овладѣваютъ не только всѣми низшими административными дѣлами, но и дѣлами уголовной и гражданской юстиціи.

Въ приказахъ власть административная была перемѣшана съ властью судебною; но на нѣкоторые изъ нихъ можно указать, какъ на имѣющіе спеціальное значеніе судовъ. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи слѣдующіе: уничтоженные въ 1699 и 1700 годахъ, приказы — судный володимірскій и судный патріаршій, или партіаршій разрядъ; судный московскій, сыскной (бывшій разбойный), помѣстный, судный купеческихъ дѣлъ и наконецъ, самый важный, посольскій. Этотъ послѣдній приказъ, кромѣ веденія всѣхъ дѣлъ по сношеніямъ съ иностранными государствами, вѣдалъ еще судомъ и расправою всѣхъ иностранцевъ, преимущественно занимавшихся торговлею; судилъ и русскихъ подданныхъ по особымъ на то привиллегіямъ, не говоря уже о томъ, что, какъ и всѣ прочіе приказы, онъ имѣлъ право суда надъ своими чиновниками. Кромѣ того, ему подчинены были приказы: новгородскій, устюжская четь, галицкая четь, володимірскій, смоленскій, малороссійскій, такъ что посольскій приказъ къ концу XVII вѣка занималъ первое мѣсто между всѣми другими приказами и существовалъ до учрежденія коллегій

Юрисдикція приказовъ въ точности необъизслѣдована, но нѣкоторые изъ нихъ имѣли спеціальный характеръ гражданскій, другіе—уголовный такъ, напримѣръ, приказъ помѣстный [1]) прямо указываетъ на гражданское его значеніе; а разбойный—на уголовный [2]). Приказы рѣшали дѣла

[1]) Помѣстный приказъ рѣшалъ всѣ споры о помѣстьяхъ и вотчинахъ, которыя входили въ черту московскаго княжества. См. *Неволина* «Образованіе управленія въ Россіи отъ Ивана III до Петра Великаго»; также *Вицына* «Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра и т. д.» 1855 г. Казань *Градовскаго* «О военной администраціи Россіи въ XVIII вѣкѣ».

[2]) Разбойный приказъ имѣлъ предметомъ—поимку воровъ, разбойниковъ, судъ надъ ними и наблюденіе за ихъ наказаніемъ. Всѣ губные старосты и земскіе дьяки были въ его вѣдѣніи и подлежали его суду. Уничтоженъ онъ въ 1701 г., а въ 1730 г. возстановленъ подъ названіемъ Суднаго. Въ 1742 г. онъ состоялъ изъ главнаго судьи, 2 совѣтниковъ и 2 ассесоровъ. Указомъ 15 декабря 1763 г. онъ упраздненъ, а дѣла его присоединены къ московской губернской канцеляріи.

окончательно; но если они не были *мочны* рѣшать, то дѣла поступали въ боярскую думу, гдѣ они рѣшались въ расправной палатѣ. Впрочемъ послѣдняя разсматривала и въ тѣхъ случаяхъ дѣла, когда на это былъ особый царскій указъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что уголовная и гражданская юстиція стремятся у насъ отдѣлиться другъ отъ друга съ древнѣйшихъ временъ, не только въ кругу мѣстныхъ управленій, но и въ высшихъ сферахъ центральнаго государственнаго управленія; впрочемъ самый принципъ еще не вполнѣ выясненъ и дѣла находятся во многихъ случаяхъ перемѣшанными.

Весь періодъ времени отъ Петра Великаго до реформъ Екатерины II представляетъ въ отношеніи отдѣленія уголовной отъ гражданской юстиціи и отъ администраціи слѣдующую характеристику: приказное начало, хотя и падаетъ, но государство не можетъ отъ него освободиться совершенно; однакожъ уже чувствуется большая потребность отдѣлить администрацію отъ суда и дать ему болѣе совершенныя формы.

Преобразованія Петра I въ отношеніи юстиціи заключались въ слѣдующихъ чертахъ:

1) Высшая судебная власть передана имъ правительствующему сенату [1]) 22 февраля 1711 года.

2) Вторую ступень въ юстиціи составляли:

а) *Юстицъ-коллегія* [2]). Въ эту коллегію перешли всѣ дѣла приказовъ—посольскаго, помѣстнаго и другихъ. Мотивомъ къ учрежденію этихъ мѣстъ служило, по выраженію указа Петра I, что въ монаршескомъ государствѣ лучшее правленіе есть *соборное*. Во все время существованія они завѣдывали всѣми судными и розыскными дѣлами, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію другихъ коллегій. При возникновеніи ея, къ ней присоединены были помѣстный приказъ и расправная палата. Но съ учрежденіемъ вотчинной коллегіи помѣстный приказъ присоединенъ къ послѣдней. Указъ 15 декабря 1763 года измѣнилъ

---

[1]) Исторіи правит. сената см. у К. *Троцины* въ его «Исторіи судоустройства отъ Ивана III до нашихъ дней,» второе изданіе 1851 г.; *Градовскаго* «О высшей администраціи»; *Вицына*—указанное мною выше сочиненіе.

[2]) Коллегіи открыли свои дѣйствія около 1719 г., потому что изъ указа 12 декабря 1818 г. видно, что они еще, по выраженію указа, *не управились*.

устройство этой коллегіи—она раздѣлена была на три департамента [1]). Въ 1786 году она прекратила свое существованіе.

б) *Вотчинная коллегія* возникла по указу 18 января 1721 г., по причинѣ большого скопленія дѣлъ въ юстицъ-коллегіи и произшедшей отъ того медленности въ ихъ производствѣ. Обязанность ея состояла въ разбирательствѣ всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ. Въ 1762 году вотчинная коллегія раздѣлена была на 3 департамента, а въ 1763 году на—4. Въ 1786 году она закрыта.

3) Областной или мѣстный судъ былъ раздѣленъ на двѣ категоріи на губернскія и уѣздныя управленія, и на городскія.

а) *Губернскія и уѣздныя учрежденія.* Въ отношеніи ихъ Петръ I писалъ: «что отъ юстиціи въ уѣздѣ принадлежитъ, то впредъ губернатору или воеводѣ и земскому коммисару до онаго дѣла не имѣть; но Его Царское Величество о томъ соизволилъ опредѣлить, чтобъ во всякой губерніи или въ знатныхъ городахъ, высшій судъ, а въ уѣздѣ—нижніе учреждены и надлежащими регулы удовольствованы были». [2]) Тоже самое онъ еще прежде писалъ московскому губернатору, при чемъ онъ ему строго предписалъ—не вмѣшиваться въ дѣло суда и въ подлежащихъ случаяхъ обращаться въ юстицъ-коллегію. [3])

Изъ этого видно, что основная идея Петра I была—отдѣлить совершенно власть административную отъ власти судебной.

Областное управленіе наше преобразовано въ такомъ видѣ въ 1708 году. Все государство было раздѣлено на 8 губерній. [4]) Каждая губернія дѣлилась на провинціи, каждая провинція—на уѣзды.

Губерніями управляли губернаторы съ вице-губернаторами; провинціями и уѣздами—воеводы.

Въ пограничныхъ городахъ воеводы назывались комендантами.

---

[1]) «Основанія этого раздѣленія, говоритъ *Вицынъ*, были такія, какія вообще побуждали къ раздѣленію присутственныхъ мѣстъ на департаменты и отдѣленія». Все же было бы интересно знать юрисдикцію каждаго изъ нихъ. Такъ какъ подобное спеціальное изслѣдованіе не входитъ въ кругъ настоящаго моего сочиненія, то я рекомендую этотъ предметъ другому изслѣдователю.

[2]) П. С. З. № 3295.

[3]) Тамъ же № 3282.

[4]) Московскую, Ингермаландскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангелогорскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую.

Областная юстиція, такимъ образомъ, съ 1708 г. находилась въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, при чемъ они были подчинены коллегіямъ и всѣ дѣла они производили въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ; но въ 1713 году при губернаторахъ назначено было состоять—12, 10 или 8 ландратамъ, смотря по обширности губерніи. Ландраты избирались изъ дворянъ и, подъ предсѣдательствомъ губернатора, рѣшали всѣ дѣла. Судъ надъ ними принадлежалъ сенату.

Такой порядокъ существовалъ до 1715 года.[1]) Въ этомъ году отъ воеводъ и отъ губернаторовъ отнята была судебная власть и ввѣрена ландрихтерамъ; за губернаторами же и воеводами оставлено только право надзора, чтобы судъ былъ *правый* и *безволокитный*. Наконецъ, въ 1719, [2]) въ главныхъ городахъ имперіи [3]) учреждены надворные суды и гофгерихты, имѣвшіе назначеніемъ своимъ чинить судъ и расправу въ своемъ округѣ, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Подъ вѣдѣніемъ гофгерихтовъ состояли нижніе суды (учрежденные въ главныхъ городахъ провинціи), какъ первыя инстанціи.

Всякое судное дѣло поступало сначала на разсмотрѣніе въ нижній судъ и рѣшалось въ немъ, если, по свойству его, судъ имѣлъ право окончательно его рѣшать, въ противномъ случаѣ, оно переносилось въ надворный судъ. Послѣдніе не имѣли права произносить смертныхъ приговоровъ и отправляли, въ подобномъ случаѣ, рѣшеніе къ губернаторамъ и при протестѣ послѣднихъ дѣла поступали въ юстицъ-коллегію. Въ послѣднюю поступали также жалобы на рѣшенія надворныхъ судовъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не было надворныхъ судовъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ оставался въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; только въ помощь къ нимъ приданы были—одинъ или два ассесора, смотря по обширности управленія.

б) *Городскія судебныя учрежденія.* Перестраивая все въ государствѣ на европейскій ладъ и находя въ большей части городовъ Германіи, Голландіи, Швеціи и даже Остзейскаго края городовыя положенія, по которымъ городскимъ обывателямъ предоставлены были привиллегіями

---

[1]) См. указъ 18 января 1715 г.
[2]) См. указъ 8 января 1719 г.
[3]) Въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Тобольскѣ.

императоровъ и королей различныя льготы и, между прочимъ, право имѣть собственный свой судъ,—Петръ I, въ 1699 году, [1]) изъялъ посадскихъ людей изъ вѣдѣнія воеводъ и подъячихъ и предоставилъ ихъ, во всѣхъ *расправныхъ*, *челобитныхъ* и *купецкихъ* дѣлахъ, вѣдѣнію ихъ собственныхъ бургомистровъ. Каждая сотня должна была избрать себѣ одного бургомистра изъ людей *добрыхъ* и *вѣрныхъ*; общее собраніе бургомистровъ составляло особое присутствіе, именовавшееся въ Москвѣ бургомистрскою палатою, въ прочихъ городахъ—земскою избою. Мѣсто предсѣдателя въ бургомистрской палатѣ и въ земской избѣ занималъ, по очереди, одинъ изъ ея членовъ. Бургомистры чинили судъ и расправу и были подъ надзоромъ земскихъ избъ; а послѣднія были подчинены бургомистрской палатѣ, которая была переименована въ томъ же году въ ратушу. [2])

И такъ ратуша была центральнымъ государственнымъ мѣстомъ, куда стекались всѣ судныя дѣла городскихъ обывателей; а бургомистры и земскія избы были нѣчто на подобіе мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ, только съ тѣмъ различіемъ, что въ рукахъ ихъ находилась также и власть финансово-административная, и что они имѣли характеръ сословный, т. е., касались только одного городского сословія.

Въ 1720 г. [3]) Петръ I далъ еще большую самостоятельность городскому управленію: ратуши и земскія избы замѣнены, и въ губерніяхъ, и въ столицахъ, магистратами и въ главѣ ихъ поставленъ главный магистратъ, находившійся въ Петербургѣ и имѣвшій контору въ Москвѣ.

Главный магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента, помощника его—президента, бургомистровъ и ратмановъ. Обязанности его опредѣлены въ 1721 г. [4]) и между прочимъ ему предоставлено: 1) наблюдать за правосудіемъ городовыхъ магистратовъ; 2) разбирать споры между магистратами и гражданами.

Получалъ онъ указы только отъ царствующаго государя и сената; съ коллегіями же сносился сообщеніями, а другимъ мѣстамъ и лицамъ посылалъ указы.

---

[1]) Указомъ 30 января 1699 г.

[2]) Указъ 17 ноября 1699 г. Впрочемъ во многихъ городахъ земскія избы также переименованы были въ ратуши, но съ правомъ земскихъ избъ.

[3]) Указомъ 13 февраля 1720 г.

[4]) Указомъ 16 янв. 1721 г.

Магистраты же, смотря по тому разряду, къ какому принадлежали города, [1]) состояли изъ:

1) 1 президента и 4 бургомистровъ
2) 1 президента и 3 »
3) 1 » и 2 »

Въ городахъ, имѣвшихъ менѣе 250 дворовъ, назначались по одному или по 2 бургомистра, смотря по надобности.

Кромѣ того, въ магистратахъ засѣдали ратманы; въ большихъ городахъ по 2, а въ прочихъ по 1-му.

Предсѣдатель и члены магистратовъ избирались городскимъ обществомъ.

Магистратамъ принадлежалъ, кромѣ административныхъ дѣлъ, судъ надъ всѣми вообще посадскими людьми во всѣхъ ихъ дѣлахъ, кромѣ *великихъ государственныхъ*.

Всѣ, недовольные рѣшеніемъ бургомистровъ въ городахъ четвертаго и пятаго разрядовъ, могли апеллировать въ магистратъ главнаго города провинціи; а на него жаловались въ главный магистратъ.

Изъ этого мы видимъ, что Петръ I, принявъ отъ пріемниковъ своихъ скорѣе вотчину, нежели государство, желая сплотить всѣ разрозненныя части Руси въ одно цѣлое, чтобы дать ей нетолько внѣшній, но и внутренній видъ государства, съ этою цѣлью не только сосредоточилъ администрацію въ лицѣ правительствующаго сената и коллегій, но и суду придалъ то единство и единообразіе, которыя необходимы въ каждой государственной жизни.

Самостоятельность низшаго и высшаго суда была имъ гарантирована не только выборнымъ началомъ и коллегіальностью въ среднихъ и высшихъ инстанціи, но тѣмъ, что губернаторамъ и воеводамъ строго предписано было не вмѣшиваться въ существо судебныхъ рѣшеній, и имъ предоставлено лишь право—наблюдать за теченіемъ дѣлъ въ судахъ; указомъ же о томъ, что приносящій жалобу на рѣшенія сената подвергается смертной казни, [2]) дана полная самостоятельность послѣднему въ его рѣшеніяхъ.

Начала были раціональны и велики; при дальнѣйшемъ ихъ развитіи и усовершенствованіи они могли быть такъ плодотворны, что быть мо-

[1]) По количеству дворовъ города дѣлились на разряды: въ 1-мъ, отъ 2 до 3 тысячъ дворовъ; во 2-мъ, отъ $1^1/_2$ до 2000 дворовъ; въ 1-мъ, отъ 500 до 1000; въ 4-мъ, отъ 250 до 500 дворовъ.

[2]) П. С. З. № 3261.

жетъ, въ отношеніи суда и расправы, мы опередили бы всѣ государства Европы, за исключеніемъ развѣ одной Англіи.

Но учрежденіямъ Петра I не суждено было дожить до такихъ плодотворныхъ результатовъ. Главнѣйшая причина заключалась въ недостаткѣ—съ одной стороны, людей подготовленныхъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ Петромъ I обязанностей; съ другой стороны, бюрократическою организаціею суда, съ инквизиціонными началами, т. е., письменностью и канцелярскою тайною.

При такихъ же формахъ и существенныхъ недостаткахъ, и неудивительно, что ни выборная форма, ни самостоятельность суда не могли принести государству той пользы, которой ожидалъ Петръ I: потому что, по свидѣтельству компетентныхъ людей, какъ напримѣръ—Миниха, [1]) письменность и секретность дѣлопроизводства, при невѣжествѣ чиновъ коллегіей и судовъ, сдѣлали то, что не только всѣмъ государственнымъ управленіемъ, но и юстиціею овладѣли оберъ-секретари и секретари.

Эти ли причины или иные мотивы, въ сферахъ высшаго правительства, вызвали паденіе судебной реформы Петра I-го, намъ въ точности неизвѣстно; но полагать должно, что, послѣ великаго преобразователя, правительство, при автономіи сената и самостоятельности областного суда, почувствовало себя значительно ослабленнымъ и ограниченнымъ...

Эти причины вызвали, со стороны правительства Екатерины I, учрежденія верховнаго тайнаго совѣта не только какъ высшаго правительственнаго, но и судебнаго мѣста. Рекетмейстерская должность, одно изъ важнѣйшихъ орудій вліянія сената въ судебныхъ дѣлахъ, была уничтожена [2]) и дѣла его поручены сенатскому оберъ-прокурору. Всѣ рѣшенія, по которымъ преступники приговаривались къ смертной казни или политической смерти, сенатъ не могъ приводить въ исполненіе самъ собою, не представивъ ихъ предварительно въ верховный тайный совѣтъ. [3])

Городская и областная юстиція получили также пораженія, подобно сенату.

Въ 1726 году контора главнаго магистрата была закрыта, а въ слѣдующемъ году онъ самъ былъ уничтоженъ; дѣла же его переданы—нѣ, которыя въ сенатъ, нѣкоторыя въ С.-Петербургскую ратушу. Но 17 лѣтъ-

[1]) Указомъ 7 марта 1727 года. *Градовскій* ошибочно показалъ, что они переданы были оберъ-секретарю; оберъ-прокуроры уничтожены 1 іюля 1730 г. возстановлены въ 1738 г.

[2]) П. С. З. №№ 4817, 4853, 4862, 4998, 4930, 5023, 5105, 5132.

[3]) См. *Бюшинга* Magasin т. XVI, стр. 414, письмо Миниха къ Екатеринѣ II; также *Градовскаго* — «Высшая администрація и т. д.» стр. 95, 96, 2-я цитата.

спустя, въ 1743 году, главный магистратъ вновь возстановленъ и онъ существовалъ до 1783 г., хотя указъ объ уничтоженіи его воспослѣдовалъ еще въ 1780 г. Контора его закрыта въ 1785 г.

Съ уничтоженіемъ главнаго магистрата, въ 1726 году, магистраты подчинены воеводамъ и губернаторамъ, *для лучшаго посадскаго охраненія*— какъ сказано въ указѣ. Въ 1725 году магистраты совершенно уничтожены; вмѣсто же ихъ установлены ратуши, также подчиненныя администраціи. Но съ возстановленіемъ главнаго магистрата возстановлены были и городовые магистраты, на первоначальномъ ихъ основаніи, и существовали такимъ образомъ до всеобщаго преобразованія губернскаго управленія учрежденіемъ „о губерніяхъ". Областная юстиція подверглась такимъ же измѣненіямъ: въ 1727 году Екатерина I отмѣнила надворные и нижніе суды [1]), и судебная ихъ власть передана губернаторамъ и воеводамъ, по выраженію указа, *для лучшаго порядка.* Одна только Москва освобождена была отъ этого произвола, и дѣла судебныя предоставлены были тамъ приказамъ: судному и сыскному. [2]) Приказу этому подсудны были прежде, по указу 1699 г.: 1) всѣ тяжбы между боярами, окольничими, думными дворянами и вообще всѣми помѣщиками; 2) всѣ иски, возникавшіе изъ договоровъ; 3) всѣ жалобы на пристрастіе воеводъ, если другіе города отстояли отъ мѣста жительства тяжущихся болѣе чѣмъ на 150 верстъ. Сверхъ того ему принадлежала и ревизія всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ воеводами. Въ 1730 г., съ возстановленіемъ этого суда, подсудность его опредѣлена чертою Москвы, для суда *всякихъ людей*, во всѣхъ ихъ дѣлахъ, кромѣ—татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ. Въ 1762 году [3]) судъ этотъ раздѣленъ на 3, и въ 1764 г.—на 4 департамента [4]). Каждый департаментъ имѣлъ по три члена и долженъ былъ рѣшать дѣла единогласно; вслучаѣ разногласія, дѣла переходили въ общее собраніе всѣхъ департаментовъ и рѣшались тамъ большинствомъ голосовъ. При неясности закона дѣла восходили, съ мнѣніемъ приказа, въ юстицъ-коллегію.

---

[1]) Указъ 24 февраля 1727 г.
[2]) Указъ 20 марта 1730 г.
[3]) Указъ 29 янв. 1762 г.
[4]) Указъ 15 декабря 1764 г.

Въ такомъ видѣ оставалась областная, народная юстиція до реформъ Екатерины II, воспослѣдовавшихъ по указу 7 ноября 1775 г.

Россія въ это время находилась какъ бы въ летаргическомъ снѣ: дворцовыя революціи, временщики, тайная канцелярія, фискалы, доимочный приказъ, канцелярія конфискаціи, самовластіе губернаторовъ и воеводъ,—все это дѣйствовало одуряющи на народъ и несмотря на то, что древнія его права были попраны, но онъ терпѣливо переносилъ всю тягость своего положенія.

Въ одномъ только выражалось полнѣйшее его неудовольствіе, въ совершенномъ его равнодушіи къ дворцовымъ революціямъ и катастрофамъ.

И дѣйствительно, во весь періодъ времени отъ смерти Петра I-го до реформъ Екатерины II, мы видимъ, что учрежденія его, какъ недоноски, не переживаютъ своего творца: надворные и нижніе суды, магистраты и ратуши уничтожаются; коллегіальное и выборное начало прежнихъ судовъ замѣняется единоличнымъ судомъ губернаторовъ и воеводъ; одна Москва лишь, и то въ дѣлахъ гражданскихъ, сохраняетъ нѣкоторымъ образомъ правильный судъ. Уголовная же юстиція вся основана на доносахъ и на правилѣ—«что слово есть дѣло»; а пытка, съ жестокими наказаніями, суть обыкновенныя ея явленія. Одинъ правительствующій сенатъ, не смотря на всѣ воздвигнутыя противъ него гонѣнія, остается вѣренъ великимъ предначертаніямъ Петра I, то есть остается *непріятнымъ* блюстителемъ правосудія и чиновъ имперіи. Поэтому, можно сказать, что одинъ правительствующій сенатъ, если можно такъ выразиться, на плечахъ своихъ вынесъ ту неурядицу, которая возникла вслѣдствіе уничтоженія областныхъ и городскихъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что съ возстановленіемъ Анною Іоанновною правъ правительствующаго сената, онъ принимаетъ самое горячее участіе не только въ дѣлѣ суда и расправы, но и въ администраціи. Въ 1730 году сенатъ раздѣленъ на 5 департаментовъ [1]) и въ каждомъ изъ нихъ назначено 4 или 5 сенаторовъ; совокупность департаментовъ составляла общее собраніе сената [2]). Апелляція допущена на рѣшенія сената, но подъ опа-

---

[1]) Дѣлъ духовныхъ, военныхъ, хозяйственной юстиціи и мануфактуръ торговли и горнаго дѣла. Послѣдніе три составляли одинъ департаментъ.

[2]) О томъ въ какой силѣ возстановленъ сенатъ см. П. С. З. №№ 5510, 5513, 5529, 5534, 5943, 5557, 5603, 5522, 5595, 5566.

сеніемъ жестокаго наказанія вслучаѣ несправедливости жалобы [1]). Послѣдній законъ возникъ вслѣдствіе учрежденія кабинета Императорскаго Величества [2]); это учрежденіе конкуррируетъ вначалѣ съ сенатомъ [3]), но потомъ къ концу царствованія Анны Іоанновны, мы видимъ явное возстановленіе правъ сената и паденіе кабинета, такъ что періодъ съ 1738 — 1740 годъ, по выраженію Градовскаго, изобилуетъ такъ называемыми общими разсужденіями кабинета съ сенатомъ [4]).

Преемница Анны Іоанновны, Анна Леопольдовна, вновь унизила сенатъ указомъ своимъ отъ 27 ноября 1740 года, въ которомъ она говоритъ почти съ негодованіемъ объ этомъ учрежденіи и предоставляетъ всѣмъ лицамъ право жаловаться на него Императорскому Величеству; для доклада же этихъ жалобъ учреждается вновь должность рекетмейстера при Высочайшемъ дворѣ.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны значеніе сената вновь возстановляется, и возникаетъ строгое подтвержденіе всѣхъ указовъ Петра I о неподаваніи просьбъ императрицѣ лично [5]). Сенатъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ и принялъ самое широкое участіе въ администраціи и судѣ.

«Не одни практическіе мотивы, говоритъ Градовскій,—въ превосходномъ своемъ сочиненіи—высшая администрація въ Россіи XVIII ст.,—руководили въ этотъ періодъ сенатомъ въ его дѣятельности. Начало гуманности находило мѣсто въ его мѣрахъ. Перечитывая, въ настоящее время, эти указы, съ ихъ сухимъ и неизящнымъ языкомъ, убѣждаешься, что эти канцелярскія фразы диктовали глубокое сознаніе человѣческаго достоинства и желаніе облегчить участь подданныхъ. Такое впечатлѣніе производитъ дѣятельность сената по вопросамъ уголовнаго судопроизводства. Суровую практику завѣщало ему прошедшее время. Еще свѣжи

---

[1]) Указъ 4 марта 1730 г.

[2]) Съ 1731—1741.

[3]) По показаніи Миниха: старые сенаторы, какъ князь Д. Мих. Голицынъ и другіе, вовсе не ходили въ сенатъ, а графъ Головкинъ не выходилъ изъ дому. Новосильцевъ и подсудимый Сукинъ только и являлись въ присутствіе сената.

[4]) «Высшая администрація и т. д.» стр. 160.

[5]) Н. С. З. №№ 8480 и 8575.

были въ памяти безчисленныя казни Бирона, съ ужасомъ перечитывали дѣло Артемія Волынскаго; смертная казнь и пытки ожидали сколько нибудь важнаго преступника. Разрядъ государственныхъ преступленій, подъ вліяніемъ тайной канцеляріи, увеличился все большимъ числомъ преступленій, часто мнимыхъ. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, въ сенатѣ замѣчается направленіе, которое сдѣлало бы честь ученику Беккаріи и Пена».

Показаніе это оправдывается тѣмъ, что мы въ этотъ періодъ времени находимъ слѣдующія улучшенія въ юстиціи сенатомъ:

1) О неотсылкѣ въ тайную канцелярію писцовъ и рукоприкладчиковъ за неумышленныя описки въ титулѣ Ея Величества. Въ прежнее время и безграмотность обращалась въ государственное преступленіе и въ практику тайной канцеляріи.

2) Малолѣтство признано до 17 лѣтъ и въ случаѣ тяжкихъ преступленіи, сенатъ велѣлъ малолѣтнихъ освобождать отъ пытки и смертной казни; но это наказаніе замѣнено плетьми и батогами, послѣ чего наказаннаго отправляли въ монастырь на исправленіе.

3) Не выходя изъ застѣнка, велѣно было судьямъ подписывать журналъ о пыткѣ.

4) Въ 1744 и 1748 годахъ сенатъ предписалъ всѣмъ судамъ представлять на его ревизію всѣ дѣла, гдѣ приговаривался кто нибудь къ смертной казни.

5) Въ 1751 году сенатъ велѣлъ замѣнить смертную казнь ссылкою въ Роггервикъ на работу, съ производствомъ осужденнымъ платы [1]). То же самое было сдѣлано относительно подлежавшихъ смертной казни преступниковъ, содержавшихся въ губерніяхъ Сибирской и Астраханской, т. е., ихъ, вмѣсто казни, повелѣно употреблять на работы. Въ томъ же году сенатъ повелѣлъ женщинъ, приговоренныхъ къ смерти не отправлять на работы, а отправлять ихъ прямо на житье въ Сибирь.

6) Въ 1753 году, по докладу сената, Высочайше отмѣнено отсѣченіе руки, съ которымъ прежде сопровождалась ссылка на вѣчныя работы; другимъ указомъ повелѣно именовать политическою смертью воз-

---

[1]) Сенатъ такимъ образомъ отмѣнилъ смертную казнь за 3 года прежде того, какъ обыкновенно предполагалось до изслѣдованіи Градовскаго.

веденіе на висѣлицу и положеніе головы на плаху, причемъ всѣ приговоры, какъ о политической, такъ и о натуральной казни велѣно, неприводя въ исполненіе, представлять въ сенатъ.

7) Въ 1757 году сенатъ приказалъ тяжкихъ преступницъ, по наказаніи кнутомъ, ссылать въ Сибирь, не вырывая у нихъ ноздрей и не ставя на лицѣ знаковъ.

8) Уничтожены пытки по дѣламъ корчемнымъ [1]).

«Во всякомъ случаѣ, говоритъ Градовскій,—эти указы сената на долго останутся свидѣтелями того, что онъ не только успѣлъ сохранить, но и развить начала преобразованной Россіи, въ одну изъ самыхъ тяжкихъ ея эпохъ».

Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ талантливаго историка-юриста мнѣ ничего не остается сдѣлать, какъ присовокупить, что если бы не сенатъ, то при томъ хаосѣ, который возникъ послѣ смерти Петра I, его Россія, за которую онъ нещадилъ ни трудовъ, ни жизни, пришла бы богъ знаетъ къ чему; но геній ея великаго преобразователя царилъ надъ нею и въ лицѣ сената сохранилъ ея единство до болѣе отраднаго времени—эпохи Екатерины II.

Нѣмка по рожденію, Екатерина II была по уму, и другимъ качествамъ истинно русская. Россію любила она не только какъ страну, которая ее пріютила и поставила на одинъ изъ самыхъ блестящихъ престоловъ Европы, но она любила ее, какъ мать свое родное дитя.

Знаменитый ея наказъ свидѣтельствуетъ о справедливости моихъ словъ: все, что только ея геній и гуманное сердце могли воспроизвести было вложено туда, какъ въ сокровищницу, для руководства комиссіи, при составленіи уложенія.

Но къ прискорбію, комиссія—съ одной стороны, не была приготовлена къ принятію великихъ принциповъ и плановъ, предначертанныхъ геніальною женщиною; а потому Императрица приступила сама къ устройству, по ея выраженію, своего маленькаго хозяйства. Съ другой стороны, честолюбіе и многія другія причины побудили императрицу къ реформамъ, которыя развили до крайности идею объ единовластіи или объ—абсолютизмѣ.

---

[1]) П. С. З. №№ 8544, 8601, 8611, 8944, 8996, 9312, 9871, 9875, 9911, 10086, 10087. 10686.

Взглядъ ея при этомъ разошолся съ тогдашнимъ значеніемъ и положеніемъ правительствующаго сената. Въ послѣднемъ сосредоточивалась почти вся государственная власть: что ни относилось къ законодательству, администраціи и суда—все было перемѣшено въ его департаментахъ, и поэтому не было ни единообразія, ни системы въ его дѣйствіяхъ,—это же вызвало накопленіе дѣлъ и застой во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Вслѣдствіе этого — армія, флотъ, народное и государственное хозяйство, финансы и юстиція—все было растроено и находилось, при воцареніи Екатерины II, въ самомъ жалкомъ видѣ.

Рѣзко высказывается она по этому поводу и о коллегіяхъ, и о преобладающемъ значеніи сената...

Въ 1764 г. въ указѣ объ обязанностяхъ камеръ-коллегіи она говоритъ, что коллегія эта не исполняетъ обязанностей, возложенныхъ на нее указами Петра I; что она потеряла способность собственной иниціативы и занимается одною безплодною перепискою.

Въ извѣстномъ же ея *секретнѣйшемъ* наставленіи генералъ-прокурору Вяземскому, она говоритъ о сенатѣ: «сенатъ установленъ для исполненія законовъ ему предписанныхъ, а часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни,—однимъ словомъ почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ... Чрезъ такія великія гонѣнія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ столь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ, а на послѣдокъ къ намъ.. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся—неописанное и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна лишь форма канцелярская исполняется, а обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ».

Дѣйствительно, нельзя не сознаться съ Екатерины II, что приказная форма сената вызывала застой въ дѣлахъ; нельзя однакоже и не отдать ему справедливости, что онъ не употреблялъ во зло своею властью и въ тѣ трудныя времена, когда иностранцы, захвативъ въ свои руки власть въ *кабинетѣ*, грозили поработить государство и обратить его въ вотчину, въ это время сенатъ одинъ бодрствовалъ и отстаивалъ народные и государственные интересы.

Этимъ и объясняется, почему Елизавета Петровна такъ довѣряла это-

му верховному мѣсту и почему она возстановила то значеніе его, которое онъ получилъ, по начертаніямъ ея геніальнаго отца.

Съ воцареніемъ дочери Петра I, мы видимъ поворотъ назадъ, т. е., торжество русской партіи надъ нѣмецкою; поэтому партія русская иначе не могла, какъ опереться на томъ учрежденіи, которое всегда стояло за національные и государственные интересы.

Поэтому нападки Екатерины II на сенатъ, который будто бы захватилъ неподлежащую ему власть, несправедливы; потому что онъ отправлялъ только тѣ функціи, которыя были ему предоставлены.

Самое же неудовольствіе Екатерины II на это учрежденіе мы объясняемъ только ея честолюбіемъ и задуманными ею реформами, осуществленіе которыхъ она находила возможнымъ только при самодержавіи.

Мысль эту она прямо высказывала въ своемъ наказѣ [1]), въ которомъ она писала о Россіи: «государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальныхъ странъ присылаемыхъ, награждало медленіе отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ раззорительно. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ».

Этотъ взглядъ Императрицы на значеніе царствующаго государя расходился съ значеніемъ сената какъ верховнаго законодательнаго, административнаго и судебнаго мѣста; поэтому, немедленно, по вступленіи своемъ на престолъ, она приступила къ преобразованію этого учрежденія.

Преобразованіе это совершилось въ 1763 году [2]).

Сенатъ раздѣленъ на 6 департаментовъ; изъ нихъ 4 находились въ Петербургѣ и 2—въ Москвѣ.

1-й департаментъ вѣдалъ государственныя—внутреннія и политическія—дѣла, какъ то: вѣдомости о числѣ народонаселенія и вѣдомости о приходахъ и расходахъ; поэтому всѣ дѣла по герольдіи и по всѣмъ колле-

---

[1]) § 8, 9, 10, 11, 12. Наказа изд. акад. наукъ 1770 г. См. также П. С. З. № 12 и 118, 12949; и чтенія М. О. Д. и др. за 1862.

[2]) Указъ 15 дек. 1763 П. С. З. № 11989.

тіямъ, завѣдывавшимъ государственными доходами и расходами, зависили отъ 1-го департамента.

2-ой департаментъ, подъ вѣдѣніемъ рекетмейстера, разбиралъ апелляціонныя дѣла, поступавшія изъ коллегій и приказовъ.

3-ій департаментъ вѣдалъ дѣла Малороссіи, Эстляндіи, Лифляндіи и губерніи Выборгской. Кромѣ этого, онъ имѣлъ главный надзоръ за академіями, медицинскою коллегіею, за ямскимъ приказомъ, путями сообщеній за полиціею и наконецъ, съ 1796 года, за цензурою [1]).

4-ый департаментъ завѣдывалъ дѣлами коллегій военныхъ.

5-ый департаментъ (въ Москвѣ) подчинилъ себѣ дѣла прежней бывшей сенатской типографіи.

6-ой департаментъ былъ судебно-апелляціонный.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-прокурору предоставлена была власть переносить дѣло изъ одного департамента въ другой: такъ это было, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи департаментовъ московскихъ [2]).

Въ 1765 году [3]) учреждена была при сенатѣ особая межевая канцелярія, переименованная въ послѣдствіи въ межевой департаментъ [4]).

Но не въ этомъ внѣшнемъ дѣленіи заключалась сущность реформы Екатерины II, а во внутренней организаціи сената.

Прежде сенатъ рѣшалъ дѣла не въ департаментахъ, а въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, и послѣдніе были только канцеляріями сената; самыя рѣшенія составлялись по единогласію голосовъ.

По реформѣ же 1763 года, каждый департаментъ составлялъ особое присутствіе и именемъ всего сената рѣшалъ *единогласно* всѣ дѣла, подлежавшія его вѣдѣнію. На случай же разногласія, дѣла поступали въ общія собранія—петербургское или московское.

Въ общихъ собраніяхъ надзоръ порученъ генералъ-прокурору, а въ департаментахъ—оберъ-прокурору. По несогласію оберъ-прокурора съ

---

[1]) Указъ 22 окт. 1796 г.

[2]) Указъ 12 января 1771 г.

[3]) Указъ 8 окт. 1765 г.

[4]) По разногласію этого департамента или на случай протеста генералъ-прокурора, дѣла не вступали первоначально въ общее собраніе, а непосредственно чрезъ генералъ-прокурора восходили на Высочайшее усмотрѣніе.

рѣшеніемъ департамента, дѣло переносилось въ общее собраніе [1]); а если съ рѣшеніемъ послѣдняго не соглашался генералъ-прокуроръ, то дѣло представлялось на Высочайшее усмотрѣніе.

Эта организація уничтожила совершенно самостоятельность и значеніе сената, какъ верховнаго мѣста: генералъ-прокуроръ сдѣлался первымъ министромъ, а сенатъ—его канцеляріею. Если въ дѣлѣ администраціи и суда правительство желало дѣйствовать непосредственно, то въ департаментахъ сената протесты прокуроровъ переносили дѣла въ общее собраніе, а оттуда дѣло восходило чрезъ генералъ-прокурора на Высочайшее усмотрѣніе. Поэтому принципъ наказа объ отдѣленіи властей исполнительной отъ *защитительной* (т. е., судебной и законодательной) въ существѣ становился только мнѣомъ. Устройство сената лишало его, по самому принципу, власти законодательной и административной: что открывается и изъ *секретнѣйшей* инструкціи Екатерины II, данной генералъ-прокурору; судебная же его власть, постановленная подъ условія единогласныхъ рѣшеній и пропуска ихъ оберъ-прокуроромъ, обратилась также въ одинъ необязательный для правительства юридическій матерьялъ.

«Изъ всѣхъ четырехъ департаментовъ сената, говоритъ Градовскій—только одинъ второй (т. е. судный) сохранилъ первоначальное значеніе, въ остальныхъ все больше и больше выдѣляется министерское начало, въ новѣйшемъ смыслѣ. Изъ перваго департамента возвышается обширная власть генералъ-прокурора, какъ главнаго руководителя финансовъ, государственнаго хозяйства, внутренняго управленія; сохраняя при этомъ свое значеніе блюстителя законовъ въ дѣлахъ судебныхъ, онъ соединилъ въ своемъ лицѣ должность министра финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, сначала въ сенатѣ, а потомъ и въ отдѣльныхъ отъ сената учрежденіяхъ. Въ другихъ частяхъ управленія образуются также особыя вѣдомства, съ самостоятельными лицами во главѣ ихъ» [2]).

Такимъ образомъ, въ сущности, и администрація и верховный судъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, переходитъ къ исполнительной власти, въ лицѣ генералъ-прокурора, который дѣйствуетъ Высочайшими повелѣніями, именными и Высочайшими указами. Въ такое же положеніе ста-

---

[1]) Общее собраніе собиралось при первомъ департаментѣ сената.

[2]) «Высшая администрація и т. д.» стр. 209.

вится и власть законодательная. Императрица, чтобы отнять эту власть отъ сената, прибѣгаетъ къ созванію земскаго собора, подъ названіемъ *комиссіи о сочиненіи проекта уложенія*. Приготовительныя работы для этой комиссіи поручаются генералъ-прокурору, князю Вяземскому, и знаменитый наказъ является инструкціею этого народнаго учредительнаго собранія. Предсѣдательство на этомъ соборѣ принимаетъ на себя [1]) тотъ же генералъ-прокуроръ, и даже, послѣ избранія собраніемъ предсѣдателя или маршала, генералъ-прокуроръ, совмѣстно съ нимъ, предсѣдательствуетъ.

Дѣло собора окончилось его распущеніемъ, безъ всякихъ послѣдствій; но къ сенату законодательная власть болѣе не возвращалась.

Всѣ реформы, законы и учрежденія начинаютъ исходить непосредственно отъ правительства.

Изъ этого открывается, что при Екатеринѣ II въ отношеніи высшаго суда, администраціи и законодательства, реформа Петра I-го окончательно пала и хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, пало старое приказное начало и выдѣлилась новая теорія о министерствѣ, но тѣмъ не менѣе свобода народа значительно отъ этого пострадала...

Приказное начало, по которому канцелярія овладѣвала всѣмъ государственнымъ управленіемъ, дѣйствительно составляло страшнѣйшее зло, тѣмъ болѣе, что это начало обнимало въ коллегіяхъ и въ сенатѣ все государственное управленіе.

«Я очень рада, сказала Екатерина II Грибовскому, [2]) что ты знаешь канцелярскій порядокъ. Ты первый будешь сенату исполнитель моего устава. Но я тебя предупреждаю, что сенатская канцелярія *одолѣла* сенатъ, который я хочу отъ канцеляріи освободить»...

При этомъ замѣчаетъ Грибовскій я сказалъ: «кромѣ сената и по другимъ мѣстамъ тоже дѣлается».

Дѣйствуя въ такомъ духѣ Екатерина II, въ дѣлѣ администраціи оказала огромную заслугу, уничтоживъ старое приказное начало; но юстиція и законодательство отъ этого ничего не выиграли.

Первая, потерявъ свою самостоятельность и всѣ гарантіи независимаго суда, потеряла все значеніе свое — вѣрной хранительницы и блюститель-

---

[1]) См. по этому предмету П. С. З. № 12814, 12843, 12942.

[2]) Записки статсъ-секретаря Грибовскаго стр. 41.

ницы законовъ и существующихъ учрежденій; вторая стала подъ вліяніе субъективныхъ и временныхъ обстоятельствъ.

Областныя и губернскія учрежденія, преобразованныя въ 1775 году [1]) помимо сената и земскаго собора, хотя, какъ мы ниже увидимъ, въ отношеніи юстиціи и возстановлять, будто бы, самостоятельность суда, —выражающагося въ правѣ выбора судей и въ отдѣленіи гражданскихъ дѣлъ отъ уголовныхъ; но тѣмъ не менѣе, однакожъ, уничтожается тотъ контроль надъ ними, который прежде существовалъ въ коллегіяхъ и въ сенатѣ.

Выше мы видѣли, что послѣ смерти великаго преобразователя Россіи, всѣ губернскія судебныя учрежденія были уничтожены, и власть судебная сосредоточена, кромѣ Москвы, въ воеводскихъ и губернскихъ канцеляріяхъ; но и тѣ и другіе стояли подъ ревизіею коллегій и сената. Кромѣ того, при Елисаветѣ Петровнѣ воеводы обязаны были, чрезъ каждые два года, являться въ сенатъ и давать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и, при ихъ неудовлетворительности, они смѣнялись. Областныя же и губернскія реформы Екатерины II, уничтоживъ коллегіи, удалили сенатъ отъ провинціи.

Государство раздѣлено на 40 губерній, въ каждой отъ 300 до 400 тысячъ душъ. Губерніи раздѣлены на уѣзды, каждый имѣлъ отъ 20 до 30 тычячь жителей. Главный начальникъ нѣсколькихъ губерній, (обыкновенно двухъ), ввѣрялся высшему надзору намѣстника или генералъ-губернатора. Намѣстникъ не былъ начальникомъ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ, а лишь блюстителемъ законовъ во ввѣренной ему губерніи и имѣлъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ ихъ. Намѣстникъ не имѣлъ права вмѣшиваться ни въ какія судебныя разбирательства; но имѣлъ право остановить исполненіе судебнаго рѣшенія, если находилъ его несправедливымъ и безъ утвержденія его ни одинъ смертный приговоръ неимѣлъ силы. Намѣстникъ былъ оберегателемъ законовъ, ходатаемъ за общественную и государственную пользу, заступникомъ утѣсненныхъ и побудителемъ безгласныхъ дѣлъ и нося имя *государева намѣстника*, по выраженіи указа, онъ долженъ былъ показывать «*доброхотство, любовь* и *соболѣзнованіе къ народу*».

Какъ главный начальникъ полиціи во всей губерніи, генералъ-губернаторъ обязанъ былъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, и особенно

[1]) Указъ 7 ноября 1775 г. по предмету этому всесторонне объизслѣдованъ предметъ, кромѣ цитируемыхъ мною выше сочиненій—*Вицына, Андреевскаго* и *Градовскаго*, еще въ сочиненіи *Лохвицкаго* «губернія и т. д.»

безмѣрную роскошь, *обуздывать* излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости... [1])

Кто близко знакомъ съ характеромъ правленія Екатерины II и съ ея намѣреніями, тому понятно станетъ, если я скажу, что при первомъ взглядѣ на инструкцію намѣстника, оказывается, что Императрица осталась въ ней вѣрна общей своей идеѣ—о необходимости сближенія народа съ царствующимъ государемъ. Ей нужно было звено для этой цѣпи, и этимъ звеномъ, поея мнѣнію, могъ только и быть одинъ намѣстникъ, который предъ престоломъ свидѣтельствовалъ бы о нуждахъ и потребностяхъ народа; и обратно—который былъ бы въ провинціи представителемъ верховной власти.

Доказывается это отчасти содержаніемъ инструкціи, данной намѣстникамъ, отчасти тѣмъ, что генералъ-губернаторы стали непосредственно, помимо сената, сноситься съ Императорскимъ Величествомъ чрезъ, генералъ-прокурора. Градовскій приписываетъ это исключительному положенію послѣдняго, такъ какъ путь этотъ былъ кратчайшій и удобнѣйшій [2]); и же полагаю, что, безъ воли государыни, едва ли генералъ-губернаторы я оберъ-прокуроры рѣшались бы нарушать, въ этомъ отношеніи, права сената.

Самая инструкція указываетъ, что генералъ-губернаторы, какъ намѣстники государевы, должны были имѣть непосредственную съ нимъ связь.

Но учрежденіе, хорошее по принципу, оказалось на практикѣ неудобоприменимымъ [3]). Екатерина II составила себѣ идилію о томъ, что генералъ-губернаторы, управляя краемъ неограниченно ея именемъ, будутъ оказывать народу *доброхотство*, *любовь* и *соболѣзнованіе*; вотъ по-

---

[1]) Учр. о субер. П. С. З. № 14 и 392.

[2]) «Высшая администрація и т. д.» стр. 49 и цитата 2-ая.

[3]) Градовскій совершенно противуположнаго взгляда, онъ говоритъ: учрежденіе о губерніяхъ на долго останется памятникомъ широкихъ, теоретическихъ взглядовъ, *превосходной подготовки* и *глубокаго пониманія* практической стороны дѣла и средствъ къ совершенію задуманнаго намѣренія», (стр. 225 и 226). Но факты, приводимые имъ, доказываютъ развитіе, въ губерніи и въ высшихъ сферахъ—единоначалія, а въ судахъ—произвола и вліянія администраціи. Слѣдовательно, похвалы талантливаго автора теряютъ свою силу, и строгая критика не можетъ отнестись къ нимъ сочувственно, тѣмъ болѣе, какъ ниже увидимъ, эти учрежденія съ трудомъ уже существовали въ первую четверть нынѣшняго вѣка.

чему, по силѣ ея инструкціи, намѣстникъ имѣлъ право вмѣшиваться не только въ юстицію, но даже въ домашнюю жизнь мирныхъ гражданъ. Это былъ миѳическій стоглазый аргусъ, отъ взора котораго ничего не должно было ускользать; поэтому онъ предавалъ суду и онъ же конфирмовалъ рѣшенія; подъ предлогомъ же уничтоженія излишества и мотовства, онъ могъ заглядывать даже въ кухню, чтобы справиться, не готовится ли что нибудь лишнее у Ивана Ивановича или у Ивана Никифоровича.

Результаты такого уполномочія вскорѣ обнаружились и Шантро, посѣтившій Россію, [1]) говоритъ, что она раздѣлена на 44 военныя губерніи, ввѣренныя генераламъ, снабженнымъ такою властью, которая ставитъ ихъ волю выше закона.

Слѣдовательно власть намѣстника въ дѣйствительности являлась вовсе не въ идилическомъ видѣ: это не былъ пастушекъ, пасущій овечекъ, а это былъ генералъ-деспотъ; вотъ почему иностранцу показалась даже вся администрація *военною* и самыя губерніи названы имъ военными.

Губернаторы же были только членами намѣстническаго или губернскаго управленія и за отсутствіемъ намѣстника исправляли его должность.

Произволъ намѣстниковъ Екатерина II хотѣла уничтожить губернскимъ или намѣстническимъ управленіемъ, гдѣ генералъ-губернаторъ былъ предсѣдателемъ и гдѣ засѣдали—губернаторъ и два губернскихъ совѣтника, опредѣляемыхъ и увольняемыхъ сенатомъ.

Но правленіе было лишь послушнымъ органомъ намѣстника, такъ какъ и назначеніе туда членовъ и увольненіе ихъ были въ его рукахъ. Между тѣмъ власть губернскаго правленія была сравнена съ властью прежнихъ коллегій, и указы оно получало только отъ Императорскаго Величества и сената. По дѣламъ же исковымъ, такъ называемымъ, безспорнымъ [2]), губернское правленіе сохранило прежнее значеніе воеводскихъ канцелярій, т. е., осталось судебнымъ трибуналомъ.

Въ отношеніи областной юстиціи Екатерина II только возстановила учрежденія Петра I, но въ такомъ измѣненномъ видѣ, что они не имѣли ужь ни той самостоятельности, ни того значенія, какія даны имъ великимъ преобразователемъ и только въ одномъ они остались вѣрны его предначертаніямъ, что оставлено за *низшими* судами выборное начало.

А. Высшія судебныя мѣста въ губерніи были:

---

[1]) Voyage philosophique etc. *Chantreau*, т. I, стр. 146.

[2]) Къ дѣламъ безспорнымъ относились дѣла—по договорамъ и обязательствамъ, объ ущербѣ, убыткѣ и самовольномъ завладѣніи.

1) *Палаты гражданскаго суда.* Она состояла изъ предсѣдателя, 2 совѣтниковъ и 2 ассесоровъ. Предсѣдатель опредѣлялся въ свою должность Императорскимъ Величествомъ, по представленію сената; совѣтниковъ же и ассесоровъ опредѣлялъ самъ сенатъ. Предметы ея вѣдомства были тѣ, которые прежде принадлежали вотчинной и юстицъ-коллегіи. Къ ней поступали апелляціи на рѣшенія верхняго земскаго суда, губернскаго магистрата и верхней расправы.

До 500 руб. она рѣшала окончательно дѣла, а свыше этой суммы можно было рѣшенія брать на апелляцію въ сенатъ.

2) *Палата уголовнаго суда* была, по составу своему и по порядку производства дѣлъ, одинакова съ палатою гражданскою. Ея рѣшенію подлежали всѣ дѣла по преступленіямъ должностей и всѣ дѣла, по которымъ подсудимые подвергались лишенію политической или физической жизни. Для дѣлъ перваго рода уголовная палата составляла первую инстанцію суда, всѣ же прочія дѣла вносились въ нее на *ревизію* изъ низшихъ судебныхъ мѣстъ. Всѣ рѣшенія палаты приводились въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія ихъ начальникомъ губерніи [1]). Приговоры же, подвергавшіе дворянина лишенію жизни, чести или дворянскаго достоинства, должны были вноситься на утвержденіе Императорскаго Величества и безъ того не имѣли никакой силы [2]).

3) *Совѣстный судъ.* Таже идилія, которая руководила Екатериною II при установленіи въ провинціяхъ намѣстника государева, руководила ею и при учрежденіи, въ каждой губерніи, совѣстнаго суда. «Совѣстный судъ, говоритъ учрежденіе о губерніяхъ, никогда судьбы ни чьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе порученныхъ ему дѣлъ». Судъ этотъ состоялъ—изъ совѣстнаго судьи и засѣдателей. Совѣстный судья опредѣлялся въ должность начальникомъ губерніи изъ лицъ, представленныхъ ему отъ губернскихъ судебныхъ мѣстъ, отъ каждаго по одному и преимущественно изъ людей—способныхъ, совѣстныхъ, разсудительныхъ, справедливыхъ и безпорочныхъ... Но дѣло въ томъ, что эту оцѣнку дѣлалъ губернаторъ; а потому выходило, что совѣстный судья былъ назначаемъ по усмотрѣнію губернатора и былъ въ совершенной отъ него зависимости. Засѣда-

---

[1]) Указъ 13 октября 1785 года.

[2]) Жалованная грамота дворянству.

тели избирались сословіями, съ утвержденія намѣстника. Каждое сословіе должно было избирать отъ себя въ совѣстный судъ 2 засѣдателей, по выраженію указа, изъ людей—добросовѣстныхъ, свѣдущихъ въ законахъ и ученіе имѣющихъ. Однакоже туда попадали по большей части невѣжественные тунеядцы, которые ничего не дѣлали, а всею совѣстною юстиціею заправляли секретари. Каждый засѣдатель присутствовалъ въ судѣ по дѣламъ, касавшимся только его сословія — по принципу Екатерины, что каждый долженъ быть судимъ только равнымъ себѣ лицомъ. Кругъ вѣдомства этого суда опредѣлялся слѣдующими предметами: 1) дѣла по неосторожнымъ проступкамъ и преступленіямъ; 2) дѣла о преступленіяхъ безумныхъ и малолѣтнихъ; 3) дѣла о колдунахъ и колдовствѣ: «поелику, объясняетъ указъ, въ нихъ заключается тупость, обманъ и невѣжество»; 4) примиреніе тяжущихся, если они обращались въ судъ; 5) дѣла о заключенныхъ подъ стражу, если въ теченіе 3 дней имъ не объявляли о причинѣ ареста...

Но замѣчательно, что *совѣстный* судъ долженъ былъ рѣшать дѣла *по закону*; и такъ какъ судьи были крайне невѣжественны и несамостоятельны, а потому судъ этотъ не отличался своею совѣстливостью. Тѣмъ же болѣе этотъ судъ не достигалъ цѣли, что хотя апелляція и допускалась на него въ высшій совѣстный судъ, но тѣмъ не менѣе, по выраженію указа, «чтобы быть ему подъ приличною защитою и присмотромъ, для пользы и порядочнаго отправленія дѣла»,—онъ подчинялся намѣстнику. Предложенія послѣдняго судъ обязанъ былъ уважать «не инако, какъ только, сколько оныя сходствовали съ точною силою законовъ...» Другими словами, предложенія намѣстника судъ обязанъ былъ исполнять безпрекословно...

Б. *Среднія судебныя мѣста въ губерніи.* Въ каждой губерніи учреждены были:

1) Одинъ *верхній земскій судъ*; но дозволялось учреждать и болѣе одного, если обширность губерніи того требовала. Судъ раздѣлялся на 2 департамента; каждый состоялъ изъ предсѣдателя—и пяти засѣдателей. Первому департаменту были поручены дѣла уголовныя, второму—гражданскія. Если дѣлъ уголовныхъ не было, то оба должны были отправлять гражданское правосудіе. Предсѣдатели опредѣлялись Высочайшими указами, по представленію сената; засѣдатели избирались дворянствомъ на 3 года. Суду этому, въ порядкѣ апелляціонномъ, были подвѣдомы уѣздные суды, дворянскія опеки и нижніе земскіе суды, по дѣламъ граждан-

скимъ и уголовнымъ дворянъ и разночинцевъ. Окончательно рѣшалъ онъ дѣла гражданскія до 100 руб. По остальнымъ дѣламъ изъ него поступали дѣла: гражданскія, въ порядкѣ апелляціонномъ—въ гражданскую палату; уголовныя, въ порядкѣ ревизіонномъ — въ уголовную палату.

2) На каждую губернію, смотря по обширности ея, дозволялось открыть одинъ или два *губернскихъ магистрата*. Судъ этотъ дѣлился на 2 департамента уголовный и гражданскій. Каждый департаментъ—имѣлъ свое присутствіе—изъ предсѣдателя и трехъ засѣдателей. Первые опредѣлялись сенатомъ, по представленію губернскаго правленія; засѣдатели избирались, чрезъ каждые три года, изъ купцовъ и мѣщанъ. Къ нему поступали дѣла по апелляціямъ изъ городовыхъ магистратовъ, ратушъ и сиротскихъ судовъ. Ему же подвѣдомственны были дѣла, относящіяся до городскихъ обществъ. Степень его власти равнялась верхнему земскому суду.

3) *Верхняя расправа* учреждалась въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существовали нижнія расправы. Предсѣдатель и члены опредѣлялись тѣмъ же сорядкомъ, какъ и въ губернскомъ магистратѣ. Подсудны ей были дѣла дворянъ, ученаго сословія, чиновниковъ, разночинцевъ и поселянъ. Къ ней поступали апелляціи на рѣшенія нижней расправы; они были подчинены губернскому правленію и обѣимъ судебнымъ палатамъ. Степень ея власти равнялась верхнему земскому суду.

В. Уѣздная и городская юстиція сосредоточивалась—въ уѣздныхъ судахъ и магистратахъ.

1) *Уѣздный судъ*. Въ немъ засѣдали—уѣздный судья и 2 засѣдателя. Они избирались дворянствомъ, чрезъ каждые три года, и утверждались губернаторомъ. Судъ этотъ составлялъ первую инстанцію по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, относящимся къ дворянамъ и разночинцамъ. Дѣла гражданскія, не превышавшія 25 руб., онъ рѣшалъ окончательно. По прочимъ дѣламъ: гражданскимъ—въ порядкѣ апелляціонномъ, а по уголовнымъ — въ порядкѣ ревизіонномъ, дѣла поступали въ верхній земскій судъ.

2) *Городовой магистратъ*. Въ немъ засѣдали 2 бургомистра и 4 ратмана, избиравшіеся чрезъ каждые три года. Половинѣ этого количества разрѣшалось, по очереди, быть въ отлучкѣ. Ему подсудны были мѣщане и купцы, какъ первой инстанціи, по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Степень его власти равнялась уѣзднымъ судамъ и онъ, въ по-

рядкѣ апелляціонномъ и ревизіонномъ, подчиненъ былъ губернскому магистрату [1]).

Изъ этого очерка реформы Екатерины II, произведенной ею въ области высшаго и низшаго суда, открывается, что юстиція окончательно лишилась той самостоятельности, тѣнь которой еще сохранялась при ея преемникахъ въ лицѣ правительствующаго сената. Непонимаю, почему многіе, въ отношеніи суда, считаютъ реформы Екатерины, осуществленіемъ реформъ Петра I-го. Это вовсе невидно изъ нашего очерка ея учрежденій, напротивъ того идея самостоятельности суда, такъ мастерски набросанная, такъ сказать, въ чернѣ, рукою геніальнаго реформатора, окончательно уничтожена Екатериною II. Въ реформахъ Петра мы видимъ, что онъ даетъ сенату полнѣйшую самостоятельность; что юстицъ и вотчинная коллегіи являются у него высшими апелляціонными суда и что, въ провинціяхъ, надворные суды и городовые магистраты основаны на выборномъ началѣ, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла администраціи; слѣдовательно, мы вправѣ были бы въ томъ случаѣ считать реформы Екатерины II продолженіемъ реформъ Петра I, если бы въ нихъ, по крайней мѣрѣ, сохранялись общія черты этихъ реформъ. Реформы же Екатерины II составляютъ прямую и діаметральную противуположность имъ.

Сенатъ, какъ мы видѣли, лишился своей самостоятельности и обратился въ простую канцелярію генералъ-прокурора и его органовъ. Коллегіи, какъ высшіе апелляціонные суды, уничтожены и власть ихъ передана провинціальнымъ палатамъ—гражданскаго и уголовнаго суда. Выборное начало оставлено только за верхними и уѣздными судами, равно за губернскими и городовыми магистратами и то въ такихъ формахъ, что назначеніе членовъ было въ зависимости отъ администраціи. Вмѣшательство въ дѣла суда хотя, будто бы, запрещено намѣстникамъ; но въ отношеніи уголовной юстиціи ему предоставлено—и преданіе суду и утвержденіе рѣшенія, за исключеніемъ дѣлъ о дворянахъ. Такимъ образомъ, судебная реформа Екатерины II дала самостоятельность судамъ только малоцѣннымъ, именно: уѣзднымъ судамъ и магистратамъ—на сумму 25 р.;

[1]) Здѣсь я не упоминалъ о прокурорской власти, потому что объ этомъ предметѣ я буду говорить во 2 части 1 тома настоящаго сочиненія.

верхнимъ земскимъ судамъ и расправамъ—на 100 р., а палатамъ гражданскаго суда—на 500 руб.; въ прочихъ же дѣлахъ установлена безконечная вереница инстанцій и въ одномъ этомъ полагается лишь гарантія правосудію. Гражданскія и уголовныя дѣла отдѣлены другъ отъ друга, для того, чтобы они имѣли ускоренное теченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заставляютъ проходить уѣздный судъ, одну изъ судебныхъ палатъ, департаментъ и общее собраніе сената... Дѣла какъ гражданскія, такъ и уголовныя—тянутся безконечно; подсудимые годами сидятъ еъ тюрьмѣ и ждутъ иногда оправдательнаго приговора; а гражданскимъ дѣламъ и конца нѣтъ.

Градовскій въ своемъ сочиненіи «высшая администрація и т. д.» ставитъ въ величайшую заслугу Екатеринѣ II окончательное уничтоженіе приказнаго начала... Уничтоженіе этого начала въ администраціи дѣйствительно величайшая заслуга; но изъ суда она вовсе неизгнала тѣ начала, которыя прежде тормозили правосудіе и если канцелярія прежде одолѣвала, по ея выраженію, сенатъ и коллегіи, то теперь они стали одолѣвать всѣ судебныя ея учрежденія, только съ тою разницею отъ приказнаго начала, что оно замѣнено бюрократическими формами. Ея судьи—простые чиновники правительства, потому что утвержденіе ихъ въ зависимости отъ администраціи и вся судебная ихъ дѣятельность стоитъ подъ непосредственнымъ ея наблюденіемъ и контролемъ.

Жалованная же грамота дворянству окончательно закабалила народъ дворянству и только оно одно, съ тѣхъ поръ, считается земствомъ. Лохвицкій, въ замѣчательномъ своемъ трудѣ—«губернія», сгруппировалъ результаты жалованной грамоты слѣдующимъ образомъ: 1) отъ дворянства снята обязательная служба; 2) его поземельная собственность, имѣвшая значеніе царскаго жалованья, отдана ему въ полную частную собственность *съ крестьянами*; 3) дворянство стало—съ одной стороны, *земскимъ* губернскимъ классомъ; съ другой—въ немъ остался нѣкоторый отпечатокъ служилаго значенія, но съ тою разницею, что оно перечислено было изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. т. е., изъ военной коллегіи—въ вѣдомство генералъ-прокурора [1]).

Императоръ Павелъ I былъ недоволенъ вообще всѣми реформами своей великой матери, но тѣмъ не менѣе не дѣлалъ въ нихъ значительныхъ измѣненій и довелъ ихъ только до крайности.

---

[1]) «Губернія» стр. 117.

Нѣсколькими указами онъ лишаетъ дворянъ права подавать жалобы на имя Государя, вызываетъ ихъ въ Петербургъ и распредѣляетъ ихъ въ кадетскіе корпуса или—въ армію. Сенатъ, который при Екатеринѣ II сохранялъ нѣкоторую самостоятельность по дѣламъ суднымъ лишается и этого права. Подъ предлогомъ ускоренія рѣшенія дѣлъ [1]), Императоръ повелѣваетъ генералъ-прокурору представлять вѣдомости о неприсутствовавшихъ сенаторахъ, а протоколы сената велитъ приводить въ исполненіе при подписи 3 сенаторовъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ разрѣшаетъ, въ случаѣ присутствованія только 2 сенаторовъ, отправлять на домъ, для подписанія журнала, третьему сенатору. Наконецъ, въ общемъ собраніи сената разрѣшено рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Уничтоженіе единогласія въ рѣшеніяхъ дѣлъ было одною изъ важнѣйшихъ реформъ Павла I: потому что единогласіе, учрежденное Петромъ I, тормозило только дѣла. «Изъ дѣлъ, говоритъ Императоръ Павелъ I, въ указѣ своемъ 1797 года, въ сенатѣ производимыхъ, усматриваемъ мы, что по разногласнымъ сенаторовъ мнѣніямъ, приводятся въ остановку многія дѣла и въ числѣ ихъ такія, по коимъ *маловажное только сомнѣніе* одного или двухъ сенаторовъ изъявляемо бываетъ.» Императоръ былъ совершенно правъ: необходимость *единогласнаго* рѣшенія, установленное Петромъ I, основано было на томъ началѣ, что если есть хоть одинъ голосъ, несогласный съ мнѣніемъ большинства, то онъ указываетъ на возможность разумнаго сомнѣнія въ вѣрности представленныхъ доказательствъ и сомнѣніе это можетъ отправдаться... Градовскій [2]), поэтому случаю, говоритъ: законодатель невѣритъ въ непогрѣшимость рѣшеній и питаетъ слишкомъ глубокое уваженіе къ жизни, имуществу и чести гражданина, чтобы осудить его при существованіи тѣни сомнѣнія въ его виновности»... Мы готовы были бы согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго юриста, если бы считать въ единогласіи рѣшенія дѣла единственную гарантію правосудію. И въ самомъ дѣлѣ, при несамостоятельности суда, инквизиціонномъ, тайномъ и секретномъ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ, европейскимъ юристамъ и законодательствамъ ничего не оставалось, какъ только измыслить единогласіе, какъ жалкую гарантію правильности рѣшенія дѣлъ. Что же выходило? Или судьи, чрезъ этотъ законъ — какъ это было въ нашемъ сенатѣ,

[1]) Въ сенатѣ накопилось въ это время 11476 дѣлъ.
[2]) «Высшая администрація и т. д.» стр. 259.

становились подъ непосредственное вліяніе или первоприсутствующихъ или оберъ-прокуроровъ. Вытекало это изъ того, что начиная отъ тайной канцеляріи, кабинета и конференціи, и оканчивая генералъ-прокурорами Екатерины II и Павла I, антагонисты сената постоянно указывали на медленность теченія въ немъ дѣлъ и, подъ предлогомъ ихъ ускоренія, отнимали и уничтожали права сената. Поэтому сенатъ постоянно только и хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ; вслѣдствіе этого, переходъ дѣла въ общее собраніе, *по разногласію*, противорѣчило требованіямъ правительства о наибольшемъ рѣшеніи дѣлъ. На этомъ основаніи, въ угожденіе этому требованію, департаментамъ сената ничего болѣе неоставалось какъ, въ рѣдкихъ и *исключительныхъ случаяхъ*, пользоваться разногласіемъ и переносить дѣла въ общія собранія. При такомъ же порядкѣ вещей, естественно, что первоприсутствующіе и оберъ-прокуроры, какъ болѣе вліятельныя лица, голосами своими одерживали верхъ и поэтому остальные члены всегда соглашались съ мнѣніемъ первыхъ, или же въ случаѣ протеста оберъ-прокурора, департаменты сената, развѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, оставались при своихъ мнѣніяхъ. Павелъ I не могъ не замѣтить этого существеннаго недостатка и только поэтому онъ уничтожилъ единогласіе. Доказывается это тѣмъ, что онъ запретилъ сенаторамъ, подававшимъ мнѣніе въ департаментахъ, подъ предлогомъ открытія новыхъ обстоятельствъ, измѣнять въ общемъ собраніи свои мнѣнія. Изъ этого слѣдуетъ, что уничтоженіе начала единогласія должно отнести къ улучшенію юстиціи, такъ какъ это уничтоженіе придало значительную самостоятельность каждому сенаторскому голосу и уничтожило тѣ причины, по которымъ прежде члены этого верховнаго мѣста соглашались *безусловно* съ мнѣніями первоприсутствующихъ и оберъ-прокуроровъ.

Въ 1799 году Павелъ I отнимаетъ отъ сената право рѣшать окончательно дѣла, сопряженныя съ ивтересами казны. «Для обезпеченія, говоритъ Императоръ [1]) казенныхъ имѣній отъ неправильныхъ притязаній и ущербовъ, нужнымъ почитаемъ мы предписать, дабы ни по каждому рѣшенію или опредѣленію никакая принадлежность изъ дѣйствительнаго владѣнія и вѣдомства казеннаго не отходила; но въ случаѣ такомъ, рѣшенія или опредѣленія препровождались бы на ревизію, а потомъ сообщались казеннымъ палатамъ для разсмотрѣнія и представленія съ мнѣніями

[1]) П. С. З. №№ 17597, 17600, 17615, 17639, 17652, 17741, 17760, 17762, 19090.

начальниковъ губерній [1]) въ нашъ сенатъ, который о слѣдующей отдачѣ чего либо, по законамъ, изъ вѣдомства казеннаго, имѣетъ право вносить намъ на конфирмацію.» Независимо отъ этого, Павелъ I учредилъ при своей особѣ рекетмейстера, который обязанъ былъ принимать всѣ жалобы на рѣшенія сената и составлять доклады, для Высочайшаго разсмотрѣнія и разрѣшенія всѣхъ административныхъ и судныхъ дѣлъ.

Затѣмъ, въ концѣ своего царствованія, Павелъ I предоставилъ сенату, чрезъ каждые три года, ревизію судебныхъ мѣстъ и въ указѣ своемъ, по этому поводу, говоритъ: «дѣлая такое важное и пространное порученіе сенату, яко первенствующему трибуналу», онъ надѣется, что тотъ осуществитъ возлагаемыя на него обязанности; но мы позволяемъ себѣ считать это комплиментомъ и болѣе ничего: потому что, въ сущности, все же слѣдуетъ сказать, что верховная судебная власть перешла въ руки рекетмейстера, генералъ прокурора и его оберъ прокуроровъ.

Но если Павелъ I былъ вѣрнымъ послѣдователемъ своей матери, въ отношеніи высшихъ мѣстъ имперіи, то этого самого мы, однакожъ, не видимъ въ отношеніи областного управленія. Со вступленіемъ своимъ на престолъ, Императоръ возстановляетъ въ Остъ-зейскомъ и западномъ краѣ ихъ національныя судебныя учрежденія и въ послѣднемъ оставляетъ въ дѣйствіи статутъ Литовскій. Въ Россіи же губернская юстиція подверглась слѣдующимъ измѣненіямъ:

1) Судебныя палаты соединены въ одно подъ названіемъ «палаты суда и расправы», которая впрочемъ состояла изъ 2 самостоятельныхъ департаментовъ [2]). Слѣдовательно измѣненіе не заключалось въ существѣ, а было только внѣшнее.

2) Уничтожены, совѣстный и верхній земскій суды, верхняя расправа и губернскіе магистры [3]).

Эти измѣненія возникли не отъ того, чтобы Павелъ I хотѣлъ, во что бы то ни стало, уничтожить реформы Екатерины; но эти учрежденія, дѣйствительно, были совершенно излишни и только препятствовали успѣшному отправленію правосудія. Поэтому реформы Павла I должно считать улучшеніемъ суда и судопроизводства, но самая система остается неприкосновенною.

---

[1]) Въ отношеніи губернаторовъ остался порядокъ этотъ до правилъ 11 окт. 1865 г.

[2]) Указъ 31 дек. 1796 г.

[3]) См. Тотъ же указъ. Магистраты замѣнены ратгаузами указомъ 4 сен. 1800 г.

Кромѣ того, Императоръ уничтожилъ намѣстничество или генералъ-губернаторства.

При такихъ обстоятельствахъ всту пилъ на престолъ Александръ I и, въ знаменитомъ манифестѣ своемъ, обѣщалъ своимъ поданнымъ продолженіе царствованія его великой бабки.

Дѣйствительно, все царствованіе его есть поддержаніе и доведеніе, во многихъ отношеніяхъ, до крайности системы Екатерины II — какъ въ отношеніи администраціи, такъ и въ отношеніи суда, хотя, какъ мы ниже увидимъ, въ обществѣ уже вѣяло болѣе разумнымъ взглядомъ на значеніе суда и правосудія...

Едва вступилъ Александръ I на престолъ, какъ возстановилъ жалованную грамоту дворянству, городовое положеніе и совѣстный судъ [1]), палаты гражданскаго, и уголовнаго суда [2]) и уничтожилъ основанный Павломъ I, вмѣсто губернскаго магистрата, ратгаузъ [3]) это дало надежду сподвижникамъ Екатерины II, считавшимъ ея реформы только продолженіемъ реформъ Петра I, что и сенатъ получитъ вновь то значеніе, которое дано ему великимъ преобразователемъ.

Градовскій въ своемъ сочиненіи «высшая администрація и т. д.» [4]) мастерскою кистью обрисовалъ характеристику реформъ Александра I. При воцареніи молодого Императора его окружали двѣ партіи: одна состояла изъ вельможъ и государственныхъ людей прежняго времени, екатерининскихъ орловъ: Потоцкій, Трощинскій, Державинъ, Завадовскій, Воронцовъ и вся фаланга людей, украшающихъ лѣтописи нашей литературы и вообще всѣ, принявшіе участіе въ правленіи Екатерины II. Эти люди жили тою жизнію, какою жила вся образованная Россія XVIII столѣтія.

Для нихъ все лучшее, все полезное для государства, связывалось съ великими именами — Петра и Екатерины; органическое развитіе этихъ идей было единственно полезною мѣрою, какую они могли посовѣтовать новому государю. Рядомъ съ ними, прокладывала себѣ дорогу другая пвртія. Она была немногочисленна, но ближе всѣхъ стояла къ престолу, такъ какъ къ ней были личныя симпатіи молодого Императора. Съ напряженнымъ внима-

---

[1]) Указъ 9 сент. 1801 г.
[2]) Тѣмъ же указомъ.
[3]) Тѣмъ же указомъ.
[4]) Стр. 264—280.

ніемъ слѣдила эта партія за постепеннымъ развитіемъ идей, выражавшихся въ книгахъ, брошюрахъ, памфлетахъ, газетахъ и въ событіяхъ—революціи, консульства и имперіи... Ихъ желанія, ихъ задушевныя помышленія группировались подлѣ вопросовъ дѣтей революціи и они стремились участвовать въ ихъ разрѣшеніи. Къ партіи этой принадлежали: Новосильцевъ, Строгоновъ и Кочубей, пользовавшіеся личною дружбою Императора.

Но между этими двумя партіями стояла еще третья, которая, повидимому, небыла близка къ престолу; но которая, между прочимъ, одержала верхъ надъ остальными двумя партіями, дѣйствуя путемъ канцелярскимъ; эта партія была—миръ чиновный, то чиновничество, которое въ приказный періодъ овладѣло и администраціею и судомъ подъ именемъ дьяковъ и подъячихъ; съ реформами же Петра I подъ разными наименованіями—административными и судебными.

Екатерина II сознавала всю силу этой партіи и хотѣла освободить отъ ея деспотизма наше отечество; но какъ ни былъ силенъ ея геній, однакожъ она въ свои собственныя учрежденія—высшія и низшія, внесла тотъ же элементъ—ту же канцелярію, съ ея неизбѣжнымъ формализмомъ, безконечною перепискою; съ тѣмъ же отсутствіемъ единства и законности въ дѣйствіяхъ нетолько разныхъ, но одного и того же вѣдомства. Вотъ почему канцелярская, приказная партія вовсе не хлопотала о томъ: какія формы должны одержать верхъ въ государствѣ—Екатерининская ли, или иныя—европейскія, а ей нужна была власть вообще... На этомъ основаніи, приказная партія дѣйствовала въ духѣ обѣихъ другихъ партій, стоявшихъ у престола и этимъ только можно объяснить то раздвоеніе, которое мы находимъ въ преобразованіяхъ Александра I. А именно: возстановленіе имъ правъ сената и вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіе имъ же министерствъ и государственнаго совѣта. Въ сущности приказная или чиновная партія отъ этого ничего не теряла такъ какъ, и при этихъ новыхъ формахъ, вся власть осталась въ ея рукахъ... Немедленно, по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ далъ сенату указъ: [1]) о сочиненіи имъ особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ, по выраженію указа, для утвержденія ихъ силою закона, на незыблемыхъ основаніяхъ.

---

[1]) 5 іюня 1801 г.

Поэтому поводу возникло много толковъ, много проэктовъ [1]) и между прочимъ возбуждены были вопросы:

1) почему, современъ Петра I, сенатъ не могъ установиться на незыблемыхъ основаніяхъ и прошелъ рядъ колебаній, кончившихся его паденіемъ;

2) что такое былъ сенатъ по мысли Петра;

3) каковы были элементы, заключавшіеся въ немъ;

4) какія историческія и политическія событія вліяли на его преобразованія.

Графу Завадовскому повелѣно было—приготовить докладъ и составить, историческій очеркъ сената, съ тѣмъ, чтобы, на этихъ данныхъ, отыскать средства, для улучшенія этого учрежденія.

Всѣ труды по этому предмету, совсѣми замѣчаніями, были готовы къ 5 августа того же года и меморандумъ сената представленъ на благоусмотрѣніе Императора.

Изъ него видно, что сенатъ просилъ возстановленія своихъ правъ по идеямъ Петра I, и въ подробности излагаетъ исторію своего паденія несмотря на тѣ громадныя заслуги, которыя онъ имѣлъ за собою въ теченіе XVIII вѣка. Замыслы верховнаго тайнаго совѣта и кабинета для униженія сената, записка объясняетъ вліяніемъ злонамѣренныхъ и своекорыстивыхъ совѣтниковъ государей; затѣмъ она говоритъ о востановленіи правъ сената Императрицею Елисаветою; объ униженіи же сената Екатериною II и Павломъ I—меморандумъ умалчиваетъ. За то объ этомъ говоритъ графъ Завадовскій съ большимъ негодованіемъ, при чемъ онъ указываетъ между актами униженія сената и на тѣ обстоятельства, что между имъ и государемъ установлялись посредствующія лица; что единогласіе потеряло свою силу; и что на постановленія сената разрѣшены жалобы въ годовой срокъ. «Вслѣдствіе послѣдняго, говоритъ Заводовскій, рекетмейстеръ, учрежденный отъ государя Петра I, для принятія въ сенатъ прошеній на коллегіи, началъ принимать просьбы на сенатъ и возвышенъ, такъ сказать, въ судію дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу предписывалась очередь теченія дѣлъ, и сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на его дѣла, *по нѣсколько разъ переверщивалъ свои рѣшенія*. Се образъ порабощеннаго сената, о которомъ молчать было *тяжко*, говорить было *бѣдственно!*»

[2]) См. статью Богдановича въ «Вѣстникѣ Европы» т. I, 1866 г. и мемуары разныхъ сенаторовъ и самаго сената въ разныхъ частяхъ чтенія объ ист. и др. Росс.»

Державинъ былъ совершенно иного взгляда: онъ приписывалъ паденію сената то обстоятельство, что многія мѣста и учрежденія перестали ему подчиняться; но, тѣмъ не менѣе, онъ предлагалъ—сосредоточить вновь всю власть въ сенатѣ.

Самъ же сенатъ права свои опредѣлялъ, какъ мѣста верховнаго, нетолько въ отношеніи суда и расправы, но и въ отношеніи администраціи. Первыя права онъ основываетъ на томъ, что законы осуждаютъ и наказываютъ, а за государемъ должно оставаться только право помиловать и простить; вторыя права сенатъ основываетъ на томъ, что если ему неподчинить администрацію, то какъ же будетъ онъ мочь—ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ народа; поэтому онъ требовалъ, чтобы указы его исполнялись, *какъ именные государя указы.*

Для достиженія же своей цѣли, какъ высшаго контролирующаго, охраняющаго и направляющаго начала, сенатъ просилъ: 1) возстановить правила дѣлопроизводства и организацію, установленныя Петромъ I; 2) возстановить единогласіе по его рѣшеніямъ; 3) открыть ему доступъ къ государю; 4) при докладѣ дѣлъ государю, всякій разъ должны присутствовать, по крайней мѣрѣ, 2 сенатора; 5) каждый сенаторъ долженъ имѣть право докладывать государю объ усмотрѣнномъ имъ злоупотребленіи и государственномъ вредѣ.

Къ требованіямъ этимъ враждебно отнеслась партія либеральная и высказала свой взглядъ довольно неблагопріятно въ комитетѣ, находившемся подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ государя.

Законодательная власть, по мнѣнію этой партіи, должна была находиться въ рукахъ народнаго представительнаго учрежденія; администрацію нельзя было довѣрить сенату, такъ какъ онъ могъ препятствовать задуманнымъ этою партіею реформамъ; поэтому она оставляла за сенатомъ только власть судебную, но такъ, чтобы онъ пользовался ею самымъ широкимъ образомъ и, по выраженію доклада Новосильцева, съ полною независимостью отъ опеки прокуроровъ и генералъ-прокурора.

Мнѣніе Новосильцева раздѣлялъ весь комитетъ; но неожиданно государь сталъ на историческую почву и на проектъ комитета возразилъ, что сенатъ всегда былъ охранительнымъ учрежденіемъ, въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова... Юная партія молодой Россіи сильно возражала противъ этого, но тѣмъ не менѣе, 8 сентября 1802 года, докладъ сената былъ утвержденъ въ главныхъ его чертахъ и вошолъ въ составъ указа,

даннаго сенату объ его правахъ и обязанностяхъ [1]). Сенатъ былъ признанъ «верховнымъ мѣстомъ имперіи»: ему подчинены всѣ присутственныя мѣста; онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія. Онъ долженъ — наблюдать за сборомъ податей и расходами штатными; имѣть попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденія общаго спокойствія и тишины, и прекращенія всякихъ противузаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ и д. т.

Казалось бы, что и вся административная власть перешла въ вѣдѣніе сената; но въ тотъ же день, когда подписанъ указъ о правахъ сената, состоялся указъ и объ учрежденіи министерствъ [2]). Предлогомъ къ учрежденію этихъ администраторовъ было то, что, будто бы, востановляются петровскія коллегіи, только въ преобразованномъ видѣ; вотъ почему въ указѣ сказано, «что правительствующій сенатъ имѣетъ должность разсматривать дѣянія министровъ, повсѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять государю докладъ». Но Сперанскій замѣчаетъ, что отчетность эта составляла одну обрядность: потому что министры дѣйствовали большею частью по Высочайшимъ повелѣніямъ, которыя разсматривать сенатъ не имѣлъ права; слѣдовательно эти отчеты быти безполезны; а потому, года черезъ три, и формальность эта уничтожилась. Вмѣстѣ съ этою «обрядностью» уничтожилась послѣдняя тѣнь контролирующей власти сената и административной дѣятельности генералъ-прокурора.

Сенатъ сдѣлался, такимъ образомъ, высшимъ судебнымъ мѣстомъ и въ 1805 году [3]) получилъ окончательное преобразованіе. Онъ раздѣленъ на 9 департаментовъ: изъ нихъ 5 департаментовъ и межевой находились въ Петербургѣ; прочіе — въ Москвѣ.

5 и 6 департаменты были уголовные; 1 — правительственный; остальные — апелляціонные.

Дѣла между департаментами раздѣлялись по губерніямъ: каждому изъ судныхъ департаментовъ подвѣдомы были дѣла нѣсколькихъ губерній. Въ 1808 году уголовные департаменты раздѣлены на самостоятельныя

---

[1]) П. С. З. № 20,405.
[2]) П. С. З. № 20,406.
[3]) Указомъ 8 января 1805 г.

отдѣленія:—уголовное и слѣдственное; въ 1809 году 3-й департаментъ раздѣленъ также на два отдѣленія. Совокупность департаментовъ составляла общее собраніе.

Порядокъ рѣшенія дѣла оставленъ тотъ, который былъ при Екатеринѣ II, т. е., департаменты рѣшали дѣла по единогласію, общее собраніе—большинствомъ голосовъ; отъ рѣшенія дѣла не устранялись и тѣ сенаторы, которые подавали голоса въ департаментахъ. Протесты оберъ прокуроровъ имѣли прежнее значеніе.

Правительственная власть 1 департамента заключалась—въ обнародованіи законовъ и въ разсмотрѣніи жалобъ на губернскія присутственыя мѣста и на министерства. Но министры, по выраженію Сперанскаго, были яко члены сената, поэтому они же и участвовали и участвуютъ нынѣ въ рѣшеніяхъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ заключается жалоба на нихъ же. Способъ правосудія довольно оригинальный, имѣющій послѣдствіемъ своимъ то, что при требованіи единогласія, протестъ или иначе—отзывы министра о томъ, что онъ не согласенъ съ рѣшеніемъ 1-го департамента, служатъ поводомъ къ переносу дѣла въ общее собраніе. Рѣшеніе же послѣдняго можетъ быть также пріостановлено протестомъ оберъ-прокурора или министра юстиціи... [1]) Поэтому съ учрежденіемъ въ 1810 году [2]) государственнаго совѣта, какъ верховнаго совѣщательнаго мѣста въ имперіи, по всѣмъ отраслямъ властей законодательной, *судебной* и исполнительной,—значеніе не только 1-го департамента, но и остальныхъ было на столько ослаблено, что они должны съ того времени считаться—лишь средними судебными инстанціями. Въ особенности же пострадало значеніе 1-го департамента: по жалобамъ частныхъ лицъ, министерства годами не давали объясненій и необращали никакого мниманія на неоднократные, повторительные указы сената; самые факты, въ ихъ объясненіяхъ искажались, сообразно видамъ и цѣлямъ чиновнаго міра, такъ что достиженіе, правосудія въ 1 департаментѣ было какимъ-то миѳомъ. Къ тому, по свидѣтельству знаменитаго Мордвинова, въ министерствахъ вошло въ моду защищать казну во что бы то ни стало; поэтому 1-й департаментъ, не имѣя подлинныхъ дѣлъ и документовъ, вынужденный основывать свои рѣшенія на объясненіяхъ министерства и областныхъ управленій, былъ лишенъ

---

[1]) Указомъ 8 сент. 1802 г. и 6 января 183 г

[2]) Указомъ 1 января 1810 г.

всякой возможности возстановлять порядокъ и нарушенное право частныхъ лицъ. Къ этому привосовокупите еще секретность дѣлопроизводства, единогласность рѣшеній и участіе министра въ постановленіи опредѣленій и картина принимаетъ самый плачевный видъ совершеннѣйшаго неправосудія.

Какъ посредствующее мѣсто между государственнымъ совѣтомъ, общимъ собраніемъ сената и императоромъ назначенъ особый статсъ-секретарь.

Установлено это указами 1802, 1804 и 1810 [1]) годовъ и объявлено что прибѣжище къ императорскому величеству не можетъ быть закрыто; слѣдовательно рѣшенія сената не признаны окончательными. Съ учрежденіемъ же особаго статсъ-секретаря, въ замѣнъ прежняго рекетмейстера, прямо объявлено было, что сенатъ есть инстанція и что отъ заключенія его зависитъ или признать рѣшенія его правильными или—подлежащими пересмотру.

Вышло въ сущности, что положеніе сената осталось такое же—какъ и при Павлѣ I, только теперь, вмѣсто рекетмейстера, жалобы принималъ статсъ-секретарь и вмѣсто непосредственнаго рѣшенія дѣла, оно изъ департаментовъ переносилось въ общія собранія, а изъ этихъ послѣднихъ—въ государственный совѣтъ. Вслѣдствіе этихъ законоположеній, сенатъ потерялъ свою самостоятельносхь и въ сущности сталъ играть такую же роль, какія имѣли коллегіи въ теченіе XVIII вѣка, т. е., онъ сдѣлался посредствующею инстанціею между верховною властью, государственнымъ совѣтомъ и областнымъ управленіемъ—судебнымъ и административнымъ.

Въ отношеніи областной юстиціи я уже говорилъ, что Александръ I возстановилъ судебныя учрежденія въ томъ видѣ, какъ ихъ организовала Екатерина II; но только верхній земскій судъ и верхняя расправа не были возстановлены. Съ 1801 года [2]) палата гражданскаго суда опять составляла особое присутствіе; съ этого времени въ ней засѣдали: предсѣдатель, совѣтникъ и 4 засѣдателя. Предсѣдатель и совѣтникъ опредѣлялись отъ правительства; засѣдатели же опредѣлись по выборамъ: 2 изъ нихъ—отъ дворянства и 2—отъ купечества.

---

[1]) П. С. Зак. №№ 20405, 21350, 24064.
[2]) Указъ 9 сент. 1801 г.

Уголовная палата имѣла тоже устройство. Измѣненія сдѣланы въ ней только слѣдующія: 1) по дѣламъ о преступленіяхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, если обвиняемые приговаривались къ какому нибудь наказанію, то рѣшенія восходили на ревизію въ сенатъ; [1]) 2) тоже самое было и въ дѣлахъ по проступкамъ; но когда кто — либо приговаривался къ лишенію жизни, чести или торговой казни, тогда апелляція не допускалась: [2]) 3) Всѣ рѣшенія приводились въ исполненіе, только по утвержденіи ихъ губернаторомъ; въ противномъ случаѣ дѣло поступало на ревизію въ сенатъ. [3])

Второй указъ особенно страненъ: апелляцію въ сенатъ допускалъ онъ въ менѣе важныхъ случаяхъ и закрывалъ подсудимымъ путь къ правосудію въ болѣе серьозныхъ дѣлахъ. Возникъ этотъ законъ отъ того, что въ дѣлахъ о проступкахъ преслѣдователями являлись частныя лица и незаключали въ себѣ ничего такого, чѣмъ могла бы выражаться власть; между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ сосредоточивалось все значеніе власти. Вотъ почему чиновничество охотно согласилось выпустить изъ рукъ своихъ первыя дѣла и оставило за собою вторыя.

«Въ 1797 году, говоритъ Сперанскій, [4]) недостатки губернскаго управленія были уже примѣтны: разныя были съ того времени сдѣланы исправленія; но самыя сіи исправленія, изъ коихъ многія были сами по себѣ полезны, расторгая единство первоначальнаго состава, влекли за собою важныя неудобства. Такъ напримѣръ: уничтоженіе въ 1797 году генералъ—губернаторовъ, во внутреннихъ, губерніяхъ было, само по себѣ, *полезно*; но какъ званіе сіе одно полагало нѣкоторую связь между полиціею, судомъ и хозяйствомъ въ губерніи, то съ уничтоженіемъ его, связь сія расторглась и мѣста сіи, были оставлены безъ средоточія и скоро впали въ противорѣчіе и нерѣшимыя состязанія. Было три управленія; но не было ни одного общаго начальника губерніи. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ помышляемо было о лучшемъ образованіи губернскаго устройства, но ни въ 1802, ни 1809 г. не было составленнаго на эту часть

---

[1]) Указъ 17 января 1802 г.

[2]) Указъ 23 дек. 1802 г.

[3]) Указъ 4 мая 1803 г.

[4]) См. выписку изъ его «обозрѣнія гражданскихъ установленій стр. 110 соч. *Калачева*: «разборъ сочиненія Андреевскаго и т. д.» 1867 г.

проэкта. Все состояло только въ разныхъ *мысляхъ и первоначальныхъ начертаніяхъ*».

«Около 1817 года, *составленъ былъ* опредѣлительный сему дѣлу планъ, коего главныя черты, *сколько можно изъ бумагъ въ 1821 году сообщенныхъ* [1]) и изъ другихъ соображеній, заключить, состояли въ слѣдующемъ: 1) раздѣлить всю имперію на 12 намѣстничествъ; 2) каждое намѣстничество составить изъ трехъ, четырехъ и болѣе губерній; въ каждомъ намѣстничествѣ составить общее средоточіе главнаго управленія изъ намѣстника и его совѣта; 4) сей совѣтъ, въ маломъ размѣрѣ, долженъ представлять комитетъ министровъ; 5) каждое должно вмѣщать въ себѣ всѣ части высшаго управленія не токмо *судебнаго*, полицейскаго и хозяйственнаго, но и духовнаго и учебнаго; 6) устройство губернскихъ мѣстъ оставить въ настоящемъ его порядкѣ, но въ каждой губерніи учредить губернскій совѣтъ по примѣру намѣстническаго».

«Проэктъ устава, на сихъ главныхъ основаніяхъ начертанный, въ 1821 году былъ, по возможности, исправленъ и соглашенъ съ общимъ государственнымъ управленіемъ; но остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій».

«Между тѣмъ по *словеснымъ* высочайшимъ приказаніямъ въ одномъ изъ таковыхъ *округовъ* нѣкоторыя части этого начертанія приведены были въ дѣйствительное исполненіе».

И такъ, Сперанскій не былъ творцомъ этого проэкта; но однакоже, по возвращеніи его въ Петербургъ, въ 1821 году, онъ работаетъ надъ исправленіемъ этого проэкта и надъ составленіемъ другаго «объ учрежденіи областнаго управленія». Но еще до этого времени проэктъ намѣстничества, безъ разсмотрѣнія его государственнымъ совѣтомъ, былъ введенъ въ дѣйствіе въ томъ округѣ, о которомъ намекаетъ Сперанскій; а именно: 4 ноября 1819 года генералъ-адъютанту Балашову были поручены 5 губерній, [2]) съ тѣмъ, чтобы онъ доказалъ возможность примѣненія на дѣлѣ проэкта о намѣстничествахъ, [3]) котораго копію вручилъ ему *лично* государь, съ приказаніемъ — сообразоваться съ изложенными въ немъ началами, дополненными словесными его наставленіями. Эти наставленія, въ послѣдствіи, Балашовъ излагалъ въ своихъ донесеніяхъ императорамъ—Александру I и Николаю I и по этому эти донесенія объясняютъ

[1]) Эти слова доказываютъ, что первоначальное составленіе проэкта намѣстничества не было дѣломъ его.

[2]) Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская и Тамбовская.

[3]) *Калачовъ* ibid. стр. 46.

вообще взглядъ перваго на предполагавшіяся реформы. Сущность этого взгляда, по духу самого проэкта и свидѣтельствъ Балашова, заключалась въ томъ, «что не нарушая ни одного постановленія существующаго, не отклоняя ни одного лица отъ должности имъ отправляемый, [1]) установить *надзоръ*, который начинался бы въ уѣздѣ и оканчивался намѣстничествомъ. Александръ I въ этомъ случаѣ аргументировалъ свои положенія слѣдующимъ образомъ: „Петръ I, учреждая управленія государствомъ, сосредоточилъ надзоръ за управленіемъ гражданскимъ въ правительствующемъ сенатѣ; надзоръ за сенатомъ онъ установилъ собственно *свой* чрезъ генералъ-прокурора; что Екатерина II, слѣдуя тому же правилу, нашла, что съ протеченіемъ времени и распространеніемъ имперіи, надзоръ этотъ должно было усилить: поэтому, оставляя генералъ-прокурора въ его обязанностяхъ, учредила намѣстниковъ, которымъ вручила надзоръ по губерніямъ, соединяя ихъ по двѣ. Онъ же, идя потому же правилу, находитъ, что съ теченіемъ времени, съ ходомъ просвѣщенія и съ распространеніемъ предѣловъ имперіи, надлежитъ надзоръ этотъ подвергнуть еще вящему распространенію».

Этимъ Александръ I объясняетъ учрежденіе министерствъ и проэктъ учрежденія намѣстничествъ.

Но проэктъ этотъ не у всѣхъ нашолъ сочувствія, потому что въ сущности, онъ доводилъ, по сознанію самого Императора, систему Екатерины II до крайности: вслѣдствіе этого онъ вовсе не соотвѣтствовалъ духу того времени, а скорѣе противорѣчилъ ему.

Это мы видимъ изъ откровеннаго мнѣнія высказаннаго по этому поводу бывшимъ тогда министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ. [2])

Возставая всею силою своею авторитета противъ предоставленія такихъ обширныхъ правъ намѣстникамъ по всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія, министръ развиваетъ мысль о необходимости предоставленія каждому министру, по его вѣдомству, полной самостоятельности, не прерываемой или задерживаемой никакою другою постороннею властью.

При этомъ графъ Гурьевъ излагаетъ и свой проэктъ о правахъ намѣстниковъ, которые также впрочемъ чрезвычайно обширны.

Въ 1821 году, государь велѣлъ Сперанскому исправить проэктъ «о намѣстникахъ,» съ тою только разницею, что послѣдніе должны были

---

[1]) Ibid. стр. 58, 59.

[2]) *Калачовъ* ibid стр. 48—49.

именоваться генералъ-губернаторами. Калачовъ [1]) характеризуетъ чрезвычайно основательно этотъ проэктъ слѣдующимъ образомъ: «нельзя не сознаться, что не смотря на весь талантъ Сперанскаго, высказанныя имъ въ проэктѣ основанія не имѣютъ твердой почвы; почему самыя обязанности, возлагаемыя имъ на главное мѣстное управленіе, не смотря на все желаніе его приурочить это установленіе къ составу министерствъ, не связываютъ его съ ними опредѣленными отношеніями, а напротивъ сами представляются, въ своемъ осуществленіи на практикѣ, случайными, съ характеромъ скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ". Но видно, что самъ Александръ I не вполнѣ сознавалъ крайней необходимости въ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, съ ихъ почти неограниченнымъ надзоромъ: доказывается это, какъ будто бы нерѣшительностію или даже нѣкоторою робостью дѣйствій императора, при осуществленіи проэкта.

Такъ мы видимъ, что хотя Балашовъ увѣряетъ, что императоръ былъ доволенъ его реформами; но однакожъ, когда онъ, вмѣсто словесныхъ приказаній, попросилъ письменныхъ повелѣній о введеніи предполагаемыхъ реформъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ и когда императоръ далъ ему это повелѣніе, въ рескриптѣ 2 марта 1823 года, то государь потомъ не былъ доволенъ Балашовымъ за то, что тотъ донесъ объ этомъ правительствующему сенату.

„Графъ Аракчеевъ, говоритъ Балашовъ, увѣдомилъ меня, что его величество за сіе въ *„неудовольствіи"*. [2])

Въ самомъ рескриптѣ видна какая-то не рѣшительность, какое-то колебаніе, „желая однакоже, говоритъ государь, чтобы перемѣны сіи возъимѣли дѣйствіе не иначе, какъ по самому *зрѣлому убѣжденію въ ихъ истинной пользѣ*, нахожу необходимымъ къ сему приступать постепенно, начавъ съ одной изъ управляемыхъ вами губерній". Явленіе довольно странное... проэктъ не вносится въ государственный совѣтъ, потому что сомнѣваются въ его полезности; между тѣмъ онъ приводится въ исполненіе по *словесному* приказанію; когда же Балашовъ получилъ указъ о томъ и донесъ объ немъ правительствующему сенату, (который могъ и не знать секретныхъ, разговоровъ императора съ генералъ-губернаторомъ), то императоръ изъявляетъ на это свое неудовольствіе.

---

[1]) Ibid стр. 53.

[2]) Донесеніе Балашова императору Николаю I (см. Калачова ibid. стр. 60·)

Хотя мы не имѣемъ историческихъ документовъ, которые бы ясно и опредѣлительно объясняли причину этого колебанія Императора въ принятіи имъ опредѣленной системы управленія государствомъ, но тѣмъ не менѣе есть поводъ полагать, что Александръ I, послѣ ахенскаго конгресса, стоялъ подъ вліяніемъ двухъ партій: одной партіи, требовавшей либеральныхъ реформъ и разразившейся впослѣдствіи декабрскою революціею [1]); другой партіи, во главѣ которой стоялъ Аракчеевъ, видѣвшей вездѣ и во всемъ заговоры, крамолы и требовавшей всеобщей военной диктатуры. Эта-то послѣдняя и покровительствовала проэкту о намѣстникахъ или генералъ-губернаторахъ. Вотъ чѣмъ и объясняется, что чрезъ Аракчеева, въ началѣ 20-хъ годовъ, представлялись всѣ доклады и проэкты по учрежденію губернскаго управленія, такъ что, по свидѣтельству Калачова, на самомъ проэктѣ Сперанскаго 1821 года, Аракчеевымъ сдѣланы карандашемъ замѣтки противъ нѣкоторыхъ статей проэкта [2]).

При такихъ обстоятельствахъ Александра I скончался, въ Таганрогѣ, и 30 декабря 1825 года статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ Балашова, что Государю Императору Николаю I неизвѣстны намѣренія въ бозѣ почивающаго Императора, а потому, чтобы онъ пріостановилъ свои реформы. Затѣмъ разсмотрѣніе бумагъ кабинета Александра было передано комиссіи, извѣстной подъ названіемъ «комитета 6-го декабря 1826 года»; вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было комитету пригласить въ свое присутствіе и Балашова. 4 мая 1827 года комитетъ выслушалъ словесныя его объясненія и разсмотрѣвъ весь проектъ о генералъ-губернаторствѣ, призналъ его несостоятельнымъ и выразилъ это въ слѣдующихъ справедливыхъ словахъ: «твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти». Далѣе комитетъ говоритъ: желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда будутъ поставлены точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда; когда мѣста эти зависѣть будутъ отъ одного центральнаго верховнаго правительства,

---

[1]) См. любопытное письмо Карамзина къ Императору Николаю I въ «Русской Старинѣ» 1870 г.,

[2]) *Калачовъ*, ibid. стр. 60, цит. 1.

которое руководило бы каждаго по одинаковымъ началамъ и такъ сказать единымъ движеніемъ» [1]).

Въ этихъ словахъ видна уже наука и научный взглядъ на администрацію и суда; поэтому неудивительно, что намѣстничество — дитя больного воображенія — равно и генералъ-губернаторство признано было полезнымъ только въ Сибири, на Кавказѣ, Оренбургѣ, Новороссійскомъ и Остзейскомъ краяхъ. Сюда присоединены потомъ губерніи — Московская, Петербургская [2]), малороссійскіе и Западный край. Кромѣ того, комитетъ 6-го декабря разсмотрѣлъ и другіе проэкты, переданные ему изъ бумагъ Императора Александра I, касавшіеся преобразованій губернской администраціи и суда; какъ проэкты, такъ и заключеніе по этому предмету комитета замѣчательны. Изъ его дѣлопроизводства видно, что разновременно ему заявляли разныя лица проэкты, въ которыхъ предполагали возможнымъ осуществить почти всю нынѣшнюю судебную реформу; тоже изъ его журналовъ открывается тогдашній взглядъ высшаго правительства на это дѣло. Вотъ почему предметъ этотъ заслуживаетъ, чтобы мы остановили на немъ свое вниманіе.

Для того же, чтобы не выйти изъ программы настоящаго сочиненія, я коснусь только тѣхъ предметовъ, которые относятся къ учрежденіямъ судебнымъ.

1) Первый проэктъ, разсмотрѣнный комитетомъ, былъ — «*разсужденіе объ учрежденіи губерній*».

Разсужденіе это Калачовъ [3]) приписываетъ статсъ-секретарю Болгарянскому [4]).

Общія черты предложенной имъ реформы суть слѣдующія:

1) Каждое дѣло, какъ гражданское, такъ и уголовное [5]), имѣетъ только двѣ инстанціи: первую, гдѣ дѣло судится въ первой степени, т. е., предварительно, и вторую, гдѣ оно по апелляціи вершится окончательно; каждое второе мѣсто противъ слѣдующаго за нимъ низшаго составляетъ вторую степень или апелляціонный судъ.

---

[1]) Докладъ этотъ Высочайше утвержденъ 8 іюня 1827 года.

[2]) Въ Петербургѣ упразднено въ нынѣшнее царствованіе генералъ-губернаторство.

[3]) См. его разборъ сочиненія Андреевскаго, стр. 71.

[4]) Не бывшій ли ректоръ с.-петербургскаго университета? Отъ человѣка науки неудивительно было и имѣть такой проектъ.

[5]) Суда присяжнаго онъ не допускалъ.

2) Перевершеніе въ третей степени суда дѣлъ рѣшенныхъ въ судѣ второй степени не допускается: «ибо изъ сего происходятъ только волокиты»; вмѣсто этого полагается учредить верховный судъ (судебный сенатъ), которому не судить уже о существѣ тяжбы или судьбѣ подсудимаго по апелляціи; но уничтожить производство въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона къ дѣлу или нарушенія формы и велѣть разсмотрѣть дѣло другому суду (cour de cassation).

3) Никакое судное дѣло не вносится въ государственный совѣтъ.

4) Всѣмъ судамъ—высшимъ и низшимъ—не зависѣть ни отъ какой-либо власти, кромѣ власти судебнаго сената, которому они непосредственно, въ порядкѣ постепенности, подчинены быть должны.

5) Никакое судебное дѣло не вносится на Высочайшее усмотрѣніе, кромѣ уголовныхъ приговоровъ къ лишенію жизни или чести дворянъ; случаевъ оскорбленія Величества и измѣны; случаевъ объ имуществахъ царской фамиліи [1]); случаевъ, въ которыхъ дозволяется Высочайшее помилованіе.

6) Судьи опредѣляются Высочайшею властью *по жизнь* и не иначе могутъ лишиться своихъ мѣстъ, какъ по судебнымъ приговорамъ (inamovibles).

Итакъ, Балугьянскій предлагалъ реформу, близко подходящую къ настоящей, только съ тою разницею, что въ его проектѣ нѣтъ ни мирового суда, ни суда присяжныхъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ этотъ проэктъ, нашолъ, «что порядокъ этотъ едва ли можетъ когда-либо быть [2]) введенъ—какъ по состоянію и самому, по необходимости, недостаточному составу нашихъ губернскихъ судовъ, такъ и по множеству ихъ и отдаленности ихъ отъ столицъ; наконецъ и вообще по трудности установить совершенно новое, почти никому у насъ *неизвѣстное* и лишь однимъ примѣромъ Франціи оправдываемое правило для теченія дѣлъ судныхъ». Вотъ почему комитетъ полагалъ только полезнымъ палеативную мѣру, а именно: соединить нѣсколько палатъ въ одну палату и тоже самое сдѣлать съ уѣздными судами, такъ

---

[1]) Балугьянскій, не смотря на свою либеральность, не можетъ отрѣшиться отъ понятія, что судебной власти слѣдуетъ довѣрять безусловно.

[2]) Чрезъ полъ-вѣка это пророчество оказалось неосновательнымъ. Это доказываетъ, что истина, являющаяся туманною сегодня, чрезъ полъ-вѣка является съ такимъ блескомъ и сіяніемъ, что и слѣпцы прозрѣваютъ.

то палаты должны бы были обнять нѣсколько губерній, а уѣздные суды— нѣсколько уѣздовъ. Затѣмъ комитетъ заканчиваетъ комплиментомъ, что въ трудѣ Балугьянскаго видна *благонамѣренность* и стремленіе къ общей пользѣ, соединенное съ обширными свѣдѣніями—какъ въ отечественномъ, такъ и въ иностранномъ законодательствѣ...

Такимъ образомъ, замѣчательный проектъ Балугьянскаго окончился полученіемъ имъ Высочайшаго благоволенія.

2) *Собственноручная черновая записка* [1]) предсѣдателя государственнаго совѣта, графа Кочубея, подъ заглавіемъ: «не можно ли учредить въ уѣздахъ мирныхъ судовъ (juge de paix)?» Текстъ этой записки слѣдующій:

«Мирные судьи могутъ разбирать всѣ споры и тяжбы, руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формами; но рѣшенія ихъ не должны быть обязательны, развѣ только до нѣкоторой суммы, напримѣръ, когда искъ не превышаетъ 100 руб.

«Всякое дѣло можетъ перейти въ уѣздный судъ, но надобно, чтобы было въ виду, что оно разсматривалось въ мирскомъ судѣ, надобно въ прошеніи всегда упоминать, что дѣло было разбираемо въ мирскомъ судѣ».

Далѣе графъ Кочубей составъ мирского (т. е. мирового) суда опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: для каждаго сословія должны быть собственные судьи: дворяне будутъ избирать изъ дворянъ; купцы назначать судей изъ своего сословія; въ смѣшанныхъ дѣлахъ судьи отъ дворянъ смѣшиваются съ судьями купцовъ и совмѣстно рѣшаютъ дѣло. Для крестьянъ же мировые судьи могутъ быть учреждены при волостяхъ».

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, какъ видно, въ концѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, уже бродили идеи о необходимости народнаго мирового суда; но идеи эти еще невыяснились и смѣшивались еще съ понятіемъ о сословности и скорѣе являлись въ замѣнъ бывшихъ словесныхъ судовъ, чѣмъ въ томъ составѣ, какъ мировой судъ введенъ положеніемъ 20 ноября 1864 года.

3) *Мнѣніе адмирала Мордвинова*, представленное имъ графу Кочубею 2 іюня 1827 года. Мнѣніе это возникло по поводу проэкта Берха, въ которомъ разсматривался вопросъ, что полезнѣе для Россіи: управле-

---

[1]) Годъ ея составленія неизвѣстенъ; но нужно полагать, что составлена она около 1827 г.

ніе ли коллегіальное или министерское. Знаменитый Мордвиновъ, съ свой
ственною ему откровенностью, высказалъ свои мысли по этому предмет
и, между прочимъ, объ отдѣленіи властей— законодательной, исполнител
ной и судебной, говоритъ слѣдующее:

«Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раз
дѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодатель
ная, судебная и исполнительная власти должны, въ упражненіяхъ и дѣя
ніяхъ своихъ, быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обя
занностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ
государственныхъ властей опредѣляютъ *достоинство* правительствъ.
Изъ нихъ *благоустроеннѣйшимъ* можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣ
ста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ никакого ме
жду собою смѣшенія».

Между европейскими державами почитается самымъ худшимъ правлені
турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ
дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ не по приговор
судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своем
произволу. Такое нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительств
сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаев
и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталос
и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ; повсемѣстно же водворилис
дикость, уныніе и нищета. [1]) Нынѣ живутъ пастухи, и гдѣ поучал
платоны и сократы—тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуютс
юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми... Столь пагубно есть см
шеніе властей, предоставленныхъ для созиданія общественнаго и час
наго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ зе
ныхъ!»

Въ этихъ гуманныхъ, патріотическихъ словахъ и мысляхъ государ
ственнаго человѣка, заключается вся теорія государственнаго права в
обще и въ частности— судоустройства и судопроизводства,

Но Мордвинова голосъ стоялъ изолированъ посреди почти всеобща
убѣжденія тогдашнихъ государственныхъ людей, что мудрость правител
ственная заключается лишь въ томъ, чтобы поддержать только
зданіе, которое на пескахъ было построено Екатериною II и Але
сандромъ I-мъ.

---

[1]) Во время владычества тамъ турокъ.

4) *Записка неизвѣстнаго* [1]): «предположеніе о преобразованіяхъ ѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ». Въ проэктѣ этомъ предлагается ввести кружные суды, которые должны быть раздѣлены на 2 отдѣленія: одно ля дѣлъ уголовныхъ и слѣдственныхъ, другое — для дѣлъ спорныхъ; но ля прекращенія тяжебъ, соглашеніемъ спорящихъ и для разрѣшенія маозначущихъ дѣлъ, авторъ предлагаетъ учредить *мировыхъ судей*.

5) *Проектъ Сперанскаго* «учрежденія для *управленія губерній*». Въ той запискѣ и въ проэктѣ Сперанскаго о «намѣстническомъ учрежденіи» брисовывается взглядъ этого государственнаго человѣка на администраію и на судъ. Такъ какъ первая несоставляетъ предмета настоящаго очиненія. то я коснусь только второго.

Баронъ Корфъ, въ жизнеописаніи Сперанскаго, говоритъ, что въ 1826 оду Сперанскій вступилъ съ пути теоріи на путь историческій [2]); но въ тѣхъ документовъ, которые объизслѣдованы нами, вовсе невидно, то бы Сперанстій, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ суда, приближался даже емного къ существовавшимъ уже тогда теоріямъ, и, когда Балугьянкій, Кочубей и Мордвиновъ говорили о новыхъ началахъ суда и распавы, въ это время Сперанскій проэктировалъ чисто палеативныя ѣры.

Такъ въ отношеніи суда онъ предлагалъ:

1) «Устроить надзоръ, давъ ему надлежащую степень власти, который ы, не вмѣшиваясь въ судебныя рѣшенія по существу дѣлъ, разрѣшалъ астныя жалобы на безпорядки и нарушенія формъ въ производствѣ. ругими словами, личное, разсѣянное по всѣмъ мѣстамъ дѣйствіе прокурора и стряпчихъ соединить въ одно постоянное и правильное устаовленіе и поставить его въ *помощь* и содѣйствіе этому главному *судебному* надзору». Для этого надзора Сперанскій проектировалъ составніе общаго судебныхъ мѣстъ присутствія [3]), предсѣдатель котораго лженъ былъ именоваться главнымъ губернскимъ судьею.

2) «Дать болѣе силы и пространства суду совѣстному и учредить для ѣждой губерніи одинъ коммерческій судъ».

---

[1]) По предположенію Калачова авторъ этой записки Малороссъ. Когда она ставлена неизвѣстно; но была въ разсмотрѣніи комитета 6-го декабря 826 г.

[2]) См. выше предисловіе къ настоящему сочиненію стр.

[3]) Изъ палатъ: уголовной и гражданской, совѣстнаго и торговаго суда.

3) «Полицію, хозяйство и судъ въ уѣздѣ сохранить въ томъ видѣ, какъ они были».

4) «Уѣздъ оставить раздѣленными на волости, волости — на селенія. Двѣ степени полагаются въ волости: волостное и сельское; первое называется волостнымъ правленіемъ, второе—сельскою управою.

Сельская управа состоитъ: 1) изъ сельскаго старшины, избираемаго хозяевами домовъ на одинъ годъ; 2) изъ сельскаго міра, который составляютъ всѣ хозяева домовъ, одного сельскаго вѣдомства; 3) изъ десятниковъ, по каждому селенію избираемыхъ, отъ каждыхъ 10 и 25 дворовъ, болѣе или менѣе, не раздробляя селеній. Сельская управа т. е., старшина съ десятниками—вѣдаетъ сельскую полицію; съ міромъ она вѣдаетъ—сельскій судъ, какъ казенное, такъ и сельское хозяйство; дѣла въ ней производятся словесно.

Этотъ проэктъ доказываетъ, что Сперанскій вовсе не стоялъ на теоретической, а скорѣе на исторической почвѣ: общій судъ онъ думаетъ исправить какимъ-то губернскимъ надзоромъ, а только въ отношеніи крестьянъ онъ возстановлялъ древній судъ общины или міра.

Комитетъ, 6 декабря 1826, куда внесенъ былъ и проэктъ Сперанскаго, въ началѣ 1829 года [1]), посвятилъ ему 15 засѣданій и окончательное заключеніе свое далъ 8 января 1830 года.

Комитетъ утвердилъ проэктъ Сперанскаго, но приведеніе въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ было пріостановлено вслѣдствіе сомнѣнія Императора — будутъ ли денежныя средства [2]) и будетъ къ тому ли достаточное число способныхъ людей, для осуществленія этого проэкта [3]).

Но нужно полагать, что не это было причиною, что проэктъ Сперанскаго не былъ осуществленъ; а онъ находилъ антагонистовъ, и въ числѣ ихъ оффиціально выступили двѣ вліятельныя личности, графы—Канкринъ и Закревскій; первый былъ министромъ финансовъ, второй—министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Первый, безъ обиняковъ, откровенно объявилъ въ своемъ протестѣ, что онъ консерваторъ и тѣхъ убѣжденій, что должно:

---

[1]) Въ мартѣ.
[2]) Журналъ комитета 18 дек. 1829 г.
[3]) См. же журналъ 8 января 1830 г.

1) «Неперемѣнять, елико возможно, форму государственныхъ установленій: ибо недостатки существующаго извѣстны, новаго — сокрыты» [1]).

2) Но исправлять существующее, привязывая поправленія къ прежнимъ наименованіямъ и не истреблять ничего историческаго.»

Словомъ, умный и дѣльный финансистъ, въ государственной жизни, оказался Криловскимъ «тришкою»: обрѣжь полы и фалды и поправь локти.

На чемъ же графъ Канкринъ основывался?.. На томъ, что Англія, Пруссія и *Россія* даютъ примѣры исправленіямъ, *безъ сломки* стараго зданія; при томъ, по его мнѣнію, губернское устройство Екатерины II, *лучше выдумать нельзя*...

Но тутъ же почтенный финансистъ впадаетъ въ противорѣчіе самому себѣ, начиная обозрѣвать недостатки тѣхъ учрежденій, лучше которыхъ, по его мнѣнію, выдумать нельзя.

Самые же недостатки этихъ учрежденій заключались въ слѣдующемъ:

а) Обезсиленіе мѣстной власти.

б) Излишество мертвыхъ формъ.

в) Недостатокъ постепенности въ исполненіи и отвѣтственности.

г) Множество безплодной переписки, дѣлъ, вѣдомостей, справокъ, наиболѣе умозрительныхъ и столь огромныхъ, что ихъ читать нельзя.

д) Полицейское утѣсненіе общежитія.

е) Недостатокъ способовъ сношенія правительства съ публикою.

ж) Нѣкоторыя неудобства въ порядкѣ дворянскихъ выборовъ.

з) Множество худо заплаченныхъ чиновниковъ и ежедневное почти умноженіе этого рода налоговъ [2]).

и) Недостатки общаго нашего законодательства.

і) Разные матерьяльные недостатки, требующіе перемѣны.

Всѣ эти недостатки графъ Канкринъ приписываетъ частнымъ *недодѣлкамъ*, многія же изъ нихъ возникли въ нихъ случайно, а *бумажныя деньги* надѣлали то, что оклады жалованья оказались крайне недоста-

[1]) Поэтому правилу не слѣдовало бы ничего новаго предпринимать и жить только прошедшею жизнію. Какимъ педантизмомъ вѣетъ отъ этихъ словъ: словно человѣкъ существо не живое, не мыслящее и стоящее неподвижно въ своей частной и общественной жизни.

[2]) Графъ деликатничаетъ и говоритъ обиняками о томъ, что чиновничество брало съ живого и мертваго.

точными. Болѣе же всего Канкринъ боялся, вслѣдствіе реформъ, *сильныхъ потрясеній*.

Въ проэктѣ же Сперанскаго онъ находитъ перевѣсъ *демократическаго* элемента; впрочемъ графъ торопится извиниться и оговориться, что онъ это слово употребилъ не *въ дурномъ смыслѣ*.

Впрочемъ въ отношеніи администраціи взглядъ Канкрина довольно вѣрный, что, вмѣсто исправленія ея формъ, Сперанскій ихъ усложнилъ; но такъ какъ это не нашъ предметъ, то мы переходимъ къ мыслямъ бывшаго министра финансовъ о судѣ.

По его мнѣнію:

1) «Польза коммерческихъ судовъ *въ каждой губерніи*, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ была сомнительна; лучше же устроить ихъ постепенно». Съ этимъ нельзя несогласиться: прежде нужно было создать торговлю, которая у насъ была тогда слабо развита, а потомъ нужно было думать о коммерческихъ судахъ.

2) «Улучшить содержаніе чиновниковъ».

3) «Дать дворянскимъ выборамъ такое устройство, чтобъ уѣздные судьи и чиновники земской полиціи не такъ часто мѣнялись».

Сперанскій, какъ видно, разсердился за этотъ отзывъ Канкрина и представилъ противъ него возраженіе, въ которомъ онъ доказывалъ, что въ его проэктѣ нѣтъ ничего, напоминающаго даже то, что графъ называетъ *испроверженіемъ* коренныхъ государственныхъ установленій... А что онъ вѣроятно былъ сердитъ на Канкрина, то это доказывается встрѣчающимся въ его отвѣтѣ выраженіи: «министръ финансовъ, какъ изъ самыхъ его замѣчаній видно, *не твердъ* въ силѣ и подробностяхъ нынѣшняго губернскаго учрежденія». Съ однимъ, однакоже, нельзя не согласиться съ Сперанскимъ, что въ проектѣ его учрежденій было на столько демократизма, на сколько и либерализма.

Графа Закревскаго опроверженіе, хотя не отличается рѣзкостью тона, но, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ счелъ долгомъ обидѣться за то, что проектъ Сперанскаго обозвалъ губернскія правленія—губернаторскими *канцеляріями*. «Губернское правленіе, говоритъ онъ, не есть канцелярія губернатора, безмолвно исполняющаая его приказанія, а всякое рѣшеніе губернатора, учиненное вопреки мнѣнія совѣтниковъ, подвергается *уваженію высшаго начальства* [1]) для утвержденія, исправленія или отмѣны»...

[1]) т. е. Министра внутреннихъ дѣлъ. Трудно было и проэктировать реформы, гдѣ каждый министръ предложенную мѣру исправленія недостатка принималъ за личное оскорбленіе.

Оскорбившись, такимъ образомъ, Закревскій нападаетъ и на тѣ стороны проэкта, которые были разумны, по своимъ основаніямъ. Такъ онъ доказываетъ неосновательность требованія Сперанскаго: 1) чтобы уничтожить прокурорскій надзоръ, который въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ, не имѣлъ дѣйствительно, никакого смысла; 2) чтобы уголовная палата окончательно не рѣшала дѣла о преступленіяхъ, по которымъ обвиняемый осуждается къ торговой казни и каторжной работѣ, или по которымъ 10 человѣкъ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ, осуждаются къ тѣлесному наказанію; 3) чтобы устроить сельскія управы и сельскій судъ.

Въ одномъ отношеніи былъ правъ министръ внутреннихъ дѣлъ, что мѣры, предложенныя Сперанскимъ, — какъ мѣры палеативныя, едвали улучшили бы надзоръ и уголовную юстицію; замѣчаніе же его, что сельскіе суды, учрежденные, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, еще въ 1797 году, будто бы непринесли никакой пользы, явно вызвано однимъ духомъ противорѣчія.

Но замѣчательнѣе всего окончательный выводъ Закревскаго: «Долговременное, говоритъ онъ, и благотворное существованіе губернскихъ учрежденій усвоило его въ *любви* народной и произвело, то, что самые поселяне знаютъ всѣ постановленія, въ немъ заключающіяся, и *удобно снискиваютъ себѣ правосудіе*, и нѣтъ прямой необходимости отмѣнять сіе учрежденіе и вводить новое, мѣняя такимъ образомъ *благо*, уже испытанное, на пользу еще ожидаемую».

Подобной оффиціальной лжи намъ впервые случается читать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о государственныхъ нуждахъ и общественномъ благѣ. Этотъ замѣчательный документъ писанъ въ Гельсингфорсѣ 18-го августа 1831 года. Дѣйствительно, съ такими личностями и взглядами трудно было бороться и слѣдуетъ удивляться, какъ еще Балугьянскій имѣлъ мужество предлагать болѣе либеральныя реформы, чѣмъ даже самъ Сперанскій. Вмѣсто благоволенія, его слѣдовало бы посадить въ крѣпость: потому что, если въ невинномъ проэктѣ Сперанскаго доискивались *ниспроверженія* существующаго порядка и демократизма, то его проектъ былъ уже явнымъ возстаніемъ и бунтомъ. Но изъ всѣхъ государственныхъ людей того времени, одинъ только безсмертный Мордвиновъ откровенно говорилъ, что думалъ и честно высказывалъ свои убѣжденія, которыя сдѣлали бы честь и первому министру Англіи.

Сперанскій же, какъ видно изъ предшествовавшаго его проекта и изъ проекта его «о намѣстничествѣ» хлопоталъ только о томъ, чтобы все

государство распредѣлить на округа или намѣстничества и каждому дать почти полную административную и судебную автономію. Въ этомъ состоитъ вся сущность его проэкта и недостатокъ его заключается въ томъ, что въ немъ не уяснена та связь, которая должна существовать между провинціальными и государственными центральными учрежденіями. Вотъ чѣмъ и объясняется, почему его современники (въ томъ числѣ и Канкринъ) видѣли въ его проектѣ нововведеніе и ослабленіе высшаго правительства; такъ какъ съ глазъ ихъ исчезала та централизація, къ которой они привыкли. Сперанскій же, съ своей точки зрѣнія, ненаходя въ своемъ проектѣ ничего, измѣняющаго внутренній провинціальный судъ и администрацію, негодовалъ на своихъ противниковъ, тѣмъ болѣе, что проекты его оставлены безъ послѣдствій, несмотря на то, что основанія перваго получили уже Высочайшее утвержденіе.

Тотъ же антагонизмъ встрѣтилъ болѣе либеральный и болѣе смѣлый преемникъ Сперанскаго, графъ Блудовъ; но какъ мы видѣли изъ *предисловія* настоящаго сочиненія, труды его неостались безплодны: составленные имъ проекты служили главными началами *основныхъ положеній* судебной реформы въ Россіи.

Что же тормозило и дѣло Сперанскаго и дѣло графа Блудова?.. Единственный отвѣтъ: *чиновничество*.

Я уже говорилъ въ одномъ мѣстѣ [1]), что если *мѣстничество* пало [2]), то вовсе не вслѣдствіе противудѣйствія приказнаго начала; а вслѣдствіе того, что въ XVII вѣкѣ служивое сословіе, укрѣпившись въ провинціяхъ, какъ сословіе помѣщиковъ, перестало гоняться за службою и что хотя, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, мѣстничество пало, но во главѣ правительства все же стояло именитое дворянство. Поэтому приказное начало, которое вездѣ проникало какъ второстепенное сословіе, но влавствовавшее неограниченно именемъ мѣстничества, потерявъ, съ уничтоже-

---

[1]) См. выше главу «О выборномъ началѣ».

[2]) См. «О мѣстничествѣ»—*Ѳ. Корецкаго*, ст. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1815 г. *М. Погодина*, т. III, «Свидѣтельство о мѣстничествѣ за долго до Іоанна III; статья пом. въ «Москвитянинѣ», 1843 г., № 1, *С. Соловьева* — о мѣстничествѣ; *Д. Валуева*—въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 г., *Зернина*—«Изслѣдованія о мѣстничествѣ», М. 1845 г. *Калачева* — «Судьба мѣстничества преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ». «Арх. Ист. Юр. свѣдѣній», к. 3, 1861. Мѣстничество уничтожено указомъ 12 января 1682 г. (Пол. Соб. Зак. № 905).

ніемъ послѣдняго, послѣднюю точку своей существенной опоры, при Петрѣ I нашло себѣ возрожденіе въ табели о рангахъ, изданнаго 24-го января 1722 г. [1]). Указомъ этимъ каждой должности усвоенъ соотвѣтственный чинъ. Но въ томъ же году Петръ I-й повелѣлъ сенату производить въ чины только до коллежскаго совѣтника; съ этого же чина иначе непроизводить, какъ посредствомъ баллотировки [2]). Это мѣстничество, только не въ сферѣ аристократизма, а въ сословіи чиновномъ, созданное великимъ реформаторомъ, для ослабленія стараго дворянства, было соблюдаемо не всегда въ точности его преемниками; но при Александрѣ I-мъ оно обратилось въ политическій догматъ и закономъ 20 ноября 1835 года оно окончательно получило обязательность.

Пріобрѣвъ, такимъ образомъ, исключительное право на власть по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, чиновничество опутало всѣ государственныя учрежденія—какъ высшія, такъ и низшія—такими формами, обрядами и перепиской, что по самому вздорному дѣлу исписывались цѣлыя стопы бумагъ.

Растаться же съ этимъ порядкомъ, значило—обречь себя на самоубійство; поэтому, какъ я имѣлъ ужь случай сказать [3]), и настоящая судебная реформа не увидѣла бы своего конца, если бы не непосредственная иниціатива Государя Императора.

Уставы 20 ноября 1864 года были послѣдствіемъ задуманной еще графомъ Блудовымъ реформы и они положили прочное начало новому порядку вещей, на самыхъ широкихъ либеральныхъ и разумныхъ началахъ. Начала эти суть:

1) Отдѣленіе судебной власти отъ властей административной и законодательной. Но этому великому началу много мѣшаетъ то обстоятельство, что власть эта не едина и что она распадается—на гражданскую и военную;

2) Самостоятельность и независимость суда достаточно гарантированы, на первый разъ, формами назначенія и увольненія судей;

3) Идея отдѣленія гражданскихъ судовъ отъ уголовныхъ проведена такъ искустно въ общихъ судахъ, что они въ совокупности составляютъ одну и ту же власть, и самое проявленіе ихъ есть только проявленіе раз-

---

[1]) Пол. Соб. Зак. № 3890; табель о рангахъ была нѣсколько измѣнена указомъ 7 мая 1724 г. (№ 500).

[2]) Указъ 27 апрѣля 1722 (№ 3978).

[3]) Въ предисловіи.

личныхъ функцій однимъ и тѣмъ же судомъ. Такъ, верховная судебная власть сосредоточивается въ правительствующемъ сенатѣ: гражданская — въ гражданскомъ его департаментѣ; уговная — въ уголовномъ. Судебныя палаты составляютъ вторую низшую ступень и раздѣляются на 2 отдѣленія: въ гражданскомъ вѣдаются дѣла гражданскія; въ уголовномъ — уголовныя. Окружные суды, смотря по количеству дѣлъ распадаются также на нѣсколько отдѣленій. Въ провинціяхъ, обыкновенно, ихъ 2—гражданское и уголовное. Въ Петербургѣ ихъ 6: 3 гражданскихъ и 3 уголовныхъ.

Въ мировомъ же судѣ гражданскія и уголовныя дѣла сосредоточены въ 1-й степени въ единоличномъ судѣ мирового судьи, а въ апелляціонномъ порядкѣ—въ одномъ мировомъ съѣздѣ. Въ отношеніи же кассаціи, дѣла мировыхъ учрежденій подлежатъ вѣдѣнію сената: по дѣламъ гражданскимъ — гражданскому его департаменту; по дѣламъ уголовнымъ — уголовному.

Этотъ историческій очеркъ развитія судебныхъ учрежденій въ Россіи доказываетъ, какъ медленъ прогрессъ идеи вообще и въ частности—общественныхъ формъ: тысячу лѣтъ нужно было тяжолой борьбы, народныхъ испытаній и страданій, чтобы выработать нѣсколько принциповъ и провести ихъ жизнь... И къ прискорбію, не только исторія нашего отечества, но и исторія другихъ европейскихъ государствъ (за исключеніемъ Англіи) представляетъ тѣ же самыя явленія, лишь съ тою разницею, что одни европейскіе народы опередили другія только на какой нибудь полвѣка... Но замѣчательно при этомъ одно, что у всѣхъ европейскихъ народовъ медленность прогресса общественныхъ формъ имѣла одну и ту же причину—преобладаніе идеи о государствѣ надъ идеею народной индивидуальности и въ идеализаціи силы—въ лицѣ главы государства. Съ паденіемъ же этихъ теорій и съ возстановленіемъ правъ народа, естественно и общественныя учрежденія должны были принять формы народныя и сдѣлаться выраженіемъ коллективной власти націй, для удовлетворенія ихъ же матеріальныхъ, нравственныхъ и духовныхъ потребностей.

Какъ не проста эта идея сама по себѣ, но, въ историческомъ развитіи человѣчества, она претерпивала такія гоненія, что нужно было для Европейскихъ народовъ цѣлое тысячелѣтіе, чтобы выйти на путь, на которомъ каждый изъ нихъ находился въ древности, при первобытныхъ своихъ общественныхъ формахъ. Такимъ образомъ, развитіе общественныхъ учрежденій имѣетъ какъ будто бы свойство регрессивное. Но это

такъ кажется съ перваго взгляда, если же мы вникнемъ глубже въ предметъ, то убѣдимся, что, напротивъ того, самыя колебанія въ сферѣ народныхъ правъ и ихъ утѣсненіе вызывались тѣмъ, что народы, въ ихъ младенчествѣ, несознаютъ, съ достаточною ясностью, ни своихъ нуждъ ни потребностей, и что къ этому самосознанію они приходятъ только тогда, когда они стоятъ ужь на довольно высокой степени цивилизаціи. Явленіе это въ высшей степени прискорбно; но тѣмъ не менѣе это фактъ котораго не можетъ отвергнутъ ни исторія, ни юридическая литература [1]).

Библіотека

Конецъ первой части I. Тома.

[1]) О судахъ—верховныхъ, чрезвычайныхъ, духовныхъ и административныхъ, я вынужденъ, по обширности предмета, печатать особой главой во *второй* части I-го тома настоящаго сочиненія.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
9	10	разъедины	разъединены
14	6	напипать	написать
18	29	разадъ	разладъ
33	17	унѣренное	умѣренное
37	17	обсолютизна	абсолютизма
40	1 и 2	Само собою разумѣется.	Оттсюда вытекаетъ то
11	17	Но само собою разумѣется	При такомъ же развитіи,
55	34	еаконы	законы
11	35	тогда власть	и когда властью
57	1	24 сентября	29 сентября
83	2 цитаты 1-й	банкировъ	банкротовъ
104	22	возникнуть, 1.) если бы	возникнуть: 1.) если бы
105	25	судмьяъ	судьямъ
152	24	сціцеальнаго	спеціальнаго
152	9	анахронизмъ	анохронизмъ
170	1 Цитата	Желтухинъ	(отнести нужно къ страниц. 171, гдѣ говорится «*одинъ членъ* и т. д.»
187	33	на рѣшенія протестъ	протестъ на рѣшенія.
201	27 и 28	само собою разумѣется	по этимъ основаніямъ
218	3 1-й Цитатъ	имъ	мнѣ
270	2	правосудія и истины	правосудію и истинѣ
239	21	или что профессорская	что профессорская
11	31	10	12
11	34	10	12
243	2	движимую	недвижимую
252	13	время	времени
443	18	рептарскій	рейтарскій
460	33	составъ	уставъ
463	26	полагала	военному суду, полагала
465	9	судопроизводство	судоустройство
475	3	цѣль	цѣпь
483	6	судами	дѣлами